ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ VIII И IX
ВѢКОВЪ

1

1914

ПИБ

ХР. М. ЛОПАРЕВЪ

ГРЕЧЕСКІЯ ЖИТІЯ

СВЯТЫХЪ VIII и IX ВѢКОВЪ

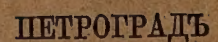
ОПЫТЪ НАУЧНОЙ КЛАССИФИКАЦІИ ПАМЯТНИКОВЪ АГІОГРАФІИ СЪ ОБЗОРОМЪ ИХЪ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ

ЧАСТЬ I

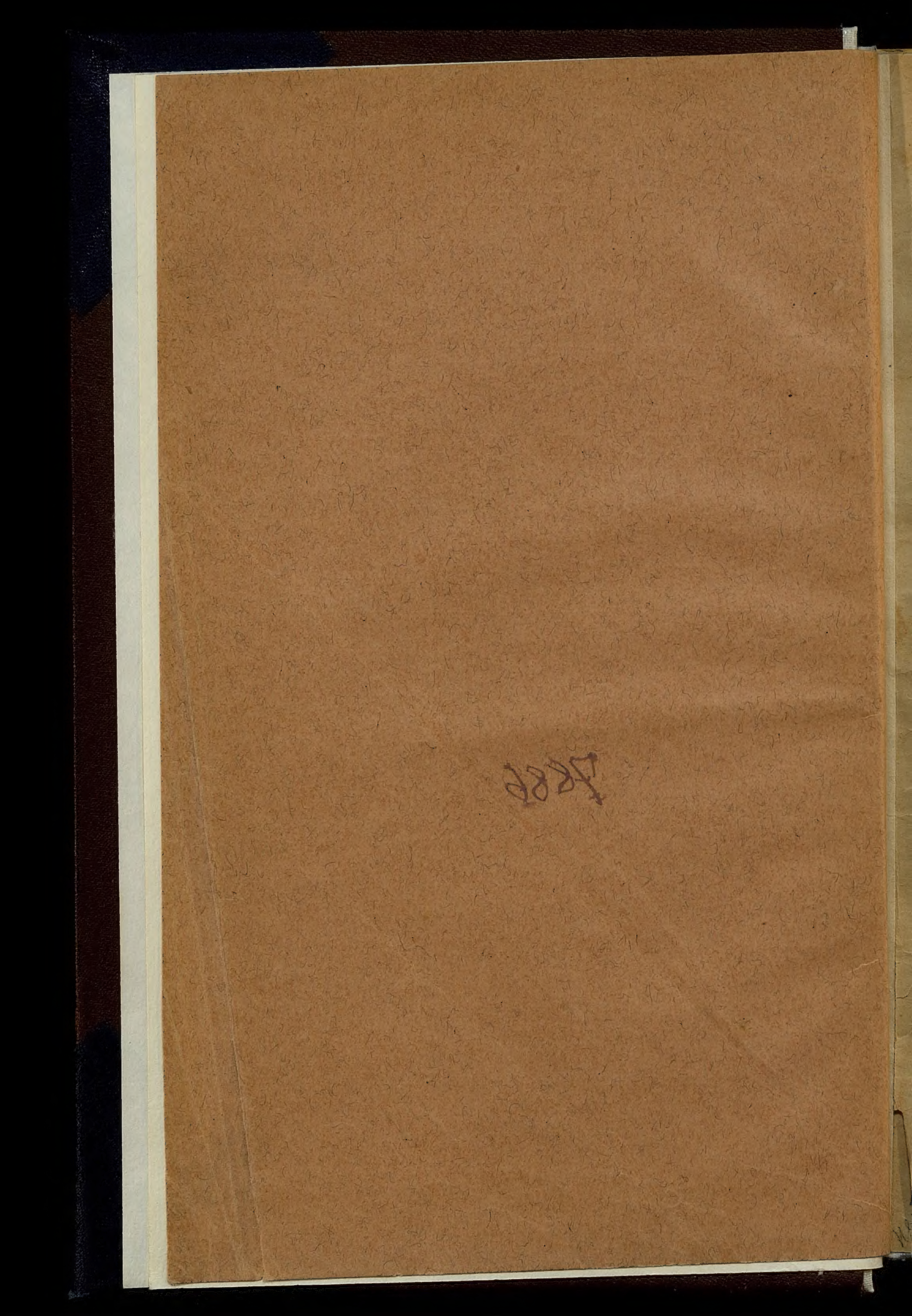
Современныя житія

Ταῦτά σοι παρ' ἡμῶν καὶ εἰ μὴ κατ' ἀξίαν, ἀλλ' οὖν κατὰ δύναμιν.

Quoniam non potest id fieri quod vis, id velis quod possis.

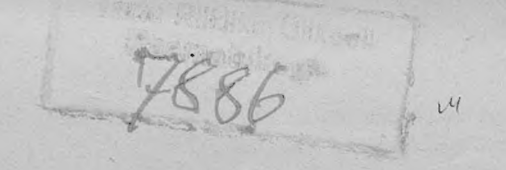


ПЕТРОГРАДЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Вас. Остр., 9 лин., № 12
1914



ГРЕЧЕСКІЯ ЖИТІЯ

СВЯТЫХЪ VIII и IX ВѢКОВЪ.



ХР. М. ЛОПАРЕВЪ

ГРЕЧЕСКІЯ ЖИТІЯ

СВЯТЫХЪ VIII и IX ВѢКОВЪ

ОПЫТЪ НАУЧНОЙ КЛАССИФИКАЦІИ ПАМЯТНИКОВЪ АГІОГРАФІИ

СЪ ОБЗОРОМЪ ИХЪ

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ

ЧАСТЬ I

Современныя житія

Ταῦτά σοι παρ' ἡμῶν καὶ εἰ μὴ κατ' ἀξίαν, ἀλλ' οὖν κατὰ δύναμιν.

Quoniam non potest id fieri quod vis, id velis quod possis.

ПЕТРОГРАДЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Вас. Остр., 9 лин., № 12
1914

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Сентябрь 1914 г. За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ *К. Залеманъ*.

(Отдѣльный оттискъ изъ XVII, XVIII и XIX тт. Византійскаго Временника 1911, 1913 и 1914 гг.).

ΜΙΑι ΑΓΙΑι ΚΑΘΟΛΙΚΗι ΚΑΙ ΑΠΟΣΤΟΛΙΚΗι ΕΚΚΛΗΣΙΑι

ταπεινῶς ἀφιέρωται

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Сентябрь 1914 г. За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ *К. Залеманъ*.

ΜΙΑι ΑΓΙΑι ΚΑΘΟΛΙΚΗι ΚΑΙ ΑΠΟΣΤΟΛΙΚΗι ΕΚΚΛΗΣΙΑι

ταπεινῶς ἀφιέρωται

Мысль проф. В. Гр. Васильевскаго въ 1887 г. о желательности разсмотрѣнія для диссертаціи всѣхъ византійскихъ житій святыхъ иконоборческаго періода, горячо нами принятая, но можетъ быть не достаточно понятая, въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ подверглась значительному измѣненію.

По мѣрѣ углубленія въ агіографическую литературу за указанный періодъ, мы пришли къ выводу, что она въ своей совокупности не представляетъ чего-либо особенно цѣннаго, что она слишкомъ бѣдна, чтобы могла дать достаточно матеріала для ученой работы въ области всеобщей исторіи. Намъ казалось, что для изученія иконоборческаго вопроса, о которомъ всѣ историческіе труды неизмѣнно говорятъ какъ о явленіи во многихъ отношеніяхъ неясномъ, мало данныхъ даже въ византійской, западной и восточной литературахъ, вмѣстѣ взятыхъ, тѣмъ болѣе не достаточно лишь въ одномъ отдѣлѣ первой.

Придя къ такому неутѣшительному выводу, мы раздвинули рамки и вмѣсто эпохи 726—842 гг. критически обозрѣли агіографическую литературу за полные два столѣтія, за VIII и IX вѣка, сдѣлавъ попытку и предложивъ будущимъ работникамъ въ этой области подобнымъ же образомъ обозрѣть всю византійскую агіографію. Откровенно признаемся: этотъ путь для насъ былъ очень утомителенъ; но разъ начало сдѣлано, работа будущихъ изслѣдователей будетъ гораздо болѣе продуктивною.

При разсмотрѣніи агіографической литературы какъ источника для византійской исторіи мы осмѣлились подойти къ житіямъ святыхъ не въ качествѣ поучающагося читателя, а въ качествѣ трезваго аналитика житійскаго содержанія: мы доискивались, когда, гдѣ и кѣмъ житіе было написано, что представляла изъ себя личность агіографа и насколько свѣдѣнія его заслуживаютъ довѣрія; мы разсматривали святыхъ VIII и IX столѣтій не какъ святыхъ, внѣ времени и про-

странства, не какъ предметъ для подражанія, а какъ почтенныхъ дѣятелей современной эпохи, не скрывая ихъ слабостей, если таковыя можно было въ нихъ увидѣть; мы разсматривали самыя житія ихъ не какъ предметъ для душеспасенія, а трактовали ихъ какъ біографіи чѣмъ-либо замѣчательныхъ современниковъ, чѣмъ-либо извѣстныхъ дѣятелей въ области церковной или свѣтской; словомъ мы хотѣли показать, какъ надо научнымъ образомъ разсматривать житійную литературу.

При такомъ взглядѣ на предметъ мы должны были оцѣнивать то или другое житіе на основаніи главнымъ образомъ только одного его, вотъ почему читатель не найдетъ въ книгѣ безчисленныхъ примѣчаній, которыми блещутъ всѣ новыя работы на ученыя степени и которыя довольно часто имѣютъ второстепенную цѣну — библіографическаго аксессуара. Мы не послѣдовали соблазнительному пріему оцѣнивать житіе при посредствѣ хронографической и всякой другой литературы, полагая, что анналистика должна быть также разсмотрѣна сама въ себѣ, прежде нежели она займетъ мѣсто провѣреннаго источника для исторіи. На сколько такое соображеніе правильно, приговоръ произнесетъ ученая критика.

Настоящее сочиненіе состоитъ изъ четырехъ частей. Вслѣдъ за Современною Агіографіею во второй части идетъ Эпоха Метафраста, въ третьей — Агіографія Минейно-Синаксарная и въ четвертой — Поздняя Византійско-Греческая Житійная Литература.

Не имѣя права на снисходительность ученой критики, мы просимъ читателя отнестись къ книгѣ только съ тѣмъ безпристрастіемъ, съ какимъ самъ авторъ писалъ ее во всѣ лучшіе годы своей жизни.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ выразить искреннюю благодарность Императорской Академіи Наукъ и Императорскому Православному Палестинскому Обществу за возможность личнаго обозрѣнія рукописей нѣкоторыхъ западно-европейскихъ библіотекъ, вице-президенту первой П. В. Никитину и библіотекарю Петроградскаго университета М. И. Кудряшеву за облегченіе намъ иногда пользованія рукописною и печатною литературою, а редакціи «Византійскаго Временника» — за напечатаніе книги въ ея органѣ.

Петроградъ, августъ 1914.

Указатель житій святыхъ.

† означаетъ, что современнаго житія святого пока не найдено.
* означаетъ, что житіе святого не издано и имъ мы не могли пользоваться.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе [1]).

Одною изъ главныхъ отраслей церковной письменности является агіографія (святописаніе), т. е. произведенія, написанныя почти исключительно духовными лицами въ память, похвалу и честь святыхъ. Подъ этими произведеніями разумѣются или прозаическія сочиненія, какъ-то: мученичества, житія святыхъ и похвальныя слова имъ, или поэтическія, напр. службы, каноны и другія пѣснопѣнія. Мы останавливаемся на прозаическихъ памятникахъ главнымъ образомъ потому, что они являются наиболѣе полными выразителями біографій святыхъ, тогда какъ напр. службы историко-біографическаго матеріала уже не имѣютъ, содержа часто лишь одни неясные намеки, которые не рѣдко

---

1) Изъ обширной агіологической литературы назовемъ здѣсь: a) Tillemont, Mémoires pour servir à l'histoire ecclésiastique des six premiers siècles (пять первыхъ томовъ), 1694 sq.; b) Dom Pitra, Études sur la collection des Actes des saints, Paris 1850; c) M. de Rossi, Bulletino di archeologia cristiana, 1863—884 и сл.; d) Rossi, La Roma soterranea cristiana, Roma 1864—1877, 3 тома; e) B. Aubé, Les chrétiens dans l'empire romain de la fin des Antonins au milieu du troisième siècle, Paris 1881; f) Le Blant, Les actes des martyrs, Paris 1882 (въ Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles — Lettres, XXX part. 2); g) Le Blant, Les Acta martyrum et leurs sources (въ Nouvelle Revue historique de droit français et étranger, 1879 p. 463—469); h) Aubé, Histoire des persécutions de l'église jusqu'à la fin des Antonins, Paris 1875; i) P. Allard, Histoire des persécutions pendant les deux premiers siècles d'après les documents archéologiques, Paris 1885; j) Backhouse et Tylor, L'eglise primitive jusqu'a la mort de Constantin, trad. de l'anglais par P. de Félice, Paris 1886; k) архиеп. Сергій (Владимірскій), Полный мѣсяцесловъ Востока, Владиміръ 1901, т. I (первое изданіе: М. 1875), съ обозрѣніемъ литературы; l) «Studi e testi», римское изданіе; m) «Römische Quartalschrift»; n) Harnack'ово изданіе «Texte und Untersuchungen»; o) H. Delehaye, Les légendes hagîographiques, 2-e éd. Bruxelles 190[illegible].

можно истолковать въ разныхъ смыслахъ. Читатель напр. мученичества Саввинскихъ мучениковъ, составленнаго современникомъ, найдетъ много историческаго матеріала; но если онъ обратится къ гимну того-же автора объ этихъ мученикахъ, онъ не найдетъ ничего — ни мѣста страданія, ни даже именъ ихъ.

Агіографія, какъ особый родъ литературы, имѣетъ свою исторію въ связи съ ходомъ исторіи христіанства. Послѣднее сначала подвергалось преслѣдованіямъ со стороны римскихъ императоровъ и ревностные прозелиты умирали мученическою смертью: явились мученичества; потомъ, когда со временъ Константина Великаго христіанство было объявлено господствующею религіею, когда преслѣдованія окончились и когда святые люди умирали естественною смертью, — память о нихъ воплотилась въ житіяхъ. Μαρτύρια (Acta, Passiones, или Gesta martyrum) и Βίοι (Vitae) — вотъ два главныхъ вида греческой агіографіи, о которыхъ мы и намѣрены здѣсь говорить.

a) Μαρτύρια (Acta).

Первые вѣка христіанской эры, какъ извѣстно, были эпохою многихъ и лютыхъ гоненій на христіанъ. Прозелиты мужественно исповѣдывали имя Христово и, не смотря на мучительныя пытки, смѣло глядѣли въ лице смерти. Съ 64 года, со времени преслѣдованія Нерона, говоритъ Allard, до 313 года, даты Миланскаго эдикта, протекло 249 лѣтъ; церковь провела 6 лѣтъ страданій въ первомъ вѣкѣ, 86 во второмъ, 24 въ третьемъ и 13 въ началѣ четвертаго, а находилась въ покоѣ 120 лѣтъ, изъ которыхъ 28 въ первомъ вѣкѣ, 5 во второмъ и 76 въ третьемъ.

Первымъ св. мученикомъ считается обыкновенно архидіаконъ Стефанъ (πρωτομάρτυς). Иногда византійскіе писатели подымаются выше и первымъ мученикомъ считаютъ св. Іоанна Крестителя: напр. Стефанъ Савваитъ называетъ Предтечу μάρτυς καὶ μαρτύρων ὁ πρῶτος[1]); однако это не совсѣмъ точно: мучениками мы называемъ исповѣдниковъ вѣры, положившихъ животъ свой за истину Бога, а не только исповѣдниковъ нравственности, какимъ былъ по преимуществу св. Іоаннъ какъ мученикъ.

---

1) AA. SS. Boll. мартъ, III, § 67.

Юная христіанская община, оплакавъ кончину одного изъ 70 апостоловъ, надо полагать, прежде всего занесла въ свою памятную книгу это имя; и съ того времени ежегодно 27 декабря въ молитвенномъ единеніи воспоминала св. Стефана и въ памяти и въ воспоминаніи о дѣятельности его почерпала новыя силы къ укрѣпленію и утвержденію вѣры.

Ближайшіе свидѣтели мученической кончины членовъ христіанской общины и въ послѣдующее время все заносили и заносили имена новыхъ мучениковъ и день ихъ кончины: памятная книга отдѣльныхъ провинцій все разросталась.

Съ теченіемъ времени, какъ естественный шагъ, для нуждъ христіанской общины явилась необходимость имѣть общій календарь съ именами всѣхъ мучениковъ, пострадавшихъ на обширной территоріи Римской имперіи. И число этихъ мучениковъ къ IV вѣку разрослось настолько, что въ календарѣ не оказалось ни одного дня безъ памятей мучениковъ.

Но ранѣе того какъ христіанская религія уже объединила обѣ части Римской имперіи, не сохранилось ни одного такого календаря; старѣйшіе изъ нихъ, Сирійскій и Псевдіоеронимовъ мартирологи, относятся лишь къ V вѣку.

Рядомъ съ голою отмѣткою имени одного мученика писалось иногда μαρτύριον другого, особенно въ томъ случаѣ, когда при казни присутствовалъ какой-нибудь тайный христіанинъ, который нерѣдко и уносилъ тѣло мученика въ сокровенное мѣсто. Конечно, среди бивуачной жизни христіане въ своихъ μαρτύρια не могли преслѣдовать какихъ либо литературныхъ цѣлей. Написанныя наспѣхъ, эти μαρτύρια не отличались должною правильностью рѣчи и въ сущности давали очень мало историческихъ чертъ по сравненію съ краткими календарными отмѣтками: главнѣйшимъ придаткомъ является здѣсь имя императора, епарха, анѳипата или префекта и т. д., при которыхъ пострадалъ мученикъ. Но какъ ни слабы были эти μαρτύρια въ литературномъ отношеніи, они тщательно сохранялись, ибо христіанская община хотѣла прежде всего читать или слушать только память мученика, совсѣмъ не обращая вниманія на ея литературную форму.

Мученичествъ, написанныхъ христіанами въ языческое время, имѣется очень ограниченное количество. Напр. Тертулліанъ Карѳагенскій цитировалъ акты Перпетуи, которые стало быть существовали уже въ первой половинѣ III вѣка. Но откуда почерпнутъ мате-

ріалъ во всѣхъ другихъ памятникахъ этого рода? Aubé предполагалъ, что возможны были со стороны христіанъ, хотя и рѣдко, подкупы и похищенія документовъ у легкомысленныхъ, малобдительныхъ и мало рачительныхъ сторожей. Но гораздо болѣе, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ вниманія другое его предположеніе, что источникомъ могли быть свѣдѣнія самихъ магистратовъ и подсудимыхъ. Такъ или иначе, фактъ тотъ, что въ языческій періодъ актовъ, происходившихъ изъ оффиціальнаго источника, сохранилось очень мало.

Но появленіе огромнаго количества актовъ въ послѣ-Константиновское время довольно удовлетворительно можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Мученики первыхъ вѣковъ жили и страдали въ культурномъ Римскомъ государствѣ и гибли иногда цѣлыми массами не только по одному капризу деспотической власти; нѣтъ, такъ какъ христіане являлись ренегатами римской религіи, они должны были быть судимы и казнены тѣмъ или инымъ образомъ по закону. Обыкновенно дѣло происходило такъ. Къ трибуналу епарха или проконсула области приводили человѣка и говорили, что онъ христіанинъ. Епархъ съ соблюденіемъ законной формы задавалъ подсудимому рядъ вопросовъ (ex tabula recitare) объ имени, родинѣ, принадлежности къ христіанству[1]) и т. д.; получивъ утвердительный отвѣтъ на третій вопросъ, судья старался убѣдить христіанина къ возвращенію къ отечественной религіи; и только послѣ отказа принести жертву языческимъ богамъ произносилъ смертный приговоръ[2]). Приговоръ затѣмъ приводился въ исполненіе обыкновенно за городомъ, если казнію было отсѣченіе головы, и въ самомъ городѣ, если подсудимый приговаривался къ цирковой аренѣ. Мученикъ былъ казненъ и дѣло его, т. е. судебный вербальный процессъ съ отвѣтами, помѣщался въ архивахъ имперіи. Пока христіанство было гонимою религіею, эти дѣла лежали въ архивахъ безъ всякаго употребленія. Но когда христіанство сдѣлалось господствующею религіею, когда въ Римѣ и можетъ быть въ другихъ значительныхъ городахъ возникъ институтъ писцовъ, нотаріевъ, на обязанности которыхъ лежало собираніе мученическихъ актовъ, когда христіане получили доступъ къ государственнымъ должностямъ, публичные архивы были открыты для благо-

---

1) Проконсулъ Виѳиніи, Плиній Младшій ок. 105 г. писалъ имп. Траяну: interrogavi ipsos, an essent christiani? (Plinii Epistolarum libri decem, X, 96).

2) Confitentes iterum ac tertio interrogavi, supplicium minatus; perseverantes duci jussi (ibidem).

честивыхъ, проконсульскіе регистры были переписаны и такимъ образомъ пущены въ оборотъ среди читателей.

При опубликованіи мученичествъ работа редакторовъ была крайне несложною, т. е. другими словами она представляла изъ себя лишь переписку судебнаго дѣла. Мученичества начинались обыкновенно словами: «Въ царствованіе императора N и во время игемонства N въ епархіи N приведенъ былъ человѣкъ по обвиненію его въ христіанствѣ». А когда не было извѣстно, при какомъ императорѣ пострадалъ мученикъ, редакторъ начиналъ свою статью словами: «Царствующу Господу нашему Іисусу Христу». Послѣ этого дословно выписывался судебный процессъ, т. е. вопросы епарха и отвѣты христіанина, наконецъ μαρτύριον оканчивалось приговоромъ и сообщеніемъ о кончинѣ мученика. Такимъ образомъ составными частями актовъ служатъ три обстоятельства: событія до мученичества, допросъ и приговоръ судьи вмѣстѣ съ описаніемъ смерти. Никакихъ вступленій, разсужденій, никакихъ особыхъ заключительныхъ словъ не дѣлалось.

Наиболѣе рельефными представителями этого рода агіографіи ранняго времени служатъ акты: св. Іустина, Кипріана, Августа и Евлогія, Максимиліана, Кристины, Феликса и Цецилія. Сюда же слѣдуетъ отнести и нѣсколько Passiones, составленныхъ современниками мучениковъ и не содержащихъ въ себѣ ничего посторонняго кромѣ какъ одного судебнаго дѣла, напр. passio s. Sperati, Caesarii et Juliani, письмо Смирнской церкви о Поликарпѣ, письмо Ліонской и Віенской церквей о 177 мученикахъ, страданіе Перпетуи и ея дружины, письмо св. Діонисія объ александрійскихъ мученикахъ. Но подобныя современныя мученичества очень немногочисленны.

Литература мученичествъ, вполнѣ отвѣчавшая запросамъ и интересамъ времени, пришлась раннему христіанству совсѣмъ на руку: ею зачитывались, ее переписывали, благоговѣйно почитали мучениковъ, особенно цѣнили мощи ихъ, для пріобрѣтенія которыхъ не щадили средствъ, а когда денежныя средства оказывались не дѣйствительными, не почитали за стыдъ и грѣхъ воровать, а въ средніе вѣка даже воевать ради ихъ полученія. Крестоносцы IV крестоваго похода овладѣли Константинополемъ съ цѣлью главнымъ образомъ поживиться богатствомъ его святынь.

Неудивительно послѣ этого, если мы скажемъ, что между христіанами различныхъ національностей являлось иногда соревнованіе. Одна община, одинъ народъ имѣлъ мощи какого нибудь святого му-

ченика; но тѣже мощи желала имѣть другая община, и вотъ происходитъ литературная подтасовка. Муч. Спевсиппъ, Еласиппъ и Мелассиппъ, греческіе уроженцы, жили и пострадали въ Каппадокіи; мощи ихъ въ VI в. были подарены въ Галлію. Съ тѣхъ поръ память о мученикахъ на Востокѣ забывается, тогда какъ въ Lingonica civitas (Langres), куда онѣ были положены, память о нихъ оживаетъ: здѣсь даже галльскія мѣстности получили свои названія примѣнительно къ греческимъ названіямъ Каппадокіи (напр. Πασμασός — Pêmes), и кончилось это отчужденіе тѣмъ, что въ появившихся латинскихъ актахъ мучениковъ они названы уже прямо галлами. Мы, издавшіе неизвѣстное греческое μαρτύριον, впервые усумнились въ галльскомъ происхожденіи мучениковъ; за нами и независимо отъ насъ къ тому же пришелъ и H. Grégoire; но французамъ и въ частности лангрцамъ тяжело будетъ отречься отъ своихъ вѣрованій, поэтому вопросъ о родинѣ этихъ мучениковъ еще долго будетъ разсматриваться въ ученой литературѣ pro и contra. Или напр. вопросъ о свв. Космѣ и Даміанѣ. Одни ученые (Болландисты) признаютъ единую двоицу [1]), другіе (Аллядій, Вагнереккъ, Денъ) — даже три пары Космъ и Даміановъ: одна двоица была уроженцами Азіи, другая — Рима, третья — Аравіи. Византійская агіографія можетъ насчитать очень много примѣровъ подобнаго рода. И освященныя давностью литературнаго преданія имена этихъ мучениковъ причиняютъ не мало трудовъ и усилій ученымъ для согласованія подобныхъ мученическихъ актовъ.

Рядомъ съ μαρτύριον, т. е. съ сухимъ дѣловымъ отчетомъ о судебномъ допросѣ мученика, уже съ IV и V вѣковъ, съ развитіемъ разныхъ родовъ литературы, появляется особенная литературная форма въ агіографіи, это такъ называемыя похвалы, похвальныя слова мученикамъ (ἐγκώμιον, ἐγκωμιαστικὸς λόγος). Похвалы произносились ежегодно проповѣдниками въ тѣхъ храмахъ, или въ тѣхъ придѣлахъ, которые были связаны съ памятью мученика. Здѣсь преобладала риторика и краснорѣчіе, сдѣлавшія столь большіе успѣхи со временъ Василія Великаго и Іоанна Златоустаго, кстати сказать бывшаго адвоката, человѣка, владѣвшаго силою своего слова въ высокой сте-

1) Упрощеніе спорнаго вопроса—повидимому характерная особенность Болландистовъ: недавно знаменитый Hip. Delehaye, разсмотрѣвъ сказанія о святыхъ воителяхъ, пришелъ къ опредѣленному выводу, что Св. Θеодоръ Тиронъ и Θеодоръ Стратилатъ, признаваемые за два особыя лица, тожественны между собою. См. его Les légendes grecques des saints militaires. Bruxelles 1909.

пени. Точка зрѣнія и задачи агіографіи здѣсь подверглись значительной перемѣнѣ: μαρτύριον будило религіозное чувство своею жизненною правдою, ἐγκώμιον будило его убѣжденіемъ, своею трогательностью, — конечная цѣль достигалась та же самая. Въ историческомъ отношеніи μαρτύριον — болѣе важный источникъ, нежели ἐγκώμιον: если въ первомъ историческаго матеріала, какъ мы видѣли, было немного, то во второмъ онъ еще болѣе сокращенъ; ἐγκωμιαστής, произнося панегирикъ, часто и не представлялъ себѣ яснаго отчета обо всѣхъ обстоятельствахъ жизни мученика.

Назидательность чтенія мученичествъ и та легкость, съ какою появлялись они на свѣтъ, были главными причинами большого распространенія этого рода литературы между новыми христіанами. Церковь въ этомъ случаѣ шла на встрѣчу обществу и поощряла какъ появленіе, такъ и чтеніе мученичествъ: она включила ихъ въ кругъ своихъ собраній. Мученическіе акты св. Игнатія Богоносца уже во второмъ вѣкѣ читались въ церквахъ; изъ мученичествъ св. Евстратія видно, что чтеніе μαρτύριον'а положено было на утрени послѣ пѣнія псалмовъ; месопотамскій еп. Маруѳа читалъ акты персидскихъ мучениковъ въ церкви въ великій постъ; 50-мъ правиломъ Карѳагенскаго собора (418 г.) положено было во время богослуженій читать мученическіе акты въ дни памяти мучениковъ; Цезарій Арелатскій (VI в.) совѣтовалъ слабымъ сидѣть во время чтенія пространныхъ мученичествъ [1]).

Подобно тому какъ имена мучениковъ отдѣльныхъ провинцій сводились въ одинъ общій календарь церкви, — и μαρτύρια могли также составляться въ извѣстномъ порядкѣ по днямъ мѣсяцевъ. Такъ появились минеи (μηναῖα). Древнѣйшее извѣстное собраніе было сдѣлано въ IV вѣкѣ современникомъ Константина Великаго Евсевіемъ-Памфиломъ Кесарійскимъ въ двухъ книгахъ, изъ которыхъ одна объемомъ была больше другой. Меньшее собраніе дошло до насъ въ цѣлости, именно въ VIII книгѣ его «Церковной исторіи»; что же касается до большей книги, она страннымъ образомъ сохранилась не въ греческомъ подлинникѣ, а только въ сирійскомъ переводѣ (изд. W. Cureton'омъ). Однако ученые нашли и опубликовали нѣкоторые отрывки изъ большой книги на греческомъ языкѣ — въ нѣкоторыхъ минологіяхъ и синаксаряхъ: венеціанскомъ, ватиканскомъ, мюнхенскомъ, парижскомъ, вѣнскомъ, сирмондовомъ и т. д. [2]).

1) Сергій, I, 237.
2) Anal. Bolland. Bruxelles 1897, XVI, 113 sq.

До сихъ поръ мы говорили о первоначальныхъ и подлинныхъ μαρτύρια. Но въ послѣ-Константиновское время рядомъ съ чистыми актами стали появляться мученичества уже несамостоятельныя, гдѣ агіографъ, какъ уже не очевидецъ казни, при написаніи мученичества собиралъ относящійся сюда матеріалъ изъ разныхъ, иногда недостовѣрныхъ источниковъ: разсказовъ, преданій, фантастическихъ легендъ и т. д. Въ греческомъ языкѣ и здѣсь сохраняется общее названіе μαρτύριον, какъ въ латинскомъ Acta.

Позднѣйшіе акты съ теченіемъ времени не только переписывались, но и пересказывались, поэтому иногда текстъ Рюинаровскихъ Acta не совпадаетъ съ текстомъ Мобильоновскихъ Analecta и оба они опять не сходятся съ переложеніемъ Баронія.

Рядомъ съ несамостоятельными актами стали появляться и подложные. Извѣстно, что церковь въ V—VII вѣкахъ находилась въ постоянной борьбѣ. Аріанство, несторіанство, савелліанство, евіонитство, гностицизмъ, манихейство, монофизитство, монофелитство и сотни другихъ ересей не переводились и имѣли своихъ горячихъ защитниковъ. Борьба православныхъ съ еретиками велась сначала путемъ полемическихъ трактатовъ и основывалась прежде всего конечно на авторитетѣ старой церковной письменности. Еретики пытались сражаться тѣмъ же оружіемъ; но такъ какъ многое здѣсь было имъ не на-руку, они не задумывались передѣлывать въ рукописяхъ особо важныя для нихъ мѣста въ свою пользу. Отсюда явилась порча текста, подчистки и вообще искаженія оригинальнаго сочиненія. Рядомъ съ порчею текстовъ вносились въ мученичества цѣлыя фразы и даже сочинялись сказочныя μαρτύρια, которыя были на руку еретикамъ. Напр. Римскій соборъ 494 г., при папѣ Геласіи I, осудилъ ложные акты св. Георгія, написанные аріанами; мученичество Лукіана и мученичество Парѳенія Лампсакскаго также носятъ слѣды аріанскаго вліянія. Впрочемъ, въ порчѣ книгъ и въ созданіи фантастическихъ актовъ были не безгрѣшны и сами православные, желавшіе видѣть въ старой книгѣ бо́льшую ясность, нежели она давала. Напр. по свидѣтельству Тертулліана и Іеронима, Іоаннъ Богословъ лишилъ священства одного пресвитера въ Азіи, который по неразумной ревности написалъ ложныя сказанія о путешествіяхъ и мученической кончинѣ св. Павла и св. Ѳеклы. Порча книгъ и появленіе фальсифицированныхъ актовъ въ VII в. уже настолько были велики, что для борьбы съ этимъ зломъ понадобился авторитетъ вселенскихъ соборовъ. Пра-

вило 63-е шестого собора (691 г.) гласитъ: «мученическія повѣсти, лживо составленныя врагами истины для обезславленія Христовыхъ мучениковъ и для приведенія слушателей въ невѣріе, повелѣваемъ не обнародывать (не читать) въ церквахъ, но предавать ихъ огню; принимающихъ же ихъ или считающихъ ихъ истинными, анаѳематствуемъ [1])».

Съ развитіемъ научной мысли, когда пытливый умъ отрѣшался отъ средневѣкового вѣрованія въ букву писанія, когда явилась критика историческихъ памятниковъ, Acta martyrum послужили обширною ареною, гдѣ западно-европейскіе ученые могли въ волю предаваться своимъ критическимъ работамъ. Они нашли, что не всѣ Acta одинаковой цѣнности, что они и сравнительно небольшое число изъ нихъ заслуживаютъ вниманія какъ первоисточникъ, а другіе, большинство, являются уже памятниками несамостоятельными и поздними, основанными на темныхъ слухахъ и фантастическихъ преданіяхъ. Эта критическая школа дошла наконецъ до мысли, что общее и старое названіе Acta не совсѣмъ точное, что это названіе должно быть присвоено лишь первоначальнымъ и подлиннымъ мученичествамъ; что же касается до мученичествъ сомнительной цѣнности, она предложила называть ихъ Passiones или Gesta martyrum. Эта точка зрѣнія была усвоена ученымъ Бенедиктинцемъ Dom Thierry Ruinart'омъ, сдѣлавшимъ попытку практическаго разграниченія обоихъ видовъ агіографіи. Въ 1689 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ «Acta primorum martyrum sincera et selecta». Изданіе это обратило на себя вниманіе и выдержало нѣсколько изданій [2]), причемъ въ послѣдующихъ изданіяхъ число чистыхъ и подлинныхъ Acta увеличилось.

Но историко-критическая школа, давъ твердое основаніе къ различенію Acta, къ сожалѣнію увлеклась далѣе въ своей критикѣ Passionum или Gestorum martyrum и стала доходить до того, что отнимала въ нихъ всякое историческое значеніе. Этотъ гиперкритицизмъ также нашелъ себѣ поклонника и защитника въ лицѣ ирландскаго критика, знаменитаго комментатора твореній св. Кипріана, Henry Dodwell (1684). Повѣривъ только однимъ подлиннымъ немногочисленнымъ Acta и отвергнувъ всѣ Passiones, онъ пустилъ въ оборотъ мысль о томъ, что исторически достовѣрны только одни Acta, а Passiones (Gesta) martyrum есть вымышленныя пародіи часто фанта-

1) Ῥάλλη καὶ Ποτλῆ, Σύνταγμα τῶν κανόνων. Ἀθήνησιν 1852, II, 452.
2) Paris 1689, Amstelod. 1713, Veronae 1731 Ratisbonae 1859, и пр.

стическаго содержанія, не имѣющія никакого историческаго значенія, другими словами мысль, что дѣйствительныхъ мучениковъ въ первоначальной церкви было мало. Мысль эта поразила ученыхъ какъ громомъ. Болландисты принуждены были считаться съ этимъ мнѣніемъ и напр. выбросили изъ своихъ «Acta sanctorum» Акты свв. Космы и Даміана и Георгіево житіе Іоанна Златоустаго. Растерянность агіологовъ продолжалась все XVIII-столѣтіе. И только со времени итальянскаго археолога M. de Rossi, изслѣдовавшаго памятники на основаніи археологическихъ данныхъ, многія Passiones Рима и Италіи, считавшіяся вымышленными, оказались заслуживающими вниманія вполнѣ. Хотя онѣ написаны въ позднее время, но сохранили свой первоначальный видъ: редакторъ не былъ свидѣтелемъ мученичества, но онъ видѣлъ могилу, и новѣйшія раскопки подтвердили полное согласіе между описаніемъ агіографа и положеніемъ самаго мѣста. Историческая критика мало занималась этими памятниками и не особенно довѣряла имъ; но археологія оправдываетъ ихъ, а потому они должны входить въ кругъ изслѣдованій и историка и служить историческимъ источникомъ, нуждающимся, какъ и всѣ источники, въ критической разработкѣ. Мысль Dodwell'я въ настоящее время отвергнута, и уже только невѣжественные люди могутъ теперь думать, что всѣ эти мученичества—Passiones есть только фикція, не удостовѣренная свѣтскою литературою.

И въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время и церковная и свѣтская исторія вполнѣ согласно учатъ, что свѣтская языческая литература и не могла задаваться цѣлью описанія казней христіанъ, каждаго въ отдѣльности. Христіане погибали рѣшительно по всей обширной Римской имперіи, начиная съ Малой Азіи и кончая Испаніею. Совершенно напрасенъ былъ бы трудъ историка, жившаго напр. въ Римѣ, слѣдить за всѣми казнями, тѣмъ болѣе что въ глазахъ добрыхъ Римлянъ не только жизнь, но и казнь христіанина не представляла ничего значительнаго, достопримѣчательнаго. Виѳинскій проконсулъ Плиній Младшій ок. 105 г. писалъ имп. Траяну: cognitionibus de christianis interfui nunquam [1]). Такимъ образомъ молчаніе языческихъ писателей о жизни и казни христіанъ вовсе не есть основаніе къ утвержденію, что казней и не было. Остаются одни μαρτύρια, какъ памятники страданій мучениковъ. Шаблонность ихъ литературной формы, вселявшая

1) Plinii Epistol. X, 96.

къ нимъ недовѣріе, объясняется, какъ сказано, не досужею, праздною фантазіею агіографовъ IV—V вѣковъ, якобы вымышлявшихъ побольше мучениковъ для вящшаго прославленія правоты христіанства и крѣпости вѣры въ его истинность, а единствомъ и стереотипностью выраженій судебнаго допроса. На одни и тѣже вопросы естественно давались одни и тѣже отвѣты, и такого рода судебное дѣло и было единственнымъ архивнымъ документомъ, который читали христіане въ послѣ-Константиновское время. Неудивительно, если послѣ всего этого мученическіе акты оказываются составленными на одинъ манеръ. Но и тутъ разница существенная: имя мученика—свое особенное, ничтожныя біографическія свѣдѣнія—свои особыя, родъ мученичества—тоже до нѣкоторой степени свой особенный. Такимъ образомъ и этотъ второй и послѣдній аргументъ противъ подлинности мученичествъ оказывается несостоятельнымъ. И приходится признать за несомнѣнное, что не говоря о фальсифицированныхъ μαρτύρια, которыхъ впрочемъ очень небольшое число, имена мучениковъ—подлинныя, такіе христіане были, и нѣтъ основанія заподозривать, чтобы они были пріурочены къ той или другой мѣстности неправильно, чтобы имя мучителя (епарха, игемона, или анѳипата) было вымышлено, хотя мы очень часто и не можемъ доказать этого просто по недостатку подробностей въ современной свѣтской анналистикѣ.

Въ наше время нѣмецкіе ученые H. Usener, A. Wirth, A. Ehrhard, H. Gelzer, L. Deubner, Болландистъ Hip. Delehaye и С. А. Жебелевъ высказали мысль, что въ нѣкоторыхъ мученичествахъ поразительно замѣтно вліяніе классическихъ легендъ и миѳовъ. «Эти переработки (классическихъ сюжетовъ), говоритъ третій изъ нихъ, появились преимущественно въ IV и V столѣтіи и съ такимъ успѣхомъ, что языческій образъ совершенно забывался и преобразованные образы почитались въ качествѣ христіанскихъ святыхъ» [1]). Многосвѣдующій и осторожный Usener сдѣлалъ это наблюденіе въ изданныхъ имъ мученичествахъ св. Георгія и св. Пелагіи.

По слѣдамъ его пошли другіе и въ чудесахъ того или другого мученика стали находить совершенно классическія представленія [2]). Deubner [3]) подвергъ спеціальному разсмотрѣнію данныя, касающіяся совершенія инкубаціи въ храмахъ арх. Михаила, Космы и Даміана,

1) K. Krumbacher, GBL² S. 178.
2) Ср. П. В. Никитинъ, Сказанія о 42 Аморійскихъ мученикахъ, стр. 174.
3) De incubatione capita quattuor. Lipsiae 1900, гл. 4-я.

Кира и Іоанна, Өеклы и Өерапонта, муч. Мины; Жебелевъ въ чудесахъ св. Артемія также нашелъ несомнѣнное вліяніе античной врачебной инкубаціи. «Сущность инкубаціоннаго обряда, говоритъ онъ, въ христіанское время сводилась къ слѣдующему. Больной являлся провести ночь въ храмѣ того или другого святого, къ его иконѣ или мощамъ; больному во время сна являлся святой и исцѣлялъ его или силою своей благодати, или путемъ указанія больному тѣхъ или иныхъ, обыкновенно очень несложныхъ, средствъ. Христіанская инкубація, какъ замѣтилъ уже Deubner, имѣетъ свой прототипъ несомнѣнно въ инкубаціи языческой; перемѣнивъ одежду, языческая инкубація изъ оракуловъ, гдѣ она совершалась въ древности, перешла въ христіанскіе храмы; чудеса Артемія не только, такъ сказать, регистрируются, но описывается иногда довольно подробно та обстановка, при которой исцѣленія происходили; мало того: самая редакція чудесъ невольно напоминаетъ намъ конечно mutatis mutandis ту редакцію чудесъ языческихъ, которая намъ теперь хорошо извѣстна по эпидаврскимъ ἰάματα τοῦ Ἀπόλλωνος καὶ τοῦ Ἀσκλαπιοῦ [1])».

Далѣе, говоритъ о. Delehaye, разсказы о перенесеніи мощей святыхъ живо напоминаютъ классическіе разсказы о перенесеніи реликвій Тезея изъ Скироса въ Аөины, Гектора изъ Иліона въ Өивы, Эдипа изъ Өивъ въ Аөины и пр.; «эта Плутархова страница кажется безъ большой ретушировки приспособлена ко многимъ перенесеніямъ средневѣковья». Обобщая мысль, знаменитый Болландистъ уже прямо выразился (p. 181): il n'y a pas de différence essentielle, en effet, entre les saints de l'église et les héros du polythéisme grec. Даже тезисъ (p. 187): le culte des saints n'est qu'une survivance païenne соблазняетъ ученаго Болландиста: хотя онъ и утверждаетъ, что культъ святыхъ произошелъ не изъ культа героевъ, а изъ культа мучениковъ, но такъ какъ послѣдній основанъ на культѣ героевъ, то конечный результатъ одинъ и тотъ же: агіографія построена на представленіяхъ древности. Өеодоритъ въ полемикѣ съ язычниками опирался на аналогію мучениковъ съ героями.

Все это должно быть признано вѣрнымъ, хотя русскій агіологъ (арх. Сергій Владимірскій) и противится такимъ откровеніямъ. Конечно,

---

1) Религіозное врачеваніе въ древней Греціи, Спб. 1893, и особенно его же «Чудеса св. Артемія», Спб. 1905 (отт. изъ «Сборника въ честь В. И. Ламанскаго»), стр. 3; греческій текстъ чудесъ изданъ недавно А. И. Пападопуло-Керамевсомъ въ его «Varia graeca sacra», Спб. 1909, стр. 1—75.

параллели можно проводить — но только съ большимъ основаніемъ и осторожностью, потому что иначе мы будемъ гнаться за миражами, что̀ и дѣлалъ австрійскій ученый Wirth въ его «Danae in den christlichen Legenden» (Wien 1892). Можетъ быть не особенно трудно было бы языческому Богу Ἥλιος'у противопоставить св. Илію, Юпитеру Капитолійскому—апостола Петра, Кастору и Поллуксу—Косму и Даміана, Діоскорамъ — Флора и Лавра, Афродитѣ (Aignia, Epipontia, Thalassaia, Pontia, Euploia) — Пелагію и т. д.; но самъ же Delehaye предостерегаетъ отъ увлеченія, восклицая: Que d'érudition dépensée en pure perte!

b) Βίοι (Vitae).

Дату знаменитаго Миланскаго эдикта (мартъ 313 г.), положившаго конецъ преслѣдованіямъ христіанъ и мученичествамъ, можно считать гранью въ судьбахъ агіографіи. Вспышка язычества при имп. Юліанѣ Отступникѣ, когда снова повторились пытки и казни, по своей кратковременности (361—363) не могла оставить послѣ себя сколько нибудь глубокихъ корней, и историки обыкновенно не считаются съ этимъ явленіемъ.

Мучениковъ не стало, но въ святыхъ людяхъ, проводившихъ жизнь въ постѣ и молитвѣ и скончавшихся въ мірѣ, не было недостатка. Рядомъ съ агіографами стараго направленія, опубликовывавшими μαρτύρια, нашлись теперь лица, которыя желали почтить память и въ мірѣ скончавшихся новыхъ подвижниковъ.

Здѣсь матеріалъ у агіографа былъ совершенно другого рода, нежели тамъ; тамъ въ основаніе легли письменные судебные протоколы, регистры, здѣсь — личныя воспоминанія о святомъ (если это были непосредственные ученики его), или преданія о немъ изъ вторыхъ и даже изъ третьихъ рукъ. Сообразно съ этимъ и характеръ самаго агіографическаго произведенія и даже стиль его совершенно мѣняются.

Ученикъ, пишущій воспоминанія о своемъ любимомъ учителѣ и руководителѣ въ иноческомъ подвигѣ, съ благоговѣніемъ останавливается на каждомъ фактѣ его духовной аскетической жизни, прославляя святость дѣлъ его. Воспоминанія эти, въ видѣ Βίος'а, пишутся для прославленія имени подвижника, слѣдовательно должны отличаться извѣстными литературными пріемами и достоинствами, и

отъ степени образованности и начитанности автора зависитъ большее или меньшее риторическое украшеніе самого изложенія. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда агіографъ писалъ о подвижникѣ отдаленномъ, съ которымъ у него не было уже никакихъ связей, цвѣты краснорѣчія, благодаря усвоенію агіографической схемы, ничуть не были блѣднѣе.

Въ риторикѣ византійцы были великими мастерами. Воспитанные на образцахъ Гермогена и Аѳонія, они прекрасно усвоили себѣ классическую схему и если внесли что либо новое въ старую форму, то только замѣну языческихъ миѳовъ мотивами христіанскими; дальше этого средневѣковые греки не пошли; краснорѣчіе и риторика ихъ въ въ V в. въ сущности осталась неизмѣнною и въ XV столѣтіи.

Такимъ образомъ житія святыхъ, какъ видъ агіографіи, основанный на риторикѣ и удовлетворявшій вкусамъ византійцевъ, скоро заняли весьма видное мѣсто въ литературѣ, постепенно вытѣсняя прежнюю форму мученичествъ.

Мученичества случались и въ болѣе позднее время,—въ Африкѣ, на Синаѣ, въ Европѣ и въ Азіи греческіе подвижники иногда погибали отъ рукъ сарацинъ, персовъ, болгаръ, даже въ самой Византіи въ иконоборческій періодъ благочестивые иноки платились иногда жизнію за свою приверженность къ иконопочитанію,—и однако *μαρτύρια* этихъ святыхъ въ сущности уже ничѣмъ не отличаются отъ житій: та же риторика, та же схема тутъ и тамъ.

Разница между *μαρτύρια* и *βίοι* въ поздній періодъ очевидна: когда описывается кончина мученика, погибшаго отъ руки *языческаго* царя, она воплощается въ *μαρτύριον*'ѣ; когда описывается кончина мученика, погибшаго отъ руки *христіанскаго* царя, она воплощается уже въ *βίος*'ѣ, примѣръ чему видимъ въ *βίος*'ѣ мученика Стефана Новаго, замученнаго при имп. Константинѣ Копронимѣ.

Въ старыхъ *μαρτύρια*, Acta и даже Passiones допросъ чисто дѣлового характера, кратокъ и точно формулированъ,—очевидно здѣсь замѣтна точность передачи судебнаго дѣлопроизводства; въ позднихъ онъ уже изукрашенъ посредствомъ риторики: на вопросъ мучителей страдалецъ отвѣчаетъ уже длинными разсужденіями о Богѣ, объ истинности вѣры, объ иконахъ.

. . . .

c) Теорія или схема похвальнаго житія.

Въ виду того, что намъ придется имѣть дѣло какъ съ собственно житіями, такъ и съ похвалами, которыя основаны на одной строго опредѣленной схемѣ, мы считаемъ необходимымъ изложить здѣсь (идеальную) теорію похвальнаго житія, которой мы не находимъ въ ученой литературѣ.

Шаблонъ похвалы создался не сразу, онъ—продуктъ литературной работы многихъ столѣтій. Говоря вообще, въ литературномъ отношеніи житіе святого должно было бы быть написано по образцу біографій знаменитыхъ мужей древней Греціи, напр. біографій, вышедшихъ изъ-подъ пера Ксенофонта, римскаго историка Тацита, Плутарха и т. д. Какъ памятникъ литературы, такая біографія всегда состоитъ изъ трехъ основныхъ частей — предисловія, главной части и заключенія.

Классическая литература раннихъ вѣковъ христіанства, обобщившая литературные пріемы біографій, дала намъ такъ сказать и теорію этого рода произведеній и тѣмъ облегчила послѣдующимъ вѣкамъ работу по написанію житій замѣчательныхъ людей. Эти ἐπιτομαί, эти учебники теоріи, дали канву, поставили вѣхи, въ какомъ направленіи, въ какомъ литературномъ видѣ должна писаться біографія.

Св. отцы первыхъ вѣковъ христіанства, задавшись цѣлью написать житіе какого либо святого, имѣли у себя уже готовые образцы [illegible] самостоятельнымъ путемъ писать житіе святого. Другіе и наиболѣе образованные, напротивъ, находя, что древніе образцы представляли совершенно естественный ходъ развитія мысли и данной темы, въ большей или меньшей степени усвоили классическую канву, сдѣлавъ въ ней необходимыя измѣненія, согласно съ духомъ новыхъ условій и новой обстановки жизни. Къ первой категоріи писателей можно отнести напр. Аѳанасія Великаго, патріарха александрійскаго, ко второй—Григорія Богослова.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ похвальное житіе, написанное Григоріемъ въ честь св. Василія Великаго. Здѣсь св. Назіанзинъ впервые далъ міру такую похвалу Василія, которая сдѣлалась образцомъ для всей послѣдующей византійской агіографіи. Вліяніе этого житія было до такой степени сильнымъ, что византійцы не только усвоили цѣликомъ общее литературное построеніе житія любого святого, но заимствовали изъ него даже и отдѣльныя мысли, отдѣльныя выраженія. Судя по громадности этого вліянія ученые не безосновательно заключили, что это похвальное житіе было въ византійскихъ школахъ настольною книгою въ дѣлѣ образованія юношества, которую ревностно изучали и быть можетъ выучивали наизусть.

Послѣ этихъ предварительныхъ словъ намѣтимъ вкратцѣ агіографическую схему.

Заглавіе. Обыкновенно прежде всего здѣсь помѣщается названіе мѣсяца и день памяти святого, когда святой скончался, но изрѣдка— когда святой былъ погребенъ. Напр. по Генуезскому списку житія Өеодора Хорскаго память его 5-го, а по Аөоно-Пандократорскому— 8 января[1]). Затѣмъ, если житіе дѣлового характера, оно носитъ названіе βίος, если украшено риторическими красотами, оно называется βίος καὶ πολιτεία. Впрочемъ сами византійцы не проводили опредѣленной разницы между тѣмъ и другимъ названіемъ, и не рѣдко и подъ βίος'омъ помѣщали риторическое житіе. Равнымъ образомъ агіографы далеко не всегда указывали въ заглавіи на похвальность и риторичность житія; βίος ἐγκωμιαστικός, βίος σὺν ἐγκωμίῳ, βίος ἐγκωμίῳ συμπλεκόμενος и пр. сравнительно рѣдко встрѣчаются въ заглавіяхъ — читатель самъ долженъ догадываться о характерѣ житія не по его заглавію, а по внутреннему его строенію. Когда авторъ сообщалъ и чудеса святого, онъ прибавлялъ въ заглавіи еще: καὶ μερικὴ θαυμάτων διήγησις.

Далѣе слѣдуетъ эпитетъ святого. Иногда этимъ эпитетомъ является ὁ ὅσιος, рѣдко ὁ ἅγιος, но обычное выраженіе ὁ ἐν ἁγίοις πατὴρ ἡμῶν. Разница между этими понятіями довольно опредѣленная. Обыкновенно думаютъ, что ὁ ὅσιος есть терминъ для обозначенія низшей степени святости, ὁ ἅγιος — высшей и совершенной степени, а ὁ ἐν ἁγίοις πατὴρ ἡμῶν есть только каноническо-церковное выраженіе для

---

1) Chr. Loparev, De S. Theodoro monacho hegumenoque Chorensi. Petropoli 1903, стр. V.

опредѣленія этого понятія, что ὁ ἅγιος есть терминъ для обозначенія высшей степени святости, ὁ ἅγιος — святой, въ чисто субъективномъ смыслѣ, а ὁ ἐν ἁγίοις πατὴρ ἡμῶν—святой уже канонизованный, признанный церковью. Но такъ ли это? Ὁ ὅσιος, ὁ ἅγιος—эпитеты, которые прилагались, какъ и теперь прилагаются, къ живымъ духовнымъ особамъ; напр. въ письмахъ къ духовнымъ лицамъ нерѣдко встрѣчаются выраженія: τῆς ὁσιότητός σου, τῆς σῆς ἁγιωσύνης, что означало и означаетъ только извѣстную форму обращенія въ рѣчи, какъ у насъ «ваше преподобіе», «ваше святѣйшество», «ваше блаженство», независимо отъ того, преподобенъ ли по своей жизни этотъ духовный сановникъ. Настоятели монастырей при жизни назывались въ обращеніяхъ ὁ ὅσιος и ὁ ἅγιος,—съ этими эпитетами они могли оставаться иногда и послѣ своей кончины; если оставались, они были святы, хотя и тутъ необходима оговорка. Ученикъ, почитатель памяти своего наставника-руководителя въ иноческомъ подвигѣ, не рѣдко отзывался о немъ мимоходомъ какъ объ ὁ ὅσιος, но былъ ли преподобный дѣйствительно святымъ,—вопросъ открытый; если и другіе называли его этимъ же эпитетомъ — да, если нѣтъ — нѣтъ. Но ὁ ἐν ἁγίοις πατὴρ ἡμῶν—понятіе, которое ни одинъ инокъ, ни одинъ игуменъ, ни одинъ епископъ не носилъ при своей жизни, этотъ эпитетъ давался лицамъ уже только послѣ ихъ смерти и при томъ не однимъ какимъ либо лицомъ, а соборомъ епископовъ. Не было крайней необходимости въ созывѣ оффиціальнаго собора для признанія святости дѣятеля, — ὁ ἐν ἁγίοις πατὴρ ἡμῶν могло быть приложено къ покойному и просто, если епископы въ частныхъ бесѣдахъ признавали его святость. Напр. діаконъ Игнатій въ житіи патр. Никифора называетъ его и ὁ ὅσιος и ὁ ἐν ἁγίοις πατὴρ ἡμῶν, первымъ эпитетомъ—по своему личному отношенію къ архипастырю (Игнатій былъ ученикомъ Никифора), вторымъ—по частному сужденію о немъ епископовъ, такъ какъ во времена иконоборческихъ императоровъ, когда скончался патріархъ и писалъ его житіе Игнатій, не могло быть оффиціальнаго собранія епископовъ.

Названіе ὁ δίκαιος (праведный) означаетъ, что святой жилъ въ мірѣ, былъ міряниномъ.

Вслѣдъ за эпитетомъ и именемъ святого иногда ставилось понятіе ὁ νέος. Обыкновенно ὁ νέος значитъ «новый», «другой», но и тутъ необходима оговорка. Агіологи привыкли употреблять «новый», забывая, что ὁ νέος можетъ значить также и «молодой человѣкъ». Когда святой умиралъ въ молодыхъ годахъ, ὁ νέος должно бы было переводиться

«младый», а не «новый». Напр. Болландисты къ св. Евдокиму (умершему въ возрастѣ 33 лѣтъ) приложили эпитетъ «новый» (junior) и стали въ тупикъ, не зная болѣе стараго св. Евдокима: очевидно, здѣсь слѣдовало бы перевести: Евдокимъ младый, чтó нами уже и сдѣлано [1]).

Предисловіе. Предисловія къ житіямъ простымъ и дѣловымъ очень несложны и необыкновенно просто вводятъ читателя къ самому предмету повѣствованія. Напр. все предисловіе житія Симеона столпника состоитъ только изъ словъ: «Возлюбленные, у меня, грѣшнаго ученика Антонина есть желаніе описать странное и дивное житіе, которое въ наши лѣта совершилъ Симеонъ. Ибо сказаніе о немъ исполнено пользы и поощренія. Итакъ приклоните, прошу, уши ваши и услышьте отъ меня, что я видѣлъ и осязалъ» [2]). Наоборотъ, предисловія къ похвальнымъ житіямъ, написанныя очень цвѣтистымъ языкомъ, отличаются сложностью и иногда замысловатостью изложенія.

Представляя вообще говоря оригинальную часть житія, эти предисловія въ большей или меньшей степени все-таки заимствованы изъ прежнихъ образцовъ и не могутъ быть подведены подъ общую норму. Собрать весь матеріалъ, повторяющійся здѣсь у агіографовъ, дѣло очень кропотливое, а отыскать источники заимствованныхъ мыслей — дѣло большой трудности. Полагаемъ, что для нашей цѣли будетъ не безполезно указать хотя бы на нѣсколько такихъ мыслей.

Агіографы, преимущественно или почти исключительно монахи, считали необходимостью смиренно говорить объ убожествѣ своего литературнаго образованія и, хотя не рѣдко были людьми очень образованными, неизмѣнно упоминали о томъ, что они учились, такъ сказать, на мѣдныя гроши.

Затѣмъ иногда проводится мысль, что не смотря на трудность написанія житія святого агіографу тѣмъ не менѣе слѣдуетъ попытаться. Образцомъ въ этомъ случаѣ былъ Ксенофонтъ [3]). Діаконъ Маркъ, агіографъ Порфирія Газскаго (V в.), повторяя его мысль, только измѣнилъ глаголъ: вмѣсто «попытаться» выразился «отважиться».

---

1) Ср. наше «Житіе св. славнаго Евдокима, младаго, праведнаго...» Софія 1908 (Изв. русск. археологич. института въ Константинополѣ, т. XII). Также теперь надобно говорить объ Иліи младомъ, Вакхѣ младомъ и о Маріи младой, о чемъ ниже.

2) Правосл. Палест. Сборникъ, вып. LVII (XIX. 3), стр. 60, 69.

3) Agesil. I, 1: οἶδα μὲν ὅτι τῆς Ἀγησιλάου ἀρετῆς τε καὶ δόξης οὐ ῥάδιον ἄξιον ἔπαινον γράψαι, ὅμως δ' ἐγχειρητέον.

Говоря о принятомъ рѣшеніи писать житіе, агіографъ припоминаетъ евангельскую притчу о нерадивомъ рабѣ, скрывшемъ свой талантъ въ землю, и боится уподобиться ему; сравниваетъ свой трудъ съ лептами евангельской вдовицы. Можетъ быть, самъ авторъ и не приступилъ бы къ труду, но въ такихъ случаяхъ всегда является почтенное лицо, обыкновенно игуменъ, которое поручаетъ (προτρέπειν) иноку взяться за перо.

Далѣе иногда проводится мысль, что святые, каждый по мѣрѣ своихъ трудовъ, возрастили плодъ добродѣтели или сторицею, или въ шестьдесятъ кратъ, или въ тридцать. Этотъ евангельскій образецъ заимствовалъ Ѳеодоръ въ житіи Ѳеодосія палестинскаго (VI в.), агіографъ Евдокима и т. д.

Приступая къ житію святого, авторъ иногда поясняетъ, что для собранія свѣдѣній о немъ онъ ходилъ по разнымъ мѣстамъ его подвиговъ, разговаривалъ съ благочестивыми людьми, помнившими о святомъ, и записалъ всѣ эти достовѣрныя показанія. Древнѣйшимъ образцомъ этой мысли можетъ служить предисловіе къ Лавсаику Палладія Еленопольскаго (IV — V в.), который повидимому вполнѣ искренне писалъ слѣдующія строки: «я и не образованный языкомъ и слегка только вкусившій духовнаго знанія... (по порученію Лавса) для благочестивой цѣли съ великимъ усердіемъ обошелъ пѣшкомъ многіе города и весьма многія села, также пещеры и всѣ пустынныя кущи иноковъ. И послѣ того, какъ иное самъ я увидѣлъ и описалъ, а другое услышалъ отъ святыхъ отцовъ, изобразивъ въ этой книгѣ подвиги святыхъ мужей»[1]). Въ VI в. этими словами Палладія воспользовался Кириллъ Скиѳопольскій, агіографъ палестинскихъ святыхъ, про котораго уже трудно сказать, дѣйствительно ли онъ такъ много путешествовалъ. Въ предисловіи къ житію Евѳимія Великаго Кириллъ пишетъ: «употребивъ неискусную и неопытную во внѣшнемъ образованіи рѣчь [2]), я составилъ этотъ трудъ, подражая трудолюбивой пчелѣ, собирающей со многихъ цвѣтовъ необходимое для производства меда: употребивъ стараніе и молитву, я собралъ отъ правдивыхъ святыхъ и старѣйшихъ отцовъ этой пустыни истекшее временемъ, ходя туда и сюда, соединяя, собирая и беря какъ бы изъ нѣкоей пропасти долгаго времени и забвенія, твердо вѣруя, что получу отъ мздовоздателя Бога

1) Migne. Patrol. graeca, XXXIX; русскій пер. (изд. 3-е, Спб. 1871) стр. 2, 3—4.
2) Эта фраза взята изъ конца его предисловія.

награду за обновленіе памяти о томъ, что достойно памяти, и за представленіе читающимъ образца въ этомъ трудолюбивомъ стараніи»[1]). Какъ видно, рядомъ съ повтореніемъ основной мысли Палладія Кириллъ привноситъ кое-что и новое, именно сравненіе своей дѣятельности съ дѣятельностью пчелъ. Это сравненіе сдѣлалось также очень ходячимъ: его усвоила какъ византійская, такъ и древне-русская, даже и неагіографическая литература. Въ началѣ IX в. мысль Палладія и Кирилла была повторена діакономъ Великой Церкви Стефаномъ. Въ житіи Стефана Новаго этотъ авторъ говоритъ слѣдующее: я убоялся уподобиться рабу, скрывшему свой талантъ, и желалъ, чтобы не пришла въ забвеніе жизнь святого отца нашего, хотя я и вкусилъ философіи лишь ἄκρῳ δακτύλῳ; «какъ облако покрываетъ солнце, такъ время покрываетъ то, что не сказано (τὰ μὴ λαλούμενα); жизнь святого я по порученію (Епифанія) собралъ отъ заслуживающихъ довѣрія мужей и его учениковъ, ходя туда и сюда и собирая съ юныхъ лѣтъ его до старости пріятнѣйшіе и удивительные разсказы о его рожденіи и смерти, и собирая какъ бы изъ нѣкоей пучины долгаго времени и изъ забвенія выбирая, подражавъ трудолюбивой пчелѣ, собирающей со многихъ цвѣтовъ необходимое для производства меда [2])».

Сверхъ указанныхъ общихъ мѣстъ предисловія не рѣдко встрѣчается мысль, что пріятное и угодное Богу—только работа по силамъ. Это мысль Григорія Богослова: Θεῷ φίλον τὸ κατὰ δύναμιν, повторенная въ житіяхъ патр. Никифора, Іоанникія, Евдокима, Григорія Синаита и Макарія—буквально, или въ свободной передачѣ.

Въ видѣ перехода отъ предисловія къ главной части агіографы также не рѣдко пользуются стереотипными фразами въ родѣ: «уже время слову приблизиться къ святому», какъ въ житіи киновіарха Ѳеодосія (§ 2), «уже пора намъ идти къ восхваленію святого», или «съ чего начну и какъ разскажу о подвигѣ святого? а подвигъ таковъ, что я не могу не выразить своего изумленія передъ нимъ, прежде чѣмъ приступить къ разсказу о немъ» [3]).

Начиная съ предисловія, агіографы очень часто къ имени свя-

---

1) Analecta graeca, ed. Monach. Benedict. Lutetiae Paris. 1688, p. 2—3; русск. пер. И. В. Помяловскаго въ «Палест. Патерикѣ» (Спб. 1893), II, 2.

2) Ibid., p. 398.

3) Ср. П. В. Никитинъ. Сказанія о 42 Аморійскихъ мученикахъ. Спб. 1905 стр. 40, 188.

того прибавляютъ эпитетъ ὁ μέγας, великій, то-есть великій святой. Но въ очень рѣдкихъ случаяхъ были святые, которые въ мірѣ носили фамильное имя ὁ Μέγας, какъ теперь встрѣчаются фамиліи Legrand, Gross, Великій и пр. Въ этомъ случаѣ ученые, слѣдуя общему шаблону, переводили этотъ терминъ также понятіемъ «великій», хотя, какъ мы уже показали, его слѣдовало бы въ цѣляхъ историческихъ переводить точнѣе «Мегасъ»: напр. Евдокимъ Мегасъ, Михаилъ Малеинъ Мегасъ [1]).

Главная часть. Эта часть житія—важнѣйшая по своему историческому значенію. Если въ предисловіи можетъ оказаться свѣдѣніе о личности самого агіографа, то вся главная часть посвящена почти исключительно личности святого, хотя она и здѣсь полна общими мѣстами.

Родители. Νόμοι ἐγκωμίων или νόμοι τέχνης καὶ θεσμοὶ ῥητόρων ἀρχαῖοι требовали говорить здѣсь о предкахъ прославляемаго героя. Согласно съ этимъ византійскіе энкоміасты съ IV по XV в. неизмѣнно придерживались этой агіографической схемы [2]). Извѣстны ли были имена родителей святого, или нѣтъ, авторы все же помнили литературное предписаніе и такъ или иначе касались его.

Родина. Родина святого должна была быть упомянута; «обычай повѣствованій, замѣтилъ агіографъ Θеодоры Солунской, требуетъ говорить, что она была, откуда, какова и чѣмъ отличалась въ мірѣ, поэтому скажу (и не похвально опустить сіе, § 2)». Далѣе она должна была быть похвалена какъ со стороны климата, своихъ естественныхъ богатствъ, такъ и со стороны святости ея выдающихся подвижниковъ, если таковые конечно были. Нѣтъ нужды, если прозаическіе писатели и дурно отзовутся объ этой мѣстности, въ похвальномъ житіи родина святого должна была быть все таки непремѣнно восхвалена [3]). Напр. Каппадокія—«не случайная страна и не малымъ славящаяся — разумѣю: красотою положенія, благорастворенностью временъ, обиліемъ пастбищъ, обиліемъ рѣкъ и обиліемъ плодовъ (хотя и въ этомъ нѣкія многія страны не могли бы состязаться съ

---

1) Визант. Врем. 1897, IV, Житіе св. славнаго Евдокима. Софія. 1908 стр. 3. Впрочемъ Болландистъ Peeters все таки не хочетъ вѣрить въ фамилію ὁ Μέγας (Anal. Boll. 1909, XXVIII, 497).

2) Наше житіе Евдокима. Софія. 1908, стр. 72 прим. 24.

3) Ср. ж. Θеодосія (VI в.) § 2, Палладій, Лавсаикъ (предисловіе и воспоминанія о Сисинніи).

нею въ преимуществахъ)» [1]); она дала церкви Георгія Побѣдоносца, Василія Великаго, Григорія Богослова, Ахиллія Ларисскаго, Федима Амасійскаго, Василиска Команскаго, Ѳеодосія Палестинскаго, Саву Освященнаго и т. д. Но если мы заглянемъ въ исторію, картина мѣняется. Никита Хоніатъ свидѣтельствуетъ (р. 46В): «страна Каппадокійская и сама по себѣ холодна, климатъ ея суровъ, вѣтры пронзительны». Но если климатъ Каппадокіи дѣйствительно былъ суровъ, то похвала его въ энкоміи совершенно въ духѣ стараго ритора — и пятна пышно изображать свѣтлыми. Руководства древнихъ прямо указываютъ, что если человѣкъ трусъ, нужно изобразить его воинственнымъ и храбрымъ. Многіе у насъ не любятъ пышный византинизмъ за его обманъ въ литературѣ, какъ хитрость и коварство въ жизни. Это конечно справедливо, но спѣшимъ пояснить: когда дѣло касается до византійской риторики, необходима крайняя осторожность, чтобы не поддаться на удочку; но историческіе труды византійцевъ значительно свободны отъ риторики, и нѣтъ основанія безъ особой причины сомнѣваться въ правдивости ихъ показаній. Но бывали родины совсѣмъ ничѣмъ не замѣчательныя и даже неизвѣстныя. Въ такихъ случаяхъ у агіографовъ выработался особый пріемъ разсужденія: если родина была не замѣчательною, то со времени святого она стала знаменитою. Кириллъ Скиѳопольскій про родину Ѳеодосія, Могариссъ, выразился: «не стыжусь худости родины, но горжусь велеродіемъ мужа» (§ 3), или про родину Герасима (§ 2): «селеніе, въ которомъ онъ родился (до его выступленія совершенно неизвѣстное, а послѣ выхода въ свѣтъ сего мужа даже очень прославленное черезъ него), называемое по мѣстному Дросъ».

Въ такомъ случаѣ, когда святой или одновременно нѣсколько ихъ (напр. въ мученичествахъ) пріяли кончину, агіографы вслѣдъ за образцемъ Григорія Богослова [2]) выражались такъ: святые были родомъ не изъ одного мѣста, но изъ разныхъ епархій.

Подобно тому какъ, при незнаніи агіографомъ имени римскаго императора, при которомъ мученикъ скончался, ставилось иногда выраженіе «царствующу Господу нашему Іисусу Христу»—здѣсь обозначалось «градъ (родина) мучениковъ—градъ Бога живаго—вышній

---

1) Ж. Евдокима, стр. 49; ср. Петрово житіе Аѳанасія Meѳонскаго § 3 (о Катанѣ и Сициліи).

2) οὐχ ἦν μία πατρὶς τοῖς ἁγίοις· ἄλλος γὰρ ἀλλαχόθεν ὥρμητο (Никитинъ, 181).

Іерусалимъ»: источникомъ этой мысли является Посланіе къ Евреямъ XII, 22.

Имя святого. Послѣ родителей и родины святого слѣдуетъ имя героя. Византійцы были большими любителями извлекать этимологическій смыслъ изъ личныхъ именъ героевъ; но по слабости своихъ познаній въ филологіи они очень часто извлекали не тотъ смыслъ, который вложенъ въ слово, а другой, имъ угодный и непремѣнно символическій. Такъ напр. имя Βασσόης агіографъ производитъ отъ βάσις [1]), Ἀφροδίτη — отъ ἀφροῦ и καταδύσεως [2]), Ἀφουσία—отъ ἀπεῖναι τὴν κατευθεῖαν [3]), Ἰούδας—отъ ἰοῦ и δαία, а Ἰσκαριώτης—отъ ἰοῦ и κήρ (κηρὸς, καρός), νουμία—отъ Нумы Помпилія [4]), Тарасій (патріархъ, умирившій церковь)—отъ ἐκταράξας и пр. Но въ такихъ простыхъ по составу именахъ, какъ Θеодоръ, Никифоръ, Евдокимъ, агіографы умѣли разобраться и извлекать правильный смыслъ.

Восхваленіе родителей и родины святого требовалось для возвышенія его самого: τῶν ἐπαινουμένων ἐκ τούτων δοκοῦντες ἐξαίρειν αὐτούς [5]).

Посвященіе. Въ житіяхъ мы не рѣдко встрѣчаемъ указанія, что родители посвящали сына Богу въ случаѣ появленія его на свѣтъ или вскорѣ послѣ его рожденія. Церковно-религіозный укладъ византійской жизни былъ такъ крѣпокъ, что и міряне иногда посвящали сына тотчасъ по его рожденіи. Напр. имп. Василій I родившагося сына Стефана предназначилъ церкви. Иногда ясно указывается, что благодать Божія вселилась въ сердце малютки, что онъ былъ предызбранъ Богомъ для иноческой жизни, поэтому онъ отказывался отъ питанія его даже материнымъ молокомъ, или, какъ Николай Мирликійскій, не принималъ молока по средамъ и пятницамъ, quod ecclesiasticis pie disserendum, non criticis relinquamus.

Имущественное положеніе. Въ житіяхъ мы то и дѣло встрѣчаемъ избитую фразу, что родители святого были со значительными средствами, которыя по смерти ихъ были имъ розданы бѣднымъ. Это житійное данное не должно признаваться безусловно вѣрнымъ, ибо это значило бы, что святые могли являться только въ богатой средѣ.

---

1) Н. В. Никитинъ, стр. 208.
2) Авва Нонпъ у Migne, P. Gr. XXXVI, 1069.
3) Ж. Макарія Пелекитскаго § 15.
4) Византійскій Временникъ, IV, 390.
5) Ж. Аѳанасія Меѳонскаго § 3

Въ дѣйствительности же здѣсь замѣтна нѣкоторая подтасовка фактовъ, чтобы исполненіемъ Христовой заповѣди можно было возвысить святого. Святость не есть принадлежность класса, святые были изъ разныхъ классовъ населенія; а такъ какъ бѣдныхъ всегда и вездѣ болѣе, нежели богатыхъ, необходимо а priori допустить, что святыхъ изъ бѣднаго класса было болѣе, нежели изъ богатаго. Однако мы вовсе не хотимъ удариться въ другую крайность, что всѣ они были люди бѣдные. Нѣтъ, нѣкоторые изъ нихъ приходились родственниками царей, патріарховъ, выходили изъ служилой аристократіи, были помѣщиками и т. д., и всѣ эти святые могли быть людьми состоятельными. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда святые умирали еще при жизни своихъ родителей, агіографы путались. Воспитавшись на агіографической схемѣ, они и въ этомъ случаѣ говорили, что святой роздалъ родительское имущество бѣднымъ, что̀ мы видимъ въ житіи Евдокима.

Обученіе. Византійскій, такъ и древне-русскій обычай требовалъ отдавать ребенка грамотѣ въ возрастѣ семи лѣтъ. При этомъ руководствовались книгами древнихъ грековъ, Платона и Аристотеля, Иппократа и Галена, у которыхъ человѣческая жизнь дѣлилась по семилѣтіямъ: до семи лѣтъ—младенецъ, до 14—отрокъ, до 21—дѣтище, до 28—юноша, до 35—мужъ, до 42—средовѣчіе, до 49—стеръбль [1]), до 56—старецъ, послѣ 56—матерство [2]). Въ одномъ старомъ русскомъ руководствѣ, источникомъ котораго были безъ сомнѣнія греческія книги, о первыхъ трехъ семилѣтіяхъ говорится такъ, что въ первомъ младенецъ долженъ находиться подъ вліяніемъ родителей и пріучаться говорить одну правду, не лгать и быть скромнымъ; во второмъ отрокъ долженъ изучать какое либо художество, которое давало бы со временемъ насущный хлѣбъ, въ особенности онъ долженъ быть отвлекаемъ отъ всякихъ гадкихъ и безнравственныхъ зрѣлищъ; въ третьемъ семилѣтіи дѣтище должно быть обучаемо страху Божію и мудрости, жить по Богу, усовершенствовать свой разумъ и искусство и честно гражданствовать въ мірѣ [3]).

Житійный шаблонъ требовалъ говорить, что святой въ юношескомъ возрастѣ не любилъ ни дѣтскихъ игръ, ни зрѣлищъ, ни конскихъ

---

1) στρέβλη — винтъ, поворотъ.

2) А. Востоковъ, Описаніе Румянцовскаго Музеума, стр. 4; Н. Лавровскій, Памятники старциннаго русскаго воспитанія (Чт. Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1861, III, 40, прим.).

3) Лавровскій, тамъ же, стр. 39—40.

ристалищъ, ни свѣтскихъ пѣсенъ, ни плясокъ, а усердно изучалъ псалтирь и вообще св. Писаніе, и наука давалась ему очень легко. Шаблонъ этотъ шелъ въ разрѣзъ съ природою дитяти и искусственно заставлялъ вѣрить, что св. Духъ открываетъ и озаряетъ умъ святого мальчика къ уразумѣнію книжной премудрости. Къ счастію, мы имѣемъ примѣры и противоположнаго. Ѳеодоръ Едесскій при ученіи грамотѣ былъ спачала очень неспособнымъ, за что подвергался насмѣшкамъ товарищей и побоямъ учителей. Агіографъ Евдокима также былъ тупъ и много тяжелыхъ воспоминаній вынесъ изъ времени школьной жизни. Никита Пафлагонянинъ опять былъ битъ за свою неспособность. Всѣмъ имъ дарованіе явилось какъ-то сразу, чудеснымъ образомъ. Изъ длиннаго ряда святыхъ VIII и IX столѣтій мы знаемъ три случая тупости святыхъ, но безъ всякаго сомнѣнія ихъ было несравненно болѣе. Быстрое просвѣтленіе мальчика — это довольно частое явленіе, знакомое педагогамъ нашего времени.

Отношеніе къ браку. Подавляющее число святыхъ бѣжало брака, даже всякихъ сношеній съ женскимъ поломъ и жило полными аскетами. Впрочемъ, здѣсь замѣчаются большія уклоненія изъ общаго правила. Одни святые, избѣгая общества женщинъ и отроковъ [1]), допускали сношенія только съ одною матерью, что мы видимъ на примѣрѣ Евдокима; но были и такіе, которые избѣгали сношеній даже и съ матерью [2]). Другіе жили въ обществѣ пожилой женщины, напр. Василій Новый жилъ, имѣя въ услуженіи почтенную Ѳеодору. Третьи женились, но послѣ свадьбы убѣгали изъ дома (Алексѣй Человѣкъ Божій), или проживали дѣтей, но потерявъ ихъ въ раннемъ возрастѣ, давали себѣ обѣтъ воздержанія, проводили богоугодную жизнь и удостоивались святости. Четвертые послѣ рожденія одного-двухъ дѣтей бросали мать, жену и дѣтей и удалялись на путь подвижничества (Евѳимій Новый). И вообще старые благочестивые греки пользовались сожитіемъ очень умѣренно: обыкновенно они порывали плотскую связь послѣ одного-двухъ дѣтей, что видимъ на примѣрѣ родителей Ѳеодора Студита. Еще любопытнѣе пятая варіація: святой обыкновенно противъ своей воли вступалъ въ бракъ съ дѣвушкою, но по взаимному соглашенію молодые проводили жизнь въ совершенномъ воздержаніи, напр. Аммунъ, Хрисаоъ и Дарія, Меланія млад-

1) Достопамятныя сказанія, стр. 234; ж. Стефана Савваита § 25.
2) Достопамятныя сказанія, стр. 200.

шая, Магна, Θеофанъ Исповѣдникъ, у насъ: Макарій Калязинскій, Евфросинія Полоцкая, Юліанія Лазаревская [1]). Въ наше время, если угодно, сравнительно не рѣдко вступаютъ міряне въ бракъ послѣдняго рода, «по закону любви совершенной» (по выраженію Лѣскова), но этотъ примѣръ не примѣнимъ для объясненія браковъ древнихъ святыхъ. Послѣдніе воздерживались отъ брачнаго сопгія во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, тогда какъ нынѣшнія пары вступаютъ въ бракъ уже въ почтенномъ возрастѣ: супругъ, обыкновенно мягкаго, добраго сердца, женится на доброй, преданной, но бѣдной дѣвушкѣ съ намѣреніемъ обезпечить ея старость своимъ имуществомъ, своею пенсіею, и тѣмъ отблагодарить ее за все то добро, которое она дѣлала для него въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ.

Сюда же можно отнести сватаніе святой дѣвицы молодымъ императоромъ, незавершившееся однако бракомъ. Въ основѣ лежитъ чисто историческій фактъ: имп. Константинъ V женился на внучкѣ св. Филарета Милостиваго Маріи. Въ IX (или лучше X в.) появились на этой почвѣ двѣ легенды; во-первыхъ имп. Θеофилъ, обходившій приглашенныхъ во дворецъ невѣстъ съ яблокомъ въ рукѣ, хотѣлъ было отдать яблоко дѣвицѣ Кассіи (или Икасіи), и только послѣ краткаго разговора между ними (Θеофилъ: «все зло въ мірѣ—отъ женщины»; Кассія: «но отъ женщины и все доброе въ мірѣ») молодой императоръ остановилъ свой выборъ на пафлагонянкѣ Θеодорѣ, которая и сдѣлалась императрицею. Кассія удалилась въ монастырь, жила здѣсь подвижнически и стала извѣстною своимъ пѣснопѣвческимъ творчествомъ [2]). Дальнѣйшая литературная обработка этой легенды повидимому свидѣтельствуетъ, что историческаго здѣсь уже ничего не осталось. Θеофилъ будто бы посѣтилъ келію Кассіи (значитъ уже будучи женихомъ или даже мужемъ Θеодоры?), но Кассія заблаговременно вышла изъ своей келіи, оставивъ на столѣ рѣшительную отповѣдь императору. Во-вторыхъ св. Ирина, настоятельница монастыря Хрисоваланта, въ молодости была будто бы въ числѣ невѣстъ молодаго имп. Михаила III. Это уже прямо досужій вымыселъ монастыря, ибо оказывается, что Ирина была на много лѣтъ старше Михаила.

---

1) Подробнѣе объ этомъ въ нашей «Повѣсти объ имп. Θеодосіи II» (Виз. Врем. 1898, V, 81).

2) Ср. K. Krumbacher, Kassia (München 1896); Филаретъ, Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ греческой церкви (Черниговъ, 1864, стр. 328 и сл.); И. А. Карабиновъ, Постная Тріодь (Спб. 1910 стр. 184); О. Н. Ермаковская, Византійскія образованныя женщины («Женскій Вѣстникъ», 1907, мартъ, апрѣль и май).

Аскеза. Подвижничество святыхъ было разнообразное. Одни удалялись въ глухія мѣста и жили въ полномъ уединеніи, избѣгая всякой извѣстности, носили на тѣлѣ желѣзныя вериги, немного спали на камняхъ или въ сидячемъ положеніи, не ѣли хлѣба, чрезмѣрно постились, то-есть по просту добровольно голодали по цѣлымъ днямъ и даже недѣлямъ [1]); иногда питались исключительно сырыми овощами, каждую ночь орошали постелю своими слезами. Другіе, поселившись въ монастырѣ, исполняли сначала самыя черныя работы до очистки отхожихъ мѣстъ включительно, усердно посѣщали службы и постоянно имѣли въ умѣ св. Писаніе, въ особенности Псалтирь; пророчество и чудеса, которыя они творили, привлекали къ нимъ массы народа; святые, тяготясь этимъ, уходили изъ монастыря въ обществѣ одного-двухъ иноковъ и ставили себѣ келью гдѣ-нибудь вдали отъ обители; но слава о подвижникѣ гналась за нимъ по пятамъ; когда и здѣсь святого осаждалъ (ἐνοχλεῖν) народъ, онъ опять мѣнялъ мѣсто своего пребыванія. Третьи, въ особенности наиболѣе славные святые, посѣщались царями и особами императорской фамиліи, а равно военачальниками и высшими сановниками имперіи, и для каждаго изъ нихъ святые находили слово утѣшенія, или пророчествовали, или наконецъ совершали чудо [2]).

При переходѣ отъ радостнаго разсказа къ печальному у агіографовъ была обычная фигура—введеніе въ разсказъ таинственной силы въ образѣ—у классическихъ трагиковъ—deus ex machina, у агіографовъ — μισόκαλος δαίμων. Такія выраженія какъ «ненавидяй добра діаволъ», «ненавидяй исперва врагъ рода человѣческаго діаволъ» становятся наиболѣе обычнымъ терминомъ для объясненія причины всякой помѣхи и воздвигаемыхъ препятствій на пути святого. Этотъ діаволъ наводитъ на аскета то варваровъ, то дикихъ и лютыхъ звѣрей, и святой или преодолѣваетъ эти препятствія, или дѣлаетъ ихъ менѣе вредными.

Въ отношеніи подвижничества св. женъ очень распространеннымъ былъ разсказъ о женѣ, много лѣтъ жившей въ пустынѣ или на безлюдномъ островѣ, не видѣвшей людей и жившей въ совершенной наготѣ. Однажды, когда въ пустыню случайно заходилъ охотникъ, а къ острову приставалъ случайный путешественникъ и встрѣчалъ нагую женщину, она прежде всякаго разговора просила у посѣтителя его

1) Напр. Сим. Столпн. § 6.
2) Ср. ж. Кирилла Филеота: въ «Визант. Врем.» 1897, IV, 385 сл.

одежду для прикрытія своей наготы. Облекшись въ ризы, она вкратцѣ передавала ему разсказъ о своемъ житьѣ-бытьѣ, чѣмъ приводила его въ неописуемый трепетъ. На прощаніи она просила принести или привезти ей Св. Даровъ для пріобщенія. Путникъ черезъ нѣкоторое время дѣйствительно являлся къ ней со Св. Дарами, но такъ какъ жена оказывалась уже умершею, то онъ тутъ же и хоронилъ ее. Въ этомъ общемъ видѣ сюжетъ вошелъ въ житія Киріака отшельника (§§ 18—19), Маріи Египетской, Мартиніана, Θеоктисты Лесбосской, съ нѣкоторыми несущественными разностями [1]).

Историческая часть. Историческая часть въ житіяхъ не дается какъ нѣчто обособленное и цѣлое, а является въ видѣ отдѣльныхъ, не рѣдко вскользь брошенныхъ историческихъ замѣчаній, разсѣянныхъ по всему житію. Но, вообще говоря, сумма историческихъ свѣдѣній, извлекаемая изъ отдѣльнаго житія, очень не велика и стоитъ въ прямой зависимости какъ отъ личности святого, отъ обстановки его жизни, такъ и отъ большей или меньшей современности его агіографа. Особенно выдающійся святой всегда имѣетъ своего современнаго ученика-агіографа; святой заурядный часто не имѣетъ современнаго житія, а если и сохранился позднѣйшій его βίος, то онъ уже не блещетъ фактами, отсутствіе которыхъ замѣняется пустымъ фразерствомъ или, выражаясь книжнымъ языкомъ, риторикою.

Нѣтъ возможности да и надобности въ перечисленіи всѣхъ чисто историческихъ замѣчаній агіографа, тѣмъ болѣе, что въ разсматриваемыхъ житіяхъ всѣ они приведены и по мѣрѣ возможности оцѣнены. Но здѣсь будетъ не безполезнымъ указать на нѣсколько общихъ мотивовъ или вѣрнѣе пріемовъ для изложенія чисто историческихъ свѣдѣній.

Къ числу такихъ пріемовъ относятся напр. сны, которые будто бы видѣли святые и въ которыхъ имъ будто бы было дано объясненіе будущаго. «Въ IX в., говорили мы ранѣе, Николай воинъ разсказалъ слушателямъ свой пророческій сонъ о греко-болгарской войнѣ 811 года [2]); въ X вѣкѣ Михаилъ Малеинъ такимъ же образомъ предсказалъ исходъ греко-болгарской войны 917 года, а Василій Новый—

---

1) Ср. Филаретъ, Подвижницы; ср. еще проложныя слова подъ 1 ноября и 30 мая; и еще Ф. А. Терновскій, Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Кіевъ 1883, стр. 82.

2) V. S. Nicolai Studitae (Combefis, Hist. haeres. monothelitarum, II, 920—925; Μηναῖον· Βενετία 1843, декабрь, стр. 203—204).

исходъ греко-русской войны 941 года [1]); въ XI в. Кириллъ Филеотъ точно такимъ же образомъ предсказываетъ исходъ греко-норманнской войны 1108 года. И Михаилъ и Кириллъ, быть можетъ вѣрнѣе ихъ агіографы Ѳеофанъ и Николай Катаскепинъ, усвоили себѣ даже общую литературную форму, выводя на сцену собакъ: черныя и кровожадныя собаки означали враговъ, все бѣлое и блестящее знаменовало небесную помощь или грековъ. Въ 917 г. черные псы (Болгары) пожрали бѣлыхъ (Грековъ), а въ 1108 г. блестящій воинъ притащилъ кровожаднаго пса (Боэмунда) и бросилъ его къ ногамъ имп. Алексѣя» [2]). Сны оправдывались. Посредствомъ сновидѣній предвѣщается иногда смерть (обыкновенно нечестивыхъ) императоровъ и будущая мученическая кончина святого. Илія младый говорилъ въ тюрьмѣ своимъ братьямъ: «возвѣщу вамъ также, что я видѣлъ въ видѣніи минувшею ночью: я видѣлъ себя сидящимъ въ пастофоріи на почетномъ мѣстѣ, и нѣкій другой чертогъ, сплетенный мнѣ изъ различныхъ цвѣтовъ, и вѣнцы, висящіе надо мною; и обратившись увидѣлъ я нѣкоего чернаго эѳіопа, предстоящаго мнѣ, показывающаго мнѣ крестъ, грозящаго мнѣ смертію и выставляющаго противъ меня мечи и огонь и другія многія страшилища... И теперь говорю вамъ, братья мои, что или распнутъ меня, или сожгутъ огнемъ, или я имѣю претерпѣть все вмѣстѣ» [3]).

Сонное видѣніе измѣняетъ рѣшеніе настоятеля (Сим. Столпн. § 10).

Въ числѣ пріемовъ для прославленія святого агіографы не рѣдко прибѣгаютъ къ разсказу, что во время избранія патріарха голоса всѣхъ подавались за святого, но что онъ отклонялъ отъ себя эту честь по разнымъ причинамъ. Такъ въ патріархи будто бы прочили одного изъ Аморійцевъ, Каллиста, Михаила Синкелла, Симеона Митилинскаго и пр. Патріархъ въ дни своей невзгоды обыкновенно говорилъ, что онъ принялъ патріаршество недобровольно, что онъ лично и не помышлялъ о престолѣ, но уступилъ только насилію свѣтской власти; такъ говорили патріархи: Тарасій, Никифоръ, Фотій, у насъ митрополитъ Климентъ Смолятичъ.

Если святому предлагали епископскую каѳедру, онъ долженъ былъ бѣжать отъ нея и скрываться; если онъ уже былъ епископомъ, ему, по схемѣ, рекомендовалось выкупать плѣнниковъ на волю.

---

1) А. Н. Веселовскій, въ Ж. М. Н. Пр. 1889, I, 83—86.

2) «Визант. Врем.» IV, 389.

3) Прав. Палест. Сборникъ 1907 г., LVII (XIX. 3) стр. 50, 58 § 12.

Въ томъ случаѣ, когда нужно было объяснить появленіе у святого необычайнаго дара пѣсненнаго творчества, агіографы съ X столѣтія усвоили себѣ библейскій образецъ: будто бы нѣкій святой давалъ этому мужу съѣсть свитокъ; мужъ проглатывалъ его и—преисполнялся чуднаго дара творчества. Въ пророчествѣ Іезекіиля (II, 8—10) читаются слѣдующія строки: «отверзи уста твоя и снѣждь, яже азъ даю тебѣ. И видѣхъ, и се рука простерта ко мнѣ, и въ ней свитокъ книжный. И разви его предо мною, и въ томъ писана быша предняя и задняя: и вписано бяше въ немъ рыданіе и жалость и горе». Въ памяти Романа Сладкопѣвца, знаменитаго церковнаго поэта V—VI вѣка, по славянскому рукописному Прологу XVI в. (1 октября) В. Гр. Васильевскій и мы прочитали слѣдующее: «явившуся ему (Роману) пресвятѣй Владычицы нашей Богородицы во снѣ, и свитокъ книжный тому въдавши и повелѣ спѣти: «отвръзь (у) уста моя»; и поглотивь харатію. Бѣше же праздникъ Рождества Христова. I абіе въшедъ въ церковь възыиде на амбонъ и нача пѣти: «Дѣвая днесь пребогатаго рожаетъ». Равнымъ образомъ о св. Ефремѣ разсказано слѣдующее: сонмъ ангеловъ, по повелѣнію Божію сходитъ съ неба, и въ рукахъ у нихъ свитокъ (κεφαλίς), то-есть книга, написанная извнутри и снаружи. И сказали они: кромѣ Ефрема никто не можетъ принять сію, и книгу отдали Ефрему. Послѣ этого святый сталъ учить такъ, какъ будто источникъ текъ изъ устъ его; тогда всѣ познали, что исходившее изъ устъ Ефрема есть отъ Духа Святого [1]). Наконецъ діаконъ Великой Церкви и риторъ Іоаннъ (не ранѣе X в.) въ пересказѣ житія Іосифа Пѣснописца (§ 22) также разсказываетъ, что когда св. Іосифъ сидѣлъ въ Критской темницѣ, въ ночь на Рождество Христово явился ему св. Николай Мирликійскій, предсказалъ смерть Льва Армянина и велѣлъ ему съѣсть κεφαλίδα, βραχύ τι βιβλίου ἀπότμημα. Восхищаясь красотою письма свитка, на которомъ было написано: «потщися, щедрый, и поспѣши, яко милостивый, на помощь нашу, яко можеши хотяй», и произнеся: «какъ сладки написанныя буквы во внутренней гортани души»! Іосифъ проглотилъ свитокъ, и вотъ онъ очутился безъ узъ и шейная цѣпь лежала у его ногъ [2]).

Предсмертное наставленіе. Въ случаѣ, когда идетъ рѣчь о святомъ настоятелѣ монастыря, риторическія руководства полагали

1) Migne, LXV, 168; Достопамятныя сказанія, Спб. 1871⁴, стр. 105.

2) Романова легенда очень удачно подогнана къ Іосифу: имп. Левъ Армянинъ былъ убитъ какъ разъ въ ночь на Рождество Христово.

необходимымъ говорить, что святой, чувствуя близость кончины, собиралъ къ своей постели братію и преподавалъ ей наставленіе и завѣщаніе о томъ, какъ надо жить, молиться, въ точности исполнять уставъ монастыря и пр. Здѣсь Ѳеодоръ Петрскій влагаетъ въ уста Ѳеодосія Палестинскаго между прочимъ слѣдующія не очень осторожныя слова (§ 45): «если вы увидите, что послѣ моей кончины мѣсто это увеличивается еще болѣе, знайте, что я имѣю дерзновеніе у Бога и это будетъ такъ, какъ я вамъ говорилъ; если же нѣтъ, ясно, что не будетъ». Въ настоящее время монастырь Ѳеодосія — очень крохотная обитель; значитъ ли это, что святой не имѣетъ теперь дерзновенія у Бога? Въ перенесеніи мощей св. Олимпіады несравненно лучше сказано: «я, грѣшная, смѣло говорю вамъ, что если я обрѣту тамъ дерзновеніе, я не перестану просить милостиваго Бога, чтобы Онъ покрылъ и управилъ васъ всѣхъ въ настоящей жизни, да и послѣ исхода отселѣ удостоилъ своего небеснаго и безсмертнаго царствія» [1]). Съ греческихъ образцовъ эта мысль была занесена и на русскую почву. «Аще обрѣлъ буду благодать предъ Богомъ, говорилъ Зосима Соловецкій, то обитель сия по смерти моей умножится величествомъ и наиболѣе разширится» [2]), или «аще буду обрѣ(лъ) благодать предъ Богомъ, говорилъ Стефанъ Комельскій, то монастырь сей и по моемъ преставленіи не оскудѣетъ, но паче распространится» [3]). Въ самомъ дѣлѣ, секуляризація монастырей въ царствованіе имп. Екатерины II много монастырей вырвала изъ жизни; монастыря не стало, но значитъ ли это, что святой основатель, произносившій упомянутыя слова братіи, не обрѣлъ у Бога ни милости, ни благодати?

Кончина. Весьма многіе святые, по ихъ житіямъ, желали своей кончины, желали «разрѣшитися и со Христомъ быти»; часто они предсказывали день своей кончины, иногда за нѣсколько лѣтъ впередъ, и предсказаніе это сбывалось. Послѣ напутствія братіи онъ умиралъ обыкновенно съ евангельскими словами на устахъ: «въ руки Твои предаю духъ мой». Отъ тѣла распространялось благоуханіе и надъ тѣломъ почившаго съ наступленіемъ ночной темноты появлялся свѣтъ [4]), иногда слышалось ангельское пѣніе. Весь городъ или всѣ

1) Anal. Boll. XVI, 51 § 16.
2) Рук. И. О. Л. Н. Ѳ. L, 221.
3) П. Д. П. 1892, LXXXV, 18.
4) Огненный столпъ надъ мощами: въ 3-мъ обрѣт. главы Предтечи, въ ж. Давида и Константина 730, Іоанникія Великаго, Бориса и Глѣба 1000, Іоанна Непомука 1393 г. и пр.

иноки и жители окрестныхъ весей стекались на погребеніе святого и многіе изъ недужныхъ тутъ же получали исцѣленіе. Очень часто здѣсь приводится точная дата, число и мѣсяцъ кончины святого; непосредственные очевидцы смерти называютъ также и день недѣльный. Часто здѣсь же приводится и годъ, конечно годъ міровой. При этомъ надобно имѣть въ виду слѣдующее [1]). По обще-византійскому счету, промежутокъ времени между Сотвореніемъ міра и Рождествомъ Христовымъ равнялся 5508 годамъ, по александрійскому счету 5500-мъ и по палестинскому—5492-мъ; Газскій счетъ времени повидимому не употреблялъ мірового года, а пользовался годомъ Христовымъ, хотя и въ своеобразномъ разсчетѣ: онъ шелъ впереди общевизантійскаго на 59 лѣтъ: напр. по житію Порфирія Газскаго († 421) святой скончался въ 480 году [2]). Подобно тому какъ въ актахъ мучениковъ, при незнаніи агіографомъ времени кончины святого, употреблялось общее выраженіе «царствующу Господу нашему Іисусу Христу»,—и здѣсь въ видѣ пережитка стараго преданія агіографы прибѣгаютъ иногда къ тому же опредѣленію. Напр. Кириллъ Скиѳопольскій о кончинѣ Іоанна Молчальника († послѣ 557 г.) выразился: «скончался въ седьмой день мѣсяца декабря въ царство Господа нашего Іисуса Христа» [3]), въ житіи іерусалимскаго епископа Киріака говорится (§ 12): скончался «въ день субботній, въ часъ восьмой, мѣсяца октября 22-го, въ царствованіе Господа нашего Іисуса Христа».

Чудеса. Приступая къ изложенію чудесъ святого при жизни и по смерти, агіографы не рѣдко употребляютъ слѣдующія риторическія фигуры: *ἅτινα ἐὰν γράφηται καθ' ἕν, οὐδὲ αὐτὸν οἶμαι τὸν κόσμον χωρῆσαι τὰ γραφόμενα βιβλία*, «у меня не достанетъ времени, если я захочу разсказать всѣ чудеса, сотворенныя святымъ» [4]), «если бы я сталъ разсказывать подробно...., то у меня не достало бы времени для разсказа» [5]), «если кто пожелалъ бы предать письму каждое изъ чудесъ святого, у него не достало бы и времени и слова, могущаго изобразить это» [6]), «не достанетъ ни времени, ни слова, устанутъ и руки, приспособленныя для письма, если бы мы захотѣли все разсказать» [7]).

1) Ср. AA. SS. Boll. мартъ, III, Exegesis I praevia, n⁰ 11.
2) Ж. Порфирія § 103.
3) Ж. Іоанна: Палест. Патерикъ, III, 26 § 28.
4) Ж. Иларіона Великаго § 24.
5) Палладіевъ Лавсаикъ, стр. 10 (объ Исидорѣ).
6) Меѳодій, ж. Ѳеофана Сигріанскаго § 6.
7) Метафрастово ж. Евдокима (П. Д. П. 1893, XCVI, 13).

Курьезно, что къ этой фигурѣ преувеличенія прибѣгаютъ иногда писатели и въ то́мъ случаѣ, когда перечисляютъ всего не болѣе десятка чудесъ.

Связь между двумя смежными чудесами можетъ быть или временная, напр. «вскорѣ послѣ того случилось новое чудо», но это опредѣленіе времени не имѣетъ историческаго значенія, это только извѣстный пріемъ для перехода отъ одного чуда къ другому [1]), или риторическая, напр. «это чудо, если бы и не было другого, по моему мнѣнію и одно только достаточно для прославленія и возвеличенія имени (святой) во всемъ мірѣ» [2]).

Въ перечнѣ чудесъ обыкновенно указывается: имя больного, рѣже его происхожденіе, и дается неясное опредѣленіе болѣзни: δαιμονίῳ (χαλεπῷ) πνεύματι κάτοχος, δαιμονῶσα, χαλεπῷ πάθει πιεζομένη, ἀπόρρητόν τε καὶ δεινὸν πάθος ἔχουσα и безчисленное множество подобныхъ выраженій.

Чудеса, по словамъ Васильевскаго [3]), «вообще не допускаютъ объясненій». Конечно, но обстановочная сторона чуда: имя, фамилія, родина больнаго, точное обозначеніе его болѣзни, наконецъ бытовыя подробности чуда—все это можетъ служить предметомъ исторіи. Что касается напр. до чудесъ древнихъ мучениковъ, въ нихъ находятъ иногда совсѣмъ обычную обстановку: бани, купальни, колодцы, пластыри изъ масла и воска, компрессы изъ уксуса съ разведенною въ немъ солью, гостинницы съ врачами и т. д., то-есть «бывшіе у св. Артемія не оставляемы были совершенно и безъ настоящей медицинской помощи» [4]).

Для нашей цѣли достаточно будетъ упомянуть здѣсь нѣсколько чудесъ, встрѣчающихся въ житіяхъ святыхъ разнаго времени, и что̀ еще важнѣе, разныхъ агіографовъ: святые ходили по водамъ [5]) или переносились по морю дельфинами (Мартиніанъ § 16, Василій Новый); воскрешали мертвыхъ [6]); прекращали бури чрезъ отверженіе пассажиромъ ереси [7]); исцѣляли болѣзни чрезъ возложеніе руки святымъ на больное мѣсто [8]); какъ кровоточивая исцѣлилась отъ прикосновенія

1) Ж. Евдокима (изд. Лопарева, Софія 1908) стр. 42.
2) Ж. Θеодоры Солунской (изд. Арсенія) § 46.
3) Ж. М. Н. Пр. 1878, I, 150.
4) Жебелевъ, стр. 19.
5) Ж. Стефана Савваита § 63, 76.
6) Палладій, Лавсаикъ, стр. 385; Достопамятныя сказанія, стр. 74, 358.
7) Ж. Порфирія § 56.
8) Ж. Стефана Савваита § 26, 124.

къ ризѣ Господа, такъ женщина исцѣлила свой сосецъ отъ прикосновенія его къ рясѣ Стефана (§ 34); дуновеніе подвижницы обращаетъ врага въ паралячное состояніе (§ 95); святой наводитъ слѣпоту на варваровъ (§ 17); лица враговъ перевертываются; передъ святымъ двери храма отворяются сами собою (§ 87) [1]); святые сообщаютъ о кончинѣ другого святого, который дѣйствительно въ тотъ моментъ и умираетъ (§ 32) [2]); предсказываютъ болѣзнь человѣка совсѣмъ въ другой странѣ (§ 59); становятся невидимыми, когда не желаютъ встрѣчаться съ народомъ; во время молитвы отдѣляются отъ земли, какъ-бы вися въ воздухѣ. Наиболѣе обычнымъ чудомъ является исцѣленіе болѣзни посредствомъ намазыванія масломъ отъ лампады святого [3]). Даръ чудотвореній святыхъ иногда обозначается посредствомъ указанія на близость къ нимъ дикихъ звѣрей и птицъ; напр. Герасиму Іорданскому служилъ левъ, голуби получали пищу прямо изъ рукъ Антонія новаго и Стефана Савваита, которому садились на голову и на плечи [4]); именемъ святого лань позволила поймать себя [5]); кобыла поджидаетъ разбойника (§ 20), и т. д.

Еще болѣе удивительными являются чудеса, когда животныя говорятъ человѣческою рѣчью, какъ въ басняхъ [6]), по библейскому образцу Валаамовой ослицы: въ ж. Космы и Даміана говоритъ верблюдъ, въ муч. Ирины—конь, въ муч. первомуч. Стефана—мьсхы, въ ж. Зосимы и Аѳанасія—левъ и т. д.

На ряду съ этимъ уже въ старыхъ житіяхъ начинаетъ появляться сравненіе чудесъ новозавѣтныхъ святыхъ съ чудесами Ветхаго Завѣта; мы скоро увидимъ, что не въ мѣру расходившееся воображеніе грековъ заносило ихъ и гораздо далѣе этого. Ѳеодоръ Петрскій въ житіи Ѳеодосія по поводу предсказанія Симеона Столпника замѣтилъ (§ 5): «это чудо, какъ мнѣ кажется, можно обрѣсти не на много уступающимъ чуду относительно Іоанна, о которомъ засвидѣтельствовалъ Христосъ, что онъ болій всѣхъ рожденныхъ женами». Тотъ же агіографъ далѣе писалъ (§ 35): «это чудо не уступитъ чу-

---

1) Ср. житія Модеста Іерусалимскаго, Константина Синнадскаго.

2) Ср. ж. Герасима § 5.

3) Палладій, Лавсаикъ, стр. 172; ж. Ѳеодоры Солунской.

4) Ср. мученичество св. Неофита.

5) Симеонъ Столпникъ § 15.

6) Ср. τίς τῶν ὀρνέων τὴν γλῶτταν ἐστόμωσεν ὀργάνου δίκην, ὡς καὶ νομίζειν τοὺς κενοὺς μυθογράφους εἶναι παρ' αὐτοῖς γνωστικὴν ὁμιλίαν; (Георгій Писида: Hexaem. v. 929–932: P. G. XCII, 1505).

десамъ Елисея: тотъ прокормилъ немногими смоквами и хлѣбами ячменными сто мужей, а этотъ, дѣйствіемъ св. Духа, наполнилъ изъ одного пшеничнаго зерна весь домъ пшеницею». Равнымъ образомъ агіографъ Стефана Савваита пишетъ (§ 103): «Другой изъ учениковъ богомудраго старца разсказалъ мнѣ нѣкое чудо, не уступающее чудесамъ законодателя Моисея»; этотъ святой «подобно Моисею ударомъ въ землю извлекалъ воду» (§ 104). Агіографъ Ѳеодоры Солунской говоритъ (§ 61): «это не уступаетъ чудесамъ свѣтильника и верховнаго изъ апостоловъ: тотъ призываніемъ Христа и поднятіемъ за руку исцѣлилъ хромого, а эта прибывшую къ источнику чудесъ уврачевала чрезъ помазаніе масломъ»; названная святая имѣла дерзновеніе къ Богу равное дерзновенію Иліи (§ 46).

Эта часть агіографической схемы оканчивается также риторическими фразами: «куда обратить мнѣ слово?» [1]); «но пора уже кончить свою рѣчь, такъ какъ я не могъ бы въ отдѣльности перечислить твои добродѣтели» [2]).

Заключеніе. Послѣ обозрѣнія посмертныхъ чудесъ ἐγκωμιαστής часто начинаетъ свою рѣчь словами: вотъ тебѣ, отче святый, отъ многаго малое, и затѣмъ обыкновенно прибѣгаетъ къ σύγκρισις'у, то есть проводитъ параллель между своимъ героемъ и святыми ветхо- и ново-завѣтными: Авраамомъ, Моисеемъ, Іисусомъ Навиномъ, Давидомъ, Соломономъ, Іоанномъ Крестителемъ, ап. Петромъ, Павломъ и т. д. Это литературное правило введено было въ старое время, ибо подобная параллель встрѣчается уже въ житіяхъ V вѣка и ранѣе, напр. у Григорія Богослова. Авва Іоаннъ персъ даже о себѣ, modestia neglecta, говорилъ: «и почему мнѣ не надѣяться (на царство небесное)? я былъ страннолюбивъ какъ Авраамъ; кротокъ какъ Моисей; святъ какъ Ааронъ; терпѣливъ какъ Іовъ; смиренъ какъ Давидъ; жилъ въ пустынѣ какъ Іоаннъ; плакалъ какъ Іеремія; былъ учителенъ какъ Павелъ; вѣренъ какъ Петръ; мудръ какъ Соломонъ» [3]). Но слѣдовавшіе за нимъ агіографы, характеризуя личность своего святого, тѣмъ болѣе не могли стѣсняться параллелями. Наиболѣе неумѣренные изъ нихъ осмѣливались сравнивать чудеса своихъ героевъ съ чудесами даже Іисуса Христа [4])! Но при этомъ безстыдство литера-

1) Ж. Ѳеодосія § 14.

2) Ж. Стефана Савваита § 188.

3) Ἀποφθέγματα τῶν πατέρων (Migne P. Gr. LXV); Достопам. сказанія, стр. 172.

4) Примѣры этого σύγκρισις'а указаны П. В. Никитинымъ въ «Сказаніяхъ о 42 Аморійскихъ мученикахъ», стр. 176.

турнаго законодавца все же не доходило до апогея: чудо святого не уступало чуду Елисея, но ни одинъ еще агіографъ не доходилъ до такой разнузданности, чтобы говорить, что чудо святого не уступало чуду самого Христа!

Вслѣдъ за личнымъ σύγκρισις'омъ слѣдовало также сравненіе безличное и общее: святой приложился къ (библейскимъ) патріархамъ какъ патріархъ, къ мученикамъ какъ мученикъ, къ преподобнымъ какъ преподобный, къ отцамъ какъ отецъ. Эта параллель необязательна была именно въ концѣ сочиненія, она могла помѣщаться и въ началѣ житія—но другого святого. Напр. діаконъ Игнатій въ житіи патр. Никифора, упомянувъ въ началѣ о кончинѣ патр. Тарасія, прибѣгъ къ этому безличному σύγκρισις'у, но за то въ концѣ житія Никифора обошелъ его уже молчаніемъ.

Наконецъ слѣдовало молитвенное обращеніе агіографа къ святому о помощи «благочестивымъ царямъ нашимъ». Это стереотипное выраженіе рискованно понимать и толковать въ томъ смыслѣ, что тутъ разумѣется соправительство двухъ императоровъ. Подъ этимъ выраженіемъ часто долженъ подразумѣваться и одинъ царь [1]). Схема оканчивается моленіемъ агіографа о ходатайствѣ святого предъ Богомъ въ разныхъ тяжелыхъ случаяхъ жизни—при посѣщеніи смертоносной язвы, труса, огня и меча варваровъ.

d) Общія критическія замѣчанія о житіяхъ.

Здѣсь мы желали бы обратить вниманіе на нѣсколько существенныхъ вопросовъ, необходимыхъ для изученія житій какъ памятниковъ историческихъ и литературныхъ.

Личность агіографа. Мы далеко не всегда знаемъ агіографа по имени, тѣмъ болѣе не знаемъ мѣста, которое онъ занималъ въ современной ему средѣ; но чаще всего это былъ инокъ, писавшій житіе святого по порученію старшихъ.

Изъ наблюденій надъ житіями выносимъ убѣжденіе, что агіографъ, назвавшій себя, — личность болѣе или менѣе извѣстная, житіе, написанное имъ, отличается литературными достоинствами; напротивъ, анонимное житіе часто страдаетъ несовершенствомъ литературной формы

1) См. напр. Ioannis Hagioelitae de Passione S. Basilii presbyteri Ancyrani narratio ed. M. Krascheninnikov. Jurievi Livonorum 1907 p. 11. 33; наше житіе св. Евдокима. Софія 1908, стр. 101, прим. 212.

и очевиднымъ и обыкновенно неудачнымъ, дѣтски-наивнымъ сочинительствомъ подробностей для вящшаго прославленія святого.

Для объясненія этого послѣдняго обстоятельства необходимо остановиться на половинѣ IX столѣтія, на той грани, которая отдѣлила иконоборческій періодъ отъ послѣдующаго иконодульнаго.

Въ иконоборческую пору монастыри предавались или огню, или приспособлялись къ чисто свѣтскимъ цѣлямъ (напр. превращались въ гостинницы); монахи, эти носители образованія и писатели, подвергались преслѣдованіямъ, изгонялись и иногда даже погибали мученическою смертью; монастырская письменность находилась въ самомъ жалкомъ состояніи, школьное дѣло совершенно замерло. Послѣ 842 года, съ возстановленіемъ иконопочитанія, въ Византіи повѣяло новымъ духомъ — духомъ свободнаго преподаванія и свободы духовной письменности. Школы начали свою дѣятельность съ тѣмъ большимъ рвеніемъ, чѣмъ болѣе онѣ были подавлены въ предшествующее время. Съ цѣлью усовершенствованія рѣчи и слога въ школахъ, во время прохожденія учениками риторическихъ правилъ, задавались письменныя работы по пересказу прежнихъ образцовъ. Пересказывались преимущественно житія святыхъ, какъ любимѣйшій предметъ литературы въ то время. Каждый ученикъ долженъ былъ литературно изложить житіе того или другого святого на основаніи уже существовавшаго его житія.

Оригинальныя же житія писались уже по окончаніи высшей школы на соисканіе ученыхъ степеней риторовъ и философовъ, въ родѣ нашихъ магистровъ и докторовъ. Напр. Никита — Давидъ Пафлагонянинъ для полученія степени ритора (литературы) защищалъ свое «житіе св. славнаго Евдокима», Константинъ вѣроятно для полученія степени философа защищалъ свое «Слово объ обрѣтеніи мощей св. Климента». Это были такъ сказать диссертаціи, свидѣтельствующія какъ о полномъ знаніи авторомъ риторическихъ правилъ, такъ и о знакомствѣ его съ произведеніями классиковъ, хотя бы и въ отрывкахъ. Диссертацій сохранилось до нашего времени очень ограниченное число; въ большинствѣ же случаевъ мы имѣемъ дѣло съ обыкновенными ученическими упражненіями, если достаточно пышными, то только благодаря усвоенію пересказчикомъ агіографической схемы.

Въ разсматриваемыхъ житіяхъ можно не рѣдко подмѣтить школьную работу; но вообще говоря, опредѣленіе личности анонимнаго агіографа всегда сопряжено съ большими трудностями. Нужно очень

хорошо владѣть греческимъ языкомъ средневѣковья, нужно быть Крумбахеромъ, Курцемъ, П. В. Никитинымъ и пр., чтобы произносить приговоръ, имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ сочиненіе солиднаго писателя, или упражненіе какого нибудь школьника. Крумбахеръ, Никитинъ и Delehaye напр. близко подходили къ мысли о школьномъ происхожденіи нѣкоторыхъ пересказовъ; но ни они, ни тѣмъ болѣе остальные ученые еще не рѣшались высказаться на этотъ счетъ опредѣленно. На основаніи изученія языка анонима и его особенностей рѣчи мы нашли возможнымъ приписывать одно анонимное житіе перу извѣстнаго писателя[1]).

Не рѣдко можно наблюдать, что основное житіе святого такъ и погибло, а сохранилось только это ученическое упражненіе, которому мы однако вѣрили, несмотря на ребяческіе пріемы агіографа для приведенія доводовъ въ пользу святости героя.

Если стать на ту точку зрѣнія, что среди житійной литературы часто встрѣчаются ученическія упражненія, то и ороографическія погрѣшности житія можетъ быть слѣдовало бы иногда относить на долю не переписчиковъ, которые вѣроятно тутъ не очень ужъ виноваты, а самихъ авторовъ. При этомъ мы исходимъ изъ того соображенія, что житія, написанныя высокообразованными авторами (напр. діакономъ Игнатіемъ), имѣютъ ороографическихъ ошибокъ неизмѣримо менѣе, нежели житія, написанныя школьниками. Нѣмецкая по преимуществу наука безпощадно обезличиваетъ подобные памятники исправленіемъ ороографіи житія; но если это — ученическія работы, погрѣшности въ нихъ характеризуютъ физіономію агіографовъ, которую желательно было бы сохранять, а не ретушировать.

М ѣ с т о д ѣ я т е л ь н о с т и а г і о г р а ф а. Вопросъ этотъ въ большинствѣ случаевъ также въ высшей степени трудный. Иногда изъ житія совершенно ясно, что агіографъ написалъ Βίος тамъ, гдѣ покоятся мощи святого (напр. Стефанъ савваитъ); иногда драгоцѣнными указаніями являются такія замѣчанія какъ οὗτος и пр. въ отношеніи царицы (городовъ=Византіи), или монастыря съ мощами святого. Но когда никакихъ указаній не имѣется,—а это наблюдается уже въ пересказахъ,—вопросъ о мѣстѣ написанія житія очень затрудняется.

Но занятія надъ житіями святыхъ, думается, не обманули насъ въ той мысли, что βίοι и обыкновенно сначала писались тамъ, гдѣ

---

1) Болландистъ P. Peeters (Anal. Boll. 1909, XXVIII, 497), несмотря на строгость своей критики, все же долженъ былъ признать, что это возможно.

покоятся мощи святого. Къ мощамъ стекались вѣрующіе для поклоненія; здѣсь особенно интересовались біографіею святого, и если послѣдній происходилъ родомъ изъ другой страны, провинціи, области, а подвизался въ третьей, то все-таки суммированіе устныхъ біографическихъ извѣстій происходило именно здѣсь, у гроба. Далѣе: одержимые разными недугами не рѣдко получали здѣсь исцѣленіе. Какъ теперь, и тогда велась регистрація чудесъ: заносилось въ книгу имя больного, его происхожденіе, общее опредѣленіе болѣзни и наконецъ чудесное его исцѣленіе. Все это и заносилось агіографомъ въ посмертныя чудеса святого. Ясное дѣло агіографомъ могъ быть только мѣстный житель, въ распоряженіи котораго находились какъ устные разсказы монастырской братіи, такъ и книга для записей чудесъ.

Но когда житіе написано, пересказы его могли составляться гдѣ угодно. И такъ какъ въ Византіи образовательныхъ средствъ въ видѣ школъ было болѣе, нежели въ любомъ провинціальномъ городѣ, слѣдовательно было болѣе учениковъ и болѣе письменныхъ упражненій, то мы и думаемъ, что пересказы житій святыхъ могутъ быть больше всего пріурочены къ Константинополю. Даже знаменитый Метафрастъ, пересказывавшій подобнаго рода памятники, — и тотъ жилъ въ Византіи: очевидно, въ этомъ центрѣ просвѣщенія легче всего было заниматься всякими литературными работами.

Анонимный пересказъ житія узнается по отсутствію субъективныхъ чертъ агіографа, по полной абстракціи автора, по сухости и безжизненности его изложенія.

Ученый иногда не можетъ опредѣлить, имѣетъ ли онъ подлинное анонимное житіе, или уже только сохранившійся его анонимный пересказъ. Въ этомъ случаѣ по языку сочиненія едва ли можно опредѣлить съ точностью мѣстность, въ которой агіографъ жилъ и писалъ. Въ такихъ случаяхъ послѣ долгаго колебанія мы все-таки останавливались на Византіи, этой лабораторіи агіографической письменности.

Время жизни агіографа—новый камень преткновенія для изслѣдователей.

Ученый находится въ счастливыхъ условіяхъ, если авторъ случайно связалъ свое имя съ какимъ либо императоромъ, патріархомъ, которые хронологически точно пріурочены, или епископомъ; но если этого нѣтъ, усилія изслѣдователя не приводятъ ни къ чему опредѣленному. Если мы очень часто не въ состояніи точно пріурочить ко

времени какого нибудь поименнованнаго писателя, то тѣмъ болѣе мы безпомощны пріурочить анонима.

Для этого пріуроченія ученые ищутъ какихъ либо внѣшнихъ, или постороннихъ основаній: если это хроника, смотрятъ, какимъ царствованіемъ она оканчивается, и отсюда выводятъ, что авторъ жилъ въ эпоху послѣдняго, названнаго имъ царя, какъ будто бы сочинитель умеръ съ послѣднею написанною имъ строкою; если это одинъ изъ пересказовъ житія, сличаютъ всѣ пересказы и установленіемъ связи ихъ съ современнымъ житіемъ или вообще со временемъ кончины святого дѣлаютъ робкое заключеніе о появленіи такого пересказа «въ такомъ-то или слѣдующемъ столѣтіи»; если это легенда, ищутъ параллелей къ ней въ другихъ, точно опредѣленныхъ, памятникахъ и отсюда заключаютъ, старѣе, или новѣе искомая извѣстной, и т. д., и во всѣхъ случаяхъ не пренебрегаютъ такимъ постороннимъ соображеніемъ, какъ палеографическая дата старѣйшаго списка искомаго сочиненія, позже которой авторъ не могъ жить. Всѣ эти основанія не особенно точны и потому выводы науки, на нихъ опирающіеся, не должны претендовать на какую либо опредѣленность.

Въ отношеніи писателей, сочиненія которыхъ сохранились, важнѣйшимъ критеріемъ для опредѣленія времени ихъ жизни долженъ былъ бы считаться языкъ; но вопросъ о греческомъ языкѣ, какъ онъ послѣдовательно жилъ въ теченіи вѣковъ, настолько трудный, что даже Крумбахеры не взяли бы на себя отвѣтственности въ точномъ пріуроченіи анонимнаго памятника—напр. къ IX, или X столѣтію.

Отношеніе пересказчиковъ къ первоначальному житію. Если первоначальное житіе было написано простымъ языкомъ или въ простыхъ, недостаточно красивыхъ выраженіяхъ, то при школьномъ употребленіи оно служило канвою, по которой ученики учились облекать простоту выраженія въ пышныя, риторическія формы.

Къ несчастію для византійской литературы, до насъ сохранилось слишкомъ много школьныхъ пересказовъ житій, которые, къ стыду византійскаго общества, не только обращались рядомъ съ ихъ оригиналами, но и пережили ихъ, сохранившись до нашего времени, тогда какъ самые оригиналы, служившіе субстратомъ для пересказовъ, погибли. Мы говоримъ здѣсь именно о школьныхъ упражненіяхъ, а не о пересказахъ извѣстныхъ писателей. Достопочтенный Болландистъ о. Hipp. Delehaye пробовалъ было приложить характеристику: funestissimus homo, qui rem hagiographicam penitus vastavit — къ Си-

меону Метафрасту. Но когда Krumbacher, а потомъ мы дали понять, что такое сужденіе далеко не можетъ разсчитывать на общепризнанность, благородный іезуитъ отказался отъ своихъ словъ. Къ Метафрасту эти слова совершенно не примѣнимы, но они вполнѣ пригодны именно къ школьнымъ упражненіямъ.

Школьныя переложенія начинаются уже со второй половины IX вѣка, какъ видно изъ любопытнаго въ этомъ отношеніи житія св. Іоанна Психаита. Мюнхенскій списокъ этого житія, представляющій изъ себя ученическое упражненіе по перелицовкѣ, интерполированію и разукрашенію житія, относится къ X или даже къ IX вѣку. Это особенно наглядно сказывается при сравненіи его со спискомъ Оксфордскимъ (Barocc. 240), хотя и болѣе поздняго времени, но сохранившимъ въ себѣ основной текстъ житія. При разсмотрѣніи этихъ списковъ обнаруживается прежде всего, что начальный школьникъ пытался перелицевать оригиналъ, замѣнивъ его выраженія синонимами. Это—первый шагъ школьника на литературномъ поприщѣ. Вмѣсто оригинальнаго σχεδόν онъ поставилъ παραμικρόν, вм. εὖ—καλῶς, вм. δεῖ—πρέπει, вм. ἕνεκα—χάριν, вм. ὡς οἷόν τέ ἐστι—ὡς δυνατὸν ὑπάρχει, вм. τεμένη—ναούς, вм. ἶσον—ὅμοιον, вм. οἴκαδε—εἰς τὰς οἰκίας и множество другихъ. Замѣна эта иногда не безынтересна, напр. вм. λεωφόρον стоитъ ὁδὸς δι' ἧς φέρεται πρὸς τὴν πόλιν ὁ λαός. Въ общемъ, какъ кажется, ученикъ держался не книжнаго языка, все еще напоминавшаго классическій, а разговорнаго, съ примѣсью церковнаго.

Но въ Мюнхенскомъ спискѣ (Monac. 366) видна кромѣ того работа и болѣе зрѣлаго школьника, который, воспроизводя текстъ оригинала, вставлялъ цѣлыя риторическія фразы для приданія большей пышности изложенію. Возьмемъ для примѣра предсмертную рѣчь Іоанна братіи, какъ она читается въ оригиналѣ и въ пересказѣ. «Пребывайте, дѣти, въ подвигахъ за благочестіе, храните вѣру непоколебимо до конца; считайте себя гостями міра сего; храните любовь другъ къ другу; соблюдайте неумаленнымъ цѣломудріе, черезъ которое мы приближаемся къ Богу: оно дѣлаетъ насъ храмами Бога; имѣйте милостыню къ бѣднымъ, смиреніе, мягкость, воздержаніе, бодрствованіе въ молитвахъ — (все) это храните до конца, чтобы, сдѣлавшись совершенными, вы получили и совершенный вѣнецъ подвига». Здѣсь просто, безъ затѣй, изложена такъ сказать фактическая часть бесѣды. Но вотъ къ послѣдней прикасается интерполяторское перо ученика

и—что мы видимъ? «Пребывайте, дѣти, въ подвигахъ за благочестіе, храните вѣру непоколебимо до конца, не предпочитая тѣлесной крѣпости исповѣданія во Христа: будьте готовыми за нее претерпѣвать все. Пусть это будетъ первымъ стремленіемъ вашихъ подвиговъ, это—глава ваша: при здравіи ея вы легко пріобрѣтете и остальную добродѣтель. Затѣмъ считайте себя гостями міра и не считайте ничего общаго въ настоящемъ, но, будучи насельниками на землѣ, думайте такъ, зная, что отечество наше есть градъ вышній Іерусалимъ: къ нему стремитесь, въ немъ жить старайтесь. Пусть пребываніе въ настоящей жизни не отдѣляетъ васъ отъ вѣчнаго блаженства: ибо невозможно получить его тому, кто относится апатично къ здѣшнему, какъ невозможно кому либо переселиться въ другой городъ, прежде чѣмъ онъ не выселится изъ своего. При этомъ храните любовь другъ къ другу, зная, что существуетъ связь добродѣтелей, по божественному апостолу [1]): когда нѣтъ связи, по необходимости постройка непрочна, и не только не прочна, но и грозитъ паденіемъ; постройки—добродѣтели: если кто, какъ говорится, строитъ на этомъ основаніи, связью служитъ любовь, связующая, единящая ихъ и не позволяющая (имъ) расходиться. Соблюдайте неумаленнымъ цѣломудріе, через которое мы приближаемся къ Богу; храните его до конца незапятнаннымъ: оно дѣлаетъ васъ храмами Бога; это—дерзновеніе ваше къ Нему: когда цѣломудрія нѣтъ, нечисто остальное дѣло, хотя бы оно и было похваляемо. Ибо вы преслѣдуете миръ, какъ говорится, и освященіе, безъ котораго никто не узритъ Господа. Милостыню къ бѣднымъ, смиреніе, кротость, воздержаніе, бодрствованіе въ молитвахъ,—(все) это до конца храните, чтобы, сдѣлавшись совершенными, вы получили и совершенный вѣнецъ подвига».

Житія святыхъ какъ историческій источникъ стоятъ въ тѣсной связи съ церковно-политическими теченіями данной эпохи, являясь матеріаломъ для детальнаго ея изученія. Чѣмъ болѣе обостренный характеръ носила эпоха, чѣмъ интенсивнѣе церковь отзывалась на явленія жизни, тѣмъ болѣе появлялось житій святыхъ и тѣмъ болѣе эти житія носятъ историческій характеръ. Это и понятно. Дѣятели,

---

1) Колосс. III, 14.

принимавшіе горячее участіе въ церковной борьбѣ, изъ которой вышли побѣдителями, и содѣйствовавшіе успѣху церкви напр. противъ ересей, всѣ удостоены были ореола святости и почти всѣ они имѣютъ свои житія. Война родитъ героевъ, ересь выдвигаетъ святыхъ апологетовъ. Наоборотъ, чѣмъ монотоннѣе шла церковная жизнь, чѣмъ глубже царилъ миръ, тѣмъ житій святыхъ менѣе, тѣмъ житія исторически малоцѣннѣе, не выходя за предѣлы простой и краткой біографіи, наполненной примѣрами лишь созерцательной жизни аскетовъ.

Въ IV и V вѣкахъ церковь пережила много треволненій,—за эти столѣтія мы имѣемъ по 50 приблизительно житій святыхъ. Въ дальнѣйшемъ количество житій все падаетъ—вплоть до иконоборческой эпохи: отъ «Юстиніанова вѣка» мы имѣемъ 20 житій, отъ VII столѣтія—13 житій. Эпоха VIII—IX столѣтій дала огромное количество житій, послѣ чего идетъ вновь постепенное паденіе житійнаго дѣла: X в.—11, XI в.—18, XII в.—6, XIII в.—8, XIV в.—9, XV в.—5 житій.

Мы спеціально взялись за разсмотрѣніе житій святыхъ эпохи VIII—IX столѣтій, поскольку они могутъ служить для цѣлей исторіи.

ГЛАВА I.

Константинополь вообще.

Житіе Андрея въ Судѣ. — Ѳеофаново слово объ изгнаніи патр. Никифора. — Ж. Іуліана. — Ж. Лазаря. — Ж. Иларіона Грузина. — Ж. Ѳеофаніи. — Слово о главѣ Предтечи. — Перен. мощей Ѳерапонтія Кипрскаго. — Аморійское мученичество. — Меѳодіево и иное ж. Ѳеофана Сигріанскаго.

Житіе или Мученичество Андрея «въ Судѣ» (ὁ ἐν τῇ Κρίσει), написанное, повидимому, во второй половинѣ IX вѣка, мало знаетъ біографическихъ чертъ и исполнено риторства. Андрей названъ здѣсь—святымъ славнымъ исповѣдникомъ и чудотворцемъ[1]). Парижская рукопись Житія относится къ IX в., позже котораго оно стало быть не могло быть написано. Впрочемъ Болландисты полагаютъ, что это Житіе не есть все-таки оригинальное произведеніе, что оно представляетъ пересказъ болѣе ранняго несохранившагося сочиненія: на это наводитъ разсмотрѣніе Метафрастовской передѣлки; однако заключеніе автора какъ будто говоритъ о самостоятельности сочиненія. Въ началѣ авторъ

1) Act. SS. Boll., октябрь, VIII. 135—142. Μέγα μὲν ὡς ἀληθῶς.

говоритъ о пользѣ чтенія и изученія Св. Писанія (§ 1), а равно и житій пророковъ, апостоловъ, св. отцевъ и въ особенности мучениковъ (§ 2). Изъ лицъ, прославившихся мученичествомъ, особенно извѣстенъ Андрей, пострадавшій за почитаніе иконы Христа отъ жестокаго и развращеннаго царя—Константина, «слуги сатаны», «котораго благочестивые люди того времени (ἐν τοῖς τότε χρόνοις) заслуженно назвали Копронимомъ» (§ 3).—Это не точно. Прозваніе «Копронимъ» и «Кавалинъ» имп. Константинъ получилъ лишь во второй половинѣ IX столѣтія, ранѣе чего не могло появиться и настоящее житіе.—Описываются въ общихъ чертахъ иконоборческіе подвиги императора (§ 4) и его преслѣдованія за почитаніе иконъ Христа, Богородицы и святыхъ: клирики и монахи убивались, народъ изгонялся и осуждался на заключенія (§ 5). Андрей жилъ въ такъ называемой крѣпости (Κάστρον) Крита; въ Житіи Андрея Критскаго быть можетъ она же названа крѣпостью τοῦ Δριμέως; географы находятъ близь Кандіи Castelpriotisa. Услышавъ о безбожіи царя, онъ прибылъ въ Византію (τὴν Βύζαν, очевидно Βύζαντος) и узналъ, что Константинъ живетъ внѣ города, во дворцѣ св. Маманта[1]). Онъ явился сюда въ то время, когда императоръ производилъ допросы и судъ надъ иконопочитателями, которыхъ велѣлъ бить до полусмерти, жечь, ослѣплять, лишать языка и рукъ. Видя это, Андрей вознесъ молитву къ Богу (§ 6) и обратился съ вопросомъ: «царь, ты христіанинъ? народъ, ты христіанинъ?» Константинъ взглянулъ на него, по своему обыкновенію, дракониски и убійственнымъ взглядомъ, наклонилъ голову и велѣлъ схватить и представить къ нему святого. Слуги царя потянули его, кто за волосы, кто за шею и лобъ, кто за спину, причемъ разорвали на немъ одежду (§ 7). Царь поманилъ его къ себѣ, отослалъ своихъ слугъ и спросилъ Андрея: «человѣкъ, развѣ такъ императорскіе законы учатъ противиться государямъ вселенной, называть ихъ безбожными и чуждыми вѣрныхъ?» Андрей отвѣтилъ: «царь, никто не ошибается, обличая беззаконнаго царя; я вижу, что вы ничего не дѣлаете такого, что свойственно истинному христіанину: убиваете людей, проповѣдуете безбожіе. Какъ же мнѣ назвать тебя, царь? христіаниномъ? вѣдь христіане правили престоломъ человѣколюбиво. Константинъ отвѣтилъ: человѣкъ, мы христіане, дѣлаемъ все хорошо, по христіански; чтобы показать всѣмъ истину вѣры, наша держава постановила уни-

1) p. 137: ἐν τοῖς πέραν βασιλείοις τοῦ πανευφήμου μάρτυρος Μάμαντος.

чтожить (ἐξαφανίζεσθαι) изъ церквей и другихъ мѣстъ тѣлесныя изображенія, какъ идоловъ противныхъ Богу» (§ 8). Въ дальнѣйшемъ разговорѣ святой назвалъ царя бѣшенною собакою, говорящею изъ вонючаго (κοπρόθετος) сердца, и заявилъ, что почтеніе иконѣ переходитъ на первообразъ (§ 9); разгнѣванный императоръ приказалъ его бичевать; слуги растянули его и связали ему руки. Константинъ предлагалъ ему покориться царскимъ опредѣленіямъ, но Андрей отвергъ это, замѣтивъ: «ты оставилъ борьбу противъ варваровъ и управленіе государственнымъ строемъ[1]) и возсталъ вмѣсто того противъ христіанъ; я готовъ умереть за Христа, дѣлай, что хочешь: убей, сожги, казни, изгони, заключи въ тюрьму». По мнѣнію Болландистовъ, Андрей намекалъ здѣсь на Болгарскій походъ имп. Константина 766 года. Царь взглянувъ на своихъ служителей и воскликнулъ: Я презрѣнъ моими слугами! вы видите, что онъ обвиняетъ вашего государя? (§ 10). Слуги тотчасъ бросились на святого и одни хотѣли мечами разрубить Андрея на части, другіе побить святого камнями, третьи, подобравъ (ἀνακομβοῦνται) свои одежды и засучивъ рукава, скрежетали зубами и намѣревались схватить Андрея. Но царь собственноручно отклонилъ ихъ отъ убійства, и велѣлъ двумъ слугамъ растянуть святого и бить ремнями по спинѣ и по груди. Куски мяса отлетали и земля обагрялась кровью (§ 11). Наконецъ императоръ велѣлъ прекратить пытку и призвать къ себѣ святого. Андрей едва двигался. Подойдя къ Константину, онъ сказалъ: «царь, убѣдился ли ты въ непреклонности моей вѣры? знаешь ли, что если бы всѣ убійственныя орудія твоей жестокости ты приложилъ къ моему тѣлу, то и тогда не могъ бы побороть моего твердаго духа». Константинъ велѣлъ слугамъ схватить камни и бить святого по челюстямъ (σιαγῶν). Андрей палъ на колѣни и молился (§ 12). Затѣмъ онъ, по приказу царя, былъ запертъ въ вонючую темницу (по догадкѣ Болландистовъ, въ тюрьму Фіала), гдѣ прославлялъ Бога (§ 13). На другой день императоръ, сидя передъ загороднымъ дворцомъ (ἐπὶ τοῦ πέραν παλατίου), велѣлъ опять привести къ нему святого передъ трибуналъ и, видя его непреклонность, приказалъ раздѣть его и бить ремнями. Полумертвого онъ велѣлъ тянуть по землѣ за голову среди безчисленнаго народа и затѣмъ отправить въ Константинополь и тамъ таскать его за веревку по всѣмъ дорогамъ (πλατείαις) и площадямъ (λεωφό-

1) p. 139: εἴασας τὴν κατὰ τῶν βαρβάρων πάλην καὶ τὴν τῆς πολιτικῆς εὐταξίας διοίκησιν ...οὕτως βούλει... ἐν εἰρήνῃ τὰ τῆς βασιλείας σκῆπτρα διέπειν.

ροις). По каменистымъ и шероховатымъ мѣстамъ, по улицамъ (ῥύμαις) и площадямъ его, обагреннаго кровью, притянули «въ мѣсто такъ называемаго Вола» (εἰς τὸν τόπον τοῦ λεγομένου Βοός, § 14). Одинъ изъ тамошнихъ мелкихъ рыболововъ (τῇ τέχνῃ τῆς ἁλείας ἐνδιατρίβων), принесшій на площадь для продажи уловъ, увидѣвъ влекомаго человѣка, полюбопытствовалъ узнать причину его наказанія, и затѣмъ схвативъ топоръ (τὴν ἀξίνην τοῦ μακέλλου), который обыкновенно употребляютъ рыболовы, наступилъ на правую ногу святому и отрубилъ ее, послѣ чего Андрей скончался; это было 20 октября (§ 15), по мнѣнію Болландистовъ, 767 года. Лица, тянувшія мученика, бросили его тѣло въ вонючемъ мѣстѣ и объявили убійцѣ, что онъ заслуживаетъ награды какъ со стороны ихъ, такъ и императора. Ночью нѣкоторые православные тайно похитили тѣло Андрея (по догадкѣ Болландистовъ, съ Пелагіева кладбища) и погребли его въ мѣстѣ, называемомъ «Судъ» (Κρίσις, § 16). Монастырь Суда или Розолистный извѣстенъ изъ Житія Филарета, гдѣ онъ названъ женскимъ монастыремъ; таковымъ онъ оставался и въ XIII в., когда его расширяла протовестіарисса Анна Раулена. Агіографъ замѣчаетъ: вотъ тебѣ похвала отъ насъ; хотя я и не могъ сочинить похвалу (ἐγκώμιον) по достоинству, но любовь моя къ тебѣ заслуживаетъ достоинства похвалъ (§ 17).

Небольшое слово пресвитера и игумена Θеофана объ изгнаніи патріарха Никифора и о перенесеніи мощей его [1]) не выходитъ изъ рамокъ обычнаго церковнаго слова и прямо заканчивается молитвеннымъ обращеніемъ къ св. Никифору; едва ли эта часть не есть первый опытъ службы патріарху. Въ общемъ статья исторически малоцѣнная, хотя Θ. И. Успенскій придаетъ ей большое значеніе: въ вопросѣ о торжествѣ православія этотъ ученый видитъ въ словѣ цѣнность, не уступающую хронистамъ [2]); разсказывается въ общихъ чертахъ, чего нельзя было ожидать отъ лица близкаго по времени къ названному патріарху. И въ литературномъ отношеніи слово это не можетъ служить образцомъ изложенія; такъ напр. Θеофанъ совершенно не кстати и совсѣмъ не на мѣстѣ говоритъ о VII вселенскомъ соборѣ; здѣсь онъ кажется обмолвился, имѣя въ виду соборъ 842 года,

1) Латинскій переводъ въ Act. SS. Boll., мартъ, II, 318; Θ. Ἰωάννου. Μνημεῖα ἁγιολογικά, 115—128 (по cod. Marc. 359, XII вѣка). Поправки къ изданію — П. В. Никитина въ «Зап. Имп. Акад. Наукъ» (Mémoires, VIII-e série, cl. hist.-philol. I. 1). Спб. 1895, стр. 54.

2) Очерки, стр. 29—31.

что ему и слѣдовало по ходу разсказа; а между тѣмъ вслѣдствіе обмолвки получается странное представленіе: черезъ четыре года послѣ Никейскаго собора[1]) патр. Меѳодій убѣдилъ царицу Ѳеодору перенести мощи св. Никифора (§ 9). Фактическая сторона слова сводится къ немногимъ даннымъ, и прежде всего для біографіи Никифора. Онъ прожилъ въ ссылкѣ 14 лѣтъ, умеръ 13 марта, тѣло его хранилось нетлѣннымъ 19 лѣтъ и перенесено черезъ 4 года послѣ собора, 13-го же марта: ясно, что перенесеніе мощей патріарха состоялось 13 марта 846, кончина 13 марта 827, сверженіе съ престола 814 года. Но обычное мнѣніе, что Никифоръ удаленъ 20 марта 815 и скончался 13 марта 828 года, какъ засвидѣтельствованное Ѳеодоромъ Студитомъ и другими, все же кажется заслуживаетъ болѣе вѣроятія. Ѳеофанъ приводитъ еще одну дату: онъ говоритъ, что иконоборческое зло, очевидно во второмъ его періодѣ, продолжалось около 30 лѣтъ, и совершенно справедливо: 842 — 30 = 812, что близко къ іюлю 813 года, времени вступленія на престолъ имп. Льва Армянина. Но не столь вѣроятенъ разсказъ автора, когда онъ пишетъ о сверженіи Никифора, будто патріархъ «вышелъ изъ церкви унылый, со слезами на глазахъ, и укрѣплялъ народъ приличными божественными словами» (§ 4). Ѳеофанъ, писавшій лѣтъ 50 спустя, долженъ уступить въ этомъ отношеніи діакону Игнатію и Ѳеодору Студиту, какъ современнику и другу Никифора. Студійскій игуменъ свидѣтельствуетъ, что патріархъ былъ схваченъ ночью, дабы не возбудить народа, и немедленно же перевезенъ черезъ Босфоръ. Игнатій, правда, разсказываетъ, что Никифоръ молился въ церкви, но и онъ умалчиваетъ о присутствіи народа. Если мы ко всему этому прибавимъ еще, что почипъ въ дѣлѣ возстановленія иконопочитанія сдѣлала царица Ѳеодора, что патр. Іоаннъ дѣйствительно воспользовался своеручно (для оскорбленія иконы Христа) и за это едва не поплатился жизнію, что наконецъ въ Ѳеодоровскій монастырь, который былъ построенъ патріархомъ, въ которомъ онъ жилъ и скончался (§ 5), ѣздилъ за мощами Никифора лично патр. Меѳодій соборне съ духовенствомъ (§ 11) и перенесъ ихъ въ храмъ Апостоловъ (§ 12), то исчерпаемъ всю сумму имѣющихся въ словѣ фактическихъ данныхъ. *

Житіе или вѣрнѣе мученичество Іуліана и дружины, иначе 10 (13) мучениковъ цареградскихъ, представляетъ интересъ не столько

1) Θ. Ἰωάννου 124: ἡ ἐν Νικαίᾳ τὸ δεύτερον οἰκουμενικὴ Σύνοδος ὑπὸ Εἰρήνης καὶ Ταρασίουκροτηθεῖσα... Χρόνου τοιγαροῦν ἐκ τούτου τετραετοῦς παρῳχομένου.

*

для вопроса о сверженіи иконы Спаса на Мѣдныхъ воротахъ, первомъ иконоборческомъ распоряженіи имп. Льва Исавріянина 726 г. [1]), сколько для вопроса объ обрѣтеніи мощей ихъ. О жизни святыхъ авторъ знаетъ очень мало и поименно называетъ лишь патрикію Марію, главное лицо разсказа, и протоспаѳарія Григорія. Что у него интересно, то несамостоятельно; единственное значеніе мученичества— въ разсказѣ объ обрѣтеніи мощей ихъ въ 869 году; здѣсь авторъ, повидимому, современникъ событія, даетъ нѣчто новое и показаніе его любопытно.

Витіевато распространившись о св. Троицѣ (§ 1) и кратко упомянувъ затѣмъ о паденіи язычества и о построеніи храмовъ, авторъ говоритъ наконецъ о безбожномъ царѣ Львѣ, уроженцѣ Германикійской страны (ἐκ τῆς Γερμανικίων χώρας), на самомъ же дѣлѣ вышедшаго изъ Исаврійской ереси (ἐκ τῆς τῶν Ἰσαύρων αἱρέσεως). Свѣдѣніе это взято изъ Ѳеофана (I. 391), которому онъ слѣдуетъ, рабски повторяя его текстъ и только иногда его сокращая или риторически пополняя отрывистыя рѣчи, приводимыя Ѳеофаномъ. Въ первое царствованіе Юстиніана Ринотмита (τοῦ Ῥινοκοπημένου, 685—695) онъ съ родителями былъ переведенъ въ Месимврію Ѳракійскую, а во второе царствованіе (705—711), когда онъ шелъ съ Болгарами (очевидно съ болгарскимъ княземъ Тервели), Левъ вышелъ къ нему на встрѣчу съ даромъ въ 500 овецъ [2]). Обрадованный этимъ, царь сдѣлалъ его спаѳаріемъ и близкимъ своимъ другомъ и взялъ его съ собою въ Византію. Многіе потомъ доносили на Льва, что онъ стремится къ престолу, — Ѳеофанъ замѣчаетъ, что наряжено было слѣдствіе, результатомъ котораго было посрамленіе доносчиковъ; но эту подробность агіографъ выпустилъ. Юстиніанъ не хотѣлъ вредить ему открыто, а послалъ его «къ нѣкоему народу, называемому Аланами (Ἀλανοί), съ дарами, чтобы они подъ благовиднымъ предлогомъ его погубили»; но божественный судъ рѣшилъ иначе (§ 2). Ѳеофанъ обстоятельно разсказываетъ о странствованіи Льва по Аланіи, Лазіи, Апсиліи и Кавказу и о томъ, какъ Левъ остался невредимымъ, — все это нашимъ авторомъ опущено. Руководясь Ѳеофановою системою хронологіи, анонимъ пишетъ, что Левъ занялъ престолъ въ 6209 или 709 (то,

---

1) Τοῦ τῆς πανυμνήτου καὶ παντούργου ζωαρχικῆς τριάδος: Act. SS. Boll., августъ, II, 434—447.

2) προβάτων φ′, въ латинскомъ: quinquaginta ovium. Что это? опечатка ли въ греческомъ (вм. ν′), или ошибочность перевода въ латинскомъ (вм. quingentis)?

есть 717) году, и сначала казался благосклоннымъ; но вскорѣ задумалъ злой умыселъ, думая многихъ обмануть убѣжденіемъ. Потерпѣвъ неудачу, онъ круто измѣнился. «Предложимъ небольшой полезный историческій разсказъ (τῆς ἱστορίας διήγημα), хотя и придется мнѣ отступить въ исторіи и пояснить ее»;—онъ имѣетъ въ виду выдержку изъ хроники Ѳеофана (I. 401). Въ 6214 или 714 (то-есть 721) году, на 7-мъ году царствованія прибылъ одинъ іудей, уроженецъ Лаодикіи, что въ приморской Финикіи, вошелъ къ Изиду (Ἰζίδ), тогдашнему правителю Сиріи (τῆς Συριάτιδος), и объявилъ ему, что онъ будетъ царствовать 40 лѣтъ, если уничтожитъ иконы въ церквахъ во всей его странѣ (§ 3). Изидъ послушался его и издалъ указъ противъ иконъ, но въ томъ же году умеръ, и ученіе его еще не дошло до всѣхъ. Левъ заразился этою ересью, найдя единомышленника себѣ въ лицѣ нѣкоего Виспра (Βησήρ), христіанскаго плѣнника въ Сиріи, ренегата, вскорѣ получившаго у арабовъ свободу; дальнѣйшая фраза Ѳеофана: «и прибывшаго въ Ромейское жительство» здѣсь пропущена. Въ виду тѣлесной силы и зловѣрія Левъ сдѣлалъ Виспра патрикіемъ; послѣднее слово есть простая догадка агіографа, ибо у Ѳеофана сказано только: ἐτιμήθη παρὰ τοῦ αὐτοῦ Λέοντος. Виспръ сдѣлался для царя причиною зла; съ нимъ одинаково мыслилъ и епископъ Наколійскій: Ѳеофаново Νακωλείας ὁ ἐπίσκοπος здѣсь превращено въ ὁ δίοπος Νακωλείας. Но царь, замѣчаетъ нашъ авторъ, не узаконилъ злаго совѣта (§ 4).

Вслѣдъ затѣмъ неожиданно и некстати является на сцену дружина святыхъ. Одни побуждали себя къ мученичеству, и во главѣ ихъ стояла благороднѣйшая красавица Марія, происходившая изъ царственнаго рода (βασιλικωτάτου γένους καταγομένη), рѣчь которой приведена авторомъ (§ 5). Всѣ воодушевились и каждый изъ нихъ молилъ Бога о дарованіи имъ терпѣнія доблестно противостоять безбожному; остальные, объятые страхомъ, разсѣялись по селеніямъ, островамъ и морскимъ пещерамъ (§ 6).

Далѣе опять слѣдуетъ выписка изъ Ѳеофана: на 9-мъ году царствованія Левъ началъ говорить объ уничтоженіи иконъ. Узнавъ о томъ, Григорій, папа стараго Рима, воспретилъ посылать ему подати изъ Италіи и Рима и написалъ догматическое письмо Льву, говоря, что царю нельзя разсуждать о вѣрѣ. «Случилось тогда страшное знаменіе». Въ часъ жатвы, 9-го индикта (726 года) изъ глубины морской между островами Ѳирою и Ѳрасіею (въ Критскомъ морѣ)

какъ бы изъ расплавленной печи выступилъ паръ, который, остывая, обращался въ камень; дымъ и воздухъ пропитались огнемъ и изъ-подъ земли въ теченіе многихъ (у Θеофана: τινας) дней вылетали изверженія, какъ камни, по всей Малой Азіи, Лесбосу, Авиду и Македоніи до моря. Среди огня островъ оторванный отъ материка и ранѣе не существовавшій, соединился съ островомъ «Священнымъ» (Ἱερά, § 7). Но какъ нѣкогда клокотали Θира и Θирасія, такъ клокочетъ и этотъ (островъ Іера) нынѣ (νῦν), во времена жалкаго богоборца Льва. Анонимово νῦν объясняется заимствованіемъ изъ Θеофана, но такъ какъ и въ устахъ знаменитаго хрониста оно неумѣстно, то приходится допустить, что Θеофанъ пользовался какимъ-то современнымъ событію разсказомъ. Левъ воздвигъ войну противъ иконъ, имѣя помощникомъ Виспра; оба они были грубы и невѣжественны. И въ разсказѣ о патр. Германѣ агіографъ не освободился отъ вліянія Θеофановой хроники, но сочиняетъ болѣе обстоятельныя рѣчи Льва и Германа. По его словамъ, царь прежде всего призвалъ во дворецъ блаженнѣйшаго патр. Германа и сказалъ ему: «какими преданіями или опредѣленіями руководствовались наши предшественники на престолѣ, узаконивъ изображенія иконъ? Думаю, что они были идолопоклонники, ибо «ни у одного изъ древнихъ мы не находимъ чего либо такого»; посему прошу твою отечность (πατρότης) прекратить поклоненіе иконамъ и не отказать изложить это всѣмъ. Я не считаю справедливымъ, чтобы мы, называющіеся христіанами, поклонялись идоламъ и оказывали почтеніе мертвымъ костямъ» (§ 8). Патріархъ отвѣтилъ: «царь, мы, называющіеся народомъ Христовымъ, не настолько хромаемъ въ вѣрѣ, какъ ты говоришь; мы не язычники, почитающіе матерію; мы чтимъ Творца всего; честь иконѣ, по Василію Великому, переходитъ къ первообразу; мы пишемъ икону Спаса вещественными красками, но воздвигаемъ честь не матеріи, а тому, кто написанъ матеріально; изображенія царей пишутся золотомъ, но мы питаемъ почтеніе не къ золоту, а къ царю; прошу тебя, государь, отказаться отъ таковаго намѣренія; мы слышимъ, что будетъ уничтоженіе иконъ, но только не въ твое царствованіе». Императоръ спросилъ: при комъ же? и получилъ въ отвѣтъ: при Кононѣ. Царь сообщилъ патріарху, что онъ именно крещенъ былъ подъ именемъ Конона (§ 9). Германъ останавливалъ его; по Θеофану (I. 407), онъ напомнилъ царю о его клятвѣ не волновать церкви, но авторъ опустилъ это замѣчаніе. Левъ хотѣлъ поймать въ западню Германа и изгнать съ престола, имѣя

единомышленника въ лицѣ Анастасія, лженменнаго [1]), ученика его; онъ обѣщалъ Анастасію престолъ, если онъ сумѣетъ оклеветать патріарха; тотъ началъ (§ 10). Когда Германъ вошелъ во дворецъ, Анастасій не побоялся попрать ногами его омофоръ. «Что это? спросилъ Германъ, не спѣши въ затѣѣ, ты уже слѣдуешь въ Діиппій» (Δίππιν Θеофана, Δίππιον автора).—Діиппіемъ называлась мѣстность въ Константинополѣ около храма св. Фоки, иначе Іоанна Богослова, съ двумя мраморными или каменными конями. Εἰσελθεῖν εἰς τὸ Δίππιν значило, повидимому, «погибнуть»; Анастасій, по словамъ Θеофана, не понялъ пророчества, но какъ повторяетъ и агіографъ, оно исполнилось черезъ 15 лѣтъ: сынъ (κέλωρ) Льва (очевидно имп. Константинъ въ 743 году) прибилъ Анастасія, посадилъ его на осла задомъ напередъ [2]), провелъ διὰ τοῦ ἱππίου (у Θеофана Διϊππίου) ἐν ἱππικῷ, гдѣ народъ бросалъ въ него камни, вывелъ въ Кинигій (ἐν τῷ Κυνηγίῳ) и обезглавилъ его. Германъ вышелъ изъ дворца, прибылъ въ храмъ, собралъ паству и произнесъ слово о стойкости въ вѣрѣ и о сопротивленіи злу (§ 11).

Слыша эти слова, патрикія Марія, опять съ замѣчаніемъ ἐξ αἵματος ἐτύγχανε βασιλικοῦ, вмѣстѣ съ дружиною въ домѣ, припала къ ногамъ патріарха и просила благословенія для борьбы съ «тиранномъ». Германъ благословилъ ихъ; всѣ вернулись по домамъ; только сіи святые вмѣстѣ съ Маріею остались у Германа (§ 12). Эти замѣчанія принадлежатъ нашему автору и опять мало вѣроятны, ибо показываютъ, что Марія съ дружиною подготовлялись къ подвигу, основаніе котораго было еще неизвѣстно. Въ дальнѣйшемъ опять пользованіе Θеофаномъ.

Прошло много (οὐκ ὀλίγων) дней; царь созвалъ селентій въ трибуналѣ 19 акувитовъ (ἀκουμβίτων, у Θеофана: ἀκουβίτων), призвалъ Германа и потребовалъ отъ него отреченія отъ иконопочитанія. Патріархъ передалъ свой омофоръ и сказалъ: «если я—Іона, бросьте меня въ море, но безъ вселенскаго собора я не могу вводить новшества въ религію». Съ этими словами онъ вышелъ изъ собранія, прибылъ въ Платаній, называемый нынѣ монастыремъ Хора» [3]), и нашелъ здѣсь покой. Отмѣченная разрядкою фраза приведена только

1) Ἀνάστασις—воскресеніе.

2) Обычай этотъ унаслѣдованъ Византіею съ Востока—изъ Персіи и Грузіи, гдѣ сидѣніе на ослѣ считается самымъ тяжелымъ униженіемъ.

3) р. 441: ἐν τῷ λεγομένῳ Πλατωνίῳ (у Θеофана Πλατανίῳ, въ отцовскій домъ свой), ἤτοι ἐν τῇ μονῇ τῇ νῦν καλουμένῃ Χώρᾳ.

въ Житіи и любопытна вотъ въ какомъ отношеніи. Монастырь Хора, по одной версіи, построенъ патр. Киромъ (706—711) около Сухопутной стѣны, не далеко отъ монастыря Предтечи[1]); но, повидимому, старое названіе мѣстности «Платаній» долго еще было преобладающимъ и даже въ IX в. Өеофанъ все еще держится его; и только во второй половинѣ IX столѣтія оно отходитъ на второй планъ, вытѣсняясь названіемъ «Хоры».

Тогда царь велѣлъ разбить (κατεάξαι) и сжечь икону Христа на Мѣдныхъ воротахъ (ἐπὶ τῇ χαλκῇ πύλῃ), чтобы въ имперіи его не было ни одной иконы; обнародовано было, что кто будетъ обличенъ въ иконопочитаніи, будетъ обезглавленъ. Воины царя пришли къ Мѣднымъ воротамъ и поставили лѣстницу для уничтоженія иконы, въ присутствіи Виспра (Βεσήρ, § 13). Узнавъ о семъ, Марія прибыла «вмѣстѣ со святымъ Григоріемъ протоспаөаріемъ» и другими святыми къ Мѣднымъ воротамъ, разломали (διαρρήξαντες) лѣстницу, сбросили на землю разрушителя—спаөарія, повлекли его и умертвили, затѣмъ прокляли царя и исповѣдали себя христіанами. Поднялось волненіе по всему городу. Сбѣжавшись къ Мѣднымъ воротамъ, всѣ были поражены случившимся и воскликнули «Господи помилуй» (§ 14). Царь, узнавъ о томъ, послалъ 500 солдатъ съ мечами схватить и умертвить всѣхъ кромѣ сихъ святыхъ. Воины умертвили мечами на мѣстѣ Мѣдныхъ воротъ множество женщинъ, мужчинъ, священниковъ, холостыхъ, монахинь, начальниковъ и подчиненныхъ, «ихъ же число и имена вѣдаетъ одинъ Господь»; избіеніе случилось 19 января; по Болландистамъ 730, но кажется правильнѣе полагать 726 года, ибо событіе это, на основаніи житія Стефана Новаго, происходило въ патріаршество Германа. Тѣла ихъ, по приказанію царя, были брошены въ Книгіи и отчасти въ Пелагіевѣ (ἐν τοῖς Πελαγίοις). Затѣмъ Левъ призвалъ Марію съ дружиною и сказалъ: вамъ, знатнымъ, не слѣдовало смѣшиваться съ толпою необразованною и подымать бунтъ въ городѣ; если вы дошли до такой смѣлости, что оказываете сопротивленіе царямъ, кланяетесь идоламъ и полагаете надежду на мертвыя кости, какъ на Бога, то, если вы не отстанете отъ этого, я велю казнить васъ мечемъ (§ 15). Марія въ отвѣтъ назвала царя безумнымъ, сатаною и предтечею Антихриста и замѣтила, что царю воздаютъ почтеніе, будетъ ли изображенъ на печати, воскѣ, или въ иномъ изо-

1) Болландисты почему-то помѣщали «Хору» in Ponto.

браженій (§ 16). Царь велѣлъ разрѣзать имъ поясы, билъ ихъ по плечамъ ремнями, а Марію отправилъ въ ея домъ, «ибо онъ не могъ вредить ей какъ царской родственницѣ, почитаемой всѣмъ городомъ». Мучениковъ били и заперли въ тюрьму каждаго отдѣльно, на цѣпяхъ, и царь велѣлъ епарху (τῷ ὑπάρχῳ, ἐπάρχῳ) бичевать ихъ ежедневно по 500 ударовъ (§ 17). Черезъ восемь мѣсяцевъ царь, сидя у Мѣдныхъ воротъ, велѣлъ привести святыхъ передъ трибуналомъ. «Доколѣ вы, спросилъ царь, останетесь идолопоклонниками и будете покланяться мертвымъ костямъ»? Тѣ въ отвѣтъ назвали его жалкимъ орудіемъ сатаны и сыномъ дьявола. Левъ приказалъ бить ихъ палками четыремъ палачамъ (κουαιστιονάριοι) посмѣнно. Святые уже перестали говорить и только произносили «Господи помилуй». Принесены были раскаленные рожны (σοῦβλαι) и обожжены были имъ лица, наконецъ они были обезглавлены въ Кинигіи, откуда ихъ поволокли въ Пелагіево (ἐν τοῖς Πελαγίου). Узнавъ о томъ, Марія пришла на мѣсто; и она вмѣстѣ со святыми скончалась 9 августа (726 года, § 18). Довольно нескладно авторъ говоритъ далѣе, что царь велѣлъ обезглавить патрикію Марію съ 10 мужами и тѣла ихъ бросить въ Пелагіевѣ, но Богъ не далъ тѣламъ ихъ погибнуть въ томъ озерѣ (λάκκος). Въ день кончины святыхъ поднялась буря съ молніею; всѣ говорили, что городъ будетъ поглощенъ. Христолюбцы, узнавъ о подвигѣ патрикіи, прибыли въ Пелагіево, спустились въ ровъ, извлекли тѣла ихъ и принесли въ монастырь преподобнаго чудотворца Анины (τοῦ Ἀνίνα), гдѣ обмыли ихъ и погребли въ новомъ гробѣ «въ храмѣ Димитрія (ἐν τῷ ναῷ Δημητρίου), всеславнаго мученика» (§ 19).—По мнѣнію Болландистовъ, монастырь Анины былъ посвященъ во имя Анина, Ананіи или Аніана Евфратскаго; храмъ Димитрія — очевидно Солунскаго. — Столько лѣтъ они лежатъ во гробѣ нетлѣнно, какъ живые, творятъ чудеса и исцѣляютъ болѣзни. Съ возстановленіемъ иконопочитанія (842 года), по кончинѣ Меѳодія (842—846), патріархомъ былъ избранъ ψήφῳ θεία Игнатій, «при благополучномъ царствованіи православнаго и благочестиваго Василія» (867—886). — Игнатій правилъ престоломъ дважды: съ 846 по 857 и съ 867 по 877 годъ; очевидно здѣсь имѣется въ виду вторичное его патріаршество. — Случилось тогда столь сильное землетрясеніе, продолжавшееся 40 дней, какого никогда не бывало; храмы и дома пали; Игнатій денно и нощно служилъ литію о прекращеніи гнѣва Божія (§ 20); разумѣется землетрясеніе 9 января 869 года, о которомъ говорится въ Житіи Игнатія, у продол-

жателя Георгія и другихъ. Однажды вернувшись съ литіи въ Великую Церковь, онъ легъ въ постель, уставши отъ слабости и старости. Во снѣ онъ увидѣлъ красивую жену въ одеждѣ патрикіи съ золотымъ платкомъ и съ нею великаго мужа съ другими девятью, изъ которыхъ одинъ съ двумя дѣтьми былъ въ одеждѣ священнической. Мученица коснулась головы патріарха и сказала: «вынеси тѣла наши изъ-подъ земли; мы убиты за икону Спаса на такъ называемыхъ Святыхъ Мѣдныхъ воротахъ» и погребены «близь святого Мокія въ монастырѣ преподобнаго Анины,—такъ монастырь называется въ патріаршихъ свиткахъ» [1]). — Чтобы примирить это извѣстіе съ предшествующимъ, необходимо, какъ кажется, допустить, что близь св. Мокія стоялъ монастырь св. Анина съ храмомъ или придѣломъ св. Димитрія. — Игнатій проснулся и не зналъ, что дѣлать. Святые еще разъ явились ему и снова просили о томъ же; но Игнатій, занятый другими дѣлами, забылъ о томъ (§ 21). Наконецъ святые явились въ третій разъ и пригрозили Игнатію: «если ты скоро не исполнишь просьбы нашей, то мы сдѣлаемъ такъ, что ты будешь изгнанъ съ престола» [2]). Игнатій проснулся, велѣлъ явиться своему архидіакону Льву и спросилъ его: «правда ли, господинъ Левъ (κύρι Λέον), вблизи тебя есть монастырь τὰ Ἀνίνα, гдѣ лежатъ мученики халкинскіе (ἐν τῇ Χαλκῇ)? Левъ отвѣтилъ: «владыко, есть монастырь такъ называемый, но лежатъ ли тамъ святые, это мнѣ совершенно неизвѣстно». Обратились съ запросами къ монахамъ. Тогда одинъ благочестивый инокъ Іосифъ, скевофилаксъ св. Софіи (который замѣтимъ, вѣроятно тожественъ съ Іосифомъ Гимнографомъ), явился къ Игнатію и сообщилъ: «владыко, я знаю и видѣлъ святыхъ тамъ подъ землею, ибо церковь упала во времена царя Θеофила (829—842), и много тамъ совершается чудесъ, о которыхъ разсказывалъ мнѣ одинъ изъ друзей, который бралъ меня съ собою для обозрѣнія монастыря; такимъ образомъ я и знаю о томъ, что мнѣ разсказано, что святые находятся подъ землею» (§ 22). Игнатій всталъ съ престола, палъ лицемъ на землю, исповѣдалъ Бога, обнаружившаго чудо въ дни его. На другой день онъ велѣлъ собраться ко храму св. Софіи всѣмъ клирикамъ церквей и монахамъ, и отсюда съ народомъ отправился къ ракѣ святыхъ. Сильное колебаніе земли прекратилось и буря утихла. Въ монастырѣ Анина каждый почувство-

---

1) πλησίον τοῦ ἁγίου ἱερομάρτυρος Μωκίου ἐν τῇ μονῇ τοῦ ὁσίου καὶ θαυματουργοῦ Ἀνίνα· οὕτω γὰρ ἐν τοῖς πατριαρχικοῖς κώδιξιν ἡ μονὴ ἀναγράφεται.

2) p. 446: τοῦ θρόνου σε ἀπελαθῆναι ποιήσομεν.

валъ благоуханіе; когда подняли доску, разлилось благоуханіе мура (§ 23). Мученики обрѣтены были цѣлыми и невредимыми, въ одеждахъ. Нужно было спуститься въ могилу и достать мощи. Всѣ указали при этомъ на Іосифа (Пѣснописца), какъ на достойное для этого лицо. Іосифъ спустился и нашелъ Марію лежащею сверху святыхъ (ὕπερθεν πάντων κειμένην), вблизи же ея протоспаѳарія Григорія, а внизу ихъ остальныхъ святыхъ съ двумя дѣтьми (§ 24). Патріархъ велѣлъ возложить на мучениковъ одежды, принесенныя изъ разныхъ церквей, и потомъ положилъ мощи въ кипарисовой ракѣ 31 января (869? года)—въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ лежали въ могилѣ, «ибо такъ повелѣла святая». По совершеніи здѣсь службы, Игнатій вернулся на престолъ (§ 25). — Уже Болландисты указали на противорѣчіе въ памятяхъ Маріи дѣвицы съ дружиною и Ѳеодосіи дѣвицы съ дружиною, пострадавшихъ въ одномъ и томъ же году (726), въ одномъ и томъ же мѣстѣ (у Мѣдныхъ воротъ) и по одному и тому же поводу (разрушенія иконы Спаса), но не допустили тожества обѣихъ дѣвъ. Положимъ, не легко поддерживать различіе этихъ женъ, но тогда является вопросъ, Марія ли съ теченіемъ времени создала себѣ матеріальное подобіе въ лицѣ Ѳеодосіи, или наоборотъ? Въ 807 году діаконъ Стефанъ не зналъ имени отважной дѣвицы,—имя ея было забыто. Въ 869 году были обрѣтены ея мощи, и вотъ авторъ 870-хъ годовъ называетъ ее Маріею, а авторъ повѣсти о Ѳеодосіи—Ѳеодосіею. Вѣроятно, и то, и другое имя есть все-таки настоящее; между женщинами были міряне, и патрикія Марія могла быть въ числѣ ихъ; были инокини, въ числѣ которыхъ могла быть и Ѳеодосія. Различіе мощей обѣихъ (Маріи ἐν τοῖς Ἀνίνα, какъ значится въ Апостолѣ Моск. Дух. Академіи XI—XIII в., а Ѳеодосіи ἐν Δεξιοκράτει) также указываетъ на различіе именъ обѣихъ дѣвъ.

Житія св. Лазаря иконописца не сохранилось и даже нѣтъ прямыхъ указаній на это; но съ одной стороны минейно-синаксарные тексты, а съ другой литература XI и XII столѣтій несомнѣнно указываютъ, что житіе существовало. Анастасій Библіотекарь въ Жизни папы Венедикта III (855—858) между прочимъ разсказываетъ: «Имп. Михаилъ послалъ блаж. апостолу Петру въ даръ евангеліе, писанное рукою монаха Лазаря, чрезвычайно искуснаго въ иконописи (pictoriae artis nimie eruditi), родомъ Хазара [1])», и другія вещи.—

1) Genere vero Chazai. Вслѣдъ за Бароніемъ Болландисты (AA. SS. Boll. Февраль III. 392) полагаютъ, что надобно читать Chazarum, Chazarorum, или Chazariae.

Папа Николай въ 60-хъ годахъ IX столѣтія желалъ имѣть Лазаря (Lazarus presbyter et monachus qui dicitur Cazaris) у себя представителемъ по дѣлу патр. Игнатія: очевидно Лазарь былъ недругъ Фотія. Мы увидимъ нѣсколько случаевъ порчи текстовъ игнатіанами, здѣсь видимъ обратное явленіе — уничтоженіе памятниковъ фотіанами.

Любопытное житіе Иларіона Грузина знакомитъ насъ съ бытомъ странствующаго монашества и проливаетъ новый свѣтъ на монастырскую жизнь и событія византійской исторіи IX вѣка. Оно написано по порученію имп. Василія Македонянина (867—886) учепикомъ святого инокомъ Василіемъ на греческомъ языкѣ[1]). Грузинъ родомъ, сынъ богатаго дворянина, Иларіонъ[2]) еще въ утробѣ благочестивой матери былъ обреченъ на служеніе Богу. На основаніи того, что онъ умеръ въ 880 году на 53 г. жизни[3]), слѣдуетъ полагать, что онъ родился около 827 года. Шести лѣтъ отъ роду (ок. 833 г.) онъ былъ отданъ къ одному іерею для изученія Св. Писанія. Отецъ, посѣщая своего сына, задумалъ построить обитель для наставника и ученика и облечь послѣдняго со временемъ въ монашескій образъ; скоро онъ осуществилъ свою мысль, построивъ храмъ и братскія кельи, куда собралось 16 иноковъ и гдѣ наставникъ сдѣлался игуменомъ; Иларіонъ былъ постриженъ имъ въ монахи. Въ возрастѣ 15[4]) лѣтъ ок. 842 г. Иларіонъ пожелалъ вести болѣе уединенную жизнь. Братія лавры жила въ высѣченныхъ въ скалѣ кельяхъ, пила дождевую воду и часто нуждалась въ хлѣбѣ; Иларіонъ поселился въ тѣсной кельи въ полугорѣ, гдѣ проводилъ цѣлыя ночи безъ сна въ молитвѣ, питался чечевицею, полевой зеленью и только изрѣдка хлѣбомъ. Слухъ о подвижничествѣ его распространился по всей Грузіи, и многіе приходили послушать его наставленія. Здѣсь Иларіонъ прожилъ 10 лѣтъ (до 852 г.). Братія лавры ежедневно открывала ему свои помыслы и многіе принимали исцѣленіе отъ своихъ душевныхъ недуговъ; такъ онъ утѣшилъ и ободрилъ одного инока, обуреваемаго

---

1) Грузинскій патерикъ; Мартирологъ Антонія; Сабининъ, Полное жизнеописаніе святыхъ Грузинской церкви. Спб. 1872, II. 105—125. Сначала мы изложили житіе Иларіона по Сабинину, но теперь, когда получили новый переводъ (въ спискѣ о. архим. Августина Мовійона), очень отличный отъ Сабининскаго, мы сочли нужнымъ многое изъ текста «Иверійца» выбросить. Вообще незнаніе грузинскаго языка не позволило намъ отнестись къ задачѣ вполнѣ самостоятельно.

2) По Сабинину: изъ княжеской фамиліи Донаури (Вачпадзевыхъ).

3) По Сабинину: въ 882 г. на 78 г. жизни.

4) По Сабинину: 16.

внутреннею борьбою; епископъ Руствійскій, удостоенный пророческаго дара, посѣтилъ Гареджійскаго аскета, устроилъ престолъ въ его кельѣ, возвелъ подвижника въ діакона, а на другой день за литургіею — во священника. Вскорѣ Иларіонъ избранъ былъ братіею въ настоятели, но оставался не долго. Окрестные жители, лишившись своего епископа, настойчиво просили игумена занять его каѳедру, но святой, избѣгая славы человѣческой и поставивъ вмѣсто себя настоятелемъ одного изъ братіи, отправился въ Палестину на поклоненіе святымъ мѣстамъ.

Въ предѣлахъ Палестины на него напали Арабы и уже обнажили мечи, но, волею Божіею, поднятыя на святого руки немедленно окаменѣли. Злодѣи пали ему въ ноги, прося избавленія отъ приключившейся бѣды; святой помолился, приложилъ руку къ пораженнымъ членамъ и исцѣлилъ ихъ. Благодарные Арабы предложили ему хлѣба и финиковъ, а одинъ изъ нихъ даже обѣщался быть ему проводникомъ на гору Ѳаворъ. Поклонившись мѣсту Преображенія Господня, Иларіонъ отправился въ Іерусалимъ, поклонился на Голгоѳѣ Гробу Господню и другимъ святымъ мѣстамъ; оттуда отправился въ Виѳлеемъ, гдѣ видѣлъ «подобную небу пещеру, гдѣ родился Господь нашъ»; далѣе онъ посѣтилъ Іорданъ и омылся его святою водою; побывалъ во всѣхъ монастыряхъ святыхъ пустынь; а затѣмъ (чрезъ Юдоль Плачевную) пошелъ въ лавру св. Савы, въ пустыню Іорданскую и жилъ нѣкоторое время въ пещерѣ прор. Иліи[1]). Получивъ въ сонномъ видѣніи откровеніе о близости кончины своего родного отца и повелѣніе идти на родину, Иларіонъ покинулъ берега Іордана и черезъ Іерусалимъ отправился въ Грузію.

На родинѣ святой устроилъ изъ родного дома монастырь, въ которомъ постригъ мать и сестру въ монашество, и оставался при немъ до кончины матери. Затѣмъ часть оставшагося имущества онъ отдалъ Давидогареджійскому монастырю, другую же роздалъ нищей братіи; кромѣ женскаго монастыря Иларіонъ основалъ также монастырь мужской, въ которомъ поселилъ 76 иноковъ и который также надѣлилъ имѣніями. Въ Гареджійскомъ монастырѣ онъ на собственныя средства расширилъ пещерную келію св. Давида и обратилъ ее въ храмъ. Въ Житіи св. Давида (I. 136) объ этомъ замѣчено: «потомъ преподобный и богоносный отецъ Иларіонъ расширилъ и украсилъ

1) По Сабинину: Иларіонъ жилъ въ Палестинѣ 17 лѣтъ.

церковь для богослуженія, и въ ней съ южной стороны устроилъ раку, гдѣ нынѣ почиваютъ мощи св. Давида». Дядя его по матери, военный человѣкъ, вознегодовалъ, что имѣніе отдано не ему, а монастырю, напалъ со своими единомышленниками на обитель и разграбилъ ее. Братія горько жаловалась Иларіону на обиду его дяди, но святой просилъ ихъ молиться. Между тѣмъ съ грабителемъ случилась падучая болѣзнь. Больной покаялся и просилъ у племянника прощенія; святой изобразилъ на немъ крестное знаменіе, помолился и исцѣлилъ его; тогда дядя пожертвовалъ все свое имущество Гареджійскому монастырю и самъ облегся въ монашескую рясу. Слава объ Иларіонѣ распространилась по всей Кахетіи; изъ дальнихъ странъ къ нему приходили больные и святой не оставлялъ никого своими поученіями и милостынею. По смерти епископа, поставившаго его во священника, царь со всѣмъ народомъ желали возвести на каѳедру (по мнѣнію Сабинина: Нинощминдскую)[1] Иларіона; святой, считая себя недостойнымъ такого сана, пожалѣлъ, что оставилъ Іорданскую пустыню; поставилъ настоятелемъ Гареджійскаго монастыря одного инока, а самъ, простившись съ братіею и взявъ съ собою двухъ самыхъ близкихъ лицъ, отправился для обозрѣнія монастырей, «построенныхъ имъ еще до путешествія въ Іерусалимъ», а равно монастыря, поставленнаго для его матери. Такъ какъ мать святого умерла, Иларіонъ направился въ столицу греческой имперіи—Константинополь, «во времена вѣрнаго царя Михаила, царствовавшаго послѣ отца своего Θеофила» (842—867). Онъ прибылъ сначала на г. Олимпъ. Сабининъ ошибочно полагалъ, что святой прибылъ на Олимпъ Θессалійскій,— здѣсь имѣется въ виду Олимпъ Виѳинскій. Однако Иларіонъ въ лавру не вошелъ, а посѣтилъ лежавшую близъ ея маленькую церковь. Это было въ субботу масляницы и святой съ учениками пожелалъ провести здѣсь въ безмолвіи весь великій постъ. Въ субботу вечеромъ изъ лавры пришелъ въ церковь монахъ, зажигатель лампадъ въ лаврѣ, для приготовленія и здѣсь къ воскресенію. Увидѣвъ незнакомыхъ ему странниковъ безъ пищи, онъ принесъ имъ изъ лавры нѣсколько сухарей и моченыхъ бобовъ; черезъ недѣлю онъ снова пришелъ сюда и удивился, что сухари у странниковъ были цѣлы: они питались одними бобами. Иларіонъ попросилъ у монаха только просфоръ и вина для служенія литургіи, что и было исполнено. Игуменъ лавры, узнавъ о пришель-

1) Сабининъ, I. 136.

цахъ, разсердился, что странники, не знающіе греческаго языка, осмѣлились служить литургію въ малой церкви, и приказалъ эконому выпроводить ихъ оттуда. Иларіонъ, умѣвшій нѣсколько говорить по гречески, просилъ эконома позволить имъ провести въ церкви еще одну ночь, обѣщая на другой день отправиться въ дальнѣйшій путь. Въ эту ночь настоятель увидѣлъ сонъ: будто ему предстали два страшныхъ видомъ мужа, которые начали влачить его по землѣ и втащили въ храмъ, на престолѣ котораго сидѣла Богородица. Пресв. Дѣва спросила игумена: зачѣмъ ты поступилъ такъ грубо съ этими странниками? Ты думаешь, что одинъ только Греческій языкъ пріятенъ Богу? Или не знаешь, что любезны Господу всѣ, любящіе и славящіе Его? Испуганный настоятель утромъ отправился въ малую церковь, припалъ къ ногамъ Иларіона и со слезами просилъ у него прощенія, предлагая ему остаться при церкви. Святой согласился и сталъ ежедневно получать отъ игумена хлѣбъ и все нужное, а потомъ попросилъ у него для каждаго воскресенья просфоръ и вина. Племянникъ настоятеля, приносившій Иларіону припасы, страдалъ сухоткою правой половины тѣла и руки, кромѣ того по временамъ у него гноился правый глазъ и правое ухо. Однажды онъ упалъ и сильно расшибся. Иларіонъ, видя страданія юноши, взялъ масла изъ лампады, крестообразно помазалъ имъ больныя части, помолился и исцѣлилъ его, прося никому не говорить о томъ. Однако чудо не осталось тайною. Множество народа изъ разныхъ мѣстъ потянулось ко святому; даже изъ Константинополя пріѣзжали къ нему для духовной бесѣды и благословенія; дары, приносимыя ему, не принимались, но зато лица, желавшія иноческой жизни, постригались Иларіономъ охотно. Черезъ пять лѣтъ иноческой жизни на Олимпѣ (ок. 845—850 гг.) святой предъ праздникомъ Воздвиженія Креста простился съ братіею, покинулъ гору и прибылъ съ ученикомъ своимъ Исаакомъ въ Константинополь, гдѣ 14 сентября поклонился честному и животворящему Древу Креста. — Личность этого Исаака очень примѣчательна: онъ сопутствовалъ святому въ Византію, Солунь, Римъ и снова въ Солунь; послѣ кончины учителя Исаакъ вернулся въ Константинополь, гдѣ и сообщилъ біографическія свѣдѣнія о святомъ агіографу Василію.

Изъ Цареграда Иларіонъ собрался въ Римъ для поклоненія гробамъ ап. Петра и Павла и дорогою заѣхалъ въ Солунь. Здѣсь передъ дверями одного винограднинка увидѣлъ онъ сторожа и попросилъ у него кисть винограда; но сторожъ 13 лѣтъ страдалъ сухоткою ногъ

и едва двигался, а потому просилъ странника самому войти и сорвать виноградъ. Иларіонъ, тронутый его болѣзнію, сотворилъ крестъ и именемъ Господа велѣлъ ему встать, идти въ садъ и принести винограду. Калѣка исцѣлился, съ радостью побѣжалъ въ садъ, выбралъ лучшую кисть, но вернувшись къ дверямъ, уже не нашелъ своего исцѣлителя. Съ кистью винограда въ рукѣ онъ побѣжалъ по городу и распрашивалъ прохожихъ, не видалъ ли кто человѣка, наружность котораго онъ описывалъ. Между тѣмъ святой отправился въ Римъ. Здѣсь первымъ долгомъ онъ поклонился гробамъ ап. Петра и Павла, затѣмъ всѣмъ другимъ святынямъ города и прожилъ здѣсь два года (851—853)[1]. Затѣмъ онъ отправился снова въ Константинополь.

На пути въ столицу онъ опять остановился въ Солуни. Не имѣя пристанища, Иларіонъ сѣлъ передъ дверьми преторіи солунскаго правителя, единственный сынъ котораго Прокопій страдалъ сухоткою правой руки и ноги и былъ покрытъ струпьями. Нянька, ходившая за больнымъ, вынесла его на крыльцо на солнце. Святой, сжалившись надъ юношею, попросилъ у няньки воды и, когда та ушла, помолился, осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ отрока и исцѣлилъ его. Выздоровѣвшій молодой человѣкъ побѣжалъ къ матери въ домъ, а Иларіонъ поспѣшилъ скрыться. Отецъ Прокопіевъ немедленно велѣлъ своимъ слугамъ запереть городскія ворота и не выпускать человѣка, примѣты котораго онъ имъ сообщилъ. Блаженнаго нашли въ восточной сторонѣ крѣпости у воротъ Апостольскихъ, построенныхъ въ память ап. Павла, и доставили его къ градоначальнику. Мужъ съ женой и исцѣленный отрокъ вышли къ нему на встрѣчу, бросились ему въ ноги, прося молитвъ и благословеній. Вельможа просилъ его, между прочимъ, осмотрѣть городъ и выбрать себѣ мѣсто для всегдашняго жительства, обѣщая построить для него обитель. Иларіонъ выбралъ мѣстечко на восточной сторонѣ города, гдѣ стояла запущенная келья недавно умершаго пустынника, и просилъ градоначальника не трудиться часто навѣщать его, а только по временамъ присылать ему сухого хлѣба и моченыхъ бобовъ. Люди разнаго сословія приходили къ нему и постригались въ ангельскій образъ. Одинъ благочестивый діаконъ церкви св. Димитрія отправился однажды за городъ для обозрѣнія своихъ пашенъ и, пройдя довольное разстояніе отъ города, вдругъ былъ за-

1) По Сабинину: «во все это время онъ претерпѣвалъ большія оскорбленія отъ латинянъ». Но этого нѣтъ въ новомъ переводѣ; не вставка ли это «иверійца»?

хваченъ Скиоами и уведенъ ими въ плѣнъ. Варвары повели его въ свою страну, предварительно связавъ ему руки и взваливъ на него довольно большую тяжесть; дорогою не щадили бѣднаго плѣнника и страшно его терзали. Въ третью ночь, по взятіи его въ плѣнъ, онъ вспомнилъ объ Иларіонѣ и помянулъ его въ молитвѣ. Во снѣ ему предсталъ святой и просилъ безпрепятственно идти домой. Діаконъ, проснувшись, увидѣлъ, что руки и ноги его разрѣшены отъ оковъ и Скиѳы вокругъ него спали крѣпкимъ сномъ; онъ потихоньку всталъ и безъ вреда достигъ Солуня, гдѣ разсказалъ гражданамъ обо всемъ случившемся. Черезъ три года своей жизни въ Солуни Иларіонъ почувствовалъ приближеніе смерти. За 40 дней онъ пригласилъ къ себѣ градоначальника, передалъ ему наставленіе, просилъ не оскорблять пришельцевъ, ненавидѣть взяточничество, не присваивать чужой доли и достоянія; потомъ далъ наставленіе своей братіи, пріобщился и скончался черезъ три дня, 19 ноября, въ субботу, въ пять часовъ дня, на 53-мъ году отъ рода.—По Сабинину, Иларіонъ умеръ на 78 г. жизни въ 882 г., но 19 ноября падало на субботу въ 880 году.—Погребеніе совершалъ солунскій архіепископъ (вѣроятно Павелъ) при громадномъ стеченіи людей изъ города и окрестностей. Тѣло его опущено было въ каменный склепъ въ кельи, въ которой онъ подвизался. Черезъ 40 дней по кончинѣ святого у градоначальникова сына Прокопія открылась водянка, которой не могли излѣчить врачи. Тогда отецъ принесъ сына и положилъ его на гробъ Иларіона. Ночью Прокопій увидѣлъ старца, который безпокоился о погибели его души и велѣлъ ему вести жизнь нравственную; больной обѣщался, и тогда Иларіонъ положилъ руку на чрево юноши и исцѣлилъ его.

Слухъ о чудесахъ святого дошелъ до столицы. Имп. Василій пожелалъ подробно и обстоятельно знать объ этомъ. Архипастырь Солунскій, по его приглашенію, лично явился въ Константинополь и разсказалъ ему подробно о чудѣ святого. «Чтобы подробно узнать о жизни и подвигахъ блаженнаго, государь пригласилъ въ свою палату настоятелей обителей, расположенныхъ вокругъ Константинополя; призванъ былъ также настоятель Олимпійской лавры». Послѣдній разсказалъ царю о чудесномъ исцѣленіи своего племянника и о всѣхъ подвигахъ пришедшаго изъ Грузіи незнакомаго имъ человѣка. Императору угодно было знать, есть-ли еще кто нибудь въ живыхъ изъ учениковъ святого, — оказалось въ живыхъ только трое старцевъ. Императоръ принялъ ихъ какъ небесныхъ ангеловъ и просилъ ихъ

остаться въ столицѣ и построить себѣ кельи по близости царскихъ палатъ; послалъ ихъ для представленія патр. Фотію.—Въ спискѣ о. Августина сказано: «святому патріарху Игнатію», но Игнатій умеръ еще въ 877 году.—Но иноки не пожелали жить въ многомятежномъ городѣ и просили государя имѣть жилища за городомъ въ пустынномъ мѣстѣ. Василій отправилъ съ ними одного протоспаоарія для отысканія удобнаго мѣста; такимъ мѣстомъ оказалось Романово ущелье, въ которомъ изъ-подъ небольшого холма струился родникъ холодной воды. Приготовлены были матеріалы къ постройкѣ; самъ императоръ пожаловалъ туда и положилъ первый камень въ основаніе храма, который былъ оконченъ черезъ семь мѣсяцевъ и освященъ въ честь Апостоловъ. Въ это время въ Константинополѣ проживалъ отставленный отъ должности правитель Солуни, саномъ анопатъ. Имп. Василій пожаловалъ ему прежнюю должность и послалъ его въ Солунь съ приказаніемъ немедленно перенести въ столицу мощи св. Иларіона. Солуняне подняли бунтъ, но были усмирены правителемъ, который ночью вынулъ изъ склепа благоухающія мощи и перевезъ ихъ въ Константинополь,—по Сабинину, въ концѣ 882 года. Корабль бросилъ якорь на Босфорѣ; Царь и граждане съ честью встрѣтили мощи святого; на вопросъ императора, что значитъ распространившееся по городу благоуханіе, царедворцы отвѣтили, что благоуханіе исходитъ отъ мощей Иларіона. Василій хотѣлъ было помѣстить раку въ царскихъ палатахъ, но святой явился царю въ сонномъ видѣніи и велѣлъ поставить мощи въ новоустроенномъ храмѣ св. Апостоловъ. Рано на зарѣ 9 ноября императоръ съ патр. Фотіемъ[1]), съ царедворцами, градоначальникомъ и со множествомъ знатныхъ мужей, сѣли въ лодки и съ ѳиміамомъ и псалмопѣніемъ приняли мощи съ корабля и перенесли ихъ пока въ храмъ Архангела Михаила въ Сосѳеніи; затѣмъ, когда все было приготовлено въ новомъ храмѣ Апостоловъ, изъ храма Архангела они подняли мощи на себя и по Романовому ущелью внесли ихъ въ новый храмъ, поставили на срединѣ собора и съ великимъ торжествомъ отслужили всенощное бдѣніе.—Сабининъ отожествлялъ Романово ущелье съ воротами св. Романа (I. 136), но кажется ошибочно: ворота Романа находились собственно въ Константинополѣ, тогда какъ Романово ущелье, повидимому, — за Золотымъ Рогомъ, въ Перѣ.

---

1) Martinov, p. 283, говоритъ о патр. Игнатіи, но онъ, какъ сказано, умеръ въ 877 году.

На другой день патр. Фотій освятилъ новоустроенный храмъ и заложилъ въ престолъ часть мощей апостоловъ. Послѣ освященія императоръ приступилъ къ ракѣ, открылъ ее вмѣстѣ съ сыновьями Львомъ и Александромъ, поклонился честному тѣлу. Послѣ того, какъ всѣ присутствующіе воздали поклоненіе святому, царь собственноручно закрылъ раку и запечаталъ ее своею печатью; затѣмъ мощи были положены въ склепѣ, нарочно устроенномъ подъ алтаремъ, «гдѣ почиваютъ и до нынѣ». Императоръ велѣлъ повѣсить тутъ же, при себѣ, надъ могилою три неугасимыя лампады, а шесть другихъ велѣлъ повѣсить предъ иконостасомъ, и на освѣщеніе этихъ лампадъ велѣлъ ежегодно выдавать 12 драхамъ (18 рублей) изъ царскихъ палатъ, а также просфоръ для литургіи; въ день храмового праздника велѣлъ отпускать обители на одежду для монастырской братіи по два литра золота, а для матеріальной поддержки братіи пожертвовалъ монастырю часть винныхъ сборовъ въ столицѣ и близь лежащій лѣсъ.

Слухъ о чудесахъ Иларіона достигъ Грузіи. Иверская церковь отправила въ Константинополь избранныхъ лицъ для удостовѣренія этихъ слуховъ. Послы легко убѣдились въ дѣйствительности чудесъ и, заручившись вѣрными свидѣтельствами, вернулись и передали всей Иверіи видѣнное и слышанное о святомъ въ Цареградѣ, послѣ чего и Грузинская церковь причислила Иларіона къ лику святыхъ съ установленіемъ празднества 19 ноября.

По истеченіи нѣкотораго времени, одинъ грузинскій затворникъ Евѳимій написалъ имп. Василію посланіе, въ которомъ изложилъ свое сновидѣніе: будто онъ видѣлъ раскаленную печь, откуда слышались рыданія, и отрокъ въ свѣтлыхъ одеждахъ объяснилъ, что это пламя возжегъ имп. Василій своими грѣхами, но что онъ имѣетъ теперь предстателя предъ Богомъ въ лицѣ Иларіона; будто послѣ того явился старецъ и водою изъ сосуда залилъ огромное пламя, осталось лишь нѣсколько тлѣющихъ углей; «возрадуйся, христолюбивый царь, писалъ Евѳимій, и преуспѣвай въ добродѣтельной жизни, чтобы погасли и остальные угли души твоей». Императоръ воспрянулъ духомъ и съ того времени все чаще и чаще ходилъ на поклоненіе мощамъ Иларіона; онъ велѣлъ даже построить себѣ келью близь обители и часто приходилъ сюда для уединенной молитвы.

Существовали современныя описанія чудесъ св. Ѳеофаніи, но они нынѣ неизвѣстны. Уже близкій современникъ событій, агіографъ па-

тріарха Евѳимія, указываетъ, что Левъ и Ѳеофанія имѣли отношеніе къ загородному храму Богородицы «Живоноснаго Источника» (р. 21 и 10); какія это были связи—обнаруживается въ позднѣйшихъ разсказахъ, о которыхъ скажемъ ниже.

Итакъ основное Житіе Ѳеофаніи погибло; описанія чудесъ ея сохранились въ позднихъ, подвергшихся уже наслоеніямъ, пересказахъ. Въ какомъ же видѣ представляется біографія царицы подъ перомъ другого, тоже современнаго агіографа? [1]) Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, все-таки довольно скудны, да и освѣщены иногда ложнымъ свѣтомъ. Авторъ вообще мало знаетъ о внѣшней жизни царицы и предпочитаетъ заполнить пробѣлъ разсказами собственно о ея супругѣ. Обѣщая говорить о святой правду, онъ, однако, обо многомъ умалчиваетъ, иногда является наивно незнакомымъ съ дѣломъ. Въ общемъ біографія его, заключая въ себѣ нѣсколько живыхъ подробностей о родителяхъ автора и о родителяхъ царицы, все-таки не оправдываетъ тѣхъ ожиданій, которыя мы возлагали на современное Житіе Ѳеофаніи.

Несомнѣнно, существовало анонимное Житіе Ѳеофаніи первой редакціи, второпяхъ написанное современникомъ ея по просьбѣ дяди св. царицы, Мартина; оно хотя и не сохранилось въ первоначальномъ своемъ видѣ, но слѣды его остались во второй редакціи.

Два канона въ честь Ѳеофаніи, составленные тѣмъ же анонимомъ и по просьбѣ того же Мартина. Въ нихъ должно было находиться выраженіе ἐξηγήσαντα πάλαι θεοφανείας λαμπτῆρα φωτοειδῆ ἔθετο τῇ ἐκκλησίᾳ σε Χριστός. Нынѣ они, повидимому, утрачены.

Анонимное Житіе Ѳеофаніи второй редакціи. Содержаніе его слѣдующее:

Многіе, говоритъ агіографъ, писали о чудесахъ царицы,—одни какъ очевидцы, другіе со словъ постороннихъ [2]), но жизни ея не касались; поэтому, называя себя ничтожнѣйшимъ и недостойнымъ всякаго слова, авторъ и рѣшился написать ея біографію. Современникъ Михаила Влахернита, онъ, конечно, не зналъ, что въ это же время живописецъ написалъ и собственно Житіе царицы; онъ, очевидно, читалъ только разсказы о чудесахъ ея, объ исцѣленіи царя

1) Ἐπειδήπερ πολλοὶ ἐπεχείρησαν (Ed. Kurtz, 1—24). Разборъ этого изданія въ Ж. М. Н. Пр. 1899, X, 343—361.

2) Стр. 1: ἃ μὲν αὐτοὶ ἐθεάσαντο, διηγήσαντο, ἃ δὲ καὶ ἐξ ἄλλων ἀληθῶς παρειλήφασιν συνεγράψαντο.

Льва и ея самой, но, какъ увидимъ ниже, имъ не воспользовался. Будучи другомъ отца Θеофаніи (πάτριος αὐτῆς φίλος τυγχάνων), авторъ обѣщаетъ разсказать о ней правду и проситъ вѣрить его словамъ (§ 1). Родиною ея былъ Константинополь. Она происходила будто бы изъ царскаго рода нѣкогда знаменитыхъ Мартинакіевъ [1]), отъ отца Константина, иллустрія и потомъ патрикія, и матери Анны, уроженки Востока (ἐκ τῶν ἀφ' ἡλίου ἀνατολῶν). Родъ Мартинакіевъ, какъ ранѣе Константинакіевъ и позже Θеодотакіевъ и Василакіевъ, былъ кореннымъ византійскимъ и отличался именитостью. Извѣстенъ Анастасій Мартинакій, одинъ изъ ближайшихъ сановниковъ императора Льва Армянина, иконоборецъ, который въ 816 году ѣздилъ по порученію царя въ Малую Азію для наказанія томившагося въ ссылкѣ Θеодора Студита [2]). Затѣмъ извѣстенъ Ингеръ (Ἴγγερ) Мартинакій, быть можетъ, сынъ Анастасія, игравшій при дворѣ императора Θеофила очень видную роль и имѣвшій такое вліяніе въ государствѣ, что предсказательница-сарацинка въ 842 году прочила его даже въ преемники Θеофилову сыну Михаилу. Царь, конечно, вооружился противъ своего вельможи и, чтобы отнять у него возможность къ престолонаслѣдію, постригъ его въ монахи. Такимъ образомъ Ингеръ считался лишь кандидатомъ на престолъ, и то неизвѣстно, насколько добровольнымъ, а потому сказать, что потомки его были царскаго происхожденія, какъ это дѣлаетъ агіографъ,—очень наивно.

У Ингера было два сына—Константинъ (родился 838?) и Мартинъ (родился 839?) и одна дочь—Евдокія Ингерина (родилась 841?). Невиновные въ замыслахъ отца, они продолжали занимать видное мѣсто при дворѣ. Молодой и распутный царь Михаилъ III (родился въ 839 г.) обратилъ вниманіе на Евдокію и вступилъ съ нею въ незаконную связь, а потомъ, пресытившись, въ 865 г. передалъ свою молодую любовницу своему любимцу, 53-хъ лѣтнему Василію, отъ котораго будто бы та родила Льва (родился въ 866 г.). Братья Евдокіи, конечно, пошли въ гору: Константинъ получилъ санъ иллустрія, потомъ патрикія. Мартинъ также занялъ выдающееся положеніе въ чиновной бюрократіи. Выйдя въ люди черезъ позоръ своей сестры, они, казалось, не должны были отличаться высокими нравственными

1) Стр. 2: ἐξ αἵματος δὲ βασιλικοῦ γένεσιν ἔχουσα, ἐκ τῶν πάλαι περιβλέπτων Μαρτινακίων ἐξέφυ.

2) Migne, Patr. gr. XCIX. 196, 204, 292 гл. 88, 98, 40: τοῦ γένους τῶν Μαρτινακίων.

качествами. Чувствуя силу во всемогущемъ Василіи Армянинѣ и, очевидно, заискивая у него, Константинъ женился, по всей вѣроятности, на армянкѣ [1]). Разумѣется, агіографъ тщательно скрываетъ все, что такъ или иначе могло бы бросить тѣнь на его пріятеля.

Константинъ довольно долго не имѣлъ дѣтей. Со своею супругою онъ часто ходилъ въ Васскій храмъ Богоматери и молился о разрѣшеніи неплодія, прося дѣтища для продолженія рода и наслѣдованія жизни (§ 2). Однажды ночью они увидѣли во снѣ старца, который предрекъ имъ рожденіе дочери. Роды Анны были очень трудные, она сильно страдала и стояла на краю смерти. Константинъ отправился въ Васскій храмъ, взялъ оттуда поясъ съ одной изъ колоннъ и велѣлъ положить его на бедро беременной. Боли утихли, и Анна разрѣшилась отъ бремени дочерью, которая, какъ говорятъ (ὥς φασι), сладко улыбалась (октябрь 867?)[2]). Въ этотъ моментъ появился орелъ, коснулся кровли дома и пытался влетѣть въ него (§ 3). — Послѣдняя подробность, какъ показалъ г. Куртцъ, ведетъ начало изъ классической древности. Орелъ появился при рожденіи Александра Македонскаго, орелъ защищалъ своими крыльями отъ солнечнаго зноя малолѣтняго Василія (Македонянина); появленіе его должно было означать, что рожденный сдѣлается обладателемъ царства [3]).

Вскормивъ Θеофанію своимъ молокомъ, Анна скоро умерла. Константинъ хотѣлъ было кормить дочь молокомъ отъ другой, но ребенокъ не пожелалъ этого, а привыкъ къ сосцу одной изъ служанокъ (§ 4). Отнятая отъ груди, она по достиженіи шестилѣтняго возраста (октябрь 871 г.) была отдана отцомъ для изученія св. писанія и вскорѣ изучила псалтирь, вечернія и утреннія пѣснопѣнія. Константинъ, видя особенную красоту дочери, распорядился не выпускать ее изъ дому, а когда и отпускалъ ее утромъ или вечеромъ, то не-

---

1) Симеонъ Метафрастъ (Migne CXVI. 956): αὐτὸς (Амфилохій Иконійскій) τῶν ἀφ' ἡλίου ἀνατολῶν, καππαδόκης τὸ γένος, но извѣстно, что вторая епархія Каппадокіи по обилію здѣсь армянскаго населенія называлась даже Ἀρμενιακόν.

2) По мнѣнію г. Куртца (S. 32), Θеофано родилась въ 865 году.

3) Ср. у Діонисія Ареопагита (Migne, III, 337, 361): τὴν δὲ τοῦ ἀετοῦ, τὸ βασιλικόν, фигура орла означаетъ царскую власть. Георгій инокъ объ императорѣ Маркіанѣ разсказываетъ слѣдующее (ed. Muralt, 506): ἀναπαυσάμενος ὕπνωσεν ἔξυπνοι δὲ γενόμενοι οἱ αὐτάδελφοι ὁρῶσιν ὑπνοῦντα αὐτὸν ἐν ἡλίῳ, ὑπὸ ἀετοῦ δὲ περισκεπόμενον. Ἐκπλαγέντες οὖν, διϋπνισθέντι λέγουσιν αὐτῷ· εἰ βασιλεύσεις, τί ἡμῖν χαριεῖς; ср. Ф. Терновскій. Изученіе византійской исторіи. Кіевъ, 1875, стр. 59. Магомета на время солнечнаго дня закрывали своими крыльями два ангела (p. VIII trad. de Kasimirski).

премѣнно въ сопровожденіи многочисленной прислуги (§ 5). Однажды подъ вечеръ Ѳеофанію на дорогѣ около воротъ Васскаго храма застигъ необычайный дождь. Она вбѣжала въ церковь, приблизилась къ стоящей направо иконѣ Богоматери и поцѣловала ее. Вздремнувъ передъ образомъ, она услышала, что икона Богородицы повелѣла другой иконѣ взять изъ лампады масло и помазать голову и все тѣло дѣвочки, послѣ чего Ѳеофанія заблистала какимъ-то особеннымъ свѣтомъ. Вернувшись домой вмѣстѣ со служанками, она разсказала обо всемъ отцу (§ 6). Съ достиженіемъ возраста, она развилась тѣлесно и духовно; возлюбила постничество, чистоту и дѣвство, раздавала милостыню, обращалась съ прислугою какъ съ братьями.

Но вотъ настала пора выдать Ѳеофанію замужъ, ибо ей исполнилось 15 лѣтъ (880 г.). Много знатныхъ лицъ сваталось за нее, но они не имѣли успѣха (§ 7). Вскорѣ послѣ того, въ царствованіе «нашего великаго и славнаго Василія самодержца царя», происходило «исканіе красивыхъ и славныхъ добродѣтелію дѣвицъ для избранія изъ нихъ одной въ сочетаніе Льву, мудрому царю, первому сыну Василія и его помощнику».—Г. Куртцъ подробно останавливается на вопросѣ о дѣтяхъ Михаила и собственно Василія. Константинъ царевичъ, котораго житіе не называетъ, былъ, несомнѣнно, сыномъ Михаила; есть нѣсколько историческихъ свидѣтельствъ, утверждающихъ, что и Левъ былъ сыномъ собственно Михаила; онъ родился мѣсяца черезъ два или три послѣ того, какъ Михаилъ, бросивъ Евдокію, передалъ ее Василію. Левъ считается сыномъ Василія спеціально; но ясно, что до половины XI столѣтія на византійскомъ престолѣ сидѣли цари и царицы аморійской, а не армянско-македонской династіи, какъ принято думать.—Императоръ Василій, продолжаетъ агіографъ, разослалъ «начальниковъ, сатраповъ и экзарховъ тайной палаты (τοῦ μυστικοῦ κουβουκλίου) въ каждый городъ и въ каждое намѣстничество искать дѣвушки, достойной красавца Льва-царя, и каждый изъ нихъ привезъ отовсюду въ столицу дѣвушекъ—одну другой краше (§ 8). Августа Евдокія желала выбрать для своего сына въ невѣсты дѣвицу изъ ея собственнаго отечества (то-есть, изъ Константинополя). Въ числѣ таковыхъ находилась и Ѳеофанія. Изъ всѣхъ приглашенныхъ невѣстъ было выбрано лишь двѣнадцать, которыхъ долженъ былъ посмотрѣть царь. Свиданіе происходило во дворцѣ Магнаврѣ (Μαναύρας). Одна изъ невѣстъ, родомъ аѳинянка, предложила своимъ подругамъ не смотрѣть на царевича Льва, а потупить глаза долу, и

это было принято всѣми. На слѣдующій день Василій и Августа Евдокія вышли въ дворцовую залу для обозрѣнія невѣстъ. Ѳеофанія первая поклонилась царственной четѣ (§ 9). Евдокія, замѣтивъ ее, тотчасъ подошла къ ней и начала расправшивать ее о родѣ и родинѣ; узнавъ, что она—отъ царскаго корня, Августа отослала всѣхъ другихъ дѣвушекъ, наградивъ ихъ подарками, а Ѳеофанію съ упомянутою аѳинянкою и дочерью одного трибуна повела къ императору Василію. Затѣмъ, видя все-таки превосходство Ѳеофаніи передъ двумя ея подругами, Евдокія одѣла на нее царскія одежды, привела къ Василію и провозгласила ее невѣстою Льва. Императоръ вынулъ изъ-за пазухи кольцо съ яшповымъ камнемъ и надѣлъ его на руку Ѳеофаніи (§ 10).—Такимъ образомъ выборъ невѣсты совершился помимо самого Льва; присутствіе жениха было, повидимому, не обязательно. Мы знаемъ нѣсколько случаевъ избранія невѣстъ, знаемъ, что формальность соблюдалась: вывозились невѣсты отовсюду, но при дворѣ всегда существовали интриги и протекція, при чемъ главное вліяніе на выборъ имѣла царица—мать жениха. Аѳинянка Ирина, у которой была родня въ Пафлагоніи, устроила такъ, что Ставракій выбралъ царевичу въ невѣсты пафлагонянку; бракъ, заключенный по постороннему расчету, былъ несчастливъ, и Константинъ позже развелся съ Маріею. Царица Ефросинія намѣтила для Ѳеофила Икасію, но царевичъ, лично смотрѣвшій невѣстъ, подалъ яблоко пафлагонянкѣ Ѳеодорѣ; это былъ бракъ по любви. Евдокія провозгласила женою своего сына свою племянницу; бракъ, между двоюродными братомъ и сестрою, также былъ не изъ счастливыхъ.—Агіографъ и здѣсь обошелъ молчаніемъ близкое родство брачущихся, наивно разсказывая, что Евдокія не знала совсѣмъ Ѳеофаніи и разспрашивала ее о родѣ и происхожденіи. Вскорѣ состоялось бракосочетаніе Льва и Ѳеофаніи, сопровождавшееся пиршествами, раздачею подарковъ, устройствомъ стола для бѣдныхъ, помилованіемъ осужденныхъ и плѣнниковъ; дѣти столицы съ вѣнками на головѣ пѣли пѣсни царю.—Извѣстно, что Левъ, жалуясь впослѣдствіи Евѳимію на свое житье-бытье, между прочимъ сказалъ: «всѣ сенаторы знаютъ, что я женился на ней (Ѳеофаніи) не по своему желанію, а потому, что боялся отца, совсѣмъ удрученнаго» [1]); агіографъ опять скрылъ эту подробность. Вскорѣ послѣ женитьбы сына

---

1) Vita Euthymii, ed. de Boor. Berlin 1888, S. 21.

(882 г.) [1]) Августа Евдокія скончалась, будучи оплакана царемъ Василіемъ, Львомъ и его молодою женою Ѳеофаніею (§ 11).

Далѣе разсказывается, что монахъ Ѳеодоръ Сантабаринъ (уроженецъ фригійскаго города Сантабариса) втерся въ довѣріе царя Василія и оклеветалъ Льва, будто этотъ покушается на жизнь своего отца. Василій немедленно арестовалъ Льва и заключилъ его въ одномъ изъ дворцовыхъ покоевъ, запретивъ, чтобы кто-либо имѣлъ съ нимъ сношенія, кромѣ жены съ ребенкомъ (§ 12).—Извѣстно, что дочь Льва отъ Ѳеофаніи называлась Евдокіею, безъ сомнѣнія, въ честь своей бабки и въ утѣшеніе вдовому императору.—Молодая царица всячески старалась утѣшить своего супруга (§ 13): рѣчь ея занимаетъ самую большую главу въ Житіи (§ 14). Однажды ночью имъ предсталъ нѣкій юноша въ воинскомъ одѣяніи, съ копіемъ въ правой и щитомъ въ лѣвой рукѣ и объявилъ, что они заставили его явиться къ нимъ изъ Солуни (дѣлается намекъ на св. Димитрія Солунскаго); успокоилъ царевича и утѣшилъ, что онъ сдѣлается наслѣдникомъ царской власти. Вскорѣ Ѳеодоръ Сантабаринъ, воспользовавшись болѣзнію Василія, покинулъ столицу и прибылъ на свою родину. Тогдашній протоспаѳарій и этеріархъ Стиліанъ Зауца, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣлохранителемъ царя, очень горевалъ и казался неутѣшнымъ § 16). На вопросъ Василія о причинѣ горя Стиліанъ началъ дѣлать какіе-то намеки, которыхъ царь не понялъ (§ 17); наконецъ сообщилъ, что всѣ въ государствѣ недовольны поведеніемъ царя, заключившаго невинно царевича, по ложному доносу монаха Ѳеодора (§ 18). Съ наступленіемъ Ильинскаго праздника (20-го іюля) царь Василій рѣшился показаться передъ народомъ со своимъ сыномъ Львомъ. Въ драгоцѣнныхъ одеждахъ оба императора въ сопровожденіи Стиліана выѣхали въ храмъ св. Иліи и въ храмъ Безплотныхъ, къ общей радости всего населенія, послѣ чего Левъ получилъ снова власть вмѣстѣ со своимъ отцомъ (§ 19).—Вскорѣ Василій захворалъ, призвалъ трехъ сыновей: Льва, Александра и Стефана и, сдѣлавъ имъ наставленіе, поставилъ на царство Льва вмѣстѣ съ Александромъ (§ 20).

Ѳеофанія, къ которой возвращается теперь агіографъ, вмѣстѣ съ мужемъ и Александромъ стала править царствомъ; Стиліанъ получилъ титулъ василеопатора. Супруга Льва презрѣла житейскую роскошь, проводила время въ молитвахъ, подавала милостыню, подъ цар-

1) По Muralt'у, въ 883 г., по другимъ, зимою 881—882 года.

скими одеждами носила власяницу, вкушала лишь хлѣбъ и овощи, раздавала деньги и одежды бѣднымъ, заботилась о вдовахъ и сиротахъ, обогащала монастыри, заботилась о слугахъ какъ о братьяхъ, никого не называла простымъ именемъ, а всегда съ прибавленіемъ κῦρ, никогда не сердилась, не завидовала, никого не презирала, не говорила неправды (§ 21). Днемъ постель Өеофаніи была покрыта златотканными коврами, а на ночь царица разстилала на полъ власяныя цыновки, на которыхъ и спала, при чемъ съ часу на часъ вставала и молилась. — Близкіе современники свидѣтельствуютъ, что сластолюбивый царь подъ часъ тяготился своею святою и скучною супругою и измѣнялъ ей. Авторъ Житія Евоимія разсказываетъ, что Левъ передавалъ Евоимію, сколько горя онъ перенесъ чрезъ Өеофанію: послѣдняя однажды явилась къ Василію и «возвела на меня клевету, будто я сошелся съ дочерью Зауцы Зоею, за что отецъ выдралъ меня за волосы и избилъ до крови». Тотъ же авторъ прибавляетъ, что, когда Левъ подружился съ Зауцею, Өеофанія покинула дворецъ и поселилась во Влахернской церкви, потомъ посѣтила храмъ въ Пиги; со слезами она умоляла Евоимія явиться во дворецъ спасти душу императора и позаботиться объ обидимыхъ. Во дворцѣ Өеофанія разсказала Евоимію о своемъ несчастіи, что она, лишившись дочери, рѣшила навсегда покинуть дворецъ и избрать мѣстопребываніемъ Влахернскій храмъ; я, прибавляла она, готова дать разводную, лишь бы добиться желаемаго. Евоимій едва уговорилъ ее не дѣлать этого, говоря, что это было бы причиною прелюбодѣйства для обоихъ [1]). Итакъ Өеофанія ревновала и требовала развода.—Агіографъ, разумѣется, опять обходитъ все это молчаніемъ. Такимъ образомъ Өеофанія изнурила свое тѣло и впала въ болѣзнь (§ 22). Она предвидѣла свою кончину, велѣла поцѣловать всѣхъ, пригласила къ себѣ мужа, цѣловала со слезами ему щеки и руки, просила его за своихъ родственниковъ, друзей и слугъ и, скрестивъ на груди руки, скончалась (894 г., § 23). Авторъ Житія Евоимія разсказываетъ, что передъ смертью она совсѣмъ больная явилась во Влахерны, гдѣ ее утѣшалъ Евоимій, и что по слухамъ Өеофанія умерла не своею смертію, а отравлена Зоею, дочерью Зауцы (р. 24);—агіографъ обо всемъ этомъ умалчиваетъ.

Тѣло ея царь съ сенатомъ перенесъ въ храмъ Св. Апостоловъ. Несмотря на зимнее время, когда тѣло изъ дворца Халки появилось

1) Vita Euthymii, p. 20—21, 10, 19—20.

на открытомъ воздухѣ, заблистало солнце и сдѣлалось такъ тепло, что носильщики даже вспотѣли; но когда тѣло было положено въ храмѣ, наступилъ прежній зимній туманный день. Черезъ 40 дней послѣ ея погребенія «во всемъ мірѣ творились ея чудеса». Многіе получили исцѣленія и явились свидѣтелями ея чудесъ; «изъ нихъ, продолжаетъ агіографъ, и я несчастный (ὁ τάλας), получивъ исцѣленія отъ честной ея раки, почелъ несправедливымъ предать забвенію ея необычайныя чудеса» (§ 24). Мой отецъ, говоритъ онъ далѣе, страдалъ ногами; это было въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда празднуется память св. Иліи. По обычаю, изъ наиболѣе видныхъ церквей собирали драгоцѣнныя ризы для покрова св. пророку; этимъ занялся теперь кандидатъ Миронъ, скорописецъ моего отца. Взявъ ризы съ мафоріемъ Θеофаніи, онъ отнесъ ихъ въ храмъ св. Иліи и верхомъ вернулся къ моему отцу. Одна женщина, страдавшая злымъ духомъ и жившая въ мѣстности Вона (къ сѣверу отъ храма Апостоловъ), начала дорогою поносить его разными непристойными словами. Тогда Миронъ ударилъ ее по головѣ мафоріемъ Θеофаніи, — та упала и немедленно выздоровѣла; отъ этого мафорія исцѣлился и мой отецъ (§ 25). Вскорѣ моя мать Ирина, содержавшая убѣжище для бѣдныхъ въ Арматіяхъ, упала въ эпилепсіи и казалась бездыханною. Тогда мой отецъ призвалъ священника своей церкви и велѣлъ ему принести изъ храма Апостоловъ кольцо св. Θеофаніи; кольцо онъ положилъ въ воду и затѣмъ далъ выпить этой воды Иринѣ, послѣ чего моя мать выздоровѣла (§ 26). Черезъ два года послѣ смерти моей матери отецъ вышелъ въ отставку и, чувствуя себя нездоровымъ, поручилъ веденіе хозяйства своему сыну, моему брату протоспаѳарію Михаилу. Отецъ велѣлъ Михаилу сдѣлать какое-то нужное дѣло, тотъ въ свою очередь поручилъ его своему слугѣ; самъ Михаилъ забылъ, а слуга не исполнилъ порученія. Мой отецъ сдѣлалъ выговоръ Михаилу; послѣдній въ совершенномъ раздраженіи такъ толкнулъ слугу, что самъ упалъ и лишился сознанія. Отецъ испугался, рвалъ на себѣ волосы и, почитая его мертвымъ, сталъ уже думать о похоронахъ (§ 27). Врачи ничего не могли сдѣлать для приведенія юноши (παῖς) въ чувство. Пока мой отецъ отправился въ церковь, Михаилъ вдругъ поднялся съ постели, разорвалъ на себѣ одежды и, подойдя къ церковнымъ дверямъ, торжественно заявилъ народу объ исцѣленіи его Богородицею и св. Θеофаніею (§ 28), которыя явились ему во снѣ вмѣстѣ съ его матерью: послѣдняя умо-

лила ихъ, и тѣ исцѣлили Михаила (§ 29). Самъ я было не вѣрилъ въ чудеса Θеофаніи, говоритъ авторъ. Однажды во снѣ явился мнѣ дядя Θеофаніи, Мартинъ артоклинъ (чиновникъ для приглашенныхъ къ столу гостей), мой другъ, и просилъ меня прославить святую пѣснопѣніями и составить въ честь ея канонъ. Я возразилъ, что Θеофанія не есть ни подвижница, ни мученица, ни чудотворица. Но Мартинъ велѣлъ мнѣ взять перо и бумагу и писать то, что онъ будетъ диктовать. Выслушавъ отъ него фразу: ποίησον πρὸς τὸ Ὁδηγήσαντα πάλαι θεοφανείας λαμπτῆρα φωτοειδῆ ἔθετο τῇ ἐκκλησίᾳ σε Χριστός, я проснулся, сѣлъ за столъ и быстро написалъ ея житіе, а равно составилъ и два канона на 4-й тонъ (§ 30). Потомъ я снова впалъ въ невѣріе, подвергся изнурительной болѣзни (образованію камня въ почкахъ) и страдалъ 27 дней. Врачи были безсильны, тысячи лѣкарствъ оказались безполезными. Наконецъ братъ Михаилъ посовѣтовалъ мнѣ взять воды изъ храма и отъ мощей Апостоловъ, помазать гробъ «преподобнаго отца нашего Меѳодія» и раку Θеофаніи, взять масла изъ лампадъ и выпить его. Я такъ и сдѣлалъ. Боли прекратились, и камень вышелъ (§ 31). Послѣдній параграфъ заканчивается прославленіемъ и моленіемъ агіографа къ св. Θеофаніи.

Въ виду того, что авторъ Житія съ одной стороны называетъ себя ὁ ἐλάχιστος καὶ παντὸς λόγου ἀμοιρῶν, а съ другой сообщаетъ, что отецъ его по выходѣ въ отставку поручилъ веденіе хозяйства не ему, а болѣе младшему сыну Михаилу, г. Куртцъ склоненъ къ догадкѣ, что агіографъ былъ монахомъ. Но на эти два соображенія можно представить два другихъ, которыя какъ будто не позволяютъ считать автора инокомъ. Агіографъ не разъ называетъ сановниковъ Константина и Мартина своими друзьями,—но монахъ такъ не выразился бы [1]). Затѣмъ онъ заявляетъ, что онъ дважды подвергался невѣрію насчетъ святости Θеофаніи,—но отъ монаха нельзя было ожидать такого признанія; напротивъ, все указываетъ на близость между собою обоихъ братьевъ. Для разъясненія загадки слѣдуетъ имѣть въ виду заявленіе автора, что онъ написалъ Житіе съ двумя канонами въ честь Θеофаніи тотчасъ послѣ явленія ему Мартина; послѣ того агіографъ снова впалъ въ невѣріе и снова получилъ исцѣленіе отъ святой. Изъ этого слѣдуетъ, что нашъ авторъ писалъ Житіе дважды,

1) Своимъ искреннимъ другомъ (φίλος γνήσιος) Палладій Еленопольскій называлъ авву Аѳоонія, но такъ выразился епископъ объ инокѣ (Migne, Patr. gr. XXXIV. 1102).

и что мы имѣемъ въ рукахъ вторую редакцію Житія. Возможно, однако, предположить, что въ изданномъ текстѣ мы имѣемъ соединеніе обѣихъ редакцій вмѣстѣ: слѣды первой, при написаніи которой авторъ былъ міряниномъ, сказываются въ выраженіяхъ: мой другъ Мартинъ, я не вѣрилъ въ чудеса, юноша Михаилъ; слѣды второй, при написаніи которой агіографъ былъ уже монахомъ, видны изъ выраженій: я самый послѣдній, веденіе хозяйства поручено моему брату протоспаѳарію Михаилу, и пр.

Послѣдняя часть агіографической трилогіи о главѣ Предтечи, производящая впечатлѣніе современнаго памятника [1]), разсказываетъ, что святыня эта долгое время хранилась въ Емесѣ и источала чудеса приходящимъ съ вѣрою; но когда «руками варваровъ были взяты мѣстности въ Емесѣ и самая Емеса», то одинъ благочестивый унесъ главу въ Команы (Κόμανα, § 167). Однако граждане не знали, когда она унесена отъ нихъ, и «никто и намъ о томъ не передалъ»; да и въ Команахъ не знали, что здѣсь хранится глава Предтечи. Съ появленіемъ иконоборчества почитанію мощей не было мѣста, ибо иконоборцы жгли ихъ, и глава все время оставалась неизвѣстною (§ 168). По возстановленіи православія и гибели иконоборчества Предтеча объявилъ свою главу и благоволилъ быть ей въ Цареградѣ. Въ то время царствовали имп. Михаилъ и Ѳеодора, а патріархомъ послѣ Меѳодія былъ Игнатій; ими и перенесена глава въ Константинополь. Это третье обрѣтеніе произошло слѣдующимъ образомъ (§ 169). Однажды ночью этому святителю [2]), молившемуся Богу, явилось видѣніе, что глава Предтечи, скрытая въ серебряной ракѣ въ священномъ мѣстѣ, находится въ городѣ Команахъ, что прилично перенести ее въ Византію. Архіерей объявилъ о томъ императору. Наряжено было посольство за святынею. Прибывъ въ Команы и узнавъ, по описанію архіерея, гдѣ лежала глава, посланцы взяли и принесли ее въ Константинополь. Царь, патріархъ, придворные, іереи и монахи вышли изъ города съ муромъ и лампадами; воины—копьеносцы образовали аллею, по которой процессія вошла въ городъ; глаза и сердца всѣхъ устремлены были къ святынѣ (§ 170). Дрожащими руками

1) AA. SS. Boll. 24 іюня, IV. 731—736 (по опечаткѣ). Вопросъ о первомъ и второмъ обрѣтеніи главы Предтечи, не входящій въ область нашего и[illegible]ляетъ непреодолимыя трудности для изслѣдователя и кажется н[illegible]ѣшенъ окончательно.

2) Неясно выраженіе τῷ κατὰ τὸν θεοφόρον τούτῳ καὶ ὁμωνύμῳ καὶ ὁμοτρόπ[illegible] ἀρχιερεῖ,—вѣроятно здѣсь патр. Игнатій сравнивается съ Игнатіемъ Богон[illegible].

архіерей взялъ главу [1]) и положилъ ее въ дворцовомъ храмѣ (τῷ ἐν βασιλείῳ ναῷ); установленъ былъ 25 мая праздникъ третьяго обрѣтенія или положенія главы, а вѣрнѣе того и другого вмѣстѣ (§ 171). Распространившись о значеніи цифры трехъ (§ 172), агіографъ оканчиваетъ Слово моленіемъ къ Предтечѣ о сохраненіи жителей (§ 172 sic) [2]).

Житія св. Θерапонтія еп. Кипрскаго, священномученика временъ Діоклитіана и Максимиліана, до насъ не сохранилось, да едва ли оно и существовало, хотя иконы его уже въ X в. считались древними, но о Житіи его и тогда не было извѣстно. Для насъ важенъ другого рода памятникъ, написанный неизвѣстнымъ лицомъ IX вѣка по поводу перенесенія мощей Θерапонтія съ о. Кипра въ Константинополь: это разсказъ о чудесахъ святаго, совершившихся по перенесеніи мощей его [3]). Разсказчикъ, усвоившій классическое образованіе по крайней мѣрѣ въ объемѣ тогдашнихъ школъ, имѣвшій понятіе о Панаθинеяхъ, Герахъ, Θесмофоріяхъ, Елевсинскихъ, Артемисійскихъ и Олимпійскихъ празднествахъ, былъ человѣкъ наблюдательный и чутко отзывался на красоты природы. Что онъ списывалъ чудеса едва ли не съ книги для записей, явствуетъ изъ того, что онъ тщательно отмѣчаетъ, сколько дней каждый изъ нихъ передъ тѣмъ страдалъ. Основанія къ пріурочепію перенесенія мощей Θерапонтія къ IX вѣку сводятся къ слѣдующему: агіографъ свидѣтельствуетъ, что это случилось въ то время, когда Агаряне τὴν ἑῴαν πᾶσαν καὶ Αἴγυπτον τῷ τόξῳ καὶ τῇ ῥομφαίᾳ ἐληΐζετο..., ἠπείλει δὲ καὶ τὰς νήσους ταχῶς ἐπέρχεσθαι.—Нѣчто подобное мы можемъ указать изъ времени имп. Ираклія: въ 634 г. Сарацины заняли Египетъ, а въ 648 г. напали на Кипръ [4]); затѣмъ въ 691 г. императоръ Юстиніанъ порвалъ перемиріе съ Арабами, и о. Кипръ оказался открытымъ для нападенія [5]).—Ὡς δὲ τὸ δεύτερον, продолжаетъ агіографъ, εἰς τὴν Κύπρον ὁ τῶν ἀθέων στόλος ἀνήγετο, то островитяне спросили святого, и онъ повелѣлъ имъ перенести его мощи въ Константинополь. Это второе

---

1) Въ Службѣ (Минея Мѣсячная, Синод. изд. 1876 г., л. 187): «священникъ же божественный богоносца тезоименитый предтече, дланми сію обдержа.

2) Похвальное слово въ день третьяго обрѣтенія (AA. SS. Boll. 24 іюня, IV. 736—739 §§ 173—180) ничего историческаго въ себѣ не содержитъ.

3) По cod. Florent. Laurent. № 14 n° 19 (Bandini, I. 410) изд. въ AA. SS. Boll. 25 мая, VI. 681—692 (Πολλή μοι).

4) Theoph. Chron. ed. Boor, I. 338, 343, Muralt, p. 288 (633 г.), 297.

5) Theoph. I. 365; Muralt, p. 317 (690 г.).

нашествіе Арабовъ на Кипръ можетъ быть пріурочено и къ 790 и къ 806 году: адмиралъ Ааронъ съ флотомъ напалъ тогда на Кипръ, разрушилъ его церкви и разсѣялъ островитянъ [1]). Къ этому вѣроятно времени и можетъ быть отнесено перенесеніе мощей Θерапонтія изъ Кипра въ Константинополь. Событіе это было очень незначительно; при встрѣчѣ мощей не присутствовало ни патріарха, ни императора, ни сколько нибудь видныхъ сановниковъ, по крайней мѣрѣ агіографъ не упоминаетъ о нихъ совершенно. — Мощи св. Θерапонтія были помѣщены въ храмѣ Богородицы: τουτονὶ τὸν τῆς θεοτόκου νεὼν ἐκλεξάμενος (p. 685), замѣчаніе, которое указываетъ, что слово о чудесахъ св. Θерапонтія произнесено было въ этомъ самомъ храмѣ. Въ дальнѣйшемъ, какъ кажется, на тотъ же храмъ дѣлается указаніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: πρὸς τὸν εὐκτήριον οἶκον τῆς θεομήτορος εἴτω, ὅστις τῆς Ἐλαίας προσονομάζεται (p. 686).—Гдѣ находилась мѣстность Елея (Олива), доселѣ не знали: Дюканжъ, отмѣтившій 49 церквей Богородицы въ Константинополѣ, не знаетъ этого молитвеннаго дома. Ἐλαῖα, иначе называлось Συκαί, Περαῖα, то-есть Пера, за Золотымъ Рогомъ, по выраженію Сократа, καταντικρὺ τῆς πόλεως; впрочемъ Συκαί относилось также и къ Галатѣ [2]). Изъ другихъ болѣе или менѣе любопытныхъ чертъ слова можно указать на слѣдующія: въ военномъ вѣдомствѣ существовали должности декарха (p. 687: δέκαρχος), экскувитора (p. 689: ἐξκουβήτωρ τὸ στράταγμα) и схоларія (689); солдаты подъ часъ занимались общественными работами и буйствовали; такъ однажды нѣкоторые изъ нихъ (τῶν δημοσίων ἐπιταγμάτων ἐργοδιῶκται καὶ ἐπιστάται τῶν ἔργων) избили палками одного старика до полусмерти (p. 690); около 806 г. въ Константинополѣ стоялъ военный армянскій отрядъ (p. 688: τὸ στῖφος τῶν Ἀρμενίων). Изъ топографическихъ названій упоминается Влахернская стѣна (τείχιον) и мѣстечко или городъ Викseя (Βιξύη); послѣднее имя нигдѣ болѣе не встрѣчается; не есть ли оно искаженіе имени города Визы (Βιζύη)? Болѣзни, исцѣленныя заступничествомъ св. Θерапонтія, суть слѣдующія: помѣшательство тихое и буйное (p. 686, 689), сухотка (p. 687, 683), параличъ простой и съ отнятіемъ языка (p. 687, 689), ракъ (p. 688), кровотеченіе (p. 688), лихорадка (p. 689), водянка (ὑδροπικήτις p. 689), нарывы (p. 689), проказа (ὁ λεπρός p. 689), боли желудка (p. 689).

---

1) Theoph. I. 465, 482.
2) Путешествіе Антонія, изд. П. Савваитова, ст. 59.

До сихъ поръ мы видѣли можно сказать необыкновенную простоту въ разборѣ и въ оцѣнкѣ агіографической письменности: о томъ или другомъ святомъ имѣлся только одинъ современный житійный текстъ— нужно было контролировать только его одного. Но теперь передъ нами нѣсколько агіографическихъ памятниковъ, посвященныхъ одному событію, современныхъ и написанныхъ всѣ приблизительно въ одно время: разумѣемъ мученичество 42 Аморійскихъ мучениковъ.

Здѣсь надобно идти уже не только путемъ историческимъ, но и литературнымъ, то есть устанавливать связь и взаимоотношеніе между всѣми этими сказаніями.

Паденіе въ августѣ 838 г. фригійскаго города Аморія, родины царствующей Аморійской династіи, произвело большое впечатлѣніе на умы современниковъ. Не говоря уже о хронистахъ, которые всѣ отмѣтили это событіе,—даже агіографы, писавшіе совсѣмъ посторонніе сюжеты, не рѣдко упоминали о взятіи Аморія: разумѣемъ житія Іоанникія Виѳинскаго и царицы Ѳеодоры, въ которыхъ также объ этомъ говорится. Впечатлѣніе это усиливалось особенно тѣмъ, что паденіе города сопровождалось мученичествомъ многихъ людей и въ особенности 42 именитыхъ военачальниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые находились въ свойствѣ съ самимъ императоромъ.

Если угодно, въ мученичествахъ VIII и IX вѣковъ не было недостатка: въ 789 г. пострадалъ савваитъ Христофоръ, въ 796 г. погибло 20 мучениковъ саввинскихъ, въ 811 г. пострадали мученики Болгарскіе и т. д.; но только о второмъ мученичествѣ мы имѣемъ агіографическій текстъ, объ остальныхъ имѣются лишь однѣ минейныя памяти. Спрашивается, чѣмъ особенно прославились мученики Аморійскіе, такъ дружно привлекшіе современную духовную письменность? По ознакомленіи со всѣми ими мы выносимъ очень неопредѣленное впечатлѣніе: ничѣмъ особено они не прославились, — таковъ отвѣтъ на этотъ не историческій вопросъ. Другое дѣло, если мы спросимъ себя: какія условія благопріятствовали появленію такого множества сказаній? Съ VIII-го до половины IX вѣка въ Византіи царило иконоборство, когда подавлялась всякая духовная мысль, преслѣдовались всякіе литературные труды монастырской братіи. Агіографическое дѣло, находившееся въ тискахъ, не могло развиваться, современники за этотъ періодъ оставались безучастными зрителями подвиговъ замѣчательныхъ лицъ, не смѣя взяться за перо. Съ 842 г., съ окончательнымъ возстановленіемъ православія, повѣяло новымъ

духомъ—духомъ свободы въ области слова, проповѣди и литературы. Агіографія расцвѣла. Великое множество исповѣдниковъ иконоборческаго періода постепенно вышло на свѣтъ и обнаружилось въ ихъ житіяхъ. Но съ 842 г. не было еще мученичествъ, этого любимаго рода византійской письменности. Событіе 845 г. въ глубинѣ Азіи было первымъ, въ которомъ современники усмотрѣли мученичество, и вотъ они облюбовали эту тему, пересказывая ее на разные лады. Α Β Γ Δ Ε Ζ—вотъ сколько версій только дошло до нашего времени, но несомнѣнно, что въ свое время ихъ было несравненно болѣе.

Изученіе этихъ сказаній потребовало бы много времени, если бы они не появились въ превосходномъ изданіи П. В. Никитина [1]), который отнесся къ замыслу В. Гр. Васильевскаго съ такою любовію, эрудиціею и тщательностью, что оно должно служить русскимъ византинистамъ образцомъ и идеаломъ ученаго изданія. Акад. Никитинъ такъ много сдѣлалъ для вопроса объ Аморійскомъ мученичествѣ, что работа изслѣдователей облегчилась теперь въ высокой степени. О, если бы и другіе агіологическіе памятники когда нибудь на русской почвѣ появились въ подобной же обстановкѣ!

Въ такомъ множествѣ памятниковъ первымъ дѣломъ изслѣдователя было бы—разобраться въ авторахъ сказаній; однако это сопряжено съ необоримыми трудностями. Въ самомъ дѣлѣ, два анонима — два лица, ничего намъ не говорящія; Михаилъ Синкеллъ хотя и хорошо извѣстная личность, но агіографомъ разсматриваемаго мученичества былъ не онъ, а можетъ быть какой то другой Михаилъ Синкеллъ; Софроній Кипрскій—личность совершенно неизвѣстная; инокъ Еводій равнымъ образомъ неизвѣстная величина, для раскрытія которой ученые дѣлаютъ впрочемъ вѣроятное сближеніе съ другимъ Еводіемъ.

При такомъ неутѣшительномъ состояніи свѣдѣній объ агіографахъ приходится искать нѣкоторой точки опоры въ самихъ памятникахъ — въ ихъ указаніяхъ на личность автора. Но и этотъ путь не обѣщаетъ намъ особенной удачи. Всѣ эти мученичества, какъ сказано, производятъ впечатлѣніе современныхъ, но и только. Написаны они въ разныхъ стиляхъ—начиная съ простого, дѣлового изложенія, кончая пустою риторикою,—и это обстоятельство мало говоритъ для

---

1) В. Васильевскій и П. Никитинъ. Сказанія о 42 Аморійскихъ мученикахъ. Спб. 1905 (Зап. Имп. Ак. Наукъ, VIII серія, VII № 2).

пользы дѣла. Немного помогаютъ и другія данныя сказаній, присутствующія въ однихъ и отсутствующія въ другихъ. Такимъ образомъ изслѣдователь сразу же становится въ затрудненіе при разборѣ этихъ мученичествъ. Кромѣ всего этого, ученые, разсматривавшіе сложный вопросъ о взаимоотношеніи между разными текстами, пришли къ печальному выводу, что первоначальной редакція сказанія до нашего времени не сохранилось, что мы имѣемъ свѣдѣнія уже только изъ вторыхъ или даже изъ третьихъ рукъ. Конечно возможно, что вѣсть о катастрофѣ 845 года дошла до Византіи въ нѣсколькихъ разсказахъ, нѣсколько отличныхъ другъ отъ друга, какъ и всегда бываетъ со всякими крупными событіями.

По нашему мнѣнію, Васильевскій совершенно правильно понялъ, что изученіе этого комплекса мученичествъ должно начинаться съ ред. Δ [1]), то-есть съ той, въ которой содержаніе изложено въ простой, дѣловой формѣ. Трудъ этотъ оригинальный и вполнѣ независимый (стр. 103). Въ самомъ дѣлѣ, 42 военачальника 6 марта 845 г. были казнены на берегу Тигра. Вѣсть о мученичествѣ могла достигнуть до Византіи отъ тамошнихъ христіанъ только въ простой формѣ, въ сообщеніи самого факта: это мы и видимъ въ Δ; когда же свѣдѣніе это было получено въ Византіи, разные сочинители старались пересказать его каждый на свой ладъ—простую форму разсказа облекли въ риторическія красоты; это уже послѣдующая стадія развитія.

Въ греческомъ и древнеславянскомъ переводѣ Супрасльской рукописи [2]) мученичество это анонимно, но въ Макаріевской минеѣ четіи оно приписано перу св. Софронія, архіеп. Кипрскаго. Дѣйствительно, Софроній, архіеп. Кипрскаго города Константіи, существовалъ, онъ былъ преемникомъ Даміана, но время жизни обоихъ было совершенно неизвѣстно. Le Quien относилъ обоихъ примѣрно къ VI вѣку, но безъ всякаго видимаго основанія; если бы онъ зналъ, что въ славянскомъ Софронію приписано Аморійское мученичество, онъ отнесъ бы его къ IX вѣку [3]). Какъ кажется, Δ написано въ Константинополѣ въ началѣ 70-хъ годовъ IX в. аморійскимъ уроженцемъ Софроніемъ и представляетъ изъ себя повидимому ученическое сочиненіе, прочитан-

---

1) Тамъ же, стр. 38—56 (Ἐπὶ τὰ μαρτυρικὰ ἔπαθλα), вмѣстѣ со старославянскимъ переводомъ.

2) С. Северьяновъ. Супрасльская рукопись. Спб. 1904, стр. 54—68.

3) Ср. Васильевскій, стр. 103.

ное авторомъ для полученія одного изъ ученыхъ титуловъ. Позже Софроній былъ архіепископомъ Кипрскимъ и прославился святостію.

Въ отношеніи содержанія Софроніева редакція Δ составлена изъ слѣдующихъ источниковъ: 1) изъ оффиціальной хронологической записи о походахъ имп. Θеофила противъ агарянъ; 2) изъ свѣдѣній аморійскаго происхожденія о взятіи Аморія и объ отводѣ 42 военачальниковъ въ Персію, и 3) изъ разсказа персидскихъ христіанъ о мученической ихъ кончинѣ. При этомъ въ видѣ побочнаго источника на изложеніе ред. Δ оказало вліяніе содержаніе мученичества Негранскихъ мучениковъ (Ареѳы и др.); что же касается до литературной формы, Δ носитъ на себѣ слѣды вліянія языка Василія Великаго, Григорія Нисскаго и пр.,—на все это указано акад. Никитинымъ. Δ переведено было въ старое время и на славянскій языкъ, но вовсе не потому, что переводчикъ также находилъ, что оно наиболѣе основное; нѣтъ, для переводчиковъ важнѣйшимъ вопросомъ былъ языкъ и стиль греческаго автора: чѣмъ онъ былъ проще, тѣмъ менѣе предвидѣлось трудностей въ переводѣ, и наоборотъ, то-есть мы хотимъ сказать, что переведено было именно Δ какъ наиболѣе легкое для перевода.

«Авторъ этого сказанія, говоритъ акад. Никитинъ (стр. 274 сл.), былъ ли онъ Софроній Кипрскій, или кто другой, располагалъ значительнымъ запасомъ надежныхъ свѣдѣній. Та ихъ часть, которая касается военныхъ дѣлъ, подтверждается арабскими извѣстіями; та, что̀ относится собственно къ мученію и его героямъ, сама въ своей незамысловатой точности носитъ признаки достовѣрности. Недоставало ли автору умѣнья и таланта, или онъ вынужденъ былъ слишкомъ спѣшить своей работой, но ему не удалось совладать съ набранной имъ пестрой мозаикой фактовъ и готовыхъ выраженій и привести къ сколько-нибудь гармоническому единству. Его изложеніе, то чрезмѣрно изысканное, то до наивности безформенное, часто по той или по другой причинѣ оказывается безсильнымъ ясно выразить мысль автора». Любопытно отмѣтить, что нѣкоторые списки одной изъ редакцій этого сказанія находятся уже подъ вліяніемъ ред. Z, то-есть здѣсь замѣчается та литературная контаминація, которая извѣстна и въ другихъ литературахъ, когда первоначальная редакція подвергается вліянію послѣдующихъ.

Предисловіе, обнимающее собою первые пять абзацовъ въ академическомъ изданіи (стр. 38—40), говоритъ о новоявленныхъ (νεοφα-

νῶν ἀρτίως) мученикахъ, разсказъ о которыхъ агіографъ и хочетъ предложить христолюбивой «аудиторіи» (ἀκροατήριον, auditorium), подъ которой едва ли разумѣется собраніе въ церкви, какъ предполагалъ Васильевскій (стр. 104), и конечно не «православное христіанство» (какъ думалъ Б. М. Меліоранскій: Георг. Кипрян., 28) [1]), а скорѣе можно думать, что это было собраніе въ залѣ для духовныхъ собесѣдованій, гдѣ напр. читалось и житіе св. Евдокима.

Въ главной части агіографъ говоритъ: «Царь нашъ Θеофилъ, отправившись походомъ, пошелъ на скверную агарянскую страну; и выйдя, онъ достигъ того, чего желалъ, и разрушивъ замѣчательные агарянскіе города, гдѣ жилъ родъ тогдашняго измаильскаго правителя, онъ вернулся въ свой царствующій градъ, принеся побѣдные знаки: золото, серебро и великое множество связанныхъ агарянъ. Узнавъ о томъ, что онъ пострадалъ, амерумнъ (ἀμιρμαννῆς, эмиръ, халифъ), исполнившись ярости и гнѣва, а кромѣ того не перенося стыда пораженія, въ слѣдующемъ году отправившись походомъ, вышелъ на возлюбленный (τῆς ἠγαπημένης) городъ Аморій; и былъ возлюбленный и славный городъ (настолько), что послѣ царствующаго града онъ былъ вторымъ. Вышеупомянутый царь, услышавъ о дѣлѣ, самъ отправившись походомъ, повелѣлъ войти въ названный городъ ромейскимъ воеводамъ для укрѣпленія и утвержденія его. Немного дней спустя явился къ городу безбожный со всѣмъ своимъ всеоружіемъ, въ самомъ началѣ августа, перваго индикта, и тотчасъ началъ осаждать (городъ)».—Извѣстіе это представляетъ несомнѣнно чисто хронографическое извлеченіе, хотя мы и не можемъ сказать, откуда оно взято. Подробность и точность извѣстія (напр. о прибытіи халифа 1 августа) свидѣтельствуютъ, что источникомъ его были свѣдѣнія, исходившія отъ самихъ аморійцевъ. Арабскій историкъ Масуди (у Васильева, I, 74) также писалъ: «и это (Аморій) былъ самый большой изъ греческихъ городовъ послѣ Константинополя», а Табари (тамъ же, стр. 30) преувеличено говорилъ объ Аморіи: «она—глазъ христіанства и его основаніе; у нихъ (грековъ) она почетнѣе Константинополя». — Среди защитниковъ города нашелся одинъ измѣнникъ, который вошелъ въ тайные переговоры съ халифомъ и прельстившись почестями, ему обѣщанными, убѣдилъ грековъ не оберегать особенно опасной башни [2]). Воспользовавшись этимъ, халифъ ворвался

1) Ср. Никитинъ, 187.

2) πύργον, въ славянскомъ (стр. 43, 20): с(ы)нъ; не «сопъ» ли? ср. «на сиѣ».

въ многолюдный (μυρίανδρος) городъ и произвелъ жестокую бойню [1]). Насытившись убійствами, агаряне добрались до новоявленныхъ, схватили, связали имъ руки и ноги и вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ грековъ ввергли въ тюрьму. «Нынѣ завоеванный городъ сталъ для меня другой Эѳіопіей», замѣтилъ агіографъ, выражая этимъ весь ужасъ погибели города и быть можетъ находясь подъ вліяніемъ Негранскаго мученичества. — Сопоставляя въ связь съ этимъ предыдущее замѣчаніе о «возлюбленномъ» городѣ, мы могли бы пожалуй думать, что Аморій былъ родиною агіографа.

Казалось бы, плѣнники были посажены въ аморійскую тюрьму, но нѣтъ: въ дальнѣйшемъ авторъ пишетъ, что связанные шли по назначенному пути. Въ Παγκάλλια (обширной равнинѣ къ востоку отъ Аморія [2]) халифъ велѣлъ обезглавить однихъ, отдать своимъ вельможамъ другихъ, а всѣхъ остальныхъ вмѣстѣ съ 42 военачальниками запереть въ темницу. Но вотъ наконецъ плѣнники прибыли въ обманчивую (ἀπατηλή) Сирію и здѣсь опять были заключены подъ стражу.

По прошествіи семи лѣтъ (ἑπταετοῦς δὲ χρόνου διεληλυθότος) халифъ потребовалъ, чтобы плѣнники или покорились ему, принявъ исламъ, или были казнены. Воеводы отвергли первое предложеніе. Разгнѣванный халифъ приказалъ отвести ихъ на р. Тигръ, гдѣ они опять были заперты ἔν τινι καταλύματι. Прибывъ самъ къ нимъ на суднѣ и на конѣ, онъ произвелъ допросъ. Одинъ изъ 42 воеводъ былъ по имени Ѳеодоръ, по прозванію ὁ Καρτερός, протоспаѳарій саномъ и евнухъ по природѣ. Не только отказавшись отъ принятія ислама, но обозвавъ халифа лютымъ псомъ, Ѳеодоръ выслушалъ слѣдующій приговоръ: «сего, не повинующагося моимъ словамъ и противящагося моимъ повелѣніямъ, приказываю обезглавить мечемъ». Ѳеодоръ былъ казненъ, остальные сидѣли въ тюрьмѣ, утѣшая и ободривая себя. Между ними былъ именитый родомъ Βασσόης, который особенно ободрялъ союзниковъ; онъ былъ прежде участникомъ конскихъ ристалищъ и быть можетъ получалъ вѣнки отъ народа, но теперь онъ просилъ вѣнцовъ отъ Бога за стойкость въ вѣрѣ. Вслѣдъ за Ѳеодоромъ былъ казненъ патрикій Константинъ [3]), далѣе протоспаѳарій Ѳеофилъ

---

1) Подробности объ убійствѣ 6,000 человѣкъ, извлеченныя изъ арабскихъ хроникъ, сведены у Никитина, стр. 199.

2) Никитинъ, 198.

3) Замѣтивъ, что хронисты въ разсказѣ объ Аморійскомъ взятіи упоминаютъ нѣкоего Βαβούτζικον, не говоря о Константинѣ, а агіографы говорятъ о Константинѣ,

и спаѳарій Каллистъ, по прозванію Мелиссинъ; за ними былъ обезглавленъ Вассой и остальные 37 человѣкъ. Надъ мучениками возсіялъ свѣтъ, и по этому свѣту оставшіеся въ живыхъ узнали, что 42-е скончались. Одинъ изъ 42 заключенныхъ впрочемъ оказался ренегатомъ: онъ отрекся отъ христіанства и готовъ былъ принять исламъ. Халифъ сначала обрадовался этому, но затѣмъ по совѣту своихъ приближенныхъ велѣлъ казнить и его. «Скончались же святые 42 мученика 6 марта 8 индикта 6353 года, въ царствованіе ромейскаго императора Михаила, Ѳеодоры и Ѳеклы, христіаннѣйшихъ и православныхъ великихъ царей». — О совмѣстномъ царствованіи и Ѳеклы (матери, сына и дочери) упоминается и въ надписи (C. I. G., IV 8683).

Тѣла казненныхъ были брошены въ р. Тигръ. Тѣло ренегата тотчасъ же погрузилось на дно, тогда какъ тѣла 41-го виднѣлись на рѣчной поверхности въ видѣ какъ бы судовъ, причемъ каждая голова пристала къ своему туловищу. Они проплыли довольно миль и остановились въ одномъ рѣчномъ заливѣ. Здѣсь они были взяты христолюбцами и положены въ одномъ замѣченномъ мѣстѣ (ἐν τόπῳ ἐπισήμῳ) — обычное выраженіе мученичествъ.

Оканчивая статью, агіографъ обращается къ слушателямъ съ моленіемъ къ «нынѣ утвердившимся въ царствѣ небесномъ» святымъ объ отвращеніи землетрясеній и варварскихъ нашествій. — Судя потому, что о σεισμοί говорится на первомъ мѣстѣ, можно думать, что мученичество было написано въ началѣ 70-хъ годовъ IX столѣтія когда греки находились подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитыхъ трусовъ 860, 865 и 869 годовъ. Выраженіе τοὺς βασιλεῖς ἡμῶν κρατύνατε конечно не должно означать непремѣнно совмѣстность двухъ императоровъ, хотя въ указанный періодъ имп. Василій царствовалъ вмѣстѣ съ Константиномъ († 880 г.).

На второмъ мѣстѣ полагаемъ анонимную ред. B.[1]). Мы видѣли, что Δ, написанное простымъ языкомъ, только разсказываетъ о мученичествѣ, но не прославляетъ воителей. По мѣрѣ того, какъ память о нихъ завоевывала себѣ все бóльшую и бóльшую извѣстность, а еще

не упоминая Вавуцика, Никитинъ (стр. 212 сл.) высказалъ вѣроятнѣйшее предположеніе, что Константинъ носилъ фамилію Βαβούτζικος. Онъ былъ женатъ на Софіи, сестрѣ имп. Ѳеодоры. Арабскіе источники среди защитниковъ Аморія называютъ еще А[illegible], дядю царя (Ѳеофила). Поэтому хронисты Генесій, Ѳеофанъ Продолженный и др. правы, говоря, что среди защитниковъ были царскіе родственники.

1) Тамъ же, стр. 8—21 (Ἐμοὶ δοκοῦσιν οἱ μάρτυρες).

вѣрнѣе, по мѣрѣ того, какъ являлся спросъ на бо́льшую изящность литературной отдѣлки сочиненія, и агіографическій памятникъ долженъ былъ являться въ пріукрашенномъ видѣ, съ цвѣтами риторики и краснорѣчія. Такая риторизованная Ἄθλησις и появилась въ ред. В. Вообще можно сказать, что этотъ агіографъ пользовался предыдущими разсказами и не далъ ничего существенно новаго для вопроса о мученикахъ. Именъ столько же, только въ нѣсколько иномъ порядкѣ, время ихъ кончины помѣчено почти такъ же (царствованіе Михаила и Θеодоры); но въ разсказѣ объ Аморіи есть кое-что такое, что какъ будто свидѣтельствуетъ о знаніи агіографомъ города: ὑπτίῳ δὲ αὕτη ἐν πεδίῳ κειμένη καὶ οὐδαμοῦ ὀχυρώματι φυσικῷ τινι περιφραττομένη ἢ τῷ τειχίσματι μόνῳ (стр. 11). И дѣйствительно, по описанію Гамильтона, нынѣшнія развалины Аморія лежатъ въ долинѣ, а по срединѣ ея, у соединенія двухъ малыхъ долинъ, подымается отдѣльный имѣющій около полумили въ окружности холмъ, на которомъ можно еще признать часть стѣнъ акрополя. Холмъ, по словамъ А. А. Васильева, вообще не высокъ и въ одномъ мѣстѣ очень отлогимъ скатомъ сливается съ долиной[1]).

Характерною особенностью редакціи является благосклонное отношеніе агіографа къ имп. Θеофилу, послѣднему иконоборцу. Изъ житія Георгія, Давида и Симеона Митилинскихъ и изъ житія царицы Θеодоры видно, что тотчасъ по смерти Θеофила, подъ вліяніемъ императрицы поднятъ былъ вопросъ объ отпущеніи грѣховъ еретику, послѣ нѣкоторой борьбы рѣшенный въ положительномъ смыслѣ. Съ этого времени въ извѣстныхъ кругахъ императоръ сталъ прославляться; ему стали приписываться разнообразныя добродѣтели: мужество, справедливость ко всѣмъ людямъ и даже благосклонность къ монахамъ. Воспитанный на этой литературѣ, агіографъ также проникся уваженіемъ къ памяти иконоборца и выразился о немъ такъ: «величайшій самодержецъ Θеофилъ, мужъ благородный во всѣхъ отношеніяхъ и очень дѣятельный». Софроній говорилъ о семилѣтнемъ заключеніи аморійцевъ,—ред. В даетъ цифру 6 (ἑξαετῆ γὰρ χρόνου, стр. 13); ни то, ни другое свѣдѣніе не точно, правда лежитъ по срединѣ—$6^1/_2$ лѣтъ (августъ 838—мартъ 845). Выше мы видѣли, что Софроній опредѣленно говоритъ, что Аморій взятъ сарацинами благодаря измѣнѣ одного грека; В опредѣленно не говоритъ объ этомъ, но все же даетъ понять, что предательство ему извѣстно (стр. 12).

1) Никитинъ, 136.

Равнымъ образомъ по Δ одинъ изъ 42 аморійцевъ оказался ренегатомъ; такъ какъ онъ долженъ былъ потерять небесную награду и земную почесть, Софроній, причтя его къ лику 42-хъ, все-таки лишаетъ его дара чудесъ. Анонимъ В, какъ болѣе осторожный, не говоритъ о ренегатствѣ, чтобы не впасть въ коллизію, хотя и замѣчаетъ въ концѣ (стр. 21): ἑνός τινος ἀπολείψαντος, то-есть не столь рѣзко и на этотъ разъ говоритъ объ отступничествѣ. Упомянувъ въ заглавіи имена пяти мучениковъ (Константина, Θеодора, Θеофила, Каллиста и Вассоя), агіографъ въ самомъ текстѣ говоритъ только о второмъ и послѣднемъ. Это и понятно. По Δ только Θеодоръ и Вассой произносятъ монологи; нашъ агіографъ, чувствующій большую склонность къ пересказу именно чужихъ рѣчей, назвалъ только этихъ лицъ какъ говорившихъ, вложивъ имъ по своему соображенію пространные монологи—блѣдные и не характерные. О присутствіи на мѣстѣ казни христіанъ, которыхъ прямо не называетъ Софроній (однако τινες φιλόχριστοι, стр. 54), В упоминаетъ не разъ; ὁ ἑσμὸς (ὄχλος) τῶν καθ' ἡμῶν (ἡμᾶς), стр. 16, 20. Существенною особенностью В сравнительно съ Δ является конечное замѣчаніе агіографа: по Δ тѣла скрыты христолюбцами ἐν τόπῳ ἐπισήμῳ, здѣсь они обнаруживались ночнымъ свѣтомъ надъ водою и обрѣтены «божественнымъ онымъ игуменомъ (ποιμνιάρχης) монастыря», который положилъ ихъ въ ракахъ (стр. 21). Агіографъ, сверхъ ожиданія, допустилъ прибавку, исходя очевидно изъ того соображенія, что если въ Персіи было много христіанъ, то тамъ были церкви и монастыри. Но онъ не подумалъ о томъ, что если христіанство тамъ пользовалось свободою, то почему же именно плѣнные принуждались къ принятію ислама? Ред. Δ какъ будто говоритъ о томъ, что христіанство было здѣсь тайнымъ,—В дѣлаетъ его явнымъ.

На третьемъ мѣстѣ мы ставимъ ред. Z съ именемъ монаха Еводія [1]). Дюканжъ относилъ время жизни Еводія приблизительно къ 850 году, быть можетъ исходя изъ § 35: γυνὴ (Θеодора) γὰρ τῆς Ῥωμανίας σήμερον βασιλεύει, ошибочно имъ, какъ и А. А. Васильевымъ понятаго. Современные ученые отодвигаютъ его къ нѣсколько болѣе позднему времени—къ царствованію имп. Василія I (867—886) [2]). Исходя

1) Рукописи даютъ чтенія: Εὐώδιος и Εὐόδιος. Арх. Сергій, толкуя это имя въ смыслѣ «благопутный, благоуспѣшный», очевидно, придерживался второго чтенія. Однако правильнѣе первое написаніе, сообразно съ чѣмъ Еводій будетъ означать «благовонный» или «доброгласный». Васильевскій и Никитинъ, Сказанія, стр. 61—78; AA. SS. Boll., мартъ, I, 880—885 (Φαιδρὰ μὲν τῆς πανηγύρεως ἡ ὑπόθεσις).

2) Никитинъ, 273.

изъ той мысли, что Іосифъ Пѣснописецъ († 883) написалъ канонъ Аморійскимъ мученикамъ и что Еводій написалъ канонъ Іосифу, акад. Никитинъ (стр. 259, 279) высказалъ въ высшей степени вѣроятную догадку, что Еводій и Іосифъ писали свои агіографическіе труды въ одно время и по одному поводу, именно по случаю освященія храма, построеннаго Василіемъ въ честь Аморійскихъ мучениковъ—стратилатовъ. Еводій—писатель—полемистъ и апологетъ, избравшій своею спеціальностью защиту евангелія передъ кораномъ, борьбу православія съ исламомъ. Его «Опроверженіе Магомета» (Ἀπάντησις πρὸς Μωάμετ) отмѣчено Миллеромъ въ одной изъ рукописей Эскуріальской библіотеки (№ 459); выписки изъ его трактата противъ магометанства (ἐκ τῶν τοῦ ἁγίου Εὐοδίου) приведены писателемъ XI—XII в. Евѳиміемъ Зигавиномъ въ его Паноплін[1]). Въ виду того, что и мученичество Аморійскихъ мучениковъ представляло собою борьбу православія съ исламомъ, Еводій, какъ надо думать, съ удовольствіемъ взялся за тему и изобразилъ подвиги ихъ по преимуществу какъ богословскую борьбу воеводъ съ сарацинами о вѣрѣ. Историческія подробности здѣсь отходили на второй планъ, для Еводія на первомъ мѣстѣ стояла діалектическая борьба; и надо ли говорить о томъ, что мученики побѣдили мусульманъ въ догматахъ вѣры силою своей діалектики?

Источникомъ для Еводія служили разсмотрѣнныя выше редакціи, пособіемъ былъ трудъ Никиты Византійскаго «Опроверженіе Магомета», на общее содержаніе мученичества оказало вліяніе мученичество 40 Севастійскихъ мучениковъ. Любопытно, что послѣднее написано было также Еводіемъ, но только епископомъ Кесарійскимъ. Послѣ указанныхъ Никитинымъ (стр. 119—120) дефектовъ, характеризующихъ литературную его манеру, надобно признать, что ред. Z есть можетъ быть одно изъ раннихъ произведеній Еводія, когда авторъ не былъ еще ни изящнымъ стилистомъ, ни точнымъ передатчикомъ мыслей, ни вообще литературнымъ талантомъ.

Оцѣнка ред. Z сопряжена съ большими затрудненіями. Ученые (A. Ehrhard, o. H. Delehaye, П. В. Никитинъ) полагаютъ даже, что въ томъ видѣ, въ какомъ она издана, она уже не принадлежитъ Еводію, а написана Метафрастомъ. Мы не раздѣляемъ такой точки зрѣнія и въ слѣдъ за учителемъ болѣе склонны къ усвоенію того положенія,

1) Migne, Patr. gr., CXXX, 1341.

что Еводіева ред. Z и принадлежитъ Еводію; но что касается до ред. А, разсмотрѣніе которой предлагается во второй части сочиненія, она не можетъ быть приписана Метафрасту, представляя только дальнѣйшую стадію въ развитіи мученической легенды.

На первый взглядъ выходитъ, что ред. А произошла изъ ред. Z, но Никитинъ предостерегаетъ отъ увлеченія. «Текстъ А, говоритъ онъ (стр. 121), нельзя безъ нѣкоторыхъ натяжекъ выводить изъ текста Z, приходится предполагать, что оба они произошли изъ нѣкотораго третьяго». Этотъ третій текстъ, по мнѣнію русскаго классика и византиниста, и былъ первоначальнымъ текстомъ Еводія: Метафрастъ, слегка переработавъ его изложеніе и, можетъ быть, измѣнивъ заключительную часть эпилога, создалъ текстъ Z, а неизвѣстный эпитоматоръ, сильно сокративъ текстъ Еводія и кое-гдѣ замѣнивъ его выраженія своими, далъ то, что мы называемъ текстомъ А. Такимъ образомъ выходитъ, что подлиннаго сочиненія Еводія или не существуетъ, или онъ еще не отысканъ, что редакцію Z надобно считать произведеніемъ Метафраста, какъ редакцію А—произведеніемъ неизвѣстнаго.

Противъ перваго положенія можно и должно выставить слѣдующія соображенія. Всѣ три московскія рукописи 377, 379 и 384, XI вѣка, называютъ авторомъ Еводія и только двѣ—мюнхенская и напечатанная Болландистами анонимны: выводить отсюда, что ред. Z принадлежитъ Метафрасту—въ высшей степени рискованно. Во-вторыхъ, агіографъ Z, человѣкъ сравнительно близкій ко времени мученія, находившійся все еще подъ впечатлѣніемъ событія [1]), при всемъ своемъ спокойствіи все-таки не выдерживаетъ тона и по временамъ восклицаетъ: *οἴμοι* (§ 2), *ὢ ἀπὸ τῆς ἀπιστίας* (§ 18), *ὢ θυσία, ὢ θύματα* (§ 43): отъ Метафраста, жившаго полутороми столѣтіями позже событія, мы не ожидали бы такихъ выраженій. Въ третьихъ, замѣчаніе личнаго свойства: *ὡς οἷοί τέ ἐσμεν, συντομώτερον ἱστορήσωμεν* (§ 3), умѣстное въ устахъ Еводія, предпринявшаго самостоятельный трудъ по обличенію мусульманства, не можетъ принадлежать Метафрасту, какъ «только пересказавшему Еводія», такъ какъ никакого труда въ этомъ отношеніи ему не предстояло. Наконецъ въ-четвертыхъ, неточность, даже безсмыслица выраженій, замѣчаемая въ *μαρτύριον*'ѣ [2]), опять говоритъ, что эта редакція не могла выйти изъ-

---

1) § 1: *μηδεὶς κατηφείτω σκυθρωπὸν ἀγγελίας ἀκούσας.*
2) Никитинъ, 119—120.

подъ пера Метафраста. Такимъ образомъ, разсматривая Z самъ по себѣ, мы не находимъ достаточныхъ основаній отнести его къ числу произведеній знаменитаго пересказчика.

Но почему же все-таки говорятъ здѣсь объ участіи Метафраста? Потревожена тѣнь его по поводу разсмотрѣнія ред. A, представляющей изъ себя сокращенный пересказъ ред. Z. A, какъ замѣтилъ Ehrhard, представляя собою типъ миней-четіихъ или минологіевъ, находится въ зависимости отъ Метафрастовскаго свода; если A есть минологій этого свода, то первоисточникъ его, ред. Z, и есть произведеніе Метафраста; если же Z связанъ съ именемъ Еводія, то это свидѣтельствуетъ только о томъ, что Метафрастъ слегка пересказалъ ред. именно Еводія.

Текстъ A, вопреки П. В. Никитину, выводится изъ текста Z; существенныя отличія его, если мы не ошибаемся, слѣдующія: 1) въ заглавіи A пять именъ мучениковъ, въ Z ни одного. Но агіографическое заглавіе — вещь крайне не надежная: ред. A, не встрѣтивъ именъ въ ред. Z, могъ выписать ихъ изъ современной минейной памяти, что признаетъ и самъ Никитинъ (стр. 117). Вообще надо отказаться отъ мысли, что эпитоматоры были люди совсѣмъ близорукіе; близорукость мы охотно допускаемъ у копистовъ, у переписчиковъ, но нельзя же думать, чтобы и литераторы, хотя бы и не изъ важныхъ, дальше своего носа не видѣли. 2) Въ A про Аморій сказано (§ 2): πόλις δὲ αὕτη τῶν πρὸς ἀνίσχοντα ἥλιον κειμένων, чего нѣтъ въ Z; но эта ничтожная прибавка свидѣтельствуетъ только, что агіографъ имѣлъ понятіе объ Аморіи какъ о городѣ, лежащемъ къ востоку отъ Византіи; для этого ему не было надобности выписывать это свѣдѣніе изъ чужихъ книгъ. 3) Въ A χρόνος παρῆλθεν οὐχὶ συχνός (§ 5)—въ Z χρόνος παρῆλθε (§ 22). Опять разница слишкомъ несущественная и ничтожная, чтобы на ней останавливаться: въ пересказахъ она не имѣетъ никакого значенія[1]). 4) Наконецъ въ A нотарій Константинъ названъ ὁ καλός (§ 7), въ Z ὁ ἡγιασμένος, замѣна, правда для насъ непонятная, но едва ли также говорящая о пользованіи ред. A непремѣнно агіографическимъ текстомъ, отличнымъ отъ Z. Итакъ мы полагаемъ, что ред. A пользовался ред. Z и ничѣмъ болѣе.

Не достаточно обоснованное пріуроченіе анонимной ред. Z, изданной Болландистами еще въ XVIII в., перу Метафраста, если

1) Ср. наше Житіе св. славнаго Евдокима. Софія 1908 стр. 42.

угодно, и доселѣ еще находитъ себѣ защитниковъ въ наукѣ; но если бы изданъ былъ сначала Z съ именемъ именно Еводія, судьба вопроса была бы другая.

Намъ нѣтъ особой надобности пересказывать ред. Z, тѣмъ болѣе, что она почти точно изложена акад. Васильевскимъ (стр. 96—101); ограничимся лишь дополненіемъ нѣкоторыхъ историческихъ подробностей въ виду сокращенности ихъ передачи. Еводій говоритъ о мученикахъ Ѳеодорѣ Кратерѣ (вм. Картерѣ), Васоѣ и двухъ Константинахъ — патрикіи и нотаріи и мѣсто кончины ихъ пріурочиваетъ не къ Тигру, а къ Евфрату и г. Самарѣ: таковы главныя особенности этой редакціи.

Безсмысленную, болѣе того — христоотреченную (ἀρνησίχριστος) ересь, уничтожавшую образъ Христова воплощенія, эту звѣроименную ящерицу вызвала къ жизни Исаврійская область[1]) (намекъ на имп. Льва III Исавріянина): «появились божественные ужасы и средства защиты, столкновенія небесныхъ свѣтилъ и паденія ихъ на землю, безпрестанныя землетрясенія, уничтожающія все лучшее, что было въ царствующемъ градѣ, вслѣдствіе этого гибель огромнаго числа людей, преждевременная смерть по всему царству, а въ особенности въ столицѣ; уничтоженіе границъ, отдѣляющихъ Ромеевъ и Измаильтянъ, гибель всего ромейскаго воеводства въ Киликіи и овладѣніе ромейскою территоріею до самой Каппадокіи; ко всему этому до самой столицы достигаетъ флотъ не только измаильтянъ, но и Аваровъ и другихъ языковъ, наполнивъ собою всю Пропонтиду и всѣ бухты внутри Авидоса, — и они осаждали столицу втеченіе цѣлыхъ семи лѣтъ» (§§ 8—9). Къ оцѣнкѣ нарисованной здѣсь агіографомъ картины опустошенія Романіи при имп. Львѣ III мы обращаемся въ третьей части этого сочиненія.

Но и соименный оному безбожнику (Левъ V Армянинъ) и единонравный, обратившійся на его блевотину и пріобщившійся къ нечистотѣ той же ереси, изгоняетъ всѣхъ православныхъ іерарховъ, сжигаетъ божественные драгоцѣнные сосуды и священныя одежды на площадяхъ (κατὰ τὰς λεωφόρους). Но вотъ противъ него выступаетъ нашествіе онаго тирана Ѳомы, губящее внутреннею войною ромейскія господства[2]), и самъ онъ (Левъ) горькимъ концомъ погубивъ душу

1) Игра словъ: σαύραν—Ἰσαυρίας.

2) Агіографъ спуталъ событія, какъ замѣтилъ уже П. В. Никитинъ (стр. 242): бунтъ Ѳомы случился не при Львѣ V, а при Михаилѣ II.

при самомъ алтарѣ (βῆμα), всаживаетъ въ христіанское жительство христоненавистное свое безуміе. Когда принялъ власть лжеименно названный Θеофилъ, ересь еще болѣе увеличилась. Сколько военныхъ пораженій вынесъ онъ отъ измаильтянъ, сколько странъ, городовъ и острововъ, черезъ гордость по отношенію къ Христовой иконѣ, обратились въ пустыню,— не возможно намъ описать» (§ 11).

О взятіи Аморія сказано очень кратко: «При немъ (Θеофилѣ) протосимвуломъ (халифомъ) измаильскаго народа былъ оный Ависакъ (Ἀβησάκ=Абу—Исхакъ=Мутасимъ, 833—842). Съ тяжелою силою онъ выступилъ противъ славнаго города Аморія, въ теченіи 13 дней разрушилъ стѣны стѣнобитными орудіями, опустошилъ городъ, взялъ въ плѣнъ вождей семи военныхъ отрядовъ (τοὺς δὲ τῶν ἑπτὰ θεμάτων καθηγεμόνας) и распорядился умертвить мечемъ подчиненные имъ легіоны вмѣстѣ съ жителями города и бѣжавшими оттуда людьми. Вернувшись въ свою страну, онъ заключаетъ въ тюрьму названныхъ начальниковъ войскъ (§ 12). — По греческимъ извѣстіямъ, арабы подошли къ Аморію въ четвергъ 1 августа 838 г.; по Табари, Ашнасъ во главѣ одной колонны прибылъ въ четвергъ, стало быть 1-го августа, а на другой день, въ пятницу 2 августа 838 г. явился и самъ халифъ Мутасимъ. По греческимъ извѣстіямъ, городъ палъ во вторникъ 13 августа, по Якуби — въ понедѣльникъ 12 августа. Разница въ одинъ день несущественна: если городъ палъ въ ночь съ понедѣльника на вторникъ, то одни могли говорить о паденіи въ понедѣльникъ 12-го, другіе—во вторникъ 13-го, смотря по тому, кто какъ считалъ конецъ сутокъ[1]). Акад. Никитинъ въ чрезвычайно содержательномъ и цѣнномъ экскурсѣ о семи военныхъ отрядахъ (стр. 244—247) предполагаетъ, что въ защитѣ Аморія участвовали одни только заморскія θемы (τὰ περατικὰ θέματα) и думаетъ, что это были θемы: оракисійская, армеіакская, вукелларская, пафлагонская, анатолійская, опсикійская и каппадокійская. Тогда какъ для θемъ στρατηγοί были офиціальнымъ титуломъ, καθηγεμόνες (или ἀρχηγοί) было названіемъ общимъ какъ для стратиговъ, такъ и для другихъ болѣе низшихъ ранговъ — протоспаθаріевъ, спаθаріевъ и т. д.; отсюда и понятно, что изъ семи θемъ могло выйти 42 мученика.

Во время бесѣдъ плѣнниковъ съ мусульманами выяснилось, что

---

1) Ср. Никитинъ, 243—244. По нѣсколько ошибочному вычисленію П. В. Никитинъ 1-е августа полагаетъ на пятницу и четвергомъ считаетъ 31 іюля.

среди грековъ были родственники императора (οὐ συγγενεῖς βασιλέων); что болѣе 70,000 взятыхъ ромеевъ передано халифу (§ 18).—Извѣстіе это, вложенное агіографомъ въ уста мусульманамъ, очень преувеличено. По Масуди, въ Аморіи было убито 30.000 человѣкъ: «въ это число, говоритъ Никитинъ (стр. 250), могутъ, повидимому, входить и солдаты и граждане, а пожалуй—и тѣ, которые были сперва взяты въ плѣнъ, а потомъ на походѣ отъ Аморія (въ Панкалліи) перебиты. Число 70,000 явилось у Еводія, можетъ быть, потому, что такова именно была въ тѣ времена, какъ свидѣтельствуетъ Кудама, списочная численность регулярныхъ войскъ всѣхъ азіатскихъ провинцій имперіи; но дѣйствительная численность могла быть гораздо меньше. Въ 863 г. въ арміи Петроны, находившейся въ полномъ составѣ (всѣ азіатскія ѳемы, двѣ клисуры, двѣ ѳемы европейскія, четыре гвардейскихъ полка), было всего 50,000 человѣкъ».

Въ теченіи цѣлыхъ семи лѣтъ (ἑπτὰ μὲν οὖν ὅλοις ἔτεσιν) плѣнники находились въ тюрьмѣ, ведя бесѣды о религіи съ мусульманами, которыхъ они побѣдили силою своей діалектики (§ 27). — Извѣстіе это здѣсь неточно: съ августа 838 до марта 845 г. прошло только $6^1/_2$ лѣтъ; ниже (§ 41) тотъ же агіографъ поправился, сказавъ: σχεδὸν τῶν ἑπτά που ἐτῶν.

Въ это время на престолѣ арабовъ произошла смѣна халифовъ (ὁ κατ' ἀξίαν διάδοχος, § 30), то-есть Мутасиму въ 842 г. наслѣдовалъ его 30-лѣтній сынъ Гарунъ-аль-Ваѳикъ (842—847).

Вечеромъ 5 марта 845 г. ко дверямъ темницы подошелъ нѣкій Воодъ (Βοώδης), который нѣкогда былъ начальникомъ въ греческомъ войскѣ, но затѣмъ, говорятъ (φασι), сдѣлался предателемъ великаго города Аморія, ренегатомъ и осаракинившимся. Онъ вызвалъ нотарія Константина и наединѣ сказалъ ему, что завтра 6 марта предстоитъ казнь его принципала, патрикія Константина; для предотвращенія ея онъ совѣтовалъ обоимъ Константинамъ потурчиться хотя бы только для вида. Предложеніе было отвергнуто (§§ 28—29).— По арабскимъ извѣстіямъ болѣе точнымъ, нежели греческія, выходитъ, что измѣнъ было двѣ, одна не серьезная, другая рѣшающая. Имена обоихъ измѣнниковъ извѣстны, будучи сохранены хроникою Симеона Логоѳета: παρεδόθη γὰρ ὑπό τε τοῦ λεγομένου Βοϊδίτζη καὶ τοῦ Μανικοφάγου (—άνου). Имя перваго по арабски Венду (=быкъ), (подлинная греческая форма Βοϊδίτζης (Theoph. Contin.) или Βουδίτζης Sym. Mag.), въ передѣлкѣ на древне-греческій ладъ Βοώδης у Еводія.

Разсказъ о третьемъ измѣнникѣ, ученикѣ Льва Философа—басня [1]).— Плѣнникамъ, горевавшимъ о своихъ семействахъ, мусульмане говорили: потурчтесь, и нашъ великій халифъ повелитъ вашему жалкому царю (Михаилу III) прислать къ вамъ вашихъ родныхъ, и женщина (Феодора), правящая нынѣ Романіей, не въ состояніи будетъ противиться нашему халифу; подать съ Египта только за одинъ годъ—и та въ состояніи обезпечить вашихъ потомковъ до десятаго колѣна (§ 35). Когда и это предложеніе было отвергнуто, ихъ повлекли на мѣсто казни. Сбѣжалась масса сарацинъ и христіанъ. Около Евфрата въ великомъ городѣ Самарѣ Феодору Кратеру было сказано: «ты нѣкогда былъ клирикомъ и у христіанъ священникомъ, а теперь ты взялъ копье, вооружился и сдѣлался человѣкоубійцею», на что Феодоръ отвѣтилъ, что именно поэтому онъ и обязанъ пролить кровь за Христа, чтобы обрѣсти искупленіе своихъ прегрѣшеній (§ 36) [2]). Въ то время, какъ палачи-эѳіопы точили мечи и размахивали ими, Феодоръ, боясь за мужество патрикія (Константина), предложилъ ему первому принять вѣнецъ мученичества, но патрикій эту честь уступилъ Феодору. Святые, соотвѣтственно своимъ чинамъ, какъ будто за царскою трапезою, уступая одинъ другому очередь, всѣ безъ страха предали себя на смерть (§§ 37—38). Далѣе Еводій сравниваетъ 42 аморійцевъ съ 40 севастійцами, скончавшимися (9 марта 320 г.) также въ четыредесятницу (§ 40).—Заключеніе Еводія не достаточно хорошо подогнано къ житію и кажется болѣе общимъ, отвлеченнымъ и пустымъ.

Изъ всѣхъ житій святыхъ IX вѣка ни одно не читалось съ большимъ интересомъ, какъ житіе Феофана Сигріанскаго. Удивительная жизнь этого человѣка въ мірѣ, величіе литературныхъ трудовъ въ монашествѣ, обильный даръ чудотвореній по смерти—все привлекало писателей и читателей къ этому имени. Тотчасъ по его смерти Феодоръ Студитъ сообщилъ въ общихъ чертахъ его біографическія свѣдѣнія въ письмѣ къ женѣ его, инокинѣ Мегало. Не прошло и 30 лѣтъ со времени его смерти, какъ взялся за житіе его патр. Меѳодій († 847), далѣе агіографъ Сава, влахернскій скевофилаксъ Никифоръ, протасикритъ Феодоръ, два анонима, наконецъ Метафрастъ; при этомъ мы не говоримъ уже объ эпитомахъ и памятяхъ святого, которыхъ также значительное количество.

1) Никитинъ, 191—194.

2) Ср. подобный же доводъ въ ж. Тарасія (стр. 102).

Тѣмъ не менѣе при чтеніи этихъ житій невольно поражаешься тѣмъ обстоятельствомъ, что біографія Θеофана не достаточно намъ извѣстна. Самъ святой, какъ надо думать, не разсказывалъ о себѣ своимъ ученикамъ, поэтому кое-что въ его жизни осталось не выясненнымъ, и агіографы IX—X вѣковъ прибѣгали въ такихъ случаяхъ къ слухамъ и преданіямъ. Напр. одни говорили, что святой родился въ Константинополѣ и былъ человѣкъ очень богатый; другіе разсказывали, что онъ былъ уроженецъ острововъ Эгейскаго моря, третьи, что онъ былъ уроженецъ Скиоіи, человѣкъ крѣпостной,—и такая разноголосица является уже въ IX вѣкѣ. Мы безсильны выйти изъ этой разноголосицы, не можемъ отвергнуть всѣ извѣстія ради одного, главнымъ образомъ потому, что не знаемъ основнаго разсказа — сочиненія патр. Меθодія и даже не имѣемъ подъ руками его непосредственнаго пересказа (cod. Mosq. № 390). Мы читали только пересказъ пересказа Меθодіевскаго «Житія» въ изданіи г. Гедеона, но заключать изъ него о содержаніи подлиннаго житія положительно не возможно. Тѣмъ не менѣе все таки мы должны коснуться подлинника.

Древнѣйшимъ житіемъ Θеофана Сигріанскаго должно считаться житіе, написанное патр. Меθодіемъ (842—847)[1]. Въ изданіи г. Гедеона оно состоитъ изъ 8 небольшихъ параграфовъ, между тѣмъ по cod. Mosq. № 390 (Владиміръ, 587) оно занимаетъ 114—126 листовъ рукописи листового формата и русскій агіологъ выразился о о немъ, какъ объ очень многословномъ[2]. Поэтому мы думаемъ, что текстъ у Гедеона очень сокращенъ, что это особая редакція Меθодіевскаго сочиненія. Было бы очень желательно сличить изданіе съ означенною рукописью, но въ настоящее время мы къ сожалѣнію сдѣлать и этого уже не можемъ.

Языкъ Меθодіева житія Θеофана изящный и простой, чуждый риторики. Есть основаніе предполагать, что въ свое непродолжитель-

---

1) Ἔμπρακτον κάλλος καὶ προαιρετικὴν εὐμορφίαν (Μ. Γεδεών. Ὁ ἐν Κπλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος. Ἀρχαιολογικὸν δελτίον. Παράρτημα τοῦ κδ'—κτ', τόμου. Ἐν Κπλει 1896 σ. 82—85=id. Βυζαντινὸν ἑορτολόγιον (1899), 290—293 (по Аθоно-Кутлумушской рук. XII в.) — анонимное; въ рк. Моск. Синод. Библ. XI в. съ именемъ Меθодія. Въ Аθоно-Иверскомъ монастырѣ имѣется списокъ съ такимъ же началомъ, но съ приписаніемъ, что авторъ житія патріархъ Михаилъ (?). См. Сергій, «Душеполезное Чтеніе» 1893 № 3; Krumbacher. Eine neue Vita des Theophanes Confessor, S. 372.

2) Сергій. Избранныя житія святыхъ. Владиміръ 1893 стр. 196.

ное патріаршество Меѳодій былъ очень занятъ вопросомъ канонизаціи исповѣдниковъ, и тутъ ему было много дѣла: нужно было предварительно сообщить біографическія свѣдѣнія о томъ или другомъ канонизуемомъ, быть можетъ составить и службу каждому. Тутъ было не до риторики, требовалась только фактическая сторона житія. Меѳодій торопился. Несомнѣнно спѣшностью его работы объясняется наличность нѣкоторыхъ неясностей въ изложеніи, неясностей, которыя послѣдующіе агіографы разрѣшали въ разныхъ смыслахъ.

«Такъ какъ, говоритъ авторъ, со многими другими нынѣ предлежитъ и треблаженнѣйшій Ѳеофанъ..., то нужно и о немъ разсказать добролюбцамъ» (§ 1). Родители его были богаты (πολλά τε κεκτημένοι) и сановны (οὐ μικρὰ δυνάμενοι), по имени Исаакій и Ѳеодота. Черезъ три года послѣ рожденія Ѳеофана (на Эгейскомъ морѣ) Исаакій, бывшій начальникомъ острововъ Эгейскаго моря (τὴν ἀρχὴν τηνικαῦτα διέπων τὴν τοῦ Αἰγαίου πελάγους), откуда была родомъ и Ѳеодота, умеръ. Вдова дала сыну хорошее воспитаніе. По достиженіи мужескаго возраста (εἰς ἀνδρὸς ἡλικίαν ἥκοντα) [1]) мать пріискала ему въ лицѣ Мегало (Μεγαλώ) невѣсту, блиставшую великими преимуществами, знатную родомъ и богатую. Ѳеофанъ не ослушался воли матери и, не смотря на увѣщанія своего друга Прандія (Πράνδιος) [2]), по смерти матери женился, но отъ брачныхъ дѣлъ совершенно воздерживался [3]), имѣя въ виду удаленіе изъ міра и посвященіе себя подвижничеству. Тесть его противился иночеству Ѳеофана [4]), равно какъ и имп. Левъ (Хазаръ, 775—780), иконоборецъ, который грозилъ святому ослѣпленіемъ и смертію въ случаѣ ухода его въ монастырь.— Такимъ образомъ отсюда совершенно ясно, что Ѳеофанъ женился по волѣ матери, понятно и нежеланіе тестя видѣть свою замужнюю дочь безъ мужа. Ниже мы увидимъ, какъ эта подробность основного житія въ послѣдующихъ пересказахъ была искажена, — но Ѳеофанъ укрѣпился въ своей мысли благодаря одному изъ великихъ старцевъ и аскетовъ Сигріанской горы, престарѣлому Григорію, который предсказалъ скорую смерть его тестя и царя Льва, высказавъ это одному изъ сверстниковъ Ѳеофана—юношѣ Стефану (§ 2).—Здѣсь заслужи-

1) Очень неточно: слѣдовало сказать: возраста отрока.

2) Въ изданіи Гедеона имени нѣтъ, взято изъ перваго пересказа (Krumbacher, Eine neue Vita, S. 374).

3) τῶν δὲ γαμικῶν ἔργων ὅλως ἀπείχετο.

4) ὑπὸ δὲ τοῦ κηδεστοῦ τῇ καλλίστῃ ταύτῃ ἐπιθυμίᾳ δοῦναι τέλος εἰργόμενος.

ваетъ вниманія то обстоятельство, что даже при жизни тестя Ѳеофанъ уже имѣлъ связи съ Сигріанскою горою; если онъ позже ушелъ для подвиговъ именно сюда, то едва ли это было случайнымъ дѣломъ, какъ то выводится изъ пересказовъ житія.—Ѳеофанъ уже исполнялъ уставъ монашеской жизни и убѣждалъ и свою жену также идти въ монастырь. Все свое богатство они роздали бѣднымъ, за исключеніемъ немногаго, что у нихъ осталось.

Когда царь Левъ и тесть Ѳеофановъ умерли, святой остатокъ имущества роздалъ также бѣднымъ, освободилъ на волю своихъ крѣпостныхъ [1]), давъ имъ грамоты (λεγάτα), и велѣлъ имъ идти, куда хотятъ; жену свою онъ помѣстилъ въ женской обители на о. Принца (ὁ ἐν Πριγκήπῳ παρθενών), гдѣ и облекъ ее въ монашескую рясу; здѣсь они разстались и уже болѣе не видѣлись другъ съ другомъ.—Въ виду возможности одновременнаго удаленія супруговъ въ монастыри выраженіе τὸ μοναδικὸν αὐτῇ σχῆμα περιβαλὼν надобно понимать относительно: не онъ, а игуменія обители облекла Мегало въ рясу.—Новая инокиня осталась въ обители на о. Принца подъ именемъ Ирины, гдѣ и отошла ко Христу, а Ѳеофанъ ушелъ къ Сигріанской горѣ и поселился въ монастырѣ Полихніи (Πολίχνιον «Городокъ», § 3). Здѣсь онъ заключился въ своей келіи, занимался каллиграфіей и всегда былъ готовъ на помощь другимъ. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ отправился на одинъ изъ Принцевыхъ островов, Калонимъ (Καλώνυμος), и поставилъ здѣсь монастырь. — Какимъ образомъ инокъ, когда-то богатый, а теперь неимущій, воздвигъ обитель, неясно; ниже мы увидимъ, какъ пересказчики интерпретировали это неясное мѣсто.—По возвращеніи на Сигріанскую гору Ѳеофанъ поставилъ здѣсь игуменомъ мужа разумнаго и добродѣтельнаго, а самъ предпочелъ повиноваться нежели повелѣвать (§ 4). Онъ присутствовалъ на седьмомъ вселенскомъ соборѣ въ Никеѣ (787 г.), гдѣ особенно отличался передъ отцами, защищавшими правый догматъ [2]).—Опять неясно, чѣмъ отличался Ѳеофанъ; поэтому послѣдующіе пересказчики опять приводили разныя соображенія.

Послѣ собора Ѳеофанъ вернулся въ свой монастырь и приступилъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Отецъ зла причинялъ ему много искушеній. Когда святой однажды ночью спалъ, демоны схватили его за руку и укусили ему палецъ. Собралась братія, помазала освя-

---

1) τὸ οἰκετικὸν ἅπαν ἐλευθερίας ἀξιώσας.

2) τοῖς τοῦ ὀρθοῦ λόγου ὑπερμαχοῦσι πατράσι τὰ μέγιστα συναιρόμενος.

щенною водою, и онъ выздоровѣлъ, хотя слѣды укусовъ много дней виднѣлись на пальцѣ. Съ тѣхъ поръ однимъ призываніемъ имени Христова онъ прогонялъ враговъ (§ 5). Однажды окрестную страну постигъ голодъ, грозила людямъ жалкая смерть. Многіе приходили къ монастырю преподобнаго, и Ѳеофанъ не отказывалъ голоднымъ. Казначей донесъ ему, что хлѣба у монастыря, разсчитаннаго на годъ, не достанетъ и на полгода. Ѳеофанъ замѣтилъ ему: о, маловѣрный! поди, сосчитай количество оставшагося хлѣба, и ты увидишь неизмѣримость даровъ Божіихъ. Тотъ пошелъ, разсмотрѣлъ и увидѣлъ, что изъ амбара не убыло ни модія хлѣба. Нѣкій братъ въ преддверіи монастыря просилъ милостыни. Доложено было объ этомъ Ѳеофану. Послѣдній сказалъ докладчику: иди, открой ларецъ, возьми столько то монетъ и отдай просящему. Посланецъ пошелъ и, найдя множество денегъ, снова пришелъ къ Ѳеофану, съ изумленіемъ говоря, что денегъ тамъ столько, сколько онъ и вообразить себѣ не могъ. Святой велѣлъ ему дать просившему назначенную сумму.

На 50-мъ году своей жизни Ѳеофанъ заболѣлъ нефритомъ, болѣзнію почекъ; истеченіе мочи было затруднено; камни такъ мучили святого, что онъ лежалъ безъ движенія. Вступившій на престолъ иконоборецъ Левъ Армянинъ со многими другими вызвалъ въ столицу и Ѳеофана. Хотя послѣдній и былъ недвижимъ, но онъ окрѣпъ ревностью ко Христу. Царь грозилъ ему удушеніемъ въ случаѣ неявки. Ѳеофанъ отвѣтилъ, что онъ не боится изъ любви ко Христу даже и огня. Тогда царь велѣлъ нѣкоему Янну (Ἰαννῆς), великому діалектику, магу и еретику, вступить съ нимъ въ споръ.—И имя, и аттрибуты, и современность — все заставляетъ думать, что подъ Янномъ здѣсь по всей вѣроятности можетъ подразумѣваться извѣстный Яннъ Грамматикъ, бывшій потомъ послѣднимъ иконоборческимъ патріархомъ (832—842), непосредственнымъ предшественникомъ агіографа Меѳодія. Авторитетность разбираемаго здѣсь житія ручается за то, что Іоаннъ получилъ въ устахъ православныхъ презрительное названіе Янна задолго до своего патріаршества.—Однако Ѳеофанъ присущею ему мудростью и здравымъ смысломъ обличилъ «діалектика изъ медвѣжьяго угла» [1]. Поэтому святой былъ осужденъ на житье въ мрачномъ и удушливомъ помѣщеніи, въ которомъ прожилъ два

---

1) ὃν καὶ τῷ περιόντι κατεβρόντησε τῆς αὐτοῦ σοφίας τε καὶ συνέσεως, ἀγροῖκον μᾶλλον ἀποφήνας τὸν ἐπὶ λόγοις ἐναβρυνόμενον:

года среди всяческихъ мученій. Отсюда (изъ столицы) онъ былъ сосланъ на о. Самооракy; но здѣсь онъ прожилъ только 23 дня и умеръ 12 марта, прославившись чудесами (§ 7).

Вскорѣ (οὐ πολὺ τὸ μέσον) царь Левъ погибъ горькою смертью (820 г.), и для всѣхъ людей восходитъ хотя и не чистѣйшее солнце, но — вмѣсто великой тьмы — осіяніе свѣта. Престолъ перешелъ къ убійцѣ Льва Михаилу. Тогда ученики Θеофана берутъ его многострадальное тѣло изъ мѣста его изгнанія и отвозятъ въ храмъ муч. Прокопія, отстоявшій отъ монастыря его въ 12 миляхъ (8 верстахъ), гдѣ и погребаютъ его. Вслѣдствіе множества чудесъ, когда прикосновеніе ко гробу и помазаніе истекающимъ изъ него миромъ творили чудеса, «благочестивый царь нашъ (Михаилъ III) находитъ по желанію все: трофеи надъ варварами и силу надъ всѣми врагами» (§ 8).

Таково содержаніе житія Θеофана. Меθодій, какъ мы видѣли, коснулся личности Мегало только мимоходомъ: онъ сосредоточенъ мыслію на одномъ Θеофанѣ; поэтому, упомянувъ о его супругѣ, онъ тутъ же сообщилъ и о ея смерти. На самомъ же дѣлѣ Мегало-Ирина пережила Θеофана, о смерти котораго писала Θеодору Студиту. Послѣдній изъ своего изгнанія отвѣтилъ ей и ея родственницѣ Маріи утѣшительнымъ письмомъ.

Вслѣдъ за Меθодіевымъ сочиненіемъ мы должны помѣстить старѣйшую редакцію Ὁ μέγας οὗτος[1]). Она составлена не ранѣе какъ въ царствованіе имп. Михаила III на основаніи болѣе подробнаго житія святого, что̀ Крумбахеръ считаетъ очень вѣроятнымъ. Конечно, извѣстіе въ § 12 (§ 396) о чудесахъ Θеофана отъ времени царицы Ирины до времени Михаила вѣрнаго имѣетъ смыслъ опредѣленный, то есть Θеофанъ чудодѣйствовалъ до 811 г., до временъ имп. Михаила I, православнаго царя; но въ концѣ агіографъ молитъ святого о предстательствѣ его передъ Богомъ за «царя православнаго и во всемъ полезнаго», что̀, въ связи съ тѣмъ фактомъ, что въ основѣ настоящаго пересказа лежитъ все-таки Меθодіевское сочиненіе, говоритъ уже о царѣ Михаилѣ III.

Ничего опредѣленнаго нельзя сказать и относительно мѣста появленія этого пересказа. Быть можетъ, пересказанный здѣсь оригиналъ, судя по подробностямъ мѣстнаго, сигріанскаго происхожденія, и можно

1) По рук. Моск. Синод. Библ. издана К. Крумбахеромъ: Eine neue Vita des Theophanes Confessor. München 1897 (Sitzgb. d. philos.-philol. Classe d. k. b. A. d. W. 1897, III, S. 389—399).

бы было отнести къ Сигріанской обители, но настоящая ἐπιτομή не даетъ уже никакихъ указаній на счетъ мѣста ея появленія; и если бы все-таки необходимо было на чемъ-либо остановиться, мы скорѣе могли бы думать, что она явилась уже въ Константинополѣ, гдѣ повидимому и составлялись эти βίοι ἐν ἐπιτόμῳ.

Агіографъ — строгій иконопочитатель, особенно сурово относившійся къ иконоборческимъ императорамъ. Напр. Льва Хазара онъ называетъ θὴρ καὶ οὐκ ἄνθρωπος (§ 3), не менѣе строго отзывается и о Львѣ Армянинѣ.

Пересказъ этотъ любопытенъ во первыхъ обиліемъ хронологическихъ датъ. Въ возрастѣ трехъ лѣтъ Ѳеофанъ потерялъ отца, въ возрастѣ 10 лѣтъ онъ былъ помолвленъ съ 8-ми лѣтнею Мегало, женился 18 лѣтъ отъ роду (§ 2); въ монастырѣ онъ занимался καλλιγραφῶν шесть лѣтъ (§ 4); заболѣлъ на 50-мъ году жизни, то-есть въ 809 году (§ 12), на 53-мъ году (въ 813 г.) былъ вызванъ царемъ Львомъ въ столицу. Мощи его съ Самоѳраки перенесены въ Іерію въ праздникъ Рождества Христова и положены въ монастырѣ въ Пасху (§ 13).

Во вторыхъ это анонимное житіе богато точнѣйшими указаніями для біографіи святого. Меѳодій точно не обозначилъ родину Ѳеофана, но какъ будто видно, что таковою была Византія. Напротивъ того агіографъ пишетъ: χώρας μὲν ἐξέφυ τοῦ Αἰγαίου Πελάγους, ὃ καὶ Παρθένιον οἱ πολλοὶ λέγουσι Κόλπον. По Эгейскимъ моремъ [1]) или вѣрнѣе островами его начальствовалъ Ѳеофановъ отецъ Исаакій, и мать его Ѳеодота была уроженка этихъ острововъ, а потому извѣстіе нашего агіографа о рожденіи здѣсь Ѳеофана есть только результатъ осмысленія прежнихъ образцовъ: если родители жили здѣсь, значитъ и сынъ ихъ здѣсь родился. Курьезное извѣстіе мы читаемъ далѣе, что Ѳеофанъ былъ названъ Исаакіемъ—имп. Львомъ Хазаромъ (§ 1). Это свидѣтельство можно понимать развѣ только такъ, что царь былъ воспріемнымъ отцомъ мальчика у своего личнаго друга Исаака и изъ любви къ отцу пожелалъ дать и ребенку его тоже имя Исаакій. Исааку-сыну сосватала невѣсту мать Ѳеодота; другъ его, уговорившій его отказаться отъ міра и названный Меѳодіемъ Πράνδιος, здѣсь названъ Πραδίων. Исаакъ-сынъ женился на Μεγαλώ уже по смерти матери; въ утѣшеніе его по этому случаю царь Левъ назна-

---

1) Παρθένιος Κόλπος — классическое названіе моря, поэтому вм. πολλοὶ быть можетъ было бы точнѣе сказать: παλαιοί.

чилъ Исаака-сына на должность стратора (§ 2). Левъ не желалъ видѣть Исаака въ монашествѣ и будто бы грозилъ ему даже ослѣпленіемъ въ случаѣ ухода его въ монастырь, того же мнѣнія былъ и тесть его. Провидецъ Григорій, предсказавшій скорую смерть царя Льва и тестя, передалъ постороннимъ лицамъ, что Исаакъ пострадаетъ за Христа (§ 3). Съ воцареніемъ Ирины святой освободилъ крѣпостныхъ (τοὺς οἰκέτας). Монастырь Полихній принадлежалъ прежде Исааку-отцу. Разставаясь съ супругою, Исаакъ-сынъ условился съ нею уже болѣе не видѣться другъ съ другомъ. Спустя много лѣтъ Θеофанъ отдалъ Сигріанскій монастырь духовному отцу Стратигію, а самъ переѣхалъ на о. Калонимъ, гдѣ на отцовской землѣ онъ воздвигъ монастырь и населилъ его иноками изъ монастыря Θеодора Монохира (Μονόχειρ, Однорукій) и гдѣ занимался καλλιγραφῶν шесть лѣтъ. По возвращеніи въ Сигріанскую гору онъ поселился въ монастырѣ Христофора (§ 4). По возвращеніи съ Никейскаго собора Θеофанъ расширилъ монастырь и увеличилъ число братіи, такъ что Сигріанскій монастырь превосходилъ теперь численностью обители Виоиніи и Геллеспонта (§ 5). Диспутъ Θеофана съ магомъ Яннисомъ происходилъ въ монастырѣ Сергія и Вакха; въ отчетѣ о немъ царю Янъ сказалъ: царь, легче смягчить желѣзо, нежели одолѣть этого человѣка. Тогда Левъ Армянинъ посадилъ святого εἰς τὰ Ἐλευθερίου ἀνάκτορα [1]), гдѣ въ мрачномъ помѣщеніи Θеофанъ содержался два года. Инокъ, бывшій при святомъ, говорилъ ему: можетъ быть царь сжалится надъ тобою и отпуститъ тебя умереть въ своемъ монастырѣ; но Θеофанъ на это будто бы сказалъ: нѣтъ, дитя, онъ пошлетъ меня на σκληρὰν καὶ ἀπαραμύθητον островъ, гдѣ пріютитъ насъ нѣкій старецъ и гдѣ я и умру. Предсказаніе это сбылось, Θеофанъ былъ сосланъ на о. Самоθраку, гдѣ и умеръ 12 марта, проживъ здѣсь только 23 дня. По вступленіи на престолъ имп. Михаила II преслѣдованіе иконопочитателей немного прекратилось, хотя и не совершенно; ученики святого, взявъ тѣло его съ о. Самоθраки, принесли въ монастырскую усадьбу Ἱερεῖα въ день Рождества Христова, въ самый монастырь положили его въ Пасху; еще позже перенесли остатки его въ созданный имъ монастырь «Село» (Ἀγρός) и положили ихъ на правую сторону храма въ гробницѣ, которую онъ самъ построилъ.

---

1) О немъ свѣдѣнія собраны Рихтеромъ: Quellen der byzant. Kunstgeschichte. Wien 1897. S. 382. Что существовала въ Константинополѣ мѣстность Елевθеріева, видно изъ чуда св. Николая Мирликійскаго о Димитріи.

ГЛАВА II.

Св. Софія.

Игнатьево Ж. патр. Тарасія. — Ж. патр. Никифора. — Ж. Григорія Декаполита. — Ж. Евдокима Младаго. — Стефаново Ж. Стефана Новаго. — Ж. патр. Антонія Кавлея. — Ж. патр. Евѳимія.

Патріаршая школа при Великой Церкви, существовавшая съ давняго времени, при первыхъ иконоборцахъ пережила острый кризисъ. Возродилась она вмѣстѣ съ временнымъ церковнымъ успокоеніемъ и со вступленіемъ на престолъ патр. Тарасія. Во второмъ періодѣ иконоборчества дѣятельность школы снова замерла, пока наконецъ торжество православія 842 г. окончательно не возстановило этой академіи риторико-философскихъ и богословскихъ наукъ. Авторы, вышедшіе изъ этой академіи, прошли прекрасную литературную школу и почти всѣ извѣстны намъ по именамъ. А наблюденіе надъ агіографическою письменностью привело насъ къ заключенію, что произведенія съ именами авторовъ есть обыкновенно сочиненія, отмѣченныя печатью таланта и литературными достоинствами.

Переходимъ къ обзору литературной дѣятельности одного изъ видныхъ писателей IX вѣка, человѣка хотя и мало писавшаго, но усвоившаго себѣ пріемы классиковъ и выражавшагося на изысканно-чистомъ языкѣ съ примѣсью языка стараго времени. И этотъ носитель древне-эллинскаго духа, блестяще образованный, сумѣвшій удачно гармонировать представленія древности съ библейскими, евангельскими и современными ему понятіями, былъ діаконъ и сосудохранитель Софіи.

Отъ Игнатія мы прежде всего имѣемъ Житіе патр. Тарасія [1]). Авторъ имѣлъ близкія связи со вселенскимъ патріархомъ, въ молодости своей подъ его руководствомъ изучая античную поэзію. Заканчивая біографію своего учителя, Игнатій съ благодарностью замѣчаетъ: «не забуду пользы твоего преподаннаго мнѣ ученія и времени моего горячаго тебѣ служенія, когда я въ цвѣтущую пору юности съ наслажденіемъ научался у тебя лучшимъ урокамъ о триметрахъ, тетраметрахъ,

1) Μερικὴ ἐξήγησις εἰς τὸν βίον (Μέλλων ἀπείρῳ μεγέθη πελάγους ἀρετῶν) по cod. Paris. 1452, X—XI в. f. 201—223 съ варіантами cod. Vindob. III, X—XI в., и cod. Vindob. 16, XV вѣка, издано: Ignatii diaconi Vita Tarasii, ed. I. A. Heikel. Helsingforsiae 1889; слав. пер. въ рук. XVII—XVIII в. (л. 131—162) Черниговской Духовной Семинаріи (Лилеевъ, 45).

трохеяхъ, анапестахъ и пронческихъ произведеніяхъ, когда я проводилъ время за бесѣдами, рачительно тобою произносимыми ежедневно къ устроенію душъ и возрастанію всечестной церкви: я записывалъ ихъ скорописною ставкою и чернилами, отдавалъ (для переписки) лучшимъ писцамъ и заботился о томъ, чтобы тщательно возстановить твой образъ въ книгахъ...; если я забуду тебя, да забудетъ меня Богъ» (p. 29). Игнатій находился у смертнаго одра своего учителя (806. p. 25) и написалъ его біографію по смерти Льва Армянина (p. 28), около 820 года; въ это время онъ называетъ себя просто монахомъ, но прибавляетъ, что онъ удрученъ старостью и болѣзнію [1]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что лицо, находившееся въ столь близкихъ отношеніяхъ къ патріарху, должно знать многое, что не могло быть извѣстно многимъ другимъ; Игнатій зналъ всѣ тайныя побужденія Тарасія и при своей склонности къ самостоятельному мышленію не могъ не останавливаться на причинахъ того или другого шага своего учителя. Но въ отношеніяхъ патріарха къ современнымъ дѣятелямъ у агіографа коечто опущено, кое-что объяснено пристрастно. Игнатій, очевидно, не даромъ допустилъ легкія урѣзыванія, увидѣвъ трудность написать похвальное житіе при всѣхъ ошибкахъ Тарасія, о которыхъ извѣстно изъ самаго достовѣрнаго источника, изъ переписки студійскаго игумена Θеодора.

Во вступленіи къ жизнеописанію Игнатій ссылается на свой грубый языкъ и на неумѣнье настоящимъ образомъ почтить память патріарха; тѣмъ не менѣе приступаетъ къ написанію изъ боязни какъ бы не зарыть въ землю данный ему талантъ, желаетъ «съ чистою истиною вывести на свѣтъ кое-что немногое о немъ, что я удостоился видѣть глазами, что воспріялъ ушами, что я узналъ и знаю въ своей скромной и убогой памяти...; если бы я сталъ говорить не по достоинству (κατ' ἀξίαν), я вслѣдствіе этого пропустилъ бы все». Вслѣдъ затѣмъ предлагаются свѣдѣнія о родителяхъ Тарасія. Отецъ его былъ судьею, и это обстоятельство даетъ поводъ агіографу назвать Георгія болѣе справедливымъ, нежели Солонъ и Ликургъ. Приводимый Игнатіемъ случай изъ судебной практики Георгія какъ нельзя болѣе характеристиченъ и заслуживаетъ вниманія. Нѣсколько бѣдныхъ женщинъ было привлечено къ суду по обвиненію ихъ въ убійствѣ грудныхъ дѣтей, которыхъ онѣ будто бы незамѣтно умертвили, пройдя въ щель

1) P. 29: γήρᾳ καὶ νόσῳ καμπτόμενος.

или чрезъ закрытыя двери домовъ. Доносъ былъ сдѣланъ лицами, которыя еще вѣрили въ басни древнихъ грековъ о женщинѣ Гелло, невидимой убійцѣ, и которыя перенесли классическія суевѣрія и на этотъ случай. Судья оправдалъ обвиняемыхъ, ибо не могъ по здравой логикѣ допустить, чтобы тѣло, имѣющее длину, ширину и высоту, могло перейти въ духъ и совершить убійство; вѣдь и Христосъ сказалъ, что истина, духъ, не имѣетъ плоти и костей. Царь, прибавляетъ агіографъ, большой поклонникъ суевѣрія, узнавъ объ этомъ, потребовалъ къ себѣ судію и не смотря на приводимыя послѣднимъ основанія правильнаго рѣшенія, жестоко расправился съ нимъ; тѣмъ не менѣе не-хотя все же согласился съ рѣшеніемъ суда и освободилъ невинныхъ женщинъ отъ обвиненій [1]). — Если, какъ полагаетъ проф. Васильевскій, дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ является имп. Константинъ Копронимъ, то очевидно, что процессъ долженъ былъ вестись по новому, исаврійскому, законодательству и именно по «закону земледѣльческому», вторая глава котораго обнимаетъ уложеніе о наказаніяхъ. Статья 12-я уголовнаго кодекса гласитъ ясно и точно: ὁ τὸ νήπιον φονεύσας τιμωρίᾳ φόνου ὑπόκειται [2]). Безъ сомнѣнія, истцы имѣли эту статью въ виду и требовали смерти женщинъ; но они не могли доказать убійства непосредственно, ни фактически, ни строго-юридически, и потому судъ оправдалъ обвиняемыхъ. Вѣроятно, императору не понравилось невниманіе представителей закона къ новому его законодательству: еще юстиніановское право обязывало судью оберегать законы [3]). Кажущееся уклоненіе отъ точнаго смысла 12-й статьи привело императора въ негодованіе и побудило его къ истязанію судьи; тѣмъ не менѣе оправдательный вердиктъ остался въ силѣ.

Послѣ разсказа о воспитаніи Тарасія, когда онъ сдѣлался ипатомъ и первымъ секретаремъ царскихъ таинъ, подробно излагается бесѣда патр. Павла съ царями Ириною и Константиномъ. Здѣсь мы узнаемъ

---

1) Vita Tarasii, 2; разсказъ этотъ въ подлинникѣ (по Парижск. и Вѣнск. кодд.) и переводѣ приведенъ еще до появленія изданія, въ замѣткѣ В. Гр. Васильевскаго «О Гилло» (Ж. М. Н. Пр. 1889, іюнь, 369—371), написанной по поводу изслѣдованія въ той же книжкѣ М. И. Соколова о трясавицахъ.

2) А. С. Павловъ. Книги законныя. Спб. 1885 стр. 65. Впрочемъ, и Институтами имп. Юстиніана опредѣляется смертная казнь убійцамъ (IV. 18. 5): venefici capite damnantur, qui artibus odiosis, tam venenis quam susurris magicis homines occiderunt.

3) Nov. 82 гл. 13: πᾶς δικαστὴς, εἴτε ἀρχὴν ἔχων, εἴτε ἄλλως δικάζων, τηρείτω τοὺς νόμους, καὶ κατὰ τούτους φερέτω τὰς ψήφους.

слѣдующія подробности: Павелъ, не въ состояніи остановить иконоборческаго движенія, серьезно заболѣлъ и тайно оставилъ свою каѳедру, затворившись въ монастырѣ Флора. Ирина и Константинъ, раздраженные своеволіемъ патріарха, прибыли въ монастырь и стали упрекать Павла. Патріархъ успокоилъ царей, ссылаясь на свою болѣзнь, на господство иконоборчества и на потворство ереси на дѣлѣ и на бумагѣ, и указалъ при этомъ на ихъ перваго секретаря Тарасія какъ на своего преемника. Цари нашли удобнымъ такое преемство, пригласили Тарасія и объявили ему свою волю. Секретарь повиновался, но настаивалъ на созваніи собора. При громадномъ стеченіи народа онъ вошелъ въ Магнаврскій дворецъ, всенародно объявилъ, что никогда не добивался патріаршаго сана и уступилъ только повелѣнію царей, постригся, перемѣнилъ одежду, принялъ помазаніе и вступилъ на каѳедру. Разсказъ этотъ переплетается разговорами Павла, царей и Тарасія, которые приводятся, судя съ перваго раза, въ подлинникѣ. Но стоитъ лишь сличить эти рѣчи съ рѣчами, записанными Ѳеофаномъ, чтобы убѣдиться, что въ передачѣ обоихъ авторовъ нѣтъ никакого, разумѣется буквальнаго, сходства, и стало быть оба вставили рѣчи по своему соображенію, что̀, конечно, не дозволяетъ намъ смотрѣть на рѣчи, какъ на подлинныя слова царей и патріарха. При дальнѣйшемъ сличеніи свидѣтельствъ двухъ главныхъ современниковъ открываются все новыя и новыя разности, иногда довольно существенныя. Правда, Ирина съ Константиномъ посѣтили Флорскій монастырь, чтобы узнать причину неожиданнаго удаленія патріарха на покой, но сами мало съ нимъ разговаривали,—посредниками между ними были нѣкоторые патрикіи, передававшіе царямъ слова Павла. Поведеніе сего патріарха для насъ непонятно: человѣкъ, подписавшійся при вступленіи своемъ на престолъ въ приверженности къ иконоборчеству, вдругъ, пользуясь болѣзнью, теперь оставляетъ тайно каѳедру и оправдываетъ свой шагъ восклицаніемъ: о, если бы я не патріаршествовалъ, видя церковь, раздираемую иконоборчествомъ! И когда царскіе посланцы возразили ему: зачѣмъ же ты въ такомъ случаѣ подписывался при хиротоніи? Павелъ замѣтилъ: потому-то я и плачу, потому-то я и сокрылся въ монастырь, что хочу покаяться въ своихъ грѣхахъ [1]). Отвѣтъ этотъ, впрочемъ, болѣе остроумный, нежели основательный. Незачѣмъ было тайкомъ бѣжать ему, — онъ могъ

---

1) Ср. выше, стр. 91.

всенародно разсказать причину оставленія имъ престола и могъ бы съ достоинствомъ уйти на покой [1]). Намъ кажется, тутъ дѣйствовали иныя побужденія. Несомнѣнно, онъ скрылся безъ вѣдома царей [2]), но сомнительно и неясно впечатлѣніе Ирины, когда она узнала о такомъ шагѣ патріарха: по Игнатію, она пришла въ гнѣвъ и негодованіе (θυμοῦ πλησθέντες, ἀγανάκτησις), — по Θеофану, она опечалилась (λυπουμένη); но въ томъ и другомъ случаѣ она не упрашивала его вернуться снова на каθедру. Современники путаются и далѣе: Игнатій, что естественно ожидать отъ біографа, утверждаетъ, будто Павелъ самъ назначилъ себѣ преемникомъ Тарасія и императрица только дала согласіе на такое избраніе [3]); между тѣмъ по Θеофану, царица по смерти Павла созвала народъ въ Магнаврѣ и предложила народу указать на преемника ему; народъ указалъ на протасикрита Тарасія и царица согласилась съ этимъ выборомъ. Но было бы слишкомъ наивно вѣрить, чтобы въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ избраніе патріарха, могли быть предложенія извнѣ и только согласіе на нихъ такой политически мудрой царицы, какъ Ирина; невѣроятно, чтобы аθинянкѣ совѣтовали, да при томъ такія лица, какъ иконоборецъ и народъ. Очевидно, что выборъ патріарха въ лицѣ ея секретаря былъ лично ея дѣломъ, ея инниціативою; и если Павелъ говорилъ въ пользу Тарасія, то подъ давленіемъ императрицы, равно какъ и народъ избралъ протасикрита только потому, что онъ избранъ былъ предварительно самимъ правительствомъ, на обязанности котораго должно было лечь—

---

1) Не хочется вѣрить, что о немъ именно въ службѣ поется: ὀρθοδόξων βάσις ἄσειστε, «бѣжати изволилъ еси отъ царскаго града (sic) иконнаго поклоненія отметающаяся беззаконно» (Минея Мѣсячная, Синод. изд. 1876 г. 1 августа, л. 238 об.). Вопросъ о Павлѣ († 784) довольно запутанъ. Современникъ его, агіографъ Игнатій, какъ мы видѣли, нисколько не очарованъ имъ, но позднѣйшіе писатели, напр. Θеофанъ, начинаютъ превозносить его. Это послѣднее направленіе оказалось болѣе живучимъ: его усвоила церковная письменность, приняли западные (Болландисты, 20 авг.) и отчасти русскіе ученые. Напр. архіеп. Сергій (I, 95, 149) видитъ трудности въ пріуроченіи «св. Павла Новаго» къ патр. Павлу IV, но и онъ въ концѣ концовъ вѣритъ въ его святость. Наличность другихъ святыхъ патріарховъ Павловъ, путаница въ памятныхъ дняхъ «Павла Новаго» и другія соображенія не позволяютъ намъ пока примкнуть къ ублаженію Павла IV, впредь до спеціальнаго разсмотрѣнія этого вопроса.

2) Ignat. V. Tarasii 3: κρυφηδόν... ἐπεὶ δὲ τὸ δρᾶμα εἰς ἀκοὰς τῶν κρατούντων διήχητο. Theoph. I 457: χωρὶς εἰδήσεως τῆς βασιλείας.

3) Романистъ Лингъ (Lingg. Byzantinische Novellen. Berlin 1881 S. 79 и сл.) рисуетъ такъ, что заболѣвшій Павелъ находился у себя дома, когда къ нему прибылъ Тарасій, а за нимъ царица Ирина, которой онъ и совѣтовалъ созвать соборъ; а царевичъ Констанцій, воцарившійся вскорѣ подъ именемъ Константина VI, въ это время прогуливался верхомъ за городомъ.

придать избранію всенародный характеръ. Византійское правительство дѣйствовало единолично, но всегда подъ формулою закона и обычая, которую едва ли не пропагандировало и которую довѣрчиво принимали даже современники. Въ дѣлѣ избранія Тарасія едва ли не попала къ писателямъ такая формула чисто правительственная, своего рода «камерфурьерскій журналъ», съ тою только разницею, что въ правительственномъ органѣ записывалось не такъ, какъ событіе совершалось въ дѣйствительности, а какъ оно должно было случиться въ интересахъ государя. Ѳеофанъ, какъ сказано, отнимаетъ у Павла всякое руководящее вліяніе на церковныя дѣла, Игнатій допускаетъ его; но такъ или иначе, вліяніе это сводилось къ нулю. Наступало новое время для Византіи, ветшали иконоборческіе пламенные идеалы весьма многихъ, на мѣсто ихъ вступали въ свои права идеалы православія, недавнее вытѣснялось новымъ, вѣчнымъ содержаніемъ, и въ такое время руководила этою смѣною формъ церковной жизни чрезвычайно дальновидная царица — Ирина. Отъ спокойной систематичности ея въ дѣлѣ облегченія перехода одной формы въ другую зависѣлъ и самый успѣхъ великаго событія, и надобно отдать справедливость: аѳинянка оказалась на высотѣ своей задачи. Иконоборческій патріархъ, хотя уже и забывшій свои увлеченія, не могъ остаться на прежнемъ мѣстѣ, какъ оставившій церковь ἐν ἀγροικικῷ καταστήματι (р. 12), какъ потерявшій въ глазахъ народа ореолъ святости своею подписью подъ иконоборческими тенденціями. Павелъ понималъ, что время его прошло, и могъ со дня на день ожидать царскаго посланца съ предложеніемъ уйти на покой. Тайно сдѣланный патріархомъ шагъ былъ, какъ намъ кажется, вызванъ размышленіемъ о грядущемъ его безславномъ низведеніи; Павелъ лишь предупредилъ событіе и, воспользовавшись болѣзнью, оставилъ вакантною патріаршую каѳедру. Но такой крутой шагъ не могъ входить въ расчеты правительства, которое старалось представить событія въ ихъ естественномъ ходѣ, обосновать ихъ самымъ законнымъ образомъ. Правительство пошло на встрѣчу патріарху, но не для того, чтобы вызвать его обратно, а лишь соблюсти извѣстную форму приличія, дабы подданнымъ не показалась вынужденность удаленія патріарха. Успѣхъ такого дипломатическаго шага оказался обезпеченнымъ, и даже умные писатели первой половины IX столѣтія не разглядѣли въ царскомъ путешествіи во Флорскій монастырь ничего фальшиваго. Когда отставка кн. Бисмарка была рѣшена, имп. Вильгельмъ счелъ нужнымъ съѣздить къ

нему въ домъ, — знакомая форма — и въ крутыхъ мѣрахъ стараться обставить дѣло со всевозможною деликатностью.

Въ характеристикѣ Тарасія, помимо общихъ сужденій Игнатія, достойны замѣчанія слѣдующія свѣдѣнія. Патріархъ выстроилъ нѣсколько ксенодохій и строеній для бѣдныхъ иноковъ, которыя около 820 года еще существовали и живо напоминали всѣмъ о его заботахъ; кромѣ того Тарасій однимъ бѣднякамъ удѣлялъ отъ своего стола, а другимъ даже выдавалъ ежемѣсячно денежное пособіе, причемъ заносилъ имена пенсіонеровъ въ свою папирусную книжку (ἐν πτυκτίοις βυβλίνοις); а на свой наслѣдственный капиталъ онъ построилъ на лѣвомъ берегу Ѳракійскаго Воспора Скитъ, вскорѣ населившійся въ 30, 60 и 100 разъ, изъ котораго вышло много предстоятелей церкви. — Любопытно присоединить сюда нѣкоторыя подробности, почерпаемыя изъ житія Георгія Амастридскаго. Оказывается, что Тарасій, будучи еще въ санѣ царскаго секретаря, пѣлъ на клиросѣ и по окончаніи службы раздавалъ плату пѣвцамъ (διανεμηθῆναι τὸ μίσθωμα), равно какъ и народу (λαοὺς ἐκμισθούμενος), и такимъ образомъ позднѣйшій обычай его выдавать деньги народу не есть особенность Тарасія какъ патріарха: дѣлами благотворенія онъ занимался еще и въ свѣтскомъ санѣ [1]).

Въ отношеніи главнѣйшаго событія въ жизни Тарасія, присутствованія его на седьмомъ вселенскомъ соборѣ, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующее. По Игнатію, иниціатива созванія собора принадлежала патріарху, который «старался привести въ исполненіе съ Богомъ задуманное и царями одобренное» (συμφωνηθέντα). По распоряженію правительства, весь архіерейскій чинъ имперіи долженъ былъ собраться въ столицу. Въ храмѣ святыхъ Апостоловъ была уже поставлена каѳедра, епископы уже собрались, какъ началось броженіе въ войскахъ бывшаго имп. Константина, явившихся ко храму Апостоловъ съ воинственными планами. Въ то время, когда святые отцы приготовлялись въ церкви къ великому дѣлу, съ паперти доносились до нихъ угрожающіе клики солдатъ, ломившихся въ церковь: «что рѣшилъ Константинъ прежній, то неизмѣнно (μὴ φορητόν), не допустимъ уничтоженія его догматовъ и провозглашенія слова въ пользу существованія идоловъ; а если кто начнетъ это слово и мы увидимъ своими глазами упраздненіе созваннаго имъ собора, мы обагримъ землю кровью

---

1) В. Гр. Васильевскій. Русско-византійскія изслѣдованія. Спб. 1893. II, 31.

поповъ». Правительство поняло свою ошибку созванія собора именно въ столицѣ, гдѣ въ войскахъ все-еще живо чувствовались воспоминанія объ имп. Константинѣ Копронимѣ, которому военное сословіе было всецѣло предано. Тогда правительство распорядилось, чтобы епископы оставили храмъ, и съ гнѣвомъ разсуждало о безчинствахъ войска, которое наконецъ удалось обезоружить и раскассировать, и каждый возмутившійся былъ отправленъ на мѣсто его родины [1]). Однако, когда снова поднялся вопросъ о соборѣ, мѣстомъ собранія выбрана была уже не столица, а виѳинская Никея, гдѣ въ день памяти св. Ѳеклы, т. е. 24 сентября (787 г.), и состоялось первое засѣданіе св. отцовъ. По окончаніи дѣлъ весь сонмъ іерарховъ явился въ столицу и въ Магнаврскомъ дворцѣ прочиталъ соборный актъ, который цари скрѣпили своею подписью.

Слѣдующая затѣмъ глава біографіи посвящена обзору дѣятельности Тарасія до громкаго процесса имп. Константина V. Возстановляя иконопочитаніе и находя время для толкованія Псалтири, патріархъ, по словамъ Игнатія, отличался необыкновеннымъ заступничествомъ за угнетаемыхъ; при этомъ біографъ спѣшитъ привести случай изъ жизни своего учителя. Одинъ знатный и богатый человѣкъ, военный (по Ѳеофану, это былъ протоспаѳарій Іоаннъ) [2]), за растрату казенныхъ денегъ былъ посаженъ въ тюрьму. Воспользовавшись удобнымъ случаемъ, онъ бѣжалъ изъ-подъ ареста и пріютился въ алтарѣ храма. Стража, испуганная бѣгствомъ его, отыскала бѣглеца и рѣшила взять его посредствомъ голода. Но тутъ вступился Тарасій за неприкосновенность алтаря церковнаго и дабы удержать преслѣдуемаго во храмѣ, ежедневно самъ носилъ пищу ему чрезъ правыя врата и самъ заботился о естественныхъ его нуждахъ. Военный отрядъ придумалъ хитрость, перенеся клозетъ изъ священной двери въ дверь людскую, гдѣ бѣглецъ могъ уже быть взятъ. Хитрость удалась и бѣглецъ былъ отведенъ въ царскій дворецъ. Тогда патріархъ отправился въ Елевѳеріевъ дворецъ, гдѣ жила тогда имп. Ирина; солдаты пропустили его, но Тарасій ничего не добился. Тогда патріархъ произнесъ епитимію на всѣхъ, и это

1) P. 10: πρὸς τὴν ἐνεγκαμένην ἕκαστον ἀποτρέχειν προστάττουσι. Гейкель допускаетъ неправильную коньектуру, предлагая читать: ἐνοικουμένην (πολιν); но рукописное чтеніе ясно: велѣли выслать каждаго въ городъ, его принесшій (родившій, приславшій). Ср. П. В. Никитинъ. О нѣкоторыхъ греческихъ текстахъ житій святыхъ. Спб. 1895 (Зап. И. А. Н., VIII сер., по отд. ист.-фил., т. I № 1 стр. 8).

2) И. Д. Андреевъ. Германъ и Тарасій патріархи Константинопольскіе. Сергіевъ посадъ 1907, стр. 184.

средство оказалось столь дѣйствительнымъ, что плѣнникъ формальнымъ образомъ былъ признанъ невиновнымъ и освобожденъ.

По дѣлу Константина мы знакомимся со слѣдующими подробностями. Сдѣлавшись единодержавнымъ государемъ и сохраняя православіе, Константинъ возмнилъ себя выше и справедливѣе всякихъ законовъ и, увѣренный въ своей власти, задумалъ разводъ съ своею супругою. Сверженная имъ царица первая приняла будто бы участіе въ заговорѣ на его жизнь: рѣшено было отравить императора. Но заговоръ былъ открытъ. Константинъ прежде всего велѣлъ разсмотрѣть составъ питія, а затѣмъ разыскать злоумышленниковъ. Онъ обращался даже съ рѣчью къ народу [1]), однако слова его не убѣдили никого, кромѣ лицъ, угождавшихъ императору. Слухъ объ этомъ скоро достигъ до Тарасія и повергъ его въ крайне затруднительное положеніе въ смыслѣ средствъ борьбы съ Константиномъ. Выручилъ его чиновникъ, посланный царемъ сообщить Тарасію о заговорѣ (ἀνεμοσκευωρία). Съ необыкновенною юридическою точностью и авторитетомъ онъ изложилъ все дѣло патріарху и просилъ его санкціи для вступленія императора во второй бракъ. Патріархъ отклонилъ; если, сказалъ онъ, государь рѣшился на такой шагъ, то какъ онъ перенесетъ позоръ отъ народовъ? какъ онъ устроитъ нравственность подданныхъ, разъ онъ самъ окажется прелюбодѣемъ? не уступимъ твоимъ словамъ, скорѣе претерпимъ смерть и страшныя муки(!), нежели изъявимъ согласіе на это. Константинъ нашелъ сопротивленіе Тарасія тверже дуба (στερροτέραν δρυός) и велѣлъ придти къ нему, рѣшившись склонить патріарха силою своей власти. Тарасій явился во дворецъ не одинъ; съ нимъ прибылъ также старецъ Іоаннъ, замѣститель на соборѣ восточнаго патріарха. Императоръ, назвавъ Тарасія своимъ отцомъ, началъ прежде всего съ заговора. По точному смыслу закона, сказалъ онъ, супруга должна быть предана смерти или, человѣколюбивѣе, можетъ жить, но подъ вѣчнымъ наказаніемъ; она покусилась на мужа и на царя, она лишается всякаго слова и защиты и должна быть удалена. Существенное мѣсто въ отвѣтной рѣчи патріарха читается такимъ образомъ: «мы знаемъ (твою) страсть, обращенную отъ хроническаго воспаленія къ той развратной женщинѣ; но поставляемъ извѣстнымъ предъ лицемъ Бога твоей всечестной порфирѣ то, что въ священныхъ стѣнахъ безкровной трапезы, гдѣ со страхомъ приносится жертва великаго іерея Христа,

---

1) Vita S. Tarasii, 15: πρὸς ὑπηκόους τὸν λόγον ποιούμενος.

мы не попустимъ ступать съ нами вашей власти». Старецъ Іоаннъ говорилъ въ томъ же смыслѣ, но солдаты и патрикіи дворца ударили его и пригрозили еще мечемъ. Царь подалъ знакъ Тарасію и Іоанну удалиться. Отказавшись вѣнчать незаконный бракъ, патріархъ, по словамъ Игнатія, подвергся притѣсненіямъ; окруженъ былъ шпіонами подъ видомъ синкелловъ, весьма далекихъ отъ благочестія, и почти былъ отрѣзанъ отъ сообщенія съ людьми; лица, близкія къ патріарху, преслѣдовались жестоко и были даже истязаемы и ссылаемы.

Затѣмъ слѣдуетъ риторическая характеристика Тарасія (стр. 19—23), изъ которой мы знакомимся съ литературнымъ его трудомъ, не сохранившимся теперь въ цѣлости: патріархъ написалъ книгу похвальныхъ словъ святымъ и украсилъ церкви ихъ иконами[1]). Какъ необходимая часть хріи, идетъ затѣмъ характеристика при посредствѣ евангельско-библейскихъ сравненій (стр. 23—25): съ Филиппомъ, Ѳомою, Зеведеемъ, Андреемъ, Павломъ, Петромъ и Іоанномъ, съ Моисеемъ, Давидомъ, Іаковомъ, Аарономъ, Іовомъ и Авраамомъ. Уже дряхлый и удручаемый болѣзнію, онъ, говоритъ Игнатій, не думалъ о недугѣ и продолжалъ совершать молитвы, опираясь грудью на деревянный четвероножникъ, стоявшій передъ солеею. Окруженный своими учениками и между прочимъ Игнатіемъ, Тарасій готовился отойти въ иной міръ; языкъ у него отнялся, но онъ могъ еще шевелить губами, владѣть рукою и кивать; онъ скончался въ полномъ сознаніи 18 февраля 806 года, оплакиваемый столицею и особенно имп. Никифоромъ, который будто бы припалъ грудью къ мертвому, покрылъ его своею порфирою и рыдая называлъ Тарасія отцомъ и пособникомъ царства. Погребеніе патріарха состоялось 25 февраля въ построенномъ имъ монастырѣ близъ Византійскаго Воспора[2]). Съ того времени стали твориться чудеса: масло изъ лампады надъ его гробомъ оказывало помощь женщинамъ при кровотеченіи, при болѣзни глазъ, при параличѣ руки, когда она безпрерывно тряслась, при сумасшествіяхъ, нѣмотѣ и глухотѣ. Масло развозилось и исцѣлялись многіе недужные вдали отъ его гробницы. Иное чудо содѣялось съ имп. Львомъ Армяниномъ передъ

---

1) p. 20—10: καλῶν εἰς βοήθειαν κατ᾽ ὀφθαλμοὺς πάντων ἑτοίμην γραφὴν καὶ βιβλίον αὐτόματον ἐν τοῖς ἱεροῖς ναοῖς τοὺς ἀγῶνας τούτων ἐγγράψας σεπτῶς ἀνεστήλωσεν, и p. 23. 16: τοιούτοις Ταράσιος τοὺς μάρτυρας λόγοις ἐγκωμίων ἐπάρας καὶ πίναξι τοὺς ἀθλητικοὺς αὐτῶν ὑπὲρ Χριστοῦ κινδύνων σεπτῶς ἐγχαράξας.

2) p. 27. 15: θάπτεται ἐν τῷ παρ᾽ αὐτοῦ δομηθέντι πρὸς τῷ Βυζαντίῳ Βοσπόρῳ σεμνείῳ ὑπὸ τὸ σεπτὸν τῶν πάντων μαρτύρων τέμενος φεβρουαρίῳ μηνὶ συντελουμένῳ πέμπτην φέροντι σὺν πενταπλῇ τετράδι.

его смертью (819): онъ увидѣлъ во снѣ патр. Тарасія, который повелѣлъ нѣкоему при немъ Михаилу пронзить императора мечемъ. Левъ долго и тщетно отыскивалъ въ Тарасіевомъ монастырѣ иноковъ, носящихъ имя Михаила, многихъ сослалъ и заключилъ въ темницы; но чудо совершилось и имп. Левъ былъ убитъ Михаиломъ Травломъ. — Благодарнымъ воспоминаніемъ и въ молитвенномъ настроеніи заканчиваетъ Игнатій біографію патр. Тарасія.

Въ литературномъ отношеніи большую аналогію съ разсмотрѣннымъ житіемъ представляетъ житіе патр. Никифора, написанное тѣмъ же діакономъ Игнатіемъ: тотъ же классическій стиль, тѣже витіеватые литературные пріемы изложенія, которые въ этомъ житіи какъ будто даже еще болѣе усилены.

Но житіе Никифора сходно съ житіемъ Тарасія и въ существѣ дѣла, въ одинаково приподнятомъ тонѣ и взглядѣ на личность Никифора. Тарасій, какъ мы видѣли, въ дѣлѣ пресвитера Іосифа не проявилъ строгой опредѣленности, колебался, приспособлялся къ обстоятельствамъ, являлся (говоря современнымъ языкомъ) оппортунистомъ— и Игнатій умолчалъ объ этой слабости патріарха. Патр. Никифоръ проявилъ еще больше слабости въ этомъ отношеніи,—и Игнатій опять умолчалъ объ этомъ (хотя и могъ бы употребить свой терминъ: ἅτε ἄνθρωπος, ἡττήθη). Очевидно, оба патріарха смотрѣли на каноническую строгость относительно и примѣнительно, не такъ, какъ напр. св. Θеодоръ Студитъ, о чемъ скажемъ ниже.

Но при всемъ томъ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что въ Тарасіи Игнатій видитъ отца и благодѣтеля, возродившаго его въ области литературы и краснорѣчія, о которомъ благодарный ученикъ вспоминаетъ горячо и восторженно, между тѣмъ какъ въ Никифорѣ видитъ только благочестиваго продолжателя церковной политики Тарасія. Никифоръ и самъ Игнатій почти сверстники и оба одинаково могли быть учениками Тарасія, поэтому особаго какого либо сыновняго піетета не могло быть у агіографа къ патр. Никифору.

Въ житіи Никифора подражаніе Игнатія классическому стилю доведено можно сказать до совершенства. Во введеніи агіографъ обращается не къ богомольцамъ, не къ благочестивому собранію, какъ мы ожидали бы, а къ «мужамъ», въ духѣ Ксенофонта: ὦ ἄνδρες. Прибавьте: ὦ ἄνδρες ἀθηναῖοι, и вы получите чтеніе изъ Анабазиса.

Житіе написано было тотчасъ или вскорѣ послѣ кончины Ники-

фора († 829) [1]. Игнатій не говоритъ о посмертныхъ чудесахъ Никифора, какъ онъ говоритъ о чудесахъ Тарасія, и это потому, что оба лица отдѣлены были другъ отъ друга разстояніемъ, и потому, что житіе писалось въ такое время, когда слухъ о чудесахъ патріарха еще не получилъ литературнаго выраженія.

Οἱ τῶν ἔξωθεν νόμοι (подъ которыми разумѣются образцы древнихъ грамматиковъ и риторовъ), говоритъ агіографъ, требуютъ отъ него говорить о родѣ и обстановкѣ жизни, объ отечествѣ и достаткѣ святого. Родиною Никифора былъ царствующій градъ Константинополь. Родители его Өеодоръ и Евдокія. Разсказъ начинается съ царствованія имп. Константина,—разумѣется Копронима, но Игнатій не называетъ такъ иконоборца: обидное это прозваніе явилось лишь во второй половинѣ IX столѣтія, какъ увидимъ ниже. Мы застаемъ Өеодора въ каппадокійской крѣпости Πημόλισσα (на р. Галисѣ), откуда онъ съ женою переведенъ былъ въ виѳинскую Никею; позже Өеодоръ получилъ должность протасикрита царскихъ тайнъ и переѣхалъ въ столицу, гдѣ у него и родился сынъ Никифоръ. Царь Константинъ любилъ Өеодора и держалъ его въ фаворѣ «какъ Филиппъ ритора Пеанієя». Мимоходомъ Игнатій говоритъ, что этотъ царь собралъ въ Византіи фарисейскій синедріонъ, — разумѣется иконоборческій соборъ 754 года. По смерти царя (очевидно Константинова преемника—Льва Хазара) воцарилась царица Ирина съ сыномъ Константиномъ. Говоря въ самыхъ общихъ чертахъ, агіографъ сообщаетъ, что имп. Ирина собрала соборъ изъ православныхъ епископовъ въ виѳинской митрополіи Никеѣ для пораженія заразной болѣзни, то-есть иконоборства, причемъ предсѣдательствовалъ Тарасій [2], а отъ папы Адріана, Политіана александрійскаго, Өеодорита антіохійскаго и Иліи іерусалимскаго были представители. Въ засѣданіяхъ собора, говоритъ Игнатій, принималъ участіе и Никифоръ, по царскому порученію (p. 146). Увѣровавъ въ неописуемость Христа по божеству и описуемость его по человѣчеству, Никифоръ однако продолжалъ служить въ придворной должности; и только позже, оставивъ столицу, ушелъ на холмъ противъ Өракійскаго Воспора и, падѣвъ вретище, началъ подвижничество. Далѣе агіографъ отдается личнымъ воспоминаніямъ о школь-

1) AA. SS. Boll. мартъ, II, 704; Nicephori opuscula historica, ed. C. de Boor. Lipsiae 1880 p. 139: Θεοφόρου πατρὸς ἀποδημία καὶ στέρησις. Русскій пер. житія въ «Богословскомъ Вѣстникѣ», 1899, октябрь и далѣе.

2) p. 146: ἧς ἡγεῖτο μὲν Ταράσιος.

ныхъ занятіяхъ, какъ они были поставлены при патр. Тарасіи. «Но такъ какъ я вспомнилъ о наукахъ, то считаю пріятнымъ припомнить о точности и высотѣ постановки ихъ»: одни занимались грамматикою и ея составными частями (напр. правописаніемъ), причемъ при занятіяхъ у учениковъ улучшался греческій литературный языкъ и гармонировалось основаніе стиховъ (метровъ); другіе упражнялись въ риторскомъ искусствѣ, третьи въ софистикѣ; что касается до познанія математическаго квадривіума (ἡ μαθηματικὴ τετρακτύς), то-есть астрономіи, геометріи, музыки и ариѳметики, то Тарасій достигъ огромныхъ результатовъ. Всѣ эти четыре науки есть только служительницы болѣе высшаго знанія — философіи, объемъ которой Игнатій кстати тутъ же и приводитъ.

Въ царствованіе имп. Никифора, по смерти Тарасія, преемникомъ его былъ поставленъ (однако противъ воли) Никифоръ. Иконоборство снова подняло голову, начались снова преслѣдованія монаховъ. Въ общемъ разладѣ жизни попиралась нравственность, и одинъ изъ таврическихъ намѣстниковъ даже развелся со своею женою[1],—что для начала IX в. было крайнимъ соблазномъ; на это обстоятельство указывалъ также и св. Ѳеодоръ Студитъ.—Видя надвигающуюся бѣду, патр. Никифоръ счелъ нужнымъ послать римскому папѣ Льву III (795—816) посланіе о вѣрѣ и единеніи. Почему онъ снесся съ папою, понятно: папа былъ единственнымъ автокефальнымъ епископомъ, который былъ независимъ отъ власти византійскаго императора и который могъ безпристрастно высказаться по поводу начинающейся ереси. Къ нему ранѣе обращался патр. Германъ, хотя въ то время зависимость папы отъ Византіи была нѣсколько большею; къ нему же, какъ увидимъ, обращался и Ѳеодоръ Студитъ и патр. Игнатій. Такимъ образомъ мало-по-малу римскій епископъ пріобрѣталъ значеніе верховнаго судьи соборной церкви.

По поводу воцаренія Льва Армянина агіографъ сообщаетъ, что Левъ сначала состоялъ δημαγωγός перваго разряда военной фаланги «такъ называемыхъ ѳемъ» (τῶν λεγομένων θεμάτων).—Изъ послѣднихъ словъ позволительно усматривать, что ѳемы, какъ военныя области, обязаны были своимъ именемъ сравнительно недавнему прошлому, что названіе это появилось не ранѣе конца VIII или начала IX вѣка: въ X и XI вв., когда это названіе уже привилось, въ литературѣ θέμα

1) p. 160: ὁποῖόν τι καὶ καθ' ἓν τῶν Ταυρικῶν κλιμάτων πεπραχὼς ἀναφαίνεται.

употребляется уже безъ τὸ λεγόμενον.—Царь Михаилъ Рангавей объявилъ Болгарамъ (οἱ ἐπὶ Θράκην Οὖννοι) войну, въ которой Левъ, этотъ τῆς ἥττης πρωτεργάτης, позорно бѣжалъ со всѣмъ войскомъ, подкупилъ народъ и—облекся въ царское достоинство, и Михаилу съ женою и дѣтьми ничего не оставалось лучшаго, какъ постричься въ монастырѣ. Видя, что отъ Льва нечего ждать хорошаго, патр. Никифоръ черезъ архіереевъ вручилъ царю «обычное» посланіе о вѣрѣ, на которое тотъ впрочемъ отвѣтилъ, что займется этимъ вопросомъ послѣ коронаціи. При короновании Льва во св. Софіи, когда нужно было патріарху взять вѣнецъ и надѣть его на голову царя, Никифоръ будто бы ощущалъ въ рукѣ колючее терніе. На другой день послѣ коронованія духовенство должно было подписаться подъ иконоборною бумагою царя. Никифоръ отказался. Произнеся въ собраніи своихъ епископовъ рѣчь, онъ со всѣми отправился во дворецъ. Левъ встрѣтилъ его холодно. Излагаемый при этомъ разговоръ царя и патріарха не есть однако подлинный разговоръ, онъ сочиненъ и написанъ въ той Тарасіевой школѣ, въ которой вопросъ о православіи и ереси иконоборства разбирался со всѣми тонкостями риторики и витійства и въ которой найдено было изреченіе св. Василія Великаго: ἡ τῆς εἰκόνος τιμὴ ἐπὶ τὸ πρωτότυπον διαβαίνει. Въ уста Никифору вложены между прочимъ такія слова: Римъ — первозванное (πρωτόκλητον) сѣдалище апостоловъ, Александрія—честное святилище евангелиста Марка, Антіохія — великоименный престолъ верховнаго Петра, Іерусалимъ — знатное пребывалище Іакова брата Божія. Въ рѣчи къ царю епископовъ сказано: созданіе священныхъ иконъ почитается отъ солнца до Гадиръ и Геркулесовыхъ столповъ, то-есть по всему міру, по всей вселенной, —но любопытно, что здѣсь нѣтъ намека на легенды объ иконахъ — ни ап. Луки, ни Авгаря, ни патр. Германа; между тѣмъ въ житіи Стефана 807 г., съ которымъ мы вскорѣ встрѣтимся (стр. 122), всѣ эти легенды имѣются. — Не въ состояніи поколебать упорства иконоборца, Никифоръ пробуетъ дѣйствовать на царя другимъ путемъ: онъ пишетъ письмо супругѣ Льва (τῇ συνεύνῳ ἅτε γυναικί), казначею, первому секретарю Евтихіану, но все напрасно: отставка патріарха была въ принципѣ рѣшена. Имп. Левъ сначала лишаетъ Никифора скевофилакіи, передавъ завѣдываніе церковною утварью одному изъ патрикіевъ, затѣмъ посылаетъ родственника царицы Θеофана вызвать Никифора на иконоборное собраніе, которое пишетъ посланіе (τόμον) патріарху. Никифоръ было не хотѣлъ идти туда, но

былъ приведенъ почти насильно. Въ этомъ собраніи онъ произнесъ рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ: если папа меня зоветъ на судъ, я повинуюсь; если Александрійскій патріархъ, патріархъ Антіохійскій, или Іерусалимскій зоветъ меня, я иду; но если волки возстаютъ на пастуха, кто пойдетъ видѣть ихъ? вы и Тарасія предали анаѳемѣ (p. 196). Видя неминуемость своего низведенія съ престола, Никифоръ пытался было добровольно уйти на покой. Въ посланіи къ императору онъ писалъ: меня прокляли, что̀ впрочемъ для меня честь; но меня грозятъ и убить, и потому я долженъ оставить патріаршество. Однако царь не пожелалъ такого исхода конфликта, наоборотъ, онъ хотѣлъ рѣшительно отстранить Никифора. Фрурархъ-патрикій получилъ отъ него приказаніе выгнать его изъ патріархіи ночью, вѣроятно для избѣжанія огласки. Никифоръ ночью во время молитвы во св. Софіи между прочимъ говорилъ: я вступилъ на престолъ не безъ насилія.

По морю онъ былъ перевезенъ въ созданный имъ монастырь «Благаго Христа», откуда переведенъ въ монастырь великомученика Ѳеодора, который, какъ оказывается, построенъ былъ также Никифоромъ на о. Проконнисѣ, близъ Царьграда. Для конвоя его былъ назначенъ ближайшій родственникъ императора Варда, которому Никифоръ предсказалъ злой конецъ, что̀ и оправдалось черезъ четыре года.—Въ виду того, что патріархъ былъ сверженъ въ 815 г., смерть Варды должна быть отнесена къ 819 году.—Преемникомъ Никифора былъ иконоборческій патріархъ Ѳеодоръ Касситеръ, но его агіографъ не называетъ по имени, замѣчая лишь, что онъ говорилъ варварски и съ солецизмами. Ѳеодотъ созвалъ собраніе иконоборныхъ епископовъ, на которомъ былъ утвержденъ Копронимовъ синодъ во Влахернахъ 754 г., на немъ однако не было представителей отъ апостольскихъ престоловъ.

Говоря о мрачныхъ сторонахъ царствованія Льва Армянина, агіографъ счелъ нужнымъ присовокупить: о договорѣ, который онъ заключилъ съ сосѣдними Болгарами (Οὖννοι), столь постыдно и безчестно выполненномъ, кто горячо не восплачетъ? Левъ пользовался болгарскими обычаями, а Болгары нашими и такимъ образомъ укрѣпляли взаимное соглашеніе. При этомъ надо было видѣть ромейскаго царя, какъ онъ выливалъ воду изъ бокала на землю, собственноручно выворачивалъ конскія сѣдла, брался за тройные кожаные ремни, подымалъ на высоту фуражъ и—гордился всѣмъ этимъ; а Болгары касались нашихъ божественныхъ символовъ нечистыми руками и клялись силою

нхъ (символовъ). Развѣ это не результатъ грубости? Развѣ не явное бѣшенство па Христа? и т. д.—Отмѣченный мирный договоръ между Византіею и Болгарами имѣлъ мѣсто въ 817 году[1]).—Дѣлая последнее замѣчаніе объ Армянинѣ-иконоборцѣ, агіографъ говоритъ, что Левъ погибъ не на чужбинѣ, а у себя въ столицѣ, въ храмѣ въ день Рождества Христова (24 декабря 820 года). Когда вступилъ на престолъ Михаилъ Травлъ, бывшій до того узникъ, ех-патр. Никифоръ отправилъ къ нему посланіе о православіи; но царь отвѣтилъ посланцамъ: въ какомъ положеніи мы застали царство, въ такомъ видѣ и сохранимъ его; не должны считаться соборы ни Тарасіевъ 788, ни Копронимовъ 754, ни Льва V (Θеодотовъ) 815 года; по вопросу о почитаніи иконъ должно быть молчаніе.— Проводя сравненіе Никифора съ ветхозавѣтными и новозавѣтными святыми, агіографъ заключаетъ житіе сообщеніемъ, что патр. Никифоръ низведенъ съ престола на девятомъ году своего патріаршества (безъ одного мѣсяца) и пробылъ въ изгнаніи четырнадцать лѣтъ[2]).—Если Никифоръ вступилъ на престолъ въ апрѣлѣ 806, а сверженъ въ мартѣ 815 г., то дѣйствительно онъ патріаршествовалъ девять лѣтъ безъ одного мѣсяца; и если онъ изгнанъ въ мартѣ 815 и скончался въ іюнѣ 829 г., то дѣйствительно онъ пробылъ въ изгнаніи 14 лѣтъ и 3 мѣсяца.

Житіе Григорія Декаполита, приписываемое Игнатію, діакону Великой Церкви, до насъ, какъ кажется, не сохранилось, хотя въ нѣкоторыхъ рукописяхъ и стоитъ его имя[3]), а то, что издано, есть (вѣроятно легкая по обыкновенію) передѣлка Житія, принадлежащая перу св. Метафраста, о которой во второй части этого сочиненія.

Болѣе или менѣе современное, но анонимное Житіе св. Евдокима, отысканное нами въ Аѳонскомъ монастырѣ Діонисіатѣ[4]), очень бѣдно

---

1) Muralt, p. 405.

2) p. 213: ἐνάτῳ δὴ οὖν ἑνὸς δέοντι χρόνῳ μηνὸς τῆς ἱερᾶς αὐτοῦ καὶ ἀλήπτου πατριαρχίας τὴν ὑστάτην ὑπελθὼν ἀρρωστίαν. Въ виду испорченности этого мѣста позволяемъ себѣ допустить здѣсь пропускъ и читать: πατριαρχίας [ἐξωστρακίσθη, δεκάτῳ δὲ καὶ τετάρτῳ πρὸς τρεῖς χρόνῳ μῆνας τῆς ἀτίμου αὐτοῦ καὶ ἀδικεστάτης ἐξορίας] τὴν ὑστάτην... Какія нибудь двѣ строки могли быть пропущены ex homoioteleuto.

3) Cod. Paris. № 505 (Omont I. 63 № 501, XII в.; II. 79 № 1525, XIII в., № 1549): Βίος καὶ θαύματα του ἁγίου πατρὸς ἡμῶν Γρηγορίου, συγγραφεὶς ὑπὸ Ἰγνατίου, διακόνου καὶ σκευοφύλακος τῆς τοῦ θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας. Копія съ этого списка находилась въ распоряженіи акад. Васильевскаго. Впрочемъ, умолчаніе Свиды говоритъ противъ принадлежности Житія Игнатію.

4) Cod. Athon. Dionys. № 228, 1421 г. f. 219ᵃ—240ᵃ (Sp. Lambros. Catalogue, Cambridge 1895, I): Εἶτα εἰ γραφική μοι; ср. В. Васильевскій, въ Ж. М. Н. Пр. 1897, VI, 393—394; «Виз. Врем.» 1897, IV. 35. При изданіи этого житія мы въ особенности

историческимъ содержаніемъ, изъ котораго невозможно опредѣлить даже времени, когда этотъ святой жилъ; и только изъ минейныхъ памятей, о которыхъ ниже, можно видѣть, что Евдокимъ процвѣталъ при имп. Ѳеофилѣ. Агіографъ писалъ въ Константинополѣ[1]); «съ дѣтства былъ преданъ словеснымъ наукамъ, учился у великихъ и многочисленныхъ преподавателей словесныхъ искусствъ, многое претерпѣлъ при изученіи ихъ, перенесъ много очень тяжелаго»[2]). Изучивъ науки, онъ приступилъ къ литературѣ, посвятивъ свою дѣятельность Богу и его угодникамъ; первымъ трудомъ его и было, повидимому, Житіе Евдокима[3]), имѣющее видъ скорѣе Похвальнаго слова, по выраженію акад. Васильевскаго. «Оно написано (повторимъ свои слова) въ духѣ классическихъ традицій, которыя мы привыкли читать въ сочиненіяхъ діакона Великой Церкви Игнатія. Обиліе красисовъ и энклитикъ (γε, πῃ, πως), въ томъ числѣ энклитическаго мѣстоименія (οἵ τῳ), конечное ι въ οὗτος (ταυτησί), форма предлога ἐς, упоминаніе классическихъ именъ (Ахиллесъ, Хиронъ, Платея, Одиссей, Афродита), — все это заставляетъ думать, что если мы имѣемъ здѣсь перо не Игнатія, то, безъ сомнѣнія, стиль той Тарасіевой школы, которая находилась при храмѣ св. Софіи.

Во введеніи онъ говоритъ, что если [illegible] онъ сталъ бы писать иконы святыхъ; [illegible] себя писательству, то намѣренъ говорить объ угодникахъ [illegible] всего объ Евдокимѣ, какъ стражѣ и защитникѣ столицы, и проситъ другихъ писателей быть снисходительными къ его недостаткамъ (§ 1). Родиною Евдокима была Каппадокія (ἤνεγκε Εὐδόκιμον ἡ τῶν Καππαδοκῶν), мѣсто подвиговъ Василія Великаго, Григорія Богослова,

---

остановились на попыткѣ пріуроченія анонима къ какому либо изъ извѣстныхъ византійскихъ агіографовъ. Изучивъ языкъ и стиль анонимнаго писателя по сравненію ихъ съ языкомъ и стилемъ другихъ писателей IX—X вв., мы пашли, что агіографомъ въ данномъ случаѣ могъ быть Никита-Давидъ Пафлагонянинъ; и даже Болландистъ Peeters призналъ эту догадку возможною. См. «Житіе св. славнаго Евдокима» (Изв. Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, XIII, отд. отт.: Софія 1908); Anal. Boll. 1909, XXVIII, 497.

1) f. 219б: τῆς ἡμετέρας ταυτησὶ τῆς βασιλίδος τῶν πόλεων πολιοῦχος; f. 240а: τὴν βασίλισσαν ταυτηνὶ πόλιν.

2) f. 219б: νυνὶ δὲ λόγοις παιδόθεν ἐκδοθεὶς καὶ παιδευταῖς λόγων ἐγχειρισθεὶς καὶ τούτοις μεγάλοις τε καὶ συχνοῖς καὶ πολλὰ ἐπὶ τῇ ἀσκήσει αὐτῶν πεπονθώς, ἐῶ γὰρ λέγειν ὡς καὶ πλεῖστά τε καὶ βαρύτατα δι' αὐτοὺς ἀνατλάς.

3) ibid.: ἄρά τινος ἐπιβαλέσθαι με ἄλλου τοῖς ἐγκωμίοις χρεὼν πρὸ τοῦ θαυμασίου Εὐδοκίμου.

Георгія великомученика[1]); родители его, патрикіи саномъ, Василій и Евдокія были въ чести у императоровъ, занимая у нихъ почти первое мѣсто (§ 2). Въ дѣтствѣ онъ отданъ былъ въ ученіе[2]), обогатилъ умъ словесными науками и изучилъ божественныя техническія словеса (§ 3). Съ ранняго утра и до глубокой ночи онъ проводилъ время въ церквахъ. Затѣмъ онъ былъ вызванъ царскою властью (ἐπὶ τοῦ βασιλείου κράτους μεταπεμφθείς, очевидно въ Константинополь) и идя во дворецъ, читалъ псалмы Давида. Любимый государями, онъ удостоился почестей (§ 4). Соблюдая полное цѣломудріе, Евдокимъ избѣгалъ женскаго общества и только одной матери былъ возможенъ доступъ къ нему (§ 5). Онъ пользовался большою властью у царей[3]) и посвятилъ себя на служеніе людямъ: расточалъ милостыню, давалъ добрые совѣты, облегчалъ тяжелое положеніе обращавшихся къ нему и былъ общимъ для всѣхъ утѣшеніемъ; «но коснемся его мірской и царской службы» (§ 6). Евдокимъ былъ назначенъ царемъ на должность стратопедарха не малой области — Каппадокіи, въ качествѣ правителя двухъ-трехъ, даже десятитысячнаго населенія[4]), которымъ управлялъ въ духѣ справедливости.—Любопытно, что агіографъ умолчалъ имя императора, назначившаго Евдокима на должность командира Каппадокійскаго [illegible]. Это обстоятельство показываетъ, что біографъ [illegible]комъ Ѳеофила; да и трудно было въ то время сочув[illegible] императору, иконоборныя увлеченія котораго сдѣлали его ненавистнымъ въ глазахъ подданныхъ. Интересно сравнить съ этимъ Житіе Григорія Декаполита, имѣющее какое-то отношеніе къ діакону Игнатію: въ немъ также тщательно скрыты имена царей, при которыхъ жилъ Григорій; но это только говоритъ о школѣ, а не о личности. — Евдокимъ будто бы воевалъ и одержалъ побѣды[5]); былъ посредникомъ между Богомъ и людьми и былъ вмѣстѣ какъ бы священникомъ или архіереемъ и военачальникомъ или царемъ; помогалъ бѣднымъ, вдовамъ, заботился о заблудшихъ душахъ, — такъ онъ проводилъ время своего стратопедаршества; получилъ у императора власть «предстоятельства» (προστασία, § 7). Онъ скончался на

---

1) Подобное же сопоставленіе приводится въ Житіи Ахиллія Ларисскаго (cod. Athon. Dionys. № 143, XVII в., f. 120 v.).

2) f. 221б: παιδαγωγοῖς ἐγχειρίζεται καὶ ἐκδίδοται παιδευταῖς.

3) f. 225б: πάνυ πολλὰ πλεῖστα δυναμένῳ παρὰ τοῖς βασιλεῦσιν.

4) f. 227б: τιμᾶται πρὸς τοῦ βασιλέως οὐκ ἐλαχίστου τοῦ τῆς Καππαδοκίας κλίματος στρατοπεδαρχεῖν—ὡς δυοῖν τινων ἢ τριῶν ἢ πάνυ-χιλιοστύων ἢ μυριοστύων κυβέρνησιν.

5) f. 228а. εἰρήνην ἂν καὶ πλῆθος τροπαίων καὶ γενναίους ἄθλους καὶ ταινιώματα.

33 году возраста, и эта цифра даетъ поводъ агіографу говорить о ея происхожденіи (сочетаніе совершеннаго десятка съ начальнѣйшею тройкою); горевалъ передъ смертью о томъ, что умираетъ на чужбинѣ (ἐπ' ἀλλοδαπῆς ἐτελεύτα), вдали отъ родителей, которые были живы. Пригласивъ знакомыхъ, онъ просилъ похоронить его въ одѣяніи; выслалъ всѣхъ изъ комнаты, заперъ двери и, сотворивъ молитву, которую слышали посторонніе черезъ щель, скончался. Изъ сопоставленія разныхъ догадокъ и гипотезъ можно допустить, что Евдокимъ родился ок. 807-го, поступилъ на службу ок. 829-го и скончался ок. 840 года[1]). Тѣло его Богъ прославилъ чудесами. Невѣжественно истолковавъ его послѣднюю волю, лица похоронили его въ одѣяніи и въ обуви, которыя онъ носилъ (§ 8). Но послѣднее едва ли не домыселъ агіографа; вѣроятно, самъ Евдокимъ пожелалъ быть похороненнымъ вмѣстѣ съ аттрибутами власти, которою пользовался, то-есть въ красныхъ сапогахъ, съ мечемъ и копьемъ и въ парадныхъ одеждахъ. Трудно понять истинный смыслъ послѣдней воли Евдокима, если только не помнить характеристики каппадокійца, написанной Константиномъ Порфиророднымъ, что жители необыкновенно чувствительны ко всякого рода отличіямъ. Со знаками власти, которою святой пользовался при жизни, онъ не хотѣлъ, повидимому, разставаться и по смерти. Біографъ записалъ восемь посмертныхъ чудесъ его, изъ которыхъ пять совершились на мѣстѣ его кончины, а остальныя три— при перенесеніи тѣла его въ Константинополь, вѣроятно въ Малой же Азіи. Нѣкій Илія, страдавшій сумасшествіемъ (τούτῳ ὁ ἀρχέκακος ἐνεσκήνωσε), по словамъ одного очевидца, исцѣлился у гроба Евдокима (§ 9); одна вдова явилась съ ребенкомъ, страдавшимъ параличемъ рукъ (παρελύθη τὰς χεῖρας), вытерла ему больныя мѣста масломъ изъ лампады святого, и ребенокъ выздоровѣлъ (§ 10); другая женщина принесла ребенка съ параличемъ ногъ (τοὺς πόδας παρεῖτό τε καὶ ἐξήρθρωτο), и онъ также выздоровѣлъ послѣ обтиранія ихъ масломъ изъ лампады (§ 11); одна сумасшедшая женщина (ὁ πονηρὸς ἐνοικίζεται), бросавшаяся въ воду и изнемогавшая до полусмерти, нашла исцѣленіе при гробѣ (§ 12); другая, испытывавшая тѣлесную немощь (τὸ σῶμα καχεκτοῦσα), выздоровѣла чрезъ прикладываніе къ больному мѣсту земли отъ гроба, смоченной ея слезами (§ 13). Вѣсть объ этомъ

1) Пам. Др. Письм. 1893, XCVI, стр. VII—VIII; Житіе св. славнаго Евдокима. Софія 1908.

разнеслась повсюду, и земля отъ гроба Евдокима стала разсылаться по разнымъ мѣстамъ (§ 14). Затѣмъ идетъ разсказъ о перенесеніи мощей изъ Каппадокіи въ Константинополь. Тѣло праведника лежало въ Харсіанѣ[1]). Родители, пережившіе смерть сына, слыша о чудесахъ его, желали имѣть сокровище у себя (§ 15). Самъ Василій не могъ пріѣхать въ Каппадокію, ибо былъ занятъ государственными заботами, ради которыхъ онъ, кажется, и переѣхалъ въ столицу[2]); но Евдокія, пройдя моря, горы и равнины, прибыла ко гробу; увидѣвъ чудеса, она заплакала объ утратѣ сына (§ 16). Поднявъ камень, она открыла гробъ и увидѣла нетлѣнность мощей: тѣло, лежавшее въ землѣ полтора года (ἀνυσθέντος ἐνιαυτοῦ καὶ μεσοῦντος ἤδη τοῦ δευτέρου), не испытало никакой порчи (§ 17).—Отсюда видно, что если Евдокимъ умеръ 31 іюля 840-го, то Евдокія прибыла въ Харсіанъ въ январѣ 842 года. — Она пожелала унести мощи въ столицу, но изъ-за тѣла произошла распря: мѣстные жители не хотѣли отдавать Евдокимова тѣла. Тогда она, поручивъ монаху Іосифу (быть можетъ Пѣснописцу) украсть ихъ, уѣхала въ Константинополь; Іосифъ взялся ночью унести мощи въ столицу и выполнилъ порученіе (§ 18). Дорогою встрѣтилась [illegible]радавшая умопомѣшательствомъ (συνταραχθεῖσα τῷ [illegible]εύματι), и исцѣлилась у гроба; выздоровѣла и другая жен[illegible]авилъ демонъ (βασανιστὴς πολέμιος, § 19). Мона[illegible]о монастыря (Μαντίναιον), когда несли гробъ мимо [illegible], явилась къ мощамъ и получила исцѣленіе отъ своей болѣзни (πάθει δεινῷ κατετρύχετο καὶ τὸ πάθος εἶχεν ἀπόρρητον, § 20).—Гдѣ находился Мантинейскій монастырь, съ точностью неизвѣстно. Преосв. Филаретъ находилъ его въ Элладѣ, архим. Сергій ближе къ истинѣ— въ Пафлагоніи. Мы въ свое время высказали догадку, что онъ стоялъ около Ликаонскаго озера Татта. По Кедрину (II, 497), онъ находился въ Вукелларіи, то-есть въ области на границѣ Виѳиніи и Галатіи[3]); озеро же Татта принадлежало столько же древней Ликаоніи, сколько и средневѣковой Галатіи, и потому можно съ нѣкоторою опредѣленностью теперь сказать, что Мантинейская обитель лежала на границѣ Галатіи и Виѳиніи. — Житіе оканчивается теплымъ молитвеннымъ обращеніемъ агіографа къ святому; здѣсь между прочимъ говорится

---

1) f. 235ᵃ: τὰ τῆς ἀναλύσεως ἐπὶ τοῖς οὕτω πως τὰ Χαρσιανοῦ καλουμένοις ἐπέστη.

2) f. 235ᵇ: δημοσίαις ἐνισχομένος φροντίσιν, ὧν χάριν οἶμαι καὶ μετανάστης ἐκ τῆς τῶν Καππαδοκῶν εἰς τὴν Κωνσταντίνου γεγένηται.

3) V. S. Nicephori Milesi (Anal. Bolland. XIV. 134).

о пособленіи «благочестиво царствующимъ надъ нами», сенату, военачальникамъ и воинамъ при охранѣ столицы (§ 21)[1].

Житіе Стефана Новаго († 765), написанное діакономъ Великой Церкви Стефаномъ[2]) въ 807 году, полно самого глубокаго интереса, представляя правдивую лѣтопись изъ времени царствованія имп. Константина Копронима, основанную на разсказахъ современниковъ того и другого лагеря — иконопочитателей и иконоборцевъ. Авторъ, повидимому, живалъ когда-то на мѣстѣ подвиговъ святого—на Авксентіевомъ холмѣ, который знаетъ во всѣхъ подробностяхъ, какъ отчетливо представляетъ и топографію Константинополя, гдѣ онъ жилъ по долгу служенія. Поводомъ къ написанію Житія была просьба подвижника упомянутаго холма, Епифанія, преемника Стефанова. Хорошо образованный, усвоившій образцы Кирилла Скиѳопольскаго и мало посвященный въ тайны риторскаго искусства, діаконъ Стефанъ стоитъ всего болѣе на почвѣ фактовъ, не прибѣгая къ туманнымъ фразамъ, которыми другіе хотѣли скрыть бѣдноту житійнаго содержанія, и въ изложеніи часто прибѣгаетъ къ латинскимъ словамъ въ византійской формѣ, заимствовавъ эту манеру вѣроятно изъ современно дѣйствовавшаго Юстиніанова законодательства. Онъ естественный врагъ иконоборцевъ, которыхъ называетъ иконосжигателями (εἰκονοκαῦσται), видитъ іудейско-сарацинское, вообще восточное, начало въ иконоборчествѣ, стратиговъ царя называетъ не безъ злости восточнымъ терминомъ сатраповъ; и если гдѣ высказываетъ свои личныя соображенія, то развѣ въ отношеніи мыслей дѣйствующихъ лицъ: для оживленія разсказа онъ приводитъ много рѣчей святого, царя, народа, но онѣ очевидно сочинены авторомъ и изрѣдка какъ будто пересолены.

Въ предисловіи агіографъ разсуждаетъ на ту тему, что полезно всегда видѣть въ иконныхъ изображеніяхъ подвиги святыхъ, какъ

---

1) Въ службѣ Евдокиму (Пам. Др. Письм. XCVI, 24—35) канонъ, носящій имя Іосифа, по всей вѣроятности написанъ Іосифомъ Пѣснописцемъ, который едва ли не имѣетъ какого отношенія къ монаху Іосифу, привезшему мощи въ Византію. Любопытно, что Гимнографъ писалъ совершенно независимо отъ агіографа и внесъ въ канонъ такія черты, которыхъ въ Житіи нѣтъ и которыя общи каждому святому. Отрывокъ изъ Службы въ рук. 1361 года—въ собраніи преосв. Порфирія (въ Имп. Публ. Библіотекѣ): Краткій обзоръ собранія рукописей еп. Порфирія. Спб. 1885, стр. 139, № 328.

2) Analecta graeca, ed. monachi Benedictini. Lut. Paris. 1688, p. 396—531 (Ἀγαθὸν καὶ δίκαιον, Migne, C. 1067—1186. Содержаніе житія въ «Душепол. Чтеніи» 1860, ноябрь, 263—302 и отд.; обстоятельное, прекрасное изслѣдованіе проф. Васильевскаго: Ж. М. Н. Пр. 1877, VI, 283—329.

богоугодное дѣло, и разсказывать о нихъ въ письменныхъ книгахъ, ибо то и другое поощряетъ насъ ко ревнію: икона созерцается, письменное слово выслушивается. Авторъ, объявляя себя не причастнымъ ни къ тому, ни къ другому, осмѣливается однако взяться за перо для прославленія преподобномученика Стефана: не откажусь говорить, насколько могу; восхвалять не по достоинству и не по силамъ—предосудительно (§ 1). Писалъ онъ по порученію (προτραπείς) лица, котораго не смѣлъ ослушаться (т. е. Епифанія), и не зарывалъ въ землю таланта; писалъ съ тою цѣлью, чтобы подвиги святого не были забыты, и писалъ черезъ 42 года послѣ кончины святого [1]); онъ намѣренъ разсказать жизнь его съ пеленокъ до старости, привести достовѣрные разсказы о немъ его учениковъ, которые онъ собралъ разъѣзжая по разнымъ мѣстамъ, уподобляя себя пчелѣ, собирающей медъ съ цвѣтовъ (§ 2), причемъ приведены цѣлыя фразы, буквально сходныя съ фразами изъ житія Евѳимія Палестинскаго, который въ свою очередь могъ пользоваться Лавсаикомъ Палладія [2]). Приготовляясь къ разсказу, авторъ проситъ молитвенной помощи у своихъ читателей и вниманія (§ 3).

Стефанъ былъ родомъ изъ Константинополя [3]). Во времена имп. Артемія или Анастасія въ 6222 (713) г. жилъ въ Цареградѣ нѣкій мужъ въ достаткѣ, жившій трудами рукъ. Онъ жилъ у наклонной части царской улицы (πρὸς τὸ τῆς βασιλικῆς δημοσίας λεωφόρον πρανές), гдѣ стояло зданіе Ставріонъ, названіемъ котораго она обозначалась. Отъ этого мѣста до наклонной части стояли обширные дома, называемые τὰ Κῶνστα. Здѣсь жилъ мужъ съ женою и 2 дочерьми, которыя обучались грамотѣ и благочестію.—Здѣсь проф. Васильевскій говоритъ, что школьное образованіе не умирало и въ иконоборческій періодъ, что существовали и въ это время низшія школы даже для дѣвочекъ, и ссылается при этомъ на греческій женскій монастырь въ Италіи, гдѣ монахини въ половинѣ VIII в. устроили при обители женскую школу.—Мать, по имени Анна, горевала, что не имѣетъ сына, ходила по церквамъ Богородицы и особенно во Влахерны, гдѣ созерцала икону Дѣвы съ Младенцемъ [4]). Во снѣ ей предстала Богоматерь

1) 399: τεσσαρακοστοῦ δευτέρου ἔτους παραδεδραμηκότος, ἀφ᾽ οὗπερ τὴν διὰ μαρτυρίου ἱερὰν τελευτὴν ὁ παμμάκαρ ὑπέστη μέχρι τῆς νυνί.

2) Ср. выше, стр. 19—20. Учитель полагалъ, что эти послѣднія слова также оригинальны.

3) 401: οὐ ξένος Βυζαντίων οὐδὲ τῶν τὴν βασιλεύουσαν πολιν οἰκούντων ἀλλότριος.

4) 402: πρὸς ἀντικρὺ ἱσταμένη τοῦ ταύτης ἁγίου χαρακτῆρος, ἐν ᾧ ἐτετύπωτο ἐν ἀγκάλαις τὸν υἱὸν καὶ θεὸν φέρουσα.

и обрадовала Анну, которая и зачала (§ 4).—Годъ 715 слѣдуетъ считать годомъ рожденія святого.

Въ это время (715 г.) на патріаршій престолъ былъ возведенъ Кизическій митрополитъ Германъ. Безчисленное множество народа собралось у св. Софіи видѣть интронизацію новаго владыки. Анна, видя страшную давку и помня о своемъ положеніи, хотѣла было вернуться домой, но мужъ ея, человѣкъ сильный, обѣщалъ оградить ее отъ толчковъ, прося ее держаться сзади за его бока. Съ большимъ трудомъ они протискались въ паперть (προαύλια) св. Софіи, а отсюда легко уже достигли портика передъ колоннами храма (ἐν τῇ πρὸ τῶν τοῦ νεὼ πυλώνων στοᾷ), гдѣ ожидали входа Германа со скамьи. При появленіи патріарха Анна, какъ она сама разсказывала лицамъ, со словъ которыхъ писалъ агіографъ, воскликнула: «благослови, всесвятой, во чревѣ сына моего». Германъ взглянулъ на нее и произнесъ: «по вѣрѣ твоей, жена, да благословитъ Господь плодъ чрева твоего, молитвами Богородицы и первомученика Стефана». Анна съ благоговѣніемъ приняла имя Стефана, которое рѣшилась дать своему будущему сыну (§ 5).— Родители Евѳимія, молившіеся о дарованіи имъ сына, услышали въ видѣніи слова: εὐθυμεῖτε, и увидѣли въ этомъ знаменіе, что надо назвать зачатаго Евѳиміемъ.—Черезъ нѣсколько дней сынъ родился, на восьмой день былъ принесенъ въ церковь и крещенъ подъ именемъ Стефана; на 40-й день Анна съ мужемъ принесла его въ храмъ Влахернской Богоматери и, воздавъ благодареніе передъ ея иконою, протянула руки кверху и приложила младенца къ стопамъ ея изображенія на иконѣ (τοῖς ποσὶ τῆς ἁγίας ἐκείνης εἰκόνος), поручивъ и посвятивъ ей своего сына (§ 6). Съ наступленіемъ Пасхи, въ великую субботу, родители принесли ребенка въ крестильницу (φωτιστήριον) св. Софіи, гдѣ крестилъ и миропомазалъ его самъ Германъ (§ 7). Вскормленный материнскимъ молокомъ и украшенный душевными качествами (§ 8), Стефанъ по достиженіи шести лѣтъ (стало быть ок. 720 г.) былъ отданъ въ грамоту [1]) или, какъ полагаетъ проф. Васильевскій, въ обученіе чтенію по псалтири, каковой обычай практиковался въ XI вѣкѣ. Онъ скоро опередилъ своихъ товарищей въ наукахъ и добродѣтели; съ матерью онъ ходилъ въ церковь и во время положеннаго сидѣнія стоялъ передъ «священною рѣшеткою» (ἱερὰ κιγκλίς), внимательно слушалъ чтеца и быстро запоминалъ прослушанное, въ особенности

1) p. 410: εἰς τὴν τῶν ἱερῶν γραμμάτων μάθησιν προσπαιδείας.

слова Златоустаго, которыя любилъ всего болѣе. «Сотрапезникъ (σύσκηνος) всехвальнаго Тимоѳея, онъ слѣдовалъ во всемъ руководству общаго учителя» (τῷ κοινῷ διδασκάλῳ).—Проф. Васильевскій понимаетъ это мѣсто такъ, что Стефанъ и Тимоѳей (кстати сказать, совершенно неизвѣстная личность) «не только ходили въ школу, повидимому находившуюся при монастырѣ, но и жили при ней»; но κοινός не значитъ общій (какъ для Стефана, такъ и для Тимоѳея): изъ Житія Ѳеодора Едесскаго видно, что κοινὸς διδάσκαλος или παιδευτής было техническимъ терминомъ для обозначенія преподавателя общаго знанія (trivium наукъ); о товариществѣ, какъ намъ кажется, здѣсь нѣтъ рѣчи; Стефанъ могъ жить вмѣстѣ съ Тимоѳеемъ или у Тимоѳея, который могъ быть его руководителемъ. Κοινοὶ παιδευταί были повидимому видными лицами: Тимоѳей—πανεύφημος, Софроній—σοφιστής.—Изучивъ св. Писаніе, Стефанъ захотѣлъ подражать святымъ мужамъ, о которыхъ оно говорило (§ 9).—Большинство выраженій о школьномъ образованіи взято изъ Житія Евѳимія.

Въ это время возсталъ противъ имп. Ѳеодосія Левъ ὁ συρογενής, уроженецъ Востока. Царь, не желая проливать христіанской крови въ борьбѣ съ бунтовщикомъ, предоставилъ ему пользоваться властью. «Тираннъ» вошелъ во дворецъ «какъ песъ во святая, какъ свинья на бисеръ». Онъ сначала притворился благочестивымъ, но черезъ 10 лѣтъ вздумалъ ввести Манихейскую ересь, близкую къ ереси Афтортодокитовъ. Подобно огню и сѣрѣ изъ горы Этны онъ (такъ называемымъ селентіемъ) изрыгнулъ собранному подвластному ему народу (ὁ ὑπ' αὐτοῦ λαός, ἐκκλησιάσας) слѣдующее: «такъ какъ изготовленіе иконъ есть дѣло идольское, то не слѣдуетъ имъ поклоняться». Но замѣтивъ возмущеніе народа, онъ тотчасъ перешелъ на другую тему (§ 10). Патріархъ Германъ исповѣдалъ передъ царемъ иконопочитаніе, упомянулъ, что со времени жизни Христа на землѣ и апостольскаго ученія до нынѣ (ἕως τῆς νυνί) протекло 736 лѣтъ, сослался на Едесскій образъ и на икону Луки, и заключилъ свою рѣчь фразою: «кто безчеститъ икону, тотъ безчеститъ изображеннаго на ней». Раздраженный Левъ послалъ въ патріаршій домъ ξιφήρεις σατράπας выгнать оттуда Германа. Патріархъ, провожаемый плачемъ народа, избралъ монастырскую жизнь (§ 11).—О сходномъ отчасти чудѣ при сверженіи иконы разсказывается въ Житіи Симеона Дивногорца (VI в.)[1]. Мѣсто

1) Migne. Patr. gr., LXXXVI, p. 2 col. 3144=cod. Synod. Mosqu. № 381 f. 81 v.; въ славянскомъ есть отступленія.

его занялъ Анастасій «при помощи военной силы» (στρατιωτικῶς), а не θεοῦ ψήφῳ, какъ Германъ. Новый патріархъ перенесъ всѣ церковныя имущества во дворецъ. Царь, дѣйствуя теперь властно и свободно, «тотчасъ пытается снять и предать огню святую Владычню икону Христа Бога нашего, водруженную надъ царскими вратами (ὑπερθεν τῶν βασιλικῶν πυλῶν) и называвшуюся по изображенію ἡ ἁγία Χαλκῆ, что онъ и сдѣлалъ». Но во время снятія иконы явились честныя жены, отдернули лѣстницу и спаѳарій, отбивавшій образъ, разбился до смерти. Жены двинулись къ патріаршему дворцу и бросали камни въ Анастасія. Патріархъ бѣжалъ къ царю и убѣдилъ его казнить женщинъ, что тотъ и сдѣлалъ (§ 12).—Объ этомъ селентіи 726 г. говоритъ Ѳеофанъ (I, 408) и Константинъ Тійскій. «Главная ошибка такого повѣствованія, замѣчаетъ проф. Васильевскій, заключается въ анахронизмѣ относительно патріарховъ Германа и Анастасія; все, что разсказано нами вслѣдъ за авторомъ житія, дѣйствительно совершилось въ десятый годъ царствованія Льва Исавра 726 (свидѣтельство папы Григорія, Кедрина и Зонары), но только ни патр. Германъ въ этомъ году не былъ низложенъ, ни Анастасій не занималъ его мѣста». Разрушеніе Халкопратійской иконы, первый шагъ императора въ его активной иконоборческой дѣятельности, могло имѣть мѣсто въ 726 году, но сверженіе Германа и возведеніе на его мѣсто Анастасія случилось только въ 730 году. Спутанность автора усвоена и въ недошедшемъ до насъ въ подлинникѣ Житіи Ѳеодосіи дѣвицы, гдѣ также говорится объ изгнаніи Германа, умерщвленіи спаѳарія и объ оскорбленіи, нанесенномъ Анастасію, — въ выраженіяхъ близкихъ. По словамъ папы Григорія, «когда короли запада узнали и до нихъ дошли слухи, что ты (Левъ) посылалъ Іовина (Ἰουβῖνος) спаѳарокандидата въ Халкопратіи для сокрушенія и уничтоженія (καταλῦσαι καὶ μετακλάσαι) Спасителя, прозываемаго Антифонитомъ (котораго онъ успѣлъ три раза ударить сѣкирою по лицу и зато былъ сброшенъ женами спаѳарокандидатовъ), — тогда они бросили на землю и потоптали ногами твои изображенія»[1]).

Константинополь впадалъ въ ересь. Православные съ горечью покидали отечество и цѣлыми массами переселялись въ православныя селенія (κωμοπόλεις),—ниже увидимъ: въ Италію, Тавриду и Ликію.— Родители Стефана, не желая оставлять сына въ столичномъ мона-

---

1) Ср. Combefis. Hist. haeres. monoth. Paris. 1648 col. 643.

стырѣ, достигли моремъ до Халкидонской пристани и отсюда прибыли на гору св. Авксентія (§ 13). — «Это былъ, по замѣчанію проф. Васильевскаго, одинъ изъ болѣе высокихъ холмовъ, возвышавшихся на сѣверной сторонѣ Никомидійскаго залива, находившійся въ Виѳиніи, въ 10 миляхъ отъ Халкидона, носившій первоначально названіе Остраго» (Ὀξεία). — По житію, онъ былъ холодный, сухой, достигалъ такъ сказать неба и могъ бы быть названъ Горою Божіею, Хоривомъ, Кармиломъ, Синаемъ, Ѳаворомъ, Ливаномъ, или Святымъ Градомъ. Со временъ Авксентія (V в.) здѣсь подвизались: Сергій, ученикъ его, Вендиміанъ, Григорій и, современникъ описываемаго времени, Іоаннъ, отличавшійся даромъ прозорливости. Григорій и Анна привели къ нему своего сына и просили принять его въ монастырь. Старецъ похвалилъ Стефана за то, что онъ не хотѣлъ жить въ городѣ еретиковъ, преподалъ ему монашеское наставленіе, взялъ изъ рукъ его ножницы (ψαλίδιον) и постригъ его. Это было на 16-мъ году возраста Стефанова (то-есть въ 730 году). Родители его вернулись въ Византію (τὰ οἰκεῖα, § 14). — Іоаннъ сказалъ Стефану совершенно тѣ же слова, что епископъ Отрей Евѳимію Палестинскому. Трехлѣтняго мальчика епископъ называлъ μειράκιον, — это понятно, но Іоаннъ называетъ 16-тилѣтняго Стефана μειράκιον, — это уже не удачное подражаніе. — Стефанъ совсѣмъ жаромъ предался иноческимъ подвигамъ и особенно воздержанію отъ пищи, такъ что даже духовный отецъ его Іоаннъ предостерегалъ его отъ излишняго увлеченія, ссылаясь на суровость климата, рѣзкость вѣтровъ и на труды его новаго положенія. Стефанъ носилъ ему воду издалека, по едва проходимой тропинкѣ, изъ-подъ горы съ южной стороны, гдѣ находилась усыпальница св. Авксентія и построенный послѣднимъ женскій монастырь Τριχιναρέας, названный такъ по неприступности мѣста (§ 15). Старецъ Іоаннъ былъ такой мудрый, что когда онъ называлъ четвероногихъ животныхъ по имени, они исполняли его порученія [1]). Во время отсутствія Стефана, когда случалось приходили къ нему монахи съ окрестныхъ горъ («а на тѣхъ горахъ было много монастырей, которыя тираннически уничтожилъ безбожный новый Вавилоній-Константинъ Копронимъ, изъ страсти къ псовой

---

1) p. 421: ὥστε καὶ τετράποδα ζῶα τῇ ἀνθρωπίνῃ φωνῇ καλεῖν αὐτὸν ἐξ ὀνόματος, переведенное: ut quadrupedes animantes humana voce ex nomine ipse vocaret, и проф. Васильевскій толковалъ: Іоаннъ звалъ «по имени» своего пса. Однако агіографъ говоритъ далѣе о повиновеніи святому даже στοιχεῖα животнаго, то-есть языка; собака могла быть выдрессирована настолько, что могла произносить по человѣчески І-о-ан-ни.

охотѣ»), Іоаннъ звалъ по имени собаку, привязывалъ ей на шею записку (πιττάκιον) и посылалъ ее со словами: «иди внизъ въ монастырь и принеси эту грамоту (γραμματεῖον) игуменьѣ и скорѣе возвращайся». Песъ прибѣгалъ къ кельѣ игуменьи и подымалъ лай; записку брали и передавали настоятельницѣ, которая и исполняла порученіе согласно съ письмомъ (§ 16). Однажды Стефанъ засталъ Іоанна въ горькихъ слезахъ, съ опущенною головою на дверцы пещеры, и узналъ отъ него, что какъ при Стефанѣ мѣсто это возвеличится, такъ при немъ же и будетъ уничтожено отъ современной иконоборческой ереси, причемъ старецъ предсказалъ ему будущую судьбу (§ 17).

Въ это время умеръ отецъ Стефановъ Григорій. Сынъ съѣздилъ въ городъ, похоронилъ отца, распродалъ имущество въ Константинополѣ и съ матерью и сестрою (другая сестра его постриглась въ Цареградскомъ монастырѣ) удалился на Авксентіеву гору, гдѣ старецъ Іоаннъ постригъ ихъ въ женскомъ монастырѣ (очевидно Τριχιναρέας). Украшенный схимою, сынъ сдѣлался духовнымъ отцемъ своей матери и сестры (§ 18). Затѣмъ умираетъ старецъ Іоаннъ. Стефанъ ударилъ въ било (τὸ κροῦμα δέδωκε), и вотъ съ окрестныхъ горъ, холмовъ, полей и лѣсовъ потянулась на Авксентіеву гору толпа (χορός) монаховъ для погребенія тѣла въ усыпальницѣ отцевъ (§ 19). Стефанъ былъ истиннымъ преемникомъ добродѣтелей Іоанна и шестымъ послѣ Авксентія знаменитымъ подвижникомъ горы. Подобно тому какъ моряки держатся извѣстнаго направленія, руководствуясь положеніемъ звѣздъ, и путешественники по сушѣ идутъ не безызвѣстными тропинками, гдѣ могутъ попасть въ руки разбойниковъ, а торными дорогами (ταῖς λεωφόροις), такъ и Стефанъ въ жизни своей всегда помышлялъ о вышнемъ Іерусалимѣ и имѣлъ передъ собою образы великихъ отцевъ Авксентіевой горы. На тридцать первомъ году жизни (стало быть, около 745 года) онъ заключился въ подземной пещерѣ подобно пчелѣ въ своемъ ульѣ и, чтобы не быть никому въ тягость, снискивалъ пропитаніе трудами своихъ рукъ: занимался плетеніемъ рыболовныхъ сѣтей (τῶν δικτύων συρραφὴν καὶ σύμπλεξιν τῆς ἁλιευτικῆς τέχνης) и перепискою книгъ, ибо считался каллиграфомъ (§ 20). Прославившись своимъ подвижничествомъ, онъ невольно привлекалъ къ себѣ посѣтителей, которые желали подражать ему въ жизни. Стефанъ охотно принималъ ихъ и вскорѣ образовалъ около себя кружокъ изъ 12 братьевъ-монаховъ, между которыми были: Маринъ, Іоаннъ, Захарія, Христофоръ, Сергій и Стефанъ; была построена и киновія

во имя св. Авксентія съ усыпальницею, которая (позже) была разрушена «безбожнымъ тиранномъ» (Константиномъ Копронимомъ) и съ тѣхъ поръ стала называться «холмомъ Авксентія» (§ 21). Когда братіи собралось 20 человѣкъ, Стефанъ поставилъ Марина экономомъ и намѣстникомъ киновіи, а самъ на 42 году жизни (въ 756 г.) удалился на самый верхъ Авксентіевой горы и поселился въ пещерѣ, образовавшейся въ южной ея части, за скалою, защищавшею пещеру отъ холодного сѣвернаго и западнаго вѣтра; здѣсь онъ построилъ келью въ $1\frac{1}{2}$ локтя ширины и 2 длины; въ восточной части устроилъ мѣстечко въ видѣ раковины для молитвы, въ которомъ едва можно было помѣститься согбенному человѣку и которое походило скорѣе на гробъ (§ 22). Удаленіе Стефана совершилось въ тайнѣ. Утромъ ученики пришли къ его прежнему жилищу и къ удивленію своему не нашли его. На склонѣ холма святой услышалъ ихъ слезы и успокоилъ ихъ. И въ зной и въ холодъ онъ носилъ одну и ту же одежду—кожаный хитонъ, клобукъ, украшенную крестами опояску и наплечья, подъ которыми носилъ желѣзныя вериги крестъ-на-крестъ; спалъ подобно старцу Іоанну, своему учителю, на тростниковой цѣновкѣ (§ 23). Слава о Стефанѣ разнеслась повсюду, имя его стало извѣстнымъ и въ Константинополѣ. Много людей пріѣзжало къ нему на холмъ и удостоивалось его благословенія. Между прочимъ прибыла одна знатная вдова, жаловалась на свое вдовство и бездѣтность и желала поступленія въ монастырь. Святой съ радостью поощрялъ ее къ исполненію этого обѣта. Черезъ Халкидонскую пристань (ναύσταθμος) она пріѣхала въ столицу, распродала свое имущество, раздала деньги бѣднымъ и, покинувъ родителей, родню и друзей, выѣхала изъ Константинополя и черезъ Пропонтиду [1]) достигла вѣроятно той же Халкидонской пристани, откуда прибыла на дивную (но не Дивную) гору (πρὸς τὸ θαυμαστὸν ὄρος). Часть оставшихся денегъ она принесла святому для раздачи, но Стефанъ препроводилъ ее вмѣстѣ съ Мариномъ, чтобы она собственноручно раздала деньги по сосѣднимъ селеніямъ. Затѣмъ онъ облекъ ее въ схиму, наименовалъ Анною и поселилъ въ подоргиомъ женскомъ монастырѣ, гдѣ игуменьею была его родная мать (§ 24).

Съ этого времени для Стефана наступаетъ особаго рода подвижничество. Приступая къ описанію его, агіографъ снова говоритъ о

1) p. 437: τῆς Προποντίδος διαπεράσασα τοῦ ἄστεος, но такого города неизвѣстно; быть можетъ слѣдуетъ читать: ἀπὸ τοῦ ἄστεος: (отъ Халкидона) взошла на гору.

своемъ безсиліи достойнымъ образомъ передать разсказъ о мученіяхъ святого и снова напоминаетъ, что приступилъ къ написанію по порученію[1]). Начиная говорить о ереси иконоборческой, авторъ говоритъ сначала о еретикахъ вообще, начиная съ Симона, Менандра и Кердоны, кончая папою Гоноріемъ (625—638) и Магометомъ (§ 25). Дьяволъ, не переставая бороться съ созданнымъ по образу Бога человѣкомъ, нашелъ орудіе для своихъ дѣяній въ лицѣ сирійскаго мага, соименнаго льву звѣря, и возбудилъ его противъ поклоненія иконамъ; и хотя онъ умеръ, но ересь унаслѣдовалъ сынъ его Константинъ, для котораго агіографъ не находитъ достаточно бранныхъ словъ. Этотъ царь сталъ портить, уничтожать и сжигать иконы и вооружился противъ монашескаго сословія, называлъ схиму—схимою мрака, а самихъ монаховъ—недостойными упоминанія (ἀμνημόνευτοι) и идолопоклонниками. Созвавъ весь подвластный ему народъ[2]) (очевидно на селентій), онъ заставилъ его поклясться передъ Тѣломъ и Кровью Христовою, передъ честнымъ крестомъ (τῶν ἀχράντων ξύλων, ἐν οἷς Χριστὸς—χεῖρας ἐξέτεινεν) и евангеліемъ, что не будетъ поклоняться иконѣ, будетъ называть ее идоломъ, не будетъ имѣть общенія съ монахами и говорить имъ «здравствуй»; будетъ при встрѣчѣ мраколюбца ругать и бросать въ него камнями. Для выполненія своей программы онъ назначилъ на патріаршій престолъ не избраніемъ (ψήφῳ) Божіимъ и іерейскимъ, но собственною властью (πανουργίᾳ), Константина, съ которымъ онъ восшелъ на амвонъ, вручилъ омофоръ и произнесъ самъ ἄξιος этому не патріарху, а скорѣе фатріарху. Ничего подобнаго, говоритъ авторъ, не случалось и при языческихъ служеніяхъ (§ 26). Затѣмъ царь и патріахъ разослали по всѣмъ епархіямъ грамоты (προγράμματα) съ приглашеніемъ областныхъ начальниковъ (ἀργισατράπαι) и епископовъ въ столицу на соборъ противъ иконопочитанія[3]). Среди повсемѣстнаго плача православныхъ безбожные попирали священное, присваивали себѣ сосуды, разрушали и посыпали пепломъ церкви, потому что въ нихъ находились иконы; иконы Христа, Богородицы и святыхъ сжигались, разрушались, заштукатуривались (ἀναχρίσει παρεδίδοντο); гдѣ же находились растенія, деревья, птицы, животныя, верховая ѣзда, псовая охота, зрѣлища и конскія скачки (ἱπποδρόμια), тамъ эти картины почитались и тщательно оберегались.

---

1) p. 439: ἐμαυτὸν τοῖς προτρέπουσι δέδωκα... τῶν εἰς τοῦτο προτρεψάντων.
2) p. 443: ἅπαντα τὸν ὑπ' αὐτοῦ λαὸν ἐκκλησιάσας.
3) Разумѣется соборъ 754 года.

Авторъ высказываетъ при этомъ свой взглядъ на почитаніе иконъ и цитируетъ слова Василія Великаго, что честь иконѣ относится къ прототипу (§ 27). Толпы монаховъ, покинувъ европейскія области Византіи, самую столицу, Ѳинію и Виѳинію, а равно пещерники Прусіадской области собрались на Авксептіевой горѣ ко св. Стефану, котораго застали въ великой печали. Подвижникъ, изобразивъ весь ужасъ церкви, убѣждалъ иноковъ твердо стоять въ вѣрѣ (§ 28). Утѣшая ихъ, онъ подалъ имъ слѣдующій совѣтъ: «есть три области, которыя не приняли участія въ этой нечестивой ереси: тамъ вы должны искать себѣ убѣжища», и на вопросъ: «гдѣ именно находятся эти области?» отвѣтилъ: во-первыхъ сѣверные склоны береговъ Евксинскаго Понта [1]), побережныя его области, лежащія по направленію къ Закхійской епархіи и пространства отъ Воспора (Керчи), Херсона, Никопсиса по направленію къ Готоіи Низменной [2]); во вторыхъ, области, лежащія по Парѳенійскому (Средиземному) морю [3]), тамъ, гдѣ простирается Южный заливъ (Адріатическое море), именно: митрополія Никопольская, насупротивъ стараго Рима, Неаполь и отсюда пространство до рѣки Тибра; въ-третьихъ, нижнія части Ликійской провинціи, отъ Силея (Συλέου) и Сики (Συκῆς), далѣе на самомъ морѣ [4]) островъ Кипръ и противоположный берегъ до Триполиса, Тира и Іоппіи. По словамъ св. Стефана, предстоятели церквей Римской, Антіохійской, Іерусалимской и Александрійской анаѳематствовали иконоборческую ересь и въ писаніяхъ своихъ (ἐπιστολαῖς στηλιτευτικαῖς) называли царя отступникомъ и ересіархомъ; «пресвитеръ Іоаннъ Дамаскинъ, котораго этотъ тираннъ [5]) называлъ Мансуромъ, а мы его называемъ преподобнымъ и богоноснымъ, не переставалъ писать ему и называть его «ересеустнымъ» (αἱρεσχελῆ) и Мамеоомъ; епископовъ его называлъ мракобѣсами (ἐπισκότους), подлыми рабами (κοιλιοδούλους) и забулдыгами (γαστρόφρονας), особенно (разумѣя при этомъ) любителей конскихъ скачекъ и зрѣлищъ Пастилу и Трикакава, Николаита и друга бѣсовскаго Ацпиія» (Ἀτζύπιος). Выслушавъ Стефана, иноки послѣдовали его совѣту: одинъ отплылъ въ Понтъ Евксинскій, другой на Кипръ, третій въ Римъ. По-

1) p. 451: τὰ πρὸς τὸ ἄναντες τοῦ Εὐξείνου Πόντου.

2) p. 452: τὰ πρὸς τὴν Γότθιον (Γοττίαν) κοίλην ἀπαντῶντα.

3) Терминъ Кирилла Скиѳопольскаго (въ Житіи Евѳимія).

4) τὰ κατ' αὐτὴν τὴν προποντίδα πλεόμενα. Здѣсь, какъ указалъ проф. Васильевскій, «Пропонтида» употреблено въ общемъ значеніи предморья, а не въ смыслѣ Мраморнаго моря.

5) Стефанъ намекаетъ очевидно на имп. Константина, а не на Льва.

кинувъ свои монастыри, они стали странниками (ξένοι) и пресельниками (πάροικοι); Византія лишалась монашескаго сословія (§ 20) [1]. Между тѣмъ имп. Константинъ разрушилъ Влахернскій храмъ, украшенный прежде стѣнами съ изображеніями — начиная отъ пришествія на землю Господа до разныхъ чудесъ Его, до Его вознесенія и до схожденія (не Сошествія) Святого Духа чрезъ иконное изображеніе [2]. — Послѣдняя фраза нуждается въ поясненіи. Анна Комнина (1120 г.) въ довольно неясныхъ словахъ говоритъ объ «обычномъ чудѣ», совершавшемся во Влахернской церкви (II, 175); Антоній Новгородскій (1200 г.) пишетъ: «къ Лахернѣ Святой Духъ Святый сходитъ» (96 С, 21 Л); Анонимъ 1204 г.: «въ Влахернѣ Святый Духъ схожаше на вся пятницѣ» [3]; папа въ 1207 г. писалъ (повидимому, объ иконѣ Одигитріи): «хотя мы не раздѣляемъ мнѣнія нѣкоторыхъ Грековъ, будто на этой иконѣ почиваетъ Духъ блаженной Маріи, однако не считаемъ это суевѣріемъ» [4]; средневѣковой писатель Belethi разсказываетъ: «былъ нѣкогда въ Константинополѣ въ одной церкви образъ Святой Дѣвы, предъ которымъ висѣлъ покровъ, совершенно закрывающій его; но въ пятницу на вечернѣ этотъ покровъ безъ всякаго содѣйствія нисспадалъ самъ собою и божественнымъ чудомъ какъ бы поднимался къ нему, такъ что всѣ это могли ясно и вполнѣ видѣть; а въ субботу покровъ нисходилъ на прежнее мѣсто и оставался до слѣдующей пятницы» [5]. — Уничтоживъ всѣ Христовы тайны, императоръ обратилъ церковь въ овощную лавку (ὀπωροφυλάκιον) и птичникъ (ὀρνεοσκοπεῖον), изобразивъ мозаикою: деревья, разныхъ птицъ, звѣрей, и все это посреди листьевъ плюща, журавлей, вороновъ и павлиновъ; «а если кто вздумаетъ обвинить меня за эту мысль, пишетъ агіографъ, то пусть онъ отправится въ этотъ храмъ, и тогда повѣритъ, что это правда». — Отсюда проф. Васильевскій дѣлаетъ заключеніе, что всѣ эти арабески и фигуры сохранялись во Влахернскомъ храмѣ и послѣ Константина и Ирины, когда онъ писалъ свое Житіе, прибавимъ: кажется, сохранялись до второй половины IX столѣтія, о чемъ можно

1) p. 453: αἰχμαλωτιζόμενον τὸ Βυζάντιον τοῦ μοναχικοῦ καταλόγου.

2) τὸν — ναὸν τῆς — θεοτόκου τὸν ἐν Βλαχέρναις κατορύξαντος, τὸν πρὶν κεκοσμημένον τοῖς διατοίχοις ὄντα ἀπό τε τῆς πρὸς ἡμᾶς τοῦ θεοῦ συγκαταβάσεως ἕως θαυμάτων παντοίων καὶ μέχρι τῆς αὐτοῦ ἀναλήψεως, καὶ τῆς τοῦ ἁγίου πνεύματος καθόδου διὰ εἰκονικῆς ἀναζωγραφήσεως.

3) Новгор. 1, Спб. 1888, стр. 186.

4) Riant, Exuviae Cpolitanae, II, 76—77.

5) Migne, Patr. lat., CII cap. 51; ср. В. Васильевскій, стр. 290.

заключить изъ житія Өеодора Студита. — Въ этомъ храмѣ царь и патріархъ созвали соборъ (σύνοδον) изъ подлыхъ рабовъ своихъ, епископовъ, и назвали иконы идольскими подобіями (ἀγαλματικὰ εἴδωλα); анаѳематствовали патр. Германа, назвавъ его древопоклонникомъ, и съ воздѣтыми кверху руками произнесли: «нынѣ спасеніе міру, яко ты, царю, свободилъ ны отъ идоловъ». Агіографъ, возставая противъ рѣшенія императора присвоить себѣ наименованіе «тринадцатаго апостола», обращается къ иконоборцамъ съ такими словами: вы креститесь не въ Троицу, но во имя Пастилы, Трикакава и Кавала, наставниковъ его (§ 30).—Въ виду краткихъ и «не совсѣмъ точныхъ свѣдѣній» агіографа о соборѣ 754 года, проф. Васильевскій изложилъ подробно обстановку и дѣянія собора — по Өеофану и нашему Житію. Мѣстомъ засѣданія былъ сначала дворецъ Іерія, между Халкидономъ и Хрисополемъ, а потомъ Влахерны, число участниковъ 338.

Когда дѣянія этого собора были скрѣплены подписями, царь узналъ о дѣяніяхъ Стефана. Пригласивъ къ себѣ образованнѣйшаго изъ вельможъ, способнаго и поговорить и выслушать, патрикія Каллиста, царь поручилъ этому еретику отправиться на Авксентіевъ холмъ и убѣдить Стефана подписаться подъ актами, именемъ царей Константина и Льва, и въ случаѣ успѣха дать монаху фиников и миндалю, чѣмъ тотъ обыкновенно питался. Однако патрикій потерпѣлъ неудачу: Стефанъ назвалъ соборъ лжесобраніемъ (ψευδοσύλλογος), опредѣленія его — еретическимъ мнѣніемъ, царя — ересіархомъ; сжавъ пальцы въ кулакъ, святой сказалъ, что пока у него течетъ въ жилахъ кровь, она прольется за икону Христову; пища и масло были отвергнуты. Царь сильно разгнѣвался, выслушавъ своего патрикія, и немедленно отправилъ опять его же вмѣстѣ съ «архисатрапами» и щитоносцами — перевести Стефана изъ кельи въ подгорный монастырь и тамъ стеречь его въ ожиданіи суда; тѣ такъ и сдѣлали. Въ виду того, что святой отъ воздержанія совсѣмъ истощалъ, ослабѣлъ и не могъ ходить, щитоносцы перенесли его на плечахъ въ усыпальницу Авксентія, куда заключили и другихъ, находившихся съ нимъ, монаховъ. Стража, карауля двери заключенія, въ продолженіи шести дней оставалась безъ пищи, дивясь святости узника; на седьмой день явился изъ Константинополя новый начальникъ и именемъ царя велѣлъ водворить Стефана въ его прежнемъ жилищѣ: причиною этому была война царя со Скиѳами[1]) (§ 31). — По мнѣнію проф. Васильевскаго, это

1) p. 460: πολέμου πρὸς Σκύθας παρακειμένου.

была война съ Болгарами, 759 года.—Между тѣмъ Каллистъ подкупилъ одного изъ учениковъ святого, Сергія, и обѣщалъ ему и другое кое-что, лишь бы онъ сдѣлалъ доносъ на своего учителя. Воины, сторожившіе Стефана, испросивъ его молитвъ, вернулись въ столицу и отправились въ походъ противъ Скиѳовъ въ провинцію Европу; а Сергій, оставивъ монастырь, ушелъ къ Авликаламу, сборщику податей въ Никомидійскомъ заливѣ (ὁ ἀρχιτελωνῶν κόλπου τῆς Νικομηδείας φορολόγος), и оба они написали доносъ на Стефана, что онъ называетъ царя еретикомъ, спроуроженцемъ (συρογενῆ) и Виталіемъ (Βιτάλην), что, сидя на горѣ, онъ копаетъ ему яму, что онъ постригъ одну благородную женщину въ подгорномъ монастырѣ и по ночамъ навѣщаетъ ее. Служанку Анны они подкупили обѣщаніемъ свободы и выдачи замужъ за придворнаго человѣка, лишь бы она показала противъ своей госпожи. Записку (γραμματεῖον) свою они послали со скороходомъ (διὰ ταχυδρόμου) въ собственныя руки царя, находившагося уже среди Скиѳовъ. Константинъ, прочтя письмо, немедленно отправилъ съ курьеромъ (βερίδης) посланіе въ Константинополь къ патрикію Анѳу (Ἄνθης), остававшемуся тогда намѣстникомъ (ὁ ἀντ' αὐτοῦ τὴν πόλιν κρατῶν), съ требованіемъ схватить въ подгорномъ монастырѣ Авксентіева холма Анну, одну изъ тамошнихъ блудницъ, и прислать ее къ нему съ тѣми же курьерами. Анѳъ съ толпою воиновъ, варварскимъ образомъ, явился въ монастырь (§ 32). Въ это время въ обители шла служба третьяго часа. Воины съ обнаженными мечами бросились внутрь храма. Произошло смятеніе; служба была прервана; монахини въ испугѣ то бѣжали внутрь алтаря, то скрывались подъ престоломъ, то бѣжали на гору. Игуменья, находившаяся у себя въ кельѣ, вышла къ воинамъ и усовѣщивала ихъ; но тѣ требовали именемъ царя выдать имъ подругу (φίλη) Стефанову Анну для доставленія ея въ лагерь (φοσσάτον) императора. Настоятельница вызвала Анну и съ нею другую, именемъ Ѳеофанію, которымъ и велѣла идти къ царю. Надѣвъ наплечники (ἐπωμίδας) и испросивъ благословенія, эти двѣ монахини были отведены въ лагерь къ царю (§ 33). Первымъ дѣломъ царя было разлучить монахинь. Затѣмъ призвавъ духовную дочь Стефанову, Константинъ сказалъ: знаю, что о тебѣ передано мнѣ справедливо, знаю измѣнчивость женской души; скажи же, какъ тебя этотъ чародѣй (γόης) убѣдилъ покинуть родныхъ и нарядиться въ эту помраченную одежду? Или онъ желалъ блудить съ тобою? Какою же красотою онъ увлекъ тебя? На это Анна отвѣтила: «царь, я принад-

лежу тебѣ тѣломъ: казни, убивай, дѣлай со мною, что хочешь, но отъ Анны ты ничего другого не услышишь кромѣ правды: я не знаю человѣка, о которомъ ты говоришь, а знаю праведнаго и душеполезнаго учителя, руководителя моего спасенія». Царь не нашелся, что сказать на это, началъ кусать ногти на одной рукѣ, а другою, по своему обыкновенію, махалъ по воздуху, свистѣлъ и хмурился сидя; потомъ распорядился взять ее подъ стражу, а Ѳеофанію, противъ желанія, отправилъ обратно въ монастырь, гдѣ она подробно разсказала о допросѣ Анны игуменьѣ и сестрамъ, а на холмѣ и самому Стефану (§ 34).

Возвратившись изъ похода въ столицу, царь приказалъ заключить Анну въ мрачную тюрьму Фіала (τῆς Φιάλης), со связанными руками, съ намѣреніемъ на другой день произвести снова допросъ. Вечеромъ онъ послалъ къ ней одного евнуха—кувикуларія для убѣжденія, пощадить себя, разсказать правду о Стефанѣ, перемѣнить одежду и жить пышно съ царицею; вотъ, говоритъ онъ, и твоя служанка обличаетъ правду; если ты будешь упорствовать, то на глазахъ твоихъ разсѣку на части твое тѣло; въ противномъ случаѣ, сознавшись въ прелюбодѣяніи, ты будешь одарена и почестями и подарками. Однако Анна выпроводила отъ себя евнуха (§ 35). На другой день царь, собравъ народъ передъ городскимъ Фіаломъ (πρὸ τοῦ ἄστεος τῆς φιάλης), велѣлъ вывести Анну нагою, положилъ передъ нею воловьи жилы (βούνευρα) и пригрозилъ употребить ихъ въ дѣло, если она не сознается въ преступной связи со Стефаномъ. Анна молчала. Царь назвалъ ее прелюбодѣйкою и велѣлъ бить. Восемь человѣкъ растянули ее на воздухѣ и начали бить по животу и по спинѣ. Женщина только приговаривала: «не знаю человѣка, о которомъ ты говоришь», да «Господи помилуй». Затѣмъ императоръ велѣлъ привести ея прислугу и разсказать передъ всѣми о преступности ея госпожи. Та поклялась и лишь только протянула руки къ Аннѣ, какъ послѣдняя плюнула ей въ лицо. Видя, что страдалица лишилась языка, царь велѣлъ бросить ее въ одинъ изъ монастырей столицы, а самъ удалился во дворецъ, обдумывая планъ, какъ бы погубить Стефана (§ 36). На другой день онъ призвалъ къ себѣ своего молодого любимца Георгія Синклитика (τὸ ἐπίκλην Συγκλητῶν) и имѣлъ съ нимъ разговоръ, сообщенный потомъ самимъ Георгіемъ, разсказчикомъ нашего автора: Какъ ты меня любишь? спросилъ царь.—Безгранично.—И легко умеръ бы за меня?—Съ полною готовностью, отвѣтилъ тотъ сложивъ руки на своей

груди.—Нѣтъ, не умирать за меня прошу, ты не потеряешь ни одного изъ своихъ членовъ, но вотъ въ чемъ просьба: иди на Авксентіевъ холмъ, притворно сдѣлайся тамъ аммимонсвтомъ и потомъ скорѣе возвращайся ко мнѣ. Георгій съ радостью согласился исполнить порученіе: отправился на гору, скрылся въ чащѣ, съ наступленіемъ ночи сталъ стучаться въ монастырь: онъ будто бы заблудился, боится попасть въ пасть звѣрямъ, или свергнуться съ утеса. Стефанъ велѣлъ Марину впустить путника и съ удивленіемъ замѣтилъ, что прибывшій имѣетъ лицо и бороду, гладко выбритыя. Авторъ замѣчаетъ: «Богъ заповѣдалъ Моисею сообщить всему народу: не стригите головы вашей и не порти края бороды твоей», а новый Іевусей и Амаликитянинъ (Константинъ) распорядился наоборотъ: начиная отъ старца до молодого, брить свои бороды наголо до самой кожи; «и донынѣ, замѣчаетъ біографъ, нѣкоторые изъ насъ — не наши: по виду наши, а по образу жизни чужіе; они и въ 70 лѣтъ брѣются». Стефанъ спросилъ Георгія: ты вѣдь изъ дворца? На что Синклитикъ отвѣтилъ: да, отче; но по беззаконію нечестиваго царя всѣ мы предались іудейству; я съ трудомъ избѣгъ такой жизни и прибылъ сюда съ намѣреніемъ облачиться въ рясу. Стефанъ не соглашался постричь его, зная о запрещеніи императора, но когда Георгій замѣтилъ: слово воздашь Богу, если не пострижешь меня, — Стефанъ перемѣнилъ на немъ мірскую одежду на монашескую. Новый монахъ оставался въ монастырѣ три дня (§ 37). А царь между тѣмъ собралъ народъ на цирковое зрѣлище (τὸ θέατρον τοῦ ἱπποδρομίου) и поднявшись на ступеньки въ отдѣленіи Русіевъ (ἀναβαθμούς, ἔνθα ἐπιλέγεται τὰ τοῦ ῥουσίου), провозгласилъ: «нѣтъ мнѣ житья отъ проклятой шайки аммимоневтовъ». Народъ закричалъ: «владыко, да нѣтъ и слѣда ихъ одежды во градѣ твоемъ».— Я не могу перенести ихъ козней: они увлекли у меня моихъ близкихъ и одѣли въ помраченныя одежды; вотъ и любезнаго мнѣ Георгія Синклитика они отняли у меня и сдѣлали аввою. Народъ сочувственно отнесся къ его положенію (§ 38). Между тѣмъ, черезъ три дня Стефанъ облачилъ Георгія въ схиму, но новый инокъ только этого и добивался. Едва прошло еще три дня, какъ онъ бѣжалъ съ холма во дворецъ. Царь принялъ его съ распростертыми объятіями, найдя теперь будто-бы предлогъ къ умерщвленію святого. Черезъ нѣкоторое время онъ созвалъ опять весь народъ и даже будто бы новорожденныхъ младенцевъ, на цирковое зрѣлище, на селентій (σελεντίου ἀγομένου, царская рѣчь передъ народомъ). При страшной давкѣ народа

царь опять поднялся на тѣ же ступени и произнесъ: «наша взяла (ἐνίκησέν μου ἡ τύχη); Господь услышалъ мои молитвы». Народъ воскликнулъ: «когда же тебя Богъ и не послушаетъ»? Царь повеселѣлъ, захохоталъ и произнесъ: «Господь открылъ искомаго мною, и если вы желаете, я открою вамъ его». — «Казни его, убей, сожги, какъ ослушавшагося твоего повелѣнія». Царь тогда велѣлъ вывести Георгія въ монашеской рясѣ. Увидѣвъ царскаго любимца въ рясѣ, народъ возопилъ: злому и злой конецъ! смерть ему! смерть ему![1]) По повелѣнію царя съ Георгія сняли наплечники и клобукъ и бросили ихъ въ толпу, которая попрала ихъ ногами. Взявъ въ руки его опояску съ крестами, царь недоумѣвалъ, что съ нею дѣлать, но одинъ изъ его вельможъ (ἀρχόντων), «имя которое я охотно пройду молчаніемъ (прозваніе его — драконтово»)[2]), воскликнулъ: царь, брось подъ ноги и эту веревку съ сатанинскою петлею. Четыре человѣка бросили Георгія на землю и потащили (ἀνακομβοῦσιν) его за одежды, сорвали ихъ и оставили его нагимъ. Принеся кадь съ водою, они облили его съ ногъ до головы въ видѣ новаго крещенія, затѣмъ облачили его въ головной уборъ и въ военныя одежды; царь собственноручно повѣсилъ при бедрѣ ему мечъ, поднялся на ступень и возвелъ его въ должность стратора (конюшаго). Народъ, вооруженный мечами, потребовалъ идти на Авксентіевъ холмъ, явился сюда, разсѣялъ учениковъ святого, сжегъ монастырь и церковь до основанія, извлекъ Стефана изъ пещеры и привелъ его къ морскому склону (§ 39).

Дорогою святого сѣкли по бокамъ розгами (βέργαις), толкали (ἔπρωθον) его въ пропасть, били шиповникомъ по членамъ, плевали ему въ лицо, били палками по головѣ и надрывались при этомъ отъ смѣха; до самаго моря его ругали отступникомъ, амнимоневтомъ, мракоодѣяннымъ; посадили его на судно (ἐν ἀκατίῳ) и, переплывъ море, достигли Филиппикова монастыря, лежащаго у моря, около города Хрисополя[3]), заключили здѣсь узника и донесли о томъ царю. Константинъ, узнавъ о разореніи монастыря, издалъ указъ (πρόσταγμα): «если кто будетъ схваченъ подымающимся на Авксентіевъ холмъ, тотъ подвергается казни мечемъ». Затѣмъ онъ созвалъ своихъ «ересіарховъ», «помрачен-

1) p. 474: κακὸν ἰδεῖν κακὰ τὰ ἔτη· φονευθήτω· φωνευθήτω.

2) Изъ Θеофана (I, 440) мы знаемъ, что это былъ ѳракійскій преторъ Михаилъ Лаханодраконъ, злѣйшій врагъ монаховъ, продававшій церковные сосуды и сжигавшій мощи святыхъ.

3) p. 476: τὸ εὐαγὲς τῶν Φιλιππικοῦ μοναστήριον τὸ πρὸς θάλασσαν τοῦ ἄστεος Χρισοπόλεως κείμενον, ниже τὸ προρρηθὲν ἐν Χρισοπόλει μοναστήριον.

ныхъ», Θеодосія епископа Ефесскаго, Константина Никомидійскаго, новатора, Константина Наколійскаго съ Сисинніемъ Пастилою и Василіемъ Трикакавомъ, а также придворныхъ лицъ: Каллиста, статсъ-секретаря (ἀντιγραφεύς) Комбоконона (Κομβοκόνων) и сарациномудреннаго Масару (Μασαρᾶν, Μυσαρᾶν), и послалъ ихъ къ патріарху Константину для того, чтобы всѣмъ вмѣстѣ отправиться въ Хрисопольскій монастырь. Однако патріархъ отказался ѣхать къ Стефану, будто бы замѣтивъ: «Константину со Стефаномъ бесѣдовать — большая разница: у меня слово и только, а у него со словомъ и сила божественнаго духа; смотрите, что отъ него услышите» (§ 40). Съ опредѣленіемъ собора 754 года, епископы прибыли въ монастырь, вошли въ церковь и крещальню (ὁ λουτήρ) и, поднявшись на ступеньки, велѣли позвать Стефана. Не въ силахъ ходить отъ изнеможенія и желѣзныхъ кандаловъ на ногахъ, святой былъ приведенъ двумя людьми. Посланцы заплакали. Θеодосій сказалъ: «скажи намъ, человѣкъ Божій, почему ты возводишь на насъ подозрѣніе въ ереси и относишься съ презрѣніемъ къ царямъ, архипастырямъ, епископамъ и всѣмъ христіанамъ? Не можемъ же всѣ мы хлопотать о погибели душъ нашихъ»! Стефанъ началъ словами прор. Иліи къ Ахаву: «не я развращаю, но ты и домъ отца твоего», не я развратилъ, а вы, церковные новаторы; цари земные и князіе вмѣстѣ съ пастырями и «измѣнниками паствы» собрались за одно противъ Христовой церкви, задумавъ пустое и тщетное. Константинъ Никомидійскій, всего 30-ти лѣтъ отъ роду, хотѣлъ было ударить по лицу сидѣвшаго на землѣ святого; одинъ изъ копьеносцевъ ударилъ ногою Стефана по животу и заставилъ его подняться. Святой не только не уклонился отъ удара, но подставилъ и другую щеку. Члены «синклита», находившіеся при Каллистѣ и Комбокононѣ, укротили Константина, но объявили Стефану: или покориться и подписать соборный актъ, или поплатиться жизнію «за возраженіе противъ закона отъ Бога наученныхъ отцевъ и царей». На это Стефанъ отвѣтилъ: «послушай, господинъ патрикій (κυριοπατρίκιος): мнѣ жизнь — Христосъ и смерть за святую его икону—польза и слава»; впрочемъ онъ попросилъ прочесть ему синодальный актъ (§ 41). Константинъ Наколійскій, раскрывъ книгу (τὴν δέλτον), прочелъ заглавіе: «опредѣленіе святаго вселеннаго седьмаго собора». Стефанъ сдѣлалъ рукою знакъ къ молчанію и произнесъ длинную рѣчь, въ которой между прочимъ говоритъ: почему соборъ названъ святымъ, если онъ осквернилъ все святое: попралъ дискъ божествен-

ныхъ таинъ, иконы Христа, Богородицы и Предтечи, отнялъ наименованіе «святость» у святыхъ, праведныхъ, апостоловъ и мучениковъ? Если на вопросъ: куда идешь? вы постановили говорить: къ Апостоламъ (εἰς τοὺς Ἀποστόλους, вмѣсто: въ церковь святыхъ Апостоловъ), а на вопросъ: откуда идешь?—Изъ Сорока мучениковъ (ἐκ τῶν Τεσσαράκοντα μαρτύρων, вмѣсто: изъ церкви святыхъ 40 мучениковъ), куда? Къ мученику Θеодору, къ мученику Акакію, и т. д.? «Почему соборъ названъ вселенскимъ, на который не соизволилъ (εὐδόκησεν) ни Римскій папа (ὁ Ῥώμης) (хотя канонъ предписываетъ, что церковныя дѣла не должны быть утверждаемы безъ папы Римскаго)[1]), ни Александрійскій, чтобы сказать правду, ни Антіохійскій, ни Іерусалимскій? Гдѣ книги (λίβελλοι) ихъ, въ которыхъ бы ваше лжесборище именовалось вселенскимъ соборомъ»? Почему онъ седьмой, если онъ не слѣдуетъ шести соборамъ? Трикакавъ спросилъ: что же мы уничтожили изъ святыхъ шести соборовъ? И получилъ въ отвѣтъ: а развѣ святые шесть соборовъ собирались не въ священныхъ храмахъ (первый во св. Софіи Никейской, второй во св. Иринѣ цареградской, третій въ храмѣ св. Іоанна Богослова въ Ефесѣ, четвертый въ нашей Халкидонской (Καλχηδοναίων) митрополіи во всехвальномъ храмѣ (св. Евфиміи), пятый опять въ Цареградѣ и шестой во св. Софіи и во священномъ дворцѣ (ὁ Τρούλλος или Ὠάτον)? Не стояли ли въ нихъ иконныя изображенія, не поклонялись ли имъ св. отцы? Епископъ сознался, что это правда, и тогда Стефанъ произнесъ: «кто не поклоняется Христу, писанному на иконѣ по человѣчеству, да будетъ анаθема». Посрамленные епископы, заключивъ снова Стефана, вернулись во дворецъ, но хотѣли скрыть свою неудачу; однако свита Каллиста разсказала царю о побѣдѣ Стефана. Императоръ немедленно подписалъ указъ о ссылкѣ (γράφει τὴν ἐξορίαν) Стефана «на хребетъ (νῶτα) Еллеспонта—въ Приконисъ» (§ 42). Въ теченіи 17 дней, проведенныхъ въ Хрисопольскомъ монастырѣ, Стефанъ оставался безъ пищи; хотя царь и посылалъ ему провизію, но она отсылалась святымъ обратно. Въ это время заболѣлъ лихорадкою или тифомъ (τῷ διακαιεῖ τοῦ πυρετοῦ νοσήματι) игуменъ монастыря настолько серьезно, что врачи отчаялись въ его выздоровленіи; тогда онъ отправилъ ко святому выдающихся монастырскихъ пословъ съ приглашеніемъ навѣстить его и помолиться. Силъ его хватило только до 9-го часа. Стефанъ явился, помолился, и

1) p. 481: κανόνος προκειμένου, μὴ δεῖν τὰ ἐκκλησιαστικὰ δίχα τοῦ πάπα Ῥώμης κανονίζεσθαι.

лихорадка (ὁ πυρετός) тотчасъ оставила игумена. Святой спросилъ: не хочешь ли чистаго вина? И когда игуменъ отвѣтилъ утвердительно, Стефанъ подалъ ему свой бокалъ (βαυκάλιον) съ несмѣшаннымъ виномъ. Больной выпилъ, сильно пропотѣлъ (ἱδρῶτι πολοστῷ κατασχεθείς) и выздоровѣлъ. Святой просилъ игумена молиться о немъ и въ случаѣ посѣщенія имъ холма вспомнить о немъ.

По прибытіи на Приконисъ, проходя по пустыннымъ мѣстамъ, Стефанъ пришелъ въ скалистую страшную мѣстность около моря, и поселился на гребнѣ скалы въ одной пещеркѣ, называвшейся Киссудою (Κισσοῦδα), гдѣ стоялъ храмъ во имя праматери Анны; пищею ему служили травы (§ 43)[1]. Разсѣянные изъ Авксентіевой горы монахи—ученики святого, узнавъ о пребываніи его на Приконисѣ, толпами направились на островъ; изъ нихъ не оказалось только двухъ, перемѣнившихъ монашескую одежду на мірскую, именно Сергія, написавшаго доносное письмо (χάρτην) на святого и пославшаго его къ императору въ лагерь, и Стефана, принявшаго отъ святого схиму и бывшаго пресвитеромъ монастыря, но потомъ сдѣлавшагося служителемъ (λειτουργός) Каллиста; вмѣстѣ съ Сергіемъ онъ снялъ съ себя схиму, былъ облаченъ императоромъ въ мірскую одежду, сдѣланъ служителемъ во дворцѣ Σοφιαναί, въ которомъ исполнялъ гнусныя торжества царя, и названъ былъ «попомъ веселья» (τῆς χαρᾶς παπᾶν). Всѣ остальные монахи собрались на лицо и составили монастырь на Приконисѣ. Мать святого съ дочерью, покинувъ монастырь Трихинарейскій, также прибыла на островъ. Стефанъ на 49-мъ году (то-есть въ 763—764 г.) избралъ столпническое житіе (§ 44).

Богъ прославилъ Стефана даромъ чудесъ надъ змѣями, скорпіонами и въ разныхъ болѣзняхъ. Одинъ совершенно слѣпой[2]) отъ рожденія явился на островъ ко святому и молилъ исцѣлить его; послѣ нѣкотораго колебанія святой спросилъ, вѣруетъ ли онъ въ иконы святыхъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, исцѣлилъ юношу; это было первое чудо святого на Приконисѣ (§ 45). Одна знатная женщина изъ Кизика, имѣя 9-тилѣтняго сумасшедшаго (δαιμονιζόμενον) ребенка, явилась съ нимъ на островъ; при видѣ столпа мальчикъ страдалъ страшно: его подбрасывало на воздухъ и снова онъ падалъ на землю. Несчастная мать обратилась съ ходатайствомъ къ матери святого. Стефанъ велѣлъ одному монаху перекрестить ребенка и дать ему по-

1) Глава 43-я житія случайно пропущена при разборѣ проф. Васильевскимъ.
2) p. 488: δεινῶς ὑπὸ τοῦ ζόφου εἰς ἀβλεψίαν ἀμαυρωθείς.

цѣловать икону, послѣ чего мальчикъ выздоровѣлъ (§ 46). Одна знатная женщина, жившая въ Иракліи Ѳракійской, около моря [1]), съ 7-лѣтняго возраста страдала кровотеченіемъ, чахла и мучилась. Прибывъ на островъ, она была исцѣлена Стефаномъ черезъ возложеніе печати во Христѣ и поклоненіе Его иконѣ (§ 47). Святой укрощалъ также бурю морскую и въ особенно опасныхъ случаяхъ самъ являлся на суднѣ и правилъ рулемъ (§ 48). На второй годъ Приконисскаго изгнанія святого (ок. 765 г.) родная мать его скончалась, а черезъ семь дней умерла и ея дочь Ѳеодота (§ 49). Въ то время явился на островъ изъ европейскихъ частей нѣкій Стефанъ, солдатъ армянскаго происхожденія [2]), страдавшій сухоткою (ἡμίξηρος) и ходившій совершенно наклоненнымъ къ землѣ. Святой поставилъ передъ нимъ иконы Христа и Богородицы, помолился, велѣлъ поцѣловать образа и исцѣлилъ больного. По возвращеніи его въ отрядъ товарищи дивились его выздоровленію, и когда Стефанъ сообщилъ, что его излѣчилъ Приконисскій монахъ, заставивъ поцѣловать иконы Христа и Богородицы» [3]), солдаты подняли его на смѣхъ и назвали идолопоклонникомъ. Архисатрапъ Ѳракіи, узнавъ о томъ, препроводилъ исцѣленнаго солдата къ императору. Зная о ненависти царя къ амнимоневтамъ и иконамъ, Стефанъ отрекся отъ святого изгнанника и даже анаѳематствовалъ его, за что императоръ возвелъ его въ должность сотника (κεντυρίων). Возвращаясь однажды верхомъ изъ дворца домой, этотъ сотникъ упалъ съ лошади, сломалъ обѣ ноги, сталъ жертвою лошади и умеръ. Императоръ видя, что Приконисскій изгнанникъ не перестаетъ учить народъ «идолослуженію», рѣшился перевести его (§ 50).

Со связанными руками онъ былъ брошенъ въ мрачную столичную тюрьму Фіала; ноги его были также въ колодкахъ (ἐν τῷ ξύλῳ). Черезъ нѣсколько дней, когда царь сидѣлъ на террасѣ Фара [4]) между двумя сановниками (ἄρχοντες) и творилъ съ ними судъ (ἐποιεῖτο τὴν ἐρώτησιν), къ нему былъ приведенъ узникъ Стефанъ, запасшійся предварительно монетою, которую спряталъ въ клобукѣ. При видѣ монаха Константинъ воскликнулъ: «о, насиліе! и какой амнимоневтъ вооружается (καταμαρτυρεῖται) противъ моего царства»? Стефанъ промол-

---

1) p. 492: ἐν τῇ τῆς Θρᾴκης Ἡρακλείᾳ πλησίον τοῦ αἰγιαλοῦ.

2) p. 494: στρατιώτης τοῦ στίφους τῶν Ἀρμενίων ἐκ τῶν τῆς Εὐρώπης μερῶν.

3) μίαν ἀνδρὸς γράφουσαν Χριστός, καὶ ἑτέραν γυναικὸς ὡς ἔλεγον εἶναι αὐτὴν τῆς θεοτόκου!

4) p. 496: ἐν τῷ τοῦ Φάρου ἡλιακῷ.

чалъ и стоялъ въ наклонномъ положеніи. Царь вспыхнулъ, глаза его налились кровью, онъ замоталъ рукою по воздуху, зашипѣлъ по змѣиному и воскликнулъ: «мнѣ ли не отвѣчаешь, препоганая голова»? Святой сказалъ: «царь, если ты хочешь осудить меня, то казни меня, а если хочешь спрашивать, то мягкость да умѣритъ твой гнѣвъ, ибо законы повелѣваютъ судьямъ судить именно такимъ образомъ». Изъ разговора, въ которомъ постоянно слышались слова «иконы», «идолослуженіе», обнаружилось, что иконоборцы называли икону Христа Аполлономъ, икону Богородицы—Артемидою. Разгоряченный Стефанъ вынулъ изъ клобука монету съ изображеніемъ императоровъ (Константина и Льва) и спросилъ: чье это изображеніе? Свита сказала: образъ и имя непобѣдимыхъ царей. Тогда со словами: если попирающіе монету подвергаются суровому наказанію, то какому же наказанію подлежатъ попирающіе икону?—бросилъ монету на полъ и началъ топтать ее. Свита бросилась было на святого съ намѣреніемъ сбросить его съ иліака внизъ, но самъ царь запретилъ имъ это; связаннаго Стефана за шею и по рукамъ сзади царь велѣлъ отправить въ общественную (δημοσίαν) тюрьму столицы, называвшуюся «священнымъ преторіемъ» (πραιτώριον, § 51). Въ тюрьмѣ Стефанъ нашелъ 342 заключенныхъ иноковъ, набранныхъ изъ разныхъ мѣстъ, кого съ урѣзаннымъ носомъ, кого ослѣпленнымъ, кого съ отрубленными руками, за отказъ подписаться противъ иконопочитанія, кого безъ ушей, кого съ тяжелыми ранами, кого остриженнымъ и обритымъ иконосжигателями, кого съ обмазанною смолою и выженною бородою. Стефанъ пожалѣлъ, что сохранилъ всѣ члены тѣла за исповѣданіе иконопочитанія. Преторій скоро обратился въ монастырь, въ которомъ аккуратно совершалось монашеское правило. Жена тюремнаго надзирателя (καπικλάριος), тайная иконопочитательница, называла святого даже земнымъ ангеломъ; она тайно отъ мужа пришла къ святому, принесла ему провизіи и просила молитвъ. Святой отказался отъ пищи и не благословилъ ее, полагая, что она еретичка; но когда она исповѣдала иконопочитаніе, открыла свой кивотъ съ тремя иконами Богородицы, держащей на рукахъ Младенца, Петра и Павла, и поклонилась имъ, святой благословилъ ее и принялъ отъ нея въ субботу и воскресенье шесть унціевъ (οὐγκίας) хлѣба и три бокала воды, что ему хватило на всѣ 11 мѣсяцевъ, которые онъ провелъ въ преторіи (§ 52).

Однажды въ темницѣ между узниками зашла рѣчь о мученикахъ, пострадавшихъ въ разныхъ областяхъ отъ правителей царя Констан-

тина. Выступилъ Антоній съ острова Крита и разсказалъ о страданіи Критскаго инока Павла. Послѣдній былъ схваченъ архимандритомъ острова Ѳеофаномъ Лардотиромъ и приведенъ для слѣдствія въ преторій Ираклія (τοῦ Ἡρακλείου). Передъ нимъ положили на полъ икону Христа и орудія пытки, называвшіяся у древнихъ Грековъ (Ἕλληνες) καταπέλται. Стратигъ предложилъ Павлу или попрать икону, или подвергнуться наказанію; но тотъ вмѣсто попранія наклонился и облобызалъ образъ. За это онъ былъ обнаженъ, положенъ на катапельты, пригвожденъ отъ шеи до ногъ къ двумъ доскамъ, поднятъ вверхъ ногами и сожженъ на подложенномъ подъ нимъ кострѣ (§ 53). Затѣмъ пресвитеръ и старецъ Пелекитскаго монастыря Ѳеостириктъ, у котораго иконосжигатели отрѣзали носъ и опалили бороду, предварительно вымазавъ ее смолою, разсказалъ о жестокости начальника (ἄρχων) Азійской земли Лаханодракона (это уже извѣстный намъ преторъ Михаилъ Лаханодраконъ, котораго агіографъ сначала не хотѣлъ назвать по фамиліи). По прошествіи четыредесятницы, передъ Пасхою, въ пятницу на Страстной недѣлѣ, во время службы, этотъ архисатрапъ по царскому повелѣнію напалъ на монастырь со множествомъ воиновъ, прервалъ служеніе, схватилъ монаховъ (числомъ 39), заколотилъ имъ руки и шеи въ колодки, остальныхъ кого растерзалъ, кого сжегъ, у кого, какъ напр. у меня, отрѣзалъ носъ и выжегъ бороду, обмазавъ ее предварительно смолою, и отослалъ (въ Константинополь); мало того, онъ сжегъ самый монастырь, начиная отъ конюшни (ἱπποφορβεῖον), кончая церквами. Забравъ всѣхъ 38 монаховъ, онъ заключилъ ихъ на границахъ Ефеса подъ сводами старой бани, засыпалъ входъ, подкопалъ гору, которая своимъ паденіемъ заживо похоронила иноковъ (§ 54). Самъ Стефанъ разсказалъ братіи о двухъ страдальцахъ: Петрѣ, затворникѣ Влахернскомъ (ὁ ἐν Βλαχέρναις ἐγκεκλεισμένος), котораго въ присутствіи царя били воловьими жилами за почитаніе имъ иконы Христовой и который, назвавъ царя Датіаномъ (Δατιανός)[1] и Отступникомъ (Іуліаномъ), скончался со словами «Благодарю тя, Господи», и Іоаннѣ, игуменѣ монастыря Монагрійскаго (τῆς Μοναγρίας), который, отвергнувъ попраніе иконы Христа и Богородицы, былъ зашитъ въ мѣшокъ и съ большимъ камнемъ былъ бро-

---

1) Проф. Васильевскій, имѣя въ виду нижеслѣдующую параллель къ Валенту, выразилъ недоумѣніе на счетъ имени Датіана. Но такъ назывался имп. Діоклитіанъ, какъ видно изъ Житія великомуч. Георгія (въ славянскомъ Дадіянъ): А. Поповъ, Опис. рук. Хлудова, стр. 331.

шенъ въ море; «и кто сумѣетъ передать происки и жестокія пытки во всѣхъ областяхъ со стороны страшныхъ правителей (ἄρχοντες) тиранна и враговъ истины»? (§ 55). — Ѳеофанъ (I, 432) подъ 761 годомъ разсказываетъ не о Петрѣ, а объ Андреѣ, каливитѣ Влахернскомъ (καλυβίτης ἐν Βλαχέρναις), который назвалъ царя Валентомъ и Іуліаномъ и былъ мученъ бичами (διὰ μαστίγων); а о Петрѣ Столпникѣ говоритъ гораздо позже, послѣ мученія самого Стефана, который такимъ образомъ не могъ знать о его кончинѣ. «Въ настоящее время, говоритъ проф. Васильевскій, можно считать вполнѣ доказаннымъ, что не діаконъ Стефанъ, писатель Житія, а именно авторъ хроники допустилъ ошибку, которая, впрочемъ состоитъ только въ томъ, что онъ перемѣшалъ имена двухъ святыхъ: то, что у Ѳеофана говорится объ Андреѣ, должно быть относимо къ Петру, и то, что (подъ 767 годомъ) говорится о Петрѣ, должно быть относимо къ Андрею Стилиту, то-есть, къ тому святому, который въ греческихъ Прологахъ называется св. Андреемъ иже въ Крисѣ (по мѣсту погребенія), а въ славянскихъ — иже въ Критѣ (по мѣсту происхожденія)». Мученичество Павла Критскаго, иноковъ Пелекитскихъ, Петра Влахернскаго († 16 мая 761 г.) и Іоанна Монагрійскаго относится, по мнѣнію этого ученаго, къ періоду 761 — 765 годовъ, по Болландистамъ 761—767.

Приступая къ разсказу о послѣднихъ дняхъ святого, авторъ еще разъ говоритъ о своемъ недостоинствѣ и слабости рѣчи. Стефанъ предсказалъ время своей кончины за 40 дней. Пригласивъ жену тюремнаго надзирателя, онъ просилъ ее болѣе не приносить ему пищи и питія; онъ готовился къ смерти, постился и облачалъ въ монашескую рясу приходившихъ къ нему въ темницу мірянъ. Черезъ 38 дней онъ опять пригласилъ надзирательницу, благодарилъ ее за оказанныя услуги, взялъ икону Спаса и Петра и Павла и возвратилъ ее собственницѣ, прибавивъ, что на другой день онъ отойдетъ въ иной міръ. Жена взяла иконы и спрятала ихъ въ полотенце (ἐγχειρίδιον). Святой всю ночь провелъ съ братіею въ пѣснопѣніи (§ 56). Царь, совершая языческія возліянія (ἑλληνικὴν σπονδὴν), праздновалъ въ то время демоническій праздникъ Брумалій (Βρουμάλιον, на которомъ чествовались Діонисъ и Брумъ, какъ покровители сѣмянъ и вина [1]). —На осно-

1) Еще 62-е правило VI вселенскаго собора говоритъ (Ῥάλλη καὶ Πότλη· Σύνταγμα τῶν θείων κανόνων. Ἀθήν. 1852, II, 448): τὰς οὕτω λεγομένας καλάνδας καὶ τὰ λεγόμενα Βοτὰ καὶ τὰ καλούμενα Βρουμάλια καὶ τὴν ἐν τῇ πρώτῃ τοῦ μαρτίου μηνὸς ἡμέρᾳ ἐπιτελουμένην πανήγυριν καθάπαξ ἐκ τῆς τῶν πιστῶν πολιτείας περιαιρεθῆναι βουλόμεθα.

ваніи Пасхальной Хроники проф. Васильевскій описалъ это празднество, состоявшее въ угощеніи царемъ вельможъ, вельможами — простого народа, но не всѣхъ одновременно, а въ алфавитномъ порядкѣ ихъ именъ: сначала угощались лица, имена которыхъ начинались съ А, потомъ шла буква В, Г и т. д. — Сидя утромъ съ приглашенными въ портикѣ гвардейскихъ отрядовъ (ἐπὶ τὰς τῶν σχολῶν στοάς), царь совершалъ возліяніе, на которое пришлась 5-я буква алфавита, соотвѣтствовавшая начальной буквѣ имени его третьей жены Евдокіи. Въ это время ему донесли, что глава амнимонвевтовъ «Стефанъ Авксентіевъ» (ὁ τοῦ Αὐξεντίου) обратилъ преторій въ монастырь и всѣ горожане (πάντες οἱ ἐν τῇ πόλει) идутъ къ нему въ темницу. Константинъ призвалъ меченосца, состоявшаго въ должности «ближняго человѣка» (τῇ τοῦ προξίμου ἀξίᾳ καταλεγόμενος), и велѣлъ ему вывести Стефана за городъ, гдѣ стояла церковь св. Мавры[1]), имъ разрушенная до основанія и обращенная въ мѣсто казни (φονευτήριον) съ наименованіемъ его «Мавринымъ» (Μαῦρα). Здѣсь, говоритъ авторъ, царь заключилъ договоръ съ демонами, о чемъ свидѣтельствуетъ принесеніе въ жертву Суфламіева дѣтеныша (τοῦ Σουφλαμίου παιδάριον): по словамъ проф. Васильевскаго, «намекъ на какую-то темную исторію, распущенную, конечно, врагами императора». — Вмѣстѣ съ предписаніемъ объ умерщвленіи Стефана сдѣлано было распоряженіе о производствѣ розысковъ въ столицѣ; и кто имѣлъ въ числѣ знакомыхъ монаха или просто человѣка въ темныхъ одеждахъ, подвергался изгнанію; враги радовались, выдавая своихъ недруговъ, рабы доносили на своихъ господъ (§ 57). «Ближній человѣкъ», заколотивъ шею и руки Стефана въ колодки, повелъ его на мѣсто казни. Между тѣмъ императоръ вышелъ изъ дворца и по главной общественной улицѣ (ἐπὶ τὸ τῆς λεωφόρου δημόσιον) направился на площадь Милій (τὸ Μήλιον). Здѣсь на мильномъ столбѣ съ давнихъ временъ изображены были шесть вселенскихъ соборовъ, напоминавшіе неграмотнымъ, пришельцамъ, да и самимъ гражданамъ о православной вѣрѣ; но Константинъ замазалъ эти изображенія, а на мѣсто ихъ велѣлъ нарисовать конскій бѣгъ и своего любимаго возницу, котораго прозвалъ «ураніакомъ» («небеснымъ»). Когда народъ восторженно встрѣтилъ императора на площади, царь произнесъ: «нѣтъ утѣшенія душѣ моей отъ зачумленныхъ амнимонвевтовъ». На это одинъ ему замѣтилъ: какъ, владыко?

---

1) p, 551: πέραν τοῦ ἄστεος, ἔνθα ἦν ὁ ναὸς τῆς ἁγίας Μαύρας.

и слѣда ихъ не видно ни въ городѣ, ни въ другихъ областяхъ, всѣ они погублены, и главный врагъ «Стефанъ Авксентіевъ», котораго мы сегодня встрѣтили, и тотъ уведенъ на казнь. Но царь сказалъ: Стефанъ не боится смерти, онъ только ее и ждетъ; такъ нѣтъ же, онъ умретъ не такою смертью, а болѣе жестокою; кромѣ того и царица пожалѣетъ, что сегодняшній день праздиества ея Брумалія омрачится убійствомъ. И съ этими словами онъ велѣлъ вернуть Стефана обратно въ тюрьму (§ 58). Вечеромъ среди пиршества онъ призвалъ двухъ родныхъ братьевъ—чиновниковъ, красавцевъ (которыхъ потомъ изъ зависти умертвилъ), и велѣлъ имъ идти въ преторій и передать Стефану, что царь спасъ его отъ смерти, чтобы онъ покорился императору; въ противномъ случаѣ велѣлъ бить его по рту и по спинѣ до смерти. Братья, тайно почитая страдальца, не только не били его, но лобызали его ноги, и вернувшись донесли царю, что въ виду упорства Стефана, они били его до того, что онъ лишился языка и едва ли доживетъ до завтра (§ 59). Утромъ Стефанъ снялъ съ себя наплечники, опояску и ремень, снялъ и клобукъ; братія не совѣтовала ему снимать клобука, но святой не хотѣлъ, чтобы разъяренная толпа народа попирала ногами эту схиму; онъ оставался въ одномъ мѣховомъ хитонѣ (§ 60). Ночью, будто бы отъ демоновъ, царь узналъ, что братья его обманули. Вставъ около второго часа (по нашему около восьми часовъ), онъ вышелъ въ передніе покои дворца (τὰ βασιλικὰ προαύλια) и закричалъ: «насиліе! нѣтъ у меня помощниковъ! что мнѣ и амнимоневтамъ!» и обратившись къ собравшимся къ нему на пиршество, спросилъ: «куда вы? чего хотите»? Тѣ отвѣтили, что явились къ нему, царю своему, на праздникъ царицы. «Я вамъ не царь», воскликнулъ Константинъ, «у васъ другой царь, у ногъ котораго вы ползаете, слѣды котораго вы цѣлуете, молитвъ котораго вы просите; нѣтъ у меня единомысленника, который бы убилъ его и далъ покой моей жизни». — Генрихъ II Плантагенетъ очевидно находился въ такомъ же положеніи въ 1170 году, когда, выведенный изъ себя архіепископомъ Ѳомою Бекетомъ, воскликнулъ: «какъ! человѣкъ оскорбляетъ весь королевскій домъ, и ни одинъ изъ этихъ малодушныхъ слугъ, которыхъ я кормлю за своимъ столомъ, не отомститъ тому, кто наноситъ мнѣ такую обиду»![1]). — На вопросъ гостей, кто этотъ врагъ импе-

---

1) Aug. Thierry. Hist. de la conquête de l'Angleterre. Paris 1868, II, 111; русскій пер. Спб. 1868, II, 308—309.

ратора, царь назвалъ Стефана Авксентіева. Гости заволновались, бросились въ преторій и потребовали у тюремныхъ надзирателей «Стефана Авксентіева». Святой самъ вышелъ къ нимъ. Толпа вытащила его на улицу (ἐπὶ τὴν δημοσίαν) и била его по головѣ и по всему тѣлу камнями и палками. Когда онъ былъ вытащенъ за первыя ворота преторія (τὴν πρώτην πύλην τοῦ πραιτορίου) къ предверью (εἰς τὰ πρόθυρα) тамошняго храма (εὐκτήριον) св. великомуч. Θеодора и въ послѣдній разъ помолился здѣсь, одинъ изъ толпы, по имени Филоматъ (Φιλομάτιος), выхватилъ у одного изъ пожарныхъ (ὑδροστάτης τῶν ἐμπρησμῶν), иначе «сифоновъ» (σίφονες), большую дубину, называемую ἀντίον, и ударивъ ею по головѣ, прекратилъ мученія Стефана; тутъ же онъ самъ сошелъ съ ума и остался въ такомъ положеніи до самой смерти (§ 61). И бездыханный трупъ страдальца не былъ оставленъ въ покоѣ: въ него бросали камни, тащили по камнямъ, отрубили руки, отсѣкали пальцы съ ногтями, разсѣкали по частямъ его члены; кровь лилась по дорогѣ. Одинъ камнемъ разсѣкъ животъ его на двѣ части; такой смерти, замѣчаетъ авторъ, не бывало и у Еллиновъ. Тутъ, оставивъ свои занятія, «по повелѣнію тиранна», одинаково усердно упражнялись мужчины, женщины и дѣти, поражая трупъ камнями и палками. На Воловьей площади (ὁ τοῦ Βοὸς τόπος) произошла новая сцена. Мастеровой (κάπηλος), жарившій на сковородѣ (τήγανον) рыбу, видя тѣло, влекомое по улицѣ, выхватилъ изъ огня головню, ударилъ ею по головѣ покойника и отсадилъ ему полъ черепа [1]), такъ что мозгъ вывалился на землю. Одинъ изъ почитателей святого, Θеодоръ, слѣдовавшій за трупомъ, подбиралъ его части, которыя пряталъ въ полотенцѣ и подъ одеждою. Трупъ притащили къ монастырю Монокіонія (τοῦ Μονοκιονίου), гдѣ жила сестра Стефана; хотѣли, чтобы и она бросила камень въ тѣло, но та скрылась въ мрачномъ гробѣ и избѣгла черни. Наконецъ трупъ бросили въ яму «язычниковъ и осужденныхъ», гдѣ прежде стоялъ храмъ мученика Пелагія, обращенный Константиномъ со времени его паденія въ кладбище осужденныхъ, τὰ Πελαγίου. Толпа вернулась и донесла царю объ убіеніи Стефана; царь будто бы расхохотался при этой вѣсти (§ 62). — Описывая кончину св. Стефана, мы невольно припоминаемъ кончину св. Андрея въ Судѣ (стр. 45 — 46) и казнь имп. Андроника Комнина. Прошло 420 лѣтъ, а толпа все такъ же, если не болѣе, какъ прежде благоговѣла, такъ теперь издѣвалась надъ страдальцемъ. На шею Андроника пало-

1) p. 520: τὸ ὄπισθεν μέρος τῆς κάρας, ὃ λέγεται ἡμίκρανον, μερίσας ἀπέρρηξεν.

жили двѣ цѣпи, ноги заковали въ кандалы, осыпали его руганью, били по щекамъ, толкали пинками, выщипывали бороду и волосы, вырывали зубы, били кулаками по лицу даже женщины; отрубили ему правую руку, выкололи лѣвый глазъ; колбасники, кожевники и мастеровые (οἱ ἐν τοῖς καπηλείοις), проводившіе цѣлый день на улицѣ, сбѣжались на это зрѣлище, били недавняго царя по головѣ палками, пачкали ему ноздри пометомъ и выжимали на лицо скотскія и человѣческія изверженія, кололи рожнами въ бока, лили на лицо ему горячую воду, «словомъ не было никого, кто бы не злодѣйствовалъ надъ Андроникомъ»; вѣшали его за ноги и рвали его дѣтородные члены; одинъ злодѣй вонзилъ ему длинный мечъ въ горло до самыхъ внутренностей, другіе пробовали на немъ остроту своихъ мечей; наконецъ тѣло его бросили въ одномъ изъ сводовъ на ипподромѣ, откуда оно было перенесено къ Ефорову монастырю[1]).

Стефанъ скончался на 50-мъ или 53-емъ году возраста (то-есть въ 765 г.) ноября 28-го (у Васильевскаго по опечаткѣ: 22-го), когда праздновалась брумалистами буква ε. — Изъ двухъ рукописныхъ датъ упомянутый ученый принимаетъ первую, такъ какъ и Ѳеофанъ помѣщаетъ кончину святого подъ 2527 годомъ 4-мъ индиктомъ (=765). — Изъ чудесъ, совершившихся послѣ кончины святого, авторъ упоминаетъ слѣдующія: когда трупъ влекли на смерть, заблистали солнечные лучи и облако въ восточной части Константинополя надъ вершиною горы, откуда святой приходилъ, сдѣлалось огненнымъ, потомъ оно перешло на крайнія части города и потемнѣло; поднялась буря надъ городомъ и многіе боялись быть ею увлеченными; не мало пострадали въ городѣ зеленѣющія пашни; благочестивый народъ молилъ Бога о миновании опасности, и Онъ внялъ ихъ моленію (§ 63). Благочестивый Ѳеодоръ, взявъ часть главы Стефана, спряталъ ее подъ пазухою, пришелъ въ монастырь Дія (μονὴ τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Δίου) и тайно сообщилъ его игумену о событіи дня. Игуменъ привелъ Ѳеодора въ правый придѣлъ (εὐκτήριον) монастыря, посвященный имени первомученика Стефана, и, открывъ раку, положилъ въ нее мощи св. мученика, въ присутствіи нѣкоего «монастырскаго дѣтеныша» Стефанита[2]), и потомъ перенесъ ихъ въ алтарь (τοῦ θυσιαστηρίου ἔσω καὶ τῶν ἱερῶν περιβόλων). Скоро Ѳеодоръ былъ оклеветанъ передъ царемъ въ почитаніи иконъ и сосланъ съ женою и дѣтьми на островъ Сицилію;

1) Nicet. Chon. p. 455 sq. ed. Bonn.

2) p. 523: συμπαρόντος καὶ τινος Στεφανίτου παιδαρίου μικροῦ τῆς παρούσης μονῆς.

вернулся на родину лишь спустя много лѣтъ (§ 64). Именно, «монастырскій дѣтенышъ» Стефанитъ, выросши, просилъ поставленія у своего игумена во діакона; но настоятель замѣтилъ, что онъ еще молодъ и воспитанъ съ молодыхъ лѣтъ на его рукахъ; тогда Стефанитъ, грозя игумену, укралъ ковчежецъ (λαρνακίδιον) съ мощами, принесъ во дворецъ и сообщилъ царю, что игуменъ Діева монастыря чтитъ кости враговъ императора и называетъ послѣдняго Іуліаномъ, подобно изгнанному въ Сицилію Өеодору изъ Далмата[1]). Игуменъ былъ арестованъ, Өеодоръ привезенъ изъ Сициліи. Царь съ тремя судьями обвинили обоихъ, но тѣ отвергли обвиненіе. Тогда Константинъ велѣлъ Стефаниту принести ковчежецъ, который онъ долженъ былъ стеречь, но ковчежецъ исчезъ безъ слѣда, «не обрѣтается и нынѣ», замѣчаетъ авторъ. Боясь, какъ бы чудо не распространилось среди византійцевъ, царь наказалъ плетьми Стефанита и сослалъ его въ другую область; игуменъ же и Өеодоръ были освобождены отъ обвиненія (§ 65). — Съ любопытнымъ явленіемъ монастырской жизни — монастырскими дѣтенышами — мы встрѣчаемся также въ Житіи Николая Студита (§ 10); но къ сожалѣнію, этихъ данныхъ все-таки очень недостаточно для составленія себѣ надлежащаго понятія объ этомъ институтѣ. Дѣтеныши жили внѣ монастырей, въ монастырскихъ домахъ (для того, чтобы не безпокоить самихъ монаховъ); они посѣщали церковь, сызмала привыкали къ порядку богослуженія, исполняли при этомъ мелкія порученія игумена и вообще готовились съ юности къ монашеской жизни; дѣтскія игры имъ не возбранялись; они жили на счетъ своихъ монастырей, изучали грамоту и различныя науки и съ достиженіемъ возраста могли быть поставляемы въ діаконовъ; молодые люди могли приходить изъ другихъ частей имперіи и поступать въ монастырскіе дома въ качествѣ дѣтенышей въ ожиданіи совершеннолѣтія, когда имъ будетъ позволено вступить въ обитель монахами. Для лучшаго уразумѣнія этой группы монастырскаго населенія не безынтересно будетъ привести параллель изъ старой русской жизни. Памятники XVI и XVII вв. говорятъ намъ, что монастырскіе «дѣтеныши» (дѣтины, дѣти) жили въ монастырскихъ особыхъ дворахъ и занимались главнымъ образомъ монастырской пашней и сѣнокосомъ; они также могли быть кожевниками, конюхами, пастухами, мельниками, мукомолами, поварами, трапезными служками и т. д.; это были, по-

1) p. 524: Θεοδώρῳ τῆς Δαλμάτου, вѣроятно изъ мѣстности, гдѣ стоялъ монастырь Далмата.

видимому, круглые сироты, дѣти умершихъ или погибшихъ монастырскихъ крестьянъ-трудниковъ (старинные), которые сохраняли свое названіе и по достиженіи совершеннолѣтія, даже будучи отцами семейства; дѣтенышами могли быть обѣднѣвшіе крестьяне и бобыли, иноземцы, выходцы изъ «польскихъ» городовъ; они получали кормъ отъ монастырей, но иногда были нанимаемы обителями за деньги для помощи стариннымъ дѣтенышамъ (наймиты)[1]. Тогда какъ въ Византіи домы дѣтенышей были разсадниками монашества, на Руси они были скорѣе пріютомъ для монастырскихъ трудниковъ; тамъ болѣе заботились о духовно-религіозномъ воспитаніи юношей, здѣсь преобладала практическая сторона жизни.

Служанка, оклеветавшая свою госпожу Анну, по смерти уже послѣдней, равно какъ и св. Стефана, не получивъ ничего изъ обѣщаннаго, то-есть ни свободы, ни замужества за придворнаго, явилась къ Каллисту и сборщику податей Авликаламу и будто бы пригрозила, что если они не исполнятъ обѣщанія, она посреди города обличитъ ихъ дѣянія. Тѣ выдали ее замужъ за секретаря (νοτάριος) никомидійскаго сборщика, то-есть за секретаря Авликаламова. Отъ него она родила близнецовъ, овдовѣла и, кормя однажды ночью грудями, погибла: близнецы откусили сосцы у матери и вмѣстѣ съ нею умерли и сами (§ 66).

Авторъ заявляетъ, что повѣсти (διηγήματα) его—правдивы, ибо основаны на разсказахъ близкихъ ко святому лицъ, его знакомыхъ, его сподвижниковъ и учениковъ, а также приспѣшниковъ «тиранна». Обращаясь къ Епифанію, наслѣднику Авксентіева холма и Стефановой пещеры, побудившему автора написать житіе святого[2], агіографъ проситъ его принять отъ многаго немногое (§ 67) и заканчиваетъ свой трудъ молитвеннымъ обращеніемъ ко святому (§ 68).

Патр. Игнатій былъ послѣднимъ лицомъ въ IX вѣкѣ, житіе котораго носило названіе βίος τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν. И это не даромъ. Преемникъ Игнатіевъ св. Фотій, мужъ, украшенный разнообразными добродѣтелями, необычайной ученостью и стойкостью въ вѣрѣ, не смотря на то, что имя его не рѣдко встрѣчается въ памятной литературѣ и мимоходомъ въ нѣсколькихъ житіяхъ святыхъ въ качествѣ преподобнаго, блаженнаго и святого Фотія, однако не былъ почтенъ

---

1) М. А. Дьяконовъ, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Спб. 1898, стр. 295 и сл.

2) p. 527: ὁ καὶ πρὸς τὸ τοιόνδε ἐγχείρημα ἐπιτάξας καὶ προτρεψάμενος.

особымъ житіемъ: надъ нимъ тяготѣло проклятіе Рима и отчужденность многихъ византійцевъ. Преемникъ его св. Стефанъ, братъ имп. Льва Мудраго, признаваемый святымъ какъ греческою, такъ и римскою церквами, опять не былъ похваленъ составленіемъ житія его: жизнь его, какъ святого мальчика, не укладывалась въ рамки агіографической схемы. Да и Стефановъ преемникъ св. Антоній Кавлей (893 — 901)[1]) имѣетъ не βίον τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν, какъ напр. въ отношеніи Θеофана Сигріанскаго, а βίον εἰς τὸν μέγαν ἐν ἀρχιερεῦσιν θεοῦ καὶ θαυμαστὸν ἐν πατριάρχαις. Разница судя по заглавію огромная: тамъ опредѣленная святость, здѣсь — только приближеніе къ ней, нерѣшительность въ опредѣленіи. Отчужденность между Константинополемъ и Римомъ наложила извѣстный отпечатокъ на агіографическое дѣло Византіи и, чтобы быть въ согласіи съ Римомъ, заставила агіографовъ на первыхъ порахъ быть крайне осторожными въ употребленіи словъ ὁ ἐν ἁγίοις πατὴρ ἡμῶν.

Авторомъ житія Антонія былъ риторъ и философъ Никифоръ, ученикъ Фотія, поклонникъ царя Льва Мудраго, прошедшій высшую патріаршую школу, защитившій тамъ одну диссертацію на степень ритора и другую на степень философа византійской словесности. Изъ писемъ Фотія видно, что патріархъ поправлялъ ученическія сочиненія своего ученика, что Никифоръ по окончаніи патріаршей школы ревностно занимался риторикою и философіею[2]). Жизнь и патріаршество Антонія были не богаты событіями, поэтому для написанія его житія требовался особый риторическій талантъ. Удачно справившись со своею задачею, Никифоръ тѣмъ не менѣе обнаружилъ и въ этомъ періодѣ своей жизни недостатки средняго образованія, хромая грамматикою[3]).

Судя по заглавію (ἐπιτάφιος ἤτοι βίος)[4]) можно бы думать, что это житіе было прочитано или сказано въ видѣ надгробнаго слова сейчасъ

---

1) Архіеп. Сергій пріурочивалъ Антонія къ 893 — 895 гг., но уже Крумбахеръ далъ болѣе точное обозначеніе его патріаршества. Обычное написаніе его ὁ Καυλέας, Καλεῦς, Καλέας (по Boor'у Vita Euthymii, S. 97 Anm. 1 болѣе правильное), иногда Βλαχέας, въ одномъ изъ славянскихъ прологовъ (О. Л. Др. П. Q. XXXIII, XIV в., л. 448) встрѣчается названіе «Ваклея», то-есть одно названіе только съ перестановкою буквъ ради осмысленія имени.

2) Φωτίου ἐπιστολαί, ὑπὸ Βαλέττα. Ἐν Λονδίνῳ 1864 σ. 435—441, 550—553.

3) C. von Boor (Vita Euthymii, S. 99, 106) полагалъ, что авторомъ былъ Никифоръ Григора.

4) Οὐκ ἦν ἄρα τῶν προλαβόντων καλῶν (А. Пападопуло-Керамевсъ, Сборн. греч. и лат. памятниковъ, касающихся Фотія патріарха. Спб. 1899, I, 1—25).

послѣ смерти патріарха, стало быть въ срединѣ февраля 901 года. Къ этой мысли приходилъ Ламбекъ[1]), затѣмъ Керамевсъ, который впрочемъ почему-то думалъ, что житіе написано «спустя годъ» по кончинѣ Антонія. Едва ли не первымъ, усумнившимся въ современности житія, былъ англійскій критикъ XVII в. Кевъ[2]), и дѣйствительно подозрѣніе вполнѣ основательное: агіографъ не знаетъ опредѣленно ни родины Антонія, ни именъ его родителей, ни подробностей его жизни до патріаршества; не даетъ никакого указанія на свою современность къ патріарху или по крайней мѣрѣ ко времени его смерти; и если бы не связь его съ Фотіемъ, мы могли бы даже думать, что жизнеописатель жилъ гораздо позже. Отсюда видно, что самое слово ἐπιτάφιος очевидно уже теряло свое первоначальное значеніе надгробнаго слова, а употреблялось, какъ теперь и у насъ употребляется въ литературѣ выраженіе «эпитафія», въ смыслѣ характеристики дѣятеля, хотя бы уже и не современнаго. Подобную эпитафію мы встрѣтимъ и при разборѣ житія св. Аѳанасія Меѳонскаго.

Въ предисловіи Никифоръ рисуется передъ нами практическимъ философомъ, искавшимъ реализаціи знанія и достиженія его путемъ практическимъ; онъ сторонникъ активной философіи, выражающейся на самомъ дѣлѣ и на фактахъ; основное положеніе его: слова по самой природѣ незначительнѣе, нежели дѣла (§ 1)[3]). Послѣ такихъ выспреннихъ разсужденій авторъ переходитъ къ самой біографіи Антонія, но сообщаетъ мало біографическихъ свѣдѣній о немъ. О родинѣ патріарха онъ не можетъ опредѣленно сказать, была ли это Азія (Фригія), Европа (Ѳракія), или Византія; онъ знаетъ только, что отецъ Антонія былъ родомъ изъ Фригіи, гдѣ состоялъ на военной службѣ, но потомъ переѣхалъ на житье въ столицу, гдѣ женился; отъ этого брака и родился Антоній (§ 2). Съ матерью послѣдній жилъ въ ея имѣніи не далеко отъ столицы. На пятомъ году возраста онъ сталъ учиться; подражалъ священнослужителямъ, совершающимъ службу: говорилъ, пѣлъ, предлагалъ хлѣбъ (артосъ), держалъ кадило. По смерти матери онъ изучалъ псалтирь подъ руководствомъ отца. На 12-мъ году возраста Антоній возгорѣлся желаніемъ отшельнической жизни (§ 3). Приведенный къ настоятелю монастыря, онъ приступилъ къ изученію τὴν ἐγκύκλιον παίδευσιν (§ 4). Дойдя въ разсказѣ до выс-

---

1) Bibl. Vindob. cod. Histor. III, № XX cf. 95, p. 2.
2) Caveus, Histor. litterar. I, 569; II, 284.
3) φύσει γὰρ οἱ λόγοι τῶν πραγμάτων ἐλαττοῦσθαι πεφύκασιν.

шаго знанія, Никифоръ снова пускается въ философію, говоря, что Антоній не занимался ни Демосѳеномъ, ни Гермогеномъ; авторъ не прочь осудить и ученіе Сократа, и Платоновскіе законы, и законодательство Солона, и жречество Епименида, какъ отвлеченныя теоріи, облеченныя въ вымышленную форму: Антоній будто бы искалъ реальнаго знанія (§ 5), — но мы уже видѣли, что такого направленія держался самъ агіографъ, который вѣроятно приписалъ это направленіе и своему герою.

По достиженіи мужескаго возраста (τοῦ χρόνου προβάντος εἰς ἄνδρας)[1]) онъ приступилъ къ практической философіи и получилъ санъ пресвитера (§ 6), послѣ чего отецъ его по плоти ушелъ въ монастырь (§ 7). Благодѣянія Антонія простирались не на одну столицу, но также и на скиѳовъ, ѳракійцевъ, мисійцевъ и аскетовъ Олимпа[2]), которымъ онъ раздавалъ деньги на нужды. И вотъ однажды совершилось чудо: невидимая рука дала ему много денегъ со словами: «возьми на расходы тѣмъ, о которыхъ ты заботишься», и исчезла». Съ этимъ, замѣчаетъ Никифоръ, не можетъ сравниться ни сказаніе о лидійцѣ Крезѣ и золотыхъ кирпичахъ, ни миѳъ о Мидасѣ[3]), — но можетъ сравниться чудо въ житіи Іоанна Милостиваго: «и внезапно встрѣтилъ меня нѣкій въ бѣлыхъ ризахъ, далъ мнѣ въ узлѣ 100 монетъ, говоря: «возьми это, братъ, и устрой такъ, какъ хочешь»[4]).— Щедроты Антонія воспѣвались во многихъ городахъ, въ селахъ, на горахъ, въ пещерахъ, въ языкахъ (§ 8).

Когда наступило время, онъ былъ возведенъ на патріаршій престолъ. «Видя это, великій царь, всюду обращая мысленный взоръ, способный измѣрить прошедшее, разсмотрѣть настоящее и при посредствѣ того и другого навѣрняка предвидѣть будущее»[5]), вызвалъ Антонія съ Олимпа и поставилъ его патріархомъ столицы (§ 9).—Итакъ Антоній проходилъ иноческое житіе на Олимпѣ.—Видя

---

1) Въ пересказѣ житія Ѳеофана Сигріанскаго это выраженіе значитъ: совершеннолѣтіе, время женитьбы.

2) τῆς τὸν ἔλεον βλυζούσης χειρὸς μετεῖχον. Σκύθαι καὶ Θρᾶκες καὶ δὴ σὺν ἄλλοις καὶ οἱ πρὸς τῇ Ἀσίᾳ Μυσοὶ καὶ δὴ πρὸς τοὺς ἐν Ὀλύμπῳ ἀσκουμένους (школьная непослѣдовательность въ рѣчи).

3) Μίδα вм. Μίδου.

4) Gelzer, Leben Joannes des Barmherzigen, S. 16; cod. graec. Petropolit. № 213 f. 210 r.

5) καὶ τοῦτο βασιλεὺς ὁ μέγας ὁρῶν, πανταχοῦ τῆς διανοίας περιφέρων τὸ βλέμμα, καὶ πρὸς τὸ κατεπεῖγον ἀεὶ τὴν θεραπείαν ποιούμενος, δεινὸς ὢν μετρῆσαι τὸ παρελθὸν καὶ τὸ παρὸν σκοπῆσαι καὶ δι' ἀμφοῖν ἀσφαλῶς τὸ μέλλον τεκμήρασθαι.

его добродѣтели, великій царь радовался. Дѣйствительно, Антоній «имѣлъ въ виду заживить старую церковную рану, то-есть схизму, сводилъ воедино восточное и западное, радостнымъ лицемъ и смѣющимися глазами разрѣшалъ соблазны и соединялъ разности» (§ 10)[1]. Царь, этотъ человѣкъ Божій, еще въ юности (ἐξ ἔτι παιδός) кормился молокомъ справедливости и предпочиталъ философію всему прекрасному (§ 11).

Антоній захворалъ лихорадкою (? πυρετόν), которая разслабила его крѣпкія силы. Одна бѣдная женщина, доставлявшая[2]) ему ежедневно пищу, заболѣла ногами и не могла ходить; чудомъ Антонія она стала ходить безпрепятственно (§ 12). Другая женщина, страдавшая кровотеченіемъ, также исцѣлилась; «какой Асклипій, какой Хиронъ, восклицаетъ Никифоръ, смѣшалъ такое лѣкарство»? (§ 13). Завѣдующій царскимъ шелковымъ производствомъ[3]) заболѣлъ плевритомъ. Жена и дѣти его плакали. Больной прибѣгъ къ Антонію, помазалъ масломъ и, взявъ его немного съ собою, исцѣлился, явился къ ракѣ его и исповѣдалъ чудо (§ 14). На восьмой день послѣ блаженной кончины Антонія (20 февраля), когда могилу его исправляли, разнеслось благоуханіе (§ 15); на девятый день совершилось чудо въ благодѣяніе бѣдныхъ, имъ питаемыхъ (§ 16). Патрикій Левъ, инспекторъ воинскихъ полковъ[4]), страдавшій астмою и съ трудомъ дышавшій, исцѣлился (§ 17). Таковы чудеса послѣ смерти. А вотъ что извѣстно изъ времени юности Антонія. Въ монастырѣ мученика Θеодора, стоящемъ надъ кладбищемъ (πολυάνδριον), куда бросались тѣла осужденныхъ и казненныхъ[5]), Антоній увидѣлъ двухъ безобразныхъ людей, которые говорили: уйдемъ отсюда: намъ не вынести настоящаго юноши, и мгновенно скрылись (§ 18). Одна знатная женщина, ѣхавшая верхомъ на конѣ въ сопровожденіи женской свиты, упала съ лошади, чуть не была раздавлена и ругалась; спутницы ея (οἱ συμπορευόμενοι!) были не въ состояніи подать ей помощь; но юноша Антоній, неожиданно выскочившій изъ воротъ, сказалъ: не ругайся, madame: при посредствѣ моихъ рукъ ты очутишься въ прежнемъ положеніи, и съ этими

1) δι' αὐτοῦ τὸ παλαιὸν τῆς ἐκκλησίας ἕλκος, ἤτοι σχίσμα, εἰς συνούλωσιν προθέμενος ἀγαγεῖν, εἰς ἓν συνάγει τὰ ἑῷα καὶ τὰ ἑσπέρια, ... χαρίεντι προσώπῳ καὶ μειδιῶσιν ὀφθαλμοῖς λύει τὰ σκάνδαλα καὶ συνάπτει τὰ διεστῶτα.

2) γύναιον . . . ποριζομένη . . . πυθόμενον . . . συσχεθέν . . .

3) τῶν τις τῆς βασιλείου τῶν σηρῶν ἱστουργίας ἐπιστατούντων.

4) ὁ τῶν στρατιωτικῶν καταλόγων τὴν ἐφορείαν διέπων.

5) Быть можетъ, здѣсь имѣется въ виду Пелагіево кладбище.

словами снова посадилъ ее на лошадь. Антоній потомъ забылъ объ этомъ случаѣ, но женщина разсказывала о немъ (§ 19).—Остальные §§ 20—22 представляютъ личный σύγκρισιν и моленіе агіографа.

То, что сказано объ Антоніи, вполнѣ примѣнимо и къ одному изъ его преемниковъ, св. патр. Евѳимію; и Евѳимій не называется ὁ ἐν ἁγίοις πατὴρ ἡμῶν, а только ὁ μέγας ἐν ἀρχιερεῦσι θεοῦ.

Что патр. Евѳимій (907—912), сойдя со сцены, оставилъ хорошую память среди современниковъ за свою политику умиротворенія церкви какъ внутри, такъ и по отношенію къ Риму, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что ученикъ Фотія, архіепископъ Кесаріи Каппадокійской Арееа, образованнѣйшій человѣкъ X столѣтія, также почтилъ Евѳимія «надгробіемъ» (т. е. надгробнымъ словомъ) въ буквальномъ смыслѣ этого слова[1]). Какъ кажется, Арееа зналъ Vitam Euthymii[2]), но не пользовался ею, ибо ему и не для чего было извлекать нужныя свѣдѣнія: архіепископъ, какъ современникъ, самъ зналъ фактическую сторону біографіи ни чуть не менѣе анонимнаго писателя. Во время кончины Евѳимія (5 августа 917 г.), архіепископъ Арееа находился въ Византіи и при погребеніи патріарха произнесъ вдохновенное слово въ похвалу и честь Евѳимія[3]), въ которомъ не трудно замѣтить литературные пріемы и стиль сочиненій Фотія. «Что это, священное сословіе, освященный клиръ, божественный народъ? Зачѣмъ общее ваше стеченіе и неожиданный сей праздникъ? Что за ударъ? Эту скорбь возбудилъ въ васъ великій архіерей Божій Евѳимій, отторгнутый отъ престола, нынѣ (τανῦν) подлежащій смерти, преданный видимому (ὁρωμένῳ) гробу» (§ 1). — Такъ началъ Арееа свое надгробное слово.—Родиною Евѳимія была Селѣвкія (Σελεύκεια), именно Исаврійскій Декаполь, родина Григорія Декаполита, котораго незадолго передъ нашимъ поколѣніе ублажило какъ другого чудотворца[4]). Сначала Евѳимій подвизался на виѳинскомъ Олимпѣ, этомъ лучшемъ

---

1) Τί τοῦτο, σύνταγμα ἱερόν (А. Пападопуло-Керамевсъ, Сборникъ греч. и лат. памятн., касающ. Фотія, I, 26—35).

2) § 2: ἀλλ' ὅσα μὲν οὗτος κατὰ τοῦ ἀντιπάλου πάντων ἡμῶν ἵστησι τρόπαια . . . αὐτοῖς ἐκείνοις ἐκδιηγεῖσθαι παραχωρῶμεν, οἳ καὶ παρῆσαν τῷ ἀηττήτῳ τούτῳ ἀνδρὶ καὶ τῇ αὐτοψίᾳ μάρτυρες ἀπαράγραπτοι.

3) Старый Oudin и современный ученый Ad. Harnack авторомъ этого слова считали Арееу, кесаре-каппадокійскаго пресвитера XI вѣка; но это странное заблужденіе разсѣяно Н. П. Поповымъ. См. его «Имп. Левъ VI Мудрый», стр. XXXVIII—XXXIX.

4) εἰς Γρηγορίου τοῦ θείου τὸ γένος ἀνάπτουσα, ὃν ἄλλον θαυματουργὸν ἡ μικρῷ πρὸ ἡμῶν ηὐμοίρησε γενεά.

прибѣжищѣ философіи по Богу, потомъ въ монастырѣ Астакинскаго залива (τῷ Ἀστακηνῷ κόλπῳ, § 2), — то-есть въ той же Виѳиніи. «И сей (αὕτη) царствующій градъ считалъ его прекраснымъ и отличнымъ дѣятелемъ». Царь любилъ Евѳимія, патріархъ (Стефанъ, или Антоній?) сдѣлалъ его своимъ σύσκηνος (т. е. синкелломъ)... Дальнѣйшее содержаніе Ареоина надгробія Евѳимію уже входитъ въ X столѣтіе, поэтому мы и ограничиваемся только этими данными, прибавивъ однако, что въ заключеніе Ареѳа въ личномъ σύγκρισις'ѣ сравниваетъ Евѳимія какъ съ Іоанномъ Златоустомъ, такъ и: μετὰ Νικηφόρου καὶ Φωτίου τῶν ἀοιδίμων τοῖς διωγμοῖς καὶ θανάτοις συνδοξαζόμενε.

ГЛАВА III.

Студійскій монастырь.

Ж. Платона. — Ж. Ѳеодора Студита. — Ж. Ѳеофана Сигріанскаго. — Ж. Николая Студита.

Однимъ изъ знаменитѣйшихъ монастырей Константинополя былъ Студійскій (нынѣ мечеть Имрахоръ-джамиси), построенный въ V в. патрикіемъ Студіемъ во имя св. Іоанна Предтечи. Въ лучшую пору своего существованія онъ имѣлъ до 1000 монаховъ. Иконоборческіе императоры разогнали иноковъ, доведя численность ихъ всего до 10 человѣкъ. Наиболѣе подробно извѣстна эпоха Студія въ VIII—IX в., въ игуменство св. Ѳеодора Студита. Кромѣ грековъ въ монастырѣ жили выходцы изъ разныхъ странъ, напр. изъ Скиѳіи (Ѳаддей), и въ свою очередь, въ санѣ іеромонаховъ, иноки расходились отсюда по всей имперіи игуменами или епископами. Каноническая строгость безъ всякаго оппортунизма (οἰκονομία) была основнымъ лозунгомъ студитовъ, столь ярко провозглашеннымъ св. Ѳеодоромъ. Въ IX и слѣдующихъ столѣтіяхъ монастырь ударился въ церковную политику и принесъ не мало хлопотъ патріархамъ, которые принимали противъ нихъ иногда крутыя мѣры[1]). Доживи Ѳеодоръ до патріаршества Фотія, онъ несомнѣнно былъ бы на сторонѣ его враговъ; по крайней мѣрѣ одинъ изъ преемниковъ его, Николай, вполнѣ напоминавшій Ѳеодора своею монашескою строгостью, сдѣлался на всю жизнь врагомъ Фотія.

Память Платона, игумена Саккудійскаго, стала праздноваться уже при его племянникѣ Ѳеодорѣ, о чемъ студійскій игуменъ пишетъ:

1) Ср. Dobschütz, въ «Byz. Zeitschr.». 1909, XVIII, 41 ff.

«вчера мы совершали память блаженнаго отца Платона, причемъ пѣли въ честь его духовныя пѣсни и имѣли тѣлесное утѣшеніе» (праздничную трапезу)[1]). За обличеніе противозаконнаго брака имп. Константина съ Ѳеодотою Ѳеодоръ сравнивалъ его съ Предтечею[2]). «Такимъ образомъ, говоритъ г. Мансветовъ, ежегодное празднованіе памяти Платона исповѣдника началось вскорѣ послѣ его смерти, и при Ѳеодорѣ Студитѣ память его вошла въ Студійскій Мѣсяцесловъ»[3]). Въ надгробномъ, дурномъ по языку и стилю, словѣ ему Ѳеодоръ Студитъ далъ полную біографію святого, не лишенную однако интереса и послѣ знакомства съ житіемъ самого оратора[4]). Онъ сначала говоритъ о томъ, что занятіе риторовъ и софистовъ состоитъ въ украшеніи рѣчи и въ возвышеніи разсказа для доставленія пріятности слушателямъ; они не заботятся о достовѣрности сообщеній; но кто стремится къ истинѣ, тотъ желаетъ говорить, какъ дѣла происходили, хотя бы у него и не доставало изящества рѣчи; вотъ, говоритъ, и я, слабый умомъ, рѣчью и духомъ, восхвалю моего (духовнаго) отца, о которомъ не могу молчать: это значило бы скрыть свѣтильникъ подъ спудомъ (§ 1—2). — Въ виду того, что Платонъ умеръ въ 814 г. на 79 году жизни, онъ родился въ 735 году.— Родители его, Сергій и Евфимія, имѣли еще двухъ дочерей, изъ которыхъ одна была матерью Ѳеодора, и скончались въ годину бѣдствія «въ царствующей Византіи» (§ 3). Тогда на одеждѣ каждаго видѣлось изображеніе креста. Заболѣвшій умиралъ и оплакивался; хоронившій сегодня, сегодня же самъ былъ схороняемъ; по двое мертвыхъ клали на носилки; животныя везли заразъ по четыремъ трупамъ; носильщики изнемогали, гробовщики порѣдѣли, дома запирались на замокъ, кварталы (ῥεγεῶνες) пустѣли, кладбища (πολυάνδρια) наполнялись; въ два мѣсяца многолюдный городъ порѣдѣлъ. Это было во дни иконоборца Константина (§ 4).—Муральтъ пріурочиваетъ это событіе къ 747 году. Повальная болѣзнь, сопровождавшаяся опухолями, по словамъ Ѳеофана (I, 422), началась въ Сициліи, перешла въ Калабрію, перенесена была въ Монемвасію и Елладу, на острова и наконецъ въ Константинополь. Константинъ Порфирородный, говоря о ней въ Елладѣ, замѣтилъ: ἐσθλαβώθη (осла-

1) Migne, XCIX, 553.

2) Migne, XCIX, 602: ὁ μέγας Πρόδρομος, οὗ μιμητὴς ἠξιώθη γενέσθαι ἐν τῷ ἐλεγμῷ τοῦ μοιχεύσαντος βασιλέως Πλάτων. Ср. ниже, col. 323.

3) Мансветовъ, Церковный уставъ. М. 1885, стр. 102.

4) Ῥήτορσι μὲν καὶ σοφισταῖς ἡ πᾶσα σπουδή: Migne, XCIX, 801—849. Ср. также письмо его о кончинѣ Платона. II, 29: XCIX, 1197.

вянилась) δὲ πᾶσα ἡ χώρα καὶ γέγονε βάρβαρος[1]).—Лишившись родителей и родни, Платонъ нашелъ пріютъ у одного изъ родственниковъ и занялся письмоводствомъ (τὴν παιδείαν τῆς νοταρικῆς μεθόδου), потомъ дядѣ помогалъ управлять доходами императорской казны и на этой службѣ выдвинулся передъ начальниками и сталъ извѣстенъ самому императору (§ 5). Онъ не водилъ знакомства ни съ собутыльниками, ни со трапезниками, не тратился ни на шары (κύβοις), ни на вино, но предавался изученію государственныхъ вѣсовъ и скопилъ такое богатство, что оно превзошло его отцовское наслѣдство (§ 6). Ему навязывали невѣстъ, но онъ отказался отъ брака, вмѣсто игоръ занимался чтеніемъ, вмѣсто театровъ посѣщалъ церкви и одному изъ каѳигуменовъ повѣрялъ тайныя движенія ума (§ 7). Поступая подобно св. Антонію, онъ наконецъ продалъ отцовскій домъ и все свое имущество, роздалъ деньги бѣднымъ, освободилъ крѣпостныхъ (τοὺς οἰκέτας), кое-что оставилъ двумъ своимъ сестрамъ и (въ 759 году) удалился въ область Олимпа, по указанію одного столичнаго архимандрита, именно въ Символьскій монастырь, гдѣ жилъ Θеоктистъ. Онъ выѣхалъ изъ столицы съ однимъ слугою и, прибывъ въ мѣстечко Василисъ (Βασιλεῖς, Цари), вошелъ въ одну пещеру и постригъ себѣ волосы при посредствѣ провожатаго, отослалъ слугу съ одеждою въ столицу и остался одинъ-одинешенекъ (§ 8). Учитель (παιδοτρίβης), къ которому онъ явился, задалъ ему вопросы: кто? откуда? зачѣмъ? Когда Платонъ отвѣтилъ на каждый изъ этихъ вопросовъ—о родинѣ, родѣ и воспитаніи, учитель сказалъ: ты не можешь перенести монашескаго труда въ этой суровой мѣстности. Платонъ отдавалъ себя въ полное распоряженіе наставника. По этому поводу Θеодоръ замѣчаетъ: забывая о заповѣди Господней (Лук. XIV, 33; XVIII, 22), люди строятъ себѣ монастыри и храмы, идутъ въ нихъ, дѣлаются начальниками и владѣтелями своего имущества, приводятъ сюда слугъ (δοῦλοι), приносятъ различные матеріалы; вчера были новичками — сегодня они дѣлаются каѳигуменами, вчера не способные къ подчиненію — сегодня дѣлаются руководителями другихъ (§ 9). Высказавъ свой взглядъ на подвижничество (§ 10), агіографъ разсказываетъ затѣмъ о пребываніи Платона въ киновіи, именно въ кельи Θеоктиста; онъ исполнялъ даже низменныя службы, нося на плечахъ калъ, орошалъ мѣстность (χῶρον), мѣсилъ хлѣбъ и занимался перепискою съ

1) De them. II, 6.

большимъ стараніемъ (§ 11). Дѣлая все правильно, онъ подвергался выговорамъ со стороны настоятеля въ присутствіи пришельцевъ; когда его хвалили, онъ былъ неподвиженъ, когда его по повелѣнію игумена били, онъ съ благодарностью принималъ побои (§ 12). За смиреніе его очень и любили. Когда онъ по дѣламъ уходилъ изъ монастыря, Θеоктистъ чувствовалъ его отсутствіе; былъ совершеннымъ нестяжателемъ и не имѣлъ даже и овола (§ 13). По смерти своего наставника (καθηγεμών) Платонъ занялъ его мѣсто и предался уединенію (§ 14). Онъ сдѣлался преемникомъ Θеоктиста и наставникомъ двухъ учениковъ, изъ которыхъ одинъ, Антоній, по словамъ Θеодора, «былъ съ нами до старости» и разсказывалъ, что Платонъ питался хлѣбомъ, бобами, овощами и древесными плодами, но безъ масла; по воскресеньямъ и праздникамъ онъ вкушалъ пищу вмѣстѣ съ братіею; вина не пилъ (§ 15); носилъ скромную одежду, спалъ на жесткой постели, много писалъ, и «кто перечислитъ лицъ, въ рукахъ которыхъ находятся его книжные труды, собранные изъ разныхъ отцевъ? Откуда въ нашихъ монастыряхъ такое богатство книгъ? не его ли рукъ и трудовъ?» (§ 16). Въ то время царствовалъ иконоборецъ Константинъ; «какого скрывающагося онъ еще не приводилъ къ допросу»? спрашиваетъ Θеодоръ. Однако Платонъ не попадался въ руки царю. Однажды святой ради необходимости отправился въ Византію (§ 17); о немъ не было свѣдѣній, хотя братъ моей матери и былъ живъ; онъ скоро сталъ извѣстенъ по всей столицѣ: обходилъ дома, наводилъ людей на путь добродѣтели, мирилъ семейные раздоры, увѣщевалъ рабовъ слушаться своихъ господъ (§ 18). Ему предлагали настоятельство въ одномъ изъ столичныхъ монастырей, но онъ отказался; никомидійскій епископъ предлагалъ ему занять его мѣсто [1]), но Платонъ стремился въ свое уединеніе (§ 19). Помогая бѣднымъ, заступаясь за сирыхъ, онъ считался «отцемъ», покровителемъ и попечителемъ (§ 20).

Но вотъ вступила на престолъ царица Ирина; дверь монашества открылась всякому. Платонъ противъ воли сдѣлался игуменомъ (§ 21). Онъ сталъ изучать житія блаженныхъ мужей (§ 22), изучилъ каноническія постановленія Василія Великаго. Замѣтивъ человѣческій обычай, противный монашескому житію, употреблять въ киновіяхъ на службу животныхъ женскаго пола, онъ уничтожилъ его, удалилъ изъ

---

1) col. 821: ἄρχειν τῆς Νικομηδέων ἐκκλησίας ὑπὸ τοῦ τηνικαῦτα προέδρου προτρέπεται.

монастыря своего слугъ (δοῦλοι), животныхъ женскаго пола и всякій видъ торговли (δίχα ἐμπορικῆς ἄλλης προσόδου); ему послѣдовали и другіе монастыри (§ 23). Онъ обособился отъ городскихъ работъ, отъ городскихъ властей и сообщества съ ними. Еще до собора онъ передъ многими высказывалъ мысль о необходимости утвержденія иконопочитанія и по мѣрѣ возможности боролся съ иконоборцами—не догматически, а простою рѣчью. Соборъ созванъ былъ сначала въ Константинополѣ въ храмѣ св. Апостоловъ; но когда военное сословіе ринулось на храмъ съ угрозами по адресу патріарха и съ прославленіемъ собора 754 года, тогда соборъ собрался въ Никеѣ (§ 24). По возстановленіи православія Платонъ вернулся въ свой монастырь и заболѣвъ, «передалъ намъ начальство, хотя мы были и не достойны того» (§ 25).

Константинъ, сынъ Ирины, былъ человѣкъ безнравственный (ὁ βίος σκαμβός), пользовавшійся своею безнаказанностью какъ императоръ; онъ противузаконно отвергъ свою супругу и вступилъ на путь прелюбодѣяній, подобно Ироду. Въ лицѣ Платона явился новый Предтеча; почти всѣ согласились съ несправедливостью[1]), онъ одинъ возсталъ за истину со своими дѣтьми, и испыталъ на себѣ бичеваніе и ссылки (§ 26). По приказу императора явились къ нему два стратига и удалили его отъ паствы; одни были биты, другіе изгнаны, третьи подверглись преслѣдованію и, по царскому указу, не должны были быть нигдѣ принимаемы (§ 27). Платонъ былъ приведенъ къ императору, какъ Іоаннъ Предтеча. Но Константинъ не хотѣлъ сдѣлать Платона мученикомъ и ограничился тѣмъ, что посадилъ его въ заключеніе (§ 28) — въ жалкій монастырь дворца Ἐχέκολλα (Ἐνεκόλλα?), стражемъ котораго былъ повѣнчавшій прелюбодѣевъ (то-есть пресвитеръ и экономъ Іосифъ, § 29). Но скоро прелюбодѣйное царствованіе кончилось. Платонъ получилъ свободу и былъ у всѣхъ на устахъ; вступила на престолъ снова Ирина (798 г., § 30). Тогда и мы вернулись изъ изгнанія, пишетъ Θеодоръ; вѣнчавшій былъ изверженъ (§ 31). «Но что потомъ? Отъ перваго монастыря переходъ нашъ, вслѣдствіе нашествія варваровъ (διὰ τὸ ἔθνος), въ Византію, гдѣ Платонъ, чтобы не держать бразды настоятельства, возлюбилъ жизнь затворническую», чтобы братство не было подъ двумя начальствами, онъ самъ сталъ подъ начало (§ 32), заключившись въ совершенно ма-

1) col. 829: πάντων σχεδὸν συνελθόντων τῇ παρανομίᾳ.

ленькомъ помѣщеніи и надѣвши на ноги довольно тяжелыя желѣзныя вериги, въ которыхъ онъ работалъ и въ которыхъ спалъ подобно Хирону въ его Ѳессалійской пещерѣ (§ 33). По смерти тогдашняго патріарха (очевидно Тарасія, 805 г.) стали искать преемника ему. Многіе подавали голоса за многихъ, каждый руководствовался или дружбою, или истиною. Мнѣнія Платона спрашивали какъ выдающіяся духовныя лица, такъ и самъ царь (Никифоръ). Платонъ послалъ свой голосъ, но за кого, Ѳеодоръ умалчиваетъ; нѣкоторые, узнавъ какимъ-то образомъ его руку, поддержали его; но царь, которому очевидно былъ непріятенъ ихъ кандидатъ, получивъ голоса, перемѣшалъ ихъ какъ въ игрѣ жребій (ἐν κύβῳ, § 34). Платонъ ночью отправился къ одному монаху, царскому родственнику, и переговоривъ съ нимъ объ общей пользѣ, вернулся домой. Императоръ, узнавъ о томъ, посадилъ Платона и Ѳеодора подъ арестъ на 24 дня, а потомъ отпустилъ ихъ снова въ монастырь; онъ сталъ смѣшенъ за свои преслѣдованія. Причиною смятенія церкви былъ все-тотъ же Іосифъ; «мы какъ змѣинаго яда избѣгали общенія съ нимъ, а со стороны кесаря шли угрозы, и мы оказывались въ критическомъ положеніи» (§ 35). Военная рота (φάλαγξ) окружила монастырь, нельзя стало ни говорить, ни высунуть головы, слышались угрозы и такое, о чемъ монаху не прилично и говорить. Кончилось тѣмъ, что Платонъ ночью былъ взятъ изъ монастыря и посаженъ въ тюрьму, а въ день собора былъ приведенъ подъ конвоемъ вмѣстѣ съ тремя монахами какъ злодѣй (§ 36). Осмѣиваемый Ѳеодоромъ соборъ осудилъ Платона на изгнаніе на одинъ изъ острововъ около столицы (πρὸς τῷ ἄστει), равно какъ и брата Ѳеодорова Іосифа. Императоръ велѣлъ военной ротѣ собрать все монастырское братство и каждаго въ отдѣльности старался склонить на свою сторону, но ошибся въ своихъ планахъ; «не говорю уже о заточеніяхъ въ монастыряхъ и стражахъ—игуменахъ, причинявшихъ болѣе зла заключеннымъ, чѣмъ сколько требовалось по указу». Происходили постоянные переводы, преслѣдованія, допросы, угрозы; по городу ходили объявленія, нѣтъ ли кого еще изъ монаховъ? (§ 37). И ради кого? Ради вѣнчавшаго противозаконный бракъ Іосифа, который, «совершивъ будто бы спасительное приспособленіе къ обстоятельствамъ (οἰκονομία) для пользы церкви, безнаказанно совершалъ таинства» (§ 38). Страданія Платона были необычайны; пусть свидѣтельствуетъ объ этомъ страна знаменитаго мученика Маманта, пусть напишетъ объ этомъ и островъ Оксія (ὀξεῖα, abrupta), въ которомъ онъ содер-

жался въ заточеніи. Отсюда Платонъ былъ переведенъ въ Византію. Заточеніе его, какъ видно изъ дальнѣйшаго, продолжалось 4 года. Но сильная рука Бога прогнала царя къ Скиѳамъ и тамъ погубила его со всѣмъ войскомъ (811 г., § 39). Изъ-за соблазна явилось иное отношеніе къ патріарху; цари просили, святѣйшій патріархъ (Никифоръ) извинялся, что все случилось по злобѣ (ἐξ ἐπηρείας) [1]) бывшаго царя, и тогда Платонъ (и Ѳеодоръ) помирился съ патріархомъ (§ 40).

Наконецъ Платонъ захворалъ (въ 811 году). Лежа въ постели, онъ вспоминалъ о своихъ страданіяхъ, утѣшаясь наградою въ будущемъ; сидя въ креслѣ, онъ еще читалъ псалтирь, молился, или наставлялъ братію; потомъ онъ не могъ уже ничего дѣлать, ни творить поклоновъ; для чтенія при немъ находился инокъ. Если, случалось, онъ принималъ пищу и ванну, благодарилъ Бога. «Онъ провелъ въ каждомъ подвигѣ кругъ лѣтъ равный 12-ти, дневному періоду часовъ», послѣ чего скончался; «сочти подвиги, и ты найдешь 48 лѣтъ; прибавь 24 года (δισδυοκαίδεκα), проведенныхъ имъ до отреченія отъ міра, къ другимъ четыремъ, прожитымъ въ изгнаніи, и тремъ годамъ болѣзни, и ты найдешь, что достопочтенный скончался на 79 году» (τῷ ὀγδοηκοστῷ ἔτει πλὴν ἑνός, § 41). Онъ упокоился среди молящейся братіи въ періодъ великаго поста (τῶν ἱερῶν νηστειῶν); множество народа собралось на его погребеніе; самъ святѣйшій патріархъ (очевидно Никифоръ) присутствовалъ при этомъ (§ 42). Платонъ не оставилъ послѣ себя даже и наплечниковъ (ἐπωμίς); Ѳеодоръ спросилъ его, не хочетъ ли онъ сдѣлать какое нибудь порученіе, — больной коснулся рукою одежды, потрясъ ее и слабо отвѣтилъ отрицательно, «передавъ все моему смиренію». Передъ смертію онъ самъ сочинилъ себѣ надгробную надпись; умеръ на память св. Лазаря (§ 43), — очевидно въ Лазареву субботу. Изъ анонимовъ житія Ѳеодора Студита видно, что Платонъ умеръ въ царствованіе имп. Михаила I (811 — 813), но въ эти годы Лазарева суббота не сообразуется съ днемъ его памяти (5 апрѣля). Поэтому, архим. Сергій и г. Мансветовъ пріурочили кончину его къ 5 апрѣля 814 года; хотя Лазарева суббота приходилась въ 814 году на 8-е апрѣля, но можно предположить, что кончина святого послѣдовала 5-го, а похороны его состоялись 8 апрѣля. Не болѣе правдоподобно мнѣніе Сирмонда, полагавшаго, что Платонъ умеръ 19 марта 812 года, на 97 (?) году жизни. Если онъ умеръ дѣй-

1) Въ рук. ἐπιρείας, по конъектурѣ Болландистовъ: ἐξ ἐπιεικείας: ex quodam epikia.

ствительно 19 марта, то этотъ день приходился на Лазареву субботу не въ 812, а въ 813 году. — Платонъ скончался и душа его унесена ангелами къ солнцу правды. Сообразно съ хріею, Θеодоръ пишетъ: съ подначальными онъ былъ подначаленъ, съ исихастами исихастъ, съ учителями учитель, съ затворниками затворникъ (§ 44). Слово заканчивается молитвеннымъ обращеніемъ ко святому (§ 45).

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ кончины Θеодора Студита записана была память его (ἐπίγραμμα) въ книгѣ его словъ въ пользу иконъ и писемъ, которая была составлена будто бы на 12 (?) году его третьяго изгнанія на островѣ св. Трифона, близъ гавани Акрита въ Виоинской епархіи. По этой памяти[1]), Θеодоръ скончался 11 ноября въ первый день (понедѣльникъ) въ шестомъ часу, пятаго индикта 6335 (826) года, на 67 году жизни, πρεσβύτης καὶ πλήρης ἡμερῶν; взялъ крестъ на 22-мъ году жизни (въ 780 г.), подвизался 13 лѣтъ (до 793 г.), принялъ игуменство, которое держалъ 32 года, πλεῖστα μοναστήρια συστησάμενος; подвергался изгнаніямъ.

Окружное посланіе Навкратія о смерти Θеодора[2]), своего учителя, вылившееся прямо изъ сердца, однако не содержитъ въ себѣ историческаго матеріала. Почившій сравнивается съ Авраамомъ, Предтечею, Иліею, Финеесомъ, Самуиломъ—по общей хріи. Болѣзнь его, по словамъ Навкратія, была старая, желудочная, пріобрѣтенная имъ среди заточеній и изгнаній; передъ смертью онъ почти ничего не вкушалъ и представлялся мертвецомъ. Пролежавъ четыре дня на постели, онъ въ началѣ ноября поправился и произнесъ слово братіи. Въ воскресенье онъ ходилъ во храмъ и отслужилъ литургію, послѣ которой пріобщилъ присутствующихъ; затѣмъ снова слегъ. Навкратія онъ спросилъ: не забыли ли мы сказать что-либо изъ необходимаго? Въ третій изъ дней, на память св. Павла, онъ совершилъ литургію. Вечеромъ онъ много бесѣдовалъ и въ келіи своей совершилъ обычныя молитвы, послѣ чего легъ въ постель. Около четвертаго часа съ нимъ случился обычный припадокъ болѣзни; онъ призвалъ инока, спавшаго передъ его келліей, и просилъ собрать братію. Произнеся краткое слово, онъ просилъ поклониться отъ него патріарху (разумѣется Никифору) и другимъ отцамъ. Навкратій спросилъ его, какъ поступить съ лицами, находящимися подъ епитиміею, на что Θеодоръ отвѣтилъ:

---

1) Ἐτελειώθη: Migne, XCIX, 105—108.

2) Ἕως μὲν τοῦ παρόντος, ἀδελφοί μου: Combefis. Auct. nov. II. 855; Migne, XCIX. 1825—1849; «Христ. Чтеніе» 1837, V. 217.

«Господь проститъ всѣхъ», и благословилъ собравшійся къ нему народъ. Въ воскресенье, на память св. Мины (11 ноября 826 года) онъ исполнилъ обычныя пѣснопѣнія, пріобщился, помазалъ елеемъ свои члены; около 6-го часа ослабѣлъ и тихо велѣлъ зажечь свѣчи. Братія запѣла «Блаженни непорочніи» и когда дошла до стиха: «во вѣкъ не забуду оправданій твоихъ, яко въ нихъ оживилъ мя еси» (Псал. CXVIII. 93), Ѳеодоръ испустилъ духъ. Ко гробу его собралось множество монаховъ и мірянъ, зажгли свѣчи, покрыли гробъ порфировымъ покровомъ, другіе принесли сосуды серебряные, златосеребряные и янтарные, третьи ладанъ и ароматы. Въ ту ночь была большая буря, «какъ нѣкогда при похоронахъ Петра Александрійскаго». Презрѣвъ море, непогоду, наводненіе рѣкъ и пытку царей, монахи перевезли тѣло святого и около пятаго часа предали его гробу. Онъ былъ положенъ въ томъ жилищѣ, гдѣ писалъ священныя свои книги и служилъ Богу. Согласно хріи, Навкратій пишетъ, что отецъ приложился къ отцамъ, іерей къ іерархамъ, исповѣдникъ къ исповѣдникамъ, мученикъ къ мученикамъ, учитель къ учителямъ, труба къ проповѣдникамъ.

Житіе Ѳеодора Студита, написанное Студійскимъ монахомъ Михаиломъ во второй половинѣ IX столѣтія[1]), представляетъ богатый источникъ для политической и церковной исторіи Византіи въ VIII—IX вѣкѣ. Михаилъ пользовался сочиненіями самого Ѳеодора, хотя и не вполнѣ исчерпалъ его рѣчи и переписку, въ которыхъ заключена масса біографическихъ подробностей о святомъ; онъ пользовался также разсказами монаховъ (Ѳеодора, Софронія и пр.), бывшихъ современниками и знакомыми игумена, такъ что въ частностяхъ сочиненіе это имѣетъ значеніе первоисточника, въ которомъ событія изложены къ тому же строго послѣдовательно. Страннымъ образомъ пропущено здѣсь лишь извѣстіе о времени кончины Платона и о сношеніяхъ Ѳеодора съ Олимпійскимъ аскетомъ Іоанникіемъ. Авторъ обходитъ молчаніемъ темныя стороны своихъ героевъ (патр. Тарасія, имп. Ирины): ихъ

---

1) Πολλοὶ μὲν τῶν ἁγίων: Migne XCIX. 233—328; русскій переводъ въ «Твореніяхъ св. Ѳеодора Студита». Спб. 1867, I. 3—97. По Cave II. 281, Михаилъ—пресвитеръ Великой Церкви, жившій ок. 878 года. По распредѣленію C. Thomas'a (Theodor von Studion und sein Zeitalter, 1892 S. 23 ff.), это—vita B, въ противоположность vita A, связываемой въ рукописяхъ съ именами то Іоанна, то Ѳеодора Дафнопата, то πρὸς Μιχαήλου μοναχοῦ, о которой рѣчь будетъ ниже. Менѣе критическая работа о Ѳеодорѣ—В. Преображенскаго (Преподобный Ѳеодоръ Студитъ и его время. М. 1896).

иконопочитаніе было для него достаточнымъ оправданіемъ этого. Въ литературномъ отношеніи біографія хорошо написана. Михаилъ любитъ игру словъ, иногда даже прибѣгая къ натяжкамъ (Тарасій—ἐκταράξας); его филологическія познанія также иногда грѣшатъ неосновательностью; но, какъ кажется, это былъ общій недостатокъ тогдашней школы.

Въ предисловіи Михаилъ говоритъ, что многіе святые примѣрами своей жизни побуждали къ соревнованію людей хорошихъ и людей безпечныхъ; не меньше ихъ прославился въ этомъ отношеніи пастыреначальникъ нашей общины (τοῦ καθ' ἡμᾶς συλλόγου) Θеодоръ, сіявшій въ нашихъ мѣстахъ и въ наши времена (ἐν τοῖς ἡμετέροις τόποις καὶ χρόνοις), вѣщанія ученія котораго распространились до востока и юга, запада и сѣверныхъ странъ (τῶν ἀρκτικῶν μερῶν), куда достигли и вѣтви его духовнаго насажденія — учениковъ его; нѣтъ ни одной страны, куда бы не достигала слава его жизни и имени. Нѣкоторые изъ учениковъ его, тотчасъ послѣ его кончины, изложили жизнь его стихами, сокративъ многочисленные подвиги въ немногихъ стихотворныхъ изреченіяхъ; послѣ нихъ и другіе изъ священнослужителей церкви изящно составили обстоятельную запись (ὑπόμνημα) въ родѣ исторіи (συγγραφή) и въ видѣ похвальныхъ рѣчей. Но такъ какъ общество братства и умъ многихъ, по большей части недальновидный, охотно предпочитаетъ прозаическую и простѣйшую рѣчь, то, «повинуясь вашимъ повелѣніямъ, достопочтеннѣйшіе отцы, и мы, смиренные и ничего не значущіе, по возможности составимъ сказаніе, хотя далеко не соотвѣтствующее его достоинству, но, сколько возможно для нашей немощи, не лишенное удобопонятности и ясности» (τὸ εὔληπτόν τε καὶ καταφανές, § 1). Θеодоръ родился въ Константинополѣ въ царствованіе Константина Копронима (ὁ κοπρώνυμος). — Въ виду того, что онъ умеръ въ 826 въ возрастѣ 67 лѣтъ, о чемъ ниже, заключаемъ, что святой родился въ 759 году. — Отецъ его, «свѣтлый (φωτεινός) и по нравамъ и по названію», очевидно называвшійся Фотиномъ), получилъ отъ царя не малую власть, такъ какъ былъ казначеемъ царскихъ доходовъ [1]); но онъ отказался отъ удовольствій жизни, отъ сообщенія со своею женою, и черезъ пять лѣтъ послѣ того со всѣмъ своимъ домомъ ушелъ въ монастырь (около 764 года). Мать Θеодора была и называлась богозданною (θεοκτίστη, Θеоктистою); она

1) col. 236: τὴν γὰρ οὐ πολλοστὴν ἀπὸ βασιλέως διέπων ἀρχήν, καθ' ὅτι ταμιείας ἐχρημάτιζε τῶν βασιλικῶν φόρων.

умѣла хорошо управлять своими дѣтьми и домомъ; качества ея описаны Θеодоромъ въ «надгробномъ словѣ своей матери»[1]), куда авторъ и отсылаетъ читателей (§ 2). Семи лѣтъ (въ 766 г.) Θеодоръ началъ учиться вступительнымъ и первоначальнымъ предметамъ наукъ[2]); когда же подросъ, то научился и грамматикѣ, потомъ и діалектикѣ, которую свѣдущіе въ ней обыкновенно называютъ философіею[3]); кромѣ того, сколько могъ, усвоилъ себѣ красоты риторскаго краснорѣчія[4]). Дарованіемъ и добродѣтелями онъ выдвинулся передъ товарищами, непрестанно посѣщалъ молитвенные храмы и собранія, любилъ читать Житія святыхъ; шелъ правымъ и царскимъ путемъ и былъ далекъ отъ стезей безумія (§ 3).

Между тѣмъ имп. Константинъ умеръ (775). Непосредственно послѣ него, по родовому преемству (ἐκ προγόνων διαδοχῆς), воцарился сынъ его Левъ Младшій (775—780), но онъ царствовалъ не долго и умеръ, «не хотѣвъ понять Давидова пророчества, что отъ Давида произошелъ крѣпчайшій рогъ[5]), который сокрушилъ роги грѣшниковъ, бѣсовъ и людей нечестивыхъ». За нимъ Христосъ воздвигъ рогъ спасенія и мира (εἰρήνης) для церкви въ лицѣ царицы Ирины (780—802). На 22-мъ году жизни (то-есть въ 781 г.) Θеодоръ отказался отъ мірской суеты. Новая императрица вызвала изъ отдаленныхъ предѣловъ, изъ ссылокъ и темницъ, представителей монашеской жизни; тогда-то, оставивъ Олимпійскую рощу (ἡ κατὰ τὸν Ὄλυμπον λόχμη), прибылъ въ столицу и родной братъ Θеоктисты Платонъ, въ честь котораго Θеодоръ составилъ блестящее похвальное слово «(λαμπρὸς ἔπαινος), достойнымъ образомъ описавъ жизнь его»[6]); онъ явился въ Константинополь для совмѣстной жизни съ отцами и для низложенія ереси и возстановленія иконопочитанія на седьмомъ соборѣ, въ Никеѣ, состоявшемъ изъ 350 лицъ. Соединившись съ Тарасіемъ, онъ былъ ему совѣтникомъ во всемъ и правымъ помощникомъ (§ 4). Въ столицѣ Платонъ убѣдилъ свою сестру Θеоктисту и племянника Θеодора идти въ монастырь, чрезъ нихъ онъ подѣйствовалъ и на Фотина и его трехъ братьевъ; еще ранѣе того онъ скло-

1) Migne, XCIX, 884—902.
2) col. 237: ταῖς εἰσαγωγικαῖς καὶ στοιχειώδεσι τῶν μαθημάτων τέχναις.
3) διαλεκτικῆς, ἣν δὴ φιλοσοφίαν καλεῖν οἱ ταῦτα δεινοὶ γινώσκουσιν.
4) τῆς ἐν ῥήτορσι φράσεως τὸ κάλλος.
5) Псал. 131, 17; Лук. I. 69.
6) Migne, XCIX. 803—849.

нилъ къ монашеству двухъ своихъ родныхъ братьевъ и одну сестру при посредствѣ своей матери. Вся семья продала свой домъ и обстановку, раздала деньги бѣднымъ, «даровала служившимъ въ домѣ ихъ рабамъ свободную жизнь, удѣливъ имъ еще части изъ имущества», и удалилась въ Саккудіонское мѣсто (τοῦ Σακκουδίωνος χῶρον), составлявшее ихъ собственность и весьма удобное для обители и жизни монашеской; ибо «это мѣсто — лѣсистое, округленное въ видѣ луны и имѣющее входъ только съ одной стороны; средина же его составляетъ равнину, на которой растутъ различныя деревья, плодоносныя и безплодныя, стоитъ прекрасный храмъ во имя Іоанна Богослова, есть и вода въ достаточномъ количествѣ, и для развлеченія взоровъ жителей не представляется ничего другого, кромѣ неба и сѣвернаго (ἀρκτική) моря; это мѣсто съ того времени и донынѣ процвѣтаетъ и изобилуетъ множествомъ живущихъ въ немъ братій» (§ 5).

Ѳеодоръ во всемъ слѣдовалъ Платону, казался человѣкомъ безъ своей воли или бездушною статуею (ἀνδριὰς ἄψυχος); онъ бѣгалъ туда и сюда къ каждому изъ братіи, чтобы замѣнить немощныхъ отъ болѣзни или отъ лѣности, не отказываясь носить дрова, работать заступомъ, чистить садъ, подавать надлежащую пищу больному; и даже часто видѣли, какъ онъ выносилъ навозъ животныхъ тайно, когда братія спала въ ночные или полуденные часы, чѣмъ удивлялъ и работавшихъ вмѣстѣ съ нимъ (§ 6). Повинуясь Платону, онъ построилъ храмъ во имя Іоанна Богослова, имѣвшій видъ небеснаго свода, съ разноцвѣтными украшеніями, искусно отдѣлавъ не только верхнюю часть его и доставивъ живущимъ тамъ дивное и прекрасное мѣсто собранія, но и самый полъ покрывъ различными и позолоченными камнями (§ 7). Предавшись подвижничеству, Ѳеодоръ имѣлъ подражателя себѣ въ лицѣ родного брата Іосифа, бывшаго какъ бы вторымъ Ѳеодоромъ, въ свое время принявшаго каѳедру Солуни и претерпѣвшаго за иконопочитаніе много изгнаній и заключеній. Съ нимъ подвизались также иноки: Антоній, Тимоѳей, Аѳанасій и Навкратій и многочисленный (πλεῖστος) сонмъ другихъ (§ 8). Читая Житія святыхъ, Ѳеодоръ особенно изучалъ творенія Василія Великаго и старался уподобиться ему. «Увидѣвъ, что начертаніе его подвижническихъ правилъ въ то время нарушалось киновитами, именно тѣмъ, что были пріобрѣтаемы рабы, стада скотовъ и животныя женскаго пола», онъ сильно сокрушался сердцемъ отъ такого нарушенія заповѣдей и представилъ престарѣлому Платону, что необходимо собствен-

нымъ примѣромъ истребить нововведеніе. Платонъ согласился, и вотъ они отпустили слугъ на свободу, снабдивъ ихъ увольнительными письмами (ἐλευθερίαις ἐγγράφοις), а прочія вещи роздали бѣднымъ. Такой поступокъ поощрилъ и другихъ къ подобному соревнованію (§ 9). — Весьма замѣчательно, что самъ Θеодоръ приписывалъ все это Платону.

Затѣмъ Платонъ съ Θеодоромъ поѣхали въ Константинополь къ патр. Тарасію (784—805), и послѣдній поставилъ Θеодора въ иподіакона, діакона, іерея и пресвитера. Съ того времени Θеодоръ предался еще большему подвижничеству, будто-бы въ сутки не спалъ и одного цѣлаго часа, прочіе же часы употреблялъ на добрыя дѣла (§ 10). Платонъ желалъ передать ему и настоятельство братства, умножившагося до цѣлой сотни человѣкъ, но не могъ убѣдить святого. Но когда онъ заболѣлъ и нѣсколько дней страдалъ внутренне отъ сильной горячки (λάβρῳ πυρετῷ), такъ что многіе отчаивались въ его жизни, и такъ какъ его преемнику-настоятелю надлежало быть избраннымъ въ это званіе голосомъ братства, онъ составляетъ соборъ изъ всѣхъ своихъ духовныхъ сыновъ и, разсказавъ имъ кратко о видимой болѣзни своей, предлагаетъ разсудить и сказать, кого они изберутъ, чтобы поставить его пастыремъ надъ ними. Когда избранъ былъ единогласно Θеодоръ, Платонъ пригласилъ его въ собраніе, сообщилъ ему о смертельности своей болѣзни и объ избраніи его на его мѣсто. Θеодоръ съ трудомъ наконецъ согласился принять настоятельство. Это было на 13-мъ году его служенія и на 35-мъ году его жизни (то-есть въ 794 году, § 11). Въ общей его характеристикѣ интересно лишь свѣдѣніе, что Θеодоръ поучалъ братію какъ наединѣ, такъ и въ церкви, по окончаніи утреннихъ пѣснопѣній, произнося бесѣды трижды въ недѣлю (§ 12—13).

«Въ то время, говоритъ Михаилъ, единодержавно царствовалъ (μονοκρατορήσας) Константинъ, сынъ Ирины, который проводилъ юность свою невоздержно и необузданно и предавался пламеннымъ плотскимъ пожеланіямъ[1]); онъ, отвергнувъ прежнюю, соединенную съ нимъ законнымъ бракомъ, супругу и насильно заставивъ ее постричься, безстыдно взялъ другую, по имени Θеодотію, и произвелъ соблазнъ не только для церкви, но и для всѣхъ предводителей народовъ и намѣстниковъ[2]). Патр. Тарасій отказался возложить на нихъ брачные

1) col. 252: τοῖς τῆς σαρκὸς διαπύροις ἡττηθεὶς σκιρτήμασιν.
2) πᾶσι τοῖς τῶν ἐθνῶν ἀρχηγοῖς καὶ τοπάρχαις.

вѣнцы; но одинъ пресвитеръ и экономъ Великой Церкви, Іосифъ, бывшій близкимъ къ прелюбодѣямъ, дерзновенно принялъ на себя это дѣло и повѣнчалъ беззаконниковъ. Это зло сдѣлалось извѣстнымъ не только въ столицѣ, но и въ отдаленнѣйшихъ странахъ; такъ король Лонгобардскій, король Готѳскій и намѣстникъ Воспорскій[1]), основываясь на этомъ нарушеніи устава, предались прелюбодѣйнымъ связямъ и невоздержнымъ пожеланіямъ, находя благовиднымъ оправданіе въ поступкѣ Ромейскаго императора, какъ будто бы, когда онъ поступилъ такъ, послѣдовало одобреніе и отъ патріарха и находящихся при немъ архіереевъ» (§ 14).—Изъ житія Филарета извѣстно, что имп. Константинъ былъ женатъ на внучкѣ Филарета Милостиваго Маріи, что Беневентскій герцогъ Аригизъ II («Царь» Лонгобардскій) былъ женатъ на сестрѣ жены Константина; быть можетъ на него и дѣлается намекъ Михаиломъ; а изъ житія патр. Никифора видно, что правитель народа въ одномъ изъ Таврическихъ округовъ (ἓν τῶν Ταυρικῶν κλιμάτων) развелся со своею женою и вступилъ въ связь съ другою женщиною.—Ѳеодоръ опасался, чтобы безуміе властителя, бывъ принято неразумными въ законъ, не сдѣлалось неисцѣльнымъ образомъ дѣйствій у послѣдующихъ поколѣній; онъ не оставилъ этого зла безъ обличенія и вмѣстѣ съ Платономъ прервалъ общеніе съ ними. Константинъ сначала не обратилъ вниманія на это, но затѣмъ, видя ихъ вліяніе въ монашеской жизни, пожелалъ склонить ихъ къ одобренію брака, особенно надѣясь на то, что Ѳеодота приходилась имъ родственницею—двоюродною сестрою Ѳеодора. Царь велѣлъ ей послать имъ золота, но тѣ не приняли подарка; онъ собрался въ Прусу для купанья въ тамошнихъ теплыхъ ваннахъ[2]), полагая, что Платонъ и Ѳеодоръ явятся къ нему для изъявленія обычнаго (ἐξ ἔθους) почтенія, но тѣ не явились; Константинъ вернулся въ столицу озлобленнымъ (§ 15). Онъ призвалъ къ себѣ начальника придворной стражи (τὸν ἐπὶ τῶν σχολῶν δομέστικον) и послалъ его со стратигомъ Опсикійскимъ (τὸν στρατηγὸν τοῦ Ὀψικίου)[3]) для наказанія и ссылки дяди съ племянникомъ. Прибывъ въ монастырь, посланцы били Ѳеодора ремнями (βουνεύροις), наказали и трехъ другихъ изъ первенствующихъ братій; потомъ сослали его съ десятью видными монахами въ Солунь (полагаютъ: въ 796 году),

---

1) Ὁ τῆς Λογγιβαρδίας ῥὴξ, οὕτως ὁ τῆς Γοτθίας, οὕτως ὁ τῆς Βοσπόρου τοπάρχης.

2) col. 253: τὴν τῶν αὐτομάτως γῆθεν ἀναδιδομένην θερμῶν ἀπόλαυσιν. О Пиѳійскихъ баняхъ говоритъ и Житіе Николая Студита.

3) Въ русскомъ переводѣ неточно (стр 24): «съ предводителемъ конвоя».

приказавъ стеречь ихъ тамъ каждаго въ отдѣльности, а Платона отправили въ обитель св. Сергія (ἡ τοῦ ἁγίου Σεργίου μονή), не допуская къ нему никого. Жившіе въ странахъ области Херсонской и Воспорской[1]) епископы и пресвитеры, равно какъ и благочестивѣйшіе изъ монаховъ стали подражать дерзновенію Ѳеодора и тогда же перестали принимать дары для церквей отъ тѣхъ, которые совершали одинаковыя дѣла съ Младшимъ Константиномъ, отлучали ихъ отъ Таинъ Христовыхъ и говорили: «не позволительно вамъ имѣть женъ вопреки постановленнымъ отъ Христа законамъ»; но наконецъ и они были изгоняемы изъ своихъ церквей и обителей, подвергались и другимъ страданіямъ (§ 16). Тѣмъ не менѣе случаи разводовъ уменьшились. Ѳеодоръ, оставаясь подъ стражею въ Солуни во все время царствованія Константина (780—797), прославился въ самыхъ отдаленныхъ странахъ. «Писалъ онъ и къ папѣ древняго Рима, извѣщая его о событіяхъ чрезъ своихъ учениковъ, и тотъ принялъ это съ великимъ уваженіемъ», и самъ Ѳеодоръ получилъ отъ него отвѣтныя письма, въ которыхъ восхвалялась его ревность и твердость въ добрѣ (§ 17).

Между тѣмъ Константинъ, противъ котораго будто бы возмутилось собственное его войско[2]), былъ лишенъ обоихъ глазъ и низложенъ съ престола; возвысилась опять «христолюбивая» Ирина, которую прежде онъ, предавшись «разврату», удалилъ изъ царскаго дворца. Ирина тотчасъ вызвала изъ ссылки Ѳеодора и ввела его въ общеніе съ патр. Тарасіемъ, между тѣмъ какъ Іосифъ по низложеніи Константина былъ лишенъ священнаго сана. По словамъ императрицы, и Ѳеодоръ и Тарасій поступили хорошо и богоугодно: первый—какъ страдалецъ за евангельскіе догматы, второй—какъ дѣйствовавшій примѣнительно къ обстоятельствамъ (οἰκονομήσας) съ пользою, предотвративъ бѣдствіе для церкви. Это подтвердилъ и самъ Тарасій, вступившій въ общеніе съ Ѳеодоромъ. Михаилъ соглашается съ этимъ, но замѣчаетъ, что то, что дѣлается примѣнительно (τὰ οἰκονομικῶς γενόμενα), не есть законъ и не все отличается безукоризненностью, и при этомъ ссылается на обрѣзаніе ап. Павломъ Тимоѳея, которое однако не вошло въ законъ (§ 18). Изъ Константинополя Ѳеодоръ вернулся въ свой монастырь, сюда же вернулся изъ заключенія и строитель обители Платонъ, а также многіе монахи, разсѣянные въ ихъ отсут-

---

1) ἐν τοῖς κλίμασι τῆς κατὰ Χερσῶνα καὶ Βόσπορον παροικίας.
2) col. 256: ἐπανάστασιν πρὸς τοῦ ἰδίου ὑποστὰς στρατεύματος.

ствіе. Много людей приходило посмотрѣть на этихъ подвижниковъ; имя Саккудіона еще болѣе прославилось. Θеодоръ училъ народъ, чтобы мужъ былъ господиномъ одной жены, равно и жена была бы сожительницею одного мужа и притомъ законнымъ образомъ. Его навѣщали даже жители Константинополя, монахи и міряне (§ 19)[1]).

Но такъ какъ въ то время (полагаютъ въ 798 году) Агаряне опустошили верхнія области (τὴν καθύπερθεν παροικίαν), Платонъ и Θеодоръ переселились въ столицу, были радушно приняты патр. Тарасіемъ и имп. Ириною, которые предложили имъ занять Студійскій монастырь. Обитель славилась въ прежнее время, «но Константинъ Копронимъ не позволялъ оставаться въ ней даже десяти человѣкамъ, а между тѣмъ она могла вмѣстить въ себѣ многочисленный сонмъ Назореевъ». Здѣсь въ храмѣ Предтечи Θеодоръ охотно постригалъ желающихъ монашества, «не предпочитая постриженнаго имъ самимъ постриженному кѣмъ-нибудь другимъ», но всѣмъ равно оказывая любовь; число учениковъ въ этомъ новомъ Іерусалимѣ» достигло почти до тысячи человѣкъ (§ 20). «Онъ учредилъ отдѣльные роды службы и назначилъ служащимъ собственныя названія, наименовавъ ихъ судьями (ἐπιστημονάρχαι), наставниками (παιδευταί) и блюстителями (ἐπιτηρηταί); поставилъ и подъ другими названіями болѣе преимуществующихъ между всѣми братіями, какъ-то: занимающаго второе (послѣ игумена) мѣсто, эконома, подъэконома и другихъ, иначе названныхъ; и всѣмъ имъ предписалъ правила, изложивъ ихъ ямбическими стихами, или яснѣе сказать, начавъ съ главнѣйшей и первой, то-есть службы игумена, и окончивъ послѣднею службою повара, сообщилъ свѣдѣнія по предмету каждаго о томъ, что должно дѣлать и чего не должно; опредѣлилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наказанія отступающимъ отъ должнаго прилежанія и поздно приходящимъ по какой-либо неуважительной причинѣ въ собраніе для божественныхъ пѣснопѣній; также и во всякой братской службѣ не соблюдающимъ установленнаго часа, или разбивающимъ сосудъ, или наносящимъ какую-либо обиду и оскорбленіе ближнему, назначилъ соотвѣтственное наказаніе» (§ 21). Онъ учредилъ, чтобы одежды употреблялись не отдѣльныя и не выбирались по волѣ каждаго; назначилъ для нихъ помѣщеніе, въ которомъ монахи, складывая вмѣстѣ одежды поношенныя, въ каждую субботу получали другія изъ рукъ поставленныхъ на эту службу братій; онъ не отдѣлялъ и

---

1) col. 257: οἱ ἡμέτεροι и οἱ τῆς ἀπὸ τῶν ἔξωθεν ὁρμωμένων παιδείας ἐπιστημότατοι.

своихъ одеждъ изъ общаго помѣщенія: отдавая недѣльную одежду, получалъ вмѣсто нея другую, не отличную отъ прочихъ, но одинаково грубую и даже худшую. Онъ не терпѣлъ праздности и самъ трудился, переписывая книги собственными руками и прилагая ихъ къ трудамъ братій; «изъ этихъ книгъ нѣкоторыя сохраняются у насъ и доселѣ, какъ драгоцѣнныя и достойныя всякаго уваженія» (§ 22). Онъ составилъ весьма много книгъ и самъ отъ себя, и первую ту, которая называется книгою Малыхъ Огласительныхъ Поученій (τῶν Μικρῶν Κατηχήσεων), числомъ до 134, сказанныхъ имъ безъ приготовленія по обычному собесѣдованію съ братіями; вторую, третью и четвертую книгу Великихъ Огласительныхъ Поученій, которыя не безъ приготовленія, но обдуманно онъ сочинилъ и издалъ. Имъ составлена и книга Похвальныхъ Словъ (Πανηγυρική), въ которой онъ нѣкоторые изъ праздниковъ Христа и Богоматери и всѣ праздники великаго Крестителя и нѣкоторыхъ другихъ знаменитѣйшихъ святыхъ прославилъ не хуже важнѣйшихъ писателей похвальныхъ словъ. Сочинилъ онъ еще другую, ямбическими стихами, весьма полезную книгу, въ которой описалъ сотвореніе и паденіе праородителя; также оплакалъ по достоинству грѣхъ и тлѣніе; потомъ особо изобразилъ зависть Каина къ Авелю и убійство его; затѣмъ Еноха и Ноя и его трехъ сыновей-праотцевъ, равно какъ и приснопамятныхъ женъ ихъ прославилъ по справедливости. Кромѣ того онъ исчислилъ всѣ ереси и подвергъ ихъ проклятію трехмѣрными и чистыми стихами, а нѣкоторыя изъ нихъ и опровергъ совершенно (§ 23). «Еще пять книгъ Писемъ его сохраняются у насъ до настоящаго времени; по важности мыслей и чистотѣ изреченій они отличаются столь высокою красотою и свойственное письмамъ достоинство представляютъ съ такою вѣрностью, что ни одного изъ нихъ не можетъ читать безъ слезъ имѣющій не совершено каменное сердце». «Кромѣ того еще и другое догматическое его сочиненіе, написанное прозою, въ которомъ онъ тремя состязательными рѣчами рѣшительно низложилъ чуждую истинѣ ересь иконоборцевъ, а обоихъ императоровъ, Константина Копронима и Льва, высоко поднявъ обличительными словами, какъ бы какими копьями, ниспровергъ и предалъ позору и нечестивыя дѣла ихъ раздѣльно и ясно изобразилъ для потомковъ» (§ 24).

Дьяволъ не могъ вынести, чтобы аскетическая жизнь отличалась среди многолюднаго города. Въ то время царствовалъ Никифоръ (802—811), который «повидимому былъ не хуже прежнихъ благо-

честивыхъ царей, а на самомъ дѣлѣ далеко отступалъ отъ нихъ». Онъ рѣшился объявить невиннымъ эконома Іосифа и возвратить ему священническій санъ, какъ бывшему виновникомъ мира, говорилъ онъ, и заботившемуся о полезномъ. Онъ склонилъ патр. Никифора (806—815), обѣщая ему, что царскими мѣрами онъ склонитъ всѣхъ согласиться на это распоряженіе. «Тогда опять происходитъ разногласіе и смѣшеніе мнѣній и раздѣленіе лицъ между епископами и монахами, такъ какъ одни думали, что хорошо было бы не оскорблять царя ради такого дѣла, а окружавшіе Өеодора напротивъ говорили, что несправедливо нарушать приговоръ, произнесенный на Іосифа патр. Тарасіемъ и состоявшійся тогда для пользы всѣхъ». Оставшись несогласными въ сужденіяхъ, они отдѣлились другъ отъ друга (§ 25).—Тутъ агіографъ обходитъ молчаніемъ весьма важный фактъ изъ жизни Өеодора: по Өеофану (I, 481), Өеодоръ съ Платономъ отказались признавать новаго патріарха Никифора и ввели раздѣленіе (σχίσμα), «имѣя причину благословную, что нельзя возноситься отъ міранъ заразъ (ἀθρόως) на епископство»; имп. Никифоръ хотѣлъ удалить ихъ изъ столицы, но ему посовѣтовали оставить ихъ въ покоѣ, ибо иначе съ запустѣніемъ Студійскаго монастыря съ его 700 монахами избраніе патріарха было бы дѣломъ не похвальнымъ. По мнѣнію Михаила, оба патріарха поступили хорошо: Тарасій ослабилъ бразды строгости, чтобы царь Константинъ не сдѣлалъ чего-нибудь худшаго противъ церкви, Никифоръ поступилъ примѣнительно къ обстоятельствамъ, не желая, но бывъ принужденъ царемъ Никифоромъ; а Өеодоръ соблюдалъ точное исполненіе божественныхъ заповѣдей. «Подлинно, что дѣла церковнаго управленія въ этомъ случаѣ шли не хорошо во дни тѣхъ двухъ императоровъ, о томъ и сами патріархи хорошо знали; ибо и предводитель православія Тарасій не сказалъ бы о Өеодорѣ, возвратившемся изъ Солуни, что онъ хорошо поступалъ, и Никифоръ также не принялъ бы его и не превознесъ бы похвалами, какъ поборника истины, если бы не признавалъ его правособлюдающимъ слово вѣры. Михаилъ предлагаетъ не осуждать ни той, ни другой стороны, ни Тарасія, ни Никифора (§ 26).—Но тогда зачѣмъ же было подымать бурю противъ Іосифа? Вѣдь и онъ, какъ справедливо указалъ имп. Никифоръ, дѣйствовалъ примѣнительно къ обстоятельствамъ? Не повѣнчай онъ Константина съ Өеодотою, царь (выразимся языкомъ Ирины и агіографа) могъ бы причинить церкви много вреда. Въ этомъ интересномъ вопросѣ, по нашему мнѣнію, не были правы всѣ трое: Та-

расій, какъ справедливо говорилъ Студійскій игуменъ, долженъ былъ воспретить Іосифу служеніе, но онъ этого при Константинѣ не сдѣлалъ, то-есть, не благословивъ новый бракъ, онъ молчаливо призналъ его, а при Иринѣ онъ низложилъ Іосифа, ибо того требовала царица (οἰκονομία); Никифоръ въ угоду царю возстановилъ разстриженнаго Тарасіемъ эконома и тѣмъ самымъ опять призналъ законность его вѣнчанія (οἰκονομία); Θеодоръ, помирившійся съ Тарасіемъ и Никифоромъ на почвѣ этой οἰκονομία, не хотѣлъ оправдать Іосифа, который однако могъ руководствоваться тѣмъ же «приспособленіемъ къ обстоятельствамъ». Константинъ развелся съ Маріею едва ли изъ похотливаго желанія; онъ имѣлъ двухъ дочерей и ни одного сына, а между тѣмъ вопросъ о наслѣдникѣ престола напрашивался самъ собою. Въ видахъ государственныхъ онъ поступилъ быть можетъ точно такъ же, какъ у насъ великій князь Василій III. Митр. Варлаамъ, не угодившій ему (это уже не οἰκονομία), былъ заточенъ; Василій развелся съ неплодною Соломонидою Сабуровою и съ согласія новаго митр. Даніила (опять οἰκονομία) обвѣнчался съ Еленою Глинскою; русскимъ Платономъ и Θеодоромъ Студитомъ явились Вассіанъ Косой и кн. Семенъ Курбскій, поддержанные Максимомъ Грекомъ; они были заточены, сынъ Елены вступилъ на престолъ и заставилъ забыть о какомъ-то нарушеніи церковнаго постановленія...

Имп. Никифоръ, видя, что его рѣшеніе не уважается Студитами, велѣлъ отправить Θеодора съ братомъ его Іосифомъ и дядею Платономъ «на острова, лежащіе близь города», и держать ихъ тамъ въ разныхъ помѣщеніяхъ, а монастырское братство стеречь въ Студійской обители отрядомъ воиновъ.—По словамъ Павла Діакона, изгнаніе Θеодора произошло въ январѣ мѣсяцѣ 2-го индикта, то-есть 809 года.— Самъ же императоръ, прибывъ чрезъ нѣсколько дней въ Елевоеріевъ царскій дворецъ (ἐν τοῖς τοῦ Ἐλευθερίου βασιλικοῖς μελάθροις), пригласилъ къ себѣ всѣхъ для совѣщанія и предложилъ тѣмъ изъ нихъ, которые согласны съ нимъ и патріархомъ, стать на правую сторону, а несогласнымъ на лѣвую. Монахи единодушно всѣ стали на лѣвую сторону. Разгнѣванный императоръ велѣлъ разсѣять ихъ и держать подъ стражею въ близкихъ къ столицѣ монастыряхъ (§ 27). «Но не долго онъ безумствовалъ, ибо скоро божественный судъ, постигнувъ его со всѣмъ войскомъ, низложилъ и его въ чужой странѣ. Предпринявъ походъ противъ скиѳовъ (т. е. Болгаръ), Никифоръ сдѣлался тамъ жертвою руки непріятельской. Такъ палъ несчастный царь, сдѣлавшись

предметомъ великаго позора (τραγῳδία), а Ромейскую имперію подвергнувъ большему посрамленію (κωμῳδία)». «Не излишне прибавить къ сказанному, что это (будто бы) предсказалъ ему и великій Θеодоръ». Никифоръ, возымѣвъ неудержимое желаніе идти противъ Скиθовъ, пригласилъ къ себѣ Θеодора въ одно изъ пригородныхъ мѣстъ и при посредствѣ вельможъ принуждалъ его согласиться на сдѣланное имъ распоряженіе; но Θеодоръ будто-бы отвѣтилъ ему словами писанія: «не возвратишися путемъ, имже шелъ еси»[1]). «И дѣйствительно, замѣчаетъ авторъ, этотъ непослушный царь лишился жизни въ Болгарской странѣ; сынъ его Ставракій, едва возвратившись оттуда раненнымъ въ столицу, царствовалъ всего два мѣсяца и умеръ. — Самъ Θеодоръ Студитъ писалъ: «говорятъ, что когда сталъ умирать знаменитый оный Ставракій, то при самомъ послѣднемъ издыханіи сильно томился, трепеталъ, скрежеталъ зубами и весьма страшно вопилъ, говоря: «помогите, помилуй меня, Господи, помилуй! О, сколько людей выходитъ изъ моря черные, безобразные, точно бѣсы, и идутъ ко мнѣ». А лежалъ онъ на берегу моря. Многіе тамъ же были, но ничего не видѣли, а онъ видѣлъ и понималъ,—онъ, который судилъ многихъ»[2]).— Наслѣдовалъ престолъ зять его по сестрѣ, бывшій въ санѣ куропалата, Михаилъ (811—813). Послѣдній немедленно вызвалъ изъ ссылки Θеодора и бывшихъ съ нимъ, велѣлъ освободить и учениковъ его, содержавшихся подъ стражею въ монастыряхъ и вмѣстѣ съ папою древняго Рима былъ ходатаемъ между разногласными въ Іосифовскомъ дѣлѣ: одинъ увѣщательными письмами, другой личнымъ убѣжденіемъ помирили патр. Никифора съ Θеодоромъ Студитомъ; Іосифъ снова былъ отлученъ отъ священнослуженія (§ 28).

По возвращеніи монаховъ въ Студійскую обитель общество учениковъ весьма умножилось. Иноки, съ благочестіемъ и любомудріемъ, «не оставались не свѣдущими и въ словесныхъ наукахъ (λογικαὶ τέχναι), но занимались изученіемъ грамматики, при посредствѣ которой научаются правильно писать и пріобрѣтаютъ навыкъ къ чтенію, также философскими упражненіями и заучиваніемъ наизусть отеческихъ мыслей, при помощи которыхъ они могли опровергать пустословныя нелѣпости всякой ереси, составляя истинныя сужденія и умозаключенія. Изъ нихъ выходили очень умные писцы и пѣвцы, составители конда-

1) 3 Цар. XIII. 9. 17.

2) Θеодора Студита Огласительныя поученія и Завѣщаніе. М. 1872, поуч. 21.

ковъ и другихъ пѣснопѣній, стихотворцы и отличнѣйшіе чтецы, знатоки напѣвовъ и писатели стихиръ о Христѣ. Равнымъ образомъ они занимались и простонародными ремеслами (αἱ τῶν βαναύσων τέχναι), почти всѣми; посему и ткачи и портные, сапожники и дѣлатели палатокъ, художники мелкихъ вещей и строители, сплетатели корзинъ и производители изящныхъ работъ, и дѣлатели утвари посредствомъ огня и желѣза, находились въ этомъ земномъ небѣ; и всѣ они благочинно и стройно сидѣли на мѣстахъ въ своихъ мастерскихъ, соединяя съ дѣломъ рукъ пѣніе божественныхъ пѣсенъ Давида. Нѣкоторые изъ нихъ, предпринявъ путешествіе по поводу вышесказаннаго смятенія, послѣ освобожденія своего изъ заключенія, или еще прежде того разсѣялись по разнымъ странамъ, основали прекрасные монастыри, которые донынѣ (μέχρι τοῦ νῦν) носятъ названіе Студійскихъ (τοῦ Στουδιώτου, § 29).

Но вотъ внезапно явился «свирѣпѣйшій кабанъ изъ лѣса, изъ племени Армянъ, и сталъ опустошать паству Христову какъ дикій вепрь. Именно, Левъ, стратигъ востока, подкупивъ (δωροδοκήσας) бывшее подъ его начальствомъ войско и привлекши предводителей (ἀρχηγούς) его на свою сторону обѣщаніями высшихъ почестей, производитъ возмущеніе противъ царя Михаила, и, прибывъ въ области Ѳракійскія, недалеко отъ столицы, провозглашается Августомъ отъ Македонскаго охраннаго войска; отправившись оттуда, вступаетъ въ столицу, не встрѣчая никакого противодѣйствія, и иконоборецъ открыто провозглашается императоромъ (813—820) отъ своихъ тѣлохранителей» (δορυφόρων). При этомъ авторъ припоминаетъ изреченіе Григорія Богослова «Армянъ я считаю не простыми людьми, но весьма скрытными и коварными» [1]). Сначала Левъ притворился благочестивымъ, по овладѣвъ государственными дѣлами, сталъ преемникомъ Константина Копронима, утверждая, что не должно принимать иконъ Христа, Богородицы и святыхъ, какъ будто эти изобрѣтенія уподобляются идоламъ (§ 30). Здѣсь Михаилъ высказываетъ свой личный взглядъ на идола и на икону и, обнаруживая недостаточное знакомство съ филологіею, полагаетъ, что идолъ (εἴδωλον) названъ такъ потому, что онъ—видъ обмана (εἶδος δόλου), а икона (εἰκών) названа такъ по сходству (τὸ ἐοικέναι) съ первообразомъ. «Часто, говоритъ онъ, видя изображенія написанныхъ на стѣнѣ деревъ или птицъ, мы не

1) Migne XXXVI, 517; ср. Житіе Евѳимія Солунскаго.

говоримъ, что это—изображеніе пальмы или изображеніе журавля, а говоримъ просто: это—пальма и журавль [1]); изображеніе креста называемъ крестомъ, икону Христа называемъ Христомъ, икону св. Георгія называемъ св. Георгіемъ, изображеніе царя называется царемъ» (§ 31). Среди порочныхъ сверстниковъ царя находился Іоаннъ, новый Іанній (2 Тим. III, 8), происходившій изъ Ассиріи, говорившій басни, а не истину; новый шутъ ихъ, свѣдущій болѣе другихъ въ грамматикѣ справедливо назывался Леканомантомъ (Λεκανόμαντις). Царь призвалъ патріарха Никифора и повелъ рѣчь о томъ, что служители истины и учители божественныхъ предметовъ погрѣшили въ вѣрѣ и надобно теперь разсудить о догматахъ, чтобы лучшее было отдѣлено отъ худшаго большинствомъ голосовъ и получило утвержденіе. Всѣ монахи высказались въ пользу иконопочитанія; но когда императоръ устроилъ диспутъ, они отказались состязаться съ иконоборцами (§ 32). Одинъ Ѳеодоръ въ рѣчи ко Льву говоритъ вообще о безуміи еретиковъ (§ 33). Тогда императоръ отвѣтилъ: «итакъ, господинъ Ѳеодоръ, тебѣ кажется, что я дѣлаю лишнее? Ты едва не вынуждаешь меня сказать тебѣ дѣйствительно лишнее, чтобы ты уже не могъ возвратиться въ свой монастырь; но ты не вынудишь меня дѣйствовать неосмотрительно по твоему желанію, и отъ меня не сдѣлаешься мученикомъ». На требованіе принять участіе въ диспутѣ собраніе епископовъ отвѣтило отказомъ; Ѳеодоръ даже замѣтилъ, что царю не слѣдуетъ ставить себя самого судьею и рѣшителемъ въ церковныхъ дѣлахъ, ибо и ап. Павелъ не упомянулъ (1 Кор. XII, 28), что царь распоряжается дѣлами церкви. Левъ спросилъ: «Итакъ ты, Ѳеодоръ, сегодня извергаешь меня изъ церкви»?—«Не я, отвѣтилъ Студитъ, а ап. Павелъ», и, указавъ на патр. Никифора, произнесъ: слушайся во всемъ твоего духовнаго отца. — «Убирайтесь отсюда!» закричалъ въ бѣшенствѣ императоръ. Епископы собрались въ патріаршемъ домѣ и окруживъ Ѳеодора превозносили его похвалами за мужество и твердость (§ 34). Въ это время епархъ (ὕπαρχος, ἔπαρχος) города прислалъ сказать собравшимся епископамъ, чтобы они шли по домамъ, а въ патріархіи не оставались. Ѳеодоръ и тутъ не выдержалъ: «если, сказалъ онъ, патріархъ не пригласитъ насъ, то и безъ вашего приказанія мы не

---

1) Любопытно сравнить это мѣсто съ Житіемъ Стефана Новаго, въ которомъ изображенія деревьевъ и птицъ, въ томъ числѣ и журавлей, на стѣнахъ Влахернскаго храма, отнесены ко времени иконоборца Константина; вѣроятно они сохранялись тамъ и во времена монаха Михаила.

станемъ дѣлать этого, а въ противномъ случаѣ ваше приказаніе никакъ не будетъ исполнено мною; но я пойду и буду говорить, что слѣдуетъ». Вернувшись въ Студій, онъ увѣщалъ учениковъ къ предстоящему подвигу. Черезъ нѣсколько дней онъ опять отправился къ патр. Никифору: послѣдній въ виду разстройства въ церкви впалъ въ уныніе и нуждался въ утѣшеніи именно Феодора, безъ котораго патріархъ ничего не дѣлалъ, ничего не говорилъ, и который въ соборѣ епископовъ занималъ второе послѣ патріарха мѣсто. Между тѣмъ, спустя не много времени, Никифоръ ночью 20 марта (815 года) былъ низведенъ съ престола и отправленъ въ собственную обитель, которую самъ онъ построилъ «въ одномъ изъ гористыхъ мѣстъ Азіи, близь пролива» [1]); и другіе священнослужители были разосланы по разнымъ странамъ и городамъ; иконоборцы овладѣли церквами, ниспровергали (καταστρέφειν) иконы и вновь поставляли (священниковъ?, § 35).

«Въ недѣлю Ваій (1 апрѣля 815 года) Феодоръ, совершая обычное срѣтеніе Христа съ собравшимся къ нему народомъ, приказалъ братіямъ, несшимъ честныя иконы, высоко поднять эти изображенія и такимъ образомъ обойти принадлежащій къ обители виноградникъ. Такое дѣйствіе, происходившее предъ глазами нечестивыхъ сосѣдей и торжественно совершавшееся среди города, дошло и до слуха царя». Левъ чрезъ одного изъ вельможъ (μεγιστᾶνες) объявилъ Феодору: «ты не успокаиваешься, не сидишь въ молчаніи, но выдумываешь то и другое къ моему оскорбленію? Знай же, что если ты не обуздаешь своего мудрованія и не перестанешь учить о вѣрѣ, то я тебя весьма скоро, подвергнувъ смертной казни (μόρῳ καθυποβαλών), отправлю къ жителямъ ада». Феодоръ не смутился. Послѣ Пасхи (8 апрѣля) онъ принималъ у себя и давалъ совѣты собравшимся къ нему городскимъ игуменамъ «касательно предстоявшей имъ надобности идти въ патріаршій домъ».—Здѣсь имѣется въ виду приглашеніе православнаго духовенства иконоборцами въ палаты новаго патр. Феодота для состязанія. Феодоръ снабдилъ игуменовъ и своимъ письмомъ, въ которомъ отказывался явиться въ собраніе безъ согласія своего епископа, то-есть патр. Никифора. Письмо это сохранилось въ перепискѣ Феодора цѣликомъ (II, 1) [2]): Михаилъ привелъ изъ него дословную выписку.— Иконоборцы встрѣтили игуменовъ свирѣпо: осыпали ихъ пощечинами,

1) col. 285: ἐν τοῖς τῆς Ἀσίας ὀρινοῖς τοῦ στενοῦ μέρεσιν. Изъ Житія Никифора видно, что монастырь былъ во имя «Благого» (стр. 113); ср. И. Соколовъ, Монашество, 1894, стр. 71, 337.

2) Migne, XCIX, 1116.

съ оскорбленіями и безчестіемъ выгнали ихъ изъ зала собранія (§ 36). Ѳеодоръ и послѣ того не переставалъ писать письма и возбуждать мужество въ близкихъ и дальнихъ. Узнавъ о томъ, что императоръ осудилъ его на изгнаніе, Студійскій игуменъ собралъ общество учениковъ и поставилъ надъ ними 72 предводителя (ἀρχηγοί), предложивъ братству раздѣлиться подъ ихъ власть по добровольному избранію. Онъ былъ взятъ посланнымъ отъ царя и отведенъ (ок. 816 г.) въ крѣпость, лежащую близь Аполлоніева озера и называемую Метопа[1]); но въ виду того, что и отсюда пересылалъ свои посланія по всей землѣ, былъ переведенъ (ок. 817 г.) придворнымъ (βασιλικός) Никитою Алексіевымъ (τοῦ Ἀλεξίου) въ другую крѣпость, въ восточной ѳемѣ (ἐν τῷ τῶν ἀνατολῶν θέματι), Вонитъ (ἡ Βόνητα); ему было предписано отнюдь ни съ кѣмъ не видѣться и не писать писемъ о вѣрѣ; онъ на это отвѣтилъ, что надо повиноваться больше Богу, нежели людямъ (Дѣян. IV, 19, V, 29, § 37). Никита промолчалъ и по возвращеніи въ столицу донесъ царю о словахъ игумена. Левъ сдѣлалъ выговоръ Никитѣ, какъ не совершившему тогда же возмездія за царскую власть, и послалъ его вторично дать Ѳеодору сто ударовъ ремнями; Никита явился, но не могъ исполнить приказа, ибо былъ тайнымъ иконопочитателемъ; онъ положилъ на плечи игумена овечью кожу и по ней нанесъ сто ударовъ, потомъ проткнувъ иглою руку свою до крови, окрасилъ кровью конецъ бича, затѣмъ вышелъ изъ келіи запыхавшись, бросилъ бичъ и усѣлся. Сцена была разыграна мастерски; «отецъ нашъ весьма удивлялся вѣрѣ и благоразумію этого мужа». И отсюда Ѳеодоръ укрѣплялъ содержимыхъ въ разныхъ мѣстахъ епархій отцевъ и братій и духовныхъ чадъ своихъ; и многихъ, которые отъ долговременной ссылки допустили вину отступничества, онъ письмами своими убѣдилъ смыть такой позоръ; «писалъ онъ и къ четыремъ патріархамъ[2]), съ одной стороны изображая насильственныя дѣйствія ереси, съ другой прося оказать возможное покровительство совершавшимъ путь (§ 38).

Одинъ знатный клирикъ, происходившій изъ области Ѳракисійской[3]), изъ города Маставръ (Μασταῦρα), отправился повидаться по обычаю

1) col. 288: φρουρίῳ κατα τὴν Ἀπολλωνιάδα λίμνην, καλουμένῳ Μέτωπα («Затылки»).

2) Папѣ Римскому: Migne: XCIX, 1152; папѣ Александрійскому col. 1156, патр. Іерусалимскому col. 1160; посланіе его къ Антіохійскому патріарху повидимому не сохранилось.

3) col. 289: ἀπὸ τῆς τῶν Θρακησίων χώρας, въ русскомъ переводѣ ошибочно: «Ѳракійской».

со своими родственниками въ страны сосѣднія съ епархіею, въ которой тогда жилъ Θеодоръ. Онъ посѣтилъ Θеодора, исповѣдалъ ему свое иконопочитаніе, выслушалъ наставленія святого и по возвращеніи на свое мѣсто подѣлился съ однимъ клирикомъ вѣстью, что видѣлъ Θеодора и слушалъ его бесѣду о догматахъ истинной вѣры. Затѣмъ оба клирика отдѣлились отъ церковнаго общенія своего, очевидно иконоборческаго, епископа. Послѣдній немедленно отправился къ стратигу Ораве (Ὀραβέ), получившему должность за хуленіе иконъ; этотъ написалъ письма стратигу Восточныхъ частей, давая понять, что не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія презрѣніе законовъ императора, и самому царю съ донесеніемъ о епископѣ и клирикахъ. Стратигъ Востока послалъ одного чиновника (Θеофана) дать Θеодору 50 ударовъ ремнями, но посланный припалъ къ ногамъ святого и просилъ у него благословенія (§ 39). Къ тому же стратигу явился скоро и царскій посланецъ Анастасій Мартинакій (τοῦ γένους τῶν Μαρτινακίων), ярый иконоборецъ, съ выговоромъ о нерадѣніи къ своимъ обязанностямъ. Стратигъ замѣтилъ, что онъ наказалъ игумена; Анастасій отправился къ Θеодору, раздѣлъ его и не нашелъ на тѣлѣ его никакихъ знаковъ ударовъ, захохоталъ и сказалъ: «гдѣ же недавніе слѣды ремней? Онъ нанесъ игумену 100 ударовъ, заперъ его въ тѣсное помѣщеніе съ небольшимъ отверстіемъ. Вмѣстѣ съ игуменомъ заключенъ былъ и ученикъ его Николай, страдавшій «до насъ смиренныхъ» (μέχρις ἡμῶν τῶν ταπεινῶν) и явившійся совершеннымъ человѣкомъ «въ нашемъ поколѣніи» (ἐν τῇ καθ' ἡμᾶς γενεᾷ, § 40). Анастасій вернулся къ стратигу Востока съ двумя учениками Θеодора и укорялъ его въ обманѣ; тогда стратигъ призвалъ Θеофана и велѣлъ дать ему 100 ударовъ за неисполненіе его приказанія; утѣшившись этимъ, вельможа сѣлъ на общественныхъ коней (τοῖς δημοσίοις ἵπποις) и вернулся въ столицу. Θеодоръ и другіе заключенные зимою цѣпенѣли отъ холода, лѣтомъ сгорали отъ жара; зарождающіяся отъ пыли блохи (ψύλλαι) также причиняли имъ много страданій, ибо перемѣны одеждъ у нихъ не было; скудная пища была у нихъ сокращена, и то, что прежде полагалось на каждаго, теперь выдавалось на всѣхъ. Θеодоръ отдавалъ свою порцію Николаю, а самъ довольствовался божественнымъ причастіемъ и просилъ своего ученика въ случаѣ его смерти отъ голода сообщить о томъ экопому и братіи Студійскаго монастыря. Впрочемъ, одинъ могущественнѣйшій вельможа (ἡγεμονικώτερος σατράπης), проѣзжавшій въ тѣхъ краяхъ и узнавшій о голодовкѣ заключенныхъ, съ

сильною укоризною приказалъ доставлять имъ пищу въ достаточномъ количествѣ (§ 41).

Три цѣлыхъ года (816—818) содержались въ заточеніи Θеодоръ и Николай. Кромѣ разныхъ страданій у игумена было еще сильное разстройство желудка (τὸν στόμαχον ἰσχυρῶς ἀνορεκτοῦντα). Однажды, неизвѣстно какъ, попало въ руки царя Огласительное посланіе Θеодора, раскрывавшее козни иконосожигателей. Онъ отправилъ грамоту къ стратигу Востока (ὁ τῆς ἑῴας στρατηγός) съ приложеніемъ посланія и потребовалъ наказать автора письма сотнею ударовъ. Восточный стратопедархъ (ὁ τῆς ἀνατολῆς στρατοπεδάρχης), по имени Кратеръ (Κρατερός), явился въ заключеніе, вывелъ обоихъ узниковъ, показалъ Θеодору посланіе, которое тотъ призналъ своимъ, наказалъ бичами сначала Николая, потомъ нанесъ 100 ударовъ игумену, затѣмъ снова до крови избилъ Николая и оставилъ ихъ страдать на холодѣ: это происходило 23 февраля (819 года, § 42). Въ это время одна женщина въ Опсикійской ѳемѣ, одержимая прорицательными духами, въ слухъ стала говорить: «злой Левъ мой теперь опять послалъ связку бичей къ Θеодору, чтобы терзать ими плоть его; поспѣшите же, посмотрите, что будетъ, и скоро принесите мнѣ отвѣтъ; впрочемъ не входите въ его келію, чтобы онъ не обжогъ васъ, но оставаясь внѣ, посмотрите, что будетъ». Часа черезъ два или три она опять стала болтать сама съ собою: «что это? Ничего не случилось, чего мы хотѣли? Я знала, что сѣрый плащъ опять прикроетъ плеча его и не дастъ ему почувствовать боль отъ ударовъ». Однако, замѣчаетъ агіографъ, Θеодоръ, говорятъ, едва не умеръ отъ этого бичеванія: раны, воспалившіяся и обратившіяся въ язвы, и загнившіе куски тѣла почти не давали ему возможности перевести духъ, погрузиться въ сонъ, который бы облегчилъ боль, или получить аппетитъ къ съѣстному. Николай, доставши ячменнаго отвара (χυλάριον), подавалъ ему не больше одной чашки (καυκάλιον) въ каждый день; за неимѣніемъ врачей Θеодоръ позволилъ ему обрѣзывать ножемъ сгнившія части висѣвшей кожи его. Въ такомъ страданіи святой провелъ всю Четыредесятницу (17 апрѣля — 26 мая 819) и только въ послѣдніе дни Пятидесятницы (ок. 1 іюня 819 г.) въ тѣлѣ его возстановилось полное здоровье (§ 43). Но еще раны его не зажили, какъ явился отъ царя новый посланецъ для перевода узниковъ въ Смирнскую епархію; съ толпою приспѣшниковъ онъ напалъ на жилище, выломалъ двери и требовалъ богатства, котораго тѣ не имѣли, перешарилъ всѣ стѣны и щели кельи, но ничего не

нашелъ. Ихъ повлекли, не смотря на то, что Θеодоръ отъ изнуренія едва могъ двигаться, и на ночь забивали имъ ноги въ колодки. Черезъ немного дней они достигли Смирны и были переданы смирнскому митрополиту-иконоборцу, который заключилъ ихъ въ оградѣ митрополіи на хлѣбъ и воду съ лишеніемъ имѣть сообщеніе съ людьми. Имп. Левъ еще разъ прислалъ сюда Анастасія Мартинаки (τὸν Μαρτινάκιν) бичевать Θеодора ремнями (§ 44). Между тѣмъ тамошній (Смирнскій) стратигъ Варда, своякъ и единомысленникъ царя, заболѣлъ, прибылъ въ митрополію и лежалъ въ постели. Одинъ изъ чиновниковъ его, благородный иконопочитатель Діогенъ, пожелалъ видѣть Θеодора и бесѣдовалъ съ нимъ черезъ отверстіе заключенія; на замѣчаніе его о болѣзни Варды Θеодоръ сказалъ: «скажи господину своему слѣдующее: посмотри, что ты долженъ дѣлать, когда, можетъ быть, находишься при концѣ жизни, и помощника или избавителя нѣтъ; вспомни о томъ, что дѣлалъ ты въ благополучное время власти своей съ исповѣдниками Христовыми и особенно съ моею обителью; и приснопамятнаго Θаддея ты самъ, жестоко избивъ ремнями, предалъ смерти» (§ 45). Діогенъ сталъ молить Θеодора о помилованіи, и узникъ послалъ больному икону Богоматери, заповѣдавъ поклониться ей, просить молитвъ Θаддея и затѣмъ надѣяться, что ему будетъ лучше; а самъ онъ всю ночь молился о немъ Богу. Варда выздоровѣлъ, но онъ какъ бы для возстановленія совершеннаго здоровья сталъ пользоваться елеемъ, благословеннымъ иконоборческимъ епископомъ. Θеодоръ предсказалъ ему возвращеніе болѣзни, Варда расхворался и умеръ. Въ Смирнѣ Θеодоръ пробылъ 20 мѣсяцевъ (май 819—декабрь 821 г.); среди учениковъ его здѣсь были Навкратій, пресвитеръ Дороѳей, Виссаріонъ, Іаковъ, Домитіанъ, Тиѳой (Τιθόεις), Тимоѳей и Евѳимій, которые также испытали на себѣ бичи (§ 46).

Богъ вспомнилъ о воздыханіяхъ узниковъ и наказалъ виновника бѣдъ за преступленія, опредѣливъ такъ, что онъ лишился жизни отъ убійственнаго меча въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ унижалъ божественное Воплощеніе Еммануила (§ 47). Когда такимъ образомъ этотъ властитель былъ убитъ ночью въ одной изъ церквей дворца (24 декабря 820 года), то умертвившій его Михаилъ принялъ скипетръ царства. Онъ, «хотя издавна былъ весь проникнутъ еретическою заразою, но по нравамъ былъ человѣкъ снисходительный». Онъ издалъ повелѣніе освободить всѣхъ, изгнанныхъ Львомъ и содержимыхъ подъ стражею; Θеодоръ вернулся изъ Смирны въ отечествен-

ную область (Саккудіонъ?), былъ радушно принимаемъ въ разныхъ мѣстахъ и селеніяхъ, особенно же жителями Ксиролофовъ (τῶν λεγομένων Ξηρολόφων),—мѣстности, повидимому, въ Азіи, а не въ Константинополѣ, гдѣ находился Ξηρολόφος. — Вскорѣ потомъ, перешедши въ сосѣднюю мѣстность при такъ называемомъ озерѣ Митата (τὰ λεγόμενα λάκκου Μιτάτα), онъ прожилъ здѣсь не мало дней; сюда стеклись почти всѣ высшіе члены братства, бывшаго подъ его началомъ; равно и Іосифъ прибылъ для встрѣчи своего брата изъ крѣпости Елпизонъ (Ἐλπίζων), гдѣ онъ содержался подъ стражею. Тамъ Θеодоръ, говорятъ, совершалъ и чудеса. Принимавшій его состоялъ въ должности ипата и носилъ имя Льва, потомъ монахъ Θеодоръ; онъ ежегодно приходилъ поклониться ракѣ мощей Θеодора Студита и однажды разсказалъ братіи слѣдующее (§ 48). Когда Левъ принималъ у себя Θеодора, дѣвица, избранная имъ для своего сына Діонисія и уже повѣнчанная съ нимъ, внезапно впала въ сильную горячку; брачныя пѣсни смѣнились плачевными. Узнавъ о томъ, Θеодоръ благословилъ елей и, приславъ его изъ селенія Птелеи (Πτελέα), въ которомъ онъ находился, приказалъ помазать имъ лобъ больной, также ладони обѣихъ рукъ и подошвы ногъ; дѣвица тотчасъ выздоровѣла (§ 49). Тотъ же старецъ продолжалъ: нѣкій Левъ изъ села Ахирая (Ἀχιραώ-οῦς) имѣлъ жену сумасшедшую (ἐχούση πνεῦμα ἀκάθαρτον), кусавшую свое тѣло и не чувствовавшую боли. Левъ, увидѣвъ ѣхавшаго на ослѣ Θеодора, подошелъ къ нему съ женою и просилъ его благословенія. Святой возложилъ правую руку на голову жены, произнесъ молитву, и демонъ ее оставилъ, только у женщины выпали ногти изъ рукъ и ногъ (§ 50). Третій разсказъ старца слѣдующій: «одна рѣка протекаетъ близъ нашихъ мѣстъ, называемая Оноптиктисъ (Ὀνοπτίκτης), которая самымъ названіемъ своимъ, я думаю, выражаетъ вредъ, причиняемый ея наводненіемъ, такъ что и неразумныя животныя не избѣгали гибели отъ ея разливовъ. Однажды она, поднявшись и выступивъ изъ береговъ своихъ, не мало опустошала Птелейскую мѣстность». Левъ увѣдомилъ святого, тотъ явился съ нимъ на мѣсто разлива въ позднее время того же дня и, вознесши славословіе Господу, водрузилъ крестъ; съ того времени рѣка и донынѣ отступаетъ передъ Господнимъ знаменіемъ (§ 51). Въ то время, продолжалъ старецъ, когда Θеодоръ жилъ еще въ нашемъ домѣ въ Птелеяхъ (ἐν Πτελέαις), мнѣ случилось по одной надобности отправиться въ другое селеніе (χωρίον)—Метеорій (Μετεώριν). На возвратномъ пути около горы встрѣтился мнѣ

тигръ; я вскрикнулъ: «не приближайся ко мнѣ, я спѣшу къ служителю Христову Өеодору»; тигръ повернулся и отправился проложенною дорогою. Затѣмъ агіографъ передастъ разсказы Студійскаго инока Софронія (§ 52). Однажды Өеодоръ въ обители Студійской пошелъ навѣстить больныхъ. Одинъ изъ нихъ уже отчаялся въ жизни, стеналъ и умолялъ брата милосердія Симеона попросить Өеодора о молитвѣ и о разрѣшеніи его отъ узъ. Симеонъ такъ и сдѣлалъ. Өеодоръ обратился къ востоку, разгорѣлся въ лицѣ, воздѣвъ руки горѣ, прослезился, помолился, и Господь послалъ смерть больному (§ 53). Слѣдующій разсказъ—Софронія, одного изъ преемниковъ Өеодора на игуменствѣ Студійской обители, о пожарѣ. Въ иконоборческую эпоху Софроній шелъ однажды въ өемѣ Пафлагонской вмѣстѣ съ Анатоліемъ, ученикомъ и письмоводителемъ (νοτάριος) Өеодора, терпѣвшимъ бичеванія и заключенія отъ иконоборцевъ. Вечеромъ они остановились близъ склада сѣна въ копнахъ, гдѣ расположился и воинскій ромейскій отрядъ (νούμερον στρατοῦ). Когда для нагрѣванія воды были зажжены костры, огонь коснулся сѣна и сталъ опустошать копны. Между солдатами произошло смятеніе и возмущеніе, всѣ искали виновника пожара. Анатолій, боясь подвергнуться народной ярости, помолился Богу, призвалъ имя Өеодора, и пламя немедленно погасло, какъ бы отъ сильнѣйшаго дождя (§ 54). По словамъ Софронія, чудо о пожарѣ имѣло мѣсто и въ Константинополѣ, въ домѣ одного изъ вельможъ, жившаго въ Равдѣ (εἰς τὴν Ῥάβδον). Сама хозяйка дома разсказывала Софронію, что пожаръ у нихъ на сѣновалѣ начался въ полдень; имущество находилось въ опасности; побѣжали за водой и насосами (ὑδροστάτης); хозяйка, получившая письмецо отъ Өеодора и хранившая его въ одной изъ корзинъ, сдѣланныхъ изъ пальмовыхъ вѣтвей, поспѣшно взяла и бросила его съ возвышеннаго мѣста на встрѣчу пламени. Огонь быстро сталъ утихать и наконецъ уменьшился до того, что оказалось излишнимъ стеченіе народа и расположеніе по мѣстамъ насосовъ (§ 55). О другомъ чудѣ Өеодора дошелъ до Михаила-автора слухъ съ острова Сардиніи (ἡ Σαρδωνικὴ νῆσος). Студиты выслушали въ Сардиніи отъ тамошняго правителя (ὑπάρχων) такой разсказъ. Правитель издавна пріобрѣлъ Өеодоровы трипѣсныцы на Четыредесятницу и ежегодно пѣлъ ихъ, «какъ и теперь дѣлаю это». Въ то время у него остановились монахи, называвшіе себя учениками Григорія, бывшаго (τοῦ γεγονότος) архіепископа Сиракузскаго, и получали не малое утѣшеніе. Въ Четыредесятницу онъ распорядился,

чтобы были пѣты трипѣсницы Ѳеодора. Монахи удивились, что и сюда достигла слава Студійскаго игумена, и стали осмѣивать святого и порицать его пѣснопѣнія, какъ будто составленныя не по правиламъ искусства. Правитель было поддался имъ и запретилъ пѣть эти трипѣсницы; но ночью онъ увидѣлъ Ѳеодора, высокаго ростомъ, сухощаваго, съ блѣднымъ лицемъ, полусѣдыми волосами и плѣшиваго; а за ними шли жезлоносцы, которымъ онъ приказалъ бить правителя и самъ приговаривалъ: «ты, невѣрный, презираешь мои произведенія»? Правитель проснулся съ трепетомъ сердца и со знаками сильнѣйшаго бичеванія тѣла, немедленно выгналъ изъ своего дома монаховъ и снова ввелъ въ употребленіе трипѣсницы Ѳеодора (§ 56). Изъ другихъ чудесъ при жизни и по смерти святого агіографъ отмѣчаетъ слѣдующія: одинъ изъ сумасшедшихъ (πνευματιώντων) говорилъ, что выздоровѣлъ чрезъ Ѳеодора; болѣвшій тѣлесными болѣзнями выздоровѣлъ; заболѣвшій желудкомъ только взглянулъ на икону Ѳеодора, написанную на столбѣ, и призвалъ его имя, какъ выздоровѣлъ; одинъ, принявшій вредную и весьма землянистую пищу, подобно яду, и почувствовавшій боль во внутренностяхъ, выпилъ елея изъ лампады, висящей надъ гробницею его, и послѣ небольшой рвоты исцѣлился отъ заразы; одинъ, выпивъ цѣлительнаго елея съ ладони своей, освободился отъ болѣзни мочеваго камня (νεφρίτης λίθος); страдавшій боязнію пространства, боявшійся спать въ отдѣльномъ помѣщеніи и даже не смѣвшій выходить ночью за нуждою, выпилъ немного елея изъ упомянутой лампады, изобразилъ знаменіе креста на сердцѣ и на лбу и сталъ небоязливымъ (§ 57).

Итакъ Ѳеодоръ, проживъ много дней въ Птелеяхъ, прибылъ въ окрестности Прусы. Слава о немъ распространилась по всей Олимпійской области (ἡ Ὀλύμπιος παροικία); къ нему потянулись подвижники и всѣ удостоились его благословенія. Затѣмъ игуменъ прибылъ въ Халкидонъ, гдѣ посѣтилъ монаха Ѳеоктиста, бывшаго ранѣе, въ мірѣ, магистромъ, потомъ постриженнаго Ѳеодоромъ и теперь подвизавшагося въ собственномъ монастырѣ; отсюда онъ прибылъ къ патріарху Никифору; встрѣча ихъ была самая трогательная (§ 58). Черезъ нѣсколько дней Ѳеодоръ отправился въ заливъ Никомидійскій и поселился въ такъ называемыхъ Крискентіевыхъ мѣстахъ (εἰς τὰ λεγόμενα Κρησκεντίου). Сюда собралось множество монаховъ и общежительныхъ братій, между прочимъ Петръ, великій аскетъ, справедливо прозванный Авукисомъ (Ἀβούκις, не вкушающій и куска хлѣба), прибывшій изъ своего жилища близъ горы Олимпа для собесѣдованія съ

Θеодоромъ о порицавшихъ его жизнь и называвшихъ его волшебникомъ (γόης) за совершаемыя имъ чудеса. Θеодоръ совѣтовалъ ему вкушать иногда хлѣба, вина и прочихъ яствъ и употреблять обувь въ зимнее время (§ 59).

Между тѣмъ избранные изъ митрополитовъ на соборѣ своемъ согласились идти къ императору всѣмъ вмѣстѣ, за исключеніемъ патр. Никифора, чтобы снять тѣ клеветы, которыя иконоборцы взвели на вѣру и церковь Христову. При посредствѣ одного вѣрнаго вельможи они вошли во дворецъ и тамъ каждый изъ нихъ, какъ могъ, сказалъ привѣтствіе кесарю; потомъ просили его не забывать человѣколюбія Божія и милости, по которой онъ избавился отъ рукъ своего предшественника (Льва Армянина), но представить Христу, какъ непремѣнный долгъ, воздаяніе за это особенно возстановленіемъ въ церквахъ иконъ. «Онъ же, какъ человѣкъ необразованный, грубый нравомъ и вовсе несвѣдущій въ библейской исторіи, съ неудовольствіемъ выслушавъ это, предложилъ и Θеодору Студиту высказать свое мнѣніе». Этотъ высказался въ томъ же духѣ. Тогда императоръ сказалъ: «хороши и прекрасны ваши слова, но такъ какъ я никогда досегодня не поклонялся никакой иконѣ, то, какою я нашелъ церковь, такою и оставлю ее; вамъ же я предоставляю власть свободно держаться догматовъ, какъ вы говорите, православной вѣры, впрочемъ внѣ этого города, гдѣ каждый изъ васъ захочетъ жить, не опасаясь и не ожидая себѣ никакой опасности отъ нашей власти». Съ этими словами онъ отпустилъ ихъ изъ дворца (§ 60). Θеодоръ, покинувъ столицу, опять отправился въ Крискентіевы мѣста и тамъ продолжалъ труды монашескаго общежитія до возмущенія бунтовщика Θомы. Когда послѣдній сталъ опустошать азіатскую страну (τὴν ἀσιάτιδα χθόνα), царскимъ указомъ (κέλευσις) повелѣно было приверженцамъ патр. Никифора прибыть въ Константинополь. Это сдѣлано было кесаремъ «не изъ попечительности о нихъ, а изъ боязни, чтобы нѣкоторые изъ нихъ не пристали къ сторонѣ Θомы, такъ какъ говорили, что онъ принимаетъ иконы и поклоняется имъ». Вслѣдствіе этого Θеодоръ опять прибылъ въ Константинополь (полагаютъ: въ 822 году). Но какъ только Θома перешелъ въ Европу и былъ взятъ императоромъ, Студійскій игуменъ отплылъ въ сосѣдній съ Акритомъ полуостровъ св. Трифона (полагаютъ: въ 823 году)[1]). Отсюда онъ въ одинъ изъ

1) col. 320: πρὸς τὴν πελάζουσαν τῷ Ἀκρίτᾳ χερσόνησον τὴν ἐπιλεγομένην τοῦ ἁγίου Τρύφωνος.

торжественныхъ дней отправился съ митрополитами къ патр. Никифору, который удостоилъ его преимущества чести: восхвалялъ его подвиги въ иконоборческій пятилѣтній періодъ царствованія Льва и за трапезою предоставилъ ему одному сидѣть на одномъ возвышеніи вмѣстѣ съ собою (§ 61). Говоря о доблестяхъ Θеодора, агіографъ замѣчаетъ: «если кто изъ противниковъ не вѣритъ написанному нами здѣсь въ пользу невѣдущихъ, тотъ пусть внимательно прочитаетъ свитки писемъ отца нашего, и будетъ вѣрующимъ, узнавъ изъ нихъ истину словъ нашихъ объ этомъ» (§ 62). Θеодоръ до самаго конца жизни не переставалъ посылать по всѣмъ странамъ и городамъ письма, присоединяя многихъ къ православной вѣрѣ. Къ нему приходили изъ столицы и отдаленныхъ острововъ и городовъ митрополиты, игумены и монахи и удостоивались его благословенія (§ 63). Итакъ, по прошествіи почти 67 лѣтъ всей его жизни и 12 лѣтъ третьяго изгнанія его Θеодоръ около начала ноября мѣсяца (826 года) подвергся болѣзни, скрывавшейся въ немъ и издавна постигшей его отъ заключеній подъ стражею и происшедшаго отсюда небреженія о здоровьѣ, именно болѣзни желудка: онъ совершенно лишился аппетита. Въ дальнѣйшемъ Михаилъ слѣдуетъ разсказу Навкратія (§ 64—67)... Тѣло его тогда же было перенесено съ упомянутаго полуострова на островъ Принцевъ (πρὸς τὴν Πρίγκιπον), гдѣ и погребено. Почивавши на этомъ островѣ около 18 лѣтъ и сохранившись нетлѣннымъ, оно было торжественно перенесено къ собственной его паствѣ Студійской въ началѣ седмицы нашего православія (26 января 844 года), при служеніи патр. Меθодія, и положено въ гробницѣ Платона, игумена его, вмѣстѣ съ Іосифомъ, архіеп. Солунскимъ, роднымъ братомъ его (§ 68).

Существуетъ, повидимому, современное слово на перенесеніе мощей Θеодора (въ рукописи Аθоно-Иверскаго монастыря), но оно осталось намъ недоступнымъ[1]).

Первымъ сохранившимся біографическимъ извѣстіемъ о Θеофанѣ Сигріанскомъ должно считаться посланіе Θеодора Студита ко вдовѣ его Мегало-Иринѣ, написанное тотчасъ по полученіи извѣстія о кончинѣ Θеофана. «Возненавидѣвъ міръ, писалъ изгнанникъ Θеодоръ, онъ отдалъ въ даръ Христу свое многоцѣнное имущество; потомъ, разлу-

1) Εἰκότως ἄν τις ἡμῖν ἐγκαλέσειεν. Любопытно, что съ такимъ же началомъ имѣется неизданное слово на перенесеніе мощей Іосифа Солунскаго и Θеофана Начертаннаго (cod. Paris. MCDLVI, nº 10).

чившись съ знаменитой супругою, родными, друзьями и знакомыми, оставивъ земное достоинство, домъ, городъ, отечество и притомъ въ цвѣтущемъ возрастѣ, благообразный лицемъ и высокій возрастомъ, крѣпкій тѣломъ и одаренный прекрасными качествами обоихъ родовъ, и умственными и видимыми.... Бывъ насильно отлученъ отъ паствы по тяжкой болѣзни, въ другіе два года слишкомъ бывъ заключенъ подъ стражею, потомъ сосланъ на нѣкоторый островъ и тамъ довершилъ исповѣдническіе подвиги за Христа»[1]). Изъ этого письма къ «Мегало и Маріи (родственницѣ ея) инокинямъ» видно, что Θеофанъ былъ воспріемнымъ отцомъ при принятіи Θеодоромъ иночества, что Θеодоръ очень почиталъ святого, не смотря на нѣкоторыя тренія между ними. «Отошелъ отецъ мой, писалъ игуменъ Студійскій, исповѣдникъ Христовъ, всѣми любимый мужъ, много плакавшее око, любознательный умъ, обогащенный божественнымъ вѣдѣніемъ; ...памятуй о паствѣ твоей и о мнѣ, сынѣ твоемъ».

Житіе Николая Студита, написанное анонимнымъ студійскимъ инокомъ около 924 года, драгоцѣнно во многихъ отношеніяхъ. Агіографъ постригся въ Студіи, какъ кажется, въ 70-хъ годахъ IX в. отъ руки игумена Анатолія и былъ прекрасно образованъ и начитанъ. Житіе составлено по опредѣленной схемѣ съ витіеватымъ предисловіемъ[2]); въ немъ классическая реминисценція занимаетъ умѣренное мѣсто, преобладаютъ цитаты изъ св. Писанія, замѣчается любовь къ игрѣ словами (Никифоръ, Θеодоръ, Еварестъ, Иларіонъ) и слѣдуетъ обычное сравненіе святого съ ветхозавѣтными мужами. Стиль изященъ, изложеніе почти вездѣ строго послѣдовательное, но безпристрастіе, вопреки заявленію автора, недостаточное: такъ, напр., невѣроятно, чтобы Фотій «гонялся за славою» удаленнаго изъ монастыря Николая. Авторъ знаетъ житія Θеодора Студита, изрѣдка совѣщается съ ними, но вообще держитъ себя вполнѣ независимо, предпочитая переписку самого Θеодора. О дальнѣйшей жизни Николая (по смерти Θеодора) онъ могъ узнать отъ того же игумена Анатолія, которому онъ обязанъ и однимъ анекдотомъ. Житіе рисуетъ

---

1) Сергій. Избранныя житія святыхъ. Владиміръ 1893, стр. 213—215.

2) Οἱ τοὺς ὀλυμπίους ἀγῶνας κρατοῦντες: Combefis. Historia haeresis monothelitarum. Paris. 1648, p. 889—953 и Migne Patr. gr., CV. 864—925; цитируемъ по изданію Комбефиса; въ AA. SS. Boll. февраль I. 539—552 одинъ латинскій переводъ. Греческій текстъ напечатанъ по cod. Regius (antiquus), т. е. по № 1450, XI в., или по № 1452, X в. (Omont. Inventaire, II. 45, 46).

намъ въ лицѣ Николая строгаго послѣдователя Θеодоровой доктрины, основанной на буквѣ канововъ, осуждавшей возведеніе мірянъ заразъ (ἀθρόως) на епископство. Θеодоръ отказался имѣть общеніе съ патр. Никифоромъ, ибо послѣдній былъ поставленъ прямо изъ мірянъ; впрочемъ, позже Θеодоръ примирился съ нимъ, да и римская церковь признала патріарха святымъ. Ученикъ Θеодора, Николай, оказался въ такомъ же положеніи, когда на патріаршій престолъ былъ возведенъ изъ мірянъ Фотій: онъ прекратилъ съ нимъ общеніе, но о примиреніи когда либо съ нимъ едва ли думалъ, ибо тутъ встрѣтилось одно обстоятельство очень существенное: Фотій вступилъ на престолъ не по смерти предшественника, какъ патр. Никифоръ (въ такомъ случаѣ не могло бы произойти и раздѣленія церквей), а по сверженіи его съ престола. Каноническія постановленія были нарушены болѣе, нежели при возведеніи Никифора. Ригористы, защищая дѣло Игнатія, съ тѣмъ большею силою обрушились на Фотія, хотя онъ-то тутъ былъ виновенъ столько же, какъ и Никифоръ, — вся отвѣтственность за нарушеніе церковныхъ правилъ лежала на правительствѣ Михаила и Варды. Фотій вступилъ на престолъ подъ давленіемъ императора, онъ очевидно воспользовался прецедентомъ — тою знаменитою *οἰκονομία*, къ которой прибѣгали патріархи Тарасій и Никифоръ. Послѣднимъ это «приспособленіе къ обстоятельствамъ» простили и студиты и римскій папа, а *οἰκονομία* Фотія, что̀ съ ихъ стороны очень непослѣдовательно, осталась предметомъ ненависти. Біографъ Николая, разумѣется, стоитъ на точкѣ зрѣнія его преданія и вооруженъ противъ Фотія; но для X вѣка Византіи это было явленіе, уже отживающее свое время. Житіе очень важно своими именами студійскихъ игуменовъ, сообщая послѣдовательный рядъ по крайней мѣрѣ десяти настоятелей. Правда, новыхъ историческихъ данныхъ мы въ немъ почти не найдемъ, но встрѣтимъ нѣсколько небезъинтересныхъ топографическихъ именъ.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что побѣдители на Олимпійскихъ играхъ добиваются похвалы риторическими рѣчами [1]); но долженъ восхваляться болѣе законъ воспитанія, нежели истинный законъ обстоятельствъ, ибо природою установлено, что желаемое выше всего другого; дивящіеся подвигамъ великихъ мужей и желающіе украсить ихъ ими восхваляютъ ихъ не риторскимъ талантомъ или философ-

---

1) Палладій въ Ж. I. Златоустаго (Migne, XLVII. 3) ὥσπερ καὶ ἐν Ὀλυμπιακοῖς ἀγῶσι καλεῖ μὲν ὁ κῆρυξ τὸν βουλόμενον, στεφανοῖ δὲ τὸν νικήσαντα.

скими аргументами, но раскрывають величіе подвиговъ, выясняя одну истину, соединяя съ ней дѣло и описывая добродѣтель (§ 1). Вотъ и мы, говоритъ біографъ, намѣреваемся сказать о великомъ свѣтилѣ благочестія и общемъ отцѣ нашемъ Николаѣ; опишемъ для пользы, хотя и не искусно, однако съ любовію къ истинѣ[1]), кое-что немногое о немъ, что отъ долгаго времени покрывается молчаніемъ и затемняется въ безднѣ забвенія; разъ разсказъ написанъ ясно, похвала прозвучитъ среди многихъ людей (§ 2); да откроются уста наши, да подвигнется рука къ написанію разсказовъ о немъ (§ 3).

Николай происходилъ изъ «славнѣйшаго» острова Крита (какъ видно изъ нижеслѣдующаго, онъ родился въ 793 г.), пользовавшагося тогда (τότε) Христовою свободою, славившагося силою и величиною построекъ (ῥώμῃ τε λοιπὸν καὶ μεγέθει κτισμάτων), хотя теперь (νῦν) въ немъ обитаетъ жалкій народъ — потомки Агари, поработившій насъ за грѣхи наши (§ 4). На Критѣ проповѣдывалъ сначала ап. Титъ. О жителяхъ сложилось убѣжденіе, что «они всегда лжецы, злые звѣри, лѣнивыя брюха» (§ 5); но Николай былъ исключеніемъ изъ этого правила прорицателя Эпименида критянина (§ 6). Отечествомъ Николая было мѣстечко Кидонія (Κυδωνία, нынѣ Канея), орошаемое отовсюду потоками, обильное хлѣбомъ, виномъ и разными плодами; отсюда происходилъ родомъ и одинъ изъ 10 мучениковъ Василидъ (§ 7): — здѣсь разумѣются 10 мучениковъ Критскихъ полов. III в. (память ихъ 23 декабря); преданіе о родинѣ Василида заимствовано, повидимому, изъ житія ихъ[2]).—Родители воспитали Николая духовно, пріучили его къ церкви и научили грамотѣ (§ 8). Десяти лѣтъ (въ 803 г.) онъ прошелъ предварительное образованіе (προπαιδεία τῶν μαθημάτων) и приступилъ къ высшей степени: нищенствовать духомъ и смиренствовать тѣломъ. Онъ прибылъ въ первый между всѣми городами — въ Византію, гдѣ поступилъ въ домъ для изученія добродѣтели — въ киновію Студійскую къ дядѣ своему Ѳеофану. Въ то время въ Студіи сіялъ добродѣтелями и подвигами Ѳеодоръ (§ 9). Ѳеофанъ принялъ Николая и привелъ его къ Ѳеодору, который, прозрѣвъ, благословилъ его, а затѣмъ по молодости еще возраста велѣлъ ему жить около монастыря въ монастырскомъ домѣ для дѣтей (καταγώγιον τῶν παίδων), вмѣстѣ съ другими ровестниками, и изучать

---

1) εἰ καὶ ἀτέχνως, πλὴν φιλαλήθως.

2) Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἀνάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας, IV. 226: ἐκ δὲ τῆς Κυδωνίας Βασιλείδης.

науки. — Очевидно, Николай поступилъ въ монастырскіе дѣтеныши, о которыхъ мы говорили при разборѣ житія Стефана новаго (стр. 146). Дѣти жили вмѣстѣ внѣ монастыря, дабы не безпокоить монаховъ. Николай уклонялся отъ дѣтскихъ игръ и былъ трезвенникомъ (§ 10). Придя въ возрастъ, онъ изучилъ вступительныя науки (τὰς εἰσαγωγικὰς μαθήσεις), потомъ грамматику для того, чтобы писать правильно; онъ сдѣлался даже скорописцемъ, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе многихъ. У «преподавателя общаго знанія» (τῷ κοινῷ καθηγητῇ) онъ ежедневно упражнялся въ заповѣдяхъ и пожиналъ плоды благочестія. Входя въ храмъ первымъ и выходя послѣднимъ, онъ внимательно слушалъ повѣствованія объ отцахъ и самъ перечитывалъ ихъ житія (§ 11). Достигши совершеннолѣтія, онъ былъ облаченъ Θеодоромъ въ монашескую рясу (§ 12), отдался святому вполнѣ и поработилъ ему свою волю, такъ что казался бездушною статуею (§ 13). Соединяя добродѣтель съ мужествомъ, онъ, выражаясь поэтически, «бѣжалъ на лидійской колесницѣ» (§ 14)[1], отличался воздержаніемъ, молитвами и слезами (§ 15); таковъ былъ совершенный человѣкъ въ нашемъ поколѣніи (τῇ καθ' ἡμᾶς γενεᾷ). По приказу «отца» и по просьбѣ общаго братства онъ былъ поставленъ во пресвитера (§ 16); занимался рукодѣліемъ, переписывая книги (δέλτους ἄριστα συρμεογραφῶν) съ такою быстротою, съ какою бѣгалъ Асаилъ (§ 17). Родной братъ Николая, Титъ, явившійся странникомъ по взятіи его отечества и по задержаніи тамъ его родителей, разсказалъ трагическую повѣсть о занятіи острова Измаильтянами[2], прибавляя: горе вамъ, критяне, населяющіе концы моря (Софон. II. 5); блещетъ мечъ, лукъ наказанія натянутъ на насъ (§ 18). — Агіографъ ограничивается краткимъ упоминаніемъ этого событія; онъ упустилъ изъ вида, что тогда мученически скончался архіепископъ Гортинскій Кириллъ[3]). И вообще разсказъ о занятіи острова Крита Арабами (826 г.) здѣсь не на мѣстѣ: онъ долженъ былъ бы находиться въ § 47. Въ такомъ случаѣ Титъ увѣдомилъ брата о несчастіи не въ Студіи, гдѣ Николая уже не было, а, вѣроятно, въ Виѳиніи, гдѣ послѣдній находился съ Θеодоромъ Студитомъ.

---

1) Григорій Богословъ въ похвалѣ Василію Великому (Migne, XXXVI. 525): πεζοὶ παρὰ Λύδιον ἅρμα ἐθέομεν; агіографъ: διὰ Λύδιον ἅρμα θέειν, ποιητικῶς εἰπεῖν.

2) col. 901: τραγῳδίας ὑπὸ τῶν ἀγρίων συῶν γενομένης σφαγῆς τῶν ἀθέων Ἰσμαηλιτῶν μετὰ πολλῶν τῶν δακρύων ἐκδιηγούμενος.

3) Cedr. II. 94.

«Общій нашъ отецъ» Николай отличался безмолвіемъ; братъ его (Титъ) былъ образцемъ добродѣтелей; у всѣхъ было общее свѣтило— великій Ѳеодоръ; братъ послѣдняго Іосифъ, позже архіепископъ Солунскій, Тимоѳей, Аѳанасій, Навкратій и много другихъ подвижниковъ — всѣ они жили въ земномъ семъ (τούτῳ) небѣ (§ 19). Но среди покоя неожиданно появилась туча съ восточныхъ частей и затемнила все: явился Левъ Армянинъ, человѣкъ вредный и совсѣмъ дурной, притворявшійся благочестивымъ. Въ царствованіе имп. Михаила, когда «Гунны» опустошали греческія страны до самаго Лива [1]), онъ былъ назначенъ стратигомъ и со многими другими посланъ противъ этого народа. — Здѣсь имѣется въ виду греко-болгарская война 813 года. Въ отношеніи опредѣленія мѣстности Лива мы дальше ушли отъ Комбефисова «haud satis intelligo» и можемъ сказать, что Ливъ была мѣстность или городъ во Ѳракіи, въ означенное время принадлежавшая Византіи, но позже, какъ видно изъ житія Іоанникія (р. 346), населенная Болгарами. Съ подобнымъ названіемъ мы встрѣтимся, впрочемъ, и ниже. — Содержа тайно ересь отца Константина Копронима, тоже Льва, и его львинаго сына (λεοντίδου τοῦ τούτου υἱοῦ), Левъ Армянинъ возсталъ противъ имперіи (§ 20). Подкупивъ многими дарами подчиненные ему полки, онъ во Ѳракійскихъ областяхъ, внѣ городовъ, былъ провозглашенъ царемъ, и входитъ во дворецъ въ качествѣ императора-иконоборца [2]). — Извѣстіе о подкупѣ впервые сообщено въ Михаиловомъ житіи Ѳеодора Студита; оно повторено въ разбираемомъ здѣсь житіи Николая, а также у Кедрина [3]), но его не знаетъ ни самый ранній хронографъ — Ѳеофанъ, ни анонимово житіе Ѳеодора.—Левъ Армянинъ не долго хранилъ молчаніе, — пока не обезопасилъ за собою власти; потомъ онъ разверзъ свои хульныя уста словами, что нельзя ставить иконы, ибо онѣ — идольскія изображенія (§ 21). Здѣсь агіографъ проводитъ разницу между εἴδωλον, которое есть нѣчто такое, что представляетъ подобіе экземпляра въ ложномъ видѣ (δολιοῦν), и εἰκών, которое названо такъ потому, что ему подобно (ἐοικυῖα).—Красивое, по замѣчанію Комбефиса, различеніе этихъ словъ однако не убѣдительно съ корневой точки

---

1) col. 904: τῶν Οὔννων ἤδη κατὰ τὸν Λίβα ληϊζομένων τὰς χώρας.

2) τὰς ὑπ'αὐτὸν τελούσας, στρατιωτικὰς φάλαγγας δώροις πολλοῖς φαινακίσας ὁ μάταιος, καὶ πρὸς τὰ Θρακῷα μέρη γεγονώς, τῶν ἄστεων θύραθεν ἀναγορεύεται ἄναξ, καὶ εἴσεισιν εἰς τὰ βασίλεια.

3) Cedr. II. 45: τὰ ὑπ'αὐτὸν διαφθείρας τάγματα.

зрѣнія.—Левъ подыскалъ нѣсколько лицъ, умственно испорченныхъ, и хотѣлъ съ помощію ихъ обратить благочестіе въ посмѣшище, но это ему не удалось (§ 22). Однажды онъ въ одномъ изъ священныхъ дворцовъ (τῶν ἀνακτορικῶν ἔν τινι τῶν θείων) собралъ сонмъ іереевъ и «нашихъ» (студійскихъ) отцовъ, оцѣпилъ ихъ кругомъ войсками, самъ сѣлъ посрединѣ и снова началъ рѣчь объ иконахъ, направляя ее противъ патріарха (μέγαν ἱεράρχην) и его сторонниковъ; но видя, что духовенство отметаетъ его вздорныя мысли, а смѣлость Θеодора приводитъ его въ столбнякъ, раздраженный царь приказалъ выгнать ихъ изъ дворца и каждому изъ нихъ назначилъ ссылку (§ 23). Изгнанъ былъ патріархъ Никифоръ (ἀρχιερεὺς καὶ τῆς νίκης ἐπώνυμος) и всѣ другіе, а равно Θеодоръ съ ученикомъ своимъ, исповѣдникомъ Николаемъ, который переносилъ съ учителемъ всѣ испытанія, какъ видно изъ писемъ Θеодора (§ 24).—Очевидно, здѣсь авторъ ссылается на письма студійскаго игумена къ Евдокіи, къ брату Іосифу, къ разнымъ братствамъ, къ студитамъ, къ Навкратію и пр., въ которыхъ Θеодоръ говоритъ о своемъ сострадальцѣ Николаѣ.—Императоръ сослалъ ихъ въ крѣпость у Аполлоніадскаго озера Метопу (τὸ Μέτωπα), гдѣ оба они содержались цѣлый годъ. Молва о нихъ распространилась повсюду, и многіе пожелали также претерпѣвать за вѣру. Тогда царь перевелъ ихъ въ восточную оему—въ другую крѣпость, Вонитъ (Βόνιτα), гдѣ велѣлъ стеречь ихъ такъ, чтобы ихъ никто не видѣлъ и никто не разсуждалъ съ ними о вѣрѣ (§ 25). Но Θеодоръ посредствомъ писемъ убѣждалъ не только сосѣдей, но и отдаленныхъ жителей уклоняться отъ ереси. Одно изъ его писемъ въ защиту иконопочитанія попало въ руки императора, который послалъ немедленно наказать святого. Посланный вывелъ узниковъ, велѣлъ дать сто ударовъ Николаю, обоихъ, почти бездыханныхъ, заключить снова въ тюрьму и не давать имъ пищи (§ 26). Ихъ кормили черезъ два и черезъ четыре дня, а иногда и разъ въ недѣлю, причемъ лишали ихъ и воды (§ 27). Затѣмъ явился къ нимъ посланецъ съ книгою и вынуждалъ ихъ сказать, когда и къ кому она была написана противъ императора (§ 28). Когда они сказали, посланецъ велѣлъ раздѣть Николая и нещадно бить его ремнями и почти бездыханнаго оставить подъ открытымъ небомъ, между тѣмъ это было зимою — третьяго числа текущаго мѣсяца (февраля, § 29).—Какъ видно изъ житія Θеодора, здѣсь ошибка, вмѣсто 23 февраля (819 года).—Θеодоръ былъ также бичеванъ. Отъ него палачъ перешелъ снова къ Николаю, пытался отвлечь

его отъ Θеодора, но потерпѣлъ неудачу (§ 30). Тогда Николая снова начали бичевать по губамъ, по рукамъ (τῶν βραχιόνων) и по локтямъ (τῶν ὠλενῶν), вообще по αἱ ῥέχαι; потомъ привязали веревку за обѣ руки и долго таскали его, вынуждая отказаться отъ иконопочитанія; но когда и это оказалось безполезнымъ, посланецъ заключилъ его съ Θеодоромъ въ темницу и удалился. Николай лежалъ подобно трупу, и только по просьбѣ Θеодора стража принесла ему сала съ теплой водой. Игуменъ промывалъ раны и обмазывалъ ихъ саломъ; чрезъ нѣсколько дней онъ заживилъ больныя мѣста рукъ своего соузника. Однако и Николай заботился о Θеодорѣ: опытною рукою онъ отрѣзывалъ висѣвшія части тѣла и заживлялъ раны Θеодора (§ 31). Много горя перенесли страдальцы въ теченіи трехъ лѣтъ; они противились какъ императору, его чиновникамъ, такъ и самому закону природы, изнуряемые голодомъ и жаждою, холодомъ и наготою (§ 32). Много лѣтъ спустя, царь отправился въ Смирнскую митрополію. Θеодоръ и Николай сидѣли тогда въ заточеніи и въ колодкахъ вотъ уже 20 мѣсяцевъ (§ 33). Затѣмъ нечестиваго царя постигъ судъ Божій: Михаилъ экскувитъ (ὁ ἐκσκούβιτος), принявъ ромейскій скипетръ, хотя и былъ насыщенъ еретическою закваскою, однако освободилъ исповѣдниковъ (§ 34). Θеодоръ и Николай, отправившись изъ Смирны, пѣшкомъ прибыли въ мѣстности Прусы, отсюда въ Халкидонъ, гдѣ видѣлись съ изгнаннымъ патріархомъ Никифоромъ, которымъ были приняты очень радушно (§ 35). Патріархъ съ сонмомъ митрополитовъ рѣшились идти къ царю и искоренить ересь.—Агіографъ забылъ упомянуть, что Никифоръ въ послѣднюю минуту отказался отъ личнаго посѣщенія столицы.—При помощи одного чиновника они проникли во дворецъ и прежде всего поздравили Михаила съ восшествіемъ на престолъ; затѣмъ Θеодоръ произнесъ рѣчь о догматахъ церкви, согласно съ порученіемъ Никифора. Царь — иконоборецъ, обратившись къ Θеодору, сказалъ: «ты обыкновенно противишься скипетру», намекая на сопротивленіе Θеодора при имп. Константинѣ и Никифорѣ. Послѣднему Студійскій игуменъ пророчески предсказалъ жалкую смерть въ Болгаріи за прелюбодѣйный союзъ [1]). Императоръ однако обошелся съ духовенствомъ милостиво и, давъ клятву въ ихъ безопасности, выслалъ ихъ изъ дворца (§ 36).

---

1) Col. 917: τῷ ἄνακτι Νικηφόρῳ διὰ τὴν μοιχοζευξίας ἀλόγιστον ἔνστασιν ἐν Βουλγαρίᾳ προφητευθέντα οἴκτιστον θάνατον.

Здѣсь агіографъ пользуется случаемъ передать одинъ разсказъ, имѣвшій мѣсто въ Болгаріи во времена имп. Никифора, разсказъ, который просило автора внести въ житіе то духовное лицо, которое постригло его во иноческій санъ и долго правило «нашимъ» монастыремъ; «знаю, что всѣ вы знаете нашего пастыря Анатолія», который такимъ образомъ началъ устраивать духовную трапезу (§ 37). По словамъ Анатолія, одинъ изъ учениковъ Николая, Киприанъ, по обыкновенію ежегодно навѣщалъ одного благочестиваго старца на службѣ въ Атроѣ [1]). Старецъ дивился любви его къ себѣ съ самаго еще дѣтства и разсказалъ юношѣ повѣсть, которая черезъ Киприана сдѣлалась полезною для всѣхъ (§ 38). Будучи юношею, говорилъ старецъ, я былъ зачисленъ въ полкъ схоларіевъ [2]). И когда царь Никифоръ со всѣмъ войскомъ отправился противъ Скиѳовъ, я по нѣкоторымъ обстоятельствамъ остался позади войска, которое долженъ былъ нагнать. Прибывъ вечеромъ въ одно мѣстечко въ Ѳракійскомъ районѣ (πρὸς τὰ θρακῷα μέρη) и собираясь поставить палатку (τὴν μονήν), я былъ приглашенъ одною богатою женщиною, которая угостила меня обильною трапезою и занимала меня среди ужина пріятнымъ разговоромъ, а послѣ стола позаботилась уложить меня на высокой постели, чтобы дать мнѣ отдыхъ съ дороги (§ 39). Но дьяволъ вселилъ въ сердце женщины злую страсть, побуждая ее къ смѣшенію со мною. Вставъ со своей постели, она направилась ко мнѣ и стала склонять меня къ блуду. Я, какъ могъ, оттолкнулъ ее и сказалъ: женщина! если бы не было войны въ землѣ варваровъ (ἐπὶ ξυροῦ τῶν βαρβάρων), то соблюдать цѣломудріе слѣдовало бы по закону Божію; а если уже блещутъ орудія войны, то хранить цѣломудріе—прямая справедливость: пораженный мечемъ страсти, я несчастный погубилъ бы свою душу и какъ отправился бы на войну съ врагами, будучи мертвымъ до сраженія? Выслушавъ меня и немного помедливъ, женщина снова подошла ко мнѣ съ прежними рѣчами, но я снова выпроводилъ ее; она появилась въ третій разъ, тогда я пригрозилъ ей муками ада и своимъ мечомъ. Послѣ того я всталъ, сѣлъ на коня и быстро отправился въ дальнѣйшій путь (§ 40). Женщина послала за мною своихъ рабовъ, чтобы убить меня, но Богъ смилосердился, избавилъ меня отъ вреда и направилъ меня неожиданно на другой путь (§ 41). Когда я

1) Col. 920: κατὰ τὴν τῆς Ἀτρώας ὑπουργίαν, переводъ Комбефиса неточенъ: pro exilii ratione.

2) ἐν τῇ τῶν σχολαρίων στρατείᾳ κατεληλεγμένος (sic).

достигъ границы Болгаріи и очутился внутри болгарской страны, я ѣхалъ одиноко, былъ очень несчастенъ, плакалъ и хотѣлъ подняться на гору. Вдругъ я услышалъ съ горы голосъ, звавшій меня; я оглянулся и увидѣлъ престарѣлаго мужа въ блестящихъ ризахъ, гигантскаго роста. Онъ протянулъ руку и звалъ меня къ себѣ. Я поднялся, увидѣлъ его сидящимъ на землѣ и поклонился ему до земли. Онъ велѣлъ мнѣ подняться и встать по правую руку отъ него; а сидѣлъ онъ со сложенными ногами и рукою указывалъ на поле подъ горою, переполненное тѣлами, и на массу войскъ, стоящихъ вмѣстѣ съ императоромъ. Онъ спросилъ, могу ли я отличить отдѣльно нашъ лагерь отъ лагеря враждебнаго (§ 42), и я отвѣтилъ утвердительно. Но вотъ онъ переложилъ правую ногу на лѣвую, и я вижу, что наше войско съ силою нападаетъ и разбиваетъ враговъ. Когда Скиѳы стали гибнуть и обращать тылъ передъ поражавшими ихъ, мужъ тотчасъ переложилъ лѣвую ногу на правую—и вдругъ варвары поднялись и стали безжалостно избивать нашихъ. Я былъ пораженъ гибелью ромейскихъ войскъ, избіеніе которыхъ продолжалось до заката солнца. Мужъ перемѣнялъ положеніе ногъ и побѣда снова переходила на другую сторону. Наконецъ онъ выпрямилъ ноги, и войска прекратили битву (§ 43). Тогда мужъ поднялся и спросилъ меня, могу ли я сосчитать количество павшихъ, и неужели осталось хоть одно свободное мѣсто на полѣ, не покрытое трупомъ? Я признался въ невозможности отвѣтить на эти вопросы. Тогда онъ сказалъ, что осталось еще немного мѣста, какъ бы для помѣщенія одного вола, и указавъ на это мѣсто, сказалъ: видишь ли мѣстечко, свободное отъ трупа? оно—твое, а не кого либо другого: на немъ съ остальными долженъ былъ бы лежать ты въ качествѣ пищи для птицъ, но такъ какъ ты сохранилъ свое тѣло непорочнымъ, то Богъ освободилъ тебя отъ смерти. И съ этими словами мужъ исчезъ изъ моихъ глазъ. Со страхомъ я наклонилъ голову, поцѣловалъ мѣсто, на которомъ онъ стоялъ, спустился съ горы и всю ночь шелъ обратно назадъ. Черезъ нѣсколько дней я прибылъ сюда (τὰ ἐνταῦθα, въ Атрою?) и рѣшился служить Богу, меня спасшему, въ этой одеждѣ (§ 44). И ты, дитя Кипріанъ, закончилъ старецъ, не унывай, когда посѣтятъ тебя искушенія, но мужественно удерживайся отъ нихъ (§ 45). — Повѣсть эта объ анонимномъ воинѣ, а потомъ аскетѣ, неудачно вставленная въ житіе по просьбѣ игумена Анатолія, рисуетъ намъ несчастную войну имп. Никифора съ Болгарами, кончившуюся гибелью всей византійской арміи и смертью

самого царя въ 811 году. Несомнѣнно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ сновъ (особаго литературнаго пріема), путемъ которыхъ сообщались исходы различныхъ сраженій[1]). Позже повѣсть эта была выдѣлена въ особое сказаніе о Николѣ воинѣ, о чемъ сказано будетъ ниже. Игуменъ Анатолій, ученикъ Θеодора Студита, долженъ былъ править монастыремъ въ позднее время, ибо послѣдовательный рядъ игуменовъ Студійскаго монастыря безъ его имени намъ извѣстенъ съ 842-го по 868-й по крайней мѣрѣ годъ.

Довольно равнодушный къ церковнымъ вопросамъ, но болѣе все-таки иконоборецъ, царь Михаилъ «по своему невѣжеству» предоставилъ каждому мыслить такъ, какъ кто хочетъ; однако запретилъ иконопочитателямъ оставаться въ столицѣ. Θеодоръ и Николай, переговорившп со сторонниками патріарха (Никифора), переселились въ заливъ Прусы (παρακόλπιον τόπον τῆς Προύσης, § 46). Но когда народный бунтовщикъ (λασπλάνης) Θома сталъ опустошать ромейскую территорію, исповѣдники, по повелѣнію царя, поневолѣ прибыли въ Византію; но скоро они снова покинули столицу и поселились на полуостровѣ св. Трифона, смежномъ съ Акритомъ. — Здѣсь надобно замѣтить, что въ это время (въ 826 г.) Критъ былъ занятъ Арабами, и Титъ, избѣгшій смерти и плѣна, явился къ своему брату Николаю. Агіографъ, какъ сказано, отнесъ это событіе къ раннимъ годамъ пребыванія Николая въ Студійскомъ монастырѣ, но очевидно ошибочно. — На полуостровѣ Трифона Θеодоръ и умеръ — 11 ноября (826 г.). Тѣло его было перевезено на сосѣдній островъ Принкипо, гдѣ и погребено; «по объ этомъ писали нѣкоторые изъ церковныхъ священнослужителей, описавъ его доблести какъ бы нѣкій общеполезный даръ» (§ 47).—Несомнѣнно здѣсь дѣлается намекъ на житіе Θеодора, но стоитъ сравнить §§ 23—47 настоящаго житія съ §§ 32—68 житія Θеодора, чтобы видѣть, какъ мало повліяло на нашего анонима сочиненіе инока Михаила.

Осиротѣвъ по смерти Θеодора, Николай приходитъ къ его гробу и съ новою силою предается подвигамъ. «Многіе изъ Византіи и особенно изъ сената (ἐκ τῆς συγκλήτου), а также изъ окрестныхъ мѣстностей стекались къ нему», какъ къ человѣку добродѣтельному, и онъ помогалъ въ ихъ душевныхъ недугахъ (§ 48). Между тѣмъ по смерти имп. Михаила (829 г.) вступилъ на престолъ сынъ его Θеофилъ.

---

1) См. «Визант. Врем.» 1897, IV. 389.

Война противъ иконопочитателей снова возгорѣлась, ремни снова были пущены въ дѣло. Тогда пострадали братья Ѳеодоръ и Ѳеофанъ, которымъ царь за упорство въ иконопочитаніи велѣлъ начертать лица, представивъ міру страшное зрѣлище (§ 49). Бѣгая ереси, Николай переходилъ изъ одного мѣста въ другое, пока одна женщина не отдала ему пріюта близь столицы во ѳракійскомъ районѣ, гдѣ у пей было тихое предмѣстье; именемъ Ирина, она дѣйствительно даровала миръ (εἰρήνη) святому. Отсюда Николай наблюдалъ за иконоборческимъ движеніемъ. Позже онъ присоединилъ къ своему (Студійскому) монастырю и это помѣстье подъ именемъ «Фирмополь» (§ 50). По смерти Ѳеофила (842 г.) ересь была погребена въ могилу: супруга его Ѳеодора съ малолѣтнимъ сыномъ Михаиломъ заняла престолъ, смѣстила Янна и посадила на его мѣсто Меѳодія. При содѣйствіи богоносныхъ отцовъ настало празднество православія (§ 51). Тогда же «общій отецъ нашъ» Навкратій, вернувшись изъ изгнанія, прибылъ въ Византію и былъ принятъ царицею и патріархомъ съ честію. По убѣжденію ихъ, онъ принялъ начальство надъ Студійскимъ монастыремъ, который Ѳеодоръ Студитъ увеличилъ почти до 1.000 человѣкъ братіи. Паства снова расцвѣла, какъ нѣкій рай (§ 52). Николай, привыкшій въ темницахъ къ уединенной жизни, и теперь предпочиталъ киновіи жизнь одинокую (§ 53). Въ это время, по усмотрѣнію августы, патріарха и съ помощью всего церковнаго собранія, 26 января (844 г.) были перенесены мощи Ѳеодора Студита съ о. Принкипо «въ нашъ монастырь» и положены рядомъ съ дядею его Платономъ и братомъ—архіереемъ Іосифомъ въ Предтечевомъ храмѣ, справа къ востоку (§ 54). По смерти Меѳодія патріаршій престолъ занялъ Игнатій (847 г.). Навкратій скончался 18 апрѣля (846 г.?), оставивъ преемникомъ своимъ Николая; послѣдній уступилъ только многимъ убѣжденіямъ отцовъ и принялъ начальство (§ 55). Однако черезъ три года управленія монастыремъ (въ 849 г.) онъ возлюбилъ уединеніе, повѣдалъ о томъ братіи и рукоположилъ имъ вмѣсто себя игуменомъ пресвитера Софронія, который со дня вступленія въ монастырь не вкушалъ ни хлѣба, ни вина, ни тучной пищи (§ 56). Оставивъ ему паству въ присутствіи архіерея (πρὸς τοῦ ἀρχιερέως, разумѣется, патріарха Игнатія), Николай удалился въ Фирмопольскую обитель, которая доставляла ему истинное наслажденіе. Между тѣмъ Софроній послѣ четырехлѣтняго управленія Студіемъ скончался 3 ноября (853 г.). Братія снова послала за Николаемъ и почти насильно извлекла его въ

столичный монастырь (§ 57). Между тѣмъ по достиженіи совершеннолѣтія имп. Михаилъ выгналъ изъ дворца свою благочестивую мать (856 г.) и подпалъ подъ дурное вліяніе своего дяди по матери—Варды. Одинъ изъ нихъ сталъ самодержцемъ, другой получилъ титулъ кесаря. Подданные были смущены такимъ оборотомъ дѣлъ, «видя предъ собою попраніе законовъ Божіихъ» (§ 58). Царь высокомѣрно отнесся къ матери, а его дядя кромѣ того погрѣшилъ противъ природы: беззаконно возлюбилъ ложе своего сына, явившись чужимъ мужемъ его женѣ (§ 59).—Изъ другихъ источниковъ, перечисленныхъ Гергенретеромъ[1]), видно, что Варда находился въ любовной связи со вдовою своего сына, Евдокіею. Патріархъ Игнатій вздумалъ исправить Варду и началъ его убѣждать, побуждать, напоминать; но видя безполезность этого, воспретилъ ему входъ въ церковь (εἴργει τῶν τῆς ἐκκλησίας οὐδῶν). Разсерженный Варда въ сопровожденіи громадной толпы народа (πανδημί) прибылъ въ храмъ, вошелъ въ алтарь (τῶν τε ἀδύτων ἔνδον γενόμενος) и потребовалъ у патріарха пріобщенія Св. Таинъ (§ 60). Игнатій публично обличилъ Варду въ противозаконіи и выгналъ (ἀπήλασεν) его изъ церкви со стыдомъ. Тогда кесарь убѣдилъ царя смѣстить съ престола Игнатія, чего добился впрочемъ не скоро[2]). Патріархъ былъ тиранически изгнанъ (именно 23 ноября 857) г.), и они (Михаилъ и Варда) выбираютъ (προβάλλονται) нѣкоего Фотія, бывшаго тогда протаспкритомъ и славившагося благочестіемъ (ἐπ' εὐλαβείᾳ) и обширностью знаній. Они тотчасъ велѣли постричь его и вручили ему прерогативы (πρέσβεια) архіерейства. «И зачѣмъ перечислять возникшіе отсюда плевелы, каждый въ отдѣльности, извѣстные всѣмъ питомцамъ церкви? Но слѣдуетъ приноровить это дѣло къ пастырю нашему Николаю» (§ 61). Пришлецъ (πάροικος) и странникъ (παρεπίδημος) со временъ юности, сохранившій иконопочитаніе и незапятнанную въ общинѣ строгость (τὴν ἀκρίβειαν), Николай отдѣлился отъ незаконнаго смысла несоединимаго и, выйдя изъ монастыря со своимъ братомъ (очевидно, Титомъ), переселился въ обитель Пренетскую (ἐν Πραινέτῳ),—которая, замѣтимъ, находилась въ гавани Виѳинской.—Когда слухъ объ этомъ разнесся и, распространяемый народомъ, подтвердился, кесарь, знавшій издавна о высокой добродѣтели Николая, былъ раздраженъ; онъ велѣлъ отыскать игумена и убѣдить его

1) Hergenröther. Photius. Regensburg. 1867, I, 369.

2) col. 936: ὅπερ οὐ μετ' οὐ πολὺ καὶ συνέβαινεν, у Комбефиса неточно: quod etiam aud diu post accidit.

въ пользу кесаря, какъ онъ убѣдилъ царя Михаила «въ баняхъ Пиѳійскихъ» (τὰ τῶν Πυθίων θερμά). — Этимъ именемъ назывались горячіе источники Виѳиніи, служившіе курортомъ для царственныхъ особъ. Мы видѣли, что сюда ѣздилъ для леченія имп. Константинъ V; сюда пріѣзжалъ, какъ теперь оказывается, имп. Михаилъ III съ Вардою; сюда же пріѣзжалъ для купанія и имп. Алексѣй Ангелъ.—Посланные на кораблѣ прибыли къ Николаю въ Пренетъ и думали склонить его льстивыми словами (§ 62); но игуменъ отъ лица Духа Святого сказалъ имъ, что они погрѣшили противъ законовъ Божіихъ, что судъ для предстоятелей будетъ строгъ, что они не пожелали прибѣгнуть къ врачамъ — раскаянію для излеченія язвъ нравственныхъ, и грозилъ имъ дурными послѣдствіями (§ 63). Посланные вернулись ни съ чѣмъ и послали къ святому сказать: «тебѣ не слѣдуетъ жить ни въ одномъ изъ твоихъ монастырскихъ домовъ», и поставили на его мѣсто каѳигуменомъ нѣкоего Ахиллу (ок. 857 г.), человѣка вполнѣ нравственнаго, а сами всячески старались схватить святого (§ 64). — Замѣтимъ здѣсь, что папа Николай желалъ имѣть Николая представителемъ у себя по дѣлу Игнатія: конечно, это былъ бы ярый защитникъ Игнатія и врагъ Фотія; но поѣздка его въ Римъ не состоялась. Почему агіографъ умолчалъ объ этомъ, неизвѣстно.—Изгнанный Николай переходилъ изъ одного мѣста въ другое подъ бременемъ нужды и старости. Нѣкій Самуилъ, видя его страданія, купилъ въ столицѣ, въ мѣстности Лива, удобное для покоя мѣсто[1]) и предложилъ его святому, который поставилъ тутъ монастырь (§ 65). Потомъ онъ пригласилъ сюда одного изъ своихъ учениковъ Евареста, и мѣстность, называвшаяся нѣкогда Кокоровійскою (τῶν Κοκοροβίου), теперь прославилась.—Итакъ названіе столичной мѣстности было ὁ Λίψ или иначе τὰ Κοκοροβίου. Николай поставилъ обитель ок. 857 г. въ Кокоровіи: мы знаемъ, что Еварестъ погребенъ ок. 890 г. именно въ Кокоровійскомъ монастырѣ. Вполнѣ возможно, что названіе Кокоровія держалось до X вѣка; но когда (если это не выдумка) при имп. Львѣ Мудромъ патрикій Ливъ построилъ здѣсь свой монастырь, старое названіе стало отходить на второй планъ, вытѣсняясь новымъ τοῦ Λιβός. Одни ученые (Мордтманнъ) полагаютъ, что монастырь τοῦ Λιβός лежалъ къ югу, другіе (патр. Констанцій и Паспати) — къ сѣверо-

---

1) col. 937: ἔνδον τῆς πόλεως πρὸς τὰ τοῦ Λίβα μέρη τόπον ἀπῳκισμένον καὶ ἥσυχον ἐκπριάμενος.

востоку отъ храма Апостоловъ (нынѣ мечеть Темирджеларъ). Связь этой мѣстности Лива съ упомянутой выше Λίψ, Λιβός, Λίβα, Λίμα во Өракіи, а равно съ приморскою мѣстностью Λιβός въ Виөиніи, упоминаемой Өеофаномъ, пока не ясна; но возможно, что всѣ они названы такъ потому, что были открыты со стороны югозападнаго вѣтра (ὁ λίψ). Въ столичномъ монастырѣ Лива (τοῦ Λιβός, у нашего Зосимы: Липеси) были погребены: первая супруга Іоанна Палеолога Анна Васильевна и супруга Андроника Младшаго Ирина; поэтому-то онъ, вѣроятно, и назывался «Царицынымъ» монастыремъ.

Между тѣмъ архіерей Фотій съ правителями (σὺν τοῖς κρατοῦσιν) всячески старался привлечь Николая на свою сторону и посѣтить его: онъ «гонялся за его славою» (ἐθήρα γὰρ αὐτοῦ τὴν δόξαν). Однако Николай, не желая попасть въ ихъ сѣти, бѣжалъ въ Приконисъ (островъ около Кизика), въ Митилину (одинъ изъ городовъ Лесбоса), гдѣ жилъ довольно долго, далѣе въ Херронисъ, гдѣ желалъ поселиться со своимъ братомъ (то-есть Титомъ) въ Ксампліи (ἐν τῷ Ξαμηλίῳ, § 66).—Херронисомъ или Херсонисомъ Өракійскимъ назывался, какъ извѣстно, длинный мысъ между Геллеспонтомъ и Өракійскимъ моремъ, съ Каллиполемъ, Мадитомъ и другими городами. Существованіе здѣсь мѣстности или города Ксамилія упоминается только въ разбираемомъ житіи и возбуждаетъ нѣкоторое подозрѣніе въ своей правильности: мы ожидали бы чтенія Ἑξαμήλιον, подобно тому, какъ называлась одна изъ мѣстностей Цареграда («Шестимильная»). Повидимому, Николай изъ Лесбоса повернулъ обратно по направленію къ столицѣ.—Между тѣмъ Ахилла, послѣ пятилѣтняго управленія Студіемъ, (въ 862 г.) былъ избранъ архіепископомъ въ восточной области—въ Наколіи. Преемникомъ его въ монастырѣ былъ Өеодосій въ теченіи года (862—863); по смерти Өеодосія игуменомъ былъ Евгеній, правившій всего 4 мѣсяца (863 г.); за нимъ слѣдовалъ Өеодоръ Сантаваринъ (ἐκ χωρίου τοῦ Σανταβάρεως, Σανταβαρινός)[1]), правившій цѣлый годъ (863—864); далѣе слѣдовалъ Савва изъ Каллистрата (ἐκ Καλλιστράτου)[2]), ученикъ претогдашняго патріарха (то-есть Фотія, § 67). Послѣ семилѣтняго пребыванія своего въ Кокоровійскомъ монастырѣ (858—865) Николай, и безъ того больной и старый, былъ связанъ кесаремъ (Вардою) и отведенъ въ Студійскій монастырь подъ надзоръ Саввы. Здѣсь онъ

---

1) Zandapa—городъ Мизіи.

2) Каллистратія—городъ Галатіи, у Чернаго моря.

содержался въ крѣпкомъ заключеніи два года (865—867), предсказавъ кончину обоимъ кесарямъ (κατ' ἄμφω τοῖν δυοῖν καισάροιν). И дѣйствительно: царь Михаилъ съ кесаремъ отправился въ походъ противъ Измаильтянъ, дорогою между ними возгорѣлась злоба и кесарь жалкимъ образомъ былъ изрубленъ мечемъ (21 апрѣля 866 г.); царь вернулся въ столицу и вскорѣ (οὐ μετὰ πολύ) самъ испилъ ту же чашу (23 сентября 867 г., § 68). Престолъ занялъ кесарь Василій,— правильнѣе было бы сказать: соимператоръ. — Онъ созвалъ священный соборъ и послѣ передачи патріаршаго престола богоносному Игнатію (867 г.) самъ разыскалъ «общаго нашего отца» Николая и вмѣстѣ съ архіереемъ (очевидно патр. Игнатіемъ) просилъ его занять свой монастырь (Студійскій). Аскетъ сначала отвергъ такое предложеніе, ссылаясь на старческую немощь и бремя тамошняго игумена; я въ твоей волѣ, царь, замѣтилъ святой, но требую для себя свободы и считаю великою выгодою находиться подъ защитою твоего преподобства (τῆς σῆς ὁσιότητος). Царь однако убѣдилъ его принять власть (867 г.), съ благоволеніемъ отпустилъ его изъ дворца (τῶν βασιλείων) и очень часто приглашалъ его къ себѣ, находя удовольствіе въ его простотѣ (ἁπλότης, § 69).

Затѣмъ авторъ собирается вкратцѣ говорить о чудесахъ Николая, которыя, по апостолу (1 Коринѳ. XIV, 22), суть знаменія невѣрующимъ (§ 70). — Такая мотивировка звучитъ какъ-то странно, точно были люди, которые не вѣрили въ правоту дѣла Николая и которыхъ необходимо было убѣдить въ томъ, что всѣ дѣйствія его были святы.— Въ то время Евдокія, супруга имп. Василія, страдала какою-то болѣзнію (πάθει δεινῷ); помощь врачей оказалась безсильною, и больной угрожала смерть. Василій горевалъ и стоналъ; но когда Евдокія увидѣла сонъ, онъ ободрился. Именно она увидѣла одного старца-монаха, который сказалъ ей: дерзай, ибо ты не умрешь нынѣ, но получишь отселѣ радость желаннаго выздоровленія. Евдокія разсказала этотъ сонъ мужу, и императоръ приказалъ явиться къ ней всѣмъ столичнымъ настоятелямъ церквей и монастырей. Явился и Николай, знакомый царицѣ. Его она и видѣла во снѣ, отъ него и исцѣлилась; всѣ и прежде всего императоръ почтили его особенною честію. Николай, подобно св. Николаю Мирликійскому, явился однажды царю въ сновидѣніи и освободилъ людей отъ неправеднаго наказанія (§ 71). Елена, жена патрикія Мануила, подобно августѣ, находилась у воротъ ада, и уже ея родные готовились къ исходной. Узнавъ объ этомъ, Нико-

лай коснулся рукой головы больной, начерталъ крестное знаменіе надъ нею и избавилъ ее отъ смерти (§ 72). Тоже случилось и съ мужемъ ея Мануиломъ: онъ лежалъ на одрѣ и уже выслушалъ окончательный приговоръ врачей о неминуемости смерти. Тогда онъ пригласилъ къ себѣ святого и просилъ облечь его въ схиму[1]. Нѣтъ, сказалъ ему Николай, это для тебя, дитя, будетъ безполезно: ты выздоровѣешь и получишь великую власть; а когда это исполнится, я возьму тебя постриженнаго въ лучшій удѣлъ. Пророчество сбылось: патрикій выздоровѣлъ, достигъ разныхъ отличій, немного поболѣлъ, постригся и умеръ (§ 73). — Мы очень склонны отожествить этого патрикія Мануила во первыхъ съ тѣмъ патрикіемъ Мануиломъ, къ которому извѣстно два письма патр. Фотія. Это былъ врагъ патріарха, не перестававшій поносить его послѣ его сверженія, производившій жестокости и гнавшій его безъ меча и крови, что называется, въ могилу; Фотій грозилъ ему неумолимостью небеснаго суда[2], и во вторыхъ съ тѣмъ патрикіемъ Мануиломъ, начальникомъ почтъ, которому писалъ Митрофанъ Смирнскій и который по приказанію имп. Василія присутствовалъ на Константинопольскомъ соборѣ 869 года. Вѣроятно вскорѣ послѣ того онъ и умеръ. Съ одной стороны Николай спасаетъ его отъ смерти, но заявляетъ: только не надолго; съ другой Фотій грозитъ ему Судомъ Божіимъ, и патрикій умираетъ. Слова обоихъ, хотя и враждебныхъ другъ другу, оправдались на Мануилѣ. — Θеофилъ Лидіатъ (Λυδιάτης), приходившійся зятемъ Мелиссинымъ и носившій свою фамилію подобно послѣднимъ, состоялъ въ должности протоспаθарія. Дѣти его умерли, и родители находились въ неутѣшномъ горѣ: такъ ихъ трогалъ дѣтскій неумѣлый лепетъ! Съ дѣвочкой-младенцемъ они явились къ Николаю, выражали свою скорбь по поводу неимѣнія сына и просили его помолиться о дарованіи имъ младенца мужескаго пола. Однако святой на это не согласился: коснувшись лѣвою рукою головы ребенка, котораго держали родители, а правую поднявъ кверху, онъ послѣ молитвы отпустилъ ихъ со словами: «се же глаголетъ Духъ Святый, яко будетъ жива дщерь, и узрите глазами вашими сыновъ ея сыновъ, и переселитесь отселѣ съ радостію». Пророчество сбылось, и родители, не имѣя сына, увидѣли сыновей своей дочери (§ 74).— Вѣроятно, и этотъ протоспаθарій Θеофилъ тожественъ съ тѣмъ прото-

1) col. 944: τῷ ἀγγελικῷ τῶν μοναχῶν κατακοσμῆσαι τοῦτον ἐπιβοώμενος σχήματι. Этотъ византійскій обычай перешелъ и къ намъ на Русь.

2) Φωτίου ἐπιστολαί, ed. Montacut. p. 203, 334 № 146, 226.

спаѳаріемъ Ѳеофиломъ, которому писалъ Фотій и который былъ въ числѣ его недруговъ. Въ прежнее время имп. Михаилъ поставилъ его въ шутовскаго патріарха, да и вообще Ѳеофилъ, по выраженію Никиты Пафлагонянина, былъ γελωτοποιός καὶ μῖμος καὶ πάντων ἐναγέστατος. На соборѣ 869 года онъ присутствовалъ въ санѣ проконсула и патрикія.

О другихъ чудесахъ Николая, замѣчаетъ авторъ, забыто, и переходитъ къ характеристикѣ святого (§ 75). Онъ сравниваетъ его съ Авелемъ по прямотѣ сердца и съ Енохомъ (§ 76), съ Ноемъ по избѣжанію потопа, съ Авраамомъ и Исаакомъ (§ 77), съ Іаковомъ (§ 78), съ Іовомъ по страданіямъ (§ 79), съ Моисеемъ, Давидомъ и Иліею (§ 80) и съ Іосифомъ, ибо и онъ, лежа на смертномъ одрѣ, спрашивалъ, нѣтъ ли нужды въ чемъ необходимомъ? и когда братія замѣтила, что существуетъ недостатокъ въ припасахъ (§ 81), онъ сказалъ: вотъ я ухожу къ моимъ отцамъ, но Богъ вамъ дастъ припасы черезъ три дня послѣ моей смерти. Передъ кончиною онъ собралъ всѣхъ монаховъ и выбралъ имъ игумена въ лицѣ эконома Климента (§ 82). Затѣмъ онъ потерялъ разсудокъ, протянулъ ноги, скрестилъ руки и предалъ душу относящимъ ее ангеламъ. Смерть святого послѣдовала 4 перитія (февраля) 6376 (868) г., перваго индикта, на 75 году жизни (§ 83). Гробъ его былъ помѣщенъ рядомъ съ гробомъ Навкратія, въ Предтечевомъ храмѣ, по правую руку къ востоку, въ предѣлѣ Мучениковъ (τῶν μαρτύρων σηκῷ), гдѣ покоится гробница и Ѳеодора (§ 84). Дѣйствительно, на третій день его кончины отъ имп. Василія прибылъ одинъ изъ царскихъ кораблей, нагруженный хлѣбомъ, которымъ и были пополнены монастырскія житницы. Игуменъ Климентъ былъ пораженъ этимъ (§ 85). Онъ правилъ монастыремъ довольно лѣтъ (868—?) и умеръ 17 іюля; ему наслѣдовалъ Иларіонъ. Ученикъ Николая Антоній Мавръ (Μαῦρος) много лѣтъ страдалъ кровотеченіемъ; когда врачи отчаялись въ его выздоровленіи, Иларіонъ велѣлъ ему лечь въ той келліи, гдѣ былъ прежде заключенъ Николай. Послѣдній явился больному во снѣ и обѣщалъ выздоровленіе. Съ того времени прошло 40 лѣтъ, и Антоній не чувствуетъ никакой болѣзни (§ 86).—Замѣтимъ здѣсь, что вѣроятно преемникомъ Иларіона былъ Анатолій, который постригъ агіографа въ монашество и сообщилъ ему вышеприведенную повѣсть. Онъ правилъ монастыремъ долго (напр. въ 80—90-хъ годахъ). Очевидно, послѣ него смѣнилось уже нѣсколько игуменовъ въ Студіи, если агіографъ говоритъ монахамъ:

«знаю, что всѣ вы знаете нашего пастыря Анатолія». Многое, говоритъ авторъ, слѣдуетъ предать забвенію, чтобы быть краткимъ, ибо рѣчь слаба для передачи чудесъ святого (§ 87). Житіе оканчивается молитвеннымъ воззваніемъ агіографа, который между прочимъ заявляетъ, что онъ пожелалъ сдѣлать извѣстнымъ то, что покрыто бездной молчанія много лѣтъ (ἐν μακρῷ τῷ χρόνῳ), проситъ святого даровать миръ церковному сонму и ниспровергнуть дерзкій натискъ дикихъ народовъ [1]) и ихъ надменную гордость; «виждь, на что они нынѣ дерзаютъ» (οἷα νῦν τὰ τολμώμενα): сжигаютъ церкви и проливаютъ кровь! убѣди молитвами твоими, чтобы они пришли чрезъ вѣру къ древнему благородству славы, или всецѣло были истреблены» (§ 88).

Время написанія Житія не можетъ быть опредѣлено съ точностію. Біографъ говоритъ о Критѣ, находившемся въ его время подъ властью мусульманъ, а извѣстно, что этотъ островъ оставался въ ихъ рукахъ съ 826 по 961 годъ. Въ виду того, что Николай умеръ въ 868 г., разстояніе можетъ быть сокращено до одного столѣтія (868 — 961). Далѣе, принимая во вниманіе, что выздоровѣвшій отъ посмертнаго чуда Николая Антоній Мавръ жилъ 40 лѣтъ въ полномъ здоровьѣ, заключаемъ, что Житіе могло быть написано лишь послѣ 915 года; неопредѣленное указаніе, что Житіе составлено много лѣтъ спустя послѣ кончины святого, оправдывая послѣднее соображеніе, можетъ дать основаніе къ еще бо́льшему суженію предѣла 915—961. Сообразно съ этимъ, заключительныя моленія агіографа могутъ относиться къ борьбѣ партій евѳиміанъ и николаитовъ, сторонниковъ двухъ патріарховъ цареградскихъ (921 г.), и къ нашествію на Византію Болгарскаго царя Симеона (924 г.).

ГЛАВА IV.

Псамаѳійскій монастырь.

Жизнь патр. Евѳимія.

Псамаѳійскій монастырь св. безсребренниковъ Космы и Даміана (около Студія), основанный Евѳиміемъ, позже патріархомъ Константинопольскимъ (907—912), извѣстенъ между прочимъ пребываніемъ въ немъ его основателя. Среди братіи нашелся одинъ инокъ, который

1) col. 953: καταβάλλοις ἐθνῶν ἀτιθάσσων θρασεῖαν ὁρμήν.

написалъ мемуары изъ своего времени, въ которыхъ центральнымъ лицемъ изображенъ Евѳимій. Какъ назывались эти мемуары, мы не знаемъ, ибо единственный списокъ ихъ сохранился безъ начала, безъ нѣсколькихъ листовъ въ срединѣ и безъ конца. Издатель K. von Boor озаглавилъ ихъ Vita Euthymii (Berlin, 1888), и благодаря этому обстоятельству мемуары отнесены были въ агіографическую литературу. Но если это и Vita, то уже отнюдь не βίος τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν, такъ какъ она написана въ послѣ-Фотіевскій періодъ и не по правиламъ агіографической схемы. Правильнѣе она могла бы быть озаглавлена: Historia contemporanea или Ἱστορία ἡ καθ' ἡμᾶς.

Драгоцѣнные мемуары, изданные и прекрасно разобранные и оцѣненные Бооромъ (S. 79—203) и довольно подробно разсмотрѣнные Н. П. Поповымъ[1]), не нуждаются здѣсь къ новой оцѣнкѣ во первыхъ потому, что они, повторяемъ, не есть житіе св. патр. Евѳимія и во-вторыхъ потому, что говорятъ о дѣятелѣ уже начала X вѣка. Ограничимся здѣсь перечнемъ біографическихъ данныхъ до вступленія Евѳимія на патріаршій престолъ.

Евѳимій жилъ въ монастырѣ св. Ѳеодора. — Бооръ поясняетъ: въ Пиги (Πηγή), но такого опредѣленія нѣтъ въ Vita: можетъ быть обитель эта находилась и въ другомъ мѣстѣ столицы, напр. надъ кладбищемъ Пелагіевымъ (ср. ж. Антонія). — Къ нему прежде всего спѣшилъ нововоцарившійся имп. Левъ Мудрый (въ 886 г.). Евѳимій, пользуясь своимъ вліяніемъ на царя, ходатайствовалъ о смягченіи участи своихъ противниковъ, но самъ онъ былъ ярымъ противникомъ всемогущаго министра Стиліана и предсказалъ ему кончину. Высоко цѣнимый имп. Львомъ, Евѳимій прибылъ въ столицу (откуда?) на средства императрицы Ѳеофаніи и назначенъ былъ патріаршимъ синкелломъ (Стефана, или Антонія?); слѣдствіемъ отказа его исполнять эту должность былъ новый разрывъ его со дворомъ. Евѳимій основалъ монастырь Псамаоійскій, снискалъ расположеніе у Льва Катакилы, жилъ въ своемъ монастырѣ и напрасно старался о разрывѣ между имп. Львомъ и его супругою Ѳеофаніею, которой онъ предсказалъ скорый конецъ. — Опять не агіографическій пріемъ. Святые предсказывали скорую кончину своимъ нечестивымъ недругамъ; но здѣсь пророчество относилось къ святой царицѣ. — Ярый противникъ брака царя Льва съ Зоею, Евѳимій былъ сосланъ въ Константинопольскій

1) Имп. Левъ VI Мудрый и его царствованіе. М. 1892 стр. XLVII—LIV.

же монастырь Діомидовъ. Но предсказавъ заговоръ родственниковъ Зои и по обнаруженіи ихъ, онъ снова былъ приглашенъ ко двору. Вслѣдствіе его попытки явиться посредникомъ между царемъ Львомъ и Александромъ явилась новая натянутость отношеній между нимъ и Львомъ. Евѳимій посвящалъ время и литературнымъ занятіямъ и имѣлъ общеніе съ выдающимися духовными особами. Патріаршество ему было предсказано. — Не смотря на современность писателя, онъ все-таки кое-что и забылъ изъ біографіи Евѳимія, напр. о подвижничествѣ его въ монастырѣ Астакинскаго залива, о чемъ упомянулъ Ареѳа (ср. стр. 153).

ГЛАВА V.

Влахерны.

Никифорово ж. Ѳеофана Сигріанскаго. — Ж. царицы Ѳеофаніи.

Знаменитѣйшимъ, послѣ св. Софіи, храмомъ въ Константинополѣ былъ Влахернскій, въ сѣверо-западномъ углу столицы, воздвигнутый въ V вѣкѣ и прославленный своею чудотворною иконою Богоматери. Уже въ VII в. Влахернскій храмъ соперничалъ по богатству украшеній со св. Софіею. Въ иконоборческій періодъ онъ былъ лишенъ благолѣпія, иконы были или убраны, или заштукатурены и вмѣсто нихъ появились изображенія птицъ, растеній и т. д. Съ половины IX в. храмъ снова приведенъ былъ въ прежній видъ и установлена ежегодная церковная процессія изъ св. Софіи во Влахерны въ воспоминаніе торжества православія. Надобно думать, что и здѣсь находилась хорошая школа для образованія духовенства, ибо изъ нея вышло нѣсколько литературно образованныхъ лицъ, извѣстныхъ своею агіографическою дѣятельностью.

«Житіе съ похвалою Ѳеофана-Исаакія» Сигріанскаго, написанное Никифоромъ, скевофилаксомъ Влахернской церкви[1]), составляетъ слѣдующій пересказъ Меѳодіева сочиненія. Біографъ, повидимому, не имѣлъ ничего общаго ни со святымъ, ни съ его монастыремъ, но вотъ его постигло какое-то несчастіе, и Никифоръ по чьему-то порученію

1) Οἷόν τι πάσχουσιν οἱ τὴν κοσμικήν: Theophanes. Chronographia, ed. de Boor, II 13—27. Въ виду того, что въ нѣкоторыхъ спискахъ имени автора не дано, Бароній впервые приписалъ это житіе перу Ѳеодора Студита, за нимъ повторили Болландисты, архим. Сергій и проф. Васильевскій. (Одинъ изъ греческихъ сборниковъ, Спб. 1886, стр. 22).

рѣшился написать житіе съ похвалою этому скорому помощнику въ бѣдахъ, о чемъ онъ говоритъ въ началѣ и въ концѣ своего труда. Архіеп. Сергій полагалъ, что до сего времени не существовало еще житій Ѳеофана, что Никифоръ первый взялся за его біографію, но уже Крумбахеръ отвергъ это заключеніе[1]). Блестящій языкъ съ нѣсколькими излюбленными оборотами, риторическая, описательная рѣчь, доходящая иногда до темноты, и сравнительная скудость біографическихъ данныхъ, — таковы особенности разбираемаго житія. Крумбахеръ, довольно строго отнесшійся къ этому сочиненію, замѣчаетъ, что Никифоръ пишетъ какъ юноша, обрабатывающій школьную тему по опредѣленнымъ правиламъ. Но ученикъ не могъ бы быть скевофилаксомъ знаменитѣйшаго послѣ св. Софіи храма (не дворца, какъ полагаетъ нѣмецкій ученый); ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ хорошо образованнымъ человѣкомъ, къ которому люди болѣе высокаго положенія обращаются съ литературнымъ заказомъ. Отожествлять его съ тѣмъ философомъ и монахомъ Никифоромъ, съ которымъ до 867 года переписывался патр. Фотій по вопросамъ литературнымъ, однако нѣтъ достаточно основаній. Подобно Аннѣ Комниной и Киннаму, Никифоръ не охотно вноситъ въ сочиненіе имена прозаическія, какъ бы боясь, что появленіе этихъ именъ внесетъ разладъ въ его поэтическую прозу. Болландисты возстаютъ противъ двуименности автора, полагая, что вмѣсто τοῦ καὶ Ἰσαακίου слѣдуетъ почему-то читать υἱοῦ Ἰσαακίου. Въ общемъ, этотъ пересказъ всетаки прибавляетъ кое-что такое, чего мы не находимъ въ текстахъ Меѳодіевской группы[2]).

Въ предисловіи авторъ превосходно сравниваетъ жизнь съ моремъ: какъ купцы, переплывая море, подвергаются бурямъ, непогодѣ и мраку, съ радостью устремляютъ взоры па звѣзды и держатъ путь прямо, — тоже испытываютъ и люди, желающіе переплыть море жизни: они подвергаются бурямъ искушеній, съ упованіемъ останавливаются на людяхъ святыхъ и прогоняютъ мракъ ихъ лучезарностью. Одни изъ нихъ прославились одними подвигами, другіе — другими: тотъ воздержаніемъ, этотъ цѣломудріемъ, третій добродѣтелями, четвертый презрѣніемъ жизни, пятый презрѣніемъ тщетной славы. Въ дѣлахъ Ѳеофана ты увидѣлъ бы идею прекраснаго, какъ бы насажденную въ цвѣтущемъ саду (§ 1). Приглашенный описать эти

1) Ein Dithyrambus auf den Chronisten Theophanes. München 1897, S. 589.

2) K. Krumbacher. Eine neue Vita des Theophanes Confessor. München 1897, S. 383.

дѣянія по закону похвалъ (ἐγκωμίων νόμοις), я охотно уступилъ просьбѣ, будучи увѣренъ, что получу помощь въ молитвахъ его. Никифоръ заявляетъ, что пишетъ не для славы святого, ибо рѣчь его слишкомъ недостойна для главныхъ его подвиговъ, а для того, чтобы читатели и слушатели получили пользу, подражая святому. Къ прославленію его взываетъ и родина, и родъ, и природа, и его добродѣтель. По закону похвалъ, отечество ради его вооружается, желаетъ удержать за собою первенство передъ всѣми и умоляетъ съ клятвою, что оно не перенесетъ лишенія собственной красоты; родители, украшаясь его воспитаніемъ, образуютъ бухту въ виду отечества; добродѣтели подымаютъ выю и громко взываютъ: «смотрите на его одно стремленіе и легко познайте пораженіе»; но будучи судьею дѣлъ, не могущихъ противостоять, зачѣмъ я устрою пораженіе? (§ 2). — Любопытно, что и въ XV в. имп. Мануилъ Палеологъ, описывая жизнь своего брата, деспота Феодора, все еще ссылается на тотъ же «законъ похвальнаго слова»; «законъ похвалъ (ὁ νόμος τῶν ἐγκωμίων), говоритъ онъ, требуетъ, прежде украшенія восхваляемаго, объявить всѣмъ родину и его, и родителей»[1]).

Родиною Феофана былъ Константинополь, который въ житіи названъ очень образно. — Изъ «служебной» редакціи памяти, о которой рѣчь ниже, видно, что въ годъ смерти Льва Хазара (780) Феофану былъ 21 годъ отъ роду, стало быть онъ родился въ 759 году. Болландисты, имѣя въ виду, что святой передъ смертью (ок. 818 г.) жаловался на свою старость, полагаютъ, что въ «памяти» ошибка, что вмѣсто κα' слѣдуетъ читать λα', что Феофанъ родился въ 749 году. Однако это рискованно. Положимъ, что 58-милѣтній не очень старъ, но вѣдь все зависитъ отъ состоянія организма, а организмъ Феофана изнуренъ былъ нефритомъ и каменною болѣзнію; поэтому онъ могъ чувствовать свою старость и въ 58 лѣтъ. — Родители его Исаакій и Феодота были знатны и богаты, состояли въ санѣ стратиговъ (στρατηγίᾳ λαμπόμενοι) и при тираннахъ и царяхъ отличались добродѣтелями.—Не упомянуто, что Исаакій былъ стратигомъ острововъ Эгейскаго моря, изъ чего можно пожалуй заключить, что извѣстіе въ Меѳодіевомъ житіи не точно.—Наслѣдникомъ ихъ имущества былъ Феофанъ, эта звѣзда материнской утробы, соединявшій красоту души съ благолѣпіемъ тѣла. «Надлежало, повторяетъ агіографъ вслѣдъ за Го-

1) Combefis. Hist. haeres. monoth. col. 1049.

меромъ, чтобы не у мужа-родителя, а у бога былъ сынъ»[1]), «отъ пеленъ освященный», по выраженію прор. Іереміи (§ 3). Отецъ его, поживъ немного въ странѣ золъ, покинулъ ее среди заботъ, въ должности стратига, и умеръ, когда Ѳеофану исполнилось три года (въ 762 г.).—Здѣсь подобно тому, какъ и въ Меѳодіевомъ Житіи, недостаетъ многихъ подробностей біографіи, которыя могутъ быть возстановлены изъ пересказа Симеона Метафраста. — Отпраздновавъ свою свадьбу, Ѳеофанъ былъ всецѣло занятъ божественнымъ. — Хотя въ «служебной» редакціи памяти и сказано, что онъ женился 12 лѣтъ отъ рода, но Болландисты, находя, что по римскимъ законамъ нельзя было вступать въ бракъ такъ рано, полагаютъ, что 12 лѣтъ Ѳеофанъ былъ только помолвленъ, а свадьба его состоялась въ 766 г., т. е. когда ему было 17 лѣтъ.—Ночью онъ подошелъ къ постели своей супруги, сѣлъ и началъ говорить: Жена! настоящая жизнь коротка, какъ всѣмъ извѣстно, и обдержима неизвѣстностью будущаго; никто не знаетъ, когда придетъ смерть и позоветъ на общій судъ; неготовому человѣку, исполненному грѣховъ, грозитъ вѣчный огнь; напротивъ, благія дѣла уготовляютъ кончину лучшею; богатство, дурно управляемое, болѣе слуга зла, нежели добродѣтели; красота тѣла не вѣчна и погибаетъ отъ времени и болѣзни; слава человѣческая преходяща по сравненію ея съ вѣчною славою; поэтому, если хочешь, мы немного послужимъ законамъ природы, а потомъ сдѣлаемся выше самихъ себя (§ 4). Жена, превзошедшая любовію ко Христу супругу мученика Мардарія[2]), отвѣтила ему: Милый! насколько справедливѣе навсегда сохранить красоту дѣвства! кто поручится, что для служащихъ жизни и призванныхъ къ дѣторожденію надежды не оправдаются?—Само собою разумѣется, что эти рѣчи сочинены агіографомъ; несомнѣнно, что если бы онѣ были у Меѳодія, онѣ читались бы иначе, какъ онѣ читаются опять иначе у Метафраста. Прототипомъ этого разсказа можетъ служить повѣсть Палладія (IV в.) о св. Амунѣ, который сказалъ своей новобрачной: «приди сюда, госпожа и сестра моя, я поговорю съ тобою; въ бракѣ нашемъ особенно хорошаго ничего нѣтъ; такъ хорошо мы сдѣлаемъ, ежели съ нынѣшняго же дня станемъ спать порознь; сохраняя такимъ образомъ дѣвство свое неприкосновеннымъ, мы угодимъ и Христу... Молодая ему отвѣтила: «и я, господинъ мой, рѣшилась съ радостью проводить святую жизнь, и буду дѣлать все,

1) p. 15: οὐ γὰρ ἐῴκει ἀνδρὸς γεννητοῦ παῖς ἔμμεναι, ἀλλὰ θεοῖο.

2) Мардарій—мученикъ при Діоклитіанѣ въ Арменіи; память его 13 декабря.

что повелишь мнѣ», и т. д.[1]). Ѳеофанъ былъ пораженъ словами жены: онъ палъ на землю, возблагодарилъ Бога и затѣмъ заключилъ съ нею условіе, что будетъ имѣть ее во всю жизнь сообщницею всякаго добра. Оба они сдѣлались монашествующими, хотя жили и въ мірѣ (§ 5). Ночь провели въ псалмопѣніи. Богъ принялъ ихъ рѣшеніе и украсилъ ихъ своимъ присутствіемъ. Супруги, повергшись на полъ, молили его о милости. Когда знаменіе скрылось, они раздали богатство бѣднымъ. Однако въ тестя водворилась зависть дьявола, и онъ подвигъ царя на гнѣвъ. Тогда царствовалъ Левъ, сынъ Копронима, болѣвшій о молодыхъ и цѣнившій своего друга; онъ съ клятвою грозилъ, что лишитъ зрѣнія молодого человѣка, если онъ не прекратитъ задуманнаго дѣла (вѣроятно полной раздачи денегъ и намѣренія уйти въ монастырь). Онъ отправилъ его въ Кизикъ, вручивъ ему управленіе (тамошними) дѣлами, какъ будто бы онъ занимался, по замѣчанію агіографа, тщетнымъ и преходящимъ и забывалъ красоту вѣчно сущаго. Ѳеофанъ по пути въ Сигріану (ἐπὶ Σιγριανήν) прибылъ къ дивному старцу Григорію, обладавшему даромъ пророчества, который освободилъ его сердце отъ страстей и замѣтилъ: тебѣ нѣтъ надобности въ бѣгствѣ: скоро твое отшествіе (въ пустыню) сдѣлается безпрепятственнымъ, ибо твой тесть и царь умрутъ (§ 6).—По Болландистамъ, Ѳеофанъ явился къ Григорію въ 776 г.; этого Григорія они отожествляютъ съ тѣмъ игуменомъ Агаврскаго монастыря, о которомъ разсказывается въ житіи Іоанникія. — Ѳеофанъ болѣе служилъ подъ началомъ старца, нежели отправлялъ царскую службу по части коней. Онъ опоздалъ возвращеніемъ домой и остановился со свитою въ случайно попавшемъ мѣстечкѣ, гдѣ принужденъ былъ переносить зной и жажду въ виду отсутствія воды. Вознеся обычныя молитвы къ Богу, онъ легъ на свой коверъ, заснулъ и былъ удостоенъ чудотворенія: источникъ, находившійся около его ковра, неожиданно забилъ; водою его святой утолилъ жажду народа и возблагодарилъ Бога-подателя. Ночью источникъ скрылся, къ утру не осталось отъ него и слѣда (§ 7).

Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ тесть Ѳеофановъ и царь Левъ умерли (780 г.). На престолъ вступила Ирина. Иконоборчество кончилось и заблистало солнце православія. Ѳеофанъ съ женою роздали свое богатство. Она ушла въ монастырь на о. Принкипо[2]) (въ 30

1) Migne. Patr. gr, XXXIV, 1025=Палладія Лавсаикъ. Спб. 1873[3], стр. 29 и сл.
2) τῷ κατὰ Πρίγκιπον σεμνείῳ.

или 40,000 шагахъ отъ Византіи), а онъ—къ «великому» Стратигію въ Сигріанскомъ предмѣстьи, гдѣ и былъ имъ постриженъ.—Одни помѣщали Сигріанскую гору въ Мидіи, другіе въ Митилинѣ, близь Мидіи, гдѣ, по словамъ святогорца Никодима, есть Σίγρι и гора съ монастыремъ Іоанна Богослова, въ которомъ будто бы находился Өеофанъ. Однако съ большею увѣренностью мы должны присоединиться къ мнѣнію Болландистовъ, что Сигріанская гора лежала недалеко отъ Кизика (въ 22,000 шагахъ), рѣки Великой (Риндака) и отъ моря (тоже въ 22,000 шагахъ).—Здѣсь святой пожертвовалъ много денегъ на монастырь, по совѣту Стратигія переправился на о. Калонимъ (или по Никодиму, Калолимнъ, древній Бесбикъ) и здѣсь поставилъ на отцовскія средства монастырь, собралъ въ него монаховъ изъ обители Өеодора Монохерарія, добродѣтели котораго «вошли въ народную поговорку», надѣлилъ монастырь владѣніями, поставилъ игумена и предался подвигамъ: ежедневно занимался св. писаніемъ, ночью молился, получилъ власть надъ демонами и страстьми; мягкостью походилъ на Моисея; о мужествѣ, силѣ воли и презрѣніи къ бѣдамъ свидѣтельствуютъ особенно послѣдніе его годы (§ 8). — Что касается Стратигія, то Болландисты насчитываютъ трехъ лицъ этого имени, страдавшихъ за иконопочитаніе: доместика экскувитовъ (765 г.), двоюроднаго его внука и узника Преторія (780 г.); повидимому, здѣсь — новое лицо, которое Метафрастъ называетъ Христофоромъ. Объ основателѣ монастыря Өеодорѣ Монахераріи (Монохирѣ), а равно о мѣстоположеніи этой обители не имѣется свѣдѣній въ другихъ источникахъ.— По смерти игумена братія просила Өеофана принять настоятельство, но онъ отказался, взялъ посохъ и отправился въ Сигріанскую гору. Здѣсь онъ купилъ у одного земледѣльца мѣстечко, по имени Село (Ἀγρός, Поле), гдѣ и поселился, занимаясь трудами рукъ; черезъ нѣсколько времени онъ уже уплатилъ долгъ (§ 9). Далѣе слѣдуетъ риторическая характеристика святого (§ 10). Өеофанъ отправился по монастырямъ Виөиніи и другихъ странъ, собиралъ, какъ розы, подвиги тамошнихъ братій и приносилъ къ себѣ. «Едва не позабылъ сказать о самомъ главномъ»: когда состоялся вторично въ Никеи соборъ, съ другими отцами былъ приглашенъ и Өеофанъ. Всѣ являлись на изрядныхъ коняхъ, блистали великолѣпными одеждами, а онъ украшался обычною власяницею и охотно (ἀσμένως) прибылъ на вьючномъ животномъ женскаго пола. Увидѣвъ его въ такомъ нарядѣ, всѣ исполнились всяческаго добродушія; а онъ, прикрываясь истиною и поразивъ

заблужденіе, вернулся во свояси (§ 11). Демоны въ видѣ дикой свиньи искусали ему руку; онъ помазалъ ее мvромъ Древъ Честныхъ, и больное мѣсто зажило. «Если я стану говорить обо всемъ, что даровала ему божественная милость, замѣчаетъ авторъ, я нарушу законы похвальнаго слова»: разрѣшенное слово пойдетъ какъ судно въ великомъ морѣ; а если я многое опущу и вспомню только немногое, то рѣчь, какъ бы опирающаяся на базисъ, пріобрѣтетъ крѣпость и остальное изъ сказаннаго получитъ точнѣйшую ясность (§ 12). Одинъ, одержимый злымъ духомъ, сталъ пожирать свое тѣло, какъ чужое, и сдѣлался страшнымъ для всѣхъ посѣтителей. Онъ былъ связанъ и заключенъ подъ стражу; но однажды вечеромъ послѣ молитвы у него спали съ тѣла оковы, и онъ пришелъ въ церковь здоровымъ. Нѣкая нужда требовала присутствія святого въ предмѣстьѣ. Дорогою настала зима, море сильно бушевало и мѣшало ѣхать далѣе. Тогда Ѳеофанъ обратился къ корабельнику со словами: скажи сорабынѣ, что буря свирѣпствуетъ, а намъ нужно, чтобы море было тихо, дабы мы могли ѣхать домой спокойно, — и море тотчасъ утихло. Ѳеофанъ особенно заботился о бѣдныхъ, любилъ братію, всегда подавалъ спасительную руку и однажды въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ раздавалъ безъ разбора монастырскій хлѣбъ, хотя его и для себя было недостаточно. Экономъ былъ недоволенъ этимъ и принялся считать его; но и послѣ раздачи изъ общаго количества не убыло и медимна (§ 13).

До сихъ поръ церковь наслаждалась спокойствіемъ: цари были благочестивы, патріархи сіяли добродѣтелями, архіереи примѣрно пасли свою паству, настоятели монастырей учили братію пути, ведущему къ небу. Но врагъ-дьяволъ позавидовалъ церковной красотѣ и воздвигъ Льва, родомъ армянина и ассирійца, какъ нѣкоего звѣря. Способный быть обманутымъ, довѣрчивый къ обманутымъ, считая обманъ добродѣтелью и пользуясь имъ въ отношеніи къ своимъ приближеннымъ, онъ возсталъ противъ имперіи, изгналъ изъ церкви патріарха и почти всѣхъ архіереевъ, возсталъ противъ подобія божественной плоти Христовой, Богоматери и всѣхъ святыхъ; по беззаконію онъ превзошелъ древняго Рапсака и вооружился на градъ Божій—святую церковь. Одни умерли въ борьбѣ съ нимъ, другіе страдали отъ голода, третьи отъ ремней, а были и такіе, которые были брошены ночью въ море (§ 14). Тогда былъ вызванъ и Ѳеофанъ—«не насильственною рукою, но лестью»; царь писалъ ему: «мнѣ предстоитъ походъ на враговъ, и необходимо сначала вооружиться твоими молит-

вами и такимъ образомъ сразиться съ врагами». Өеофанъ, страдавшій застарѣлымъ нефритомъ (νεφρῷ πολυχρονίῳ) и задержаніемъ мочи (δυσουρίᾳ), пріѣхалъ въ столицу. Царь черезъ посланнаго велѣлъ ему передать, что желаетъ его видѣть: если, говорилъ онъ, ты послушаешься моей просьбы и придешь, я тебя награжу всѣми благами, одарю твой монастырь, возвышу твоихъ родственниковъ, и самъ ты будешь у меня первымъ другомъ; въ противномъ случаѣ ты будешь повиненъ въ великомъ стыдѣ (§ 15). Өеофанъ отвѣтилъ черезъ посланнаго: я не нуждаюсь въ деньгахъ и имѣніяхъ, отъ которыхъ я отказался еще въ юности; о монастырѣ и родственникахъ позаботится Богъ, который надежнѣе царей и князей; если же ты хочешь дѣйствовать угрозами противъ больнаго старика, какъ учителя неблагородно дѣйствуютъ палкою противъ дѣтей[1]), то готовь огни и пытки, я самъ пойду на костеръ (§ 16).—Умолчаніе здѣсь объ иконопочитаніи дало поводъ проф. Крумбахеру заключить, что житіе это написано вскорѣ послѣ окончанія иконоборчества (S. 592). Но неубѣдительность этого соображенія видна хотя бы изъ того, что Никифоръ и безъ того три раза говоритъ объ этомъ движеніи.—Царь былъ пораженъ отвѣтомъ Өеофана; затѣя его не удалась: «оселъ былъ пойманъ за пѣніемъ на лирѣ». Святой былъ заключенъ въ крѣпчайшую тюрьму Елевөеріева дворца (τοῖς τῶν Ἐλευθερίου ἀνακτόροις); его морили голодомъ; онъ страдалъ отъ своихъ болѣзней, но былъ непреклоненъ; ангелы радовались его мужеству, а демоны были въ страхѣ (§ 17). Черезъ два года онъ былъ переведенъ въ тюрьму на о. Самораки, гдѣ предсказалъ кончину царя и гдѣ черезъ 23 дня скончался.—Бароній пріурочивалъ его кончину къ 816-му, Гоаръ къ 818 году. Болландисты послѣ сложныхъ, но недостаточно обоснованныхъ соображеній нашли, что святой могъ жить до марта 820 года. Фактъ тотъ, что Өеофанъ умеръ въ царствованіе имп. Льва Армянина (813 — 820), черезъ 2 года и 1 мѣсяцъ послѣ того, какъ былъ вызванъ въ Константинополь. Но въ столицу онъ былъ вызванъ вскорѣ послѣ бесѣды царя во дворцѣ съ иконопочитателями (около февраля 815 г.); стало быть кончина Өеофана можетъ быть отнесена къ 12 марта 817 или 818 года.—Тѣло его руками боголюбивыхъ людей было положено въ деревянный гробъ и съ пѣснопѣніями предано землѣ. Когда язва распространилась на островномъ скотѣ и животныя стали гибнуть, владѣльцы ихъ брали воду отъ гроба его, кропили

1) p. 24: σκυτάλῃ τὰ ἀγεννῆ τῶν μειρακίων οἱ παιδευταί.

скотъ и такимъ образомъ спасали его (§ 18). Наконецъ дикій звѣрь погибъ въ священномъ мѣстѣ, и заблистало солнце свободы. Почитатели святого явились въ лодкѣ на островъ, взяли раку съ его тѣломъ и перевезли въ мѣсто Ісрію (Ἱέρεια), отстоящее отъ монастыря (по Болландистамъ: отъ Кизика) въ 12 стадіяхъ (§ 19). Богъ прославилъ своего угодника чудесами: болѣзни исцѣлялись, буря морская утихала, сумасшедшіе (δαιμονῶντες) получали исцѣленіе у его гроба, паралитики, приносимые на носилкахъ, возвращались назадъ съ благодареніемъ; выздоравливали слѣпые, хромые и нѣмые, а также кровоточивыя жены; «рукописаніе, полное тяжелыхъ случаевъ, оказалось припечатаннымъ къ гробницѣ, и никто не зналъ, кѣмъ оно написано»; но всего, замѣчаетъ авторъ, пересказать не возможно (§ 20). Цѣлый годъ народъ посѣщалъ храмъ св. Прокопія (гдѣ очевидно лежали мощи святого), съ трудомъ шли по прямому пути монастыря его и становились около раки на четыре группы. Избранные изъ отцовъ, поднявъ кивотъ на плечи, понесли его (здѣсь въ рукописи новый пропускъ, § 21). Житіе оканчивается общею характеристикою святого, въ которой Никифоръ молитъ Өеофана даровать ему освобожденіе отъ приключившихся обстояній, дабы можно было приступить къ описанію его подвиговъ (§ 22).

Похвальное слово царицѣ Өеофаніи, написанное современникомъ ея, живописцемъ Михаиломъ Влахернитомъ, какъ видно изъ Ватиканскаго Минолога [1]), до насъ не сохранилось, но, какъ кажется, имъ еще пользовался въ XIV вѣкѣ Никифоръ Григора. Въ Обрядникѣ византійскаго двора сказано, что первая супруга имп. Льва погребена въ ἡρῷον Константина Великаго вмѣстѣ съ дочерью Евдокіею: λάρναξ πράσινος θετταλός, ἐν ᾧ ἀπόκειται Θεοφανὼ ἡ πρώτη γυνὴ τοῦ μακαρίου Λέοντος [2]).

ГЛАВА VI.

Хорскій монастырь.

Ж. Михаила Синкелла. — Ж. Өеодора Начертаннаго.

Хорскій монастырь, подобно Студійскому, въ иконоборческое время представлялъ печальное зрѣлище: монахи были разорены и проживали въ самомъ ограниченномъ числѣ въ усадьбѣ Καστώρεον,

1) Ср. Pitra. Anecdota sacra, I, 648—649, гдѣ приведенъ отрывокъ изъ службы ей; см. также «Визант. Времен.» 1895, II, 464.

2) Migne, CXII, 1196.

земли его были конфискованы и самъ монастырь былъ почти разрушенъ и обращенъ въ гостиницу для пріѣзжающихъ мірянъ. При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о книжной дѣятельности хорцевъ. Нѣкоторая населенность, образованіе и литературная дѣятельность въ монастырѣ начинается лишь со времени окончательнаго возстановленія иконопочитанія, когда игуменомъ Хоры сдѣлался образованнѣйшій человѣкъ того времени—св. Михаилъ Синкеллъ. Но иноки, вышедшіе изъ его школы и выступившіе на поприщѣ писательства не ранѣе конца IX вѣка, были люди недостаточно подготовленные и не отличались литературными дарованіями. Однако если они изъ школы своего учителя могли вынести любовь къ историческому прошлому своей обители, то уже и эта черта ихъ достаточно характеризовала хорскаго игумена Михаила.

Во второй половинѣ IX в. одинъ изъ хорцевъ составилъ житіе основателя обители, св. Θеодора; другой (если не онъ же) составилъ житіе игумена Михаила Синкелла. Полная несамостоятельность авторства, заимствованіе почти всего содержанія изъ чужихъ книгъ, самое простое, незамысловатое изложеніе, съ синтаксическими неправильностями,—таковъ общій характеръ хорской школы агіографіи. Житіе Θеодора издано было нами въ 1903-мъ, житіе Михаила—Θ. И. Шмитомъ въ 1906 году. Въ первомъ больше неправильностей въ построеніи рѣчи, нежели во второмъ, почему (если агіографомъ было одно лицо) можно предположить, что житіе Θеодора было вѣроятно его первымъ дебютомъ на литературномъ поприщѣ; во второмъ житіи уже менѣе синтаксическихъ неправильностей: агіографъ видимо уже сдѣлалъ успѣхи въ писательствѣ.

При разсмотрѣніи житія Михаила Синкелла мы видимъ уже проторенный учеными путь; напр. ассомпсіонистъ S. Vailhé хронологически уже опредѣлилъ главнѣйшіе моменты его біографіи [1]).

Житіе это [2]) по всѣмъ видимостямъ написано было инокомъ Хорскаго монастыря во второй половинѣ IX столѣтія. Агіографъ не былъ

1) Saint Michel le Syncelle et les deux frères Grapti Saint Théodore et Saint Théophane (Revue de l'Orient Chrétien, 1901). О другомъ, позднѣйшемъ, Михаилѣ Синкеллѣ рѣчь будетъ во второй части этого сочиненія.

2) Τὰς τῶν ἀγαθῶν ἀνδρῶν (Θ. И. Шмитъ: Кахріэ-джами, въ «Извѣст. русск. археол. Института въ Константинополѣ». Софія. 1906, XI, 227—259, ср. стр. 23—27 и пр.). Ср. еще наши замѣчанія въ De S. Theodoro monacho hegumenoque Chorensi. Petropoli 1903, стр.. XXI—XXIII, съ нѣкоторыми ошибками въ цифрахъ, тамъ исправленными.

человѣкомъ лично хорошо освѣдомленнымъ въ дѣлѣ, но жилъ въ такое время, когда еще можно было спросить живыхъ свидѣтелей дѣятельности игумена и сподвижниковъ имп. Θеофила. Разсказы этихъ лицъ нашъ авторъ обильно снабдилъ выписками изъ житій другихъ святыхъ, отчасти изъ хроникъ и будто бы изъ писемъ самого игумена; отъ себя онъ не привнесъ ни одной сколько нибудь новой черты для біографіи, съ чѣмъ въ общемъ согласны всѣ изслѣдователи. Говорить о немъ, какъ о современникѣ описываемыхъ событій и какъ о писателѣ правдивомъ, о чемъ говоритъ г. Шмитъ, едва ли приходится, потому что онъ самъ въ сущности ничего не даетъ: контролировать пришлось бы не агіографа, а его источники.

Несамостоятельность его, какъ автора, сказывается уже съ первыхъ строкъ житія: коротенькое предисловіе цѣликомъ взято агіографомъ изъ житія св. Іоанна Милостиваго, патр. александрійскаго (VII в.), написаннаго Леонтіемъ неапольскимъ [1]) (въ житіи Θеодора предисловіе взято изъ хроники Θеофана). Персіянинъ по крови (περσογενής), Михаилъ родился въ Іерусалимѣ въ 761 году [2]). Трехлѣтнимъ ребенкомъ (въ 764 г.) онъ былъ посвященъ Богу іерусалимскимъ патріархомъ, не названнымъ по имени:—былъ ли это Илія, неизвѣстно.— По достиженіи возраста родители отдали его учителю, ὅπως προπαιδεύσῃ αὐτὸν τὰ τῆς προπαιδείας γράμματα, а когда онъ изучилъ это, по приказанію патріарха былъ отданъ εἰς τὰ τῆς γραμματικῆς καὶ ῥητορικῆς καὶ φιλοσοφίας διδάγματα. Ко всему этому Михаилъ присоединилъ еще καὶ ποιητικῶν καὶ ἀστρονομίας ὅσον τὸ κάλλιστον. По смерти отца онъ остался на попеченіи у своей матери (матери многихъ дочерей и одного сына). Послѣ постриженія послѣдней съ дочерьми Михаиломъ въ одномъ изъ Іерусалимскихъ монастырей около св. Сіона (τῆς μητρὸς πασῶν τῶν ἐκκλησιῶν) онъ отдалъ въ этотъ монастырь много богатствъ и въ возрастѣ 26 лѣтъ (то-есть въ 787 г.) удалился въ лавру св. Савы Освященнаго, внесъ сюда имѣвшіяся при немъ средства и былъ постриженъ во иночество. Здѣсь въ теченіи 18 лѣтъ (до 805 г.) онъ велъ аскетическую жизнь, питаясь по цѣлымъ недѣлямъ одними овощами и то безъ соли, принимая пищу только по субботамъ и воскресеніямъ. Игуменъ убѣждалъ его довольствоваться только служеніемъ Богу и службою въ лаврѣ, но Михаилъ предпо-

1) См. Шмитъ, стр. 25.

2) Эта дата извлекается съ одной стороны изъ года смерти Михаила (846), а съ другой изъ числа лѣтъ его жизни (85).

читалъ строжайшее подвижничество. Проживъ въ лаврѣ 12 лѣтъ, онъ (въ 799 г.) былъ поставленъ въ санъ пресвитера отъ руки патр. Ѳомы въ храмѣ Воскресенія.—Послѣ Иліи († ок. 791 г.) въ каталогѣ арх. Сергія значатся: Ѳеодоръ, антипатріархъ его Георгій и наконецъ Ѳома I въ 807, † послѣ 820 года. Въ виду того, что Палама не знаетъ Георгія, на основаніи житія Михаила можно, кажется, установить преемство въ такомъ видѣ: Илія (787—797), Ѳома (797—820).—Черезъ два года послѣ того (въ 800 г.) онъ выпросилъ себѣ у настоятеля особую келью для безмолвія и жилъ здѣсь, имѣя только одинъ хитонъ, который носилъ, небольшой матрацъ, на которомъ спалъ, и сосудъ (βαυκάλιον), на которомъ ѣлъ хлѣбъ.

Когда прибыли въ лавру два уроженца востока, Ѳеодоръ въ возрастѣ 25 лѣтъ (родился около 775 г.) и Ѳеофанъ въ возрастѣ 22 лѣтъ (родился ок. 778 г.), игуменъ поручилъ Михаилу принять ихъ. Михаилъ постригъ ихъ, былъ ихъ руководителемъ и училъ грамматикѣ, философіи и поэзіи. Братья оказались способными и даровитыми учениками; патр. Ѳома приглашалъ ихъ въ патріархію и слушалъ ихъ бесѣды. На 50-мъ году жизни Михаила (въ 811 г.) патр. Ѳома сдѣлалъ его своимъ синкелломъ, послѣ чего святой поселился въ патріархіи, а братьевъ Ѳеодора и Ѳеофана поселилъ въ монастырѣ Спудеевъ (τῶν Σπουδαίων), построенномъ патр. Ильею близь храма Воскресенія. Вскорѣ они были рукоположены Ѳомою во пресвитеровъ. Отношенія между патріархомъ и его синкелломъ были самыя близкія: оба они были неразлучны.

Михаилъ денно и нощно мечталъ посѣтить Римъ и облобызать мощи св. ап. Петра и Павла. Въ то время нѣкіе священники и монахи изъ франковъ стали употреблять въ Символѣ Вѣры Filioque, чѣмъ очень смутили Римъ. Папа писалъ въ этомъ смыслѣ посланіе къ патр. Ѳомѣ, съ просьбою послать къ нему ученыхъ людей для борьбы съ ересью. Это извѣстіе, по словамъ агіографа, почерпнуто изъ писемъ самого Михаила къ православнымъ инокамъ о. Сициліи, но эти письма, къ сожалѣнію, не сохранились. Патр. Ѳома рѣшилъ послать въ Римъ своего синкелла. Въ это время Агаряне напали на Іерусалимъ, и Ѳома рѣшилъ послать письмо къ имп. Льву Армянину и патр. Ѳеодоту иконосжигателю. Это было, по словамъ агіографа, въ началѣ царствованія Льва, слѣдовательно около 814 года.—Подобный прецедентъ былъ уже во времена имп. Никифора, когда Ѳеодоръ Студитъ, находившійся въ изгнаніи, писалъ патр. Ѳомѣ о еретикахъ—иконоборцахъ.—Ѳома и

теперь убѣждалъ царя и патріарха отступиться отъ иконосжигательной ереси. Михаилъ съ Ѳеодоромъ и Ѳеофаномъ, а равно съ однимъ инокомъ Студейскаго монастыря Іовомъ отправились съ упомянутымъ письмомъ патріарха въ Константинополь черезъ Діосполь (Διόσπολις) и Лидду (Λύδδα). Въ селевкійскомъ городѣ Михаилъ встрѣтилъ нѣкихъ монаховъ, которые не признавали VII, Никейскаго, собора и не считали въ диптихахъ патр. Тарасія,—и убѣдилъ ихъ вѣровать въ святость собора. Посланцы прибыли въ Византію въ маѣ VII индикта (814 г.) и, по опредѣленію царя и патріарха, поселились въ монастырѣ Хоры на коштъ царской казны.

Мы и Ѳ. И. Шмитъ уже указали на то интересное обстоятельство, что Хорскій монастырь во все византійское время былъ подворьемъ іерусалимскихъ церквей, почему прибывавшіе изъ Іерусалима иноки останавливались всегда въ Хорѣ. Происхожденіе этого обычая относится къ самому началу возникновенія обители и довольно неопредѣленно. Уже въ концѣ IX в. существовало два преданія на этотъ счетъ: по одному (vita S. Theodori), св. Сава Освященный, прибывъ въ Византію, первый остановился въ новопостроенной Хорѣ у своего знакомаго — игумена Ѳеодора (συνδιαιτώμενος)[1], и съ этого времени и всѣ іерусалимскіе иноки стали останавливаться здѣсь же; по другому преданію (vita S. Michaelis), имп. Юстиніанъ, воздвигнувъ Хору, населилъ ее іерусалимскими иноками,—два разныхъ преданія, но довольно близкихъ между собою, чтобы не могъ сообщить ихъ и одинъ инокъ въ разныхъ сочиненіяхъ.

Царь Левъ будто бы пригласилъ Михаила и его свиту во дворецъ Хрисотриклинъ и спросилъ о причинѣ ихъ прибытія въ столицу. Михаилъ отвѣтилъ, что онъ присланъ іерусалимскимъ патріархомъ для напоминанія о томъ, что надобно имѣть въ церквахъ иконы святыхъ и поклоняться имъ. При этомъ онъ подалъ царю подлинное посланіе, которое тутъ же и было прочитано.—Агіографъ приводитъ этотъ якобы подлинный текстъ, но это такъ кажется только съ перваго раза; въ дѣйствительности же текстъ письма выдуманъ, какъ вымышлены всѣ вставочные якобы подлинные тексты въ византійской литературѣ. Самъ Михаилъ еще могъ знать содержаніе патріаршаго посланія, но агіографъ Хорскій уже рѣшительно не имѣлъ возможности ни видѣть, ни переписать его для своего труда. Здѣсь говорится о томъ, что Богъ

1) Chr. Loparev, De S. Theodoro monacho hegumenoque Chorensi. Petropoli 1903, p. 11.

являлся Моисею на Синайской горѣ и повелѣлъ сдѣлать два херувима, и о томъ, что скинія завѣта (р. 235: τοῦ μαρτυρίου?) имѣла икону Богородицы и Приснодѣвы Маріи (!), и о томъ, что пророки Исаія, Іеремія, Іезекіиль и всѣ видѣли на самомъ дѣлѣ иконы и изображенія (?), и о томъ, что апостолы дѣлали иконы и поклонялись имъ, и о томъ, что ап. Петръ далъ своему ученику Панкратію двѣ иконы—Христа и Богородицы, и о томъ, что ап. Лука первый написалъ икону Христа и Богоматери, «которая и до нынѣ хранится въ великомъ Римѣ и во святомъ Божіемъ градѣ нашемъ» (Іерусалимѣ?!), и о томъ, что самъ Христосъ послалъ едесскому монарху Авгарю свой нерукотворенный образъ, «который и донынѣ хранится въ томъ же городѣ» (Едесѣ), и т. д. Не исторію мы здѣсь видимъ, а одну легенду второй половины IX вѣка. Какъ легенда, посланіе это имѣетъ свое значеніе въ смыслѣ опредѣленія terminus'a post quem.—Царь Левъ Армянинъ заключилъ іерусалимское посольство въ столичную тюрьму Фіала (τῆς Φιάλης). Здѣсь исповѣдники, несмотря на приносимую имъ пищу, рѣшились голодать. Царь прибѣгъ къ лести; онъ обѣщалъ поставить ихъ епископами на выдающихся каѳедрахъ; но они посланному заявили рѣшительный отказъ и готовность пострадать за иконопочитаніе до самой смерти, такъ что посланный, вернувшись ко Льву, будто бы воскликнулъ: «мы побѣждены, царь, мы побѣждены: мужи — выше угрозъ». Тогда Левъ, оставивъ Михаила съ Іовомъ въ Фіалѣ, Ѳеодора и Ѳеофана перевелъ на островъ Афусію (Ἀφουσία). Послѣдніе прибыли въ новую тюрьму въ августѣ VII индикта (814 г.) и поручены надзору начальника (ἄρχων, ἀρχηγός) острова. Но и въ Афусійской тюрьмѣ братья находили возможность писать увѣщательныя посланія къ православнымъ.

Черезъ шесть лѣтъ, по смерти Льва Армянина († 820) вступилъ на престолъ царь Михаилъ, также иконоборецъ. Послѣдній велѣлъ перевести Михаила съ Іовомъ въ оковахъ изъ Фіалы въ одинъ изъ олимпійскихъ монастырей близъ города Прусіады[1]). Михаилъ (подобно братьямъ) не переставалъ укрѣплять православныхъ посланіями.

По смерти царя Михаила († 829) на престолъ вступилъ сынъ его Ѳеофилъ, «злѣйшій изъ всѣхъ, до него царствовавшихъ».—Подъ вліяніемъ этого извѣстія Ѳ. И. Шмитъ также считалъ Ѳеофила «наиболѣе ярымъ врагомъ монаховъ» (стр. 32), однако все-таки по сравне-

---

1) τῶν τοῦ Ὀλύμπου μοναστηρίων τῆς πόλεως Προυσιάδος.

нію напр. съ Константиномъ Копронимомъ Θеофилъ былъ куда болѣе снисходительный. И вообще надо признать за несомнѣнное, что первый періодъ иконоборчества (VIII в.) былъ наиболѣе жестокимъ; во второмъ періодѣ (IX в.) императоры какъ будто задумываются, основательно ли преслѣдованіе ими иконопочитанія. Самъ Θеофилъ подъ конецъ своей жизни, изверившись въ преслѣдованіи, послалъ къ Іоанникію, виѳинскому аскету, спросить мнѣнія, надо ли продолжать гоненіе.—На 5-мъ году своего царствованія (въ 834 г.) онъ вызвалъ Михаила синкелла изъ темницы Прусіадскаго монастыря и заключилъ въ столичный Преторій (Πραιτώριον), разлучивъ съ Іовомъ. Два года узникъ страдалъ слабостію и отъ старости и страданій очень ослабѣлъ зрѣніемъ. Одна вѣрная монахиня Евфросинія приняла въ немъ живое участіе и заботилась даже въ его тѣлесныхъ нуждахъ. Черезъ два года (въ 836 г.) Θеофилъ велѣлъ перевести Михаила изъ одного каземата Преторія въ другой. Черезъ четыре мѣсяца послѣ того Θеофилъ вспомнилъ о братьяхъ Θеодорѣ и Θеофанѣ—по слѣдующему поводу. Нѣкій протасикритъ (ασηκρῆτις), знакомый св. Михаила и его учениковъ, подъ давленіемъ правительства подписался подъ иконоборческою ересью. Синкеллъ, узнавъ о томъ, писалъ ему увѣщательныя письма и вернулъ его снова въ лоно православія. Тогда имп. Θеофилъ осудилъ Стефана на изгнаніе, а имущество его конфисковалъ. Михаилъ укрѣпилъ въ православіи также своего знакомаго спаѳарія Каллону (Καλλονᾶν), чѣмъ привелъ царя въ изступленіе. По этому поводу царскіе приспѣшники напомнили Θеофилу: изъ Іерусалима де при царѣ Львѣ прибыли сюда четыре монаха, съ намѣреніемъ ѣхать въ Римъ; они—иконопочитатели и, не смотря на угрозы царя, не отстали отъ идолослуженія, не смотря на ссылки и заточенія они продолжаютъ разсылать письма для укрѣпленія «православныхъ». Θеофилъ велѣлъ вызвать всѣхъ ихъ къ себѣ. Всѣ четверо собрались 8 іюля XIV индикта (836 г.) и были заключены въ Преторій. На 9-е іюля былъ назначенъ допросъ ихъ въ присутствіи царя въ Хрисотриклинѣ. Иноки были введены къ царю епархомъ (ἔπαρχος), вошли съ веселыми лицами, какъ бы на бракъ, а не на подвигъ. Тутъ житіе принимаетъ тонъ мученичества.—Откуда вы? спросилъ Θеофилъ.—Изъ Моавитиды, послѣдовалъ отвѣтъ.—Зачѣмъ прибыли сюда? Не дождавшись еще отвѣта, царскіе слуги набросились на иноковъ и били ихъ до потери ими сознанія. Когда иноки пришли въ себя и встали на ноги, Θеофилъ повторилъ свой прежній вопросъ. Тѣ молчали. Обра-

тившись къ спарху (ὕπαρχος)[1]), Θеофилъ велѣлъ начертать братьямъ на лицахъ стихи и въ такомъ видѣ отправить ихъ на родину. Христодулъ, державшій въ рукахъ готовые уже стихи, стоялъ тутъ же, прибавивъ: «хотя они и не хороши, но не безпокойся», а одинъ изъ слугъ замѣтилъ: «да они (братья) и не достойны, владыко, чтобы ямбы были лучше». И вотъ въ Преторіи Θеодору и Θеофану были начертаны на лицахъ слѣдующіе 12 стиховъ:

«Изъ всѣхъ, любящихъ приходить ко граду,
гдѣ всечистые ноги Бога Слова
стояли для созиданія вселенной,
сіи явились къ поклоняемому мѣсту
негодными сосудами суевѣрнаго заблужденія;
впрочемъ, много тамъ по невѣрію
безбожномысленно сдѣлавъ постыднаго, страшнаго,
оттуда они были выгнаны какъ отступники;
ко граду же царства прибѣгши,
они не оставили беззаконныхъ глупостей;
посему, какъ преступники, съ написанными лицами,
они осуждаются и преслѣдуются снова»[2]).

Негодованіе агіографа по поводу этого начертанія выражено сильно и искренне, но и тутъ съ синтаксическими ошибками. По прибытіи въ Преторій, въ такъ называемую Θермастру (θερμάστραν), они снова были приведены къ Θеофилу, который сказалъ имъ: «можетъ быть вы, придя въ свою землю, будете говорить, что вотъ де мы посмѣялись надъ царемъ Ромеевъ; но я ранѣе осмѣю васъ и, жестоко наказавъ, отошлю васъ домой». Братьевъ начали бичевать воловьими жилами; при истязаніи Начертанныхъ солдаты смѣнялись четыре раза; а царь подбадривалъ истязателей, приговаривая: «если любишь меня,— прибавь еще»[3]). Окровавленныхъ и безгласныхъ, ихъ снова отвели въ тюрьму, такъ какъ они едва могли идти. Но вотъ является новый посланецъ отъ царя съ приказаніемъ опять идти во дворецъ. Но идти братья уже были не въ состояніи. Логоθетъ дрома спросилъ ихъ: для

1) Чередованіе ἔπαρχος и ὕπαρχος встрѣчается и въ болѣе древнихъ агіографическихъ памятникахъ, см. напр. M. Krascheninnikov, Vita S. Basilii Ancyrani, Jurievi 1906; ср. H. Usener, Der heilige Theodosios, Leipzig 1890, S. 129.

2) Иной переводъ стиховъ у Ф. А. Терновскаго, Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Кіевъ 1883, стр. 492.

3) Стр. 244, § 43: εἰ ἔχεις ἐμέ, δὸς καλά.

чего вы радовались смерти царя Льва? и зачѣмъ, прибѣжавъ къ нему, не навязали ему той же вѣры, какую исповѣдуете сами? На это братья отвѣтили: смерти царя Льва мы не радовались, вѣру или лучше ересь его мы не принимали. — Черезъ четыре дня допрашивать ихъ сталъ епархъ съ упомянутымъ Христодуломъ и его отцомъ. Онъ грозилъ мучить ихъ снова, отправить къ Агарянамъ и только потомъ на родину. Отецъ Христодуловъ невольно спросилъ епарха: не клапяясь иконѣ, зачѣмъ они страдаютъ? Феофанъ на это сказалъ ему: отступи отъ насъ, врагъ истины! мы поклоняемся иконамъ, зная, что ἡ τῆς εἰκόνος τιμὴ ἐπὶ τὸ πρωτότυπον ἀνάγει τὴν τιμήν. Тогда епархъ 18 іюля XIV индикта (836 г.) велѣлъ написать имъ лица. — Двойное извѣстіе о написаніи лицъ безъ сомнѣнія говоритъ въ пользу того, что агіографъ заимствовалъ свѣдѣніе изъ разныхъ агіографическихъ памятниковъ; въ одномъ говорилось о написаніи до 18 іюля, въ другомъ — именно 18 іюля; нашъ агіографъ, не въ состояніи провѣрить дату, включилъ обѣ въ свой разсказъ. — Народъ сходился и билъ братьевъ по лицу. Когда епархъ сообщилъ царю отвѣтъ братьевъ, Феофилъ сказалъ ему: «если бы я зналъ, что это вѣрно, то я бы начерталъ такъ на всемъ моемъ народѣ». По распоряженію императора Начертанные были заключены въ темницу рядомъ съ Михаиломъ Спикелломъ. Послѣдній написалъ имъ утѣшительное письмо (которое и приводится), радуясь, что они такъ мужественно пострадали за иконы Христовы, и обадривая ихъ, что и великій боецъ за благочестіе Меѳодій выражаетъ имъ свое удивленіе. Письмо это было передано имъ черезъ Іова. Меѳодій, по словамъ агіографа, писалъ много писемъ Михаилу, называя его владыкою и отцомъ, писалъ и братьямъ на о. Афусію. Онъ и самъ находился въ заключеніи, въ томъ же Преторіи, много лѣтъ. Узники переписывались между собою.

По смерти имп. Феофила († 842 г.) престолъ перешелъ къ Феодорѣ и ея сыну Михаилу. Феодора задумала вернуться къ иконопочитанію и вернуть изъ ссылки и тюремъ всѣхъ исповѣдниковъ. Полетѣли повсюду указы о возвращеніи. И когда всѣ собрались въ столицу, царица собрала ихъ во дворцѣ въ присутствіи сената и народа для обсужденія вопроса о возстановленіи иконопочитанія. Иконоборцевъ предали анаѳемѣ, патріархъ Іоаннъ былъ проклятъ и изгнанъ съ престола и изъ столицы. Когда поднялся вопросъ о преемникѣ патріарха, взоры всѣхъ будто бы остановились на Михаилѣ Спикеллѣ.— Это невѣроятно. Кромѣ этого житія нигдѣ болѣе не говорится о кан-

дидатурѣ Михаила на патріаршій престолъ. Михаилъ былъ совсѣмъ дряхлый и къ тому же полуслѣпой. Главнымъ основаніемъ при выборѣ должна была быть все-таки наличность страдальчества. За Михаила могло быть подано нѣсколько голосовъ, но они потерялись среди другихъ кандидатовъ. Михаилъ, говоритъ агіографъ, изъ скромности и смиренія отказался отъ патріаршества и подалъ мысль спросить совѣта у Іоанникія Великаго, подвизавшагося на Олимпѣ вмѣстѣ съ игуменомъ Агаврскаго монастыря Евстратіемъ. Синодъ и царица согласились съ этимъ и послали туда двухъ епископовъ и одного міряпина — спаоарія. Посланные нашли Іоанникія въ лаврѣ прор. Иліи. Послѣ семидневнаго моленія Іоанникій вручилъ посланнымъ посохъ и сказалъ: «идите, дѣти, и передайте посохъ сей Меѳодію, монаху и пресвитеру, изгнаннику въ монастырѣ τῶν 'Ελεοβωρικτῶν. Соборъ и цари немедленно велѣли Меѳодію явиться и поставили его въ патріархи. Меѳодій проклялъ еретиковъ и освободилъ церковь отъ иконоборческихъ священниковъ; Михаила онъ сдѣлалъ своимъ синкелломъ и рукоположилъ во игумена Хорскаго монастыря.

При описаніи Хоры агіографъ пользовался житіемъ Ѳеодора Хорскаго или повторилъ изъ него свои прежнія свѣдѣнія. Царь Юстиніанъ Великій населилъ Хорскій монастырь монахами изъ Іерусалима и давалъ имъ харчи изъ средствъ государственной казны[1]). Поэтому, когда преп. Сава прибылъ въ Константинополь, онъ построилъ Хору и черезъ годъ по порученію царя освятилъ монастырь, съ тѣхъ поръ прибывающее изъ Іерусалима духовенство посылалось царями въ Хору[2]). Посему-то и настоящіе исповѣдники «звѣроименитымъ» царемъ (Львомъ Армяниномъ) были отправлены въ Хору—какъ выходцы изъ Іерусалима[3]). Царь Левъ Исавріянинъ, изгнавъ патр. Германа, поселилъ его въ Хорѣ. Константинъ Копронимъ обнажилъ, уничтожилъ и почти сравнялъ съ землею Хору, сослалъ сюда мужа своей сестры Анны, православнаго царя Артавасда съ женою и девятью сыновьями, устроивъ здѣсь гостиницу для мірянъ. — О ссылкѣ царя Артавасда именно въ Хору извѣстно только изъ одного этого житія. Безъ сомнѣ-

1) Стр. 250 § 57: τοὺς ἀπὸ Ἱεροσολύμων παραγινομένους ἱερεῖς τε καὶ μονάζοντας ἐκέλευσεν ἐν αὐτῇ ἀναπαύεσθαι, τὰς δὲ αὐτῶν χρείας ἐκ τῶν βασιλικῶν ταμιείων τούτοις δίδοσθαι.

2) Стр. 251 § 59: ἔκτοτε οἱ ἀπὸ Ἱεροσολύμων παραγινόμενοι ἐν τῇ Κωνσταντινουπόλει ἐν ταύτῃ παρὰ τῶν εὐσεβῶν βασιλέων ἀπεστέλλοντο.

3) Ibid.: ἐν τῇ αὐτῇ ἀπεστάλησαν μονῇ ἀπὸ Ἱεροσολύμων παραγενόμενοι.

нія свѣдѣніе это откуда-то заимствовано агіографомъ, но оно не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. — Здѣсь и лежатъ православныя мощи этихъ изгнанниковъ, равно какъ и патр. Германа. Патр. Меѳодій поставилъ Михаила игуменомъ Хоры, а Ѳеофана Начертаннаго—митрополитомъ въ Никею. Епископы говорили Меѳодію: не надо де епископовъ изъ чужой земли, мы де ничего не знаемъ ни о немъ, ни о его житіи; но Меѳодій отвѣтилъ: Ѳеофанъ много страдалъ, на лицѣ его письмена, и я невольно поставилъ его въ Никею. Но Михаилъ сказалъ патріарху: если ты что дѣлаешь Ѳеофану, — мнѣ дѣлаешь, ибо я — онъ и онъ—я. Ѳеофановъ братъ Ѳеодоръ Начертанный скончался 27 декабря въ возрастѣ 70 лѣтъ (ок. 844 г.). Отъ него осталось сочиненіе «Κυνόλυκος», свидѣтельствующее о высотѣ его мудрости, заграждающее уста еретикамъ и иконосжигателямъ, впрочемъ до насъ не сохранившееся. Ѳеофанъ и Михаилъ Синкеллъ почтили кончину Ѳеодора похвалами и положили его тѣло въ ракѣ до него умершихъ святыхъ отцевъ,—но гдѣ именно, не сказано; какъ увидимъ (стр. 224), онъ погребенъ былъ въ Апаміи (Фригійской?). — Ѳеофанъ правилъ Никейской каѳедрою четыре года (842—845). Однажды онъ, прибывъ въ Константинополь, имѣлъ разговоръ съ патр. Меѳодіемъ и остановился въ Хорѣ у своего «отца» Михаила, гдѣ прожилъ долго (χρόνον οὐκ ὀλίγον), впалъ въ болѣзнь и умеръ. Передъ смертію онъ пригласилъ Михаила и сказалъ: помолись, отче, о сынѣ своемъ, ибо жизнь моя кончается; похорони тѣло мое въ землѣ отцовъ моихъ. Онъ скончался 11 октября IX индикта (846 г.), въ возрастѣ 67 лѣтъ. Ѳеофанъ оставилъ много сочиненій церковнаго характера. Это былъ μελῳδός подобно Давиду, составившій слова въ честь Христа, Богородицы, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, блаженныхъ, праведныхъ и архангеловъ, и всѣмъ имъ составилъ каноны. Михаилъ Синкеллъ почтилъ кончину Ѳеофана надгробными словами (?) и положилъ его рядомъ съ ракою патр. Германа.

Михаилъ Синкеллъ при вступленіи въ Хору нашелъ монастырь почти разрушеннымъ. Монахи его жили въ монастырской усадьбѣ (ἀγρῷ) Касторей (Καστώρεον) съ храмомъ во имя св. Трифона. Михаилъ вызвалъ ихъ къ себѣ, выстроилъ монастырь за-ново. Монашество увеличилось при немъ до 100 человѣкъ. Находя монастырь безъ средствъ, онъ отправился къ Меѳодію съ ходатайствомъ, и патріархъ выпросилъ у Михаила и Ѳеодоры земли, отнятыя у монастыря иконоборцами. Слава Михаила была такъ велика, что къ нему

приходили почти весь дворецъ и церковь. Самъ Меѳодій почти не разлучался съ Хорскимъ игуменомъ.

Послѣднему было уже почти 85 лѣтъ. Онъ молился о кончинѣ, и ангелъ возвѣстилъ ему ея приближеніе. Въ Рожественскомъ посту (845 г.) явившійся ему ангелъ сказалъ: «Михаилъ, Михаилъ! возстань и готовься: черезъ десять дней придетъ къ тебѣ смерть. Проснувшись, Михаилъ молился со слезами, прося Бога о прекращеніи соблазновъ въ церкви; затѣмъ велѣлъ бить въ било. Когда собралась братія, онъ совершилъ утреннія пѣснопѣнія и объявилъ о близости своей кончины. Братія заплакала, и святой утѣшалъ ее, прося не забывать его наставленій. Утромъ онъ отправился къ Меѳодію съ радостнымъ лицемъ, чѣмъ даже поразилъ патріарха.—Что ты такъ веселъ? никогда я не видѣлъ тебя такимъ, замѣтилъ онъ. Михаилъ шепнулъ ему на ухо: нужно радоваться, что Господь призвалъ меня недостойнаго въ его царствіе. Опечалился Меѳодій, ибо очень любилъ Хорскаго игумена, и предложилъ ему посѣтить царей. Разсказавъ послѣднимъ о близости кончины Михаила, патріархъ оставилъ ихъ, его мѣсто занялъ Хорскій игуменъ. Цари будто бы припали къ ногамъ его и просили молитвы. А игуменъ просилъ ихъ хранить церковь въ чистотѣ, обѣщая имъ за это мѣсто рядомъ съ Константиномъ Великимъ, Ѳеодосіемъ и Елесвоа, православными царями. Изъ дворца Меѳодій съ Михаиломъ прибыли въ патріархію. Патріархъ просилъ игумена жить вмѣстѣ съ нимъ въ келліи до самой кончины. Михаилъ сначала согласился и имѣлъ съ Меѳодіемъ постоянныя сношенія. Однако за пять дней до кончины (30 декабря 845 г.) онъ отпросился у патріарха вернуться въ свой монастырь и умереть здѣсь въ своей келліи. Патріархъ съ неохотою отпустилъ игумена. Войдя въ монастырь, послѣдній посѣтилъ храмъ св. Анѳима и усыпальницу съ мощами мучениковъ Вавилы и съ нимъ 84 отроковъ. Выйдя изъ монастыря, онъ благословилъ всѣхъ. Когда всѣ разошлись, къ Михаилу явились его ученики со свѣчами. Съ ними онъ отправился въ храмъ 40 мучениковъ и, припавъ къ гробницамъ св. Германа и Ѳеофана, молился со слезами: «се, я буду лежать съ вами тѣлесно», и при этомъ указалъ мѣсто для своей могилы. Вернувшись въ келью, онъ въ субботу 19 декабря (845 г.), на память св. Игнатія[1]), велѣлъ служить панихиду въ его молитвенномъ домѣ — въ храмѣ св. Анѳима, затѣмъ собралъ своихъ учениковъ и

1) Память св. Игнатія Богоносца празднуется 20-го декабря; поэтому агіографъ вѣроятно ошибся.

объявилъ имъ о своей скорой кончинѣ, чѣмъ привелъ всѣхъ въ слезы; просилъ ихъ слушаться своихъ, слѣдующихъ за нимъ, игуменовъ. Произнеся слова «въ руки Твои предаю духъ мой», Михаилъ скончался 4-го января (846 года).—Уже Ѳ. И. Шмитъ, вслѣдъ за S. Vailhé, останавливался на нѣкоторой нескладности хронологическихъ датъ житія. Если Михаилъ умеръ 4 января, то ангелъ возвѣстилъ ему о кончинѣ (черезъ 10 дней, значитъ) 26 декабря, но это былъ уже не Рождественскій постъ. — Изъ чудесъ св. Михаила агіографомъ отмѣчено только одно: нѣкій монахъ Хорскаго монастыря много лѣтъ страдалъ сумасшествіемъ (πνεῦμα ἀκάθαρτον)—и исцѣлился въ моментъ смерти игумена.

Житіе Ѳеодора Начертаннаго, написанное во второй половинѣ IX столѣтія, остается неизданнымъ [1]); имъ, какъ кажется, пользовалась въ XIII вѣкѣ Ѳеодора Раулена, не говоря уже о Метафрастѣ. Равнымъ образомъ не издано и слово о перенесеніи его мощей изъ Апаміи въ Халкидонъ [2]).

ГЛАВА VII.

Іосифовъ монастырь.

Житіе Іосифа Пѣснописца. — Ж. патріарха Меѳодія

Препод. Іосифъ Пѣснописецъ основалъ свой монастырь близъ храма Іоанна Златоустаго, гдѣ онъ былъ первымъ игуменомъ. Монастырь этотъ, по весьма правдоподобному предположенію А. И. Пападопуло-Керамевса, могъ быть школою церковнаго пѣснописанія, а кромѣ того и метохіею сицилійскихъ монаховъ и паломниковъ. Сюда прибылъ сициліецъ Ѳеофанъ, съ молодыхъ лѣтъ находившійся при Іосифѣ, принялъ здѣсь монашество, прошелъ школу пѣснописанія и былъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Іосифа. Незадолго до своей кончины св. старецъ въ сопровожденіи Ѳеофана явился къ патр. Фотію съ книгою, содержащею въ себѣ оффиціальную опись патріаршей ризницы, прося его принять церковныя сокровища. Представленіе при этомъ инока Ѳеофана безъ всякаго сомнѣнія говорило о томъ, что Іосифъ желалъ послѣ своей смерти видѣть Ѳеофана игуменомъ своего монастыря. Фотій такъ и понялъ молчаливое желаніе

1) Cod. Paris. № 921, XII—XI в., f. 67—75 (Colb. 958) и № 501, XII в., f. 61 v.—74 (Omont, I. 62, 176); cod. Vatic. № 3, XI в., f. 114—124 (Pitra, 3).

2) Εἰκότως ἄν τις ἡμῖν (cod. Paris. MCDLVI nº 10). Ср. стр. 181. Боимся, что неясное указаніе Фабриція вводитъ насъ въ заблужденіе: перенесеніе мощей св. Ѳеодора (Студита, или Начертаннаго?).

Іосифа и по смерти старца назначилъ Θеофана игуменомъ Іосифова монастыря. «Ты предызбралъ меня, хотя и не по достоинству, стоять во главѣ твоей паствы, поставивъ меня пастыремъ, а не какъ слѣдовало бы—овцею», писалъ Θеофанъ объ Іосифѣ (§ 16).

Дѣйствительно Θеофанъ сицилiецъ извѣстенъ своимъ пѣснописанiемъ: ему принадлежитъ между прочимъ служба со стихирами и канономъ св. Кириллу, епископу Катанскому [1]). Однажды въ Іосифовъ монастырь хартуларiемъ былъ назначенъ одинъ иконоборецъ. По этому поводу патр. Фотiй въ письмѣ Θεοφάνει τῷ μονάζοντι (Βαλέττα σ. 429—431) восклицаетъ: τῆς περιβοήτου Σικελίας ἔφθασεν ὁ ὄλεθρος. Этимъ картиннымъ выраженiемъ Фотiй безъ сомнѣнiя указывалъ на Іосифовъ монастырь, какъ метохiю Сицилiи.

Ученикъ и преемникъ Іосифа въ его монастырѣ, монахъ, пресвитеръ и игуменъ Θеофанъ составилъ житiе св. Пѣснописца [2]), хотя и не сейчасъ послѣ его кончины (ок. 883 г.); г. Керамевсъ основательно полагаетъ, что житiе Іосифа было составлено уже по смерти Фотiя, между 898—899 годами. Агiографъ называетъ Іосифа θεῖος, ἱερώτατος и μακάριος, рѣже μακαρίτης (§§ 5, 12), заявляетъ, что пишетъ простою, необработанною рѣчью и въ такое время, когда онъ уже одержимъ болѣзнями и труднымъ (οὐκ εὔλαλον) языкомъ (§ 1, 16).

Іосифъ родился въ 813 г. [3]) на о. Сицилiи отъ отца Плотина (Πλωτῖνος) и матери Агаθiи (Ἀγάθη). Когда островъ былъ взятъ варварами и многiе были уведены въ плѣнъ [4]), Іосифъ со своими родителями переселился въ Пелопоннисъ (πρὸς τὴν Πέλοπος γῆν, § 2). — Указанное занятiе Сицилiи вѣроятно относится ко времени 819—820 г., когда на островъ напалъ капитанъ Mohammed-ibn-Abd-Allah-ibn-Aghlab, дядя аглабидскаго князя Ziadet-Allah'а, взялъ много плѣнныхъ и вернулся въ Африку [5]). — Изъ Пелопонниса онъ, на 15-мъ году возраста (въ 828 г.), прибылъ въ Солунь, главный городъ Θессалiи [6]), и здѣсь былъ постриженъ во иноческiй санъ (§ 3). Послѣ начальнаго образованiя онъ приступилъ къ изученiю философiи (§ 4); потомъ получилъ санъ пресвитера. Чудотворецъ Григорiй Декаполитъ,

1) См. П.-Керамевсъ, Θεοφάνης Σικελός въ Byz. Zeitschr., IX, 370—378.

2) Πολλῶν τῶν ἐν ποικίλοις διαλαμψάντων (А. И. Пападопуло-Керамевсъ. Сборникъ греческихъ и латинскихъ памятниковъ, касающихся Фотiя патрiарха. Спб. 1901, I).

3) См. ниже. Амари относилъ рожденiе Іосифа къ 800 г. (I, 533).

4) ἥλω γὰρ χερσὶ βαρβάρων καὶ πολλῶν πλειόνων δὲ δορυαλώτων ἀποφανθέντων.

5) M. Amari. Storia dei musulmani di Sicilia. Firenze 1854, I, 231.

6) πρὸς τὴν τῶν ἄλλων προκαθημένην Θεσσαλίας πόλιν Θεσσαλονίκην.

жившій тогда въ Солуни, очень любилъ Іосифа. Вмѣстѣ съ Григоріемъ Іосифъ прибылъ въ Константинополь и оба они поселились въ храмѣ Антипы, близъ св. Мокія (§ 5). — Храма Антипы мы доселѣ не знали; изъ настоящаго житія видно, что онъ стоялъ около св. Мокія, между старою Константиновскою и византійскою стѣнами столицы.

Когда началась христоборная ересь, нѣкоторые просили Григорія Декаполита послать Іосифа въ Римъ для сообщенія всѣмъ о начавшемся злѣ. Іосифъ поплылъ на суднѣ; но варварскіе корабли схватили его около Крита и увели въ плѣнъ. Вмѣстѣ съ другими Іосифъ былъ заключенъ въ темницу, гдѣ обратилъ одного иконоборческаго епископа къ иконопочитанію. Варвары убѣждали послѣдняго отказаться отъ христіанства, епископъ не согласился и за то былъ бичеванъ и разстрѣлянъ (§ 6). Въ тюрьмѣ Іосифъ занимался проповѣдью и укрѣплялъ православіе денно и нощно. Однажды явился къ нему благообразный мужъ изъ Миръ (очевидно Ликійскихъ, то-есть св. Николай) и велѣлъ ему взять поданный свитокъ. Іосифъ взялъ его, прочелъ и воспѣлъ: «потщися, милосердый, и поспѣши яко милостивый на помощь нашу, яко можеши хотяй». И воспѣваемое дѣло наутро стало удивительнѣйшимъ (§ 7).

По смерти иконоборца Θеофила (въ 842 г.) церковь одѣлась въ свою иконную красоту, чему Іосифъ въ темницѣ радовался, но скорбѣлъ о разлукѣ съ Григоріемъ Декаполитомъ и его ученикомъ Іоанномъ (§ 8). Послѣ многихъ лѣтъ отсутствія (μετὰ χρόνους συχνούς) Іосифъ вернулся изъ плѣна въ Константинополь и поселился въ монастырѣ Іоанна Златоустаго, «сосѣднемъ съ нашимъ монастыремъ»[1]), гдѣ по смерти Григоріева ученика Іоанна жилъ пять лѣтъ. Къ Іосифу сошлось очень много иноковъ, и тогда онъ воздвигъ свой монастырь ἐν χώρῳ ἐρήμῳ τότε ὄντι, въ который перенесъ мощи Григорія Декаполита и его спостника Іоанна. Живя въ Θессалійскихъ предѣлахъ, онъ вмѣстѣ съ Григоріемъ воздвигъ храмъ во имя апостола Варθоломея, куда и положилъ мощи апостола, которыя онъ получилъ отъ одного преподобнѣйшаго и высокопоставленнаго мужа.—Въ виду того, что Варθоломеевскій храмъ былъ поставленъ Іосифомъ въ Θессаліи[2]), становится очевидной неумѣстность этого извѣстія житія въ данномъ мѣстѣ: его слѣдовало бы помѣстить въ § 3. Когда и гдѣ Іосифъ получилъ мощи апостола? Въ виду того, что до 839 г. онѣ лежали на

1) τῇ καθ'ἡμᾶς γειτνιῶντι μονῇ.

2) Ср. Amari. I, 502—503.

о. Липарѣ (около Сициліи), откуда были перенесены въ Беневентъ [1]), можно догадываться, что Іосифъ, какъ уроженецъ Сициліи, могъ получить частичку мощей еще на родинѣ, съ нею покинуть островъ, жить въ Пелопоннисѣ и затѣмъ въ Солуни. — Вароломея и Григорія съ Іоанномъ Іосифъ почтилъ пѣснопѣніями. Передъ памятью Григорія (20 ноября) онъ ночью какъ бы на-яву увидѣлъ страшнаго мужа въ апостольскомъ облаченіи, который взялъ съ престола евангеліе и передалъ его Іосифу; послѣ этого святой получилъ даръ пѣснотворенія (§ 9).—Судя по контексту, можно думать, что здѣсь идетъ рѣчь о томъ же ап. Вароломеѣ, который стало быть былъ первымъ, кого Іосифъ почтилъ пѣснопѣніемъ. О Варѳоломеѣ говоритъ Ѳеофанъ быть можетъ со словъ самого Іосифа, и это—важное обстоятельство. Столѣтіемъ позже для объясненія особеннаго поэтическаго дара пѣснотворцевъ выработалась уже особенная, на библейской основѣ, схема—о ядѣніи святыми свитковъ [2]). Іосифъ составилъ гимны другамъ Божіимъ, апостоламъ, пророкамъ, мученикамъ, подвижникамъ и подвижницамъ и безчисленнымъ святымъ. «Во всѣхъ языкахъ, говоритъ Ѳеофанъ, Іосифъ ублажается, во всѣхъ церквахъ признается божественнымъ (ἀποθειάζεται), во всѣхъ славится и возвеличивается» (§ 10). Ему и я, замѣчаетъ агіографъ, составляю благодарственныя пѣснопѣнія за то, что онъ постриженіемъ волосъ вырвалъ меня изъ объятій отца и матери (πατρικῶν ἀγκαλῶν), изъ многомятежной жизни, и пріобщилъ къ творцу всѣхъ и Владыкѣ (§ 11).—Если Іосифъ и Ѳеофанъ были сицилійцами, то послѣдній пошелъ за первымъ вѣроятно въ юношескомъ возрастѣ.

Прославляемый всѣми, Іосифъ среди соблазновъ церкви испыталъ на себѣ тяжелую руку кесаря Варды и, по царскому повелѣнію, былъ сосланъ въ далекій городъ Херсонъ [3]), отсюда онъ вернулся въ столицу черезъ нѣсколько лѣтъ (μετά τινας χρόνους) и въ патріаршество Игнатія (867—877) назначенъ былъ отъ царей хранителемъ священныхъ сосудовъ (скевофилаксомъ) Великой церкви. По отшествіи Игнатія ко Господу приснопамятный патр. Фотій, этотъ канонъ

1) См. нашу рецензію на книгу А. Васильева: Византія и арабы (Спб. 1900), въ Ж. М. Н. Пр. 1901, XI, 189 и сл. Арх. Сергій, говоря объ исторіи мощей (MB^2, II, 339), не знаетъ разсматриваемаго извѣстія этого житія.

2) См. во Введеніи Агіографическую схему (стр. 30).

3) λέγω δὴ τὰ περὶ τοῦ καίσαρος Βάρδα λαληθέντα τε καὶ πραχθέντα, ἵνα συντόμως εἴπω, ὅθεν βασιλείῳ χειρὶ καὶ νεύματι μακρὰν ὑπερόριος γίνεται, τουτέστιν ἐν Χερσῶνι τῇ πόλει, ἵνα καὶ τοῦ ἐντεῦθεν τύχῃ μακαρισμοῦ.

(πηδάλιον) церкви, возлюбилъ «покойнаго» Іосифа, почиталъ божественнымъ (ἐξεθείαζε), былъ хвалителемъ добрыхъ дѣлъ его, считалъ его выше другихъ (§ 12). Дѣйствительно, Іосифъ «былъ миренъ съ ненавидящими миръ», чѣмъ и располагалъ къ себѣ всѣхъ. Имѣвшій съ нимъ бесѣду становился инокомъ и ученикомъ его; посланный родителями для полученія отъ него молитвы возвращался инокомъ; просившій у святого помышленія и заботы черезъ немного лѣтъ удостаивался помышленія—отхода ко Господу (§ 13).

Іосифъ думалъ о своей кончинѣ и хотѣлъ ея. Прошелъ великій постъ и наступилъ великій пятокъ спасительныхъ Страстей Христовыхъ. Старецъ, взявъ инвентарную книгу (γραμματεῖον) церковнаго имущества (Св. Софіи), вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ отправился къ патр. Фотію[1]) и вручилъ ее. Фотій былъ обезпокоенъ и удивленъ этимъ, соображая, въ чемъ тутъ дѣло. А Іосифъ, освободившись отъ такой заботы, вернулся къ своей паствѣ въ благодушномъ настроеніи духа. Но сейчасъ же (παραυτίκα) у него явились предвѣстники болѣзни — ознобъ и жаръ. Благословивъ дѣтей, помолившись о друзьяхъ, онъ произнесъ отходную, пріобщился Св. Таинъ, склонился на одрѣ и скончался, на седьмой день послѣ того, какъ слегъ въ постель, именно 3 апрѣля (§ 14). — Таково опредѣленіе Ѳеофаномъ времени кончины Іосифа. Если послѣдній слегъ въ постель въ пятокъ на Страстной недѣлѣ, а скончался 3 апрѣля на седьмой день, то Пасха въ это время приходилась на 31 марта; а на 31 марта Пасха приходилась въ 883 году[2]). —Масса духовенства (даже епископовъ) и народа присутствовала при гробѣ почившаго Пѣснописца; поминутно раздавались голоса: отлетѣла отсюда церковная ластовица, замолкъ пѣснотворный языкъ! и пр. Скорбь распространилась по всей столицѣ; одни спѣшили ко гробу для поклоненія, другіе для полученія милостей; всего народа не могло вмѣститься. Іосифъ скончался въ почтенномъ возрастѣ (ἐν πολιᾷ αἰδεσίμῳ καὶ χρόνῳ), по словамъ Псалмопѣвца, семидесяти лѣтъ (§ 15)[3]). — Если Іосифъ въ 883 г. скончался въ возрастѣ 70 лѣтъ, значитъ онъ родился въ 813 году. — Послѣ своихъ личныхъ замѣчаній о своей болѣзни, о недостоинствѣ «Житія», агіо-

1) τῷ φωτωνύμῳ τοῦ θεοῦ ἀρχιερεῖ καὶ τὴν κλῆσιν ἔχοντι τοῖς ἔργοις ἐπαληθεύουσαν.

2) ἑβδόμης ἀπὸ τῆς κατακλίσεως ἀνυομένης ἡμέρας (§ 14). Ἀνυομένης свидѣтельствуетъ, что прошло полныхъ шесть дней и святой почилъ на седьмой день; но если бы кто сталъ понимать, что Іосифъ скончался черезъ семь дней, тогда пасху слѣдовало бы отодвинуть на 30 марта: на этотъ день она падала въ 878 году.

3) Псал. LXXXIX, 10.

графъ предоставляетъ другимъ разсказывать о благовоніи, исходящемъ отъ гроба Іосифа (§ 17). Въ заключеніе Ѳеофанъ молитъ святого о ходатайствѣ предъ Богомъ о дарованіи мира церкви, объ удаленіи всякихъ соблазновъ, о храненіи православной вѣры (§ 18). — «Особенно эта послѣдняя глава житія, говоритъ г. Керамевсъ, оставляетъ такое впечатлѣніе, что Ѳеофанъ, оканчивая свой трудъ о жизни преподобнаго Іосифа, находился подъ вліяніемъ важныхъ церковныхъ вопросовъ, которые съ 898 г. подготовлялись къ рѣшенію. Въ этомъ именно мѣстѣ своего труда Ѳеофанъ проситъ Іосифа, чтобы онъ молился Христу о прекращеніи смутъ и о мирной жизни Церкви; далѣе онъ сильно ударяетъ на то, чтобы Іосифъ собственными мольбами упросилъ Христа, дабы православная вѣра навсегда сохранялась неповрежденной. Очевидно, здѣсь Ѳеофанъ имѣетъ въ виду смуты, происшедшія съ 891 года при папѣ Формосѣ, а также расколъ, вызванный изъ-за нихъ между Римскою и Византійскою Церквами, и наконецъ горячій споръ объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына. Эти волненія между двумя церквами были улажены въ Константинополѣ посредствомъ собора, состоявшагося при патр. Антоніи и папѣ Іоаннѣ IX. Хотя мы и не имѣемъ точныхъ и опредѣленныхъ свидѣтельствъ объ условіяхъ, на которыхъ состоялось тогда соединеніе церквей, но несомнѣнно то, что соборъ 899—900 или 900—901 годовъ имѣлъ своею цѣлью выполнить и подтвердить акты собора 879—880 годовъ».

Житіе патріарха Меѳодія, написанное его современникомъ сицилійскимъ архіеп. Григоріемъ Асвестомъ, до насъ не сохранилось[1]). Патр. Меѳодій — лицо, непосредственно предшествовавшее патріархамъ Игнатію и Фотію, время которыхъ описано страстно и подъ разными углами зрѣнія. Великая борьба между двумя первосвятителями, въ которой приняла участіе и тогдашняя духовная и свѣтская литература, въ которой безспорно дѣло не обходилось безъ инсинуацій, безъ передержекъ, безъ уничтоженія противныхъ свидѣтельствъ, отчасти отозвалась и на памяти Меѳодія. Мы желаемъ думать, что исчезновеніе житія, составленнаго Григоріемъ, не есть дѣло случайное и — именно по самой личности автора. Григорій Асвеста былъ

1) Migne. Patr. gr., CXL. 282; AA. SS. Boll., іюнь II, 960; ср. Ѳ. И. Успенскій, въ Ж. М. Н. Пр. 1891, I. 140; Очерки по исторіи византійской образованности, стр. 69. О патр. Меѳодіи статья J. Pargoire въ Echos d'Orient, 1903, VI, 126 — 131 и 183—191 и Добшица въ Byzant. Zeitschrift 1909, XVIII, 41.

сынъ имп. Льва Армянина и въ качествѣ сицилійскаго архіепископа состоялъ въ большой дружбѣ съ патр. Фотіемъ. Постриженникъ Григорія, Фотій всегда высоко ставилъ и считалъ его святымъ мужемъ. Ему, а не кому другому Фотій поручилъ переговоры съ папою, для чего посылалъ Григорія въ Римъ. Очевидно, Асвеста долженъ былъ знать жизнь Меѳодія прекрасно — и потому, что онъ самъ былъ въ Сиракузахъ, и потому, что самъ былъ Римѣ, куда ѣздилъ передъ тѣмъ съ порученіями и Меѳодій. Сынъ иконоборца, Григорій примкнулъ къ фотіанамъ и очевидно долженъ былъ идти противъ Игнатія и Меѳодія, какъ лицъ одного направленія въ отношеніи къ Риму. Быть можетъ онъ засвидѣтельствовалъ въ житіи Меѳодія о такихъ сторонахъ церковнаго вопроса, опубликованіе которыхъ не входило въ интересы игнатіанской партіи, почему сочиненіе и было уничтожено, какъ уничтожено все, что говорило въ пользу противной партіи.

ГЛАВА VIII.

Монастырь Психаитскій.

Житіе Іоанна Психаита.

Между мало извѣстными обителями Константинополя заслуживаетъ вниманія монастырь Богородицы τῶν Ψιχᾶ, мѣстоположеніе котораго съ точностью неизвѣстно, по полному недостатку свѣдѣній о немъ. Правда, извѣстенъ столичный кварталъ τῶν Ψιχῶν, въ которомъ безъ сомнѣнія и стоялъ этотъ монастырь, но бѣда въ томъ, что и его мѣстоположеніе неизвѣстно. Дю-Канжъ и Мордтманнъ[1]) помѣщали его въ окрестностяхъ форума Константина, значитъ близь Ипподрома, но напр. Van den Ven полагаетъ, что онъ стоялъ внѣ сухопутной стѣны, то-есть совсѣмъ въ противоположной части столицы. Основаніе къ пріуроченію послѣднимъ изслѣдователемъ монастыря именно внѣ стѣны болѣе или менѣе гадательное: ни откуда не видно, чтобы τὰ Ψιχᾶ была монастыремъ приписнымъ и зависимымъ отъ загороднаго монастыря «Источника». Полагаютъ, что Ἡ ζωοδόχος Πηγή былъ основанъ Юстиніаномъ, стало быть τὰ Ψιχᾶ (Ψικᾶ) могъ возникнуть только позже. До какого времени существовалъ Психаит-

1) Mordtmann. Esquisse topographique de Constantinople. Lille 1892.

скій монастырь, также неизвѣстно; Антоній Новгородскій (ок. 1200 года) уже не говоритъ о немъ. Ниже, при разсмотрѣніи памятей св. Іоанна, мы встрѣтимся и съ другимъ начертаніемъ имени этого монастыря.

Житіе Іоанна Психаита (IX в.)[1]) составлено было однимъ изъ анонимныхъ иноковъ психаитской обители вѣроятно спустя значительное время послѣ кончины св. настоятеля, когда память о немъ уже стала забываться. Впрочемъ, одинъ изъ списковъ житія (Мюнхенскій) относится къ X (или даже будто бы къ IX) в., поэтому агіографъ не могъ быть очень удаленъ отъ времени жизни Іоанна. Авторъ лично не зналъ святого; свѣдѣнія о немъ довольно скудны и не свободны повидимому отъ безпристрастія. Его литературный языкъ хорошъ, однако не безъ примѣси солецизмовъ (μιερεύς 115 и пр.) и необычныхъ оборотовъ (Δὴ λαβών 117); послѣдовательность въ разсказѣ примѣрная.

Родиною Іоанна была галатская страна Вукелларій[2]), въ частности мѣстечко очень извѣстное (οὐκ ἄσημον), но не поименованное;— этою данью агіографической риторической схемѣ авторъ сразу обнаружилъ недостатокъ своихъ свѣдѣній въ отношеніи біографіи своего игумена. — Отецъ его Левъ былъ священникомъ. Онъ переѣхалъ съ семьей въ мѣстечко около Никомидіи (χωρίῳ τῆς Νικομηδέων ἐπαρχίας), гдѣ у него явилась полнота припасовъ и гдѣ онъ заботился о воспитаніи и развитіи дѣтей. По достиженіи ими совершеннолѣтія отецъ подумывалъ о ихъ бракѣ, но они заявили, что предпочитаютъ иное ученіе, то-есть иночество. На общемъ семейномъ совѣтѣ, въ присутствіи Льва, его жены Хіоніи (Χιονία), сыновей Θеодора, Іоанна и Филиппа и дочери Евфросиніи, было рѣшено избрать иноческую жизнь. Инокъ Антоній вкратцѣ преподалъ имъ начала монашескаго житія (§ 2). Жену и дочь Левъ поселилъ въ монастырѣ (ἀσκητήριον), а самъ съ тремя сыновьями постригся въ византійскомъ монастырѣ Богоро-

1) Le Muséon. Études philologiques, historiques et religieuses. Louvain 1902, III, 103—123 (публикація van den Ven'a): Βίος ἤτοι πολιτεία τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν καὶ ὁμολογητοῦ Ἰωάννου, γενομένου ἡγουμένου μονῆς τῆς παναγίας δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου τῶν Ψιχᾶ (Νῖκαι μὲν καὶ τρόπαια πολέμων). Изъ двухъ списковъ Monac. 366 положенъ въ основу, изъ Barocc. 240 приведены варіанты. Но въ виду того, что первый, хотя и болѣе старый, представляетъ изъ себя интерполированный текстъ житія по Оксфордскому списку, крупною ошибкою van den Ven'a было пользоваться списками такъ, а не наоборотъ.

2) ἡ πρὸς τῇ Γαλατίᾳ κειμένη χώρα, ἣν δὴ Βουκελλαρίους ὀνομάζουσιν.

дицы (Живоноснаго) Источника, изобиловавшемъ иноками[1]). — Последнее извѣстіе по всей вѣроятности ошибочное. Въ вѣкъ иконоборческій, къ каковому времени относится постриженіе семьи, монастыри опустошались и монахи изгонялись, почему объ обиліи монаховъ «Источника» не могло быть рѣчи. Очень возможно, что послѣ 842 г. обитель и снова населилась, но въ такомъ случаѣ поздній агіографъ, говоря о VIII вѣкѣ, рисовалъ картину монастыря конца IX или начала X вѣка: это называется несоблюденіемъ исторической перспективы. — Игуменъ монастыря «Пиги», Георгій, постригъ всѣхъ ихъ въ обители.—Личность Георгія извѣстна. Онъ присутствовалъ на соборѣ 787 г. и защищалъ иконопочитаніе: Γεώργιος ὁ εὐλαβέστατος ἡγούμενος τῆς Πηγῆς ἐξεφώνησεν ὁμοίως[2]).—По словамъ нашего агіографа, это былъ мужъ достохвальный, славившійся своимъ великимъ житіемъ по Богу, слава о которомъ была широко распространена. Вскорѣ по принятіи схимы Левъ умеръ, «приложившись къ святымъ отцамъ», за нимъ умеръ младшій изъ братьевъ Филиппъ, исполненный добродѣтелей. Θеодоръ и Іоаннъ продолжали подвижничество. Видя ихъ рвеніе, игуменъ Георгій хотѣлъ рукоположить ихъ въ санъ священниковъ и привелъ ихъ къ патр. Тарасію (784—806), который перваго рукоположилъ въ пресвитера, а второго — въ діакона (§ 3). Послѣ длиннаго разглагольствованія о предметахъ тогдашняго образованія (§ 4) авторъ разсказываетъ, что одинъ изъ видныхъ патрикіевъ, по имени Михаилъ, любившій иноческое житіе, все свое состояніе отдалъ монастырю[3]) и просилъ имп. Ирину (780—790, 797—802) сдѣлать Θеодора игуменомъ, а Іоанна — экономомъ основаннаго имъ монастыря. Императрица соизволила на это.—Van den Ven думаетъ, что святой былъ назначенъ экономомъ психаитскимъ и одновременно съ этимъ былъ экономомъ въ монастырѣ, построенномъ Михаиломъ; по нашему же, онъ былъ діакономъ пигійскимъ, потомъ экономомъ психаитскимъ.—Братья ревностно служили въ обители. Однажды Іоаннъ верхомъ на конѣ отправился для совершенія обычнаго канона; доро-

---

1) μοναστῶν τε πλήθεσιν ἀρετῇ κομόντων ὄντι ἐμπλέω, такъ ошибочно въ Мюнхенскомъ спискѣ, въ Бароччіевомъ (Оксфордскомъ): μοναστῶν ἀρετῇ κομώντων ἔμπλεως ἦν.

2) Labbe et Cossart. Concilia, VII, 154. S. Bénay (Le monastère de la Source à Constantinople: Échos d'Orient 1900, III, 295) въ спискѣ игуменовъ не упомянулъ имени Георгія, но E. Marin (Les moines de Constantinople, p. 348) восполнилъ этотъ недостатокъ.

3) τὴν τε ἅπασαν αὐτοῦ ὕπαρξιν εἰς κατασκευὴν μοναστηρίου προθέμενος.

гою ему явилось видѣніе (§ 5). Послѣ того какъ «державный» (ὁ κρατῶν) поставилъ Θеодора во епископа, Іоаннъ принялъ игуменство. — Здѣсь останавливаютъ на себѣ вниманіе три вопроса: когда все это могло случиться? Гдѣ Іоаннъ сдѣлался игуменомъ? Куда былъ назначенъ епископомъ Θеодоръ? Авторъ говоритъ: τοὺς τηνικαῦτα κρατοῦντας τῶν σκήπτρων, Εἰρήνη δὲ ἦν ἡ θειοτάτη δέσποινα, гдѣ οἱ κρατοῦντες по отношенію къ Иринѣ не совсѣмъ точное, лучше было бы сказать: Ирина и сынъ ея Константинъ. Но если бы и въ данномъ мѣстѣ разумѣлась Ирина, агіографъ вѣроятно продолжалъ бы свое неточное выраженіе οἱ κρατοῦντες, но на дѣлѣ мы видимъ ὁ κρατῶν. Вотъ почему мы склонны къ допущенію, что Іоаннъ сдѣлался игуменомъ уже по смерти Ирины (802), быть можетъ при имп. Никифорѣ (802—811). На второй вопросъ само житіе не даетъ отвѣта. Авторъ излагаетъ такъ неопредѣленно, что невозможно заключить, гдѣ Іоаннъ былъ игуменомъ; и если бы не заглавіе нашего житія, мы можетъ быть никогда не узнали бы имени обители. Теперь мы знаемъ, что Іоаннъ былъ сдѣланъ игуменомъ Психаитскаго монастыря (въ началѣ IX в.). Что касается до брата его Θеодора, то онъ былъ сначала инокомъ Пигійскаго монастыря, потомъ пресвитеромъ Психаитскаго и занялъ епископскую каθедру одновременно съ Іоанномъ, стало быть также въ началѣ IX в. Гдѣ была эта каθедра—совершенно неизвѣстно, но вѣроятно на мѣстѣ его родины, въ Галатіи, ибо въ IX в. все еще прочно держался обычай рукополагать епископа на мѣстѣ его родины[1]).—Игуменъ Іоаннъ, говоритъ агіографъ, началъ возстановлять честный храмъ и упавшія и сожженныя постройки.—Van den Ven полагаетъ, что постройки были сожжены въ 813 г. болгарскимъ княземъ Крумомъ.—Собственными трудами святой возстановилъ ихъ съ бо́льшимъ блескомъ.

Между тѣмъ на престолъ вступилъ царь Левъ, эта «свинья въ грязи нечестія»; и хотя это животное было очень дѣятельнымъ (δραστικώτατον), оно не шло выше своей природы. Онъ вооружился на икону Христа и злословилъ святыхъ его, свелъ съ трона первопрестольника,—патр. Никифора, въ 815 г.;—іереевъ жестоко изгонялъ, монастыри опустошалъ (λῃΐζεται), производилъ розыски по горамъ и пещерамъ, стерегъ площади, запиралъ городскія ворота; вооружен-

1) Упоминается епископъ Θеодоръ Аморійскій VIII—IX в. (Schlumberger, Sigill. byzant., 268), однако Аморій стоялъ во Фригіи, а не въ Галатіи.

ные воины разыскивали подвижниковъ благочестія какъ враговъ (§ 9). Іоаннъ былъ оболганъ передъ новымъ, незаконнымъ, патріархомъ, — Ѳеодоромъ Касситерою (815 — 821), — который донесъ о немъ царю. Епархъ [1]) вызвалъ Іоанна на судъ.—Агіографъ находится подъ очевиднымъ вліяніемъ мученической литературы. Епархи въ древнее время судили мірянъ, но прямо смѣшно говорить, чтобы въ IX в. и игуменовъ могли судить тѣ же епархи. Въ дальнѣйшемъ авторъ уже прямо говоритъ, что страданіе Іоанна было нисколько не менѣе, нежели мученичества старыхъ мучениковъ. — Побѣжденные святымъ, судьи передали Іоанна кровожадному звѣрю Льву, варвару по названію и по образу мыслей, который обнажилъ его тѣло, бичевалъ и заключилъ игумена въ тюрьму. Изъ тюрьмы послѣдовала ссылка Іоанна. — Здѣсь въ житіи замѣтно сочинительство автора. Послѣ словъ (p. 117) εἶτα διαδέχεται τὸ δεσμωτήριον ἐξορία агіографъ какъ бы увидѣлъ, что страданія Іоанна все еще представлены не въ достаточной мѣрѣ, и вотъ онъ прибавляетъ, что (не смотря на ссылку) игуменъ опять былъ битъ плетьми и запертъ въ крѣпчайшую тюрьму, гдѣ былъ лишаемъ пищи. Распространившись объ этомъ вводномъ разсказѣ, авторъ въ дальнѣйшемъ потерялъ нить своего повѣствованія и уже ни словомъ не упоминаетъ объ ἐξορία. Подобная манера — нагроможденіе доказательствъ, каковы бы они ни были, — свидѣтельствуетъ о школьной обработкѣ житія, вышедшей изъ-подъ пера неопытнаго, некритичнаго и неточнаго автора. — На сцену появляется предтеча антихриста, магъ Яннисъ (т. е. патр. Іоаннъ Грамматикъ). Послѣдній иконоборческій патріархъ, по прозванію Κατασάμβα (Κακοσάμβα), Галпла, Μωροχαρζιανός или Μωροχαρζάνιος, бывшій до своего патріаршества игуменомъ столичнаго монастыря Сергія и Вакха, часто фигурируетъ въ житіяхъ святыхъ въ качествѣ ярого иконоборца какъ до патріаршества, такъ и послѣ, когда онъ былъ уже разбитымъ, слѣпымъ старикомъ въ отставкѣ. Въ настоящемъ житіи Яннисъ выведенъ въ эпоху до своего патріаршества, хотя и съ полномочіями архіерарха: онъ заперъ нашего святого въ высочайшемъ строеніи, зажегъ внизу огонь и ждалъ, что тотъ, вынужденный удушьемъ, спустится къ нему. Лепетъ школьника! Для чего было садить игумена въ столпъ, чтобы нужно было потомъ выгонять его оттуда посредствомъ

---

1) ὕπαρχος = ἔπαρχος, ср. данныя van den Ven'а о тожествѣ этихъ реченій (p. 115).

дыма? — Закончивъ разсказъ о злоключеніяхъ святого, агіографъ патетически вопрошаетъ: кто въ состояніи передать муки святого? (§ 7).

Но вотъ имп. Льва постигъ праведный судъ,—убитъ 24 декабря 820 года, — и Іоаннъ, получивъ возможность, отправился въ городъ Херсонъ, лежащій около Воспора[1]). — Мы ожидали бы, что здѣсь-то и будетъ сказано о ссылкѣ игумена въ Херсонъ; однако *ἄδεια* и *εὖ διατίθεσθαι* говорятъ о добровольной поѣздкѣ святого въ Крымъ. Почему же агіографъ, заявивъ сначала объ изгнаніи Іоанна, потомъ тщательно затушевалъ насильственность поѣздки? Основанное на преданіи, житіе это составлено изъ ряда разнаго рода легендъ. Существовала легенда о его ссылкѣ, какъ ходило въ обращеніи преданіе о его добровольномъ путешествіи. Авторъ житія началъ было пересказывать первую изъ нихъ, но потомъ, почти незамѣтно для себя, пересказалъ второе преданіе. По житію, поѣздка святого состоялась послѣ 820 года, то-есть по смерти Льва, уже при Михаилѣ II. Но если мы хоть на минуту остановимся на изгнаніи, для насъ будетъ совершенно ясно, что изгнаніе это могло имѣть мѣсто въ царствованіе Льва. Извѣстно, что Армянинъ во все свое царствованіе изгонялъ монаховъ, тогда какъ Косноязычный съ первыхъ же лѣтъ началъ ихъ возвращать въ столицу. Затѣмъ, добровольное путешествіе игумена въ Херсонъ, совершенно необъяснимое, производитъ странное впечатлѣніе: здѣсь у него не было ни знакомыхъ, ни самой цѣли для путешествія. Напротивъ видно, что какъ только представилась возможность, онъ изъ Херсона прибылъ въ Византію, гдѣ и скончался. Такимъ образомъ мы считаемъ въ высшей степени вѣроятнымъ такое положеніе вещей, что Іоаннъ былъ сосланъ въ Херсонъ царемъ Львомъ. — Здѣсь, въ Херсонѣ, святой снова взялся за свои подвижническіе труды; во все время исполненія канона онъ держалъ руки распростертыми въ воздухѣ. Въ одну ночь нѣкій изъ близь его стоявшихъ видѣлъ лампаду огня, исходившую изъ устъ святого; на утро онъ съ благочестіемъ разсказывалъ объ этомъ своимъ сосѣдямъ. Слава объ Іоаннѣ разнеслась кругомъ; всѣ больные сходились къ нему, и святой исцѣлялъ ихъ (§ 8). У одной женщины рука была поражена демономъ; Іоаннъ помолился, взялъ больную за руку, и она выздоро-

---

1) Ἀδείας γοῦν ἐπειλημμένος ὁ ἅγιος καὶ τὰ καθ' ἑαυτὸν εὖ διαθέμενος ἐπὶ Χερσῶνα τὴν πόλιν χωρεῖ τὴν παρακειμένην τῷ Βοσπόρῳ.

вѣла. Нѣкій юноша, сброшенный демономъ со скалы, упалъ и лишился языка и движенія: Іоаннъ исцѣлилъ его. Мѣдникъ (χαλκεύς) Анастасій, исцѣленный святымъ, жилъ у него довольно долго и потомъ снова занялся своимъ ремесломъ. Нѣкій рыболовъ (ἁλιεύς) Исидоръ также исцѣленъ (§ 9). «Такъ стекались (къ Іоанну) народы, жившіе около Воспора и расположенные внѣ святого[1])». Игуменъ считалъ приходъ ихъ (συνδρομή) наказаніемъ, а хвалы ихъ — уменьшеніемъ собственной добродѣтели. Пригласивъ одного изъ своихъ учениковъ, Парѳенія, онъ посовѣтовалъ ему идти въ Византію; но тотъ сказалъ, что это не возможно въ виду массы (враговъ?), что трудно какъ выбраться изъ Херсона, такъ и вернуться въ него; на это Іоаннъ предложилъ ѣхать вмѣстѣ[2]). Ободривъ жителей или народы, Іоаннъ и Парѳеній выѣхали въ Византію, чѣмъ навели на херсонитянъ общую печаль. — Судя по количеству свѣдѣній изъ жизни игумена въ Херсонѣ, можно догадываться, что психаитскій игуменъ пробылъ въ Крыму значительное время. Изъ житія выносишь впечатлѣніе, что святой соскучился по столицѣ и ѣхалъ сюда обнять своихъ друзей; но еще правдоподобнѣе, кажется, думать, что онъ поѣхалъ въ Византію только послѣ того, какъ вышелъ указъ объ амнистіи. При Михаилѣ II было нѣсколько моментовъ, когда сосланныхъ монаховъ правительство снова сзывало въ столицу, какъ напр. это было въ эпоху возстанія Ѳомы. Когда послѣдній былъ въ М. Азіи, вызванъ былъ оттуда Ѳеодоръ Студитъ; когда Ѳома былъ у береговъ Ѳракіи, царь могъ вызвать монаховъ съ побережья Чернаго моря, изъ боязни, какъ бы изгнанники не перешли на сторону возстанія. Послѣднее продолжалось до 823 г., до гибели Ѳомы, почему около этого времени и возможно было возвращеніе Іоанна въ Константинополь.

Прибывъ въ Византію, поклонившись здѣсь честнымъ храмамъ и отдавъ должную любовь друзьямъ, Іоаннъ удалился въ опредѣленное убѣжище, обитель, — вѣроятно Психаитскую. Здѣсь онъ сказалъ своему ученику, его сопровождавшему: Іоаннъ уже переселяется изъ жизни, нужно готовиться къ исходу. Парѳеній понялъ такъ, что предсказаніе касается его собственной жизни, поэтому сказалъ: «конечно,

---

1) Οὕτω γοῦν συρρεόντων τῶν παρακειμένων ἐθνῶν τῇ Βοσπόρῳ θύραθέν τε τοῦ ἁγίου καθεζομένων.

2) μὴ δυνατὸν φήσαντος εἶναι ἐαθῆναι ἡμᾶς ὑπὸ τοῦ πλήθους εἰς ἔργον τοῦτο προαγαγεῖν, παλινδρομεῖν, ὁ σοφώτατός φησιν, αὐτοῖς ὑποθώμεθα καὶ αὐτὸ τέλος ἡμῖν τοῦ σκοποῦ γένοιτο. Въ другомъ спискѣ чтеніе значительно отличное.

(ты говоришь) обо мнѣ, отче»? Но Іоаннъ явственно сказалъ, что умираетъ онъ, игуменъ. Передъ смертью онъ собралъ учениковъ и преподалъ имъ обычное (συνήθης) наставленіе (§ 10): укрѣпляйтесь въ подвигахъ за благочестіе, до конца храните вѣру непоколебимо, считайте себя гостями міра (§ 11)[1]. По смерти святого одна сумасшедшая женщина приходитъ къ его гробу. На крикъ ея сбѣжался весь городъ, всѣ отложили страхъ передъ царемъ — вѣроятно, Михаиломъ II, 820—829,—и прибыли сюда, чтобы видѣть мощи («Дотолѣ царило зловоніе ереси»): тогда и упомянутая женщина исцѣлилась отъ бѣса. Другая женщина имѣла слѣпого отъ рожденія ребенка, принесла и повергла его къ ногамъ святого: ребенокъ прозрѣлъ. Съ трудомъ, изъ-за тѣсноты, присутствующіе могли предать землѣ тѣло Іоанна, который приложился къ іереямъ какъ іерей, къ мученикамъ какъ мученикъ, къ преподобнымъ какъ преподобный (§ 12). Не забудь, замѣчаетъ агіографъ, предстательствовать предъ Богомъ о паствѣ твоей, но какъ ты при жизни пекся о ней, такъ и по кончинѣ ограждай ее, чтобы волкъ не вырвалъ овцы изъ стада (§ 13).

Данныя житія св. Іоанна слишкомъ скудны и общи, чтобы на основаніи ихъ можно было извлечь изъ памятника какія либо хронологическія даты. Неизвѣстно, когда святой родился, неизвѣстно, когда онъ и умеръ. «Памяти» и житіе пріурочиваютъ кончину его къ 25 мая; изъ житія можно догадываться о кончинѣ въ царствованіе имп. Михаила Травла (820 — 829). Въ виду значительнаго, какъ можно думать, времени, проведеннаго Іоанномъ въ Херсонѣ (до 823 года), и въ виду короткаго пребыванія его передъ смертью въ Константинополѣ, можно допустить, что святой скончался въ половинѣ 20-хъ годовъ IX столѣтія.

ГЛАВА IX.

Пафлагонія (Амастрида, Тій, Дадивры).

Житіе Іоанна Готскаго. — Ж. Георгія Амастридскаго. — Константина Тійскаго Слово объ обрѣтеніи мощей Евфиміи Всехвальной. — Никиты-Давида Пафлагонянина ж. патріарха Игнатія.

Пафлагонская область, имѣвшая историческія связи съ Крымскимъ полуостровомъ, невольно привлекаетъ къ себѣ взоры русскаго историка. Частыя путешествія Крымскихъ Скиѳовъ въ Амастриду и пафла-

1) Ср. выше, стр. 41—42.

гонскихъ грековъ въ Крымъ, то съ цѣлью грабежа, то съ цѣлью торговли, даютъ понять, что историческій путь между Крымомъ и Византіею былъ не сухопутный, а морской, и первымъ этапнымъ пунктомъ на этомъ пути была собственно не Византія, а Амастрида и вообще пафлагонское побережье. Пафлагонія—первая область имперіи, которая принимала удары сѣверныхъ народовъ, и первая область, которая получала скиѳскіе товары. Здѣсь память о Крымѣ была живою, не книжною, здѣсь должны были знать о положеніи крымскихъ народовъ лучше, нежели въ самой столицѣ. Къ сожалѣнію, пафлагонская литература, къ тому же только агіографическая, очень скромная и мало даетъ положительныхъ свѣдѣній о зарѣ русской исторіи, и чѣмъ менѣе извѣстій, тѣмъ болѣе они служатъ предметомъ споровъ въ ученой литературѣ.

Современное и подробное житіе Іоанна, епископа Готскаго, написанное повидимому въ Амастридѣ, до насъ не дошло; взамѣнъ того мы имѣемъ лишь βίος ἐν συντόμῳ, которое В. Г. Васильевскій изслѣдовалъ въ качествѣ современнаго и оригинальнаго; о немъ мы говоримъ во второй части настоящаго сочиненія.

Знаменитое своимъ отношеніемъ къ Русской исторіи житіе Георгія Амастридскаго, сохранившееся въ единственномъ Парижскомъ кодексѣ X столѣтія [1]), уже съ давняго времени послужило предметомъ ученыхъ споровъ въ области русской исторіи. Акад. Васильевскій со свойственною ему обстоятельностью изложилъ ученую судьбу памятника и снабдилъ его такимъ широкимъ изслѣдованіемъ, послѣ котораго не остается мѣста для новыхъ догадокъ и предположеній. Впрочемъ, житіе Георгія представляется въ слѣдующемъ видѣ [2]).

Въ предисловіи анонимный резонеръ-агіографъ исходитъ отъ гимнастическаго сравненія: администраторы допускаютъ къ гимнастическому состязанію лишь тѣхъ лицъ, которыя доказали свою физическую способность; а его, автора, «духовные подвигоположники» толкаютъ на арену слова совсѣмъ не подготовленнаго къ дѣлу; взяться

---

1) Cod. Paris. 1452, f. 57 r.—75 r., изслѣдованіе житія, Васильевскаго, въ Ж. М. Н. Пр. 1878, февр. 277—306, мартъ 128—161; по гречески съ русскимъ переводомъ издано акад. Васильевскимъ: Русско-византійскія изслѣдованія. Спб. 1893, II. 1—73 Приложенія; полатыни въ AA. SS. Boll. 21 февраля, III. 269—279. Корректуры и поправки къ изданію, П. В. Никитина, въ «Зап. Имп. Акад. Наукъ» (Mémoires, VIII-e série, cl. hist-philol. I. 1.). Спб. 1895 стр. 27—48.

2) Изложеніе житія также у Васильевскаго, стр. XXVIII—XLV; W. von Gutzeit. Ueber die Lebensgeschichte des heiligen Georgios von Amastra.

за работу было бы дерзостью, но и откладываніе, нерѣшительность, возбудило бы подозрѣніе въ пренебреженіи и только продлило бы испытаніе; но дерзновеніе какъ результатъ ревности, представляетъ, кажется, меньшую опасность, чѣмъ небреженіе, этотъ признакъ души лѣнивой и близкой къ отчаянію (§ 1). Акад. Васильевскій правильно заключилъ отсюда, что житіе Георгія есть первый литературный опытъ агіографа. Послѣ этого дается общая характеристика Георгія, начинающаяся словами: «кто же не знаетъ этого великаго и небеснаго произрастѣнія, слава котораго прозвучала отъ края до края, котораго чудеса многочисленны, а подвиги еще многочисленнѣе? «Онъ былъ угоденъ въ глазахъ царей ради своего пророческаго дара и былъ уважаемъ сановниками ради необычайности чудотворенія; онъ былъ извѣстенъ блескомъ своей добродѣтели патріархамъ ранѣе своего священства», «былъ страшенъ для враговъ и дорогъ для своихъ» (§ 2). Программа автора обнимаетъ такимъ образомъ не только жизнь Георгія, но и посмертныя его чудеса.

Родители Георгія, Θеодосій и Мегеθа (Μεγεθώ), давшіе агіографу поводъ къ игрѣ словами, жили въ очень богатомъ и сильномъ мѣстечкѣ Кромнахъ около «славной» Амастриды[1]) (§ 3). Они до старости не имѣли дѣтей, и когда обѣщались посвятить дѣтище свое Богу, узы безплодія были разрѣшены (§ 4). Посѣщая по обыкновенію храмы, Мегеθа во время беременности проходила однажды въ преддверіяхъ церкви мимо сидѣвшихъ тутъ наиболѣе видныхъ лицъ городка, которыя, кажется, прошлись на счетъ ея положенія[2]). Ночью они увидѣли во снѣ страшныхъ мужей съ палицею въ рукахъ, которые требовали у нихъ извиненія передъ обиженной ими женщиною, ибо не было оказано надлежащей чести своему архіерею, то-есть плоду въ утробѣ женщины. Именитые граждане по утру явились къ Мегеθѣ, извинились передъ нею и разсказали ей о своемъ снѣ (§ 5). Не довольствуясь этимъ, она отправилась къ одному прозорливцу, который предсказалъ дитяти имя Георгія, помазаніе священства и дары божественной благодати; агіографъ разсуждаетъ далѣе на тему, почему дѣти отъ безплодныхъ всѣ знамениты, тогда какъ рожденные не отъ безплодной не всѣ прославлены (§ 6).

---

1) Стр. 5: τῆς πλησίον τῆς περιβλέπτου Ἀμάστριδος οἰκήτορες γεγονότες τῶν Κρωμνηνῶν πολίχνης, τῆς τῷ πολλῷ πλούτῳ καὶ τῇ δυναστείᾳ διασήμου χρηματισάσης.

2) Стр. 8: ἐμφανισθῆναί τισι τῶν τῆς πόλεως προαγόντων ἐν τοῖς τοῦ ναοῦ προτεμενίσμασι προσκαθεζομένοις ἐπισυμβέβηκεν, οἵτινες οὐδὲν πλέον ἢ ὡς γυναῖκα ἐσεβάσθησαν.

Родился дѣйствительно мальчикъ.—Акад. Васильевскій, пріурочивая вступленіе его на епископскую каѳедру къ 790 г., а съ другой стороны допуская, что по каноническимъ правиламъ Георгій ранѣе 30 лѣтъ и не могъ быть рукоположеннымъ, полагаетъ, что святой родился ок. 760 года. — На третьемъ году жизни, когда онъ, страннымъ образомъ, все еще ползалъ, не безъ интригъ демона, онъ обжегъ себѣ руки и ноги, каковой случай агіографъ толкуетъ иносказательно, что врагъ желалъ лишить будущаго воина Христова средствъ для борьбы со зміемъ (§ 7), — однако изъ житія совсѣмъ не видно, чтобы Георгій боролся съ иконоборчествомъ. По оказаніи медицинской помощи, ребенокъ выздоровѣлъ, но развивался болѣе разумомъ, нежели физически. Сдѣлавшись способнымъ къ ученію, онъ былъ отданъ школьнымъ учителямъ (τοῖς παιδοτρίβαις ἐκδίδοται); изучилъ всю энциклическую науку (πᾶσαν ἐγκύκλιον παίδευσιν), какъ нашу (ἡμετέρα, духовную), такъ и внѣшнюю, причемъ первую всецѣло, а вторую только въ извлеченіи полезнаго. Чуждый ребяческихъ рѣзвостей, онъ уже въ началѣ возраста обнаруживалъ качества старцевъ; убѣгалъ удовольствій юности, не любилъ слушать мірскихъ разговоровъ, звуковъ напѣвовъ, созданныхъ для возбужденія удовольствія, и рѣчей разсказчиковъ (γελοιαστῶν ἀνθρώπων, § 8). По достиженіи зрѣлаго возраста онъ былъ взятъ къ себѣ дядею, занимавшимъ тогда епископскій престолъ на роднѣ [1]), для того, чтобы участвовать въ церковной обычной жизни и быть посвященнымъ во всякое церковное благолѣпіе и устройство (§ 9). — До Георгія Ле-Кенъ знаетъ двухъ архіереевъ на каѳедрѣ Амастридской церкви: Іоанна (при Львѣ Исаврѣ) и Григорія (современника VII вселенскаго собора); представляется возможнымъ допустить, что этотъ Григорій и могъ быть дядею Георгія.

Жизнь въ Амастридѣ, повидимому, не понравилась Георгію, и онъ «тайкомъ удалился изъ своей родины, не помысливъ о какихъ либо большихъ сборахъ для своего исхода, не взявъ съ собою ни сумы, ни жезла, ни мѣди въ поясѣ, ни множества слугъ, ни чего-либо другого, что требуется для удобства путешествія [2]); но одинъ только домашній слуга, одно вьючное животное были достаточны; всего менѣе

---

1) Стр. 17: εἰσποιεῖται παρὰ τοῦ ἱερέως καὶ θείου τὸ τηνικαῦτα τὸν τῆς πατρίδος θρόνον διέποντος.

2) Въ Житіи Лазаря Галисійскаго (XI в.): οὐ πήραν, οὐ ῥάβδον, οὐχ ἄρτον, οὐχ ἄλλο τι τῶν πρὸς τροφήν (Сообщ. Имп. Прав. Пал. Общ. 1897, февр., стр. 20 отд. отт. Отчета о поѣздкѣ на Аѳонъ).

заботился о старости родителей, объ этомъ пресловутомъ и благовидномъ препятствіи на пути къ лучшему» (§ 10). У подошвы горы Агріосирики (Ἀγριοσηρική) онъ отослалъ слугу съ вьючнымъ животнымъ домой, а самъ удалился въ глубину лѣса, вдаль отъ городского шума, гдѣ не ступала еще нога человѣка. На вершинѣ горы онъ нашелъ пещеру, въ которой жилъ одинъ пустынникъ-прозорливецъ, поселился здѣсь и облачился въ монашескую схиму (§ 11).—Очевидно Агріосирика находилась гдѣ-то въ Пафлагоніи, не далеко отъ Амастриды. Объ извѣстной горѣ Κύτωρον, получившей прозваніе отъ города Κύτωρος, однако,не можетъ быть рѣчи, такъ какъ, по свидѣтельству Евстаѳія Солунскаго, городъ Κύτωρος сохранилъ свое названіе до конца XII вѣка[1]),—а стало быть и гора едва ли могла перемѣнить свое имя; впрочемъ, эпитетъ «Агріосирика», то-есть Дико-шелковая, могъ относиться къ Китору по какому либо частному случаю; во всякомъ случаѣ трудно отыскать современное названіе горы. — Вскорѣ Агріосирикійскій аскетъ скончался. Передъ смертью онъ посовѣтовалъ Георгію идти «въ монастырь, который туземцы называютъ Вониссою»[2]); «это та Вонисса, замѣчаетъ агіографъ, о которой такъ много говорятъ и которая такъ славится добродѣтелію, въ которой сборище монаховъ, живущее на земли равноангельски». Георгій отправился въ монастырь и былъ принятъ тамъ безпрепятственно (§ 12).—Монастырь Βόνυσσα (вѣроятно въ Пафлагоніи) почти несомнѣнно тожественъ съ тѣмъ монастыремъ Βόνισσαι, игуменъ котораго присутствовалъ на VII вселенскомъ соборѣ[3]), и несомнѣнно отличенъ отъ нынѣшняго каппадокійскаго селенія «Ванисса» и отъ Анатолійской крѣпости «Вонита». — Здѣсь Георгій всецѣло предался подвигамъ: изучалъ св. Писаніе, читалъ житія святыхъ, исторію Іосифа (Прекраснаго), книгу Іова, и изъ всего извлекалъ для себя примѣры для подражанія (§ 13); такъ онъ проводилъ каждый день и каждую ночь (§ 14).

Съ тѣхъ поръ прошло много времени (χρόνος οὐκ ὀλίγος). Слава о подвижничествѣ Георгія достигла до Амастриды. По смерти тамошняго предстоятеля (вѣроятно Григорія), жители рѣшились на его

---

1) Στέφανος. Περὶ πόλεων, ed. Berkel. p. 486. Сагра-дахъ? (къ востоку отъ Амастриды).

2) Стр. 22: πρὸς μονήν τινα παραγενέσθαι, ἣν οἱ ἐγχώριοι Βόνυσσαν προσαγορεύουσιν.

3) В. Васильевскій, стр. LXII; о безразличіи ед. и мн. чиселъ см. «Визант. Врем.» 1897, IV. 366. Святогорецъ Никодимъ, отожествивъ Βόνυσσα съ Βόνιτζα, страннымъ образомъ пріурочилъ монастырь къ Акарнаніи, близъ Ξερόμερον.

мѣсто выбрать Георгія, для чего отправили къ нему посольство изъ избранныхъ людей города, частью членовъ священнаго собора, частью представителей городского управленія (οἱ ἐν τέλει, § 15). Въ рѣчи своей послы указывали на долгъ Георгія родинѣ и просили уплатить плату за воспитаніе воспитавшимъ, оказать городу честь прибытіемъ, а церкви — утвержденіемъ на епископскомъ сѣдалищѣ (§ 16). Георгій отклонилъ предложеніе гражданъ, но тѣ не сдались и деликатно похитили подвижника (§ 17), съ которымъ прибыли въ Константинополь къ патр. Тарасію. Знакомство Тарасія съ Георгіемъ было давнее. Когда первый числился еще «въ придворномъ чинѣ, исполняющемъ тайную царскую службу, что̀ на языкѣ италійскомъ называется «секретарствомъ»[1]), совершалъ всенощное псалмопѣніе и раздавалъ плату народу, Георгій, постоянно сопровождавшій своего дядю, хотя и участвовалъ въ совершеніи онаго священнаго псалмопѣнія, но принять плату отказался, замѣтивъ Тарасію, что онъ получитъ лучшую награду въ будущей жизни. Секретарь былъ пораженъ добродѣтелью молодого человѣка, и теперь хотѣлъ, чтобы Георгій немедленно былъ рукоположенъ во архіерея (§ 18).—Неожиданная подробность изъ болѣе ранняго времени жизни Георгія (до 784 г.) не должна насъ безпокоить, такъ какъ житіе написано не по принципу хронологической послѣдовательности, а по ассоціаціи идей именъ и сходства.—Но тутъ нѣкоторое затрудненіе сдѣлалъ самъ царь, предназначавшій на тотъ же самый епископскій престолъ другого. Патріархъ, созвавъ весь духовный чинъ, произвелъ испытаніе обоимъ мужамъ, результатомъ чего было избраніе Георгія, который получилъ помазаніе іерейства, оставилъ столицу, гдѣ успѣлъ обратить на себя вниманіе царей, властей и властвуемыхъ, магнатовъ и убогихъ, и отправился на родину съ представителями Амастриды (§ 19). Описывается небесное одобреніе и радость небожителей по случаю избранія (§ 20). — Исходя изъ того соображенія, что Іоаннъ Готѳскій, вскорѣ послѣ собора 787 года прибывшій въ Амастриду, былъ принятъ здѣсь епископомъ Георгіемъ, и что царь имѣлъ своего кандидата на Амастридскую каѳедру (Константинъ сдѣлался единодержавнымъ въ 790 г.), акад. Васильевскій склоненъ къ догадкѣ, что рукоположеніе Георгія состоялось около 790 года.

---

1) Стр. 30: ἐν τῷ τάγματι δὲ τῷ τὴν μυστικὴν ἐπιτελοῦντι βασιλικὴν χρείαν κατειλεγμένου, ὅπερ ἀσηκρήτης (a secretis) τῇ Ἰταλῶν διαλέκτῳ προσαγορεύεται.

Въ позднiе сравнительно годы святительства Георгiя Амастридская церковь получила самостоятельность — по слѣдующему случаю. Новый митрополитъ, прибывъ въ Амастриду, «съ видомъ послушанiя» отправился для представленiя къ Гангрскому митрополиту (отъ котораго онъ зависѣлъ); но тотъ, «показывая свою обычную надменность и обнаруживая злонравiе и грубость тщеславнаго или же ненавидящаго людей человѣка», оттолкнулъ его отъ себя. Тогда Георгiй написалъ посланiе императору, который и отдѣлилъ Амастридскую каѳедру отъ Гангрской, давъ ей самостоятельное мѣсто; «я сказалъ объ этомъ не потому, чтобы это стояло прежде въ порядкѣ событiй, или совершилось въ началѣ; напротивъ, по времени это есть гораздо позднѣйшее событiе, но (упомянуто о немъ ранѣе) для того, что къ тому пришла рѣчь и чтобы не возвращаться второй разъ къ тому же предмету» (§ 21). Новый митрополитъ былъ встрѣченъ при всеобщемъ стеченiи народа; старики забыли о своей старости и съ юношескою бодростью шли на встрѣчу къ нему; больные, женщины и дѣти — всѣ бѣжали въ запуски и опережали другъ друга; дороги, улицы — все было полно народомъ (§ 22). Георгiй одинаково обращалъ вниманiе и на священныя установленiя, и на благочинiе алтаря, и на устройство духовнаго чина; заступался за вдовъ и сиротъ, питалъ нищихъ, сбавлялъ долги и совершенно прощалъ долговыя обязательства, сострадалъ единоплеменникамъ и питалъ жалость къ нуждающимся (§ 23). За нихъ онъ ходатайствовалъ передъ царями, передъ властителями и между прочимъ передъ сборщиками податей (*οἱ τὰ δημόσια διῳκηκότες*). Изъ дѣлъ Георгiя на пользу народа приводится одинъ примѣръ. «Было нашествiе непрiятелей и притомъ болѣе тяжкое изъ всѣхъ когда либо упоминаемыхъ нашествiй [1]). Всякiй полъ и возрастъ былъ увлекаемъ руками беззаконныхъ; тѣ, которые были способны къ оружiю, всѣ брались въ плѣнъ, а всѣ старцы и дѣти были предаваемы смерти мечемъ... земля полна была крови, села полны рыданiй, все изображало персидскiй плѣнъ iудеевъ (?). Агарянское племя (*τὸ Ἀγαρηνῶν φῦλον*) относительно жестокости нисколько не уступаетъ персидской свирѣпости, но еще во столько превосходитъ персовъ грубостью, во сколько уступаетъ имъ въ мужествѣ». Дѣти на рукахъ матерей погибали отъ меча; матери старались подставить свои шеи, чтобы не видѣть смерти

1) Стр. 38: ἔφοδος ἦν πολεμίων καὶ τῶν πώποτε μνημονευομένων ἐφόδων χαλεπωτέρα τυγχάνουσα.

своихъ дѣтей; дитя въ одно и тоже время припадало къ сосцамъ материнскимъ и получало смертельный ударъ въ свое сердце; мать подставляла грудь къ устамъ ребенка и принимала кровь его въ родное лоно (§ 24). Среди всѣхъ этихъ сценъ, Георгій, не думая о своей собственной безопасности, съ крестомъ въ рукахъ, поспѣшно обходилъ сосѣднія села, собиралъ пасомыхъ и утверждалъ ихъ внутри града. Господь обходомъ одного іерея спасаетъ городъ многолюдный и обращаетъ вспять народъ, исполненный бѣшенства; тогда можно было видѣть бѣгущихъ, когда никто ихъ не преслѣдовалъ, и падающихъ, когда никто не пускалъ въ нихъ стрѣлъ (§ 25). И это тѣмъ удивительнѣе, что Георгій не пользовался ни вооруженнымъ войскомъ противъ непріятельскаго строя, не имѣлъ ни всадниковъ, ни стрѣлковъ, ни чего либо другого, пригоднаго въ боѣ, но одинъ, безоружный, поднятіемъ рукъ къ Богу спасаетъ отчизну (§ 26).—Отъ конца VIII и начала IX в. мы знаемъ о двухъ нашествіяхъ Сарацинъ, которыя могутъ имѣть отношеніе къ походу, описанному въ житіи: въ 797 г. Гарунъ-ал-Рашидъ взялъ пограничную со стороны горъ Тавра и Киликіи крѣпость Сафсадъ, между тѣмъ какъ другіе отряды проникли до Анкиры (Ангоры) и Аморія; Каппадокія и Галатія сильно пострадали; въ 811 году Сарацины производили разбои у г. Евхаитъ, недалеко отъ Аминса. Акад. Васильевскій (стр. LXXII) отдаетъ предпочтеніе 797 году, говоря, что разстояніе до Амастриды вовсе не было такимъ большимъ, чтобы можно было оставаться спокойнымъ въ послѣдней, когда не подалеку стояла непріятельская армія.

Другое чудо Георгія, по словамъ агіографа, еще болѣе удивительное. Амастридскіе купцы въ Трапезунтѣ вслѣдствіе ложнаго доноса о нарушеніи таможенныхъ правилъ (δημοσίοις συκοφαντηθέντες ἐγκλήμασι) были схвачены и переданы воеводою (παρὰ τοῦ στρατηγοῦντος) на заключеніе въ государственной тюрьмѣ въ ожиданіи казни мечемъ. Находясь въ полномъ отчаяніи (§ 27), они были услышаны сострадательнымъ ихъ соплеменникомъ: Георгій, не убоявшись длиннаго пути, не отговариваясь тѣлесною болѣзнію, ни зимнимъ временемъ, ни труднымъ плаваніемъ, сѣлъ на корабль и поплылъ въ Трапезунтъ; плаваніе его было спокойное и море тихое (§ 28). Между тѣмъ оруженосецъ воеводы, называемый по италійски комисъ-кортисъ [1]), узнавъ

---

1) Стр. 46: ὁ τοῦ στρατηλάτου ὑπασπιστὴς τῆς κόρτης, οὕτως τῇ Ἰταλῶν διαλέκτῳ λεγόμενος.

о прибытіи Георгія, съ новою силою возобновилъ обвиненіе ложныхъ доносчиковъ, бранился и выдумывалъ, что купцы за многое повинны смерти и совершили величайшее преступленіе, вопіялъ, что нарушены будутъ законы и оскорблены всѣ обычаи, если они не будутъ подвергнуты наказанію за свою продерзость. Воевода уже поддавался его внушеніямъ (§ 29). Но вотъ супруга его теряетъ зрѣніе. Воевода круто измѣнился: просилъ, умолялъ, плакалъ, рыдалъ, признавалъ свой грѣхъ и обѣщалъ исправленіе, оставилъ прежнюю суровость и сдѣлался благорасположеннымъ. Георгій исцѣлилъ ослѣпшую и получилъ купцовъ, а клеветники просили у него прощенія (§ 30).—Нѣтъ возможности хотя бы и съ приблизительною точностью опредѣлить время пребыванія Георгія въ Трапезунтѣ: разсказъ этотъ поставленъ агіографомъ рядомъ съ нашествіемъ Сарацинъ лишь по однородности главной идеи — заступничества Георгія за своихъ земляковъ. Трапезунтъ находился въ рукахъ Византіи и тамошній воевода долженъ былъ руководствоваться дѣйствующимъ византійскимъ законодательствомъ. Но въ Византіи за нарушеніе таможенныхъ правилъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало казнить мечемъ, а положено было тѣлесное наказаніе, остриженіе волосъ въ знакъ безчестія и штрафъ[1]); въ этомъ разсказѣ замѣтно очевидное преувеличеніе агіографа, столь склоннаго ко всякаго рода эффектамъ; подобное преувеличеніе (смертная казнь вмѣсто простого наказанія) мы встрѣтили и у агіографа Ѳеодора Студита (стр. 175).—Одна женщина просила святого отслужить въ ея молитвенномъ домѣ литургію (§ 31), но при этомъ забыла о томъ, что потребно для божественной литургіи, — о хлѣбѣ и винѣ. Когда окончилось поученіе и наступило время начинать литургію и когда при этомъ не оказалось потребнаго для предложенія, то святой, сотворивъ чудо, получилъ хлѣбъ и вино (§ 32). Распространяясь о пренебреженіи къ тѣлесной нуждѣ, обнаруженномъ женщиною, агіографъ между прочимъ замѣчаетъ: «о, если бы съ самаго начала люди не изобрѣтали ни сухопутной, ни морской торговли, ни безвременныхъ заботъ, ни долгихъ трудовъ и хлопотъ, безсонныхъ бдѣній, всѣхъ этихъ горькихъ исчадій сребролюбія, ради котораго бываютъ ненависти, убійства и кораблекрушенія, ради котораго существуютъ разбойники, воры и хищники, ради котораго — ложь, клятвы и клятвопреступленія и тысячеобразный рой другихъ преступленій!» (§ 33).

---

1) В. Васильевскій, стр. LXXVIII.

Изъ Трапезунта Георгій вернулся съ купцами въ Амастриду и затѣмъ отправился въ Константинополь, гдѣ тогда царствовала импер. Ирина. Царица и сынъ ея Константинъ любили Георгія, скучали по немъ, желали его всегда видѣть при себѣ, раздѣлять съ нимъ царство, но онъ не любилъ пребыванія во дворцѣ и близости къ самодержцамъ, какъ будто видя въ этомъ нѣчто постыдное (§ 34). Въ Византіи онъ проявилъ даръ пророчества, неясными намеками указывая на исходъ событій. «Въ это время государственными податями завѣдывалъ[1]) логоѳетъ, по имени Никифоръ, находившійся въ числѣ друзей и знакомыхъ Георгія; причемъ онъ не только въ дѣлахъ, касающихся души, но и житейскаго быта, имѣлъ руководителемъ святого, дабы и жизнь его, и слово, и дѣло направлялись благимъ образомъ. И вотъ, пожелавъ пріобрѣсти покупкою домъ, онъ сообщилъ о своемъ дѣлѣ всегдашнему своему во всемъ наставнику; стремленіе его было остановлено, но за то подано было указаніе на ожидающее его царство; именно святой изрекъ ему, что спустя немного времени онъ сдѣлается наслѣдникомъ одной вдовствующей женщины, владѣтельницы большихъ домовъ; при этомъ подразумѣвалась царица, послѣ которой Никифоръ наслѣдовалъ царство. Но тогда онъ не понялъ загадочно высказаннаго указанія на дѣло; когда же предреченное исполнилось и онъ уразумѣлъ пророческій даръ святого, то уже ни во что вмѣнялъ царскую діадему и всю власть надъ Ромеями[2]) — въ сравненіи съ тѣмъ (преимуществомъ), чтобы раздѣлять трапезу, находиться вмѣстѣ и жить подъ однимъ кровомъ съ нимъ; онъ презиралъ и самую порфиру и тайно одѣвался въ его хитонъ и покровъ, и это считалъ за нѣкоторый талисманъ и укрѣпленіе своего царствованія; онъ пренебрегалъ высокими кроватями и повергалъ себя долу» (§ 35).—Нѣтъ основанія заподозривать знакомства Никифора съ Георгіемъ, но совершенно сомнительнымъ кажется извѣстіе агіографа, будто бы Никифоръ ни во что вмѣнялъ царскую діадему и, считая другомъ своимъ святого, тайкомъ покрывался его мантіею для охраненія своего царства (однако мантія не уберегла его отъ роковой кончины). Все это не факты, а личныя разсужденія автора, а какъ таковыя, они имѣютъ общій характеръ, а не частный, примѣнительно къ этому императору. Про Ѳеодосія II извѣстно, что онъ тяготился у кормила правленія, ревновалъ іордан-

1) τῶν δημοσίων φόρον προεστώς, Νικηφόρος ἦν τῷ Λογοθέτῃ ὄνομα.
2) стр. 56: οὐδὲν ἦν αὐτῷ τὸ βασιλικὸν διάδημα, οὐδὲ πᾶσα ἡ τῶν Ῥωμαίων ἀρχή.

скому аскету и покрывался мантіею Хевронскаго епископа [1]); про Льва V разсказываютъ, что онъ такъ полюбилъ Михаила Синкелла, Ѳеодора и Ѳеофана (Начертанныхъ), что пребываніе съ ними считалъ болѣе высшимъ наслажденіемъ, нежели корона и порфира; про Никифора II извѣстно, что онъ тяготился скипетромъ царства, любилъ Аѳанасія Аѳонскаго и покрывался мантіею своего дяди св. Михаила Малеина до дня своей гибели [2]); про нашего Николу Святошу извѣстно, что онъ промѣнялъ корону на монашескій клобукъ, что его мантіею покрывался братъ его Изяславъ до дня со своей катастрофы [3]). Къ царствованію имп. Никифора I (802 — 811) акад. Васильевскій (стр. LXV) относитъ перемѣну въ іерархическихъ отношеніяхъ Пафлагоніи, указанную въ Житіи выше (§ 21). Съ давняго времени Амастрида составляла епископію, подвѣдомственную Гангрской митрополіи, но уже въ такъ называемомъ спискѣ патр. Никифора (806 — 815) замѣтно въ кодексахъ колебаніе: въ однихъ удерживается еще старое преданіе, но въ другихъ Амастрида помѣщается уже въ числѣ автокефальныхъ архіепископій. Въ связи съ данными Житія становится возможнымъ пріуроченіе означеннаго событія къ 802—806 году. — «Совершая однажды плаваніе по Евксинскому понту въ свое отечество (изъ Константинополя), святой очутился въ нѣкоемъ мѣстѣ, гдѣ находится теченіе Сангарія, — а Сангарій есть рѣка, текущая по странѣ Галатовъ; корабль присталъ при самомъ впаденіи рѣки въ море, гдѣ происходитъ нѣкоторая борьба рѣчнаго теченія съ морскимъ, причемъ первое сильно напираетъ, а море подъ вліяніемъ воздушныхъ вѣяній вздымается и изрыгаетъ свои волны на твердую землю, — когда же подуетъ съ суши настоящій вѣтеръ, то оно сильно затрудняетъ пловцовъ, а иногда и поглощаетъ ихъ въ бездну вмѣстѣ съ кораблями». Во время плаванія Георгія вѣтеръ дулъ съ особенною силою, такъ что разрывалъ и пѣнилъ воду, издавая потрясающій гулъ. Святой, едва выбравшись на сушу при помощи гребцовъ, сталъ на берегу и воздѣвъ руки къ небесамъ, запретилъ вѣтру и укротилъ бурю (§ 36). Георгій облагодѣтельствовалъ чудотвореніями какъ современниковъ, такъ и потомковъ (§ 37). Слѣдуютъ сравненія его съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ, Іосифомъ, Моисеемъ и Аарономъ, Финеесомъ, Давидомъ и Иліею, Петромъ, Павломъ и Іоанномъ (§ 38)

1) Визант. Врем. 1898. V, 79.
2) Ibid. 80.
3) Ibid. 80.

и общая характеристика святого (§ 39). Георгій умеръ «за два дня до десятаго числа мѣсяца Дистра» (8 февраля); «и можно было видѣть стеченіе царей и архіереевъ[1]), слезы и неутѣшный плачъ властителей и властвуемыхъ; одни оплакивали въ немъ образецъ для хорошаго управленія, другіе — для добраго повиновенія властямъ; и вотъ онъ предается боголѣпно погребенію руками іереевъ» (§ 40). Близкій современникъ, хорошо знавшій жизнь святого, подробно описалъ бы самую болѣзнь и ходъ ея, между тѣмъ агіографъ располагаетъ скуднымъ запасомъ свѣдѣній, недостатокъ которыхъ старается восполнить резонерствомъ и витіеватостью изложенія; и самая фраза о присутствіи на похоронахъ царей и архіереевъ дышитъ какою-то стереотипностью. Гдѣ умеръ Георгій — не сказано, но вѣроятно въ Амастридѣ; когда онъ скончался—также не опредѣлено. Имя имп. Никифора — послѣднее, которое встрѣчается въ Житіи. Акад. Васильевскій полагаетъ, что Георгій не пережилъ правленія Логоѳета и указываетъ на 806 годъ, какъ на вѣроятный предѣлъ жизни святого. Дѣйствительно, въ это время Никифоръ съ соимператоромъ Ставракіемъ были въ Малой Азіи и могли явиться въ Амастриду для оказанія послѣдней почести архіерею, имѣвшему особыя права на ихъ уваженіе. И это тѣмъ болѣе правдоподобно, что какъ разъ въ это время отправлено было для заключенія мира съ Гаруномъ императорское посольство, состоявшее изъ митрополита Синнадскаго, Петра, игумена Гулейскаго монастыря, и Григорія, эконома Амастридскаго[2]): назначеніе послѣдняго лица ничѣмъ инымъ не можетъ быть объяснено, какъ только личнымъ присутствіемъ и знакомствомъ императоровъ съ экономомъ въ Амастридѣ.

Георгій по смерти творилъ много чудесъ, исцѣляя сумасшедшихъ (ὑπὸ πνευμάτων ἀκαθάρτων ὀχλούμενοι), прикоснувшихся къ его гробу, паралитиковъ (μέλεσι παρειμένοι), которыхъ приносили на носилкахъ и которые уходили на собственныхъ ногахъ, ослѣпшихъ (στέρησις τῶν ὄψεων), которыхъ приводили ко гробу; однако агіографъ изъ многихъ чудесъ выбираетъ для разсказа «одинъ или два» (§ 41). «Былъ сильный дождь, способный покрыть всѣхъ когда-либо существовавшихъ множествомъ водъ и напоминающій, можно сказать, подобіе другого потопа; наводнялись горы, плавали въ водѣ долины; дома, храмы

---

1) стр. 63: ἦν ἰδεῖν συνδρομὴν βασιλέων καὶ ἀρχιερέων.

2) Theoph. I, 482; въ превосходномъ указателѣ фонъ Боора имена Петра и Григорія пропущены.

были полны водою; отчасти текущая сверху через крышу, отчасти проникающая снизу чрезъ двери, вода наполнила все; городъ вслѣдствіе напора волнъ со всѣхъ сторонъ какъ бы плавалъ въ морѣ, колебался въ своихъ основаніяхъ и угрожалъ разрушеніемъ... Когда храмъ (съ мощами Георгія) наполнился водою, то эта вода никакъ не приближалась ко гробу святого; ...и можно было видѣть, какъ влажная и жидкая стихія превратилась въ нѣчто совсѣмъ противоположное, и стала по ту и другую сторону гроба, какъ нѣкая твердая и неподвижная стѣна, такъ что гробницы не коснулась даже малѣйшая сырость» (§ 42).—О наводненіи, постигшемъ Амастриду, упоминается только въ этомъ памятникѣ; оно могло произойти, по мнѣнію акад. Васильевскаго, даже не отъ дождя, а просто отъ морскаго прилива и затопить городъ, расположенный на длинной косѣ, вдающейся въ море, особенно если плотины не было. Но еще вѣрнѣе, какъ кажется, думать, что здѣсь имѣется обычный легендарный разсказъ о пропавшихъ или затонувшихъ городахъ, о чемъ спеціально писали проф. Н. Ѳ. Сумцовъ (1895 г.) и В. Н. Перетцъ (1904 г.). Но говоря о затопленіи Драча (Епидавра, Dyrchachium'a, Durazzo), упомянутомъ Серапіономъ Владимірскимъ, изслѣдователи не знали, что въ основѣ его лежитъ преданіе, записанное Созоменомъ и Іеронимомъ Стридонскимъ въ житіи Иларіона Великаго.

«То, что слѣдуетъ далѣе, еще болѣе удивительно. Было нашествіе варваровъ, Руси, народа, какъ всѣ знаютъ, въ высшей степени дикаго и грубаго [1]), не носящаго въ себѣ никакихъ слѣдовъ человѣколюбія. Звѣрскіе нравами, безчеловѣчные дѣлами, обнаруживая свою кровожадность уже одпимъ своимъ видомъ, ни въ чемъ другомъ, что свойственно людямъ, не находя такого удовольствія, какъ въ смертоубійствѣ, они — этотъ губительный и на дѣлѣ и по имени народъ, — начавъ разореніе отъ Пропонтиды и посѣтивъ прочее побережье, достигли наконецъ и до отечества святого [2]), посѣкая нещадно всякій полъ и всякій возрастъ, не жалѣя старцевъ, не оставляя безъ вниманія младенцевъ, но противу всѣхъ одинаково вооружая смертоубійственную руку и спѣша вездѣ пронести гибель, сколько на это у нихъ было силы. Храмы ниспровергаются, святыня оскверняется: на

1) стр. 66: ἔφοδος ἦν βαρβάρων τῶν Ῥῶς ἔθνους, ὡς πάντες ἴσασιν, ὠμοτάτου καὶ ἀπηνοῦς.

2) ἀπὸ τῆς Προποντίδος ἀρξάμενον τῆς λοίμης καὶ τὴν ἄλλην ἐπινεμηθὲν παράλιον, ἔφθασεν καὶ μέχρι τῆς τοῦ ἁγίου πατρίδος.

мѣстѣ ихъ (нечестивые) алтари, беззаконныя возліянія и жертвы, то древнее таврическое избіеніе иностранцевъ, у нихъ сохраняющее свою силу [1]). Убійство дѣвицъ, мужей и женъ; и не было никого помогающаго, никого, готоваго противостать. Лугамъ, источникамъ и деревьямъ воздается поклоненіе [2]). Верховный Промыслъ допускаетъ это можетъ быть для того, чтобы умножилось беззаконіе, что, какъ мы знаемъ изъ Писанія, много разъ испыталъ Израиль (§ 43). Пастырь добрый не былъ на лицо тѣломъ, а духомъ былъ съ Богомъ, и въ непостижимыхъ судахъ Его читая, какъ посвященный, лицомъ къ лицу, медлилъ заступленіемъ и откладывалъ помощь. Но въ конецъ онъ не возмогъ презрѣть, и вотъ онъ и здѣсь чудодѣйствуетъ не меньше, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. Когда варвары вошли во храмъ и увидѣли гробницу, они вообразили, что тутъ сокровище, какъ и дѣйствительно это было сокровище. Устремившись, чтобы раскопать оное, они вдругъ почувствовали себя разслабленными въ рукахъ, разслабленными въ ногахъ, и связанные невидимыми узами, оставались совершенно неподвижными [3]), жалкими, будучи полны удивленія и страха, и ничего другого не имѣя силъ сдѣлать, какъ только издавать звуки голоса (§ 44). А ихъ предводитель (ἡγεμών), когда увидѣлъ необычайное явленіе, исполнился тоже страха и ужаса, и приказавъ подвести одного изъ уведенныхъ въ плѣнъ, спрашивалъ его, что означаетъ случившееся и какого Бога это сила, и что такое было здѣсь закопано, и какимъ образомъ пострадали воины. Тотъ отвѣчаетъ: это сила Бога, все приведшаго изъ небытія въ бытіе и творящаго все Ему угодное, которому никто не можетъ противорѣчить — ни царь, ни тираннъ, ни князь, ни варваръ, ни кто-либо другой, кого только ты можешь назвать, ни даже цѣлый народъ: ибо Имъ цари царствуютъ и властители владѣютъ землею. Что же отвѣчаетъ варваръ? Развѣ мы не приносимъ, говоритъ онъ, каждый день жертвы богамъ, устраивая алтари и возліянія?—Но, человѣче, это никакъ не суть истинные боги, которымъ вы совершаете возліянія: не такія жертвы угодны нашему Богу; ни въ чемъ не нуждается тотъ, кто надъ всѣми владычествуетъ. — Но существуетъ ли какая другая жертва, которая бы угодна была вашему Богу? И какъ нуждающійся въ ней можетъ счи-

---

1) стр. 67: ἡ ταυρικὴ ξενοκτονία ἐκείνη ἡ παλαιὰ παρ' αὐτοῖς νεάζουσα.

2) λειμῶνες καὶ κρῆναι καὶ δένδρα σεβαζόμενα.

3) стр. 68: παρειμένοι ὤφθησαν χεῖρας, παρειμένοι πόδας, καὶ δεσμοῖς ἀοράτοις πεδηθέντες, ἔμειναν ὅλως ἀκίνητοι.

таться ни въ чемъ не имѣющимъ нужды? — Самъ Онъ ни въ чемъ не нуждается, но будучи благимъ, принимаетъ благія дѣянія, приносимыя Ему отъ чистаго помышленія. Кто же явился чистымъ предъ Нимъ своими благими дѣлами, тотъ удостоивается величайшей чести и при жизни и по смерти. — А какая это честь? спрашиваетъ (варваръ).—Все, что ни захотѣли бы, творить во имя Его и благодѣтельствовать почитающимъ ихъ, и останавливать тѣхъ, кто покушается не воздавать имъ чести: вслѣдствіе того и твои воины, какъ видишь, осмѣлившись раскопать этотъ гробъ (были наказаны): такъ какъ прикосновеніе нечистыхъ рукъ варварскихъ было оскорбленіемъ лежащему въ немъ, то по своему дерзновенію предъ Богомъ онъ связалъ руки и ноги ихъ; и если хочешь узнать, что все это истина, то принеси Ему дары, умилостививъ чрезъ посредство насъ христіанъ, и люди твои освобождены будутъ отъ обдержащихъ ихъ печалей.—А какими дарами можно ему угодить и какія приношенія Онъ принимаетъ? — Елей и воскъ, какъ это обычно у христіанъ, и освобожденіе плѣнныхъ, сохраненіе почтенія къ храмамъ. Если все это хочешь сотворить и соблюсти, то увидишь своихъ воиновъ здравыми, какъ прежде (§ 45). Варваръ, пораженный этимъ, обѣщалъ все сдѣлать какъ можно скорѣе. Давъ вольность и свободу христіанамъ, онъ поручилъ имъ ходатайство предъ Богомъ и предъ святымъ. И вотъ устраивается щедрое возженіе свѣтильниковъ, и всенощное стояніе, и пѣснопѣніе; варвары освобождаются отъ божественнаго гнѣва, устраивается нѣкоторое примиреніе и сдѣлка съ христіанами, и они уже болѣе не оскорбляли святыни, не попрали божественныхъ жертвенниковъ, уже не отнимали болѣе нечестивыми руками божественныхъ сокровищъ, уже не оскверняли храмовъ кровію. Одинъ гробъ былъ достаточно силенъ для того, чтобы обличить безуміе варваровъ, прекратить смертоубійство, остановить звѣрство, привести свирѣпыхъ волковъ къ кротости овецъ и заставить тѣхъ, которые поклонялись рощамъ и лугамъ (ἄλση καὶ λειμῶνας), уважать божественные храмы (§ 46). Разсужденія агіографа по случаю этого чуда слѣдующія: «Видишь ли силу гроба, поборовшаго силу цѣлаго народа? Видишь ли силу гроба, заставившаго волка пастись рядомъ съ агнцемъ, какъ это говорится у Исаіи (XI, 6), и тигра покоиться вмѣстѣ съ козленкомъ? Видишь ли славу гроба, сіяющую чудесами, какъ лучами солнца? Видишь ли прахъ сильнѣйшій многихъ стрѣлъ и копьевъ? Видишь ли останки, смягчившіе силу, поражающую въ сердце? О, видимый гробъ и мы-

сленное сокровище! О, гробъ, искупившій гробы и многимъ доставившій миръ! О, гробница, слава которой достигла до предѣловъ океана! О, прахъ, развѣявшій варваровъ и сокрушившій оружіе, сѣкиру и войну! О, останки, скрываемые, но драгоцѣннѣйшіе злата, свѣтлѣйшіе многоцѣнныхъ камней и пышнѣйшіе виссона и порфира, могущественнѣйшіе царей, христіанъ сила и гордость! (§ 47). Обращаясь къ святому, авторъ восклицаетъ: «воззри на насъ свыше, сохраняй твоихъ пѣснопѣвцевъ (τοὺς σοὺς ὑμνητάς), освобождая отъ грѣховъ, охраняя отъ паденій, спасая отъ ударовъ, бѣдствій, обстояній, опасностей и всякой скверны! Снизойди къ смѣлости, съ которою я взялся за предпріятіе похвалъ твоихъ, но благосклонно пріими (доброе) произволеніе, такъ какъ и оно угодно Богу! Мое предпріятіе не есть проявленіе легкомыслія, но произведеніе горячей вѣры и дружбы къ подвигнувшему меня на него—знаменитому и славному Іоанну, любителю изящнаго[1]). Побуждаемый его увѣщаніемъ, чтобы не навлечь на себя обвиненія въ непослушаніи, я пустился въ это море похвалъ. Потерпѣвъ неудачу, я радуюсь столько же, сколько бы въ другихъ случаяхъ радовался, одержавъ побѣду. Ибо (въ этомъ случаѣ) словесное пораженіе только доказываетъ самымъ дѣломъ величіе восхваляемаго: оно обнаруживаетъ высоту добродѣтели; а сама она является ручательствомъ близости къ Богу. Того ради явися намъ заступникомъ, помощникомъ и защитникомъ! Подаждь намъ еще больше поводовъ къ похваламъ (новою) придачею чудесъ твоихъ! По дерзновенію твоему предъ Богомъ, охрани градъ сей (τὴν πόλιν σοῦ ταύτην), соблюди сіе твое стадо!» (§ 48).

Прежде чѣмъ говорить о значеніи приведенной выписки, необходимо поставить вопросъ о личности агіографа, о времени, когда онъ жилъ, а также о личности Іоанна, по порученію котораго Житіе написано, — о личности, въ которой заключается наиболѣе надежный путь къ окончательной разгадкѣ вопроса о времени написанія похвалы Георгію. Акад. Васильевскій такъ или иначе уже отвѣтилъ на эти вопросы и тѣмъ въ значительной мѣрѣ избавилъ изслѣдователей отъ новыхъ изысканій. Постараемся изложить существенные его выводы.

---

1) стр. 73: πίστεως δὲ διαπύρου τὸ σπούδασμα καὶ τῆς τοῦ εἰς τόδε συνωθήσαντος ἐγχείρημα φιλίας Ἰωάννου τοῦ κλεινοῦ καὶ τῶν καλῶν ἐραστοῦ. Въ Житіи Θеодора Студита (Migne, XCIX, 233, 245) ἐρασταὶ τῶν καλῶν — любители добра, въ противоположность людямъ безпечнымъ. Тоже выраженіе встрѣчается въ диѳирамбѣ Θеофану и у Георгія Никомидійскаго.

Анонимное житіе Георгія написано вскорѣ послѣ кончины святого (стр. CXXXVI) и вообще въ первой половинѣ IX столѣтія (стр. CXII). Въ это время главными представителями византійской агіографіи были два лица: діаконъ Игнатій (до-Фотіевскаго времени) и философъ Никита Пафлагонянинъ (послѣ Фотія). Игнатій родился ок. 770—774 г. и получилъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ протасикрита Тарасія; во время патріаршества послѣдняго (784—806) Игнатій, въ санѣ діакона Великой церкви, прошелъ подъ его руководствомъ энциклопедическое образованіе, ознакомившись кромѣ св. писанія и церковной христіанской письменности еще и съ эллинскою мудростью; въ такомъ случаѣ онъ учился у Тарасія одновременно съ пребываніемъ въ Константинополѣ юноши Георгія, прибывшаго съ дядею изъ Амастриды ок. 785 г., и былъ развѣ немногимъ его моложе. Близкій человѣкъ къ патріархамъ Тарасію и Никифору, Игнатій однако не уберегся отъ заблужденія: подъ угрозою былъ уловленъ въ сѣти иконоборства и далъ въ томъ свое рукописаніе. Въ позднее время (ок. 846 г.) онъ сдѣлался митрополитомъ Никейскимъ. По словамъ Свиды, онъ «написалъ житія Тарасія и Никифора, святыхъ и блаженныхъ патріарховъ, надгробныя елегіи, письма, ямбы на Ѳому бунтовщика, что называютъ «τὰ κατὰ Θωμᾶν, и многое другое». Изъ этого многого другого можно назвать еще житіе Григорія Декаполита, непоименованное Свидою, въ своихъ надписаніяхъ носящее имя Игнатія и относящееся также къ періоду иконоборчества, а равнымъ образомъ Житіе Георгія Амастридскаго. Агіографическіе труды его слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: 1) Житіе Георгія, первый литературный опытъ автора, написано было въ такую эпоху его жизни, о которой авторъ говорилъ съ сожалѣніемъ и раскаяніемъ, въ періодъ примирительнаго и хотя по внѣшности дружелюбнаго отношенія къ иконоборцамъ; и дѣйствительно въ Житіи Георгія есть ясные признаки умышленнаго умолчанія о иконахъ (стр. LXXIV, LXXXII). 2) Житіе Григорія Декаполита, важное для исторіи иконоборчества и отмѣчающее иконоборческихъ епископовъ, съ которыми приходилось сталкиваться Григорію; этотъ святой въ бытность свою въ Константинополѣ останавливался у своего будущаго агіографа Игнатія [1]) и имѣлъ въ числѣ учениковъ нѣкоего Іоанна, отличавшагося краснорѣчіемъ, съ которымъ Игнатій былъ хорошо знакомъ. 3) Житіе

1) Ошибочность этой догадки указывается нами при разборѣ Житія Григорія.

патр. Никифора, написанное вскорѣ послѣ его смерти (829 г.); здѣсь Игнатій вспоминаетъ о своемъ невольномъ заблужденіи и проситъ святого подать ему помощь при выходѣ на путь истины. По поводу перенесенія мощей Никифора (846 г.) Игнатій составилъ ему канонъ. 4) Житіе патр. Тарасія, написанное до 846 года; здѣсь авторъ жалуется уже на свою старость и немощи. Желаніе связать житіе Георгія съ авторствомъ Игнатія, бывшаго нѣкоторое время иконоборцемъ, заставило акад. Васильевскаго впасть въ ошибку: Житіе Георгія, по его словамъ, написано ранѣе Житія патр. Никифора; между тѣмъ послѣднее явилось въ 30-хъ гг., а первое, съ его же точки зрѣнія, въ половинѣ 40-хъ годовъ IX столѣтія. «Рѣчь Игнатія, продолжаетъ русскій академикъ, въ доподлинныхъ его сочиненіяхъ пересыпана оборотами, отдѣльными словами и сентенціями изъ классическихъ и другихъ образцевъ; важно, замѣчаетъ русскій академикъ (стр. CVII), что всѣ черты, сколько-нибудь обрисовывающія литературную физіономію Игнатія, могутъ быть наблюдаемы и въ Житіи Георгія Амастридскаго». Здѣсь повторено нѣсколько выраженій изъ Гомера и Еврипида; встрѣчается масса сентенцій и классическихъ именъ; «стиль, манера, литературные пріемы, свойственные автору Амастридскаго Житія, близко сходятся съ тѣми, какіе замѣчаются въ агіографическихъ трудахъ Игнатія». Для образца приводится параллель: преслѣдованіе иконопочитателей изъ Житія Никифора и нашествіе сарацинъ изъ Житія Георгія; отдѣльныя выраженія въ родѣ: «пускаться въ море похвалъ», «не имѣть въ себѣ никакихъ слѣдовъ», опредѣленіе слова «секретарь» — одинаковы какъ тамъ, такъ и здѣсь; сравненіе святого съ ветхозавѣтными пророками и новозавѣтными апостолами—также одинаково. Съ другой стороны Житіе Георгія не имѣетъ ничего общаго со стилемъ произведеній Никиты Пафлагонянина: хотя послѣдній былъ епископомъ по сосѣдству съ Амастридою, написалъ похвалу св. Іакинѳу Амастридскому и говорилъ о нашествіи Руси (въ Житіи патр. Игнатія), тѣмъ не менѣе его произведенія совсѣмъ иной школы. — Іоаннъ, поручившій написать похвалу для произнесенія ея при гробѣ Георгія, конечно былъ Іоаннъ Амастридскій же и можетъ быть преемникъ св. Георгія на каѳедрѣ. Дѣйствительно, извѣстенъ Іоаннъ, предстоятель Амастридской церкви, котораго Ле-Кьенъ ошибочно отнесъ ко времени Льва Исавра. Ле-Кьенъ извлекъ свѣдѣнія объ Іоаннѣ изъ свидѣтельства Николая Компина Пападопуло, канониста XVII—XVIII вѣка, у котораго Іоаннъ названъ другомъ

Θеодора Студита. Іоаннъ грамматикъ переписывался съ Θеодоромъ между прочимъ по вопросу объ иконахъ [1]); онъ и могъ занимать Амастридскій престолъ въ IX вѣкѣ. Итакъ, по мнѣнію акад. Васильевскаго, Житіе Георгія написано діакономъ Игнатіемъ по порученію преемника Георгіева, Амастридскаго архіепископа Іоанна въ первой половинѣ IX вѣка.

Но если Игнатій писалъ житіе Георгія, то остается не доказаннымъ, чтобы онъ могъ жить въ Амастридѣ. Русскій ученый сознаетъ эту слабость, но обходитъ ее замѣчаніемъ, что о первоначальной жизни Игнатія, о его отношеніи къ Пафлагоніи, ничего не извѣстно. Но при этомъ знаменитый ученый забываетъ, что Игнатій, по его же словамъ, родился около 770 г., молодость провелъ въ Константинополѣ и не только до 806 г., до смерти Георгія, но и до 842 г., времени нашествія Русскихъ, не могъ получить литературнаго заказа; если бы онъ былъ авторомъ житія, то это могло быть только въ періодъ съ 842 до 844 года, до времени вступленія его на Никейскую каѳедру. И если бы Іоаннъ правилъ престоломъ съ 807 г. и поручилъ составленіе житія около половины IX столѣтія, то было бы невѣроятно полагать, чтобы онъ же правилъ каѳедрою и въ половинѣ 840 годовъ, т. е. гораздо болѣе 35 лѣтъ, да къ тому же и самъ Игнатій въ это кажется время былъ уже престарѣлымъ митрополитомъ, авторомъ житій Никифора и Тарасія. Чтобы выйти изъ этого заколдованнаго круга, надобно вовсе отказаться отъ принадлежности Похвалы Игнатію: сходства литературныхъ пріемовъ, замѣчаемыхъ въ Житіи Георгія и въ Житіи Никифора, совсѣмъ еще не могутъ указывать на одного автора; на одну школу—да. Разрушая Куниковскій параллелизмъ Фотія и агіографа о русскомъ нашествіи, самъ же Васильевскій находитъ его не убѣдительнымъ, явившимся просто отъ того, что два автора заговорили объ одномъ и томъ же предметѣ и потому у нихъ оказалось нѣсколько общихъ выраженій. Тоже должно сказать и въ данномъ случаѣ. Напротивъ общія замѣчанія агіографа о большинствѣ чудесъ святого и самый характеръ сочиненія—Похвала—указываютъ, что произведеніе написано въ позднее время, когда недостатокъ подробностей о чудесахъ и вообще о жизни Георгія нужно было восполнить риторикою и резонерствомъ. Но отрицая участіе въ дѣлѣ Игнатія, мы дорожимъ открытіемъ акад. Васильевскимъ личности

---

1) Migne, Patr. gr. XCIX, 1532: Ἰωάννῃ Γραμματικῷ; cp. col. 1588, 1637.

Іоанна, хотя и тутъ позволяемъ себѣ нѣкоторыя отступленія отъ его взгляда. Грамматикъ Іоаннъ, переписывавшійся съ Θеодоромъ Студитомъ около 816—820 года и называемый этимъ послѣднимъ «святостью», могъ и не быть въ то время епископомъ; «святостью» Θеодоръ называлъ также и игуменовъ; простое названіе Іоанна также говоритъ не въ пользу его епископства, а скорѣе въ пользу его настоятельства въ монастырѣ. Этого грамматика Іоанна мы позволяемъ отожествить съ тѣмъ философомъ Іоанномъ, «усерднымъ любителемъ діалектики»[1]), съ которымъ переписывался патр. Фотій по вопросу о пророчествахъ. Ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, что Іоаннъ уже въ молодыхъ годахъ зарекомендовавшій себя ученостью, позже является съ именемъ философа, любителя діалектики или, если угодно, «изящнаго» (ибо и самъ агіографъ Георгія стремился быть изящнымъ); понятнымъ становится и то, почему агіографъ не рѣшался приступить къ сочиненію, имѣя въ виду такого компетентнаго судью, какъ философъ и діалектикъ Іоаннъ. Допуская, что грамматикъ Іоаннъ переписывался съ Θеодоромъ на 25 году жизни, мы заключимъ, что онъ родился ок. 795 года; съ Фотіемъ онъ могъ переписываться ок. 865 г., когда Іоанну было подъ 70 лѣтъ. По свидѣтельству Николая Пападопуло, онъ былъ епископомъ Амастриды, и могъ во времена Фотія поручить одному изъ амастридскихъ монаховъ составленіе похвалы Георгію. Біографъ 50 лѣтъ спустя послѣ смерти святого конечно располагалъ немногими данными о его жизни, не былъ въ состояніи послѣдовательно обозрѣть его жизнь и потому избралъ особый планъ въ похвалѣ — передачу событій по ассоціаціи идей именъ и сходства. Мы должны отказаться отъ надежды найти имя агіографа (хотя Никита все-таки невольно приходитъ при этомъ на умъ), но за то можемъ утѣшиться, что онъ вышелъ изъ школы Игнатія, и пріурочить его ко времени 858—867 и 878—886 годовъ, когда патріаршествовалъ Фотій и жилъ философъ Іоаннъ, любитель риторики[2]). Впрочемъ, послѣднюю дату мы не принимаемъ въ разсчетъ, ибо во второмъ періодѣ своего патріаршества Фотій писалъ письма исключительно благодарственныя или заклинательныя, смотря по тому, поддерживалъ, или не

1) Φωτίου ἐπιστολαί, ὑπὸ Ἰ. Ν. Βαλλέττα. Ἐν Λονδίνῳ 1864, σ. 404, № 78: Ἰωάννῃ φιλοσοφοῦντι—σὲ τὸν διάπυρον τῆς διαλεκτικῆς ἐραστήν.

2) Существуютъ письма Фотія къ Іоанну Помпеіпольскому (въ Пафлагоніи) и Іоанну Ираклійскому (близъ Пафлагоніи), но нѣтъ основанія считать ихъ иниціаторами въ дѣлѣ прославленія Георгія.

поддерживалъ адресатъ его сторону въ періодъ 869 — 878 годовъ; литературными и богословскими вопросами въ письмахъ онъ интересовался до 869 года.

Пріурочивъ появленіе Житія приблизительно къ 865 году, посмотримъ отсюда на русскій походъ, въ немъ описанный. Съ сожалѣніемъ, подавляемымъ самостоятельнымъ убѣжденіемъ въ противности, переходя отъ своего учителя на сторону А. А. Куника, мы должны разсматривать амастридское нашествіе Русскихъ какъ частный походъ одной общей экспедиціи 860 года. Большая часть русскаго флота, прибывшаго къ южному берегу Чернаго моря, двинулась направо къ Босфору, опустошила острова на Мраморномъ морѣ и осадила Константинополь; но часть его направилась влѣво, дошла до Амастриды, гдѣ и остановилась. Здѣсь русскіе хотѣли было ограбить храмъ съ какимъ-то большимъ ларцемъ, думая, что тутъ собраны драгоцѣнности; но когда вмѣсто денегъ они увидѣли покойника, они помирились и на томъ, что до сихъ поръ награбили; поставили свѣчку неизвѣстному, но нахваленному имъ Богу, для благополучнаго плаванія и вернулись на родину[1]). Греки Амастры, какъ и Греки Константинополя, увидѣли въ отступленіи враговъ чудо святого и чудо Богоматери. Патр. Фотій первый явился выразителемъ общаго настроенія: въ двухъ рѣчахъ, а затѣмъ въ окружномъ посланіи по поводу Русскаго нашествія онъ первый далъ Русскимъ суровую характеристику, какъ народа грубаго и кровожаднаго. Рѣчи Фотія, произнесенныя въ маѣ 860 года и отвѣчавшія на жгучій вопросъ современности, могли сдѣлаться извѣстными и въ провинціяхъ, а окружная грамота его, какъ оффиціальная

---

1) Cedr. II, 173: τὰ δὲ ἐντὸς Εὐξείνου καὶ πᾶσαν τὴν αὐτοῦ παραλίαν ὁ τῶν Ῥῶς ἐπόρθει καὶ κατέτρεχε στόλος καὶ αὐτῇ δὲ τῇ βασιλίδι δεινὸν ἐπέσειε κίνδυνον. А. Куникъ (О запискѣ Готскаго топарха, Спб. 1874, стр. 102) допускаетъ единство похода: Русскіе отступили отъ Константинополя и вѣроятно послѣ того уже разграбили Амастриду; но акад. Васильевскій, подробно изучившій значеніе Пропонтиды, какъ географическаго термина, и указавшій прежде всего, что Пропонтидою назывался какъ Босфоръ, такъ и Дарданеллы, пришелъ къ заключенію, что для обозначенія Босфора существовали наименованія: Στενὰ Προποντίδος (Зосима), [прибавимъ отъ себя: ἡ Προποντὶς τοῦ Στενοῦ (Ник. Катаскепинъ: Виз. Врем. 1897, IV, 383)], Ἀνάπλους Προποντίδος (Ефремій), Προποντίς (Генесій)=Στενόν (Кедринъ), ἡ Προποντὶς ἡ ἔξω τοῦ Εὐξείνου πόντου (Θеодосій Мелитинскій); въ такомъ смыслѣ употреблена Προποντίς и въ Житіи Георгія, и потому о Мраморномъ морѣ для этой части русскихъ судовъ не можетъ быть и рѣчи; для точнѣйшаго опредѣленія русскій академикъ, найдя Προποντίς (въ Житіи Стефана Новаго) въ значеніи «части моря, вдающейся въ материкъ», склоненъ думать, что агіографъ Георгія Пропонтидою обозначилъ взморье отъ рѣки Сангарія до Амастриды.

бумага, несомнѣнно попала и въ Амастриду. Агіографъ, описывая чудо Георгія по поводу нашествія, для характеристики народа прибѣгъ къ словамъ патріарха и свободно воспользовался его выраженіями. Къ параллелямъ, приведеннымъ акад. Куникомъ (стр. 98) и акад. Васильевскимъ (стр. XLIX), присоединимъ еще нѣкоторыя, соотвѣтствующія также и описанію Агарянскаго нашествія. Слова Фотія о избіеніи русскими воловъ (p. 219 ed. Nauck) агіографомъ отнесены къ Агарянамъ (стр. 38—39) и къ Русскимъ (стр. 67); слова Фотія о несчастіяхъ Израиля (p. 207, 227, 229, 230) агіографомъ также отнесены къ Агарянамъ (стр. 39) и къ Русскимъ (стр. 67); слова Фотія о избіеніи Русскими младенцевъ подъ сосцами матерей (p. 219) отнесены агіографомъ только къ Агарянамъ (стр. 40).

Очень близкое отношеніе къ только что разсмотрѣнному житію представляетъ иного рода агіографическій памятникъ того же времени. Пафлагонскій городъ и епископская каѳедра Тій (Τίος), какъ кажется, подвѣдомственная Амастридской епископіи, также выставила агіографа—въ лицѣ тійскаго епископа Константина. Повидимому пафлагонскій уроженецъ, Константинъ въ молодости, въ концѣ VIII и началѣ IX в., жилъ въ Константинополѣ, вѣроятно проходившій образованіе въ патріаршей школѣ, былъ знакомъ съ Георгіемъ Амастридскимъ, который просилъ его написать разсказы о св. Евфиміи Всехвальной. Сначала Константинъ написалъ слово о пребываніи мощей ея въ Константинополѣ, у Ипподрома, но оно повидимому не сохранилось до нашего времени; потомъ, какъ кажется до 837 г., онъ составилъ слово объ обрѣтеніи мощей ея: Κωνσταντίνου τοῦ ἁγιωτάτου ἐπισκόπου Τίου λόγος εἰς τὴν εὕρεσιν τοῦ λειψάνου τῆς ἁγίας καὶ πανευφήμου μάρτυρος Εὐφημίας, προτραπέντος παρὰ Γεωργίου τοῦ ἁγιωτάτου ἐπισκόπου Ἀμάστρης[1]). И такъ какъ подъ епископомъ амастридскимъ Георгіемъ мы можемъ разумѣть не кого другого, какъ того святого, житіе котораго мы только что разсмотрѣли, мы должны сказать, что литературный заказъ былъ выполненъ епископомъ Константиномъ уже спустя много лѣтъ послѣ кончины Георгія. Въ 869 г. еп. Константинъ присутствовалъ на константинопольскомъ соборѣ и подписался подъ его актами по поводу возстановленія патр. Игнатія; онъ присутствовалъ тамъ также и въ 878 г. по поводу возстановленія Фотія на патріаршествѣ; умеръ послѣ 880 года.

1) Cod. Athon.-Laur. Δ 79, XII в., f. 129—136 (Ἀλάστρης!): Ἧκω τὸ ἐπίταγμα φερὸν (AA. SS. Boll., сентябрь, V, 274—283).

Разсказъ о перенесеніи мощей св. Евфиміи Всехвальной, принадлежащій перу Тійскаго (въ Пафлагоніи) епископа Константина, вообще говоря, заслуживаетъ полнаго вниманія, ибо написанъ если не современникомъ описываемыхъ имъ событій, то по крайней мѣрѣ близкимъ по времени лицомъ. Ле-Кьенъ (I, 576) и другіе ученые правильно отожествляютъ его съ тѣмъ епископомъ Константиномъ, который присутствовалъ на соборахъ 869 и 878 годовъ и который стало быть стоялъ сначала на сторонѣ патр. Игнатія, а затѣмъ Фотія. Слово основано на разсказахъ иконопочитателей (быть можетъ Никиты Мономаха и другихъ) и отчасти на личномъ знакомствѣ съ мѣстностью, о которой идетъ рѣчь. Но такъ какъ изустные разсказы объ иконоборчествѣ въ IX в. доходили до чудовищныхъ размѣровъ, то естественно, что мало критичный авторъ на ряду съ несомнѣнно вѣрными извѣстіями пользовался и темными, смутными источниками.

Въ предисловіи онъ обращается къ «всесвятѣйшему отцу», котораго называетъ любителемъ всякаго добраго начинанія и «учителемъ моего грубаго разума»; исполняя его порученіе, агіографъ сознается въ своей неспособности выполнить возложенную на него задачу, въ своемъ невѣдѣніи и грубости, и если приступаетъ къ написанію, то только изъ боязни не исполнить отеческаго порученія; намѣревается изложить то, «что я слышалъ отъ людей благочестивыхъ и что видѣлъ собственными глазами», какъ мощи Евфиміи были унесены на окраины (ἐπὶ τὴν ὑπερορίαν), погибали, были найдены и принесены «на позоръ и безчестіе тѣхъ, которые смѣютъ возставать противъ славы святыхъ» (§ 1).

Въ прошедшія лѣта царствовалъ нечестивый царь Левъ изъ рода Исавріянъ, не честно захватившій престолъ; онъ началъ лаять на церковь Божію и подъ предлогомъ благочестія разрушать иконы; св. патріарха Германа бичевалъ безстыдно и свергъ съ престола; мощи мучениковъ презиралъ и называлъ благочестивыхъ костепоклонниками (ὀστεολάτραι, § 2). Мощи Евфиміи невредимо лежали въ храмѣ ея имени около Ипподрома[1]), будучи принесены вмѣстѣ съ ракою изъ Халкидона въ Константинополь вслѣдствіе тогдашняго нашествія «Персовъ» на Византію. Надъ ковчегомъ былъ воздвигнутъ жертвенникъ; внизу его лежали мощи, а наверху совершалось таинство Тѣла и Крови Господней. Въ ковчегѣ находилось небольшое отверстіе, «ко-

1) 275: ἐν τῷ ταύτης ναῷ τῷ πλησίον τοῦ λεγομένου ἱπποδρομίου ὄντι.

торое и до нынѣ существуетъ» и въ которое могла входить человѣческая рука. «Однажды, говоритъ Константинъ, я недостойный осмѣлился всунуть туда руку, дотронулся до мѣста, почувствовалъ благоуханіе и сподобился благодати». Это замѣчаніе, опережающее событіе, показываетъ, что Константинъ лично видѣлъ раку съ мощами въ Константинополѣ. Когда Персы, во дни царя Ираклія, заняли Халкидонскую страну, они захотѣли сжечь мощи Евфиміи, но послѣднія остались въ огнѣ невредимыми: изъ ковчега выходило только пламя въ видѣ шара сквозь упомянутое отверстіе (§ 3). Жители Константинополя, «какъ мы выше сказали»[1]), питали глубокую вѣру, приходили въ храмъ Евфиміи и обильно получали здѣсь исцѣленія; кровь отъ мощей, исполненная благовонія, исходила подобно мѵру и раздавалась больнымъ людямъ. Тогда царь Левъ со своими сторонниками въ глубокую ночь сдѣлалъ нападеніе на храмъ, открылъ ковчегъ, взялъ мощи Евфиміи вмѣстѣ съ ихъ ящикомъ, а на мѣсто ихъ вложилъ высохшія кости одного покойника; мощи Евфиміи вмѣстѣ съ деревянною ракою онъ положилъ въ одномъ изъ молитвенныхъ отдѣленій въ царскихъ палатахъ (ἐν τοῖς βασιλείοις); сестры и дочери его стали только почитать ихъ (§ 4).—О сестрахъ Льва Исавріянина нѣтъ нигдѣ упоминаній, а изъ дочерей его извѣстна одна, Анна, бывшая замужемъ за Артаваздомъ и ниже названная Ἀρταβαστίνα.

Узнавъ о томъ, царь перенесъ мощи въ Вуколеонъ (ἐπὶ τὸν Βουκολέοντα) и въ Сидиру (τὴν Σιδηρᾶν) и бросилъ ихъ въ море. — Это, повидимому, значитъ, что изъ царскихъ палатъ онѣ были перенесены въ приморскій дворецъ Вуколеонъ (со статуями борющагося вола со львомъ) и затѣмъ на пристань «Желѣзную». Изъ повѣсти о Римской иконѣ, о которой рѣчь ниже, видно, что въ VIII вѣкѣ пристань эта называлась Амантіевой и только позже стала называться Сидирою.— На другой день царь собралъ селентій (σελέντιον ἀσεβὲς ποιησάμενος), въ которомъ хулилъ Евфимію и говорилъ: «идите и посмотрите на заблужденіе тѣхъ, которые говорили, что мощи Евфиміи цѣлы и невредимы». — Здѣсь разумѣется собраніе 730 года, повлекшее за собою отставку патр. Германа; о немъ говоритъ Өеофанъ (I, 408) и агіографъ Стефана Новаго (выше стр. 122). — Присутствовавшіе на селентіи отправились и нашли не мощи, а сухія кости, разбили ковчежецъ и

1) Это замѣчаніе даетъ право на предположеніе, что Константинъ Тійскій написалъ и Акты св. Евфиміи, гдѣ говорилось о пребываніи мощей около Ипподрома и о почитаніи ихъ жителями столицы.

жертвенникъ, вынули изъ престола ковчегъ, служившій жилищемъ для некрещенныхъ (!) и неграмотныхъ людей, и взвалили его на плѣнниковъ[1]); другіе вооруженные люди (ζαβαροί) и ремесленники поставили въ немъ печи и выстроили мірской домъ; на св. амвонѣ (βῆμα) совершали будто бы даже испражненія (§ 5). Не достойно было великаго императора прибѣгать къ столь грубымъ обманамъ и такъ кощунствовать надъ святынею.—Болѣе ранній свидѣтель, авторъ Житія Стефана Новаго, говоря о селентіи 730 года, ни слова не упоминаетъ о мощахъ Евфиміи; очевидно все это распространила въ IX вѣкѣ стоустая народная молва, въ которой правда была уже потеряна.—«Когда я, разсказываетъ Константинъ, видѣлъ это, я весь исполнился слезъ и стенаній и вышелъ, пораженный долготерпѣніемъ Вседержителя Бога». Когда мощи Евфиміи были брошены въ море, то, по домостроительству Божію, вышла изъ Софійской гавани (τοῦ λιμένος τῶν λεγομένων Σοφιῶν, со стороны Пропонтиды, названной такъ въ честь Софіи, супруги Юстина II, иначе называвшейся гаванью Юліана) лодка съ двумя благочестивыми братьями. Выѣхавъ немного изъ гавани, они замѣтили, что подлѣ ихъ корабля что-то брошено въ воду. Они тотчасъ вытащили, положили предметъ въ судно, думая, что везутъ мірское сокровище. Поднявъ паруса, они поплыли, чтобы выйти черезъ устье Авида (τὸ τῆς Ἀβύδου στόμιον); по открывъ немного находку, они увидѣли, что это мощи. Ночью во снѣ они увидѣли великую славу, свѣтъ, свѣчи и мужей въ блистающихъ ризахъ и славившихъ Христа. Почувствовавъ запахъ благоуханія, они убѣдились въ томъ, что это дѣйствительно мощи. Они ѣхали въ свое отечество тайно, изъ боязни передъ тиранномъ (§ 6). Достигнувъ острова Лимна (Λῆμνος, въ Егейскомъ морѣ, близь устья Геллеспонта), они испытали морскую бурю и когда вошли въ мысъ острова, они встрѣтили опасное мѣсто, гдѣ разбивались корабли, и отчаялись въ своемъ спасеніи; однако чудомъ Божіимъ они миновали бурю и вошли въ тихую пристань. Братья все доискивались, чьи это мощи они везутъ, и вскорѣ узнали тайну посредствомъ deus ex machina. На томъ островѣ (Лимнѣ) почивали мощи св. Гликеріи. Въ одну изъ ночей они увидѣли, что Гликерія вышла съ острова, а святая, мощи которой братья везли, вышла съ судна, и обѣ онѣ привѣтствовали другъ друга, причемъ

---

1) 276: τοὺς γὰρ ἀπὸ ἐθνῶν δορυαλώτους καὶ σκῦλα τῇ βασιλίδι διδομένους ἐκεῖσε ἀπεφόρτιζον.

Гликерія сказала корабельной святой: «радуйся, всеславная мученица Христова Евфимія», и удалилась. Не смотря на театральный характеръ басни, агіографъ вѣритъ изустнымъ разсказамъ и принимаетъ ихъ какъ нѣчто цѣнное, безъ всякихъ оговорокъ. Проснувшіеся братья Сергій и Сергона (Σεργωνᾶς) теперь узнали, что везутъ мощи св. Евфиміи, и воздали ей поклоненіе. Съ наступленіемъ дня они отплыли въ свое отечество; но въ разстояніи 20 миль отъ родины подулъ противный вѣтеръ, и они вернулись обратно (на Лимнъ, § 7). Черезъ нѣсколько дней они попытались опять плыть, но снова принуждены были вернуться. Это повторилось три раза. Однажды предстала имъ св. Евфимія и сказала: зачѣмъ вы хотите увезти меня отсюда туда? У меня нѣтъ желанія ни плыть далѣе, ни уходить отсюда; развѣ мнѣ не достаточно, что я переселилась изъ Халкидона въ Византію, была брошена въ море и теперь нахожусь здѣсь? — Все это, конечно, избитыя общія мѣста, которыя Константинъ отмѣчаетъ съ такою же старательностью, какъ и все остальное. — Услышавъ такія слова, братья построили молитвенный домъ и истративъ весь грузъ судна, принесли мученицѣ свое имущество, постриглись и посвятили себя на служеніе ей. Между тѣмъ «преподобнѣйшій» епископъ Лимна построилъ въ то время храмъ, куда хотѣлъ перенести ея мощи со всенощнымъ бдѣніемъ; однако ночью явилась ему во снѣ Евфимія и сказала: не приступай къ выполненію того, что ты задумалъ: въ этомъ дѣлѣ я не буду повиноваться твоему преподобію, но иди къ сестрѣ моей Гликеріи, которую я упрошу, и она сообщитъ тебѣ свою волю. Этотъ мотивъ безъ сомнѣнія приведенъ для поясненія причины, почему въ епископскомъ храмѣ почивали мощи одной Гликеріи, мощи же Евфиміи лежали въ особомъ мѣстѣ. Проснувшись, епископъ исполнилъ все, что требовалось (§ 8). Далѣе разсказывается не кстати легенда о чудѣ Евфиміи во времена четвертаго, Халкидонскаго, собора, какъ она изобличила еретиковъ, послѣ чего стала изображаться на иконахъ съ хартіею въ рукѣ (§ 9).— Болландисты справедливо назвали этотъ разсказъ баснословнымъ, ибо онъ вышелъ изъ дурно истолкованныхъ словъ собора; но авторъ наивно вѣритъ баснѣ.

Затѣмъ Сергій и Сергона умерли, вскорѣ прекратился и родъ ихъ; царь Левъ также умеръ, оставивъ преемникомъ своего сына Константина. Послѣдній причинялъ зло не только иконамъ, но и церквамъ Божіимъ, монахамъ и всѣмъ иконопочитателямъ, жегъ и оскверналъ храмы, сжигалъ мощи, уничожалъ всенощныя моленія,

иконопочитателей называлъ идолопоклонниками, изгонялъ заступничество Богоматери, свергалъ кресты, висѣвшіе на портикахъ (ἐν ἀμφόδοις), красивыхъ клириковъ выбиралъ въ евнухи, монаховъ привлекалъ на свою сторону плетьми и лестью, и становящимся иконоборцами давалъ мірскія должности; сжигалъ ризы, сосуды и иконы. Послѣ его смерти царствовалъ сынъ его Левъ, унаслѣдовавшій отцовскую ересь, но неспособный къ управленію[1]). При немъ никто не могъ свободно прославлять Бога, всѣ православные боялись и трепетали при видѣ общества прежнихъ схоларіевъ (τῶν σχολαρίων, дворцовой стражи), которые, будучи воспитаны при Константинѣ, подвергали теперь монаховъ жалкимъ казнямъ и смертямъ (§ 10). По смерти Льва τοῦ σκυθογενοῦς воцарилась супруга его Ирина и сынъ ея Константинъ. Все, что было поругано ея свекромъ и мужемъ, теперь было исправлено. Она вызвала изгнанниковъ, отправила въ ссылку разбойниковъ и схоларіевъ иконоборческихъ царей, замѣнивъ ихъ иконопочитателями и замѣстивъ мѣста ихъ въ чиноначаліи, и даровала глубокій миръ церкви. Прежде всего она построила и украсила разрушенный храмъ Евфиміи, поставила епископа во вдовствующемъ Халкидонѣ[2]), который иконоборцы хотѣли уничтожить. Мощи Евфиміи были обнаружены слѣдующимъ образомъ (§ 11). Онѣ лежали на о. Лимнѣ въ потаенномъ мѣстѣ и служили предметомъ почитанія со стороны островитянъ; слухъ о чудесахъ ихъ распространился повсюду. Тогда отъ лица тирана явился на западъ одинъ изъ вельможъ-апокрисіаріевъ (отвѣтчиковъ), прибылъ на Лимнъ и увидѣлъ громадное стеченіе народа и происходящія чудеса. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ началъ стращать собравшихся, говоря: опять почитаются кости? Тому ли цари учатъ? И устрашивъ жителей, онъ разрушилъ хижину, гдѣ лежала рака Всехвальной, и удалился. Мощи пострадали и тѣло ея попортилось. Далѣе случилось слѣдующее (§ 12). Одинъ человѣкъ прибылъ въ молитвенный домъ Евфиміи, гдѣ лежали ея мощи; послѣдній былъ выложенъ мраморомъ благодаря усердію благочестивыхъ тѣхъ моряковъ и носилъ надпись: «Мы Сергій и Сергона, плывя по Еллеспонту, подняли изъ глубины мощи Всехвальной и святой мученицы Христовой Евфиміи и по желанію ея положили ихъ здѣсь». Когда наслѣдникомъ (по преемству) этого мѣста сдѣлался слав-

1) 278: πράξεως ἀμέτοχος· οὐ γὰρ ἦν δεινός, ὡς οἱ πατέρες αὐτοῦ.
2) 280: τῇ Χαλκηδόνι ἐπίσκοπον ἐνίδρυσε (ἦν γὰρ ἕως τότε χηρεύουσα).

ный комитъ Анастасій, онъ былъ оболганъ и обруганъ нѣкоторыми лицами и изверженъ изъ должности. Немедленно онъ отправился въ Константинополь, желая возстановленія своего въ комитской должности (τὸ κομητάτον). Здѣсь онъ искалъ протекціи передъ царицею, и нѣкоторые ему сказали, что такимъ лицомъ можетъ быть митрополитъ Халкидонскій, играющій главную роль. Анастасій засталъ митрополита въ палатѣ и, поклонившись ему въ ноги, просилъ защиты. Митрополитъ отвѣтилъ, что это невозможно. Отпустивъ комита, онъ вошелъ въ метохію своей епископіи съ храмомъ Евфиміи; за нимъ послѣдовалъ и мужъ, движимый божественнымъ провидѣніемъ (§ 13). Войдя въ храмъ, комитъ помолился и сѣлъ. Клирикъ храма, служившій въ тотъ день, подошелъ къ нему и спросилъ: откуда и кто онъ? Анастасій отвѣтилъ и разсказалъ ему о своемъ несчастіи; въ свою очередь онъ спросилъ, чей храмъ этотъ? Тотъ отвѣтилъ: Всехвальной. Комитъ положилъ руку на грудь и сказалъ: Всехвальной моей? Клирикъ удивился: какъ твоей? Анастасій разсказалъ: «въ моемъ домѣ и въ моемъ молитвенномъ домѣ имѣются мощи ея». Клирикъ замѣтилъ, что царица и царь дѣлаютъ большія разысканія мощей Евфиміи и велѣли митрополиту служить литіи. Анастасій увѣрилъ клирика, что мощи Всехвальной доподлинно находятся у него. Клирикъ донесъ о томъ «преподобнѣйшему» митрополиту Андрею, который тотчасъ призвалъ комита и, удостовѣрившись въ истинѣ его словъ, возблагодарилъ Бога.—Здѣсь только мы и встрѣчаемся съ именемъ Халкидонскаго митрополита Андрея, который вступилъ на каѳедру послѣ долгаго вдовства Халкидонской церкви — за весь иконоборческій періодъ, и который пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ имп. Ирины.—Затѣмъ Андрей отправился къ патріарху Тарасію и разсказалъ ему о дѣлѣ послѣдовательно. Тарасій пошелъ къ царицѣ и сыну ея Константину, почитателю мученицы, и передалъ обо всемъ случившемся. Всѣ возблагодарили Бога; комита возстановили въ прежней должности, дали ему подарки, послали лодку и видныхъ клириковъ изъ церкви Всехвальной за ея мощами (§ 14). По прибытіи на о. Лимнъ собрались отовсюду жители и вознегодовали, не желая отдавать мощей царскимъ мужамъ. Произошло возмущеніе. Лимнскій епископъ явился посреди бунтовщиковъ и сказалъ: уступите, люди, ибо совершается не что либо безбожное, — такъ Богъ благоволилъ; избѣгнемъ царскаго гнѣва, ибо гнѣвъ царя—гнѣвъ льва. Этими словами онъ едва успокоилъ народъ, чтобы не дѣлать вреда пришед-

шимъ и комиту. Народъ все еще кричалъ, что изъ-за него выдано наше сокровище. По прибытіи въ Константинополь, весь городъ, царица и Тарасій вышли на встрѣчу съ подобающими пѣснопѣніями и положили ихъ въ храмѣ ея, гдѣ оно лежало прежде и откуда иконоборецъ-царь взялъ и бросилъ ихъ въ глубину морскую (§ 15).—Ле-Кьенъ и другіе ученые полагали, что мощи Евфиміи были перенесены съ о. Лимна въ Халкидонъ, однако ошибочно: онѣ въ 796 г. перенесены были въ Константинополь, въ храмъ Всехвальной около Ипподрома.—Лица, принесшія мощи въ Византію, расхитили ихъ: вельможи, занимавшіе первыя мѣста у Артавастины (ἀπό τε Ἀρταβαστίνης, очевидно Анны), дочерей царя и многихъ другихъ, — всѣ взяли по частицѣ; святую руку, которою она взяла свитокъ, говорятъ, положилъ патрикій Никита Мономахъ, построившій храмъ на о. Сициліи; небольшіе останки главы положили въ прежній ларецъ, и они, «какъ мы знаемъ», и доселѣ хранятся въ ковчежцѣ съ другими частицами; «полагаю, что на о. Лимнѣ также оставлены были нѣкоторыя частицы ея тѣла».—Личность патрикія Никиты Мономаха достаточно извѣстна изъ его памяти, ниже разсмотрѣнной. Онъ происходилъ изъ Пафлагоніи, приходился родственникомъ имп. Θеодорѣ и прославился святостью († ок. 837 г.). Константинъ агіографъ, могшій знать его и по времени и по мѣсту своей службы, еще не называетъ его святымъ, стало быть онъ писалъ до 837 года.—Восторгаясь величіемъ провидѣнія, авторъ замѣчаетъ: «мы же, воздавъ недостойными устами мученицѣ немногое, окончимъ наше слово» (§ 16). Слово оканчивается молитвеннымъ обращеніемъ агіографа къ Евфиміи, «защитѣ царей», «врагу варваровъ»; «помяни и меня смиреннаго и несчастнаго (δυστήνου) и пріими сіе смиренное и скромное погребальное писаніе моего дерзновенія» (§ 17).—Несчастнымъ называетъ себя Константинъ вѣроятно въ риторическомъ смыслѣ: такъ выражается и Θеодоръ Студитъ въ похвалѣ Платону[1]); другіе употребляютъ выраженіе τάλας, напр. Фотій, монахъ и пресвитеръ Іоаннъ Евбейскій[2]), авторъ житія царицы Θеофаніи[3]), авторъ житія Григорія Агригентскаго[4]), и др. писатели.

Особенно важное историческое значеніе имѣетъ любопытное житіе

1) Migne, P. gr. XCIX, 848.
2) Migne, XCVI, 1501.
3) Ed. Ed. Kurtz. S. 17.
4) Migne, P. gr. XCVIII, 552.

патр. Игнатія, составленное Никитою-Давидомъ Пафлагоняниномъ [1]). Никита первый нарушилъ общепринятый агіографическій типъ житій, единство цѣли, восхваленіе святого, задавшись двумя противоположными цѣлями — прославить одно лице и запятнать другое. Поэтому житіе это рѣзко отличается отъ всего того, что мы до сихъ поръ видѣли: отъ панегирика Игнатію авторъ переходитъ къ осужденію Фотія и заканчиваетъ житіе не перечнемъ чудесъ Игнатія, какъ мы ожидали бы, а снова возвращается на прежнюю тему: «что же Фотій?» и т. д., то-есть продолжаетъ свои нападенія на Фотія и по смерти Игнатія. Къ великому сожалѣнію, мы почти ничего не знаемъ о жизни Никиты, а тѣмъ болѣе о его связяхъ съ патр. Фотіемъ. Видно только, что нарушеніе агіографической традиціи вызвано было какою-то особенною озлобленностью Никиты противъ Фотія, даже можно сказать, что главная мысль Пафлагонянина была именно — порицаніе Фотія и только антитезою ей явилось житіе Игнатія, подъ каковымъ названіемъ трудъ и былъ выпущенъ. Уже въ XI в. историкъ Скилицій (Іоаннъ Θракисійскій), говоря объ историкахъ прежняго времени, въ томъ числѣ и о Никитѣ Пафлагонянинѣ, замѣчаетъ, что одинъ изъ нихъ разсказываетъ «съ сочувствіемъ, другой съ неодобреніемъ, третій какъ ему было приказано, разноглася другъ съ другомъ въ своемъ повѣствованіи и поселяя въ читателяхъ чувство тошноты и смущенія». Равнымъ образомъ и имп. Андроникъ Старшій говорилъ о нѣкоторыхъ писателяхъ, что они «готовы бранить каждаго встрѣчнаго и съ удовольствіемъ острятъ свои злые, язвительные и обидные языки; пусть бы что нибудь подстрекало ихъ выразить свою злость, а то безъ всякой причины: еще больше я дивился тѣмъ, которые осмѣливаются сплетать и безстыдно произносить лживыя ругательства на царей и на патріарховъ; но больше всѣхъ я дивился тѣмъ, которые свои лживыя ругательства не затрудняются излагать на бумагѣ» [2]). Какъ было уже замѣчено акад. В. Васильевскимъ, житіе Игнатія есть ничто иное какъ пасквиль на Фотія, содержащій въ себѣ рядомъ съ несомнѣнно цѣннымъ указаніемъ на лица и событія — и много злостныхъ выдумокъ, сплетенъ и клеветы [3]).

Въ предисловіи агіографъ разсуждаетъ на ту тему, что разсказывать житія святыхъ для побужденія къ добродѣтели и для передачи

1) Πάντων μὲν τῶν ἁγίων τοὺς βίους (Migne, CV. 488—574).
2) Niceph. Gregor. I. 7.
3) Виз. Врем. 1899, VI. 39 и сл.

слѣдующему поколѣнію есть дѣло прекрасное и спасительное,— особенно житія іерарховъ, прославившихся блескомъ жизни и преслѣдованіями за нравственную высоту жизни; и чѣмъ ближе они къ нашему поколѣнію, тѣмъ болѣе они должны быть воспоминаемы передъ всѣми прочими. Что очень древнее, то не особенно побуждаетъ къ подражанію, а что совершилось въ наше время, то влечетъ къ соревнованію. Поэтому сильное сердечное желаніе побудило меня начать, на основаніи истинныхъ разсказовъ (ἀληθινοῖς διηγήμασι), чуждыхъ всякаго представленія лжи, съ помощью Бога Духа Святого, слово о подвигѣ великаго іерарха столицы — Игнатія—для свѣдѣнія тѣхъ, которые не знаютъ, въ чемъ онъ состоялъ. Хотя Игнатій былъ позже другихъ святителей и жилъ передъ нашимъ поколѣніемъ (πρὸ τῆς καθ'ἡμᾶς ταύτης γενεᾶς), однако ни въ чемъ имъ не уступалъ: ни въ вѣрѣ, ни въ исповѣданіи, ни въ страданіи. Я намѣренъ точно говорить о немъ на основаніи письменныхъ и неписанныхъ свидѣтельствъ, имѣя въ виду во первыхъ живую истину, а во вторыхъ разсѣяніе долголѣтняго облака невѣжества, застилавшаго разумъ многихъ (§ 1) [1]).

Игнатій родился въ Константинополѣ, отъ отца Михаила и матери Прокопіи, благочестивыхъ царей.—По Гергенретеру (I. 355), это случилось въ 798 году.—Михаилъ былъ сынъ патрикія Θеофилакта, а Прокопія — дочь благочестиваго (εὐσεβοῦς) Никифора. Когда Никифоръ перешелъ въ царство небесное и умеръ сынъ его Ставракій, очень не долго царствовавшій, Михаилъ, какъ зять по дочери Никифора, игравшій первую роль во дворцѣ въ санѣ куропалата, занялъ престолъ по жребію Божію и по жребію всего сената. О вѣрѣ его въ Бога и добродѣтели мы предоставимъ разсказывать по частямъ историкамъ. Но не прошло и двухъ лѣтъ его царствованія, какъ онъ добровольно уступилъ престолъ Льву Армянину, сначала стратигу Анатоликовъ, потомъ главнокомандующему въ войнѣ съ Болгарами, задумавшему здѣсь возстаніе. Блаженный удалился отъ власти, мірской кичливости, междоусобныхъ войнъ и зависти, считая болѣе полезнымъ для себя и для государства (τῷ κοινῷ) добровольный уходъ и миръ. Онъ удалился изъ столицы со всѣмъ своимъ семействомъ на острова Принцевы (πρὸς τὰς Πριγκιπείους νήσους), гдѣ избралъ съ женою и дѣтьми уединенную жизнь (§ 2). По смерти его, говорятъ

1) col. 489: τὸ χρόνοις ἱκανοῖς ἤδη καταπυκνωθὲν τῆς ἀγνωσίας νέφος καὶ τὰς τῶν πολλῶν ἀμαυρῶσαν διανοίας.

(λέγουσι), у него осталось пять дѣтей: двѣ дочери, старшая Георго и самая младшая Θеофано, которыя окончили жизнь въ дѣвствѣ и монашествѣ, и три сына: Θеофилактъ, Ставракій и Никита. Первенцемъ былъ Θеофилактъ, который со Ставракіемъ были вѣнчаны на царство, но послѣдній еще совершенно юнымъ умеръ передъ удаленіемъ имп. Михаила съ престола (813 г.). Затѣмъ Θеофилактъ вмѣстѣ съ родителями (въ 813 г.) постригся и во иночествѣ принялъ имя Евстратія. Никита же, которому исполнилось 10 лѣтъ (ок. 808 г.) былъ, говорятъ (φασί), сдѣланъ дѣдомъ своимъ Никифоромъ — доместикомъ иканатовъ (τῶν λεγομένων ἱκανάτων), — должность, впервые учрежденная ради Никиты. На 14 году возраста (въ 813 г.) онъ, покинувъ дворецъ съ родителями, также постригся — съ именемъ Игнатія (§ 3). Явившись преемникомъ царскихъ дѣтей, Левъ сослалъ ихъ по островамъ каждаго особо, подъ крѣпкую стражу, лишилъ дѣтей ихъ дѣтородныхъ членовъ, осудивъ ихъ на евнушество, захватилъ власть, но воспріялъ и достойный ея конецъ. Иконоборческая ересь Льва и сына его Константина, подавленная на седьмомъ вселенскомъ соборѣ, возродилась при этомъ Львѣ, который свергъ съ престола патріарха Никифора послѣ 9-тилѣтняго его управленія каѳедрою и сослалъ на правую сторону Стена въ одинъ монастырь, гдѣ патріархъ и умеръ на 17-мъ году. На мѣсто его Левъ поставилъ нѣкоего Θеодота, чиновника (493 ἐν πολιτικοῖς ἀξιώμασιν), человѣка совсѣмъ свѣтскаго какъ по характеру, такъ и по дѣламъ, и необразованнаго, но такого, который могъ быть ревностнымъ иконоборцемъ. Императоръ постригъ его въ клирики и затѣмъ возвелъ на каѳедру столицы. Черезъ семь лѣтъ своего жестокаго царствованія Левъ, подобно псу, былъ изрубленъ мечами въ алтарѣ Фарскаго, во дворцѣ, храма Богородицы[1]). Михаилъ Пселлъ (ὃν καὶ ψελλόν φασι), доместикъ экскувитовъ, заподозрѣнный въ покушеніи и взятый подъ стражу своими товарищами, вошедшими тайно во дворецъ подъ видомъ клириковъ и убившими царя, былъ провозглашенъ императоромъ. Михаилъ велѣлъ увезти тѣло Льва въ мѣшкѣ на о. Протъ (εἰς τὴν Πρώτην) и тамъ похоронить его, а сыновей его сдѣлать евнухами и постричь въ монахи (§ 4). Михаилъ Аморіанъ, по ереси савватіанъ, правилъ царствомъ $9\frac{1}{2}$ лѣтъ, но не заботился о православіи, напротивъ употреблялъ насиліе надъ иконопочитателями. По смерти

1) 493: ἐν μέσοις τοῖς ἀδύτοις τοῦ ναοῦ τῆς θεομήτορος, ὃν δὴ Φάρον ἐν τῷ παλατίῳ φασί.

Θеодота Касситеры (τοῦ Κασσιτερᾶ), онъ сдѣлалъ патріархомъ бывшаго митрополита Пергскаго Антонія Вирсодепса (ὁ Βυρσοδέψης), иконоборца (съ 821 г., § 5). Послѣ Михаила царствовалъ сынъ его Θеофилъ 13 лѣтъ (829—842); «и былъ онъ во всемъ другомъ, какъ говорятъ (ὥς φασιν), не дуренъ и руководствовался справедливостью [1])»; но въ посрамленіи надъ иконами и въ преслѣдованіи православныхъ онъ не уступалъ, такъ сказать, ни одному изъ своихъ предшественниковъ-гонителей, и это, полагаютъ, по внушенію особенно Іоанна, котораго Θеофилъ послѣ Антонія возвелъ на патріаршій престолъ (съ 834 г., § 6). Тридцать лѣтъ (813—842) продолжались безчисленныя опасности, смерти и страданія иконопочитателей. Въ это время Никита-Давидъ проходилъ монашеское житіе (Никита Пафлагонянинъ забылъ при этомъ сказать: въ монастырѣ Сатира), изучилъ Ветхій и Новый Завѣтъ, творенія отцевъ церкви. Далѣе слѣдуетъ общая характеристика его подвижничества. По смерти своего отца и своего наставника онъ явился попечителемъ братіи, добрымъ пастыремъ и руководителемъ паствы, которая увеличилась настолько, что не могла помѣститься въ одномъ монастырѣ: Игнатій построилъ четыре монастыря и каждый изъ нихъ снабдилъ необходимою принадлежностію; монахи учились у него все дѣлать во славу Божію (§ 7).

Принцевы (Πριγκίπειοι) острова: Плата (Πλάτη), Іатръ (Ὑάτρος) и Теревинθъ, населенные стараніями Игнатія, обратились въ церкви и монастыри. Противъ нихъ на берегу материка онъ въ концѣ своей жизни поставилъ монастырь архангела Михаила (ἡ τοῦ μεγάλου ταξιάρχου μονή), который всячески украсилъ. Затѣмъ онъ былъ удостоенъ священства: отъ руки Василія, епископа Парійскаго, страдальца за иконопочитаніе, онъ былъ поставленъ сначала въ чтецы или глашатаи св. Писанія, потомъ въ иподіаконы, діаконы и наконецъ іерея — по чину и закону духовнаго наслѣдованія. Въ санѣ священника онъ крестилъ безчисленное множество дѣтей: почти всѣ иконопочитатели Византіи, а равно и жители Вюнискаго района приводили къ нему своихъ дѣтей для крещенія, и онъ каждаго человѣка убѣждалъ хранить православную вѣру и отвращаться отъ иконоборческой ереси (§ 8). Тогда тяжелая буря волновала церковь и іереевъ-иконопочитателей; тихой пристанью для всѣхъ былъ Игнатій и его домъ: страдальцы, изгнанники, голодающіе находили помощь у Игнатія, его матери

1) ἦν τἆλλα μέν, ὥς φασιν, οὐ κακός, καὶ δικαιοκρισίας ἀντεχόμενος.

Прокопіи и его сестры, которыя раздавали свои богатства. Казалось, благодать священноначалія почивала на Игнатіи, такъ что, по разсказамъ (ὡς λόγος), Ѳеофанъ, строитель монастыря Сигріанскаго, когда посѣтилъ его еще совершенно молодымъ Игнатій, возложилъ на него руку и благословилъ его патріархомъ (§ 9). По смерти Ѳеофила, когда вступила на престолъ Ѳеодора (въ малолѣтство своего сына Михаила), иконоборчество прекратилось. Іоаннъ или Яннъ (Ἰαννής), прозванный Леканомантисомъ, виновникъ Ѳеофилова заблужденія, былъ низведенъ съ патріаршаго престола и замѣненъ Меѳодіемъ, много перенесшимъ за исповѣданіе иконопочитанія: онъ былъ сдѣланъ патріархомъ Константинопольскимъ «по жребію Божію и царицы», отставилъ приверженцевъ ереси и обновилъ церковь. Какъ при Тарасіи и Иринѣ еретики осудили свою ересь, но потомъ снова къ ней вернулись и были осуждены патр. Никифоромъ, такъ и теперь они были осуждены Меѳодіемъ, подъ вліяніемъ Іоанникія. Черезъ четыре года Меѳодій скончался (842 — 846). Выборъ преемника ему падалъ на многихъ, но избранъ былъ пресвитеръ Игнатій «дѣйствіемъ св. Духа и содѣйствіемъ и жребіемъ архіереевъ», по пророческому вѣщанію Іоанникія. — По Гергенретеру (I. 355), избраніе его было 4 іюля 846 года.

Онъ мужественно противостоялъ грѣху, хотѣлъ быть свободнымъ, властвовать надъ вельможами и обличать погрѣшающаго; всѣ его боялись и не было при немъ слышно ни о прелюбодѣйствахъ, ни о другихъ нечистыхъ вещахъ; онъ смѣло относился какъ къ вельможамъ, такъ и къ самимъ царямъ (§ 10). Послѣ такого предисловія агіографъ переходитъ къ личности Ѳеодорина брата Варды. Послѣдній рисуется «не добрымъ, очень горькимъ и безчеловѣчнымъ», дѣятельнымъ въ государственныхъ дѣлахъ, но дурнымъ въ церковныхъ; онъ, говорятъ (φασίν), воспылалъ такою страстью къ своей невѣсткѣ (νύμφῃ), что это сдѣлалось извѣстнымъ по всему городу. Высокій санъ Варды не смутилъ Игнатія. Патріархъ обличилъ его, подвергъ епитиміи и убѣждалъ его пощадить свою душу; но Варда не только не отказался отъ зла, но въ праздникъ Богоявленія безстыдно пришелъ въ храмъ съ намѣреніемъ пріобщиться св. Таинъ. Игнатій отлучилъ его отъ общенія, какъ недостойнаго такого воспріятія. Варда разсердился и пригрозилъ патріарху собственнымъ мечомъ; Игнатій возразилъ, что мечъ его направится противъ его же самого. Таково начало соблазна, таковъ первый поводъ церковнаго нестроенія. Варда всячески старался обвинить патріарха

передъ царемъ. Состоя въ санѣ патрикія и доместика школъ, онъ, какъ дядя Михаила, перенесъ на себя всю его власть и однажды сказалъ мальчику: зачѣмъ, владыко, ты уступаешь царство своей матери и сестрамъ? неужели ты все еще ребенокъ? не совершенъ возрастомъ? но вотъ ты уже женатъ и считаешься мужчиною: нужно тебѣ показать и разумъ мужчины: пригласи патріарха и вели постричь свою мать и сестеръ; Богу и всѣмъ намъ достаточно, чтобы царствовалъ ты одинъ и твои будущія дѣти. Михаилъ немедленно вызвалъ Игнатія и велѣлъ ему постричь Θеодору съ ея дочерьми. Патріархъ воспротивился, говоря, что онъ при вступленіи на каѳедру далъ письменную клятву не дѣлать никакого заговора противъ имперіи. Варда обвинилъ Игнатія и въ присутствіи царя поносилъ Гивовасилевта (Γηβοβασίλευτον): Гивонъ (Γήβων) былъ глупый человѣкъ, съ безпорядочными мыслями, прибывшій недавно изъ Диррахія въ видѣ клирика, распускавшій нелѣпый слухъ, что онъ сынъ царицы Θеодоры отъ другого мужа, заручившійся расположеніемъ толпы, которая предвѣщала ему царство, и посаженный въ тюрьму на о. Оксіи (Ὀξεία). Игнатій, внушивъ подозрѣніе царю, вернулся въ церковь; а Михаилъ велѣлъ отвести свою мать и сестеръ въ Каріанскій монастырь (ἐν τοῖς Καριανοῦ λεγομένοις), гдѣ и постричь ихъ. Вскорѣ (μετὰ μικρὸν) онъ изгналъ съ патріаршества Игнатія и сослалъ его на о. Теревинѳъ и въ тотъ же день перевелъ Гивона съ Оксіи на Принкипо, отрубилъ ему руки, выкололъ глаза и умертвилъ, полагая, что этимъ путемъ онъ отомститъ патріарху.—Сверженіе патр. Игнатія, какъ увидимъ ниже, произошло 23 ноября 857 года.—Не прошло и трехъ дней, какъ къ царю явились толпы епископовъ съ просьбою (λίβελλος) объ отставкѣ, мотивируя свой отказъ совершеннымъ зломъ, тѣмъ, что ихъ пастырь удаленъ неканонически; однако отставка ихъ не была принята. Вскорѣ (μετ᾿ ὀλίγας ἡμέρας) патрикіи и болѣе видные изъ судей съ епископами всячески принуждали патріарха письменно отказаться отъ престола, дабы не навлечь на себя большей опасности. Однако Игнатій остался непреклоненъ; тогда они съ непокрытою головою, по разсказамъ (κατὰ τὸ ᾀδόμενον), и безстыднымъ лицомъ приступили ко всякимъ несправедливостямъ: изъ себялюбія, сребролюбія, страсти къ удовольствіямъ и любоначалію они продали себя и несправедливостями, клятвопреступленіемъ, крестопопраніемъ и злодѣйствами смутили церковное благостояніе (§ 11). Но пшеница очищается отъ шелухи и праведный очищается въ огнѣ бѣдъ, какъ золото въ горнилѣ (§ 12). Посмотримъ,

что случилось съ Игнатіемъ, что противъ него затѣвалось; «я знаю, что не возможно изложить всего детально (κατὰ μέρος), по моимъ силамъ я коснусь главнаго (τοῖς κυριωτέροις) и постараюсь не опустить ничего, достойнаго примѣчанія» (§ 13).

Когда приближенные къ царю (οἱ παρὰ τοῦ βασιλέως) не могли склонить Игнатія къ тому, чего они желали, они избираютъ въ архіереи столицы протоспаѳарія и протаспкрита Фотія. Это былъ очень знатный и именитый человѣкъ, славный по природѣ и знаменитый, считавшійся передъ всѣми самымъ виднымъ по свѣтской мудрости и разумѣнію дѣлъ государственныхъ; въ немъ былъ избытокъ грамматическаго знанія, поэзіи, риторики, философіи, медицины и едва ли не всякаго свѣтскаго знанія, такъ что онъ могъ поспорить и съ древними; въ немъ сочетались и способность природная и рвеніе и богатство, путемъ котораго онъ пріобрѣталъ каждую книгу; но больше всего имъ руководила любовь къ славѣ, ради которой онъ проводилъ въ занятіяхъ безсонныя ночи. Когда ему нужно было вступить въ самую церковь (о, если бы этого не было! ὡς μὴ ὤφελεν), онъ предался чтенію книгъ не на досугѣ (οὐ κατὰ πάρεργον). Если выразиться словами Григорія Богослова, онъ не зналъ невѣдѣнія, не достойнаго его мудрости; онъ не хотѣлъ обращать вниманія на изреченіе «если кто хочетъ быть мудрымъ, пусть будетъ глупымъ», онъ не желалъ избрать пути смиренномудрія, черезъ которое дается великая благодать Божія и истинная мудрость; онъ утвердилъ свое сердце и умъ на хрупкомъ и песчаномъ основаніи — на свѣтской мудрости и на гордынѣ слова, развитаго не для Христа, поддавался тщетнымъ похваламъ людей, обнаружилъ гордыню противъ Бога и этимъ совершилъ всякое злодѣяніе и соблазнъ; посему и конецъ его былъ послѣдователенъ его началу; онъ не отказался отъ церкви, беззаконно переданной ему мірскими начальниками, и не убоялся прелюбодѣйно сочетаться съ женою другого мужа, — наоборотъ, онъ сдѣлалъ это съ радостію и безстыдствомъ.—Агіографъ умалчиваетъ о томъ, что Фотій отказывался отъ престола, — это засвидѣтельствовано письмами его къ папѣ Николаю и къ Вардѣ. Гергенретеръ (I. 378) говоритъ, что принужденіе его къ патріаршеству не было абсолютнымъ и физическимъ, и Фотій уступилъ своему честолюбію; «кажется, все было точно разсчитано». Однако сомнѣваться въ искренности показанія Фотія нѣтъ причинъ: подобно Василію Великому, Григорію Богослову, Іоанну Златоустому, патр. Тарасію и многимъ другимъ святителямъ, онъ сознавалъ труд-

ность своего будущаго положенія и особенно въ дѣлѣ съ Игнатіемъ. «Дѣйствительно, говоритъ одинъ историкъ, Фотій не показалъ при этомъ геройства добродѣтели». Но принимая въ расчетъ формулу того времени, что, повинуясь существующей власти, отнюдь не слѣдуетъ разсуждать, справедливо, или нѣтъ то, что требуется властію: за несправедливость будетъ отвѣчать имѣющій власть, а не тотъ, кто по неволѣ исполняетъ ея приказанія, — принимая во вниманіе и другія господствовавшія тогда понятія, особенно оправданіе знаменитой *οἰκονομία* (приспособленія къ обстоятельствамъ), къ которой прибѣгали патр. Тарасій и Никифоръ, мы можемъ если не оправдать, то объяснить поступокъ Фотія.—Въ шесть дней онъ вступилъ на желанную каѳедру; и надо было видѣть, по пословицѣ, скороспѣшно выдуманнаго святого: въ первый день монахъ вмѣсто мірянина, во второй чтецъ, на слѣдующій иподіаконъ, далѣе діаконъ, потомъ пресвитеръ, наконецъ на шестой день, въ Рождество Христово (25 декабря 857 г.), онъ вступилъ на іерархическій престолъ, провозгласилъ миръ народу, нисколько не помышляя, достоинъ ли онъ истиннаго мира (§ 14).

Руководителемъ и исполнителемъ во всемъ у Фотія былъ Григорій Асвеста (ὁ Ἀσβεστᾶς), бывшій, какъ говорили (ἔφασαν), нѣкогда епископомъ Сиракузскимъ, обвиненный въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ въ Византіи и уже изверженный римскою церковью (τῆς τῶν Ῥωμαίων ἐκκλησίας) за антиканоническія дѣянія. Игнатій, когда долженъ былъ быть посвященъ (въ патріарха) въ первый разъ (въ 847 г.), чтобы Григорій не присутствовалъ при его хиротоніи, послалъ его (куда-то), чтобы на досугѣ, говорятъ (φησιν), разузнать о его дѣяніяхъ точнѣе. Это сдѣлалъ патріархъ на первыхъ порахъ. Хотя многіе думали: поступилъ онъ не хорошо, однако, — справедливо (§ 15). Вслѣдствіе этого какой шумъ поднялся, какая темь! Кто изобразитъ малымъ словомъ самолюбіе, гнѣвъ и коварство расторопнаго оного сицилійца? Узнавъ объ этомъ, онъ не отнесся къ извѣстію философски, не скрылъ своего стыда какъ человѣкъ разсудительный, но бросилъ изъ рукъ своихъ свѣчи, бывшія при хиротоніи, велъ себя безстыдно, передъ всею церковью до крайности ругалъ невиннаго и въ ярости утверждалъ, что въ церковь вторгся волкъ вмѣсто пастыря. За нимъ послѣдовали Петръ, епископъ Сардійскій (ὁ Σαρδέων), прозванный Жалкимъ (Δείλαιος), Евламиій Апамійскій и нѣкоторые другіе изъ незначительныхъ (невидныхъ) клириковъ, которые неразумно отдѣлились отъ церкви

(§ 16).—Письмо папы Николая кромѣ Петра и Евламнія называетъ еще другого Петра, но точнѣе его не опредѣляетъ.—Въ теченіи цѣлыхъ 11 лѣтъ (ἐν ὅλοις ἕνδεκα χρόνοις) своего перваго патріаршества (847—858) Игнатій всячески старался—и убѣжденіемъ и подкупомъ (δωρεῶν) — потушить зло Асвесты, но безполезно. Григорій обходилъ всѣ дома вельможъ, всуе ругалъ Игнатія, доказывая, что Игнатій не достоинъ даже называться христіаниномъ; со стороны Фотія и его сторонниковъ (συγγενεῖς) онъ почитался выше всего и считался нѣкіимъ великимъ человѣкомъ Божіимъ. Имъ первымъ Фотій былъ хиротонисанъ и изъ вѣры къ нему обратилъ все свое неистовство противъ невиннаго (Игнатія): какъ будто онъ для того былъ избранъ въ патріархи, чтобы наказать невиннаго, и дѣйствовалъ такъ, что, казалось, хотѣлъ лишить его не только іерейства, но и самой жизни, хотя онъ потребовалъ отъ принявшихъ его сначала митрополитовъ рукописанія, что будетъ воздавать Игнатію отеческое почтеніе, дѣлать все по его желанію и ни чѣмъ его не огорчать. Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ со времени его хиротоніи, какъ онъ самъ нарушилъ клятву, сначала заключивъ клириковъ, особенно близкихъ къ патр. Игнатію, и подвергнувъ ихъ насильственнымъ пыткамъ и бичамъ; потомъ онъ сталъ льстить, подкупать и обѣщать, требовать рукописанія и всячески старался возвести обвиненіе на Игнатія, будто онъ тайно замышляетъ государственный переворотъ. Немедленно отправились въ Теревинѳъ жестокіе начальники и дерзкіе воины, произвели разслѣдованіе, но, не найдя состава преступленія, воспользовались чистою несправедливостью. Они перевезли его съ его сторонниками на Іерію (πρὸς τὴν Ἱέρειαν) и одѣли его связаннаго въ козлиную рясу, затѣмъ перевели въ Промитову мѣстность (πρὸς τὰ Προμήτου λεγόμενα), гдѣ оный Левъ Лалаконъ (ὁ Λαλάκων), доместикъ воинскихъ отрядовъ (τῶν Νουμέρων) такъ билъ его по щекамъ, что вышибъ у старца два зуба; потомъ заковали ноги его въ кандалы, подобно разбойнику, бросили въ тюрьму, оставили для службы ему двухъ мальчиковъ и удалились. Всѣ эти терзанія клонились къ тому, чтобы Игнатій далъ имъ запись объ отреченіи (λίβελλος ἀποταγῆς), о добровольномъ уходѣ съ престола. Игнатій, видя волка, вторгшагося въ паству, на сколько могъ, воздвигъ нашествіе. Черезъ нѣсколько дней Игнатій былъ переведенъ въ Нумеры (εἰς τὰ Νούμερα) и заключенъ въ кандалы; затѣмъ, съ наступленіемъ августа, его на суднѣ перевезли въ Митилину. Всѣхъ заподозрѣнныхъ слугъ и друзей его подвергали пыткамъ и, въ луч-

шемъ случаѣ, изгоняли изъ города; хартофилаксу Власію за его смѣлость за истину отрѣзали языкъ. Когда Игнатій жилъ въ Митилинѣ, Фотій собралъ на него «церковь лукавнующихъ» и, прибывъ въ храмъ Апостоловъ, возвѣщаетъ изверженіе отсутствующаго Игнатія: анаѳематствуетъ и провозглашаетъ его, будучи самъ и обвинителемъ и судьею. И кто соглашался съ этимъ незаконнымъ дѣяніемъ и подписывался, того Фотій приближалъ къ себѣ въ число первыхъ сослужителей; лицъ, не сочувствовавшихъ этимъ безразсудствамъ, онъ ввергалъ въ Преторій и тюрьмы. Многіе негодовали и заявляли объ этихъ противозаконностяхъ Фотія, но послѣдній, обличаемый собственными дѣлами, задумалъ мысль болѣе злую, нежели умную: онъ думаетъ, что зло излѣчивается не добромъ, а зломъ, и къ меньшему злу присоединяетъ большее (§ 17). Онъ задумалъ послать посольство въ Старый Римъ и потребовать отъ папы Николая намѣстниковъ, подъ предлогомъ исправленія церкви или для окончательнаго истребленія иконоборческой ереси, а на самомъ дѣлѣ, чтобы рукою римлянъ (τῶν Ῥωμαίων) совершить болѣе торжественное изверженіе Игнатія. Онъ отправилъ Ѳеофила еп. Аморійскаго и Самуила еп. Хонскаго, находившагося дотолѣ подъ вѣдѣніемъ Лаодикіи, но теперь произведеннаго имъ въ санъ архіепископа; «благородный» рѣшился писать папѣ ложь, будто Игнатій отказался отъ престола по старости, болѣзни и тѣлесной немощи и удалился отъ церкви, поселился на своемъ островѣ и въ своемъ монастырѣ и служитъ предметомъ почитанія со стороны царей, всей столицы и своей церкви. Папа принялъ посольство, но, не зная истины дѣлъ, отправилъ двухъ намѣстниковъ - епископовъ Захарію и Родоальда (§ 18). Между тѣмъ Игнатій провелъ въ изгнаніи въ Митилинѣ шесть мѣсяцевъ, послѣ чего по волѣ царей былъ возстановленъ на о. Теревинѳѣ — не для славы, а для безчестія. Трудно описать, какія огорченія причинялъ ему друнгарій царскаго флота Никита Орифа (ὁ Ὠρύφας), любимецъ Фотія и царей.

Но случилась со святымъ и другая бѣда. «Въ то время убійственнѣйшій народъ скиѳскій, Русь, прибывъ въ Стенъ по Евксинскому Понту и разграбивъ всѣ мѣстечки и всѣ монастыри, стеклись разрушая всѣ принадлежности и имущества населенныхъ островковъ Византіи и убивая всѣхъ захваченныхъ людей. Къ тому же они, набросившись варварскимъ натискомъ и яростью, уничтожили все имущество, находившееся въ монастыряхъ патріарха, захватили 22 ближайшихъ его

слугъ и умертвили ихъ топорами на кормѣ судна[1]). Игнатій, узнавъ о томъ, постоянно говорилъ одно: «Господь далъ, Господь взялъ; какъ Господу угодно было, такъ и стало». Въ постоянной молитвѣ онъ чаялъ суда и помощи отъ Бога, — спасеніе отъ царей онъ считалъ тщетнымъ. Слышавшіе о бѣдствіяхъ Игнатія (будто бы) жалѣли, что онъ не былъ взятъ варварами и не убитъ собственными отроками. Вскорѣ потомъ (οὐ πολὺ τὸ ἐν μέσῳ) состоялись собранія и совѣты начальниковъ и архіереевъ противъ невиннаго. Игнатій жилъ въ мѣстности Позейской (εἰς τὰ Ποσέως) и наблюдалъ за кознями противъ себя; а Фотій, принявъ свою церковь (τὴν κατ' αὐτὸν ἐκκλησίαν) и намѣстниковъ, прибывшихъ изъ Рима, прибылъ въ храмъ Апостоловъ. Здѣсь находились на лицо цари, всѣ начальники и почти вся столица. Сначала выбрали апокрисіаріями къ Игнатію препосита Ваана Ангориса (ὁ Ἀγγορής) и другихъ изъ маловажныхъ ромеевъ. Послы явились къ изгнаннику со словами: великій и священный соборъ приглашаетъ тебя къ себѣ: иди скорѣе защищаться противъ справедливо, или несправедливо говоримаго о тебѣ. Игнатій отвѣтилъ: скажите пожалуйста, какъ я поѣду? какъ епископъ, іерей, или служитель? Не зная, что сказать, тѣ отвѣтили: а вотъ мы пойдемъ къ пославшимъ насъ и принесемъ тебѣ точный отвѣтъ. На другой день они возвратились и сообщили: намѣстники Стараго Рима, Родоальдъ и Захарія, черезъ насъ недостойныхъ объявляютъ слѣдующее: поспѣши на святой вселенскій соборъ, какъ говоритъ тебѣ твоя совѣсть. Тогда Игнатій одѣлся въ архіерейскія ризы и вмѣстѣ съ епископами, пресвитерами и съ большой толпой монаховъ и міряпъ отправился на соборъ пѣшкомъ. Вблизи храма Григорія Богослова, гдѣ посреди площади стоитъ крестъ на мраморной колоннѣ[2]), патрикій Іоаннъ Коксисъ (ὁ Κόξης) встрѣтилъ его со словами, что онъ посланъ отъ царя, и пригрозилъ, что если онъ явится не въ простой монашеской рясѣ, то ему предстоитъ смерть. Игнатій перемѣнилъ ризы и былъ представленъ въ

---

1) col. 516: κατ' ἐκεῖνον γὰρ τὸν καιρὸν τὸ μιαιφονώτατον τῶν Σκυθῶν ἔθνος, οἱ λεγόμενοι Ῥῶς, διὰ τοῦ Εὐξείνου πόντου προσκεχωρηκότες τῷ Στενῷ καὶ πάντα μὲν χωρία, πάντα δὲ μοναστήρια διηρπακότες, ἔτι δὴ καὶ τῶν τοῦ Βυζαντίου περιοικίδων κατέδραμον νησίων, σκεύη μὲν πάντα ληϊζόμενοι καὶ χρήματα, ἀνθρώπους δὲ τοὺς ἁλόντας πάντας ἀποκτείνοντες· πρὸς οἷς καὶ τῶν τοῦ πατριάρχου μοναστηρίων βαρβαρικῷ καταδραμόντες ὁρμήματι καὶ θυμῷ, πᾶσαν μὲν εὑρεθεῖσαν κτῆσιν ἀφείλοντο, εἴκοσι δὲ καὶ δύο τῶν γνησιωτέρων αὐτοῦ κεκρατηκότες οἰκετῶν, ἐφ' ἑνὶ τροχαντῆρι πλοίου τοὺς πάντας ἀξίναις κατεμέλισαν.

2) col. 517: πλησίον δὲ τοῦ ναοῦ Γρηγορίου τοῦ θεολόγου, ὅπου σταυρὸς ἐν μαρμαρίνῳ κίονι κατὰ μέσον ἀνεστήλωται τῆς λεωφόρου.

собраніе. Явилось 72 лжесвидѣтеля, съ давняго времени всѣ извѣстные безбожники, обыкновенные и сенаторскаго сословія, во главѣ которыхъ стоялъ патрикій Левъ Критскій (ὁ Κρητικός) и за нимъ патрикій Θеодотакій, получившій санъ магистра за свое клятвопреступленіе. Потомъ собрали остальныхъ изъ каждаго сословія и даже изъ такъ называемыхъ двоекрещенцевъ (ἀπὸ τῶν λεγομένων διβαπτιστῶν), которыхъ подкупили деньгами и чинами; приводили ихъ каждаго въ отдѣльности, и они клялись, что «Игнатій, почти 12-й годъ архіерействовавшій, правилъ церковью, будучи хиротонисанъ не по жребію» (ἀψηφίστως); ссылались на 30-й канонъ: «если какой епископъ, воспользовавшись мірскими начальниками, черезъ нихъ овладѣетъ церковью, да извержется», но умолчали о дальнѣйшихъ словахъ: «и всѣ имѣющіе съ нимъ общеніе». На это и обратилъ вниманіе Игнатій. Агіографъ замѣчаетъ при этомъ: «кто не знаетъ, что Игнатій избранъ канонически и законно, жребіемъ всѣхъ вмѣстѣ архіереевъ и съ согласія всей церкви, а самъ Фотій, воспользовавшись содѣйствіемъ дѣльца Варды и мірскими начальниками, достигъ престола не канонически и тираннически болѣе, нежели церковнымъ путемъ; но не знали подкупленные, въ какихъ козняхъ они обличаются» (§ 19). Послѣ словеснаго диспута, вопреки всякому закону справедливости, Игнатія нарядили въ грубыя ризы и сняли сзади одѣяніе архіерейское. При этомъ находился иподіаконъ Прокопій, человѣкъ почти безсловесный и развращенной жизни, котораго патріархъ за это прежде извергъ изъ степени; онъ первый, сорвавъ омофоръ и остальныя ризы, провозгласилъ: ἀνάξιος. Захарія и Родоальдъ и нѣкоторые другіе повторили тоже самое. Ихъ всѣхъ вскорѣ постигло возмездіе: серпъ прор. Захаріи справедливо умертвилъ ихъ. Фотій въ своей ярости противъ невиннаго обнаружилъ ярость противъ всей вселенной и отрекся отъ мирнаго пастыря Іисуса. Не было никого, кто бы не порицалъ этого суда. Даже сторонники Фотія и его друзья стенали при видѣ происходящаго и предрекали, что несправедливость эта падетъ на голову самого судьи. Но Фотій не стѣснялся: къ зависти присоединяя зависть и къ злу зло, онъ всячески старался не только погубить, но, что еще хуже, умертвить его, какъ достойнаго смерти. Осужденнаго Игнатія передали лютѣйшимъ людямъ для наказанія, пока онъ собственноручно не подпишетъ своего изверженія. Его били, въ сильный холодъ выводили въ одномъ хитонѣ, распинали, жгли, двѣ недѣли держали подъ стражею и морили голодомъ, принуждали спускаться въ могилу

Копронима, привязывали къ ногамъ его камни и прижимали его остріемъ мрамора. Всевозможныя насмѣшки словами и дѣлами чинили надъ нимъ беззаконные сыны: Мороѳеодоръ оный, Іоаннъ Горгонитъ (ὁ Γοργονίτης) и Николай Ѳеодуловъ Скутелопси (ὁ Σκουτελόψις, § 20). Послѣ всѣхъ этихъ терзаній его растягивали на мраморѣ въ видѣ креста, били и обагрили землю его кровію. Игнатій едва дышалъ и къ тому же страдалъ разстройствомъ желудка. Мороѳеодоръ насильно взялъ его за руку, подставилъ хартію, чтобы онъ на ней начерталъ крестъ, и передалъ ее Фотію. Послѣдній, взявъ крестъ, подписалъ «Игнатій, недостойный Константинопольскій исповѣдую, что я вошелъ не по жребію и сіи годы правилъ церковью не свято, но тиранствовалъ». Подпись эта была послана царю; Игнатій былъ выпущенъ на свободу и удалился въ домъ своей матери въ Посеи (τὰ Ποσέως), гдѣ сталъ поправляться. Между тѣмъ цари рѣшили вновь призвать его въ храмъ Апостоловъ, выслушать отъ него о его изверженіи и о собственномъ анаѳематствованіи, послѣ чего хотѣли выколоть ему глаза и отрубить руку. Насталъ день Пятидесятницы, и вотъ толпа вооруженныхъ солдатъ неожиданно окружила его домъ. Игнатій рѣшилъ, что они намѣреваются убить его; одѣлся въ убогую ризу міряпина, повѣсилъ на плечи двѣ корзины и вышелъ подобно какому нибудь носильщику, скрывшись ночью отъ стражи. Вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Кипріаномъ онъ черезъ портикъ направился въ мѣстность Сивантскую (ἐπὶ τὸ Συβαίτικον). Дорогою ему предсталъ благолѣпный мужъ съ гладко причесанными волосами на головѣ, въ бѣлыхъ ризахъ и на бѣломъ конѣ, ѣхавшій по направленію къ Влахернамъ; онъ произнесъ: «Богъ и пресв. Богородица да сохранитъ тебя и твоихъ спутниковъ, священный владыко, въ безопасности». Игнатій въ жалкомъ образѣ сѣлъ въ судно и отправился на Принцевы острова, потомъ на Приконисскіе, Пропонтидскіе, переѣзжалъ съ одного острова на другой, блуждалъ по пустынямъ, скрывался въ горахъ и пещерахъ. Фотій, ошибшись въ добычѣ, обыскалъ всѣ монастыри, всю столицу и окрестности, но не могъ отыскать его; тогда онъ по царскому повелѣнію отправилъ Орифу съ 6-ю кораблями по всѣмъ островамъ и побережьямъ схватить Игнатія и умертвить его, какъ возмутителя всей имперіи (ὡς ὅλην ἀνατρέποντα τὴν βασιλείαν). Часто охотники нападали на Игнатія, но не узнавали его въ рабскомъ одѣяніи; иногда онъ проходилъ мимо нихъ, но они его не видѣли, какъ Ассиріяне Елисея, и возвращались ни съ чѣмъ (§ 21).

Съ наступленіемъ августа столица подверглась страшнымъ землетрясеніямъ. Люди въ страхѣ видѣли одну причину несчастія—въ несправедливости по отношенію къ Игнатію. Землетрясеніе длилось 40 дней съ такою силою, что сами цари всенародно поклялись, что Игнатій можетъ безбоязненно вернуться въ свой монастырь. Когда узналъ объ этомъ Игнатій, онъ открылся патрикію Петронѣ, дядѣ императора по матери, который вручилъ патріарху ладонку царя. Игнатій, надѣвъ ее на шею, явился къ Вардѣ. Послѣдній спросилъ: зачѣмъ ты вѣчно блуждаешь изъ одной страны въ другую? И въ отвѣтъ услышалъ евангельское слово. Варда отослалъ его обратно въ монастырь. Землетрясеніе прекратилось. Тогда Болгары, Божіимъ смотрѣніемъ, изнуренные голодомъ, подкупленные царемъ [1]), сложили оружіе и приняли крещеніе (§ 22),—совершенно лишняя подробность, вкравшаяся въ житіе.

Тогда подкупленные (δωροδοκηθέντες) Фотіемъ намѣстники Рима возвратились въ Римъ. Папа Николай разспросилъ ихъ въ точности о патріархѣ Игнатіи и, уличивъ ихъ ихъ же словами, назвалъ ихъ предсѣдателями разбойническаго, а не каноническаго собора, извергъ и предалъ ихъ анаѳемѣ; а равно и самого Фотія назвалъ тиранномъ и прелюбодѣемъ, извергъ и анаѳематствовалъ его на каноническомъ соборѣ, жребіемъ всей своей церкви, объявивъ, что онъ не отличается отъ Максима Киника, оскорбителя Григорія Богослова, смутителя церкви. Поэтому онъ и осудилъ его, какъ причину соблазновъ, и рукоположенныхъ имъ, какъ его единомышленниковъ и сообщниковъ Фотія, и письменно отлучилъ самого императора и все его государство; послѣ чего онъ приговоръ свой сообщилъ патріархамъ Востока (§ 23).

Въ тѣ дни случился пожаръ во св. Софіи, но это бѣдствіе не образумило поступающихъ несправедливо, напротивъ (§ 24).

Между тѣмъ Варда, забравъ въ свои руки ромейскую власть, былъ провозглашенъ сначала куропалатомъ, а вскорѣ (μετὰ μικρὸν) и кесаремъ; онъ злоупотреблялъ добротою (εὐήθεια) племянника и являлся поклонникомъ всякой невоздержности и сластолюбія. Михаилъ, развративъ умъ юношескими страстями, осмѣивалъ все божественное, выбиралъ въ свою среду жалкихъ человѣчковъ, лишенныхъ св. Духа и исполненныхъ противнаго духа; жалкій, онъ рукополагалъ въ подра-

1) col. 525: τοῖς δώροις τοῦ αὐτοκράτορος θελχθέντες.

жаніе церкви іереевъ и архіереевъ, а нѣкоего протоспаоарія Өеофила, шута и мима, поставилъ даже въ патріарха, за что былъ осмѣянъ. Благодаря такому обществу имя Божіе среди народовъ подверглось нареканію (§ 25). Съ безстыдствомъ онъ говорилъ: у меня патріархъ Өеофилъ, у кесаря Фотій, а у христіанъ — Игнатій. Өеофилъ такъ издѣвался надъ св. тайнами, что даже у еллиновъ-язычниковъ никто бы этого не посмѣлъ дѣлать. Но Фотій, видя кощунство, не обличалъ Өеофила; «и не удивительно: онъ былъ наемникъ, а не пастырь». Онъ не заботился о погибающихъ овцахъ, душа его направлялась только къ двумъ цѣлямъ — при фаворѣ царей сохранить за собою патріаршество и, если можно, лишить жизни Игнатія; а что это истина, о томъ вопіютъ самыя дѣла, а не пустыя слова. Однажды одинъ пришлецъ, дотолѣ незнаемый, одѣтый въ монашескую рясу, по имени Евстратій, неожиданно явился въ патріаршій домъ, представилъ патріарху передъ всѣми два подложныхъ письма, которыя, какъ выяснилось въ послѣдствіи, изготовилъ самъ мудрѣйшій Фотій: одно отъ лица Игнатія къ папѣ Николаю съ изложеніемъ дѣла о его низведеніи и несправедливостей царя; этого письма папа будто бы не хотѣлъ и читать, и оно къ нему было возвращено обратно; другое письмо отъ папы Николая къ Фотію, въ которомъ уничтожается первое разногласіе между Фотіемъ и папою и провозглашается вѣчная дружба между ними. Фотій, получивъ эти письма, представилъ ихъ царю и кесарю съ замѣчаніемъ: Игнатій творитъ зло противъ вашей царственности, обманываетъ и обвиняетъ васъ передъ иноземными народами, онъ жить недостоинъ, его злодѣянія вотъ засвидѣтельствованы письмами, которыя говорятъ скорѣе въ нашу пользу; не справедливо, если ваша царственность попирается Игнатіемъ. Вслѣдствіе этого Игнатій былъ взятъ подъ стражу и заключенъ въ тюрьму, начались допросы и розыски. Былъ допрошенъ принесшій письма, отъ кого онъ получилъ письмо къ папѣ и подорожную. Сначала онъ говорилъ, что получилъ ихъ отъ Кипріана, ученика Игнатьева, но черезъ мѣсяцъ сталъ отрицать показаніе, что не знаетъ ни Кипріана, ни кого-либо изъ людей Игнатія. За противорѣчіе въ показаніи онъ былъ наказанъ кесаремъ плетьми. Фотій много старался освободить его, но не могъ, но потомъ въ утѣшеніе сдѣлалъ его начальникомъ ликторовъ (διωγμητῶν ἄρχων). Когда козни Фотія были обнаружены, никто не могъ переносить его происковъ (§ 26).

Послѣ того въ праздникъ Вознесенія Господня вечеромъ случи-

лось землетрясеніе, самое страшное изъ всѣхъ когда либо бывшихъ, и продолжалось всю ночь. Изъ земли и моря раздавался шумъ и неясный гулъ, люди находились въ трепетѣ; колонна Юстина, сорванная съ подножія, рухнула. Тогда же оный Василій, бывшій ранѣе епископомъ Критскимъ, вслѣдствіе нашествія Агарянъ, былъ переведенъ въ Солунь (и это къ стыду столичнаго архіерея); онъ дерзновенно явился къ императору и убѣждалъ его отказаться отъ кощунственнаго подражанія іерейскимъ дѣламъ, утверждая, что вновь возгорится гнѣвъ Божій. Раздраженный царь ударилъ по щекѣ честнаго старца, вышибъ ему зубы и такъ билъ его по спинѣ, что тотъ чуть было не лишился жизни. Но объ этомъ нисколько не заботился наемникъ (Фотій): онъ и самъ наслаждался совершаемыми святотатствами, вмѣстѣ съ шутами и мальчикомъ ходилъ и пировалъ и былъ недалеко отъ ихъ занятія. Онъ все думалъ объ Игнатіи и вѣрилъ всему, что противъ него говорили; обличитель Игнатія дѣлался его другомъ; онъ подкупалъ пріятелей и слугъ Игнатія. Однимъ изъ учениковъ послѣдняго былъ Игнатій, который, какъ нѣкій Димасъ (Δημᾶς), возлюбивъ нынѣшній вѣкъ, перешелъ на сторону Фотія и былъ сдѣланъ начальникомъ (ἄρχων) тогда пропонтидскихъ монастырей, потомъ митрополитомъ Іерапольскимъ. Отвѣчая на повышеніе, онъ сказалъ (Фотію): владыко, дивлюсь, какъ отъ тебя скрылся проступокъ Игнатія: посрединѣ площади острова стоитъ храмъ 40 мучениковъ, а рядомъ съ нимъ молитвенный домъ Богоматери; престолъ его повергли на землю ранѣе Русскіе[1]), но Игнатій возстановилъ его. Фотій раздулъ дѣло, представивъ царямъ дѣло въ великомъ и страшномъ видѣ; посовѣтовавшись со своими сторонниками (ἐκκλησία), онъ послалъ на островъ митрополитовъ Амфилохія Кизическаго, Θеодора Патрскаго и сенатора Панталеонта Воѳра (ὁ Βόθρος) и руками ихъ уничтожилъ престолъ. Онъ велѣлъ имъ явиться на морской берегъ, окропить его 40 разъ и воздвигнуть новый. Какъ не дивиться тебѣ, человѣче? иронизируетъ Никита надъ Фотіемъ, какъ не издѣваться надъ тобою и сначала, и потомъ? Этому ли тебя научили продолжительныя занятія, безсонныя ночи, безчисленное множество книгъ, чтецовъ и собесѣдниковъ, ветхій и новый Завѣтъ, мнѣнія классическихъ философовъ, законы и словеса святыхъ? развѣ тебѣ было не достаточно насильственнаго сверженія человѣка съ престола, беззаконнаго изверженія, ссылокъ и кандаловъ, бѣгствъ, доносовъ,

1) col. 562: τούτου τὴν τράπεζαν πρώην οἱ Ῥῶς τὴν νῆσον πορθοῦντες κατέβαλον εἰς γῆν.

обмановъ, которыми ты окатилъ его? ты насилуешь течение рѣки, всуе желая погубить его (§ 27). Затѣмъ агіографъ разсказываетъ о снѣ, который видѣлъ кесарь Варда. Призвавъ однажды своего вѣрнаго друга, нѣкогда логоѳета казны (γενικῶν ποτε λογοθέτην) Филоѳея, Варда сообщилъ ему страшный сонъ: будто онъ съ царемъ Михаиломъ въ прошлую ночь вошелъ въ храмъ св. Софіи и увидѣлъ, что архангельскія иконы вверху и внизу по всѣмъ окнамъ смотрятъ въ храмъ; когда они подошли къ амвону, явилось двое кубикуларіевъ: одинъ схватилъ царя и повлекъ его вправо, другой Варду влѣво. Варда увидѣлъ въ алтарѣ старца, похожаго на икону ап. Петра, и съ нимъ двухъ препоситовъ; у ногъ сидящаго стоялъ Игнатій и молился ап. Петру, прося его утѣшить его многострадальную старость и говоря, что его болѣе всего обидѣлъ Варда. Тогда сидящій подалъ мечъ стоявшему отъ него справа, велѣлъ вывести Варду за нартэксъ и разрубить на части, а царю объявилъ погибель. Что ему сказалъ на это Филоѳей, Никита умалчиваетъ, но Варда въ началѣ поста послалъ на островъ Фотіева родственника Льва Птаолима (ὁ Πταολήμης) съ войскомъ и велѣлъ содержать Игнатія въ совершенномъ уединеніи.

Черезъ три мѣсяца сонъ осуществился: Михаилъ отправился на Критъ, Варда сопровождалъ его до Кипъ (Κῆποι), гдѣ и былъ умерщвленъ и разрубленъ на куски. Такъ погибъ софистъ, всегда приноровлявшійся ко времени, угождавшій сильнымъ и тѣснившій бѣдныхъ (§ 28). Императоръ немедленно вернулся въ столицу и въ пятидесятницу возвелъ патрикія и паракимомена Василія въ царскій санъ.

Многоумный Фотій, оказавшись не въ состояніи повредить папѣ Николаю, убѣдилъ царя созвать соборъ для его осужденія. Собравъ всѣхъ подвѣдомственныхъ ему епископовъ, нѣкоторыхъ жалкихъ людишекъ и неизвѣстныхъ замѣстителей восточныхъ патріарховъ, Фотій безъ всякой причины произнесъ анаѳему противъ Николая. Онъ подкупилъ франкскаго короля Людовика (Λοδόηχον) и его супругу Ингельберту (Ἠγγεβέργαν), обѣщая провозгласить ихъ въ Константинополѣ царями, лишь бы они содѣйствовали ему изгнать изъ церкви Игнатія. Устроивъ дѣло, онъ отправилъ въ Италію акты собора съ рукоположеннымъ имъ Халкидонскимъ митрополитомъ Захаріею Кофомъ (ὁ Κωφός) и Ѳеодоромъ, перемѣщеннымъ изъ Каріи въ Лаодикію; а самъ всячески старался привлечь на свою сторону Игнатіевыхъ слугъ, но напрасно; онъ старался поссорить Михаила съ Василіемъ, наговаривая каждому изъ нихъ противъ другого, но это не понравилось Василію.

Вскорѣ затѣмъ Михаилъ былъ умерщвленъ въ храмѣ (πρὸς τῷ τεμένει) муч. Маманта, процарствовавъ съ матерью 15 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ и одинъ—9 лѣтъ.

Сентября 24 (867 г.) Василій вступилъ во дворецъ и былъ провозглашенъ самодержцемъ. Немедленно онъ послалъ вернуть съ дороги Захарію Халкидонскаго. На слѣдующій день послѣ провозглашенія онъ низвелъ Фотія съ патріаршаго престола и сослалъ въ монастырь Скепи (Σκέπη), а на третій день отправилъ друнгарія царскаго флота Илію съ царскимъ судномъ за Игнатіемъ—вернуть его съ острова съ подобающею честію. Новый царь водворилъ Игнатія въ «отцовскихъ своихъ палатахъ» Манганахъ (Μάγκανα, § 29). Имп. Василій рѣшился взять у Фотія всѣ рукописи и бумаги, которыя тотъ взялъ, уходя съ патріаршества. Не смотря на то, что Фотій клялся, что у него ничего нѣтъ, препоситъ Ваанъ (Βαάνης), посланный къ нему, забралъ у него семь полныхъ мѣшковъ, запечатанныхъ свинцовою печатью. Тутъ оказались двѣ книги, писанныя золотомъ и серебромъ, въ шелковомъ переплетѣ; одна изъ нихъ содержала семь соборныхъ дѣяній (фантастичныхъ и дѣйствительныхъ) противъ Игнатія. Въ началѣ ихъ при каждомъ дѣяніи рукою Сиракузскаго архіепископа Григорія Асвесты (Ἀσβεστᾶς), извѣстнаго живописца, былъ изображенъ Игнатій. Въ первомъ дѣяніи его влекутъ и бичуютъ, подпись «діаволъ»; во второмъ на него плюютъ, съ подписью «начало грѣха»; въ третьемъ его извергаютъ съ престола, надпись «сынъ погибели»; въ четвертомъ онъ изображается связаннымъ и изгоняемымъ, съ надписью «скупость Симона мага»; въ пятомъ на шею Игнатія надѣто дерево, съ надписью «превозносящійся выше Бога и святыни»; въ шестомъ изображенъ осужденнымъ, съ подписью «мерзость запустѣнія»; въ седьмомъ его влекутъ и обезглавливаютъ, съ подписью «Антихристъ». Я, пишетъ Никита, умолчалъ бы объ этомъ, если бы не видѣлъ авторовъ, содѣявшихъ это, и близкихъ къ нимъ лицъ, которыя не только не краснѣли, но гордились, приписывая Фотію славу святости. Очевидцы, присутствовавшіе при чтеніи дѣяній, увѣряли, что противъ Игнатія было выставлено 52 обвиненія; въ концѣ каждаго изъ нихъ оставлено мѣсто для подписи лицъ, которыхъ бы удалось подкупить. Вторая синодиковая книга направлена была противъ папы Николая. Второй экземпляръ этихъ книгъ Фотій хотѣлъ послать съ Захаріею и Ѳеодоромъ къ королю Франкскому для того, чтобы Людовикъ изгналъ Николая съ престола, а первый экземпляръ оставилъ у себя. Отнявъ эти четыре

книги, императоръ доложилъ о нихъ сенату и церкви и затѣмъ приказалъ сжечь ихъ (§ 30).

Имп. Василій созвалъ во дворцѣ Магнавры силентій и въ воскресенье 23 ноября, день изгнанія Игнатія, возстановилъ его во всѣхъ патріаршихъ правахъ, послѣ девяти полныхъ лѣтъ его страданія. Весь городъ присутствовалъ при этомъ событіи. Игнатій былъ веденъ мимо святого колодца (διὰ τοῦ ἁγίου φρέατος), поднимаясь къ храму св. Софіи; у правыхъ дверей его встрѣтилъ сонмъ патрикіевъ. По обычаю, была совершена литургія. Когда іерей, совершая возношеніе даровъ, возгласилъ: «Благодаримъ Господа», уже самъ народъ воспѣлъ: «Достойно и праведно». Утвердившись на престолѣ, Игнатій возбранилъ служеніе не только Фотію и его ставленникамъ, но и всѣмъ его сторонникамъ. Затѣмъ онъ убѣдилъ царя созвать вселенскій соборъ для прекращенія соблазна. Къ папѣ Николаю были посланы апокрисіаріями на двухъ дромонахъ: Іоаннъ Пергскій (ὁ τῆς Πέργης), страдалецъ Игнатіевъ, со стороны Фотія Петръ Дилей (Δείλαιος) Сардскій; съ ними отправился также спаоарій Василій Пинака (Πινακᾶς). Дорогою Петръ Дилей жалко (δείλαιος) погибъ въ Далматинскомъ заливѣ, а Іоаннъ съ Василіемъ нашли въ Римѣ уже не Николая, недавно умершаго, а новаго папу Адріана. Вскорѣ въ Византію съѣхались: Стефанъ и Донатъ, епископы папы римскаго, и съ ними одинъ изъ семи діаконовъ Маринъ; дарами и письмами императоръ пригласилъ Сирійскаго начальника; замѣстителемъ Александрійскаго патріарха Михаила былъ архидіаконъ и синкеллъ Іосифъ, Антіохійскаго патріарха Михаила—Ѳома, митрополитъ Тирскій, Іерусалимскаго патріарха Ѳеодосія—пресвитеръ и синкеллъ Илія. Всѣ они съ 12-ю сострадавшими съ Игнатіемъ епископами собрались въ правой части катихуменъ Софійскаго храма во главѣ съ имп. Василіемъ (§ 31). Передъ честнымъ и животворящимъ древомъ и св. Евангеліемъ были прочитаны сначала грамоты папы Адріана и восточныхъ патріарховъ, затѣмъ были провѣрены полномочія замѣстителей (§ 32). Далѣе, священники и архіереи, поставленные патр. Меѳодіемъ и Игнатіемъ, но склоненные на сторону Фотія, дали покаянныя письма (λιβέλλους μετανοίας), просили прощенія, были подвергнуты епитиміи и получили свои каѳедры (§ 33). Затѣмъ соборъ изъ 102 епископовъ привелъ Фотія, противъ его воли; его обвиняли въ зломышленіи противъ Игнатія, во лжи, клеветѣ и замыслахъ противъ папы Николая; спрашивали, что онъ

думаетъ объ осужденіи его въ Римѣ. Фотій молчалъ[1]); замѣстители, царь и сенатъ убѣждали его просить прощенія, чтобы онъ въ санѣ мірянина могъ удостоиться общенія съ вѣрными; но Фотій отказался. Тогда его осудили, анаѳематствовали какъ виновника церковнаго соблазна. Приговоръ былъ подписанъ не голыми чернилами, но, «какъ я слышалъ отъ знающихъ и утверждавшихъ» (ὡς τῶν εἰδότων ἀκήκοα διαβεβαιουμένων), погружали перо (κάλαμον) въ самую кровь Спасителя; такъ осудили Фотія и всѣхъ имъ рукоположенныхъ (§ 34). По этому поводу Никита замѣчаетъ: Я намѣренъ осудить постановленіе этого восьмого собора, какъ это ни смѣло; правда, я его принимаю вмѣстѣ съ семью предшествующими, но порицаю его, не за то (какъ нѣкоторые полагаютъ), что онъ поступилъ сурово и со злопомненіемъ, а за то, что неправильно судилъ, судилъ съ бо́льшимъ, чѣмъ слѣдовало, снисхожденіемъ, вопреки апостольскому правилу. Фотій осудилъ Игнатія, овладѣвшаго церковью будто бы чрезъ посредство мірской власти, — очевидно по 30 Апостольскому канону[2]); но этотъ канонъ долженъ быть примѣненъ къ самому Фотію, который правилъ церковью не избраніемъ Божіимъ и іерейскимъ, а при чрезмѣрномъ своемъ любоначаліи и жаждѣ къ славѣ черезъ мірскую власть. Его самого слѣдовало извергнуть со всѣми, имъ рукоположенными; членамъ собора не слѣдовало быть снисходительнѣе Бога и Божьяго суда; это все перевернуло вверхъ дномъ (намекъ на событіе, послѣдовавшее по смерти Игнатія). Какъ во времена Тарасія соборъ поступилъ съ еретиками снисходительнѣе, чѣмъ слѣдовало, и они потомъ возобновили свое нечестіе, такъ и теперешній соборъ произнесъ судъ не каноническій, и зло снова распространилось въ церкви, ибо позже Фотій снова захватилъ престолъ, поправъ апостольское правило и церковное преданіе, и принудивъ всѣхъ отказаться отъ своихъ рукописаній и такимъ образомъ быть крестопопрателями. Такова, по моему мнѣнію, ошибка этого собора, принявшаго въ общеніе павшихъ и введшаго въ стадо волка. Да нѣкоторые и предвидѣли это по знаменіямъ тѣхъ временъ. Еще до собора, но уже въ ожиданіи его, извнѣ пригнанные быки были ведомы по городу; вдругъ они разъярились и бросились

---

1) По другому списку: сказалъ, что не имѣетъ причины оправдываться во взводимыхъ на него обвиненіяхъ.

2) Ῥάλλη καὶ Πότλη Σύνταγμα, II, 37: εἴ τις ἐπίσκοπος κοσμικοῖς ἄρχουσι χρησάμενος, δι᾽ αὐτῶν ἐγκρατὴς ἐκκλησίας γένοιτο, καθαιρείσθω καὶ ἀφοριζέσθω· καὶ οἱ κοινωνοῦντες αὐτῷ πάντες.

въ разныя стороны; одинъ вторгся въ храмъ св. Софіи и добѣжалъ даже до амвона; это было въ 9-мъ часу дня. Затѣмъ 9 января произошло страшное землетрясеніе, когда упало много церквей, портиковъ и домовъ, погибло множество скота и людей, и треснулъ во многихъ частяхъ храмъ св. Софіи, заботы о поправкѣ котораго приложилъ имп. Василій. Это происходило до собора. А послѣ него, въ началѣ октября, разразился надъ столицею ураганъ, сорвавшій крыши со многихъ церквей, дворцовъ и свинцовый покровъ съ патріаршей палаты, и уронившій тяжеловѣсный мѣдный кубарь съ четырехсторонняго столпа-монолита на ипподромѣ; «этого бы не случилось, если бы, какъ сказано, члены собора рѣшили по апостольскому правилу». — Эти разсужденія Никиты въ лучшемъ случаѣ конечно наивны. Если небесныя явленія необходимо было ужъ непремѣнно подгонять къ дѣлу Игнатія и Фотія, то вѣдь та партія сторонниковъ Фотія, которая находила осужденіе его въ 869 г. слишкомъ суровымъ, могла толковать ихъ совсѣмъ наоборотъ, въ томъ смыслѣ, что кара небесная посѣтила городъ въ отвѣтъ на намѣреніе осудить Фотія и за совершившійся судъ надъ нимъ.—Но соборъ, замѣчаетъ Никита, равно какъ простота, чтобы не сказать слѣпота, царя, благоволили Фотію и его сторонникамъ (§ 35).

Во второе свое патріаршество Игнатій правилъ церковью съ большею опытностью, святостью и увѣренностью, чѣмъ прежде. Въ общей его характеристикѣ заслуживаетъ вниманія указаніе на заботу его объ устроеніи церкви и на произнесеніе имъ словъ въ храмахъ Богоматери, Апостоловъ и Мучениковъ. Никита отмѣчаетъ, съ какимъ благочестіемъ патріархъ служилъ литургію, и приводитъ образчикъ его проповѣди (§ 36).

Достигши глубокой старости (πῖον γῆρας), Игнатій желалъ смерти, какъ избавленія отъ временныхъ трудовъ, болѣзней и горестей (§ 37). Передъ смертью у него отнялся языкъ. Въ полночь служка воскликнулъ «благослови, владыко»; Игнатій съ трудомъ спросилъ его: какого святого сегодня память? Тотъ отвѣтилъ: «Іакова, Брата Божія, твоего друга, владыко». Игнатій поправилъ его: «владыки моего; ну спасайтесь; благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь». И съ этими словами онъ испустилъ духъ. Облаченъ онъ былъ въ святительскія ризы съ наплечниками Іакова, Брата Божія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ присланными ему изъ Іерусалима. Игнатій скончался 23 октября (877 г.) и поставленъ былъ

сначала въ деревянной ракѣ во храмѣ св. Софіи (§ 38). Народъ питалъ такое почтеніе къ Игнатію, что растащилъ доски изъ-подъ кровати, на которой лежалъ почившій, и разорвалъ на тысячи частей покрывало, которымъ онъ былъ покрытъ. Едва удалось освободить отъ народа его тѣло и перенести въ храмъ муч. Мины, гдѣ оно лежало не долго. При гробѣ его исцѣлились двѣ сумасшедшія женщины. Лица, завѣдывавшія его похоронами, положили тѣло на судно и поплыли къ построенному Игнатіемъ храму Архистратига (πρὸς τῷ ἱερῷ τοῦ ἀρχιστρατήγου ναῷ); стоявшая на морѣ буря утихла. Тѣло было положено въ мраморной ракѣ въ правой сторонѣ (§ 39). Игнатій во второе патріаршество правилъ десять лѣтъ, всего тридцать съ небольшимъ лѣтъ и умеръ на 80-мъ году жизни (§ 41). Разсказывать, какими чудесами прославилъ его Богъ — дѣло исторіи, а не настоящаго времени, тѣмъ не менѣе Никита предлагаетъ немногое изъ многаго (§ 42).

Мальчикъ 8 — 9 лѣтъ, совершенно параличный и оглохшій, былъ приведенъ ко гробу Игнатія и черезъ четыре дня совершенно выздоровѣлъ и самъ собою открылъ церковныя двери (§ 43). Другой, пораженный эпилепсіей и нѣмотою, обратился съ молитвою къ Игнатію, который явился ему во снѣ съ ключемъ въ рукѣ, всунулъ ему ключъ въ ротъ, повернулъ и назвалъ себя патріархомъ Игнатіемъ, послѣ чего больной совершенно выздоровѣлъ (§ 44).—Легенда о чудодѣйственномъ ключѣ, исцѣляющемъ человѣческія немощи, сохранилась въ Византіи и въ болѣе позднее время; въ 1200 г. она пріурочена была къ затвору Софійскаго храма, мѣдный запоръ котораго брали въ ротъ люди, одержимые какою либо отравою, и исцѣлялись [1]).—Третій человѣкъ, страдавшій диссентеріею, не получившій помощи отъ врачей и стоявшій на краю смерти, обратился съ молитвою къ Игнатію, увидѣлъ его во снѣ, успокоился и выздоровѣлъ (§ 45). Одна законная жена, мать трехъ дѣтей, страдала сухоткою сосцевъ и давала кормить дѣтей другимъ женщинамъ; обратившись съ молитвою къ Игнатію, она собрала миро съ его волосъ и получила изобиліе своего собственнаго молока; тоже получила и другая женщина, страдавшая тѣмъ же (§ 46). Одна благородная жена долго была бездѣтна; мужъ принесъ ей елея отъ мощей Игнатія; женщина намазалась имъ, разрѣшилась отъ неплодія и стала матерью многихъ дѣтей (§ 47).

1) См. Паломникъ Антонія Новгородскаго, въ изд. Имп. Прав. Пал. Общ., пред. стр. LXXXV.

Но Игнатій помогалъ не только тѣмъ, кто притекалъ къ его гробу,— онъ исцѣлялъ и дальнихъ. Стратигъ Сициліи Мусиликъ клятвенно утверждалъ, что когда онъ въ войнѣ съ Сарацинами призвалъ на помощь Игнатія, онъ увидѣлъ его въ воздухѣ на бѣломъ конѣ, что онъ справа предводительствуетъ войскомъ, и стратопедархъ разбилъ враговъ (§ 48)[1].—Описанное здѣсь происшествіе относится вѣроятно къ 881 году [2]). По Георгію иноку (р. 761 М), стратилатомъ Сициліи былъ тогда Евпраксій; на помощь ему былъ посланъ протовестіарій Прокопій; Мусуликъ (Μουσουλίκης) былъ отправленъ въ Кефаллинію, Равдухъ (ὁ Ῥαβδοῦχος) въ Диррахій, Иніатъ (Ὀνιάτης) и Левъ Апостипъ въ Пелопоннисъ. Извѣстно, что Прокопій, вслѣдствіе измѣны Апостиппа, проигралъ битву и былъ убитъ Сарацинами. Появленіе здѣсь Льва свидѣтельствуетъ, что вскорѣ въ Сицилію стянулись военныя силы всѣхъ западныхъ ѳемъ, что здѣсь же могъ оказаться и Мусуликъ, который по смерти Прокопія могъ принять начальство надъ корпусомъ и оттѣснить Арабовъ. — У одной женщины были необычайно трудные роды; врачи совѣтовали даже разсѣчь утробу и извлечь оттуда ребенка. Но одинъ изъ присутствующихъ имѣлъ при себѣ кусочекъ того покрывала, которымъ былъ покрытъ въ гробу Игнатій; онъ приложилъ его къ бедрамъ больной, и женщина благополучно разрѣшилась отъ бремени (§ 49). Кромѣ того Игнатій исцѣлялъ лицъ, страдавшихъ нефритомъ (νεφριτικῷ νοσήματι), прокаженныхъ (λεπροὺς καὶ ἀλεφαντιῶντας), слѣпыхъ, паралитиковъ, сухорукихъ и сухоногихъ, отъ горячки, лихорадки и сумасшествія. Саккеларій Лидъ (ὁ Λυδός), вступившій въ монастырь по обману Фотія, долженъ былъ бичемъ выгонять всѣхъ, кто приходилъ ко гробу Игнатія; кромѣ того онъ велѣлъ разрушить смежныя съ гробомъ мѣста подъ тѣмъ предлогомъ, что Игнатій спряталъ тамъ золото, а на самомъ дѣлѣ, чтобы обезчестить мощи. Но вотъ его покаралъ гнѣвъ Божій: Лидъ страшно вскричалъ, облился собственною своею кровью, былъ принесенъ домой и четыре дня пробылъ безъ голоса (§ 50).

---

1) 564 ὁ τῆς Σικελίας στρατηγός, ὡς μέλλων εἰς πολεμον συμβαλεῖν ἐν Σικελίᾳ τοῖς Σαρακηνοῖς καὶ ἀγῶνι πολλῷ συνεχόμενος . . . εἶδον αὐτὸν ὀφθαλμοφανῶς ἐπὶ τοῦ ἀέρος ὥσπερ ἐφ' ἵππου λευκοῦ καθήμενον—πρὸς τοῖς δεξιοῖς μέρεσιν ὁδηγεῖν τὸν στρατὸν . . . ὃ καὶ πεποιηκοτα τὸν στρατοπεδάρχην (Μουσιλίκης δὲ ὄνομα τῷ ἀνδρὶ), κατακράτος τοὺς ὑπεναντίους ἑλεῖν.

2) Muralt, 462.

Но Фотій не остановился въ своемъ коварствѣ: въ теченіе своего 10-тилѣтняго изгнанія онъ имѣлъ противъ Игнатія тысячи умысловъ и, наконецъ, воспользовавшись простотою или слѣпотою царя, добился его расположенія. Изъ именъ Василія, Евдокіи, Константина, Льва, Александра и Стефана онъ составилъ слово Βεκλας и выдумалъ небывалое родословіе, по которому Василій былъ потомкомъ армянскаго царя Тиридата, сыномъ Векласа[1]). Это родословіе онъ переписалъ на старыхъ хартіяхъ александрійскимъ, древнимъ, почеркомъ (γράμμασιν ἀλεξανδρινοῖς), въ видѣ отрывка изъ древнѣйшей книги, и спряталъ свою рукопись въ царской библіотекѣ (§ 52). Вѣрнымъ человѣкомъ у Фотія былъ царскій клирикъ Θеофанъ, бывшій позже епископомъ Кесаріи Каппадокійской. Онъ, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, доложилъ царю, что въ его библіотекѣ имѣется драгоцѣннѣйшая рукопись, прочитать которую можетъ одинъ только Фотій. Такъ Фотій добился свиданія и расположенія имп. Василія и часто сталъ посѣщать дворецъ. Затѣмъ Фотій представилъ царю монаха Θеодора Сантаварина въ качествѣ святого человѣка, но это былъ магъ и кудесникъ, черезъ котораго Фотій много вредилъ Игнатію. Не обращая вниманія на постановленія вселенскаго собора, Фотій засѣдалъ во дворцѣ Магнаврѣ, назначая здѣсь экзарховъ и совершая хиротоніи и болѣе, чѣмъ прежде, забравъ силу при посредствѣ мірской власти. Черезъ три дня по смерти Игнатія онъ вступилъ снова на патріаршій престолъ и прежде всего заточилъ всѣхъ сторонниковъ Игнатія, которыхъ подвергалъ разнымъ истязаніямъ и подкупомъ переманивалъ на свою сторону; непокорныхъ бичевалъ: для этого у него былъ жестокій зять (γαμβρός) Левъ Катакалъ (ὁ Κατάκαλος), назначенный имъ друнгаріемъ стражи и замучившій нѣкоторыхъ до смерти. Фотій пытался отставить всѣхъ епископовъ, рукоположенныхъ Игнатіемъ, и замѣстить ихъ лицами, изверженными этимъ послѣднимъ; но когда имп. Василій отклонилъ это, Фотій рѣшился вновь хиротонисать игнатіанъ и для этого накупилъ омофоровъ и орарей (§ 53). Находясь въ изгнаніи, Фотій рукоположилъ Θеодора Сантаварина въ митрополиты Патръ (и его называли тогда фотіане митрополитомъ Афантополя, то-есть несуществующаго города); теперь онъ отправилъ его апокрисіаріемъ къ папѣ Іоанну сказать, что онъ противъ воли, насильно вступилъ на патріаршество. Петръ, секре-

1) Любопытно, что легенда о Векласѣ пережила много столѣтій и слово это играетъ роль въ жизни даже Михаила Палеолога (Pachym. I. 11).

тарь (μυστογράφος), позже бывшій епископомъ Сардскимъ, укралъ подписи митрополитовъ (?) и приложилъ ихъ къ грамотѣ. Сантаваринъ, вслѣдствіе сосѣдства, добивался занять епископію Евхаитскую; Фотій удалилъ Евфиміана Евхаитскаго и поставилъ на его мѣсто Ѳеодора, которому далъ нѣсколько сосѣднихъ епископій, удаливъ изъ нихъ епископовъ, и котораго называлъ πρωτόθρονος. Никейскаго митрополита Никифора онъ насильно заставилъ отказаться отъ орфанотрофіи, а Амфилохія кизическаго перевелъ въ Никею; по смерти его онъ назначилъ сюда Григорія Сиракузскаго, смерть котораго онъ восхвалилъ надгробнымъ словомъ (§ 54). Тогда у царя умеръ перворожденный сынъ Константинъ, котораго Фотій не усумнился почитать въ церквахъ и монастыряхъ (§ 55). Затѣмъ Сиракузы испытали страшную погибель: весь островъ и всякій городъ и страна до нынѣ (μέχρι καὶ τήμερον) опустошаются врагами (§ 56).—Мы знаемъ, что Арабы нанесли пораженіе Грекамъ при Мессинѣ въ 890 году, — быть можетъ, это время разумѣетъ и Никита.—Но, замѣчаетъ агіографъ, разсказывать обо всѣхъ беззаконіяхъ Фотія, «начальника лицемѣровъ, крестоборцевъ, и всѣхъ его преемниковъ и общниковъ любоначалія»—дѣло исторіи, а не цѣль настоящаго слова (§ 57).—А. И. Пападопуло-Керамевсъ, находя выраженіе «преемники» не подходящимъ къ дѣлу, пытался доказать, что Ж. Игнатія подложно, что оно написано въ эпоху уніи, въ XIII вѣкѣ[1]. — Житіе оканчивается пожеланіемъ Никиты стать общниками части Божіей и избѣгать церковныхъ соблазновъ (§ 58).

ГЛАВА X.

Виѳинія (Олимпъ, Катаволъ, Пандимъ, Мидикій).

Петрово ж. Іоанникія. — Саввино ж. Іоанникія. — Ж. Ѳеофана Сигріанскаго. — Ж. Евстратія. — Ж. Антонія Новаго и особый отрывокъ изъ того же житія. — Ж. Никиты Мидикійскаго. — Ж. Никифора Мидикійскаго.

Послѣ Константинополя ни одна изъ областей Византійской имперіи не изобиловала такимъ количествомъ иноческихъ обителей, какъ виѳинская гора Олимпъ. Языческій, ѳессалійскій, Олимпъ, какъ и все языческое, со временъ Константина Великаго не только потерялъ ореолъ святости,—онъ даже сдѣлался предметомъ отвращенія въ глазахъ христіанъ.

---

1) Визант. Врем. 1899, VI, 17—19; тамъ же (стр. 39 сл.) блестящая отповѣдь акад. В. Г. Васильевскаго.

Но христіанская религія, уничтожая языческія воспоминанія, пеклась о вызовѣ къ жизни аналогичныхъ мѣстностей, гдѣ бы религіозность (но уже въ совершенно христіанскомъ духѣ) могла найти для себя пищу. Съ перенесеніемъ столицы Константинъ перенесъ и центръ религіозной жизни къ своей новой столицѣ. Появился Новый Римъ, Византія, Константинополь, появился виѳинскій Олимпъ. Святость языческаго Олимпа смѣнилась теперь святостью Олимпа христіанскаго. Послѣдній удерживалъ свое оффиціальное названіе Святой горы долгое время, до половины XI столѣтія, когда оффиціально святою Горою сталъ именоваться Аѳонъ. «Константинъ Мономахъ, говоритъ Н. А. Скабалановичъ, далъ Аѳону оффиціальное названіе Ἅγιον Ὄρος» [1]).

Но и послѣ того Олимпъ Виѳинскій все же не утратилъ въ народномъ вѣрованіи своего значенія. На старыхъ картахъ область Олимпа до поздняго даже времени носила общее названіе «ἱεροὶ Τόποι» [2]).

Подъ именемъ виѳинскаго Олимпа разумѣется цѣлый рядъ высокихъ холмовъ (изъ которыхъ одинъ извѣстенъ по имени—Авксентіевъ [3]), отстоящихъ другъ отъ друга на небольшомъ разстояніи. Эти холмы были усѣяны многочисленными обителями. О. Болландистъ Van den Gheyn въ 1894 г. тщательно собралъ свѣдѣнія о монастыряхъ; въ настоящее время списокъ ихъ можетъ быть нѣсколько дополненъ. Вотъ этотъ списокъ.

1) τῶν Ἀγαύρων, монастырь во имя свв. Космы и Даміана,
2) Ἀντιδίου монастырь,
3) Ἐριστῆς монастырь,
4) τῶν Κελλίων монастырь,
5) Ἐλαιοβῶμοι (Ильины алтари?) монастырь,
6) Τελάου (Hytoteloi) монастырь,
7) Захаріевъ монастырь (въ Атроѣ, у подножія Олимпа),
8) Никольскій монастырь,
9) Κούνις монастырь,
10) Аѳиногеновъ монастырь,
11) τῶν Εὐνούχων монастырь.

Къ числу ихъ слѣдуетъ отнести нѣсколько киновій, метоховъ указанныхъ монастырей:

1) Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ. Спб. 1884, стр. 436.
2) Ср. Ѳ. И. Шмитъ, въ «Извѣст. русск. Археолог. Института въ Константинополѣ», X.
3) О немъ прекрасная работа о. J. Pargoire въ Bibliothèque hagiographique orientale» Clugnet'a, вып. VI.

1) киновія св. Агапія, метохъ Агаврскаго монастыря,
2) » св. прор. Иліи,
3) » Λευκάδων,
4) » Дѣвы Маріи,
5) » Петра и Павла,
6) » св. Евстаѳія,
7) » Φλουβουτηνόν,
8) » Іоанна,
9) » Βαλέου,
10) » Βολίου, можетъ быть тожественная съ предыдущей [1]).

О. Луи Пти въ 1904 г. прибавилъ сюда изъ житія Евоимія новую еще киновію Πισσαδηνόν [2]), со своей стороны мы можемъ прибавить еще киновію τοῦ Κρίλη, недалеко отъ Пандима, часовню св. Георгія, близъ монастыря Евнуховъ, и св. Пантелеймона, въ Криле. Еп. Киріонъ [3]) полагаетъ, что на Олимпѣ находился также грузинскій монастырь, но какой именно, не называетъ. Положимъ, что изъ перечисленныхъ монастырей Агаврскій и Телайскій звучатъ по грузински (Арагва, Телай), однако нѣтъ никакихъ данныхъ для доказательства существованія въ IX вѣкѣ иверскаго монастыря на Олимпѣ. Въ житіи Иларіона грузина (ср. выше, стр. 58) видно, что этотъ святой въ бытность свою на Олимпѣ поселился въ маленькой церкви близъ Лавры, но церковка была необитаема и завѣдывалась греческимъ духовенствомъ; пусть, если угодно, доказываютъ, что это была грузинская церковь.

Діаконы Стефанъ и Игнатій—наиболѣе яркіе представители двухъ направленій агіографическаго дѣла въ самомъ Константинополѣ въ первой половинѣ IX столѣтія. Стефанъ, какъ мы видѣли, писалъ на основаніи историческихъ и біографическихъ данныхъ, а Игнатій останавливался только на главныхъ моментахъ біографій и украшалъ свои Житія цвѣтами классическаго краснорѣчія. Судьба того и другого направленія была не одинакова. Первое, какъ болѣе отвѣчавшее за-

1) На Олимпѣ упоминается еще мѣстность ὁ Μεσών (AA. SS. Boll., ноябрь, II, 324), упомянутая въ житіи св. Константина иже отъ Іудей.

2) Въ паннонскомъ житіи св. арх. Меѳодія упоминается еще олимпійскій монастырь «Полихронъ», но это свидѣтельство должно быть признано подложнымъ: авторъ житія въ данномъ случаѣ находился подъ вліяніемъ житія Ѳеофана Сигріанскаго. Ѳеофанъ жилъ въ Полихроніи (около Кизика), Ѳеофанъ спорилъ съ Іоанномъ, а славянскій агіографъ отнесъ это къ Меѳодію и Константину!

3) Культурная роль Иверіи въ исторіи Руси. Тифлисъ, 1910.

просамъ времени, сохранялось почти во все время византійской имперіи, тогда какъ второе, которое могло поддерживаться лишь особою школьною постановкою византійской литературы и лицами, одаренными способностями къ усвоенію античнаго риторства, не могло пустить прочныхъ корней и прекращалось вмѣстѣ съ упадкомъ школьнаго дѣла въ патріаршихъ школахъ Византіи. Едва ли нужно прибавлять, что въ чисто историческомъ отношеніи первое направленіе гораздо болѣе важное, нежели второе.

Къ первому направленію примкнула виѳинская «Святая гора» Олимпъ и ея иноки, жившіе въ эпоху Іоанникія Великаго. Къ числу ихъ принадлежатъ два монаха виѳинскаго Агаврскаго монастыря Петръ и Савва, изъ которыхъ каждый написалъ житіе Іоанникія.

Петръ [1]), инокъ Агаврской киновіи, имѣлъ пять сестеръ, состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ виѳинскому аскету и подвижнику и повидимому не сочувствовалъ студійскимъ монахамъ[2]). Le Quien полагалъ, что онъ былъ позже епископомъ Силейскимъ, однако, какъ показалъ Van den Gheyn, ошибочно. А. И. Пападопуло-Керамевсъ агіографа Петра отожествлялъ съ Петромъ Атройскимъ, но совершенно неосновательно. Матеріаломъ для житія были у него съ одной стороны личныя воспоминанія, съ другой разсказы ближайшаго Іоанникіева сотрудника — Евстратія, который и побудилъ Петра взяться за перо для написанія житія ихъ общаго отца. Кромѣ всего этого необходимо предположить, что Петръ могъ пользоваться современными краткими монастырскими записями объ Іоанникіи. Но этотъ агіографъ не имѣлъ особаго литературнаго вкуса, не всегда зналъ чувство мѣры, и житіе его не имѣетъ такого важнаго историческаго значенія, какъ житіе Іоанникія, написанное современникомъ же его Саввою [3]).

Петръ между прочимъ пишетъ (p. 390 § 12): «Боговдохновенный Іоанникій былъ очень близокъ и любилъ благочестивѣйшаго Евстратія паче кого другого, — и по заслугамъ, ибо провидѣлъ будущее его настоятельство и пастырство надъ многими духовными овцами, и всѣмъ, что было тайно или необходимо, онъ дѣлился съ Евстратіемъ; да и мы были поощрены этимъ божественнымъ мужемъ къ сочиненію сего

1) Τῆς καθ' ἡμᾶς ἅπαντας βροτούς (AA. SS. Boll., ноябрь, II, 1 p. 384).

2) Петръ p. 422, § 57: καὶ ὡς ἔθος ἐστὶ τούτοις (студитамъ) ταραχὰς ἐμποιεῖν καὶ κατασείειν οὐ μόνον τὴν τοῦ θεοῦ ἐκκλησίαν, ἀλλὰ καὶ πάντας τοὺς τῷ θεῷ ἀνακειμένους καὶ τὴν ἰοβόλον γλῶσσαν εὔθετα πρὸς ἁγιοκατηγορίαν κινεῖν.

3) Ἀνάλεκτα ἱεροσ. σταχυολογίας, IV, 370.

священнаго и полезнаго труда; что мы отъ него слышали, то и вамъ сообщаемъ».

Раздѣляя точку зрѣнія Болландистовъ, мы также обращаемъ второстепенное вниманіе на Петрово житіе, отмѣтивъ ниже всѣ разночтенія его при изложеніи Саввина житія Іоанникія.

Объ измѣнѣ стратига Востока Льва Армянина (Амаликитянина) Петръ говоритъ не такъ опредѣленно (П 392 § 15), какъ Савва (Σ 347 § 16). Но вообще онъ довольно много сообщаетъ свѣдѣній, которыя почему либо не вошли въ Саввинъ пересказъ. Іоанникій исцѣлилъ рабочаго Πάρδος'а отъ укушенія ехидною (§ 41); ходилъ въ Θракисійскую область для поклоненія храму св. Іоанна Богослова и оттуда къ горѣ Λισσός (§§ 42—43); исцѣлилъ монахиню въ монастырѣ Κούνιν (§ 44); Евгантровъ племянникъ, взятый въ плѣнъ сарацинами, былъ уведенъ въ Сирію, и за него хлопотали передъ Іоанникіемъ Левъ, царскій патрикій и сакелларій, а равно царскій кубикуларій и протовестіарій Агапитъ (во время паденія Аморія, 838 г. § 62); при свиданіи Іоанникія съ Петромъ и Платономъ упомянутъ епископъ Прусскій Іоаннъ, неизвѣстная нигдѣ индѣ личность, съ которою агіографъ Петръ путешествовалъ (§ 68); въ эпоху собора 842 г. явилась большая сумятица въ мнѣніяхъ самихъ православныхъ на дѣло возстановленія иконопочитанія. Евстратій говорилъ Іоанникію, что сторонники Аѳанасія, Навкратія (студитовъ) и (патріарха) Іоанна Какосамвы хотятъ уничтожить согласіе; да и самъ Іоанникій говорилъ, что патріархъ Іоаннъ за одно со студитами [1]). Это очень важное свидѣтельство. Студитскій монастырь при преемникахъ св. Θеодора ударился въ церковную политику и интриги и подвергся осужденію за свое отщепенство отъ православія. Послѣднимъ иконоборческимъ патріархомъ былъ, какъ извѣстно, Іоаннъ Лекаиомантисъ, котораго православные, начиная со второй половины IX столѣтія, называютъ презрительно Янномъ. Въ разсматриваемомъ житіи мы имѣемъ даже родовое названіе его κακοσάμβας (рук. κατασάμβας). Болландистъ Van den Gheyn (p. 433) допустилъ необычайную странность, замѣтивъ: Ioannes Cacosambas — patriarcha haereticus Constantinopolitanus, a Theophilo loco s. Nicephori suffectus. Любопытное явленіе мы видимъ въ исповѣданіи вѣры Іоанникіемъ. Петръ влагаетъ въ уста святого длинную рѣчь (p. 417

---

1) Петръ p. 430—431, § 69: οἱ μὲν γὰρ τοὺς ἀμφὶ Ἀθανάσιον καὶ Ναυκράτιον καὶ Ἰωάννην τὸν λεγόμενον Κακοσάμβαν δοξάζειν ἀγωνίζονται...—Ματαιοπονοῦσιν οἱ δοκοῦντες συνιστᾶν τοὺς ῥηθέντας Στουδίτας καὶ τὸν σὺν αὐτοῖς Ἰωάννην.

§ 55), которая почти цѣликомъ взята изъ сочиненія патр. Никифора[1]). Извѣстіе о времени кончины Іоанникія изложено Петромъ въ слѣдующемъ видѣ: святой скончался, подвизавшись добрѣ, проживъ въ пустынѣ 52, а всего проживъ 84 года, почивъ 3 ноября 10-го индикта, что̀ падаетъ какъ разъ на 846 годъ. Ошибка въ цифрѣ 84 у Петра несомнѣнна. Іоанникій, по словамъ Саввы, умеръ на 93 г. своей жизни, на основаніи чего Болландисты и отнесли его рожденіе къ 754 (753) году.

Петрово житіе Іоанникія не отличается соразмѣренностью частей, грѣшитъ недостаткомъ литературной мѣры, иногда подробно останавливается на такихъ частяхъ, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ темѣ, — видно, что это сочиненіе новичка въ литературѣ. Современники чувствовали слабость произведенія и тамъ же, на Олимпѣ, хотѣли имѣть другое, болѣе литературное житіе великаго провидца. Игуменъ Іосифъ (можетъ быть Агаврскаго же монастыря) побудилъ инока Савву, какъ лично знавшаго Іоанникія, написать болѣе совершенное житіе святого, ибо величіе имени послѣдняго требовало и соотвѣтствующаго житія. Выборъ Іосифа былъ не случайный. Савва уже зарекомендовалъ себя въ области агіографіи своимъ житіемъ св. Петра Атройскаго и похвалою св. Ѳеофану Сигріанскому. Онъ и на этотъ разъ принялъ предложеніе или вѣрнѣе порученіе Іосифа и написалъ Βίος на основаніи Петрова житія, своихъ воспоминаній и разсказовъ другихъ иноковъ объ Іоанникіи. При этомъ Савва далъ нѣсколько иную группировку чудесъ святого и, обладая литературнымъ талантомъ, отнюдь не рабски пересказывалъ житіе своего предшественника, — нѣтъ, его пересказъ имѣетъ видъ заново написаннаго, оригинальнаго и современнаго житія.

Въ предисловіи[2]) Савва вкратцѣ говоритъ о необходимости предавать писанію житія святыхъ и пользуется случаемъ исполнить порученіе своего игумена Іосифа для того, чтобы изложить жизнь Іоанникія (§ 1). — Изъ писемъ Ѳеодора Студита видно, что святой собственно назывался Іоанномъ, Іоанникіемъ же онъ былъ названъ уменьшительно, съ юности. — Іоанникій происходилъ изъ Вионнской епархіи, селенія Марикато (τῶν Μαρυκάτου), расположеннаго въ сѣверной части Аполлоніадскаго озера. Отецъ его назывался Мирицикъ (Μυριτζικός, у Петра: Μυρίτζίκιος), имя матери — Анастасо. Іоанникій родился на

1) Nicephori Sermo pro imaginibus, ap. Mai Nova Patrum bibliotheca, V, 22.
2) Τὰ ψυχωφελῆ καὶ θεάρεστα τῶν ἁγίων: AA. SS. Boll., ноябрь, II, 332—383.

14 году царствованія несторіанина Константина, сына Льва Исавра.— Послѣ усиленныхъ разысканій Болландистъ Van den Gheyn пришелъ къ выводу, что Іоанникій родился въ 754 (753) году.—Въ бытность свою въ первомъ возрастѣ, или семи лѣтъ отъ роду, Іоанникій по порученію родителей пасъ свиней; онъ выгонялъ ихъ на пастбище, осѣнялъ ихъ знакомъ животворящаго креста, послѣ чего могъ оставлять ихъ безъ надзора, безъ боязни, какъ бы они не пострадали отъ звѣрей и воровъ, вечеромъ онъ пригонялъ ихъ обратно. Въ этомъ занятіи онъ провелъ свой второй возрастъ. Въ началѣ третьяго періода (съ 16 лѣтъ), на 31 году царствованія Константина, на 1-мъ году брака Льва Хазара и Ирины, на 19 году жизни, въ 773 г., онъ былъ зачисленъ императоромъ въ экскувиторское войско въ 18-ю роту (βάνδον); отличался передъ всѣми тѣлесною силою, красотою и ростомъ, пользовался любовію своихъ товарищей, въ войнахъ оказывалъ помощь, кто только въ ней нуждался; онъ былъ одержимъ со своими родителями иконоборческою ересью (§ 2). Затѣмъ авторъ говоритъ объ иконоборчествѣ, о появленіи ереси изъ Исавріи «въ послѣднія 57 лѣтъ поруганія Божія строительства» (§ 3). На второмъ году царствованія имп. Ирины, на 12-мъ году ея власти доселѣ, на 28-мъ году возраста Іоанникія, въ 782 г., продолжалась война за Христову икону, наконецъ кончилась при Иринѣ. Начался голодъ, землетрясенія, молніи и громы, несчастія и смертность, но царилъ миръ въ городахъ и деревняхъ (§ 4).

На 36-мъ году жизни, въ 790 г., Іоанникій услышалъ голосъ старца, въ то время, когда войско находилось на востокѣ и возвращалось черезъ Олимпійскія горы; голосъ этотъ напомнилъ ему о его заблужденіи. Іоанникій палъ на землю и просилъ прощенія въ своемъ невѣдѣніи, рѣшившись вѣровать въ иконы Спаса, Богородицы и святыхъ. Съ этого времени онъ предался подвижничеству, проводилъ время въ слезахъ и спалъ на голомъ полу (§ 5).

На седьмомъ году подвижничества (на 42-мъ г. жизни), на шестомъ году царствованія имп. Константина младшаго, сына Льва, внука Константинова, правнука Льва Исавріянина, въ 797 г., Болгарскій народъ двинулся опустошительнымъ походомъ на Ѳракію. Императоръ выступилъ противъ враговъ. Сраженіе произошло въ Маркеллѣ (ἐν τῇ Μαρκέλλᾳ)[1], много греков погибло. Іоанникій

---

1) У Петра (p. 386, § 5): ἐν τόπῳ προσαγορευομένῳ Μαρκέλλαις.

обнаружилъ такую храбрость, что даже царь обратилъ вниманіе: «изъ какой ты страны, изъ какого полка и какъ твое имя?» спросилъ Константинъ. — Изъ Виоинской епархіи, изъ деревни Марикато, изъ рода Войладовъ (Βοϊλαδῶν), по имени Іоанникій, экскувиторъ въ войскѣ. Царь пожелалъ имѣть его около себя и одарилъ его многими подарками. Въ это время одинъ изъ враговъ бросился на грековъ, но былъ обезглавленъ святымъ (§ 6). Послѣ битвы Іоанникій думалъ о гибели своихъ гражданъ, сошелъ съ коня и плакалъ, приговаривая: благодарю Тебя, Господи, яко избавилъ еси меня отъ руки враговъ. Съ права отъ него возвышалась виоинская гора Олимпъ. Онъ рѣшился послѣдовать св. Иліѣ и пустынолюбцу Іоанну Крестителю. Вернувшись въ столицу и обойдя въ ней св. храмы, не думая о царскихъ почестяхъ и обѣщаніяхъ, онъ удалился на родину, взялъ благословеніе у родителей и перемѣнилъ свою службу у царя на службу Христу (§ 7).

Онъ удалился на Олимпъ послѣ 24-лѣтней военной службы. Прибывъ въ Прусу, онъ пріютился въ монастырѣ Агаврскомъ (τῶν Ἀγαύρων) [1]) и повѣдалъ отцу Григорію о своемъ помышленіи. Тотъ принялъ и благословилъ его. Отсюда Іоанникій отправился въ деревню около Атрои — Кастуло (Καστούλω), гдѣ былъ принятъ своимъ другомъ. Рано утромъ былъ введенъ въ Телайскій монастырь (τῶν Τελάου) и здѣсь изучилъ вступительныя науки (τὴν τῶν γραμμάτων εἰσαγωγήν); но видя монастырь въ волненіи и по близости отъ деревень, онъ перешелъ въ другой, выше лежащій, Антидіевъ (Ἀντιδίου) (§ 8). Его встрѣтилъ у порога отецъ монастыря Іоаннъ и спросилъ: откуда ты, братъ, и зачѣмъ? Онъ принялъ Іоанникія, который изучилъ здѣсь подвиги святыхъ отцевъ. Въ такомъ положеніи онъ пробылъ два года, изучилъ до 30 псалмовъ, и затѣмъ переселился на гору около монастыря, называемую «Воронова голова» (Κόρακος κεφαλή). Молясь Богу, онъ просилъ у Него пустынника, который бы помазалъ его. Голосъ произнесъ: подымись на гору и тамъ найдешь, чего желаешь. Іоанникій обрѣлъ двухъ монаховъ, жившихъ въ пещерѣ 40 лѣтъ и носившихъ волосяныя одежды. Они научили его знанію, предрекли ему будущее и кончину. Затѣмъ онъ спустился внизъ, твердо запечатлѣвъ слова монаховъ (§ 9). Съ молитвою отца Іоанна онъ отправился

1) Агаврскій монастырь былъ воздвигнутъ во имя свв. Косьмы и Даміана, поэтому Петръ пишетъ (р. 389, § 10): πρὸς τὸ Ἀγχυρινὸν ὄρος ἔγγιστα τοῦ ἁγίου Κοσμᾶ παραγίνεται.

на гору монастыря Агаврскаго (ἡ Ἀγαύρων μονή), называемую Трихаликъ (Τριχάλιξ). Узнавъ о томъ, игуменъ Григорій спустился къ нему и приготовилъ для него келію. Но когда онъ почувствовалъ тяжесть отъ приходящихъ, онъ перебрался на одну гору при деревнѣ Геллеспонта (Ἑλλησπόντου), у границъ Пандима (ὁ Πάνδημος), и здѣсь жилъ въ подземельи; пищу ему приносилъ козій пастухъ Анѳинъ (Ἀνθινός). Черезъ три года онъ прибылъ въ церковь этого села и былъ узнанъ своимъ товарищемъ; потомъ онъ ушелъ въ горы Кундуріи (Κουνδουρία), полныя звѣрей, къ западу отъ Ликіи, къ востоку Азіи, близъ Миръ (Μύρων, § 10).

Здѣсь онъ отдохнулъ въ молитвенномъ домѣ около горы. Когда сюда вошелъ мужъ съ женою для зажженія огня и увидѣлъ святого, пришелъ въ изступленіе, ибо Іоанникій былъ большого роста, ангелоподобный, красивый и во власяницѣ, босой и косматый. Іоанникій успокоилъ ихъ, говоря, что онъ такой же человѣкъ, какъ и они. Они припали къ ногамъ его и на вопросъ о направленіи дороги отвѣтили, что здѣсь есть рѣка непереходная, что можно перейти ее въ день по причинѣ скопившихся снѣговъ. Іоанникій ночью отправился къ рѣкѣ и перешелъ на другой ея берегъ, не замочивъ ногъ (§ 11). Отсюда онъ прибылъ въ храмъ Іоанна Богослова въ Ефесѣ при закрытыхъ дверяхъ, отворившихся передъ нимъ и снова затворившихся, когда онъ оттуда вышелъ. Прибывъ въ Кундурію, онъ встрѣтилъ здѣсь двухъ монахинь, дѣвушку съ матерью—старухою. Молодая монахиня упрашивала мать вернуться въ міръ. Старуха припала къ ногамъ Іоанникія и молила его за дочь. Святой подозвалъ молодую инокиню, велѣлъ ей положить руку на его шею, и заявилъ, что борьба дѣвушки съ плотью перейдетъ на него. Дѣвушка вернулась съ матерью въ монастырь. Когда Іоанникій уже проходилъ Кундурійскія горы, злой духъ сталъ побуждать его къ прелюбодѣянію. Святой предалъ себя въ пищу пещерному дракону, желая лучше умереть тѣлесно, а не душевно. Звѣрь отнесся къ нему съ почтеніемъ, какъ нѣкогда Крестителя боялись драконы. Такъ онъ побѣдилъ демоновъ и умертвилъ дракона, получивъ даръ силы на звѣрей. Проходя по горѣ и распѣвая псалмы Давида, онъ замѣтилъ кучу камней и на ней дракона; онъ наступилъ ему на голову, сотворивъ знаменіе креста, и желѣзною палкою поразилъ дракона. Зимою войдя въ пещеру, откуда горѣли два глаза дракона, Іоанникій набралъ дровъ и приготовился сжечь его. Но вотъ непогода кончилась и святой сталъ жить вмѣстѣ съ драко-

помъ безъ вреда (§ 12). Затѣмъ онъ спустился къ горамъ Киликіи и жилъ тамъ семь лѣтъ.

На пятомъ году «благочестиваго» царствованія Никифора и Ставракія, на 12-мъ году отшельнической жизни Іоанникія, на 54-мъ году всей его жизни, въ 808 г., ему было откровеніе идти въ Пандимскій (τοῦ Πανδήμου) монастырь Еристу (Ἐριστήν), самую большую изъ всѣхъ виѳинскихъ киновій, гдѣ настоятелемъ былъ тогда Стефанъ, мужъ добродѣтельной жизни, а экономомъ — Анастасій, — дабы тамъ принять постриженіе. Прибывъ сюда, Іоанникій передалъ откровеніе игумену Стефану, послѣ чего былъ немедленно постриженъ игуменомъ и экономомъ. Отсюда Іоанникій перешелъ въ Митаты (τὰ Μητάτα) и найдя здѣсь, при рѣкѣ Горгитѣ (Γοργύτης), пещеру въ мѣстѣ Критамахъ (τὰ Κρίταμα), затворился здѣсь, наложилъ на себя вериги (въ шесть саженъ) и предался добродѣтели (§ 13). Черезъ три года, проведенныхъ здѣсь, Іоанникій отправился на горы Лидійскихъ лѣсовъ и въ крѣпость Лисъ (Λισός), въ мѣстности Хелидонѣ (Χελιδόνα), къ великому настоятелю Георгію. Переправившись черезъ рѣку Горгитъ, онъ увидѣлъ въ ней страшнаго дракона. Убивъ его доблестью Христовою, святой явился къ Георгію, прожилъ съ нимъ три года, изучилъ всю псалтирь, вернулся съ ученикомъ Пахоміемъ къ настоятелю Антидіева монастыря Іоанну, отсюда къ игумену Агаврскаго монастыря Григорію и на недоступныя горы Трихалика (τοῦ Τριχάλικος). Тотъ, узнавъ о прибытіи его, вышелъ ему навстрѣчу съ братіею: Евстратіемъ, любимымъ ученикомъ Іоанникія, Саввою (агіографомъ) и Ѳеофилактомъ[1]). Они построили ему келью и увидѣли стадо дикихъ козъ. Іоанникій внушилъ мысль Саввѣ привести къ нему козла, котораго вскорѣ велѣлъ отпустить (§ 14).

На 11-мъ году царствованія Никифора, въ 811 г., жившіе въ Ливѣ (τὸν Λίβα) Гунны (Οὖννοι)[2]) вышли для опустошенія Ѳракіи. Самъ царь со многими войсками выступилъ на встрѣчу и разбилъ ихъ на голову, преслѣдовалъ ихъ до ихъ столицы и тамъ необдуманно остановился на житье. Но сосѣдніе съ ними народы возстали противъ Никифора, разбили его войско, а самого взяли въ плѣнъ. Родственники царя просили Іоанникія помолиться о Никифорѣ; святой отвѣтилъ:

---

1) Петръ сначала говоритъ о Евстратіи и Ѳеофилактѣ, а потомъ о Петрѣ, Саввѣ и Антоніи, съ которыми Іоанникій ушелъ въ τὰ μέρη τῶν Θρακησίων (p. 389, § 10).

2) Петръ выражается точнѣе (p. 386, § 5): τὸ τῶν Οὔννων ἔθνος, ἤγουν τῶν Βουλγάρων.

за царя я уже молился, за царя помолюсь теперь. Понявъ тайный смыслъ этихъ словъ, они узнали, что царь раненъ въ битвѣ и погибъ и что сынъ его вступилъ на престолъ. Множество народа устремилось въ столицу и дивилось пророчеству святого. Ставракій былъ также раненъ и страдалъ, но взялъ въ руки власть. Внуки его черезъ честнаго мужа Евстратія и настоятеля Григорія вывѣдывали у Іоанникія, сколько лѣтъ онъ будетъ жить. Евстратій выѣхалъ изъ Константинополя въ свой монастырь, взялъ благословеніе у Григорія и поднялся къ Іоанникію. Святой сказалъ ему: дитя, Евстратій! теперь время горя и предстоитъ перемѣна правителя. Это и исполнилось, какъ сказано. Вскорѣ Ставракій умеръ и скипетръ перешелъ къ зятю его Михаилу (§ 15). Послѣдній правилъ имперіею благочестиво. На второмъ году царствованія, намѣреваясь воевать противъ гунновъ, онъ назначилъ стратигомъ востока Льва Амаликитянина (Ἀμαληκίτης). Внукъ его Вріеній (Βρυένης)[1]) прибылъ ко святому. Іоанникій спросилъ его: умѣетъ ли Левъ пасти овецъ? Вріеній отвѣтилъ: если онъ полководецъ, онъ стало быть можетъ пасти и овецъ. Михаилъ отправился во Ѳракію противъ Гунновъ. Левъ обратился въ бѣгство, вслѣдствіе чего греки были разбиты; Левъ захватилъ престолъ, жену и дѣтей Михаила постригъ въ монашество (§ 16). Дьяволъ, отецъ Льва, подвигнулъ его возстать на иконы. По этому поводу агіографъ говоритъ вообще объ иконопочитаніи, о томъ, что уже Константинъ Великій велѣлъ чеканить на монетахъ изображеніе Христа. Левъ изгналъ съ престола патр. Никифора, замѣнивъ его Ѳеодотомъ Мелиссиномъ, уроженцемъ Наколіи, и послалъ въ пустыни, горы и пещеры разыскивать иконопочитателей (§ 17).

Съ Прусской горы Трихалика Іоанникій отправился въ такъ называемый «Лидійскій лѣсъ» (τὸ πρὸς Λυδίαν ἄλσος). Здѣсь жилъ развратникъ и магъ Гурій (Γουρίας), пользовавшійся извѣстностью у нѣкоторыхъ. Онъ вздумалъ стать ученикомъ Іоанникія, но ошибся въ разсчетѣ. Демоны въ видѣ вооруженныхъ шлемами всадниковъ набросились на святого, по молитвою его были прогнаны. Магъ поднесъ ему въ питьѣ ядъ, но Іоанникій, сотворивъ крестное знаменіе и выпивъ, извергъ ядъ съ большимъ количествомъ крови. Онъ видитъ во снѣ страшнаго воина съ деревомъ въ рукѣ. Это былъ Евстаѳій, посланный

1) Петръ говоритъ (p. 392, § 16): τῷ υἱῷ σοῦ Τούρκου, τούνομα Βρυένης. Левъ и Вріеній — ἐξάδελφοι.

отъ Бога на помощь, повелѣвшій съѣсть отъ этого дерева, чтобы быть въ состояніи уничтожить ядъ Гурія. Взявъ его, святой съѣлъ, почувствовалъ сладость, проснулся, но никого у него не было (§ 18). Выгнавъ мага, онъ воздвигъ молитвенный домъ и монастырь на томъ мѣстѣ стратилату Евстаѳію. Во снѣ онъ увидѣлъ чистый источникъ, около котораго паслись овцы, и нѣкій мужъ въ бѣлыхъ ризахъ назвалъ ему этотъ источникъ обителью Богородицы. Проснувшись, онъ отправился къ источнику, но не нашелъ его; но встрѣтивъ пріятную равнину, воздвигъ здѣсь храмъ во имя Богородицы, къ которому присоединилъ монастырь (§ 19)[1]. Во время постройки храма пошелъ сильный дождь, мѣшавшій рабочимъ, которые оказались безъ хлѣба и удрученными. Іоанникій помолился Богу, и дождь пересталъ. Онъ помогалъ рабочимъ собирать и убирать камни. Въ это время у него на рукѣ повисла ехидна; онъ сбросилъ ее на землю, зарылъ ее и остался невредимъ. Когда змѣя укусила одного рабочаго, Іоанникій крестнымъ знаменіемъ выгналъ изъ него ядъ. Онъ построилъ еще храмъ во имя св. Апостоловъ и посвятилъ его въ монастырь. Онъ жилъ пустынникомъ въ сосѣдней пещерѣ Марсалинѣ (Μαρσαλινῷ) и здѣсь молитвою умертвилъ дракона. Отправляясь изъ своего уединенія въ монастырь при громѣ и молніи, онъ воздѣвъ руки къ небу и предотвратилъ пожаръ храма (§ 20). Во время преслѣдованія Льва «честной мужъ» Евстратій спустился изъ Агаврскаго монастыря, находящагося въ Прусѣ (τῆς ἐν Προύσῃ), къ своему отцу, жившему всегда въ Лисѣ (ὁ Λῖσος), для аскетическихъ подвиговъ. Святой пребывалъ на молитвѣ; Евстратій видѣлъ, что онъ висѣлъ въ воздухѣ на два локтя отъ земли. Святой выразилъ неудовольствіе по поводу того, что его видѣлъ Евстратій, и заключилъ рѣчь словами: я знаю то, но совершенно не нужно дѣлать того, что не необходимо (§ 21). Затѣмъ Іоанникій исцѣлилъ одного бѣсноватаго мальчика, уроженца одной изъ деревень на той горѣ, а равно одну женщину, мучимую сладострастіемъ: она поднялась къ святому на гору Хелидонскую (τῆς Χελιδόνος), и тотъ исцѣлилъ ее (§ 22). Демоны сдѣлали нападеніе на самого Іоанникія, который молитвами и постомъ прогналъ ихъ (§ 23).

Затѣмъ Іоанникій отправился на Олимпійскую гору (Ὀλυμπιακὸν ὄρος), по сосѣдству съ Трихаликой и Прусой. На пути жители одной

---

1) По Петру (р. 394, § 19), Іоанникій воздвигъ здѣсь три храма—во имя Богородицы, ап. Петра и Павла и Евстаѳія Плакиды.

деревни просили его избавить ихъ отъ дракона, пожиравшаго людей и скотъ. Святой повелѣлъ звѣрю выйти вонъ изъ пещеры, сотворилъ крестное знаменіе и призываніемъ св. Троицы умертвилъ дракона. Прибывъ на Трихаликову гору, Іоанникій предался уединенію.

На седьмомъ съ половиною году тиранніи Льва Армянина (въ 820 г.) Евстратій, игуменъ Агаврскаго монастыря, въ виду воздвигнутаго преслѣдованія, поднялся на гору къ Іоанникію и спросилъ его о будущемъ и о кончинѣ императора. Святой отвѣтилъ ему: Господь не забудетъ въ конецъ наслѣдіе свое, но вскорѣ доставитъ намъ избавленіе: ибо царь Левъ погибнетъ [1]). Евстратій спустился съ горы и вскорѣ отъ свѣдущихъ лицъ узналъ, что Левъ убитъ въ храмѣ отъ меча и что преемникомъ его сталъ Михаилъ, аморіецъ (ἀμορραῖος), обѣщавшій уничтожить преслѣдованіе, но оставлявшій еретикамъ право владѣнія церковью (§ 24). Поэтому, взявъ съ собою одного благочестиваго мірянина Никиту (Λυγδηνός), Евстратій снова поднялся къ святому. За трапезою Іоанникій обратился съ рѣчью къ близъ его жившему аскету Иліѣ и предсказалъ ему скорую кончину, что̀ и сбылось: Илія умеръ въ Агаврскомъ метохѣ Агапія [2]) и перенесенъ въ монастырь «Келлій» (τῶν Κελλίων) [3]). Іоанникій спустился съ горы, облобызалъ мощи Иліи и снова вернулся къ своему безмолвію (§ 25). Однажды ходя по скалистымъ мѣстамъ, Іоанникій выронилъ изъ рукъ желѣзный посохъ въ видѣ креста; онъ сталъ на молитву, и вотъ жезлъ спустился къ нему по воздуху. Однажды онъ проходилъ мимо пещеры, наполненной демонами; когда онъ поселился здѣсь, демоны бѣжали изъ пещеры (§ 26). Дочь одного сенатора, находившаяся въ параличѣ, принесенная къ ногамъ святого, послѣ троекратнаго крещенія святымъ, выздоровѣла [4]). Зять Іоанникія, женатый на его сестрѣ, былъ иконоборецъ; не поддаваясь убѣжденіямъ, онъ былъ пораженъ слѣпотою и умеръ слѣпымъ (§ 27). Однажды собрались къ святому для молитвы въ одинъ изъ Агаврскихъ метоховъ—въ храмъ св. прор. Иліи: Іоаннъ митр. Халкидонскій, по прозванію Камуліанъ (ὁ Καμουλιανός),

---

1) По Петру (p. 401, § 30), Іоанникій велѣлъ Евстратію идти πρὸς τὸν οἶκον τοῦ κύρου Νικήτα τοῦ Λυγδηνοῦ и ждать тамъ извѣстій изъ столицы.

2) По Петру (p. 402, § 31), Илія сначала лежалъ въ домѣ одной женщины Λεοπαρδίνας.

3) По Петру, Илія былъ перенесенъ въ Агапіевъ метохъ Агаврскаго монастыря, гдѣ и умеръ.

4) По Петру (p. 403, § 34), это была дочь кандидата Θеодота Селлокаки (ὁ Σελλοκάκας).

Петръ Никейскій, Θеодоръ игуменъ Студійскій, Климентъ, нотарій его, Іосифъ, экономъ церкви [1]), съ братомъ своимъ и много (около сотни) другихъ игуменовъ и мірянъ. Узнавъ о томъ черезъ Евстратія, Іоанникій принялъ собраніе и завелъ разговоръ о добродѣтели. Потомъ онъ предсказалъ близкую кончину эконому Іосифу, что и случилось черезъ 18 дней (§ 28).

Въ пятомъ году царствованія Михаила и сына его Θеофила и на 14-мъ отъ пораженія и плѣненія въ Болгаріи при Никифорѣ, въ 824 г., Іоанникій достигъ высоты добродѣтелей, прославился чудесами и пожелалъ посѣтить плѣнниковъ, содержимыхъ 14 лѣтъ Болгарами, и освободить ихъ. Явившись къ тюрьмамъ, онъ вошелъ въ нихъ невидимо для стражи и вывелъ оттуда плѣнниковъ, которыхъ сопровождалъ до границъ христіанскихъ. Плѣнники спрашивали Іоанникія, кто онъ? И святой, назвавъ себя смиреннымъ и грѣшникомъ, просилъ ихъ отвращаться отъ всего мірского, вредящаго спасенію душъ. «И это, пишетъ агіографъ, мы слышали отъ одного изъ спасшихся, по имени Евстаθія, избравшаго уединенную жизнь въ Виθинскомъ заливѣ (τῷ τῆς Βιθυνίας κόλπῳ), по ту сторону Препета (Πραινέτος), у деревни Цуллъ» (Τζοῦλλον § 29). По возвращеніи Іоанникія на Трихаликову гору для благословенія у него прибыли игуменъ Елеовомскій (τῶν Ἐλαιοβώμων) Антоній и экономъ его Василій. Святой сказалъ Василію: сходи къ Никейскому митрополиту Ингеру (Ἴγγερ) и сообщи ему о скорой смерти. Такъ и случилось: сей иконоборецъ скоро умеръ (§ 30).

Въ это время Іоанникій прибылъ въ Сигріанскій монастырь св. Θеофана «Село», чтобы облобызать честную и дивную палатку; затѣмъ отправился въ монастырь на сѣверѣ Аполлоніадскаго озера. У острова Θаза (Θάσιον) на встрѣчу ему вышелъ пастырь [2]) Даніилъ съ братіею и молилъ святого освободить страну отъ дракона и змѣй. Іоанникій велѣлъ Даніилу съ братіею идти въ храмъ, а самъ пошелъ къ пещерѣ драконовой, гдѣ вооружился стрѣлами молитвы. Звѣрь не вынесъ этого и бросился въ озеро; скоро онъ со змѣями изчезъ на сушѣ, въ южной части озера, и въ сосѣднихъ горахъ. Іоанникій сказалъ Евθимію, брату пастыря Даніила: «Знай, господинъ Евθимій, что царь бу-

---

1) У Петра (§ 36): ὅ ποτε γεγονὼς οἰκονόμος τῆς μεγάλης ἐκκλησίας, по всей вѣроятности тотъ, который вѣнчалъ царя Константина съ Θеодотою.

2) Петръ (p. 414, § 53): ὁ γεγονὼς ποτε ἡγούμενος τοῦ νησίου τῆς εὐαγοῦς μονῆς τοῦ Θασίου.

детъ искать тебя; будь готовъ». Черезъ пять дней онъ умеръ (§ 31). Іоанникій съ Даніиломъ удалился черезъ высокія горы на безмолвіе, гдѣ ему опредѣлено было вести подвижническую жизнь. Въ одной изъ тамошнихъ пещеръ, называвшейся у мѣстныхъ жителей Топархомъ (Τοπάρχης), жило множество демоновъ, приносившихъ вредъ прохожимъ. Проживъ тамъ 40 дней, Іоанникій явился Даніилу, жившему въ другомъ, ближайшемъ къ нему мѣстѣ, въ образѣ величаваго, чернаго и отвратительнаго демона. Приблизившись, онъ произнесъ: святая Богородица, помоги мнѣ. Съ этими словами врагъ упалъ на землю и такъ сильно ударилъ въ бокъ Іоанникія, что святой лишился языка на семь дней. Выздоровѣвъ милостію Божіею, Іоанникій съ Даніиломъ отправился въ Трихаликовъ монастырь, гдѣ поселился въ Агаврскомъ метохѣ св. Космы. На обитель напала гусеница и уничтожила овощи монаховъ. Монахи черезъ честного Евстратія просили святого уничтожить ее. Іоанникій отвѣтилъ: пойдемте, я самъ посмотрю садъ. Рано утромъ она ушла изъ сада и перестала портить овощи[1]). Агаврскій игуменъ Григорій хотѣлъ однажды идти въ столицу ради нѣкоей нужды и сообщилъ объ этомъ Іоанникію, на что святой сказалъ: насталъ часъ лѣта, отецъ, жатва побѣлѣла, и царь позоветъ къ себѣ одного изъ насъ. Игуменъ не понялъ сказаннаго, прибылъ въ столицу, но черезъ 11 дней умеръ; игуменство его перешло къ племяннику его (ἀνεψιόν) Евстратію (§ 32)[2]).

Нѣкій Исаакій, кураторъ одного изъ славныхъ монастырей около столицы, именно женской обители Клувія (Κλούβιον)[3]), отправился однажды къ Іоанникію вмѣстѣ съ двумя Агаврскими (Ἀγαυρινοῖς) монахами Досиѳеемъ и Евстратіемъ. Послѣ молитвы и духовной бесѣды онъ услышалъ отъ святого слѣдующее: не хорошо ты дѣлаешь, господинъ Исаакъ, рѣшившись вести монашеское житіе, но оставаясь только при этомъ намѣреніи: лучше не посвящать себя, нежели посвятить и не исполнить. Когда Исаакій сталъ ссылаться на строгость и отговоры своей жены, Іоанникій сказалъ: съ тобою отправляются въ Константинополь Досиѳей и Евстратій; вотъ я сообщу женѣ твоей, пусть она разрѣшитъ тебѣ уйти въ монастырь, пока ты еще живъ. Осѣнивъ его, запечатлѣвъ печатью креста и помолившись съ упомянутыми иноками, Іоанникій отослалъ ихъ въ столицу. Монахи передали женѣ

1) У Петра (р. 421, § 56).
2) У Петра (р. 422—3, § 59).
3) У Петра (§ 57) не столь опредѣленно: кураторъ монастыря Клувійскаго.

Исаака желаніе Іоанникія и привели ее въ сильное смущеніе, такъ какъ мужъ ея былъ хорошимъ хозяиномъ, умѣвшимъ вести хозяйство. Тѣмъ не менѣе она было уступила требованію святого, но послушавъ дурныхъ людей, снова возбранила мужу постриженіе и послала его въ одно изъ городскихъ предмѣстій. Здѣсь Исаакій заболѣлъ, былъ постриженъ и на третій день скончался, согласно съ предсказаніемъ Іоанникія. Послѣ того благочестивая Клувійская игуменія съ дочерью-инокинею прибыла къ святому и удостоилась его благословенія. Іоанникій предрекъ игуменьѣ скорую кончину, а ея дочери — игуменство, въ знакъ чего святой передалъ дочери жезлъ. Старуха жаловалась, что ей приличнѣе было бы имѣть посохъ, но Іоанникій отвѣтилъ: жезлъ дается той, которой онъ пріуготованъ. Опечаленная старица обратилась къ Евстратію: ради чего святой отецъ далъ посохъ не мнѣ, а моей дочери? Евстратій отвѣтилъ: отецъ быть можетъ чувствуетъ близость твоей кончины и предсказываетъ игуменство твоей дочери. Старица вскорѣ заболѣла и скончалась, оставивъ настоятельство своей дочери (§ 33)[1]. Сдѣлавшись извѣстенъ многимъ и постоянно осаждаемый посѣтителями, Іоанникій рѣшился переселиться въ неприступную пустыню «Воронову Голову» (Κόρακος Κεφαλή), гдѣ ранѣе получилъ предсказаніе отъ двухъ старцевъ, для чего взялъ съ собою Евстратія. Прибывъ въ Мерилукоми (Μεριλούκωμις)[2], святой сказалъ: скоро мы встрѣтимся со стадомъ овецъ и за ними собакъ; смотри, не бойся ихъ нападенія. Когда они встрѣтились со стадомъ, псы смиренно подошли къ святому, припали къ его стопамъ и лизали ихъ. Іоанникій велѣлъ Евстратію позвать пастуховъ, чтобы тѣ показали имъ дорогу, ведущую въ Трапезу (Τράπεζα). Евстратій не могъ окликать ихъ, ибо не зналъ ихъ имени, — но Іоанникій сказалъ: сначала позови Θеофилакта, затѣмъ Христофора. Когда пастухи пришли къ нимъ, то на вопросъ отвѣтили: одинъ изъ насъ потерялъ свою овцу и идетъ на ея розыски. Іоанникій просилъ одного показать имъ дорогу, говоря, что овца у нихъ найдется, что̀ и случилось. Пастухъ показалъ дорогу и вернулся къ своему стаду. Между тѣмъ дорогою Іоанникій сказалъ Евстратію: скоро встрѣтятся намъ путешественники, которыхъ бы я не хотѣлъ видѣть: иди впереди меня, а я послѣдую за тобою. Путники, встрѣтивъ Евстратія, сказали: благослови, отче! изъ какого ты монастыря? Какъ ты, странствуя по непроходимымъ горамъ, не

1) У Петра (р. 422, § 58).
2) У Петра (р. 423, § 60): Μερίλλου κώμη.

видишь возстанія? На это Евстратій отвѣтилъ: Кто имѣетъ Бога съ собою, тотъ не одинъ, не подвергается вреду и всегда безстрашенъ. Іоанникій стоялъ около Евстратія, но путешественники его не видѣли. Когда они ушли, святой снялъ съ себя родъ покрывала (τὸν τῆς οἰκήσεως ὄγκον περιαίρων) и сказалъ Евстратію: молитва твоя, подобно палаткѣ, скрыла меня отъ глазъ ихъ (§ 34) [1]).

Достигнувъ горъ Антидіева монастыря, Іоанникій выстроилъ себѣ небольшую келью и предался здѣсь подвигамъ, полагая, что здѣсь онъ сокрытъ отъ народа. Его посѣтила жена патрикія и магистра Стефана, отравленная своими служанками и тронувшаяся въ умѣ. Потративъ много денегъ на докторовъ, но безуспѣшно, она была приведена къ святому: Іоанникій помолился, сотворилъ крестное знаменіе и отпустилъ ее здравою, запретивъ ей искать людей, ей повредившихъ, напротивъ простить всѣхъ [2]). Быть можетъ здѣсь мы видимъ того магистра Стефана, о смерти жены котораго писалъ Ѳеодоръ Студитъ [3]). Затѣмъ инокъ Стефанъ, состоявшій нотаріемъ [4]) стратига Ольвіана (Ὀλβιάνος), прибылъ къ святому. Іоанникій однажды сказалъ Стефану: надо бодрствовать, ибо неизвѣстно, когда придетъ Господь. Черезъ восемь дней Стефанъ скончался. Затѣмъ посѣтилъ святого инокъ Ѳома съ игуменомъ Евѳиміемъ, сыномъ патрикія и магистра, и выслушалъ отъ него, что жизнь коротка, протекаетъ какъ сонъ: черезъ 25 дней онъ скончался (§ 35) [5]).

Съ появленіемъ при имп. Ѳеофилѣ иконоборчества много епископовъ и игуменовъ бѣжали со своихъ мѣстъ въ горы. Евстратій, настоятель Агаврскаго монастыря, былъ смѣщенъ и замѣненъ однимъ изъ Агаврскихъ монаховъ — Антоніемъ. Три раза Іоанникій увѣщевалъ его, но Антоній все пребывалъ въ ереси. Наконецъ святой поднялся къ Антонію въ четвертый разъ и пригрозилъ ему приближеніемъ смерти черезъ 40 дней. Антоній заболѣлъ болью въ груди или въ желудкѣ (τὸ ἥμισυ μέρος τοῦ σώματος), былъ поднятъ какъ трупъ и черезъ 40 дней скончался (§ 36) [6]). Константинъ, ипатикъ, пришелъ однажды къ Іоанникію. Дорогою онъ прибилъ Іоанникіева пастуха. Святой замѣтилъ, что ипатъ (κύρι ὕπατε) поступилъ не хорошо, прибивъ

1) У Петра (§ 60—61).
2) У Петра (р. 427, § 63).
3) Migne, P. gr. XCIX, 1313.
4) У Петра (р. 427, § 64): протонотаріемъ.
5) У Петра (р. 427, § 65).
6) У Петра (р. 427, § 66).

пастуха. Когда сынъ ипата Никифоръ явился къ Іоанникію, святой спросилъ его о его отцѣ, на что Никифоръ только картавилъ. Іоанникій просилъ его произнести слово ἄρφα, и Никифоръ говорилъ ἄλφα. Святой помолился надъ больнымъ, послѣ чего Никифоръ сталъ произносить слово правильно: ἄρφα и пр., и затѣмъ вернулся домой (§ 37). Во время постройки храма во имя Іоанна Предтечи въ Антидіевомъ монастырѣ, Іоанникій пришелъ взглянуть на работу. Монахъ Антидіева монастыря Іоаннъ [1]) сообщилъ народу, что святой пойдетъ вмѣстѣ съ нимъ. Но вотъ Іоаннъ прошелъ, а Іоанникія, шедшаго съ нимъ, народъ не видѣлъ: по словамъ святого, это была воля Божія (§ 38). Нѣкій монахъ и игуменъ Θеодоръ, знакомый Іоанникія, однажды прославлялъ подвиги святого. Одинъ изъ слушателей пожелалъ вмѣстѣ съ Θеодоромъ посѣтить святого и сподобиться его благословенія. Во время трапезы въ келліи Іоанникія появился большой медвѣдь изъ ближайшаго лѣса и напугалъ угощающихся. Святой подозвалъ звѣря, и медвѣдь расположился у его ногъ; онъ велѣлъ ему идти обратно, и звѣрь отправился въ гору. Тогда Іоанникій произнесъ: если мы являемся любителями Христа и его заповѣдей, намъ не страшны ни аспиды, ни василиски, ни львы, ни драконы; сія благодать показываетъ, что̀ въ иконѣ неописуемаго. Насладившись его бесѣдою, Θеодоръ со своими знакомыми покинули святого (§ 39). Когда бѣдняки просили милостыни и святой не имѣлъ ни золота, ни серебра, онъ сказалъ своему управителю (ὑπουργός) Θеодулу: принеси сюда сосудъ съ масломъ и дай нашимъ братьямъ бѣднякамъ, но принеси съ собою и пустой сосудъ для масла. Θеодулъ отвѣтилъ: если я принесу сюда полный сосудъ, то зачѣмъ сосудъ пустой? На это Іоанникій отвѣтилъ: ты имѣешь благословеніе; сдѣлай такъ, какъ я сказалъ. Θеодулъ отправился исполнить порученіе. Но возвращаясь обратно, онъ упалъ и разбилъ наполненный сосудъ, такъ что долженъ былъ перелить масло въ свободный. Понявъ свое непослушаніе въ отношеніи отца, Θеодулъ заплакалъ и, явившись къ Іоанникію, покаялся передъ нимъ, дивясь его пророческой прозорливости (§ 40) [2]). Агаврскій игуменъ Евстратій однажды сталъ харкать кровью; лежалъ безгласенъ, такъ что едва могъ сказать одному иноку Николаю, чтобы тотъ сходилъ къ Іоанникію и сообщилъ ему о его нездоровьѣ. Іоанникій, выслушавъ Николая, сказалъ: подожди немного

1) По Петру (р. 413, § 50), это былъ инокъ Павелъ (у Van den Gheyn'а р. 417 ошибочно: Петръ).

2) Ср. у Петра р. 414, § 52.

здѣсь. Затѣмъ онъ ушелъ помолиться и, вернувшись, сказалъ Николаю: Евстратій, ты не умрешь нынѣ, мы увидимъ другъ друга во плоти; не печалься. Николай вернулся къ Евстратію и сообщилъ ему, что произнесъ Іоанникій. Игуменъ выздоровѣлъ, и какъ разъ въ тотъ часъ, когда Іоанникій молился. Еще во время его болѣзни братья въ Левкадской киновіи (μετόχιον Λευκάδων) просила его побыть съ ними ради пользы и духовной бесѣды. Евстратій, не желая опечалить кого либо, согласился и прибылъ къ нимъ. Но уставъ съ дороги, онъ снова впалъ въ болѣзнь, подвергшись сильной лихорадкѣ. Четыре дня онъ провелъ безъ пищи, безъ голоса. Братія окружила его и плакала. Евстратій вспомнилъ объ Іоанникіи и тотчасъ, заснувъ, увидѣлъ святого, что онъ съ нимъ бесѣдуетъ. Игуменъ проснулся и выздоровѣлъ, послѣ чего вернулся въ свой монастырь (§ 41)[1]. Во времена сквернаго и страшнаго Θеофила, преслѣдовшаго благочестивыхъ и требовшаго въ то время повиновенія посредствомъ эдиктовъ, къ Іоанникію явился для молитвы нѣкій изъ Опсикія, протонотарій, писецъ и спаѳарій Дросъ (Δρόσος)[2]. Святой сказалъ ему: Готовь, спаѳарій, себя и свои бумаги, ибо царь вскорѣ позоветъ тебя дать отчетъ въ дѣлахъ. Но Дросъ не понялъ аллегоріи и отвѣтилъ, что онъ готовъ хоть сейчасъ на отвѣтъ. Но Іоанникій замѣтилъ: я говорю тебѣ не о царѣ земномъ и не о бумагахъ неправедныхъ, но о царѣ небесномъ: наступаетъ время твоей кончины; разверни хартіи грѣховъ, обмой ихъ слезами и милостыней, дабы въ день суда не нашлись твои обвинители. Съ этими словами Іоанникій отпустилъ Дроса. Послѣдній однако не обратилъ вниманія на слова святого; но прибывъ на границу (περὶ τὰ μητάτα) Лидіи, онъ вскорѣ умеръ (§ 42). Однажды, когда благочестивый инокъ Петръ (второй агіографъ Іоанникія), часто посѣщавшій святого, прибылъ къ Іоанникію съ другимъ отшельникомъ, сосѣдомъ своимъ Платономъ, они были приняты святымъ и проводили время въ душеспасительной бесѣдѣ. Платонъ сказалъ: отъ всей души мы просимъ тебя, святый отче, удѣлить намъ разъ въ годъ времени для собесѣдованія съ тобою. Іоанникій отвѣтилъ: братъ Платонъ, тебѣ не дано будетъ видѣть меня во плоти. Затѣмъ онъ далъ имъ 12 частицъ сухого хлѣба и отпустилъ ихъ съ миромъ. Черезъ годъ едва Петръ съ Платономъ прибылъ къ другому иноку, также Петру, происходив-

1) У Петра (p. 415, § 54).

2) Петръ (p. 428, § 67): ὁ σπαθάριος Δρόσος, ὅ ποτε γεγονὼς ἀντιγραφεὺς τοῦ Ὀψικίου, διατρίβων ἐν τῇ ἀναγραφῇ.

шему изъ Виөинскаго монастыря Ἡράκλην и вскорѣ, по возстановленіи православія, сдѣлавшемуся митрополитомъ Силлейскимъ (Σιλλαίου). Авва Петръ сказалъ Петру: я имѣю большое желаніе, отче, видѣть святого Іоанникія и лобызать честныя его стопы, но не могу ходить пѣшкомъ, нуждаюсь въ животныхъ и провизіи. На это Петръ отвѣтилъ: братъ, сопровождай меня на одномъ изъ моихъ животныхъ. Но такъ какъ онъ не хотѣлъ брать съ собою Платона, то послѣдній недоумѣвалъ, какъ бы Іоанникій не оказался лжецомъ, что не увидитъ лица его во плоти. Когда они должны были отправиться, каждый изъ нихъ вошелъ къ святому для благословенія; потомъ получивъ 12 частицъ сухого хлѣба для благословенія, они удалились. Позади всѣхъ вошелъ къ Іоанникію сподвижникъ Платоновъ Петръ. Святой далъ и ему 12 благословеній и сказалъ: дитя Петръ, скажи Платону: не печалься, что противъ воли лишился скромнаго лицезрѣнія меня. Выслушавъ это, Петръ подумалъ: о, если бы святой послалъ благословеніе моей матери и сестрамъ! И святой далъ ему 36 благословеній со словами: дай по шести благословеній твоей матери и пяти твоимъ сестрамъ и иди съ радостью со своими братьями. Дивясь пророческому дару святого, Петръ покинулъ Іоанникія (§ 43) [1].

Когда чудотворецъ Петръ (Атройскій), бывшій игуменъ монастыря св. Захаріи, лежащаго у подножія Олимпа по сосѣдству съ Калукоми (Καλουκώμη), жилъ тогда въ верхнемъ храмѣ царскаго монастыря (τῆς μονῆς βασιλείου) св. Николая, гдѣ онъ и скончался, какъ великій Антоній видѣлъ дивное переселеніе Аммуна Нитрійца, такъ и великій Іоанникій дивно узналъ о славной кончинѣ Петра. Самъ онъ мнѣ однажды сказалъ (πρὸς ἐμὲ τὸν ἐλάχιστον οἰκείῳ στόματι εἴρηκεν): «дитя Савва, въ тотъ день и часъ утреннихъ пѣснопѣній, когда скончался Петръ, я молился и вижу въ экстазѣ, что я нахожусь въ храмѣ св. Николая вмѣстѣ съ Петромъ, вижу дивную гору, вершина которой подымалась до самаго неба. Когда мы стояли у ея подножія и бесѣдовали, передъ нами предстали два блестящихъ мужа, взяли Петра за руку и удалились туда, откуда они явились. И чѣмъ болѣе они удалялись, тѣмъ ярче виднѣлся блескъ отъ него. Послѣ этого посланный мною къ Петру одинъ изъ моихъ слугъ сообщилъ о кончинѣ Петра. Мой духъ соединился съ его духомъ». Выслушавъ это отъ святого, я подробно изложилъ объ этомъ въ жизни Петра (§ 44). Царь-иконобо-

1) Петръ (p. 428, § 68).

рецъ Θеофилъ однажды прислалъ къ Іоанникію двухъ своихъ слугъ, протовестіарія и великаго куратора, спросить святого, надо ли поклоняться иконѣ Христовой. Святой произнесъ имъ цѣлую лекцію объ иконопочитаніи. Θеофиловы сборщики податей (φορολόγοι) вернулись и сообщили императору мнѣніе Іоанникія, но царь, обманываемый нечестивымъ Іоанномъ (патріархомъ), продолжалъ пребывать въ ереси (§ 45). — Если бы мы точно знали о времени царскаго посольства къ Іоаннику (Van den Gheyn пріурочиваетъ его къ 841 г.), мы могли бы высказать мысль, что Θеофилъ подъ конецъ жизни все-таки какъ будто усумнился въ своемъ иконоборчествѣ. Это наблюденіе оправдываетъ также легенда о томъ, что передъ смертью царь исповѣдалъ православіе, — легенда, о которой будетъ сказано ниже. — Черезъ нѣсколько дней Агаврскій игуменъ Евстратій по обыкновенію поднялся къ Іоаннику и разсказалъ ему о преслѣдованіяхъ иконоборцевъ. Святой на это сказалъ: еще немного, Евстратій, и изображеніе дракона-отступника силою Христовою будетъ уничтожено, умретъ Θеофилъ и наступитъ каθолическое православіе. Ободренный такими рѣчами, Евстратій осмѣлился спросить святого: кто же окажется достойнымъ патріаршества? Іоанникій отвѣтилъ: Богомъ опредѣленъ къ этому славный дѣломъ, знаніемъ и духовнымъ убѣжденіемъ Меθодій, бѣглецъ міра и богатства съ юности, перенесшій много страданій отъ икороборцевъ и немного лѣтъ тому назадъ вернувшійся изъ Рима, 9 лѣтъ содержавшійся во гробѣ и ежедневно боровшійся съ тираномъ, какъ со львомъ. Такъ и случилось послѣ $6\frac{1}{2}$ лѣтъ безбожія Льва, послѣ 8 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ Михаила, послѣ 12 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ Θеофила и послѣ 1 года воцаренія супруги его Θеодоры и сына его Михаила. На второмъ году ихъ царства, въ 843 г., церковь одѣлась въ древнюю свою красоту, избрала въ архіереи Меθодія и свергла безбожнаго Іоанна (§ 46). Отецъ этого послѣдняго, діаволъ-иконоборецъ, былъ уничтоженъ, но посѣялъ смятеніе въ церкви: стали разногласить не еретики, а раздѣлились православные: нѣкоторые изъ нихъ стали порицать Меθодія, глумясь надъ его равноангельскою жизнію; другіе думали, что иконоборцы и поставленныя ими лица могутъ совершать службы; третьи отрицали у нихъ это право. Среди такой сумятицы Іоанникій послалъ Меθодію письмо слѣдующаго содержанія: не смущайся озлобленіемъ, а радуйся, не безпокойся по поводу клеветъ на тебя; но знай, что намъ вредитъ не менѣе схизма, чѣмъ ересь. Отказывай въ принятіи иконоборческихъ епископовъ и священниковъ.

Св. патр. Тарасій однажды юридически одобрилъ служеніе ихъ, и они дали ему формулу клятвы, что не возвратятся къ ереси, но и они при возобновившемся нечестіи при Львѣ попрали свое рукописаніе и издѣвались надъ иконою Христа, уничтоживъ ее. Посему крещеніе ихъ должно быть принято смотря по обстоятельствамъ (οἰκονομικῶς), отъ священства они должны быть отставлены (§ 47)[1]).

Меѳодій, получивъ это письмо, показалъ его императорамъ; онъ удаляетъ всѣхъ иконоборцевъ, устраняетъ схизматиковъ и успокаиваетъ церковь. Устраненные вооружились клеветами противъ Іоанникія, говоря, что безбоженъ и беззаконенъ тотъ, кто такъ думаетъ. Зная объ этомъ, Іоанникій, когда явилось къ нему множество епископовъ, пресвитеровъ и монаховъ, сказалъ: думаютъ, что я не право мыслю; но вотъ я вамъ скажу свое мнѣніе о Богѣ. Богъ есть пресущественная и несотворенная сущность.... Слушатели много дивились благочестію святого отца, и утвержденные въ вѣрѣ съ благословеніемъ вернулись во свояси (§ 48). По возстановленіи православія, Іоанникій позаботился при Львѣ оставлять основанныя имъ церкви въ Лисѣ (ἐν τῷ Λίσῳ). Нечистые духи, мучившіе людей, плакали, видя здѣсь Іоанникія, который бичевалъ ихъ. По освященіи игумены монастырей св. Евстаѳія и Богородицы, оба Макарія, прибыли къ святому и узнали отъ него обо всемъ, что случилось при освященіи: управленіе, раздачу милостыни и неистовство мучимыхъ, и исполнились страха, вспомнивъ о присутствіи при этомъ святого, возвѣщенномъ мучимыми. Одинъ изъ Макаріевъ удалился отъ Іоанникія; другой размышлялъ о болѣзни святого отца. Іоанникій сказалъ ему: ты не такъ думаешь, братъ Макарій; опухоль моихъ голеней не отъ излишества плоти, а отъ вздутія желудка, дурно переваривающаго пищу (ἐκ πνεύματος στόμαχον κακοσιτίας). Макарій испугался проницательности святого и, каясь въ своихъ помыслахъ, просилъ у него прощенія (§ 49). Во время тогдашнихъ войнъ грековъ съ арабами или сарацинами (τοὺς Ἰσμαηλίτας много византійцевъ было взято въ плѣнъ. Одинъ изъ этихъ плѣнныхъ происходилъ родомъ изъ деревни Ела (ἐκ κώμης τοῦ Ἔλους)[2]). Родственники его явились къ Іоанникію со слезами и, узнавъ, что сюда же скоро прибудетъ патрикій и сакелларій Левъ для полученія благосло-

1) Петръ (р. 432, § 70).

2) Петръ (р. 425, § 62) прибавляетъ, что плѣнникъ приходился внукомъ или племянникомъ (ἀνεψιός) нотарія Евгантра (Εὐγάντρη), что онъ былъ схваченъ сарацинами во время отлучки изъ родины по какому-то дѣлу.

венія, просили, чтобы Левъ далъ имъ вмѣсто родственника одного сарацинина, такъ, чтобы современемъ можно было размѣняться. Патрикій Левъ прибылъ къ Іоанникію и бесѣдовалъ съ нимъ о душеполезныхъ предметахъ, но святой умышленно позабылъ ему сказать о плѣнникѣ. По уходѣ Льва родственникъ плѣнника, опечаленный этимъ, въ душѣ поносилъ Іоаннikія. Послѣдній, прозрѣвъ это, сказалъ ему: не печалься, брате, и не сердись, что я не изложилъ этому человѣку твоей просьбы, лучше надѣйся на Бога. Такимъ образомъ успокоивъ его, святой въ ту же ночь явился въ темницу, гдѣ содержался плѣнникъ, и сказалъ одному изъ его знакомыхъ: встань, возьми съ собою твоего соплѣнника и моего знакомаго Евандрія, и оба слѣдуйте за мною: я пойду впереди васъ; и если кто спроситъ тебя на дорогѣ, кто тебѣ являлся, говори: смиренный и жалкій Іоаннікій. Когда же плѣнникъ разсказалъ это видѣніе своему соузнику Евандрію, онъ укрѣпился при появленіи святого и воспылалъ духомъ. Оба узника поднялись на ноги, и тотчасъ спали съ ихъ рукъ и ногъ цѣпи и оковы и открылись двери темницы. Ясно было, что святой поразилъ смертію темничныхъ стражей и снялъ оковы съ плѣнниковъ, что онъ то былъ видимъ, то скрывался изъ ихъ глазъ. Дорогою они натолкнулись на сарацинскихъ пастуховъ, пасшихъ и ведшихъ за собою страшныхъ собакъ. Увидѣвъ ихъ, псы залаяли и бросились было на нихъ, но вотъ появился святой и велѣлъ собакамъ молчать; на пастуховъ же набросилъ мракъ (περιβάλλει ἀχλύϊ), такъ что они ихъ не видѣли; велѣлъ освобожденнымъ идти впередъ, а самъ опять скрылся. Вскорѣ вернувшись во свояси, они поднялись къ святому Іоаннікію и принесли ему благодареніе за свое освобожденіе (§ 50).

На 50-мъ году своей аскетической жизни и на 92-мъ году жизни, въ 846 г., когда Іоаннікій былъ наученъ оракуломъ на Вороновой Головѣ (ἐν Κόρακος κεφαλῇ), онъ подвергся великой опасности. Епифаній, монахъ Валейскаго (Βαλεοῦ) монастыря, въ мѣстности Κοχλία, сидя въ келліи, позавидовалъ Іоаннікію и сталъ его злословить, видя, что къ святому ежедневно приходитъ множество больныхъ, которые получаютъ исцѣленіе. Онъ подговорилъ нѣкоторыхъ единомышленниковъ запереть Іоаннікія въ его келліи и зажечь сосѣднюю рощу, думая такимъ образомъ сжечь великаго старца. Но Богъ повелѣлъ Іоаннікію выйти изъ келліи заблаговременно. Видя келлію запертою, онъ молитвою и рукою разломалъ связи и явился къ злоумышленникамъ. Заговорщики осыпали его неслыханными ругательствами,

но святой продолжалъ разговаривать съ ними кротко. Глава шайки сказалъ своей компаніи: братія и отцы, я грѣшенъ и жалокъ, но есть покаяніе. Ему отвѣтили: конечно, есть покаяніе, но самъ ты неисправимъ. Епифаній, державшій въ это время деревянную палку съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, направилъ ее въ животъ Іоанникія. Но святой, забывъ объ обидѣ, сказалъ: авва Макарій, войди въ келлію, и что ты тамъ найдешь, принеси, и мы сотворимъ любовь съ отцами. Негодующей шайкѣ Іоанникій сказалъ: ну, другъ друга обымемъ. Всѣ обнялись съ Іоанникіемъ и разошлись; одинъ Епифаній остался непреклоннымъ (§ 51). Въ глубокой старости (βαθὺ γῆρας) и въ полной безпомощности святой прибылъ въ Антидіевъ монастырь и поселился въ приготовленной здѣсь себѣ келліи. Однажды онъ со своимъ слугою (ὑπουργός) Θеофиломъ возвратился къ себѣ въ келлію и встрѣтилъ на дорогѣ нѣкоторыхъ братьевъ и очень много бѣдняковъ. Сотворивъ молитву, онъ прошелъ между ними невидимымъ, но сжалившись надъ ними, онъ послалъ имъ по возможности благословеніе. Они сказали Θеофилу: о, если бы намъ удостоиться видѣть святого отца! Θеофилъ на это замѣтилъ: тотъ, братія, кого вы видѣли незадолго передъ тѣмъ проходящимъ передъ вами, и есть тотъ мужъ, кого вы желаете видѣть. Но тѣ съ клятвою увѣряли, что они видѣли только одного его, Θеофила (§ 52)[1]).

На пятомъ году царствованія Михаила и Θеодоры, на четвертомъ году возстановленія православія, на 94-мъ году жизни Іоанникія, на 52-мъ году со времени его удаленія изъ міра, въ 6355 г. отъ созданія міра, 10-го индикта, 848 г. ноября 1-го, богоносный Меθодій, предвидя кончину святого, прибылъ въ Антидіевъ монастырь, въ которомъ тогда жилъ святой. Іоанникій вышелъ къ нему навстрѣчу и облобызалъ патріарха. Затѣмъ онъ сказалъ въ длинной рѣчи, что въ виду того, что еретики и схизматики вознесли свои хулы къ небу и противъ Меθодія, то онъ, Іоанникій, долженъ сказать, что началомъ, корнемъ и основаніемъ православной вѣрѣ долженъ считаться богоносный Меθодій, прогнавшій всѣ направленія (μεθοδίας) заблужденій и иконоборческую ересь, котораго поносятъ тѣ, которые покровительствуютъ (χαριζόμενοι) еретикамъ и раздѣляютъ тѣло Христово — церковь; если, какъ они говорятъ, они не согласны съ еретиками, то

1) У Петра (p. 413, § 49).

безстыдно противятся и православнымъ, надѣясь господствовать чрезъ несоставное невѣдѣніе кентукладовъ (τῶν κεντουκλάδων). Вы же, отдѣленные отъ иконоборцевъ и схизматиковъ, какъ отъ другихъ Скиѳовъ, уйдите: они безчеловѣчно растерзываютъ на многія части члены Христа и его церкви. Кто имѣетъ общеніе съ иконоборцами, тотъ не имѣетъ общенія со Христомъ; кто злословитъ Меѳодія, будетъ отдѣленъ, и кто его не считаетъ въ ряду патріарховъ съ Германомъ, Тарасіемъ и Никифоромъ, тотъ самъ отпадетъ отъ ихъ заступничества. Обращаясь къ Меѳодію, Іоанникій прибавилъ: кто возстаетъ противъ тебя, тотъ воюетъ противъ Бога и противъ своего спасенія; переноси обиды великодушно. Моя жизнь прошла, но вскорѣ (οὐ μετὰ πολὺν χρόνον) пойдешь за мною и ты. И эти слова Іоанникія оправдались: ибо въ восьмой мѣсяцъ послѣ успенія Іоанникія, 14-го іюня, скончался патріархъ Меѳодій. Услышавъ эти пророченія, Меѳодій облобызалъ Іоанникія и, получивъ отъ него благословеніе, вернулся въ свой собственный (οἰκεῖον) монастырь (§ 53).

Свѣтильникъ пустыни, Іоанникій, слегъ въ постель 3-го ноября, а 4-го переселился къ Господу. Отецъ монастыря Іосифъ съ братіею и съ пришедшимъ народомъ съ псалмами, свѣтильниками и благовоніемъ положилъ его въ гробъ (ἐν γλωσσοκόμῳ), который изъ его келліи съ пѣніемъ перенесъ въ церковь. Нѣкій человѣкъ, страдавшій семь лѣтъ параличемъ и двигавшійся подобно малому ребенку, когда прикоснулся гроба Іоанникіева, выздоровѣлъ и сталъ ходить прямо. Одна женщина, страдавшая сумасшествіемъ (πνεῦμα ἀκάθαρτον ἔχουσα) и обличенная, вернулась домой съ своимъ мужемъ здоровою. Нѣкій Панѳирій (Πανθήριος), уроженецъ Атрои (Ἀτρῶα), страдавшій сумасшествіемъ (ὑπὸ πνεύματος ἐνεργούμενος ἀκαθάρτου), выздоровѣлъ и радостно вернулся во свояси. Братія и отцы горы Альса (ἐν τῷ ὄρει τῷ Ἄλσει) по откровенію узнали о славѣ его у Бога. Въ самый день и часъ его кончины они видѣли огненный столпъ, поднявшійся отъ горы Олимпа къ самому небу: Іоанникій переселился къ Богу, котораго онъ возлюбилъ. Молитвами и руководительствомъ его, прибавляетъ агіографъ, и мы поживемъ въ благочестіи и во всякой добродѣтели, убережемся отъ мрака грѣховъ и будемъ слѣдовать тому, что приводитъ насъ къ вѣчной жизни и небесному царству (§ 54).

Въ такомъ видѣ представляется хронологическая канва житія. Однако Болландистъ Van den Gheyn, основательно изучившій біографію Іоанникія, находитъ нѣсколько иную датировку событій. По нему,

Іоанникій родился въ 754 г. (однако р. 383 по исправленіи, дана цифра 753), въ 761—773 г. пасъ свиней, въ 773 г. поступилъ въ военную службу, въ 791 г. встрѣтился съ олимпійскимъ старцемъ и отрекся отъ иконоборчества, въ 791—795 гг. служилъ при царѣ, въ 795 г. оставилъ міръ и удалился на Олимпъ, въ 795—96 гг. жилъ на горѣ Трихаликовой и въ Геллеспонтѣ, гдѣ пробылъ съ 797—799 г., затѣмъ ушелъ въ Кундурію, Миры Ликійскія, Ефесъ, Ликію и Киликію, гдѣ жилъ въ теченіи 800—806 г.; въ 806 г. жилъ въ монастырѣ Еристы и въ Критамѣ, въ послѣдней оставался до 808 г.; 808—810 гг. жилъ въ Хелидоніи, въ 810 г. вернулся въ Агаврскій монастырь, потомъ ушелъ на Трихаликову гору; въ 815—820 гг. жилъ въ Лидійскомъ лѣсу и на Трихаликовой горѣ, ок. 824 г. его посѣтилъ игуменъ Ѳеодоръ Студитъ; въ 830 г. Іоанникій ушелъ въ Антидіевъ монастырь, въ 841 г. имп. Ѳеофилъ спрашивалъ его мнѣнія объ иконопочитаніи, въ 843 г. Іоанникій предсказалъ Меѳодію патріаршество и послалъ ему письмо, въ 845 г. находится въ презрѣніи у развратныхъ монаховъ, 1 ноября 846 г. его посѣтилъ патр. Меѳодій, 3 ноября 846 г. Іоанникій захворалъ и 4 (по исправленію о. Pargoire'а, 3-го) ноября 846 г. скончался; погребенъ въ церкви Антидіева монастыря.

Какъ было уже замѣчено, Саввину житію Іоанникія предшествовало его же житіе св. Петра Атройскаго (въ области того же Олимпа), другого современника вѳинскаго аскета. О существованіи его свидѣтельствовалъ самъ авторъ. Въ житіи Іоанникія, говоря о кончинѣ Петра Атройскаго, Савва замѣчаетъ: «объ этомъ я подробнѣе изложилъ въ житіи отца Петра» [1]). Житіе это было написано Саввою, близкимъ свидѣтелемъ подвиговъ Петра, какъ по его личнымъ воспоминаніямъ, такъ на основаніи разсказовъ самого Іоанникія. Но оно повидимому не сохранилось до нашего времени, и очень жаль. Савва хорошо зналъ людей и обстоятельства своего времени; имѣй его житіе Петра въ рукахъ, мы обогатились бы многими свѣдѣніями изъ монастырской жизни Олимпа въ первой половинѣ IX столѣтія. Болландистъ Van den Gheyn въ 1893 г. предпринималъ поиски этого житія по разнымъ библіотекамъ, оказавшіеся однако безуспѣшными. Fiat itaque vita reperta!

1) р. 325, 371, § 44 (ср. стр. 86): ταῦτα — ἐν τῷ τοῦ πατρὸς Πέτρου βίῳ προεξεθέμην πλατύτερον; ср. K. Krumbacher G. d. byz. Lit. 198².

Этимъ однако агіографическая дѣятельность Саввы не кончилась. Съ его именемъ связывается еще похвальное слово преп. Ѳеофану Сигріанскому, сохранившееся только въ славянскомъ переводѣ въ рук. Соловецкой № 628, XVI в., л. 99—110 (Описанія II, 425): «Трезвѣнія непростаго и труда потреба празднующему о словесѣхъ похвалныихъ лѣпнаго потребная изрещи и духовнаа извѣщати». Не издано.

Въ IX в. въ одно время и довольно близко другъ отъ друга жило двое Саввъ-агіографовъ: Савва олимпіецъ и Савва пелекитецъ. Первому, какъ мы видѣли, принадлежатъ житія Іоанникія и Петра Атройскаго, другому житіе Макарія Пелекитскаго. Сигріанская обитель, мѣсто подвиговъ Ѳеофана, находилась ближе къ Пелекиту, нежели къ Олимпу, отсюда казалось бы, что Саввину похвалу Ѳеофану, не сохранившуюся въ греч. подлинникѣ, съ большимъ основаніемъ можно было бы отнести перу Саввы-пелекитца. Однако мы безъ колебанія относимъ похвалу на долю Саввы-олимпійца на основаніи изученія языка и литературнаго стиля обоихъ писателей. Олимпіецъ—литературный талантъ, между тѣмъ пелекитецъ — писатель съ посредственными дарованіями, писатель-простецъ.

Какъ современникъ Іоанникія, Савва написалъ его дѣловое, фактическое Βίος; какъ современникъ Петра Атройскаго, онъ вѣроятно также писалъ собственно Βίος его. Но отъ Ѳеофана онъ былъ отдѣленъ промежуткомъ, по крайней мѣрѣ, на полустолѣтіе, этого святого онъ не зналъ и не помнилъ. Пожелавъ коснуться и его, Савва могъ сдѣлать это только въ похвальномъ риторическомъ словѣ въ честь святого. Это Савва и сдѣлалъ, составивъ длинную похвалу, полную риторическихъ красотъ, образовъ, сравненій и параллелей, что было бы совсѣмъ не подъ силу Саввѣ-пелекитцу, но почти лишенную фактическаго содержанія. Впрочемъ и тѣ немногія данныя являются крайне любопытными.

Агіографъ, слѣдуя литературной манерѣ, говоритъ о своемъ «недерзкомъ и неясномъ языкѣ», о «молитвахъ преподобныхъ», то-есть или о молитвахъ св. Ѳеофана, или о молитвахъ преподобныхъ олимпійскихъ отцовъ, укрѣпленный которыми онъ приступилъ къ написанію похвалы. Въ концѣ этой трудной для уразумѣнія похвалы читаемъ небезынтересныя строки: «Тождe нынѣ многая преминути, и умъноженіа ради писменнаго, и многыхъ лѣностій, яже по коемуже изложихомы. дѣльнаа нѣкаа и разумная на успѣхъ отъ отца Іоанна того любви. повелѣніе правившему свою паству во свое время въ

ней жъ честное тѣло лежитъ треблаженика» [1]). Какъ будто отсюда можно заключить, что Савва до Похвалы написалъ и Житіе св. Өеофана исповѣдника, что къ составленію этихъ обоихъ сочиненій онъ былъ побужденъ настоятелемъ Сигріанскаго монастыря отцомъ Іоанномъ.—Өеофанъ и женатый соблюлъ супружеское ложе чистымъ, добрѣ страдалъ и достигъ до маститой старости; находился въ темницѣ «отъ скверьненнаго духоборца Льва на двѣ лѣтѣ и гладомъ и жажею и язею тяжкою свою жизнь препроводившаго по темници бо той твердѣй же и темнѣй, и на двѣ лѣтѣ тамо озлобленіе святаго отъ того же пакы мучителя въ лютый островъ на изгонъ, и тоже во двою-(де) сяту и 3-хъ днехъ веледушнѣ стерпѣвшу».—Итакъ Өеофанъ два года подвергался мучительствамъ, а потомъ былъ сосланъ Львомъ въ изгнаніе на островъ (какъ мы видѣли: Самоөраку) и здѣсь подвергался пыткамъ въ теченіе 23 дней. Два года въ тюрьмѣ и 23 дня на островѣ — несомнѣнное пріобрѣтеніе для біографіи святого. «И се чуднѣе, замѣчаетъ Савва, яко отъ скыоскаго града и отъ работнаго ярьма бѣ учай се духовнаа и не устыдѣся роженіа ижъ того съвѣтованіе вреди».—Итакъ, если мы правильно поняли текстъ этого отрывка, Өеофанъ былъ по происхожденію скиөъ и человѣкъ крѣпостной, который по данной ему благодати получилъ такой даръ проповѣди, что училъ цивилизованныхъ ромеевъ; онъ не стыдился низости своего рода, хотя помышленіе объ этомъ ему и вредило. Св. Өеофанъ скиөъ! св. Өаддей скиөъ! св. Лазарь хазаринъ! Сколько однихъ греческихъ святыхъ въ IX в. вышло изъ предѣловъ нынѣшней Россіи! На счетъ значенія термина «скиөъ» здѣсь не мѣсто распространяться; этимъ именемъ назывались и болгары, и русскіе, и другіе народы южной Россіи; почти каждый писатель прилагалъ это слово къ какому либо опредѣленному народу. Впрочемъ Савва въ житіи Іоанникія болгаръ называетъ ихъ собственнымъ именемъ βούλγαρος, но о скиөахъ тамъ же къ сожалѣнію не говоритъ. Но если же мы на минуту остановимся на русскомъ происхожденіи св. Өеофана, какая благодарная параллель получится отъ сравненія двухъ знаменитыхъ русскихъ лѣтописцевъ — Өеофана и Нестора! Впрочемъ, по пересказамъ IX и X вв. Никифора, протасикрита Өеодора и др., Өеофанъ происходилъ родомъ изъ Византіи. Метафрастъ въ своемъ пересказѣ, встрѣтивъ такое значительное противорѣчіе, обошелъ молчаніемъ родину Өео-

1) Ср. Н. Поповъ. Рукописи моск. синод. библіотеки, вып. 1, Новоспасское собраніе, стр. 84.

фана, хотя подробностями о его образованіи даетъ понять, какъ будто онъ тоже византіецъ.

Къ области Виѳиніи кромѣ Олимпа можно отнести также Катаволъ, Пандимъ и Мидикій, какъ меньшіе центры агіографическаго дѣла.

Житіе извѣстнаго уже Евстратія [1]) написано инокомъ Вомскаго монастыря (въ Катаволѣ, на берегу Чернаго моря, около Ираклія), игуменомъ котораго былъ родной братъ святого Николай. Агіографъ былъ побужденъ написать житіе,—едва ли не этимъ игуменомъ. Самъ онъ лично съ Евстратіемъ, повидимому, не былъ знакомъ. Приступая къ составленію книги, онъ воспользовался разсказами очевидцевъ (Катаволъ лежалъ близъ Агаврскаго монастыря, мѣста подвиговъ святого) и нѣкоторыми письменными матеріалами (житіемъ Іоанникія и пр.), которые старался передать со всею точностью. Время появленія Βίος'а можетъ быть отнесено къ концу IX столѣтія. Не лишенное обще-историческаго интереса, житіе драгоцѣнно обиліемъ живыхъ бытовыхъ подробностей.

Въ предисловіи агіографъ, обращаясь къ собранію слушателей или читателей, говоритъ, что всѣмъ намъ самою природою дано украшать разсказами людей добродѣтельныхъ и благочестивыхъ; по силѣ и возможности надобно возвеличивать и почитать на дѣлѣ память ихъ; «поэтому и мы, не вкусившіе ни однимъ пальцемъ энкиклическаго образованія и слишкомъ теоретическаго, превосходящаго всякое пониманіе, истиннѣйшаго знанія [2]), внося какъ бы нѣкое дѣтское картавленье, но окрыленные надеждою и пользуясь ею какъ помощницею, скажемъ кое-что немногое, употребляя въ разсказѣ не ложно сочиненныя разсужденія (это недостойно христіанской жизни), а такія, которыя сохранились до насъ письменно и которыя мы узнали отъ очевидцевъ» (§ 1) [3]). Въ предшествующее поколѣніе (ἐπὶ τῆς προλαβούσης γενεᾶς), то-есть во времена христіаннѣйшаго и иже во святыхъ царя Михаила, унаслѣдовавшаго царство небесное и изгнаннаго безбожнѣйшимъ Львомъ, новымъ Доикомъ [4]), недостойнымъ порфиры», явилось намъ какъ бы нѣкое свѣтило, блаженный и

1) Βίος καὶ θαύματα τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Εὐστρατίου, ἡγουμένου τῆς μονῆς τῶν Ἀγαύρου (Ὅτι μὲν, ὦ φιλάγιον ἄθροισμα) напечатано А. Пападопуло-Керамевсомъ: Ἀνάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. Πετρούπολις 1897, IV, 367—400 (cod. Sab. № 242).

2) p. 368: ἡμεῖς, οἱ πάντῃ τῆς τε ἐγκυκλίου παιδεύσεως καὶ τῆς ἄγαν θεωρητικῆς καὶ πᾶσαν αἴσθησιν ὑπερβαινούσης ἀληθεστάτης γνώσεως οὐδὲ ἄκρῳ δακτύλῳ γευσάμενοι.

3) οὐ ψευδεπιπλάστοις ἐννοίαις, ἀλλ' ἃ γραφικῶς ἕως ἡμῶν καταυτήσαντα ἔγνωμεν παρὰ τῶν αὐταῖς ὄψεσιν ταῦτα ἑορακότων.

4) Δωήκ. Въ 1 Царствъ XXI, 7: Δωὴκ ὁ σύρος, νέμων τὰς ἡμιόνους Σαούλ.

преподобный Евстратій, поднявшій много подвиговъ и украшавшійся жизнію «до царствованія православнаго и боговѣнчаннаго Василія»; желая описать его житіе, агіографъ молитъ Бога содѣйствовать передачѣ разсказа «жившихъ ранѣе богоносныхъ мужей», «хотя разсказъ этотъ потерялъ во всякомъ случаѣ многое въ (моей) рѣчи» (§ 2).

«Есть, говоритъ авторъ, страна (χώρα), такъ называемая Тарсія (Ταρσία), состоящая подъ ѳемою Оптиматовъ[1]); въ ней лежитъ деревня Вициніана» (κώμη Βιτζινιανᾶς), родина Евстратія, гораздо болѣе извѣстная, нежели Армаѳемъ[2]). — Ѳема Оптиматовъ, получившая свое названіе отъ избраннѣйшихъ Готѳскихъ воиновъ и сохранившая его до X вѣка включительно, изъ всѣхъ Азіатскихъ ѳемъ была самою ближайшею къ Константинополю, занимая районъ пропонтидскаго побережья, западной Виѳиніи и части Малой Фригіи; главнымъ городомъ ѳемы, по мнѣнію Рамбо[3]), могла быть Никомидія. Мѣстоположеніе Тарсіи, а стало быть и Вициніаны, точно опредѣлить невозможно. Когда-то жило здѣсь цѣлое племя, называвшееся по мѣстности Ταρσιάται. — Въ числѣ достаточныхъ поселянъ вициніанской деревни была семья Георгія и Мегеѳія (Μεγεθῶ) съ сыномъ Евстратіемъ. Мальчикъ былъ воспитанъ въ правилахъ благочестія и къ 20-тилѣтнему возрасту уже горѣлъ божественною любовію (§ 3). Въ это время онъ узналъ о своихъ пяти братьяхъ по матери, аскетахъ въ области Олимпа (ἐν τοῖς τοῦ 'Ολύμπου μέρεσιν): Григоріи, «къ которому приходилъ великій и прозорливѣйшій Іоанникій въ началѣ своего удаленія изъ міра и получилъ отъ него наставленія построить жилище на той «святой горѣ», въ какомъ мѣстѣ ему удобнѣе, какъ передаетъ исторія о немъ» (Іоанникіи)[4]), Василіи, Петрѣ, Агаѳонѣ и Антоніи.— Здѣсь очевидно имѣется въ виду житіе Іоанникія Виѳинскаго, написанное ученикомъ его Саввою; въ немъ упомянутъ и Василій, и Петръ, хотя едва ли послѣдній тожественъ съ дядею Евстратія: Петръ житія Іоанникія или Петръ Атройскій прославился чудомъ, преставившись

1) p. 369: ὑπὸ τὸ θέμα τελοῦσα τῶν 'Οπτιμάτων.

2) 'Αρμαθέμ, слѣдовало бы Ἀρμαθαΐμ (въ Московск. Βιβλία· 1 Царствъ I, 1: Ἀρμαθαΐμ), по евр. Ramathaim. Въ прежнее время пробовали было родину Елканы отожествлять съ Аримаѳеею (около Іерусалима), родиною Іосифа.

3) A. Rambaud. L'empire grec, p. 194.

4) p. 370: ὡς ἡ κατ' ἐκεῖνον ἱστορία διαλαμβάνει. Что Житіе называлось ἱστορία, свидѣтельствуетъ и Іоаннъ Дамаскинъ: въ словѣ на Успеніе Богоматери, говоря о построеніи церквей Пульхеріею, онъ ссылается на Εὐθυμιακὴ ἱστορία, то-есть на Житіе Евѳимія Палестинскаго, хотя въ немъ и нѣтъ о томъ свѣдѣній (Migne, Patr. gr. t. XCVI, 748). Константинъ Акрополитъ назвалъ Житіе Варвара также ἱστορία.

восходящимъ на небо,—агіографъ Евстратія, говоря о Петрѣ—дядѣ, умалчиваетъ объ этомъ[1]), что̀ какъ будто говоритъ въ пользу раздѣльности обоихъ Петровъ. — Эти пять братьевъ подвизались въ нѣкоемъ мѣстѣ Калимнѣ (Καλύμνῳ), въ 15 стадіяхъ (или немного болѣе) отъ Прусы (τῆς Προυσαέων πολίχνης), у подножія горы Трихаликовой (τοῦ ἐπιλεγομένου Τριχάλικος), которая въ послѣдующее время измѣнила свое наименованіе на гору «Авгарь»— по той причинѣ, что на ней подвизались передъ тѣмъ евнухи (§ 4)[2]). Въ житіи Іоанникія рядомъ съ Трихаликовой горой упоминается и гора Агаврская (Ἀγαύρου); послѣднее названіе должно быть признано единственно правильнымъ. Въ житіи Евстратія очевидно ошибка, изъ-за которой не видно филологическаго основанія къ замѣнѣ одного названія горы другимъ. Трихаликова гора переименована была въ гору Ἀγαύρου изъ-за ея великолѣпія (ἀγαυρός—superbus) благодаря подвижничеству евнуховъ.—

Скрывшись изъ дому, Евстратій прибылъ къ дядямъ и обратился съ горячею просьбою къ Григорію принять его въ монастырь. Старецъ указывалъ ему на тяжесть монашеской жизни, но Евстратій все твердилъ, что онъ горитъ божественнымъ сердечнымъ огнемъ и желаетъ лишь одного на землѣ — удостоиться равноангельнаго житія (§ 5). Постриженный наконецъ Григоріемъ и зачисленный въ его паству, Евстратій предался чрезвычайной аскезѣ; онъ не имѣлъ у себя ничего кромѣ рясы и шерстяного плаща, въ которыхъ онъ ходилъ; спалъ очень мало и гдѣ попало; «говорятъ, что онъ въ продолженіи всей 75-тилѣтней монашеской жизни не ложился навзничь и не лежалъ на лѣвомъ боку» (§ 6),—то-есть усвоилъ то гигіеническое правило, которое и въ наши дни еще далеко отъ осуществленія.—Между тѣмъ Григорій умеръ, прославившись чудесами; «и до нынѣ всечестная его рака источаетъ обиліе цѣлительнаго мура приходящимъ съ вѣрою». Преемникомъ своимъ онъ оставилъ Евстаоія, который правилъ паствою недолго; передъ смертью онъ совѣтовалъ братьямъ сохранять отеческія преданія и выбрать настоятелемъ Евстратія (§ 7). Послѣдній собралъ вокругъ себя «димъ подвижниковъ» или, такъ сказать, земныхъ ангеловъ; но вотъ неожиданно явился «сильный градъ» (πλῆθος χαλάζης), уничтожающій не только тѣло, но и душу (§ 8). «Когда только что возсталъ на царство новый Ахавъ и предтеча противной

---

1) ὁ ἀσκητικώτατος καὶ θεοφόρος Πέτρος.

2) ἐν τοῖς μετέπειτα χρόνοις τὴν προσηγορίαν ἀντηλλάξατο Αὐγάρου προσαγορευθείς, ὡς ἐν αὐτῷ εὐνούχων προασκησάντων.

силы, звѣроправный и звѣромысленный Левъ, и подобно псу возъярился выгнать изъ дворцовыхъ покоевъ боговѣнчаннаго и святѣйшаго царя Михаила, котораго человѣколюбецъ Господь за чрезмѣрную доброту и православное вѣрованіе украсилъ знаменіями и чудесами[1]), — сей по истинѣ сынъ мира, не пожелавъ воздвигнуть междоусобной (ἐμφύλιον) войны, когда узналъ, что прежалкій выступилъ изъ Болгаріи съ намѣреніемъ и во всеоружіи (μεμηνυίᾳ χειρί) для достиженія царства, — уступилъ ему скипетръ; тотчасъ песъ — во святилище, драконъ — въ честныя мѣста; и того, кто принялъ его съ миромъ, забираетъ и лишаетъ его супруги и дѣтей; украсивъ его противъ желанія монашескимъ одѣяніемъ, жалкій изгналъ его на одинъ изъ острововъ передъ столицею». Возгордившись успѣхомъ, онъ воздвигъ для церкви манихейскую и афтартодокитскую ересь, потушенную прежде ересь иконосожигателей. Начались изгнанія, аресты, насильственныя смерти богоносныхъ и святыхъ отцевъ; монахи покинули свои жилища и удалились въ горы и необитаемыя мѣста (§ 9). Вмѣстѣ съ другими, оставивъ свой монастырь, отправился и Евстратій — къ Іоанникію, которому онъ былъ извѣстенъ съ давняго времени. Съ радостью принятый, Евстратій съ Іоанникіемъ скрылись отъ людскаго взгляда и жили ангельскою жизнію. Агіографъ, намѣреваясь говорить о чудесахъ Евстратія, обращается сначала къ житію (ἱστορία) Іоанникія (§ 10). Когда Евстратій обходилъ съ олимпійскимъ аскетомъ самую высокую изъ всѣхъ вершину смежныхъ горъ Олимпа, онъ пожелалъ узнать о здоровьѣ своихъ родителей, и Іоанникій услышалъ голосъ за его родителями, стоявшими на мученичествѣ св. Георгія: «Пріидите благословенные Отца моего» и пр. (Матѳ. XXV. 34); подобный же голосъ въ такомъ же видѣніи услышалъ и Евстратій, — и успокоился (§ 11).

«Отвратительнѣйшая изъ всѣхъ ересей, безбожнѣйшая и жесточайшая болѣзнь обдержала вселенную, и то были дни не въ дни и солнце не въ солнце». Но когда разсвѣло православіе и красота иконъ возвращена была церкви, исповѣдники вернулись на свои мѣста; «новый Моисей», Евстратій прибылъ въ свой монастырь Авгаръ (τῶν Αὐγάρου), собралъ свою паству и вновь устроилъ иноческое житіе; онъ стоялъ въ алтарѣ во время пѣнія канона отъ начала до конца его исполненія и въ часъ каѳисмы восклицалъ про себя «Господи помилуй»; когда случалось ему читать, онъ прочитываемое разъяснялъ незамѣтно

1) p. 374: σημείοις καὶ τέρασιν κατεκόσμησεν.

слушателямъ (§ 12). Однажды Евстратій подымался изъ метоха, сосѣдняго съ Прусою[1]), въ свой монастырь и встрѣтился съ бѣднякомъ, просившимъ милостыни; не имѣя ничего дать, святой снялъ съ себя плащъ и отдалъ ему, а въ монастырѣ пытливой братіи сказалъ, что плащъ у него снесло сильнымъ вѣтромъ въ рощу, гдѣ онъ не могъ его найти. На другой день одинъ изъ воиновъ, встрѣтивъ святого верхомъ на конѣ, попросилъ у него лошадь, ссылаясь на падёжъ своей и на невозможность идти пѣшкомъ домой (ἐν τοῖς οἰκείοις); Евстратій отдалъ ему коня, прося не говорить о томъ никому, «ибо, прибавилъ онъ, (иначе) погубишь и этого»[2]). Поселянинъ одной изъ сосѣднихъ съ монастыремъ деревень, потерявъ (ἀποβαλὼν) одного своего вола, просилъ святого сжалиться надъ нимъ и его семьею и дать ему другого вола для запашки, «дабы не погибнуть съ голоду со всѣмъ семействомъ». Евстратій призвалъ брата-кучера[3]) и велѣлъ ему дать одного изъ монастырскихъ воловъ; когда тотъ сослался, что нѣтъ лишняго, святой велѣлъ ему отдать поселянину пару[4]) (§ 13). Въ мѣстности Катавола въ предмѣстьи находится прекрасный монастырь[5]). Отправляясь сюда для обозрѣнія (ἐπισκέψασθαι), Евстратій дорогою натолкнулся на такую сцену: мужъ лежитъ въ видѣ мертвеца, а жена стоитъ надъ нимъ и плачетъ. Понявъ, въ чемъ дѣло, святой вручилъ женѣ 10 номисмъ и сказалъ: «ступай, скажи своему мужу, чтобы онъ всталъ теперь изъ такого положенія, ибо де въ тебѣ нѣтъ подобія смерти». А дѣло въ томъ, замѣчаетъ агіографъ, что этотъ человѣкъ задолжалъ 10 номисмъ золотыхъ и употребилъ такую хитрость (περιοδία), чтобы возбудить чувство пощады со стороны ссудившихъ ему такую сумму. Жена объявила мужу о получкѣ денегъ, мужъ съ удовольствіемъ вышелъ изъ своего ложнаго положенія и вернулся домой (§ 14). — Названъ ли здѣсь Катаволомъ корабельный рейдъ на берегу Чернаго моря, или можетъ быть такъ прозывалась какая нибудь мѣстность внутри Виѳиніи, сказать затруднительно; впрочемъ изъ § 35 видно, что Катаволъ находился между Прусою и Византіею,

1) p. 376: ἀπὸ τοῦ πλησιάζοντος μετοχίου τῷ ἄστει τῆς Προυσαέων πόλεως ἀνερχομένου p. 380: ἀνιόντος), изъ чего видно, что метохъ этотъ стоялъ въ низменности сравнительно съ Агаврскимъ монастыремъ.

2) Ср. съ этимъ разсказъ Житія Филарета о воинѣ Мусуліи (§ 3).

3) p. 377: <τὸν> τὴν τοῦ ζευγηλατείου διακονίαν πεπιστευμένον.

4) Ср. съ этимъ разсказъ изъ Житія Филарета (§ 4).

5) ἐν τοῖς τοῦ Καταβόλου μέρεσιν προάστειον ἡ κατ' αὐτὸν περιφανεστάτη κέκτηται μονή.

т. е. на берегу моря, ибо Евстратій собирался ѣхать въ столицу на суднѣ. О приморскомъ положеніи Катавола свидѣтельствуетъ и чудо св. Николая. Продѣлка должника, напоминающая въ новое время проказу Балакирева (впрочемъ Петръ Великій не былъ такъ прозорливъ, какъ Евстратій), любопытна какъ живая бытовая картинка начала второй половины IX столѣтія. — Ради одной нужды святой прибылъ въ Константинополь. Христолюбцы, зная о матеріальномъ недостаткѣ[1]) его монастыря, отдали Евстратію ту подать, которую они платили обыкновенно царямъ[2]); святой, взявъ деньги и прибывъ въ Прусу, нашелъ здѣшнихъ бѣдняковъ въ заключеніи по распоряженію спеціальнаго коммиссара[3]) за то, что они не были въ состояніи удовлетворить этому несимпатичному требованію. Видя ихъ нужду и забывъ о своей собственной, Евстратій далъ коммиссару 100 номисмъ, прося его быть великодушнымъ по отношенію къ остальнымъ. А на другой день «христомудрая и боговѣнчанная царица Ѳеодора прислала ему 200 номисмъ и подать монастыря его при особой грамотѣ»[4]); эти деньги святой отдалъ исполнителю царскаго повелѣнія за свой монастырь и за заключенныхъ бѣдняковъ (§ 15).—Размѣръ монастырской подати не указанъ, но подать съ монастырскихъ «бѣдняковъ» простиралась до 300 номисмъ (въ годъ). Считая по номисмѣ съ души, можно сказать, что въ половинѣ IX вѣка при Агаврскомъ монастырѣ состояло до 300 «бѣдняковъ».—Проѣзжая однажды изъ Прусскаго метоха въ монастырь, Евстратій увидѣлъ бѣгущаго человѣка съ веревкою въ рукѣ; чувствуя, что тутъ дѣло неладно, что бѣглецъ хочетъ повѣситься, онъ слѣзъ съ животнаго, крѣпко сжалъ человѣка и спросилъ о причинѣ его путешествія. «Я совершилъ грѣхъ», сказалъ тотъ, «котораго нельзя передать человѣческимъ языкомъ». Святой, подобно Іоанникію Виѳинскому, положилъ его руку на свою шею и произнесъ: «этотъ грѣхъ на мнѣ, дитя, и я за него дамъ отвѣтъ въ день воздаянія»; не печалься и оставь гибельное удушеніе. Тотъ палъ ему въ ноги, покаялся, просилъ наложить на него епитимію, но святой отпустилъ его безъ всякой епитиміи (§ 16). Одна женщина-иностранка родила ребенка отъ своего собственнаго сына. Сознавъ свой грѣхъ, оба они явились къ Олимпійскимъ отцамъ для покаянія, но нигдѣ не при-

---

1) p. 378: τὴν ἐν ταῖς σωματικαῖς χρείαις στένωσιν.
2) τὸ κατὰ συνήθειαν τοῖς βασιλεῦσι διδόμενον δημόσιον.
3) παρὰ τοῦ εἰς τοῦτο τεταγμένου διοικητοῦ.
4) ἀποστέλλει—τὸ τοῦ μοναστηρίου αὐτοῦ δημόσιον ἰδίως βεβουλλωμένον.

нимали ихъ, какъ гнусныхъ прелюбодѣевъ. Одинъ Евстратій принялъ въ нихъ участіе и разрѣшилъ грѣхъ ихъ подъ условіемъ удаленія ихъ въ монастыри: мужъ-сынъ посланъ въ страны западныя (ἐν τοῖς τῆς δύσεως μέρεσιν), а жена-мать въ восточныя (ἐν τοῖς πρὸς ἀνίσχοντα ἥλιον τόποις, § 17). Разъ ночью Евстратій съ однимъ братомъ, Кономъ, возвращался въ монастырь изъ вышеназваннаго предмѣстья св. Агапія[1]). Ночь была безлунная, тьма стояла полная. Путешественники сбились съ прямой дороги и очутились въ мѣстности лѣсистаго Сухого потока (Ξηροχειμάρρου), которую трудно было пройти и днемъ. Евстратій помолился, и вотъ надъ головами ихъ возсіялъ свѣтъ, но свѣтъ не лунный, ибо по сторонамъ попрежнему ни зги не было видно; и свѣтъ этотъ свѣтилъ имъ до тѣхъ поръ, пока они не подошли къ монастырскимъ строеніямъ (τὰ τῆς μονῆς προαύλια). Чудо это разсказалъ братіи самъ Кононъ (§ 18). Одинъ изъ друзей Евстратія (повидимому мірянинъ), имѣвшій въ тѣхъ краяхъ помѣстье (προάστειον), хотѣлъ однажды привезти въ него громаднѣйшій сутунокъ изъ катавольской мѣстности; для этого онъ запрягъ до 70 воловъ, но дорогою лѣсина увязла; препятствуемый злымъ духомъ, хозяинъ въ теченіи недѣли не могъ сдвинуть ее съ мѣста. Евстратій, къ которому онъ обратился для молитвы, явился на мѣсто, сталъ на дерево, сотворилъ крестное знаменіе,—и волы сдвинули лѣсину (§ 19). Въ своемъ монастырѣ онъ велѣлъ однажды братіи перетянуть плиту съ одного мѣста на другое. Въ теченіи 30 часовъ братія мучилась и безуспѣшно; тогда святой, взявъ въ руки веревку, произнесъ обычный стихъ, и камень посредствомъ машины легко былъ перетащенъ къ монастырю. «И нынѣ этотъ камень находится посреди двора» (ἐν τῷ μεσαύλῳ, § 20).

«Когда богоборное племя Агарянское расположилось лагеремъ около города Аморія и держало его въ осадѣ[2]), во дни безбожнаго царя Ѳеофила, нѣкій монахъ, по имени Іоаннъ, исполнявшій службу келаря (τοῦ κελλαρίτου) и любимый Евстратіемъ за прямоту мысли, сказалъ честному отцу: «съ давняго времени я слышу о томъ, что Аморій не сдастся»[3]); но блаженный сказалъ ему: «не ошибайся, братъ: онъ сдастся черезъ два дня», что̀ и случилось; «братъ обозначилъ день и убѣдился въ неложности предсказанія отца» (§ 21). — Аморій взятъ

1) p. 380: προάστειον τοῦ ἁγίου Ἀγαπίου, выше названъ метохомъ.

2) p. 382: ἡ θεομάχος τῶν Ἀγαρηνῶν φυλὴ περὶ τὸ ἄστυ τοῦ Ἀμορίου ἐστρατοπεδεύκει καὶ τουτο συνεῖχεν πολιορκοῦσα.

3) ἔκπαλαι τοῦτο ἀκουτίζομαι, ὡς ἀπαράδοτον ὑπάρχει τὸ Ἀμόριον.

около 24 сентября 838 года [1]). Источники объ этомъ событіи перечислены Муральтомъ (p. 418); къ нимъ надобно присоединить еще житіе Аморійскихъ мучениковъ, уже разсмотрѣнное нами, и настоящее показаніе житія Евстратіева.—Въ Катавольской мѣстности жилъ знакомый святого, человѣкъ видный (μειζότερος). Къ дому его подошелъ однажды манихей за милостынею; но вся семья (отецъ, мать и дѣти) была занята какимъ-то дѣломъ, и манихей ушелъ ни съ чѣмъ. А какъ разъ въ это время вышелъ указъ царей Ѳеодоры и Михаила о ереси манихейской [2]). Нищій манихей воспользовался этимъ и схваченный властями, въ отместку оклеветалъ катавольскаго помѣщика въ манихейской ереси. Послѣдній со всѣмъ семействомъ былъ отправленъ въ столицу. Самъ глава догадался и отправилъ прежде жену съ дочерью къ Евстратію для молитвы о ихъ избавленіи. Святой принялъ женщинъ и успокоилъ ихъ, говоря, что никакого зла ни мужу, ни имъ не будетъ, и прибавилъ: «но такъ какъ онъ все-таки немножко безпорядоченъ, то подвергнется ударамъ, только 20, и будетъ вмѣстѣ съ вами отпущенъ». Женщины явились въ столицу и были посажены въ тюрьму вмѣстѣ съ мужемъ. Ночью онѣ видѣли, что святой защищаетъ ихъ своимъ плащемъ. На утро помѣщикъ получилъ 20 ударовъ и былъ выпущенъ съ женою и дочерью, «явившись самымъ неложнымъ вѣстникомъ предсказаній и чудесъ святого» (§ 22).—Царскій указъ, о существованіи котораго мы до сихъ поръ не имѣли никакихъ свѣдѣній, могъ появиться въ предѣлахъ 842—855 годовъ. Въ виду того, что манихейство имѣло связь съ иконоборчествомъ, мы обогащаемся новымъ свидѣтельствомъ, что и послѣ собора 842 года иконоборчество все еще было сильно (ср. § 39) и для подавленія его приходилось прибѣгать къ мѣрамъ строгости. Но каково же было тогдашнее правосудіе, разъ стоило оговорить человѣка, какъ его сейчасъ сажали въ тюрьму и подвергали тѣлесному наказанію? Евстратій назвалъ помѣщика ἄτακτος то ли потому, что тотъ не подалъ милостыни, то ли потому, что все еще не ввелъ у себя въ дому иконъ.—Однажды Евстратій подымался верхомъ на конѣ изъ Вомскаго монастыря (въ Катавольской мѣстности) [3]) и встрѣтилъ женщину съ пятилѣтнимъ глухонѣмымъ и паралпчнымъ ребенкомъ [4]); посадилъ его на шею лошади,

1) А. Васильевъ. Византія и Арабы. Спб. 1900, стр. 136.

2) ἐν τούτῳ κατέλαβεν ἀπόφασις ἐξελθοῦσα παρὰ τῶν φιλοχρίστων βασιλέων, λέγω δὴ Θεοδώρας καὶ Μιχαὴλ τοῦ αὐτῆς υἱοῦ, πρὸς τὴν βδελυρὰν αἵρεσιν τῶν Μανιχαίων.

3) p. 383: ἐκ τῆς τῶν Βωμῶν μονῆς, ἣ πρὸς τοῖς τοῦ Καταβόλου μέρεσιν διάκειται.

4) παιδίον ἄλαλον καὶ κωφὸν . . ., οὔτε ἐλάλησεν, οὔτε ἤκουσεν, οὔτε περιεπάτησεν.

перекрестилъ всѣ его члены, помолился и спустилъ ребенка на землю; тотъ вдругъ заговорилъ, все сталъ слышать и самъ подошелъ къ матери (§ 23). Разъ онъ съ братомъ также подымался верхомъ на лошади изъ Прусы (ἐκ τοῦ τῆς Προύσης ἄστεος) въ свой монастырь. У рѣки онъ замѣтилъ женщину, плачущую надъ мертвымъ ребенкомъ. Тотчасъ слѣзъ съ коня, взялъ ребенка на руки, отошелъ немного въ сторону, поцѣловалъ его въ голову, глаза, ротъ, уши и грудь,— и ребенокъ заплакалъ. Мать отъ радости пала въ обморокъ[1]). Евстратій привелъ ее въ сознаніе и просилъ никому не говорить о томъ, иначе ребенокъ обратится въ прежнее состояніе; сынъ пережилъ мать и самъ достигъ старости (§ 24). Дѣти изъ окрестныхъ деревень пасли въ томъ мѣстѣ свиней и, какъ это всегда водится, шалили. Одинъ изъ нихъ ударилъ другого палкою по лбу: тотъ упалъ, потерявъ сознаніе. Проѣзжавшій Евстратій помолился около мертваго, дунулъ ему въ ротъ и уши и оживилъ мальчика, запретивъ разсказывать объ этомъ, пока онъ самъ живъ (§ 25). Нѣкій Ѳеодоръ, уроженецъ Востока (ἐκ τῶν τῆς Ἑώας μερῶν), совершивъ страшное убійство, явился для покаянія въ Олимпійскія страны, но отовсюду былъ выгоняемъ отцами за чрезмѣрность преступленія; одинъ Евстратій принялъ его, протянулъ ему руки ладонями кверху, поцѣловалъ его и принялъ его грѣхъ на себя подъ условіемъ отреченія его отъ міра. Ѳеодоръ постригся въ Агаврскомъ монастырѣ, явился «сосудомъ избранія» и скончался здѣсь (§ 26)[2]). Монахъ Тимоѳей, наблюдавшій во время сбора за виноградниками, разъ ночью услышалъ шумъ въ оградѣ; полагая, что это воры, онъ тотчасъ вышелъ и былъ облѣпленъ тучею осъ, тяжести которыхъ не могъ вынести. Онъ явился къ Евстратію, говоря, что онѣ жалятъ ему всю голову и лице; святой за волосы наклонилъ его къ землѣ, сотворилъ молитву, наступилъ ему пяткою на грудь и голени и освободилъ его отъ осообразныхъ демоновъ (§ 27). Ученикъ его Сергій везъ ночью въ монастырь кладь. Въ рѣкѣ животное поскользнулось и остановилось. Чтобы помочь сдвинуть возъ, Сергій, оставивъ на возу ручной багажъ, накидку и башмаки, принялся пособлять; а между тѣмъ багажъ упалъ въ воду и погибъ. Евстратій, кото-

1) ἔπεσεν ἐπὶ τῆς γῆς ὡσεὶ νεκρά.

2) Ср. съ этимъ повѣсть о Ѳеоѳоніи, убившемъ своихъ родителей, отвергнутомъ скитскими отцами, но принятомъ однимъ старцемъ; послѣдній повелѣлъ ему идти въ Царьградъ къ Андрею Юродивому, молитвами котораго онъ получилъ прощеніе отъ умершихъ родителей; затѣмъ умеръ въ скитѣ и прославился (Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1894 г. Спб. 1897, стр. 175).

рому Сергій разсказалъ о приключеніи, увѣрилъ, что «погибшее» застряло въ рѣчной плотинѣ; монахъ пошелъ и убѣдился въ справедливости его словъ (§ 28). Двадцать иноковъ собрались привезти на волахъ изъ Катавольской мѣстности въ Агаврскій монастырь хлѣбъ и другіе припасы. Евстратій предварилъ ихъ, что на рѣкѣ они встрѣтятъ затрудненіе отъ злого духа, котораго пусть не смущаются. Дѣйствительно волы, везшіе грузъ, посрединѣ рѣки остановились. Большой эѳіопъ выскочилъ изъ воды, поднялся на мостъ и закричалъ, что его преслѣдуетъ Евстратій, и снова упалъ въ воду, послѣ чего монахи спокойно продолжали путь (§ 29). Однажды воры, въ отсутствіи святого, обокрали монастырь. Явившись на другой день и узнавъ, въ чемъ дѣло, Евстратій пошелъ въ церковь и, остановившись передъ иконою св. великомуч. Ѳеодора, со смѣлостью сказалъ: «повѣрь, жители мѣста не возьмутъ огня изъ лампады въ сей честной твоей иконѣ, если ты не поможешь намъ получить взятое», послѣ чего вернулся въ свою келію. На другой день воры, подойдя къ монастырскимъ стѣнамъ, разговаривали между собою, что вотъ они ходятъ два дня, а отойти отъ монастыря не могутъ, ибо ихъ преслѣдуетъ нѣкій «царскій» (βασιλικός τις) съ монахомъ, сидящіе на бѣлыхъ коняхъ. Монахи, услышавъ разговоръ, получили свое имущество; Евстратій напутствовалъ воровъ и они вернулись во свояси (§ 30). Подымаясь однажды съ братомъ въ монастырь изъ своего метоха Λευκάδες, онъ издали увидѣлъ пожаръ въ другомъ своемъ метохѣ — св. Космы; тотчасъ сошелъ съ коня, сотворилъ молитву, и пожаръ прекратился. А ночь тогда была совершенно лунная, замѣтилъ спутникъ Евстратія (вѣроятно агіографу, § 31).—Левкадскій метохъ находился вѣроятно на мысѣ Λευκάτη, къ западу отъ Никомидіи; въ тѣхъ же краяхъ, какъ кажется, но довольно далеко отъ Левкадъ, находился и другой метохъ Агаврскаго монастыря — св. Космы. — Однажды Евстратій отправился въ столицу, прибылъ на суднѣ въ гавань Тритона (κατὰ τὸν τοῦ Τρίτωνος ὅρμον) и велѣлъ корабельщику приготовить поѣсть. Когда тотъ сослался на отсутствіе рыбы, чудомъ Евстратія на берегу оказалась столь великая рыба, что приводила въ изумленіе всѣхъ (§ 32). — Тритонъ — приморскій городокъ Виѳиніи не далеко отъ Византіи, упоминаемый Ѳеофаномъ (I, 472) и чудомъ св. Николая.—Благочестивая Ѳеодосія, оговоренная передъ своимъ мужемъ, при тогдашнемъ кесарѣ Вардѣ[1]), и изгнанная отъ сожительства съ нимъ, часто прини-

1) p. 389: λέγω δὴ Βάρδα τοῦ κατ' ἐκεῖνο καιροῦ καίσαρος χρηματίσαντος.

мала у себя Евстратія; служанка ея четыре года страдала кровотеченіемъ[1]) и исцѣлилась, слизавъ пыль съ ногъ святого, когда тотъ расхаживалъ у Ѳеодосіи по залѣ (μέσον τοῦ τρικλίνου, § 33). — Означенное чудо относится ко времени 858—866 года, когда великую, первую роль въ государствѣ игралъ кесарь Варда; самъ онъ развелся съ женою; повидимому, былъ прикосновенъ къ разводу и Ѳеодосіи.— Одинъ бѣднякъ Прусы, имѣя одного жеребенка, едва прокармливалъ свое семейство, привозя то припасы, то дрова; но вотъ лошадка его стала слѣпнуть. Бѣднякъ въ отчаяніи явился съ нею къ Евстратію и просилъ у него другой лошади. Святой извинился, что не имѣетъ лишней, вышелъ съ нимъ до воротъ монастырской ограды, зачерпнулъ воды въ руку, обмылъ глаза лошади, сотворилъ крестное знаменіе,— и животное выздоровѣло (§ 34).

Собираясь ѣхать въ Византію, Евстратій прибылъ въ Катаволъ, гдѣ отслужилъ всенощное бдѣніе съ роднымъ своимъ братомъ, «преподобнѣйшимъ» Николаемъ. Во время трапезы святой загадками говорилъ объ исходѣ своего путешествія, но брату Николаю прямо сказалъ, что онъ уже не вернется изъ Константинополя, прося его однако не печалиться о его кончинѣ; прощаясь съ братіею, онъ произнесъ: «будьте здоровы; а я собираюсь отправиться въ далекій путь». Монахи же, замѣчаетъ агіографъ, подумали, что онъ говоритъ это о плаваніи по морю (§ 35). Евстратій прибылъ въ Константинополь. Когда судно вошло въ гавань Іуліана, обыкновенно называемую Софійскою гаванью[2]), оно налетѣло на подводную скалу и дало пробоину; молитвами Евстратія всѣ спаслись, и въ судно не попало ни капли воды; но когда вынесенъ былъ изъ лодки багажъ, вышли корабельщики и наконецъ самъ Евстратій взобрался на сушу по боковой лѣстницѣ, судно тотчасъ наполнилось водою (§ 36). На другой день Евстратій отправился въ патріаршій дворецъ. — Здѣсь въ рукописи утрачено нѣсколько листовъ: προτραπεὶς παρ' αὐτοῦ <τοῦ> τηνικάδε ἀρχι* <по конъектурѣ Пападопуло-Керамевса: ερατικῇ καθέδρᾳ>. Если имя патріарха было Φώτιος, это будетъ значить, что Евстратій прибылъ въ столицу до сентября 867 года; если же Ἰγνάτιος, то—послѣ того. Всякій слѣдъ о патр. Фотіи тщательно изглаживался латинами; не отъ

1) ῥηγίως συνεχομένη, ἡ αἱμόρρους.

2) p. 391: ἐν τῷ τοῦ Ἰουλιανοῦ λιμένι, ὃν δὴ Σοφίας καλεῖν ἡ συνήθεια εἴωθεν. Ср. Theoph. I, 184: εἰς τὸν Ἰουλιανοῦ, τὸν Σοφίας λέγω, λιμένα.

нихъ ли пострадала и рукопись Саввинскаго монастыря? По ходу разсказа, Евстратій, явившись въ патріаршія палаты, былъ поощренъ патріархомъ къ чему-то или въ чемъ-то; вѣроятно онъ и тутъ творилъ чудеса; затѣмъ онъ скончался (уже въ царствованіе имп. Василія) и по смерти прославился чудесами. Такъ одна повидимому жестокая женщина, видя ежедневно совершающіяся по кончинѣ его чудеса, сдѣлалась мягкою, сострадательною и набожною (§ 37).

Передъ смертью, 10 января, онъ собралъ находившуюся тамъ (въ Константинополѣ) братію, въ полночь произнесъ поученіе и скончался во время пѣнія шестой пѣсни канона, проживъ 95 лѣтъ, поступивъ въ монастырь 20-ти лѣтъ и подвизавшись 75 лѣтъ (§ 38).—Допуская, что Евстратій скончался 10 января 868 года, найдемъ, что онъ родился въ 773-мъ и началъ подвижническую жизнь въ 793 году.—По кончинѣ святого жители столицы спѣшили взять что нибудь отъ его мощей: кто часть волосъ, кто частицу его тѣла. Одна женщина, жившая очень близко отъ его метоха и раздробившая себѣ бедро при паденіи, 17 лѣтъ страдала параличемъ ногъ: только лежала, но встать и ходить не могла. Ее принесли на носилкахъ (ἐν φορείῳ) къ мощамъ святого, она поцѣловала ихъ, выпросила у вышеназванной Θеодосіи частицу волосъ отъ его бороды, приложила ихъ къ больному мѣсту и выздоровѣла. Одинъ изъ иконоборцевъ «новаго поколѣнія», врагъ монаховъ, пораженный чудомъ надъ этою женщиною, явился ко гробу, раскаялся въ ереси и принялъ православіе (§ 39). При гробѣ шла служба днемъ и ночью; освѣщеніе было насчетъ Θеодосіи; рака была открыта для приходящихъ больныхъ. На третій день по его кончинѣ ко гробу прибыли три юноши и женщина, страдавшіе сумасшествіемъ (ὑπὸ πνευμάτων ἀκαθάρτων ὀχλούμενοι); изъ нихъ одинъ юноша и женщина выздоровѣли тотчасъ же, а два другихъ на девятый день (§ 40). Одинъ пресвитеръ, выйдя изъ своего дома для нѣкоей потребы, упалъ и повредилъ себѣ бедро; принесенный, онъ вспомнилъ о св. Евстратіи и велѣлъ принести себя къ его гробу. Во снѣ явился ему святой, велѣлъ исправиться отъ высокомѣрія, безпорядочныхъ словъ и клятвъ и затѣмъ исцѣлилъ больного (§ 41). Одинъ ремесленникъ привелъ ко гробу своего сына, потерявшаго зрѣніе отъ заразной болѣзни (ἐκ λοιμικῆς νόσου); помочилъ глаза ему, и больной сталъ видѣть (§ 42). Одинъ, распухшій подобно мѣшку, явился ко гробу, попросилъ у братіи мνра со лба и рукъ святого, выпилъ это мνро и тотчасъ <выздоровѣлъ, § 43>. Одна женщина исцѣлилась отъ кровоте-

ченія (§ 44). Слѣпой на оба глаза, приведенный ко гробу, на другой день ушелъ зрячимъ (§ 45). Одинъ 70 лѣтъ страдалъ, по дѣйствію діавола, афоніею; при гробѣ святого языкъ его разрѣшился, и онъ вернулся здоровымъ (§ 46). Одна женщина съ проказою на глазахъ (λελεπρωμένη τὰς ὄψεις) исцѣлилась отъ слѣпоты (§ 47). Одинъ страдалъ слѣпотою 32 года; шесть дней пробылъ у гроба Евстратія, но безъ пользы, и хотѣлъ было уже уходить, на 7-й день во снѣ явился ему святой, укорилъ его въ маловѣріи и исцѣлилъ больного (§ 48). Одинъ отецъ привелъ ко гробу своего ребенка, не говорящаго уже восемь лѣтъ; взялъ руку святого и засунулъ пальцы его въ ротъ мальчику <послѣ чего ребенокъ выздоровѣлъ, § 49>. <Нѣкій> выздоровѣлъ (§ 50). «Въ этомъ Вомскомъ монастырѣ»[1]) совершились и другія чудеса. Одинъ изъ здѣшнихъ жителей явился ко гробу съ 9-тилѣтнимъ ребенкомъ, параличнымъ и глухимъ отъ рожденія[2]), поставилъ его на гробницу, и мальчикъ выздоровѣлъ (§ 51).—Отсюда мы заключаемъ, что агіографъ Евстратія жилъ въ Вомскомъ монастырѣ, въ Катавольской мѣстности, около Чернаго моря; поэтому чудеса, совершенныя святымъ въ этихъ краяхъ, должны были быть автору хорошо извѣстны.

Ученики святого съ «освященнымъ отцомъ ихъ» Николаемъ во главѣ взяли раку Евстратія оттуда (изъ Константинополя) и повезли ее въ Агаврскій монастырь. Когда они находились уже около теплыхъ водъ г. Прусы, при мощахъ исцѣлилась 80-тилѣтняя сумасшедшая (δαιμονιῶσα) старуха (§ 52). — Николай, братъ Евстратія, былъ повидимому игуменомъ Вомскаго монастыря (въ Катаволѣ) и, какъ видно отсюда, участвовалъ въ перенесеніи мощей изъ Константинополя въ Агавръ. — Когда рака была принесена въ Агаврскій храмъ, она была открыта. Одна монахиня, страдавшая сухоручьемъ (ἐξηραμμένην ἔχουσα τὴν χεῖρα), подошла къ тѣлу святого, взяла правую его руку и положила на свою больную руку; святой такъ сжалъ ее, что монахиня закричала и вслѣдъ затѣмъ выздоровѣла (§ 53). Черезъ 40 дней раку помѣстили въ лѣвой сторонѣ алтаря. Изъ Малагинской страны (ἐκ τῆς τῶν Μαλαγίνων χώρας) явилось сюда два сумасшедшихъ (ὑπὸ πνευμάτων ἀκαθάρτων ἐλαυνόμενοι); на третій день, въ отсутствіи братіи, они тайно подняли камень, подошли къ ракѣ и разбили доску, скрывающую честную раку. Монахи, узнавъ о томъ, выгнали ихъ изъ

1) p. 396: ἐν ταύτῃ <τῇ> τῶν Βωμῶν μονῇ.
2) p. 397: ἀκίνητον τοῖς ποσὶν κωφόν τε καὶ βωβὸν ὑπάρχον ἐκ γενετῆς.

храма и на другой день хотѣли замѣнить доску другою; когда открытъ былъ кивотъ, больные выздоровѣли (§ 54).—Малагина, судя по отреченнымъ «Видѣніямъ Даніила», лежала между Ефесомъ и Пергамомъ: ἡ μὲν πρώτη χειμάσει εἰς Ἔφεσον, ἡ δὲ δευτέρα εἰς τὰ Μαλάγηνα, ἡ δὲ τρίτη εἰς Ἔνακαμπον (Ἄκρα-Κάμπου), ἥτις ἐστὶν ἡ Πέργαμος[1]) «первая пойдетъ на Ефесъ, вторая на Малагиня, третья на Конецъ поля, еже глаголется Паргамосъ»[2]). Одинъ буйно-сумасшедшій со связанными руками явился во храмъ ко гробу; путы спали съ рукъ его; онъ выпилъ масла изъ горѣвшей надъ гробомъ лампады и выздоровѣлъ (§ 55). Одинъ пресвитеръ изъ Катавольской мѣстности явился сюда съ семилѣтнимъ сыномъ, ноги котораго были въ параличѣ. Пока сынъ молился, отецъ вышелъ къ воротамъ и разсказывалъ братіи о несчастіи съ мальчикомъ; но не успѣлъ онъ еще разсказать, какъ увидѣлъ, что сынъ бѣжитъ къ нему изъ храма совершенно здоровый (§ 56). Одинъ схоларій находился совершенно безъ движенія; его принесли домашніе въ монастырь, помазали больныя его мѣста масломъ изъ лампады святого, и схоларій на третій день сталъ ходить (§ 57). Одинъ пресвитеръ Катавольской мѣстности явился ко гробу съ сухорукою своею женою; во снѣ явился ей святой, взялъ за руку и велѣлъ встать; попадья встала здоровою (§ 58). Двѣ монахини изъ Перистерскаго монастыря (τῆς Περιστερῶν), пораженныя глазною заразою, были приведены къ мощамъ Евстратія, помазали глаза масломъ изъ лампады и вернулись зрячими (§ 59). Трое сумасшедшихъ исцѣлилось у гроба святого (§ 60). Нѣкій хартуларій[3]) былъ весь разбитъ параличемъ и не могъ двигаться; принесенный сюда, онъ въ теченіи 15 дней намазывался масломъ изъ лампады — и поправился (§ 61). Не въ состояніи исчислить всѣхъ чудесъ святого, агіографъ обращается къ своему предстателю съ такимъ молитвеннымъ воззваніемъ (§ 62): хотя я и недостойно побужденъ (παρωρμήθην) къ составленію разсказа о тебѣ, — будь милостивъ къ моей слабости; прими сіе бѣднѣйшее слово, какъ принесенное тебѣ отъ великаго и горячаго расположенія; помогай воспріявшему твою священную и честную скуфію (μάνδραν, § 63).—Преемникомъ Евстратія въ Агаврскомъ монастырѣ былъ можетъ быть родной братъ его Николай; вѣроятно онъ и поручилъ Вомскому монаху написать житіе Евстратія.

1) В. Истринъ. Откровеніе Меѳодія Патарскаго. М. 1897, стр. 136.
2) Наше Опис. рук. Имп. Общ. Люб. Др. Письм., III, 133.
3) τῇ τοῦ χαρτουλαρίου τετιμημένος παρὰ τοῖς βασιλεῦσι διακονίᾳ.

Наконецъ въ отдѣлъ Олимпійской агіографіи можетъ быть также включено и житіе Антонія новаго. Біографія этого святого, не смотря на большое количество біографическихъ данныхъ, однако не можетъ быть съ точностью представлена. Если бы мы располагали только однимъ этимъ житіемъ мы еще могли бы успокоиться; но существуетъ отрывокъ изъ другого житія Антонія новаго, который довольно значительно отличается отъ нынѣ разсматриваемаго житія, и въ этомъ заключается вся трудность вопроса. Parvum leve, plus molestius est.

Мысль о тожествѣ обоихъ житій была высказана А. И. Пападопуло-Керамевсомъ, и дѣйствительно она въ высшей степени вѣроятна. Въ самомъ дѣлѣ Антоній разсматриваемаго здѣсь житія и Антоній отрывка, о которомъ мы будемъ говорить ниже, жили въ одно время, оба называются новыми (νέος) и оба подвизались приблизительно въ однихъ мѣстахъ; оба они были въ свое время (въ мірѣ) начальниками (ἄρχων), а послѣ бѣднякамп; оба они имѣли отношеніе къ Павлу, епископу Прусіадскому или Плусіадскому; наконецъ оба они страдали отъ вшей въ своей одеждѣ. Отличіе между обоими Антоніями только то, что первый изъ нихъ подвизался на Олимпѣ, въ Пандимѣ и Крилѣ, а второй въ Кійскомъ монастырѣ, то есть въ той же Виѳиніи. Чтобы отвѣтить на вопросъ, какое преданіе болѣе правдоподобно, у насъ нѣтъ другого критерія какъ разсмотрѣніе обоихъ житій со стороны ихъ происхожденія.

Агіографъ разсматриваемаго здѣсь житія кажется современнымъ авторомъ, жившимъ и писавшимъ вскорѣ послѣ кончины святого: вѣроятно, это былъ одинъ изъ иноковъ Крильскаго монастыря. Говоря о героѣ, онъ дважды называетъ его μακαρίτης (§ 12), то есть «покойный», недавно скончавшійся; кромѣ того и самое заглавіе житія говоритъ объ ὁ ὅσιος Ἀντώνιος, но еще не объ ὁ ἐν ἁγίοις πατὴρ ἡμῶν, то-есть опять таки свидѣтельствуетъ, что Антоній еще не канонизованъ, что онъ только недавно сошелъ со сцены. Что же касается до житія въ отрывкѣ, оно представляетъ изъ себя только уже преданіе, хотя и современное, но неизвѣстно гдѣ записанное, въ которомъ фактическая сторона иногда грѣшитъ противъ истины.

Житіе Антонія новаго[1]) написано неизвѣстнымъ инокомъ по порученію вѣроятно игумена Крильскаго монастыря Климента (§ 1).

---

1) Ἀντώνιος ὁ μέγας ὁ τῆς ἐρήμου (Пападопуло-Керамевсъ въ «Прав. Палест. Сборникѣ», Спб. 1907, LVII (XIX, 3) стр. 186—216, ср. русск. переводъ В. В. Латышева тамъ же, стр. 209—243, по вѣнскому списку).

Покойный[1]) нашъ (καθ' ἡμᾶς) Антоній былъ родомъ палестинецъ (род. ок. 786 г.), сынъ Фотина (φωτεινός) и Ирины, изъ города Фосата (Φωσᾶτον), находящагося въ 18 миляхъ отъ святого Іерусалимскаго Сіона (§ 2).—Прежде чѣмъ говорить о немъ, агіографъ сначала распространяется о дѣятельности разбойника Іоанна, имѣвшаго отношеніе къ Антонію.

«Былъ нѣкій разбойникъ въ горахъ Востока, христіанинъ по вѣрѣ, но тогда не думавшій о Христѣ; онъ по обыкновенію ежегодно мѣнялъ разбойническій нравъ и паломникомъ приходилъ въ Іерусалимъ для поклоненія его святынямъ. Въ бытность свою во св. Градѣ разбойникъ узналъ, что Сирійскій протосимвулъ пріобрѣлъ нѣкоего эѳіопа, безобразной наружности, необычайной силы, непобѣдимаго въ борьбѣ. Разбойникъ схватился съ эѳіопомъ и положилъ его на обѣ лопатки. «Если можешь, убей его безъ помощи оружія», сказалъ сиронačальникъ, и разбойникъ ударомъ кулака сломалъ эѳіопу голову. Съ наградами и величайшими дарами онъ возвратился въ свой городъ и все роздалъ нуждающимся (§ 3).

Раздумывая о своемъ житьѣ, разбойникъ говорилъ самъ въ себѣ: «доколѣ, смиренный Іоаннъ, будешь ты наслаждаться убійствами тебѣ подобныхъ?». Укрѣпившись въ мысли о перемѣнѣ жизни, Іоаннъ бросилъ награбленныя имущества и деньги и удалился въ лавру св. Саввы Освященнаго, гдѣ принялъ монашескую схиму, поступилъ подъ начало одного прозорливѣйшаго старца и сдѣлалъ большіе успѣхи въ иноческихъ добродѣтеляхъ (§ 4). «Въ одно воскресеніе, когда всѣ отцы по обычаю поздно въ субботу пришли въ церковь и возсылали пѣснопѣніе Богу до утра, въ эту ночь въ лавру вошло шесть арабовъ. Обобравъ келлію Іоаннова старца, они ушли. Авва Іоаннъ, увидѣвъ разгромъ келліи, бросился за ними вдогонку, пятерыхъ изъ нихъ связалъ, а шестого положилъ подъ тяжелый камень. Іоанновъ старецъ, увидя связанныхъ разбойниковъ, воскликнулъ: «ты снова взялся за старое разбойничество? Возвратись скорѣе и сними камень съ шестого, дабы тебѣ не впасть въ преступленіе убійцы; оставь ихъ съ тѣмъ, что они взяли». Іоаннъ повиновался (§ 5). Онъ сталъ такъ воздерженъ въ пищѣ, что въ два и четыре дня принималъ одинъ хлѣбъ и немного воды, а иногда и цѣлую недѣлю пребывалъ безъ пищи; своею великою склонностью къ добродѣтели онъ превзошелъ всѣхъ саввинцевъ, чис-

1) μακαρίτης неточно переведено: «блаженный».

ломъ шестьсотъ. Онъ всегда носилъ сиккомахій, прикрывавшій его тѣло (§ 6). Черезъ десять лѣтъ подвижничества въ лаврѣ онъ пріобрѣлъ всеобщій почетъ и уваженіе. Избѣгая посѣщеній людей, онъ отпросился на житье въ горахъ, гдѣ прежде совершалъ убійства, и поселился на горѣ въ предѣлахъ города Фосата; но слава гналась за нимъ: сюда стали приносить недужныхъ для исцѣленія его молитвами (§ 7). Явился къ нему однажды слѣпой еврей, ученый и знающій догматы законовъ. Іоаннъ предложилъ ему слѣдующее: «если ты не прозришь въ теченіе сорока дней, я дѣлаюсь евреемъ; если же прозришь, да увѣруешь во Христа». Еврей съ радостью согласился. Дѣйствительно, прозрѣвъ на 40-й день, еврей привелъ къ Іоанну жену и домочадцевъ, и всѣ они были крещены однимъ, ближайшимъ, пресвитеромъ (§ 8).

Къ Іоанну очень часто приходили родители св. Антонія, очевидно жившіе не подалеку отъ него, и однажды просили святого принять сына ихъ Іоанна (мірское имя Антонія) себѣ въ услуженіе. Святой взялъ къ себѣ отрока Іоанна и однажды пророчески сказалъ ему: «знаешь, дитя, я говорю не въ угоду тебѣ: ты выйдешь изъ предѣловъ Сиріи, будешь жить въ Ромейской землѣ, послужишь міру достаточное время, будешь править народомъ и владѣть городами, поставишь трофеи надъ супротивными и послѣ сего откажешься отъ дѣлъ жизни, послужишь Христу въ монашескомъ житіи сорокъ лѣтъ и достигнешь мѣры совершенства превыше меня». Вскорѣ послѣ того Іоаннъ при паденіи ушибъ ногу и весьма опасно заболѣлъ. И вотъ въ одну ночь онъ видитъ во снѣ себя самого какъ бы поднятаго на воздухъ, безпредѣльный свѣтъ окрестъ мѣста созерцанія, двухъ мужей въ бѣлыхъ одеждахъ, держащихъ въ рукахъ золотой сосудъ, полный воды, и преславную жену, одѣтую въ багряныя одѣянія, которая, поднявъ руку, трижды возлила воду на голову его, а затѣмъ они отступили отъ него. Отрокъ выздоровѣлъ, головная и ножная боль прекратилась. Объ этомъ Антоній вспоминалъ и незадолго до смерти своей, въ бесѣдѣ со своимъ ученикомъ Іаковомъ: «съ тѣхъ поръ и по настоящее время я не страдалъ головою, хотя подвергался многимъ и различнымъ жарамъ; и страданіе головною болью не приходило ко мнѣ» (§ 9).

По смерти Ирины, когда Фотинъ вступилъ во второй бракъ, Іоаннъ съ братомъ своимъ (Давидомъ), его женою Θеодулою и многими другими христіанами тайно бѣжали изъ тѣхъ мѣстъ и, пришедши въ область Кивирреотскую (τὸ θέμα τῶν κιβυραιωτῶν), поселились въ городѣ

Атталіи, при морѣ. Іоаннъ былъ юношею, когда прибылъ въ Ромейскую землю, уже за годъ достигнувъ возмужалости; онъ былъ высокъ ростомъ и обладалъ развитымъ умомъ, весьма правильно разсуждая въ практическихъ вопросахъ жизни. Черезъ годъ послѣ его поселенія въ Атталіи, прибылъ византійскій флотъ съ мѣстнымъ патрикіемъ (μετὰ τοῦ ἑαυτῶν? πατρικίου). Именитые люди города, среди которыхъ находился и Іоаннъ, вышли на встрѣчу начальнику. Послѣдній обратилъ вниманіе на рослаго Іоанна и послѣ непродолжительной бесѣды съ нимъ взялъ его въ число своихъ приближенныхъ (§ 10). Испытавъ его довольное время (812—823 гг.) и узнавъ его большія дарованія, тріерархъ донесъ о немъ царю Михаилу,—какъ видно изъ дальнѣйшаго, Михаилу II (820—829).—Результатомъ этого послѣдовало назначеніе Іоанна намѣстникомъ (ἐκ προσώπου) Кивирреотской ѳемы. Въ санѣ стратига онъ издалъ постановленіе, что если найдется какой-либо блудникъ или женщина блудодѣйствующая, то такого схватывать и имущество его представлять въ преторій; попадавшимся онъ остригалъ волосы на головѣ и отпускалъ на посмѣяніе. Онъ любилъ монаховъ настолько, что за его трапезою никогда не отсутствовалъ монахъ. Желая внушить какъ можно болѣе страха людямъ безпорядочнымъ и злоумышленнымъ, онъ хотя по человѣколюбію и воздерживался отъ бичеванія, но ежегодно одного наиболѣе виновнаго жестоко наказывалъ воловьими жилами, почти лишалъ жизни — для устрашенія, какъ сказано, остальныхъ (§ 11). Мужественный воитель и дивный совѣтникъ, Іоаннъ «прилѣпившихся въ то время къ отступнику и бродягѣ Ѳомѣ и возмутившихъ (можно сказать) всю вселенную не только не принялъ въ дружественное общеніе, но и преслѣдовалъ военною силою и нападающихъ уничтожилъ и заставилъ исчезнуть».—Нашествіе Ѳомы на Константинополь въ 823 г. было со стороны моря. Отъ Антіохіи онъ плылъ во главѣ флота, вѣроятно останавливался въ Атталіи, гдѣ Іоанну и приходилось имѣть съ нимъ дѣло.—Святой отличался и аскетизмомъ: въ теченіе всей великой четыредесятницы онъ не вкушалъ ни хлѣба, ни вина, ни чего либо другого изъ съѣстного, кромѣ руфія (ῥουφίν), напитка, котораго выпивалъ ежедневно по чашѣ. Благочестивый градоправитель, Іоаннъ имѣлъ натѣльный крестъ. Передавъ его на храненіе своей сестрѣ—инокинѣ, онъ сказалъ: «когда я возьму его, я сдѣлаюсь монахомъ» (§ 12). Когда Ѳома за его злодѣянія былъ наказанъ и усмирилась наша вселенная, Іоаннъ (въ 823 г.) поѣхалъ въ Константинополь къ имп. Михаилу. О себѣ онъ велѣлъ своей свитѣ

разсказывать какъ объ извѣстнѣйшемъ врачѣ. У одного богатаго, бездѣтнаго человѣка, у котораго онъ дорогою остановился, онъ спросилъ: «у васъ нѣтъ дитяти?»—нѣтъ, отвѣтилъ хозяинъ, вотъ я 25 лѣтъ живу съ женою, но по грѣхамъ нашимъ не имѣемъ плода чрева.— А что вы дадите мнѣ, если получите дитя?—Треть моего состоянія.— Нѣтъ, возразилъ начальникъ, но «выкорми мнѣ заботливо десятокъ военныхъ коней». Когда послѣдовало согласіе домохозяина, Іоаннъ велѣлъ принести пергаментъ; но такъ какъ его не нашлось, онъ велѣлъ принести Евангеліе, и взявъ отъ послѣднихъ листовъ, разрѣзалъ и зашилъ полосу, которая могла бы опоясать имѣющаго носить ее. Затѣмъ онъ написалъ на ней молитву съ именами праведниковъ Ветхаго и Новаго Завѣта, съ моленіемъ Богородицѣ, велѣлъ мужу и женѣ вымыться и вымыть постели, затѣмъ велѣлъ женѣ опоясаться этимъ поясомъ и такимъ образомъ спать на постели мужа. Исполнивъ все это, жена зачала и родила сына: радость въ домѣ была необычайная (§ 13). Намѣстникъ Іоаннъ пробылъ въ Константинополѣ десять мѣсяцевъ (823—824); отпущенный императоромъ, онъ спѣшилъ въ Атталію. Бывшій хозяинъ его, обрадованный рожденіемъ сына, заклиналъ Іоанна посѣтить его—посмотрѣть на своего сына и получить обѣщанные дары; но начальникъ, объяснивъ, что торопится, не заглянулъ къ нему, попросивъ только цѣну десяти коней раздать бѣднымъ; «если не сдѣлаете этого, прибавилъ онъ, то знайте, что окончите жизнь бездѣтными» (§ 14).

Три слѣпца около Атталіи услышали голосъ, говорящій къ нимъ: «отправившись къ начальнику Ехиму (ὁ ἄρχων Ἔχιμος), скажите ему то и то». Это говорилъ мужъ въ бѣлыхъ одеждахъ. Слѣпцы отправились къ Іоанну. Послѣдній велѣлъ дать имъ 10 мѣръ хлѣба и отпустить ихъ. Они не уходили, желая лично сказать начальнику. Послѣдній, не принявъ ихъ, велѣлъ дать имъ 40 мѣръ. Но когда слѣпцы заявили, что они ничего не ищутъ, а пришли передать начальнику то, что имъ открылъ Господь,—Іоаннъ принялъ ихъ и услышалъ, что голосъ мужа говорилъ о томъ, что черезъ 40 дней придетъ на Атталію гнѣвъ (Господень); «итакъ прикажи всѣмъ находящимся подъ твоею властію епископамъ, пресвитерамъ, инокамъ и инокинямъ и всему народу по средамъ и пятницамъ поститься до вечера и творить молитвы къ Богу; и самъ ты потрудись съ ними, не отведетъ ли Господь идущую на васъ грозу» (§ 15). Не смотря на то, что нѣкоторые говорили объ этомъ какъ о старушечьихъ розсказняхъ (ὕθλοι γραῶν), Іоаннъ призывалъ

епископовъ и народъ къ молитвамъ, и самъ, падѣвъ вретище и принявъ образъ жизни четыредесятницы, молился Богу за ввѣренный ему городъ (§ 16). На сороковой день показался на морѣ, какъ бы идущая по морю густая туча, сарацинскій флотъ. Іоаннъ велѣлъ всѣмъ подняться со щитами на стѣну, не только мужчинамъ, но и молодымъ женщинамъ, переодѣтымъ въ мужское платье, чтобы врагамъ показалось многолюдство; пришелъ во вретищѣ и самъ Іоаннъ и занялъ первое мѣсто, ближе всего къ агарянамъ. Враги, приплывъ на тріирахъ ближе къ землѣ, высадились изъ нихъ, имѣя 60 тяжело-вооруженныхъ всадниковъ и нелегко исчислимое количество пѣшихъ воиновъ. Начальникъ флота, не зная Іоанна, спросилъ: «гдѣ вашъ начальникъ Ехимъ? я хочу прежде всего переговорить съ нимъ». Іоаннъ отвѣтилъ: «я пойду, возвѣщу ему» (§ 17). Одѣвшись въ свою оффиціальную форму, съ драгоцѣнной тіарой на головѣ и съ тростью въ рукѣ, Іоаннъ по сирійски спросилъ о причинѣ появленія сарацинъ на этотъ маленькій городокъ и бѣдный народъ. Начальникъ флота отвѣтилъ: «вы сами вынуждаете насъ дѣлать это, высылая разбойниковъ и грабя все сирійское побережье». Іоаннъ на это сказалъ: «Ромейскій царь повелѣваетъ своимъ начальствующимъ лицамъ, если чего хочетъ, и это исполняется; онъ высылаетъ флоты и вооружаетъ войско на войну съ противниками его власти, хотимъ ли мы, или не хотимъ. А я тебѣ говорю то, что если ты пожелаешь обидѣть этотъ бѣдный городъ и намъ, гостящимъ въ немъ, повредить въ чемъ-нибудь, то вотъ Богъ нашъ, все видящій и могущій, который не позволитъ тебѣ больше увидѣть Сирію». Варваръ, напуганный этимъ, остановилъ свое войско около городского вала; обмѣнявшись заложниками, враги удалились оттуда (§ 18). — Если подъ начальникомъ сарацинскаго флота разумѣть Абу-Хафса (Ἀπόχαψις), то эта экспедиція относится къ 824 году (Muralt, 410). Абу-Хафсъ могъ пощадить Атталію, но онъ опустошилъ о. Критъ, причемъ мученически пострадалъ св. Кириллъ, еп. Гортинскій.

Забывъ о пророчествѣ богоноснаго Іоанна (бывшаго прежде разбойникомъ), начальникъ Іоаннъ задумалъ жениться, заготовлялъ все нужное для брачнаго торжества и взялъ у своей сестры натѣльный крестъ (§ 19). Св. Іоаннъ (разбойникъ), прозрѣвъ грядущее событіе, съ Палестинской горы, гдѣ онъ жилъ, написалъ письмо начальнику Іоанну и отправилъ его съ письмоносцемъ въ Атталію. Палестинскій аскетъ напоминалъ ему о забытіи его словъ о монаше-

ствѣ и грозилъ ему скорою смертью (§ 20). Іоаннъ заплакалъ и, обдумывая истину словъ аскета, вдругъ круто перемѣнился: сердце его освободилось отъ плотской похоти, и онъ рѣшился послѣдовать иноческому житію. Онъ предлагалъ письмоносцу денегъ для раздачи нищенствующимъ христіанамъ на Востокѣ, но инокъ сказалъ: «я имѣю заповѣдь отъ старца ничего не брать отъ тебя, кромѣ хлѣба въ одну мѣру и одного сосуда вина». Получивъ это, онъ былъ посаженъ Іоанномъ на корабль и отправленъ въ обратный путь (§ 21). Послѣ этого Іоаннъ велѣлъ своему вѣрному слугѣ Ѳеодору, завѣдывавшему столомъ его, приготовить роскошный столъ изъ лучшихъ кушаній для именитыхъ гражданъ и испросить ночной аудіенціи у св. Евстратія столпника. Гости упивались первосортнымъ виномъ, а его напитокъ состоялъ изъ хорошо разбавленнаго вареннаго лука и подавался ему въ стеклянномъ багряномъ кубкѣ, чтобы никто изъ сотрапезниковъ не узналъ такой хитрости. Гости на второй стражѣ ночи такъ упились, что уже не нуждались въ ложахъ для упокоенія, но заснули тутъ же на мѣстѣ. Іоаннъ съ Ѳеодоромъ ночью явились къ Евстратію и, поднявшись къ нему на столпъ, выслушали отъ него слова оглашенія (Евстратій былъ рукоположенъ въ Іерусалимѣ во пресвитера) и были пострижены, причемъ Іоаннъ получилъ имя Антонія, а Ѳеодоръ — Саввы; послѣ этого они спустились въ келлію подъ столпомъ (§ 22).— Можно думать, что Іоаннъ оставилъ стратигатъ въ 825 году; преемникомъ его былъ Кратеръ.

Гости, проснувшіеся утромъ и узнавшіе въ чемъ дѣло, явились ко столпу Евстратія и наговорили много оскорбительныхъ словъ по адресу святого старца, а Іоанна одни называли злоумышленникомъ царства, другіе разрушителемъ и измѣнникомъ страны. Родной братъ Антонія особенно возмущенъ былъ Евстратіемъ и велѣлъ толпѣ лопатами низвергнуть на землю столпъ. Съ большимъ трудомъ Антоній успокоилъ волненіе (§ 23). Императоръ (Михаилъ II), узнавъ объ измѣнѣ стратига Іоанна, высылаетъ патрикія съ флотомъ повѣсить навлекшаго на себя вину дезертирства и убить его, задушивъ дымомъ мякины. Посланный, придя въ городъ Силейскій (πόλις τῶν Συλαιωτῶν) и разсматривая дѣла управленія, увидѣлъ во снѣ двухъ мужей въ бѣлыхъ одеждахъ, въ великой славѣ, которые повелѣвали не чинить зла рабу Христову, иначе грозили ни ему, ни его войску не увидѣть столицы. Начальникъ посѣтилъ Антонія, сошелъ съ колесницы и поклонился ему до земли, прося молитвы и благословенія. Антоній очень

учтиво далъ объясненія (своего ухода изъ міра), и посланецъ съ радостію отправился въ свой путь (§ 24).—Для наказанія стратига для чего понадобилось посылать цѣлый флотъ, неизвѣстно; далѣе совершенно непонятно, какъ это начальникъ флота вмѣсто того, чтобы прибыть въ Атталію, прибылъ въ Силей, городъ внутренней Памфиліи? Но что обычный путь изъ Византіи въ Атталію былъ морской, не подлежитъ сомнѣнію. Возможно, что посланецъ на двухъ-трехъ судахъ и прибылъ сначала въ Атталію, но такъ какъ Іоаннъ могъ быть въ это время въ Силеѣ, то онъ и отправился сухимъ путемъ въ этотъ городъ. — Въ виду того, что братъ Савва былъ неграмотный, Антоній обратился къ св. Евстратію съ просьбою помолиться о ниспосланіи ему дарованія; Евстратій въ свою очередь просилъ о томъ же Антонія. Результатомъ ихъ молитвъ было изученіе Саввою псалтыри въ три дня, безъ помощи переписки ея на дщицѣ. Пробывъ довольное время вмѣстѣ со столпникомъ, Антоній, убѣгая отъ сродниковъ и начальниковъ, отпросился у Евстратія постранствовать вмѣстѣ съ Саввою; въ дорогу онъ взялъ только власяницу, которую носилъ, и четыре монеты (νομίσματα, § 25). Необутыми они прибыли въ Аморій, гдѣ имъ приходилось бѣдствовать; ослабѣвъ, они не могли продолжать путь. Но вотъ получивъ милостыню въ двѣ номисмы, они могли нанять ослика до Пилъ (Πύλαι, § 26).—Если подъ Пилами разумѣется мѣстность въ Киликійскихъ горахъ Тавра, то Антоній, какъ видно, блуждалъ: изъ Атталіи онъ прибылъ во Фригію (Аморій), затѣмъ въ Киликію (Пилы), въ проходъ въ горахъ Тавра; но если Πύλαι было мѣстечко гдѣ-нибудь въ Епиктитѣ, то Іоаннъ шелъ съ опредѣленною цѣлью быть ближе къ столицѣ. — Прибывъ далѣе въ Никею, Антоній велѣлъ слугѣ вернуться обратно, а самъ поселился въ затворѣ, по пяти дней не принимая пищи и никого не видя. Проведя въ такомъ подвигѣ девять мѣсяцевъ (825—826 г.), Антоній вышелъ изъ келліи, отпустилъ Савву, куда глаза глядятъ, а самъ поднялся на Олимпійскую гору въ Агаврскій монастырь. Но такъ какъ здѣсь разъѣзжали вожди иконоборческой ереси, ему посовѣтовали идти въ монастырь Евнуховъ. Проводникъ за плату привелъ его близко къ монастырю, но не могъ найти входа въ него (§ 27). Въ дальнѣйшемъ пути Антонію попалась часовня во имя св. Георгія, гдѣ ему тамошній земледѣлецъ и указалъ путь въ монастырь Евнуховъ: надо было идти по тропинкѣ, которая вела къ Пандиму (Πάνδημος). У Евнуховъ Антоній нашелъ радушный пріемъ: здѣсь уже знали о его подвижнической жизни. Иноки поста-

вили ему келлію въ пяти стадіяхъ отъ монастыря; здѣсь Антоній (съ 826 г.) жилъ долгое время въ обществѣ отшельника св. Іакова, бывшаго Анхіальскаго епископа временъ патр. Тарасія, который и поучалъ Антонія правиламъ отшельничества (§ 28).—Не смотря на то, что житіе Антонія новаго сохранилось въ единственномъ вѣнскомъ спискѣ, изданномъ только въ 1907 г., Lequien (II, 1191) въ XVII в. однако читалъ его, потому что упоминаетъ епископа Анхіальскаго Іакова, приводя выписку изъ упомянутой рукописи.—Однажды, когда во власяницѣ Антонія завелось много вшей, онъ снялъ ее и повѣсилъ на солнцѣ, а самъ сидѣлъ около нея совершенно нагимъ. Увидѣвъ женщину съ распущенными волосами, очень красивую, онъ всталъ и вошелъ въ свою келлію. Великій Іаковъ объяснилъ ему, что то была не женщина, но бѣсовское навожденіе. Въ другой разъ ночью постучались къ нему и попросили дать зажженный свѣтильникъ. Антоній, думая, что проситъ одинъ изъ братіи, взялся за свѣтильникъ съ намѣреніемъ зажечь его, но вмѣсто воска онъ ощутилъ пометъ, изъ чего заключилъ, что явился ему злой духъ (§ 29). Однажды зимою, когда онъ неподвижно стоялъ всю ночь за молитвою, ноги его примерзли къ землѣ; силою сдвинувшись съ мѣста, онъ потерялъ подошвы ногъ своихъ и очень страдалъ. Онъ хотѣлъ уже уйти отсюда за недостаткомъ здѣсь воды, но Іаковъ велѣлъ ему молиться для полученія воды. Антоній молился всю ночь, а утромъ ударивъ киркою по скалѣ, источилъ прозрачнѣйшую и весьма хорошую воду (§ 30).

По смерти имп. Михаила, когда вступилъ на престолъ Θеофилъ (829 г.), принимавшіе участіе въ возстаніи Θомы явились къ новому царю съ жалобою на бывшаго намѣстника Кивирреотской θемы Іоанна, какъ обиженные имъ и лишенные своихъ денегъ и имѣній. Θеофилъ распорядился возмѣстить имъ якобы причиненные убытки. Вслѣдствіе этого Давидъ, братъ Іоанна, долженъ былъ (ок. 829 г.) прибыть въ Константинополь и просить отсрочки впредь до отысканія своего брата. Θеофилъ согласился. Давидъ прибылъ въ Пандимъ и докладываетъ о себѣ аввѣ Антонію. Послѣдній сказалъ, что какъ родственника своего онъ его не приметъ, но какъ просителя ради спѣшной нужды онъ согласенъ его принять. Узнавъ, что братъ его приговоренъ къ уплатѣ денегъ неправедно, Антоній съ Давидомъ отправились въ столицу. Святой сказалъ царю: «я, владыко, въ тотъ день отдалъ ихъ (повстанцевъ) подъ судъ и взялъ имущество, какъ враговъ царства твоего отца и противниковъ христіанъ, и имѣнія ихъ взявши, отдалъ

оруженосцамъ вашего владычества. Итакъ, если оказывается, что я въ этомъ распорядился худо, то мудрость вашей державы разсудитъ объ этомъ» (§ 31). Θеофилъ передалъ Антонія своему чиновнику Стефану, завѣдывавшему прошеніями, а этотъ заключилъ его подъ стражу. Черезъ нѣсколько дней Стефанъ подсылаетъ къ нему человѣка съ намѣреніемъ взять съ него взятку.—Это безъ сомнѣнія предвзятость агіографа: Стефанъ просилъ съ него штрафъ, наложенный на него императоромъ, какъ и видно изъ дальнѣйшаго.—Святой обѣщалъ ему, но по прошествіи пяти мѣсяцевъ ничего ему не далъ. Стефанъ посадилъ Антонія на самаго сквернаго осла и для посмѣшища провелъ его отъ преторія до своего дома. Здѣсь онъ грозилъ убить Антонія плетьми, если онъ не уплатитъ количество золота, опредѣленное царемъ. Антоній сослался на свою нищету. Стефанъ велѣлъ бить его бичами, но палачъ отказался бить раба Божія, говоря, что лучше онъ самъ подвергнется побоямъ до смерти. Стефанъ самъ далъ Антонію 50 ударовъ воловьими жилами, забилъ ноги его въ колодки и заперъ въ небольшую комнату до слѣдующаго дня (§ 32). Жена Стефанова умоляла мужа не дѣлать зла праведнику. Когда святой ночью молился, узы спали съ ногъ его; онъ снова надѣлъ ихъ, и они снова спали. Утромъ онъ опять надѣлъ ихъ и на этотъ разъ они были такъ крѣпки, что мучителямъ пришлось разбить ихъ. Стефанъ привелъ Антонія къ императору, и Θеофилъ, не спросивъ даже, за что онъ былъ задержанъ, велѣлъ освободить Антонія, сказавъ: «уйди, авва, на мѣсто твое, ничего не боясь, и молись за насъ». Не прошло и двухъ недѣль послѣ того, какъ Θеофилъ, разгнѣвавшись на Стефана, истязалъ его, остригъ и со всѣмъ домомъ выслалъ изъ города, а имущество его передалъ въ казну (§ 33).—Все это могло случиться около 830 года.

Пока Антоній жилъ въ столицѣ, слава о немъ проникла по всему городу, отъ простого народа до вельможъ и властей. У одного изъ вельможъ и друзей Антонія умерла дочь-дѣвочка. Изъ сиротскаго дома (орфанотрофія) были приглашены пѣвцы и подвижницы на погребеніе ея; пришелъ также и Антоній. Родители покойницы умоляли его воскресить дочь ихъ. Антоній, выславъ всѣхъ вонъ изъ комнаты, трижды перекрестилъ ея грудь, и она пришла въ себя и сѣла. Собственноручно накормивъ ее, онъ возвратилъ дочь родителямъ, прося никому не разсказывать объ этомъ. А самъ онъ, покинувъ столицу, прибылъ въ Пандимъ въ общество равноангельскаго отца, епископа Іакова (§ 34). Птицы и звѣри получали пищу прямо изъ

его рукъ, напр. лисица, воробей, котораго онъ кормилъ орѣхами и котораго прогонялъ; но Іаковъ не совѣтовалъ ему прогонять даже и воробья (§ 35). Св. епископъ Іаковъ прожилъ 120 лѣтъ. Предувѣдѣвъ свою кончину, онъ сказалъ Антонію: уйди въ келлію твою и завтра наскоро сдѣлай мнѣ похлебку и принеси. Когда на другой день Антоній явился къ нему съ похлебкою, святой уже умеръ (ок. 860 г.). Съ плачемъ Антоній сообщилъ объ этомъ братіи (§ 36). «Кураторъ царицы Прокопіи, взявъ военный отрядъ, взошелъ на гору взять святые останки и отнести ихъ своей повелительницѣ для достойнѣйшаго погребенія; ибо блаженная Прокопія издавна служила святому старцу и пользовалась его боговдохновеннымъ предстательствомъ». Но Антоній сообщилъ куратору, что самъ Іаковъ «обязалъ насъ, чтобы мы погребли его въ монастырѣ на этой горѣ, и намъ не подобаетъ не исполнить заповѣди его». Такимъ образомъ св. Іаковъ былъ положенъ во святомъ монастырѣ Евнуховъ (§ 37).—Подъ царицею Прокопіею несомнѣнно разумѣется дочь имп. Никифора Геника, бывшая замужемъ за куропалатомъ Михаиломъ Рангаве, съ 811 г. императоромъ; когда Михаилъ въ 813 г. принужденъ былъ отречься отъ престола, царица Прокопія всячески старалась помѣшать ему въ этомъ; однако помѣшать ей не удалось и она съ мужемъ были помѣщены въ монастыряхъ. Оказывается теперь, что она жила довольно долго и еще застала царствованіе имп. Михаила III. По словамъ Антонія, Іаковъ достигъ до такой степени безстрастія и благодати, что если не хотѣлъ, не былъ видимъ бывшими съ нимъ, причемъ сослался на случай, бывшій съ нимъ. «А ты не можешь сдѣлать сего? говорилъ покойный Антонію; истинно, если ты еще не достигъ сего, то не сдѣлался совершеннымъ монахомъ» (§ 38). Послѣ смерти Іакова Антоній покинулъ Пандимъ и переселился въ Крилъ (ὁ Κρίλης), гдѣ подвизался въ часовнѣ св. Пантелеймона, всего менѣе заботясь о пищѣ (§ 39). Ученикъ его Савва, возвратившись и нашедши его послѣ долгаго времени, снова остался съ нимъ. Неизвѣстные мѣстнымъ жителямъ, оба они устроили себѣ небольшую печь и сами пекли себѣ хлѣбъ. Однажды дождемъ размыло печь, она свалилась и недопеченные хлѣбы свалились въ грязь. Антоній высушилъ ихъ на солнцѣ и сталъ ими питаться въ толченомъ видѣ (ῥουφίν, § 40). «Воспѣваемый Павелъ, бывшій епископъ Плусіадскій, услышавъ, что въ убѣжищѣ св. Пантелеймона пребываетъ нѣкій великій отшельникъ, пожелалъ свидѣться съ нимъ, ибо и самъ онъ былъ сподвижникъ и соизгнанникъ иконопочитателей; покинувъ

свою епископію, онъ въ то время самъ по себѣ жилъ въ уединеніи въ тѣхъ мѣстахъ». Увидѣвъ Антонія въ рубищѣ и совершенной нищетѣ, Павелъ подумалъ, что онъ—одинъ изъ нищихъ, и велѣлъ Антонію и Саввѣ ежедневно приходить и участвовать въ его трапезѣ. А Савва въ отчаяніи отъ трудностей ихъ образа жизни уже помышлялъ было о бѣгствѣ (§ 41). Ежегодно Павелъ 29 іюня, въ день памяти свв. Петра и Павла, совершалъ память и угощалъ приглашенныхъ лицъ завтракомъ. Приглашенный Антоній однако не пошелъ на завтракъ, избѣгая вреда отъ пресыщенія, а удалился въ пустыню около Потаміи (Ποταμία). Но дорогой онъ былъ напуганъ страшнымъ дракономъ и вернувшись сообщилъ Павлу, что напуганъ былъ за ослушаніе его святости (§ 42). Въ другой разъ, во время трапезы Павелъ садилъ Антонія какъ нищаго на послѣднее мѣсто. Но вотъ однажды святому пришлось сидѣть рядомъ съ міряниномъ, уроженцемъ Силея (συλαιώτης); послѣдній узналъ своего бывшаго начальника Іоанна и сообщилъ Павлу, что это за человѣкъ Антоній (§ 43). «Такъ угодивъ Богу, сей воспѣваемый и новый Антоній переселился съ духовнымъ сыномъ своимъ Петрономъ въ вѣчныя обители въ третій день до ноябрьскихъ идъ (то-есть 11 ноября), сорокъ лѣтъ пробывъ монахомъ и въ теченіи столькихъ лѣтъ въ схимѣ прославивъ Господа, 23 года пробывъ внѣ царствующаго града вышесказаннымъ образомъ, а 17 лѣтъ проживши въ градѣ» (ἐν τῷ ἄστει, 44).

Стало быть Антоній скончался 80 лѣтъ отъ рода. При опредѣленіи біографическихъ датъ точкою отправленія будетъ служить годъ принятія Антоніемъ монашества. Іоаннъ принялъ иночество послѣ гибели Ѳомы (823 г.), но еще при жизни царя Михаила II (до 829 г.), въ среднемъ около 826 года. Какъ прожившій въ монашествѣ 40 лѣтъ, онъ скончался около 866 года; какъ прожившій всего 80 лѣтъ, онъ родился около 786 года; какъ покинувшій родину въ возрастѣ юноши (около 25 лѣтъ), онъ прибылъ въ Атталію около 811 года; съ прибытіемъ сюда въ 812 г. византійскаго флота Іоаннъ знакомится съ адмираломъ, по представленію котораго черезъ 11 лѣтъ былъ назначенъ императоромъ на постъ стратига Кивирреотской ѳемы—въ 823 году; онъ отказался отъ стратигата въ 825 году, не позже, ибо въ 826 г. здѣсь былъ стратигомъ уже Кратеръ; въ теченіе 825—826 гг. инокъ Антоній путешествовалъ и жилъ въ Аморіи, Пилахъ и Никеѣ; въ 826—843 годахъ онъ жилъ въ Константинополѣ; въ 843—866 годахъ подвизался въ Пандимѣ и Крилѣ;

скончался 11 ноября 866 года. Что этотъ разсчетъ правильный, явствуетъ изъ третьей даты § 44-го. Какъ понимать 23-хлѣтнее пребываніе святого въ провинціи? Конечно въ этотъ счетъ не входятъ года его мірской жизни и дѣятельности; агіографъ очевидно считаетъ тутъ года, проведенные святымъ въ пустынѣ по возвращеніи изъ столицы; и дѣйствительно 843+23=866, что̀ какъ разъ совпадаетъ съ годомъ кончины Антонія.

Фрагментарное житіе Антонія Новаго, любопытное нѣкоторыми подробностями изъ монастырскаго быта первой половины IX столѣтія, въ полномъ видѣ не сохранилось до настоящаго времени. Богатое примѣрами иноческаго послушанія, оно въ извлеченіи вошло въ сборникъ инока и (строителя) Константинопольскаго Богородицина Евергетидскаго монастыря конца IX вѣка подъ названіемъ Συναγωγὴ ῥημάτων. Эта часть житія и сохранилась[1]). Антоній состоялъ въ должности правителя (ἄρχων), затѣмъ долгое время проводилъ иноческую жизнь въ уединеніи; но наведенный на мысль текстомъ Іоанна Лѣствичника, онъ покинулъ пустыню[2]) и поступилъ въ знаменитую киновію (κοινοβιακὸν στάδιον) въ виѳинскомъ г. Кіѣ. Спачала онъ здѣсь проживалъ въ гостинницѣ на ряду съ бѣдняками, но не желая ѣсть хлѣба даромъ, сталъ ходить на сосѣднюю гору и на своихъ плечахъ носить къ монастырскимъ воротамъ ноши хворосту (φρυγάνων). Гостинникъ замѣтилъ ему, что монастырь не нуждается въ его услугахъ, что пришельцы вкушаютъ «любовь» (ἀγάπην) даромъ; но Антоній на это возразилъ, что онъ не можетъ сидѣть безъ дѣла, что, работая, онъ отдыхаетъ. Тогда гостинникъ доложилъ объ этомъ игумену; ἦν δὲ οὗτος, Ἰγνάτιος ὁ ἀοίδιμος, ὁ καὶ τὸ μοναστήριον ἰδίοις (οἰκείοις) κόποις ἐν κυρίῳ δειμάμενος. Игнатій, призвавъ его, узналъ, кто онъ былъ, и зная о высотѣ его жизни, тѣмъ не менѣе сказалъ: ты не можешь быть въ подчиненіи, проживъ столько лѣтъ для себя и для Бога. Однако, видя его желаніе стать инокомъ, игуменъ включилъ его въ свой монастырь и поручилъ ему одну изъ трудныхъ обязанностей. Антоній, проработавъ нѣсколько времени, явился къ Игнатію и сказалъ,

1) Συναγωγὴ τῶν θεοφθόγγων ῥημάτων καὶ διδασκαλιῶν τῶν θεοφόρων καὶ ἁγίων πατέρων, παρὰ Παύλου τοῦ εὐεργετινοῦ, ἐξεδ. ὑπὸ Κ. Λ. υἱῶν Ω. Φωκαέως. Κπολις 1861, I. 116—118. Текстъ этого житія сличенъ нами по cod. Athon. Dionys. № 259, XVII в. л. 48 об.—88. Настоящій отрывокъ изъ житія сохранился въ славянскомъ переводѣ (рук. Спб. Духовной Академіи); не оно ли въ Скитскомъ патерикѣ Буслаева (Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1894 г. Спб. 1897 стр. 204, л. 145 об.—150)?

2) τὸν ἀναχωρητικὸν (ἐρημικὸν) βίον.

что работа для него слишкомъ легка. Тогда игуменъ велѣлъ ему служить при первомъ работникѣ при подрѣзаніи яблонь. Съ непривычки онъ отбилъ себѣ пальцы, сначала было тяготился работою, но потомъ привыкъ и работалъ усердно, а когда поспѣли яблоки, онъ завѣдывалъ и храненіемъ ихъ. Однажды нѣсколько иноковъ пожелало взять винограду, Антоній не возбранилъ имъ, но прибавилъ, что онъ долженъ будетъ сказать объ этомъ игумену (κἀκεῖνος γὰρ καθ' ἑκάστην μετὰ τῶν λοιπῶν τοὺς λογισμοὺς αὐτοῦ τῷ προεστῶτι ἐξήγγειλε), — и братія не посмѣла ѣсть винограда. Вылавливая вшей изъ своей одежды, онъ углублялся въ прошлое, сравнивалъ свою жизнь въ пустынѣ и здѣсь, посреди грустныхъ размышленій былъ ободренъ однимъ духовнымъ старцемъ. Послѣ сбора плодовъ онъ назначенъ былъ служить въ трапезной (τραπεζαρεῖον) и работалъ здѣсь до третьяго часа ночи, принимая и служа входящимъ и уходящимъ, которые часто относились къ нему скондачка. Среди долговременной службы одежда и обувь его износились; а обувь онъ сталъ носить по совѣту блаженнаго епископа Павла, тогда какъ до времени своей аскезы онъ ходилъ всегда босымъ. Настала зима; Антоній сталъ зябнуть; но игуменъ Игнатій не далъ ему одежды и обуви «для пользы не выносящихъ труда» (τῶν ἀφερεπόνων), и хотя ноги Антонія не трескались отъ соприкосновенія съ мраморомъ, однако онъ холодѣлъ постепенно; а братія, глядя на игумена, презрительно бросала ему то овчину, то калишки (καλύγια, καλλίγια), которыхъ бы не взялъ и разбойникъ (πύκτης); но Антоній утѣшался мыслію, что Игнатій не оставляетъ заботиться о немъ. Весною Антоній однако не выдержалъ и сказалъ игумену: если монастырь не въ состояніи дать мнѣ нужнаго, то окажи помощь мнѣ черезъ своихъ друзей. Игнатій отвѣтилъ, что монастырь питаетъ даже окрестности, можетъ содержать и Антонія, что это испытаніе, которое онъ выносилъ прежде, но теперь не можетъ. Антоній устыдился своей слабости и ежедневно оплакивалъ свой поступокъ. Игнатій разрѣшилъ ему постъ и подвиги въ объемѣ, какъ онъ желаетъ; Антоній, предавшись подвижничеству, пересталъ ложиться на постель, но засыпалъ не на долго, откинувшись на рукодѣльномъ (κτιστοῦ, μικροῦ!) сидѣньи и за часъ до удара въ било былъ уже на ногахъ съ молитвою на устахъ. Когда наконецъ игуменъ и братія нашли его преуспѣвшимъ въ добродѣтели, тогда земледѣлатели вручили ему топоръ (или молотъ, μάκελλα) для рубки вѣтвей. Однажды ночью Антоній увидѣлъ во снѣ нѣкоего знатнаго мужа въ колесницѣ,

лѣвая шина (πλάστιγξ) которой влекла его грѣхи молодости, а правая—молотъ трудовъ его для Бога, который разрушилъ его ошибки; и мужъ сказалъ Антонію: Богъ, принявъ труды твои, простилъ твои согрѣшенія. И Игнатій долженъ былъ сознаться, что братія его никогда бы не сдѣлалась лучше, если бы не имѣла примѣра въ великомъ послушаніи Антонія. Онъ далъ ему одежду, обувь и все нужное, спрятавъ предварительно ихъ въ его постели.—Въ заглавіи этого отрывка Антоній Новый названъ ὁ ἐπὶ τῶν εἰκονομάχων. Сопоставляя съ этимъ въ связь имена Павла и Игнатія, мы можемъ съ нѣкоторымъ основаніемъ предположить, что подъ Кійскимъ, повидимому, епископомъ разумѣется Павелъ еп. Прусіадскій, а подъ строителемъ Кійскаго монастыря—будущій патріархъ Игнатій. Послѣдній родился въ 798 г., патріархомъ поставленъ въ 846 году; нѣсколько лѣтъ передъ этимъ (около 840—846 г.) онъ стало быть могъ управлять Кійскимъ монастыремъ; въ это время, заставши еще иконоборческое время, и жилъ здѣсь Антоній[1]). Что касается до Павла, то онъ какъ еп. Прусіадскій, смѣщенъ былъ съ каѳедры и сосланъ; можно поэтому допустить, что ранѣе того онъ былъ въ той же виѳинской епархіи епископомъ Кія, или одновременно управлялъ паствою двухъ городовъ. Въ житіи онъ названъ μακαρίτης (не μακάριος), то-есть покойнымъ, недавно скончавшимся[2]); такъ какъ вообще можно допустить, что Павелъ умеръ до 870 года, то житіе Антонія могло появиться въ 870-хъ годахъ. «Знаменитый» Кійскій общежительный монастырь (киновія), какъ теперь оказывается, построенъ былъ и управлялся въ 840-хъ годахъ игуменомъ Игнатіемъ, будущимъ патріархомъ. Это было каменное зданіе съ мраморными полами. При немъ были виноградники и яблоневые сады. Монастырская гостиница для бѣдныхъ богомольцевъ, а равно и всѣ окрестности снабжались провизіею и всѣмъ необходимымъ изъ этой обители. Уставъ монастыря былъ очень строгій, и не легко было попасть въ число иноковъ при строителѣ. Вновь поступающій монахъ имѣлъ надъ собою духовнаго старца и вся братія безъ исключенія должна была ежедневно исповѣдываться игумену во всѣхъ своихъ помыслахъ. Страннымъ кажется, что въ трапезной вкушали пищу повидимому не всѣ за разъ, а происходило нѣсколько смѣнъ,

---

1) Ср. «Визант. Времен.», II. 462.

2) Ср. Cinnamus, ed. Bonn. 1836, praefat. p. XXVI: solent graeci viros potissimum illustres, qui haud ita pridem decesserunt, τῶν μακαριτῶν appellatione donare, ut ex Synesio et aliis constat.

такъ что трапеза затягивалась до 3-го часа ночи. Но монахи здѣсь не были ангелами: то они безъ вѣдома игумена хотѣли было полакомиться виноградомъ, то презрительно относились къ собрату своему пекарю, то издѣвались надъ нимъ, когда тотъ коченѣлъ отъ холода; впрочемъ и самъ игуменъ признавался, что братія его не безъ слабостей, но самъ по себѣ не могъ сдѣлать ее болѣе совершенною.

Къ области Виѳиніи можно наконецъ отнести монастырь Мидикійскій, основанный въ VIII в. Никифоромъ, первымъ его игуменомъ. Обитель эта, созданная во имя св. Сергія, лежала въ морской части Виѳиніи, по направленію къ Пропонтидѣ, близъ Прусы, и находилась въ вѣдѣніи епископа этого города. Преемникомъ Никифора былъ Никита, къ житію котораго мы переходимъ, за нимъ слѣдовалъ Ѳеоктистъ (ср. § 40).

Житіе Никиты († 824) было написано ученикомъ его Ѳеостириктомъ, до 813 приблизительно года жившимъ въ Византіи, а потомъ переѣхавшимъ въ Мидикійскій монастырь. Ученикъ зналъ жизнь святого такъ, какъ никто другой: онъ съ самой юности послѣдовалъ Никитѣ и былъ пламеннымъ его почитателемъ. Къ этому достоинству житія надобно отнести и другое, а именно, что житіе написано было втеченіе не болѣе пяти лѣтъ по кончинѣ святого, въ царствованіе имп. Михаила (II, до 829 г.). Памятникъ любопытный свѣдѣніями о собраніи епископовъ во дворцѣ имп. Льва въ 813 г. и рѣчахъ ихъ въ пользу иконопочитанія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣтно сходство у Ѳеостирикта съ житіемъ и сочиненіями Ѳеодора Студита, сходство, которое можетъ быть истолковано въ смыслѣ знакомства Ѳеостирикта съ сочиненіями студійскаго игумена.

Житіе Никиты сохранилось въ спискахъ ватиканскомъ (№ 1190), венеціанскомъ и флорентинскомъ и издано Болландистами (Д. Папеброхомъ) по первому изъ нихъ, списанному съ болѣе древняго манускрипта студійскаго монастыря 916 года[1]).

Любопытно уже самое предисловіе житія. Ѳеостириктъ написалъ эпитафію не по чьему либо порученію, а самъ по своему собственному почину (ἐξ ἰδιωτικοῦ λόγου). Это обстоятельство показываетъ, что агіографъ слишкомъ дорожилъ своимъ учителемъ и слишкомъ многимъ былъ ему обязанъ, чтобы нуждаться во внѣшнемъ принужденіи. Эпи-

1) Ἐπιτάφιος εἰς τὸν ὅσιον—Νικήταν, συγγρ. ὑπὸ Θεοστηρίκτου μαθητοῦ αὐτοῦ μακαριωτάτου (Πρόκειται ἡμῖν μεγίστης ὠφελείας ὑπόθεσις): AA. SS. Boll. апрѣль I p. XXII—XXXII (въ концѣ).

тафія, какъ показываетъ и само названіе, была написана можетъ быть въ періодъ времени между кончиною Никиты и его погребеніемъ, въ присутствіи ἱερὸν ἀκροατήριον. Вообще это произведеніе должно заслуживать самаго серьезнаго вниманія. Θеостириктъ заявляетъ, что онъ не въ состояніи описать жизнь святого послѣдовательно, а намѣренъ разсказать немногое изъ многаго. При этомъ авторъ считаетъ нужнымъ прибавить, что онъ пользовался агіографическою письменностью (§ 1), то-есть, что онъ усвоилъ себѣ агіографическую схему. Тѣмъ не менѣе онъ боится взяться за перо для изображенія подвиговъ учителя (§ 2); и если берется за жизнеописаніе, то только потому, что «родителямъ милъ лепетъ дѣтей и пріятна Богу работа по силамъ» (§ 3) [1]).

Градъ святыхъ—градъ Божій, отечество ихъ—вышній Іерусалимъ; но если кто хочетъ знать о нижнемъ градѣ, то это была Кесарія виθинская (Καισάρεια τῆς Βιθυνίας); отецъ его, Никиты, Филаретъ, подъ конецъ жизни инокъ, и непоименованная мать, умершая на восьмой день по рожденіи сего единственнаго сына (§ 4). Мальчикъ былъ воспитанъ своею бабкою (матерью отца) и когда достигъ дѣтскаго возраста (χρόνον τῶν μειρακίων), отецъ отдалъ его для обученія грамотѣ. Никита легко усвоилъ предметы и изучилъ псалтирь. Филаретъ посвятилъ его церкви (ἀποκήρας), включивъ его въ штатъ церковныхъ мальчиковъ (§ 5) [2]) — что это были за νεωκόροι, не ясно, да и самое толкованіе этого слова не для всѣхъ понятное; впрочемъ Болландисты думаютъ, что это могли быть пѣвчіе мальчики. — Распростившись съ міромъ, Никита ушелъ къ потоку въ южной части этого города (Кесаріи), гдѣ пребывалъ одинъ старецъ, по имени Стефанъ, и сдѣлался его сподвижникомъ (§ 7). Стефанъ направилъ Никиту въ Мидикійскій монастырь (τοῦ Μηδικίου), «тогда очень скромный, основанный преподобнѣйшимъ отцемъ нашимъ Никифоромъ». Послѣдній провидѣлъ славу и пользу отъ Никиты и охотно принялъ его въ монастырь (§ 8). Не прошло и пяти лѣтъ, какъ Никифоръ рукоположилъ его въ санъ пресвитера. Рукоположеніе это было произведено патр. Тарасіемъ, который вручилъ ему противъ воли и заботу о монастырѣ. Когда слава о Никитѣ распространилась, къ нему стало прибывать много лицъ для подвиговъ. Отказа не было, и скоро (ἐν ὀλίγοις ἔτεσιν) Мидикійскій монастырь увеличился до сотни иноковъ (§ 10).

---

1) φίλα γὰρ πατράσιν, ὥς τινες ἔφασαν, τὰ τῶν παίδων ψελλίσματα καὶ φίλον θεῷ τὸ κατὰ δύναμιν.

2) τὴν τῶν νεωκόρων τέως τελεῖν αὐτὸν τάξιν.

Богъ послалъ Никитѣ въ монастырѣ нѣкоего Аѳанасія, мужа почтеннаго и дивнаго, добродѣтель котораго невозможно разсказать вкратцѣ: «думаю, что любви его къ Богу дивились и ангелы». Никита очень любилъ его, воспиталъ его въ грамотѣ и отдалъ въ логоѳесій (λογοθέσιον) въ качествѣ писца общественныхъ бумагъ (τῶν δημοσίων χαρτίων γραφεύς): отецъ Аѳанасія полагалъ, что это занятіе будетъ подспорьемъ сыну въ жизни. Но юноша пренебрегъ всѣмъ и ушелъ въ киновію Символьскую (τῶν Συμβόλων). Отецъ, узнавъ объ этомъ, силою извлекъ Аѳанасія изъ монастыря, снялъ съ него монашеское одѣяніе и облачилъ его, противъ воли, въ многоцѣнныя одежды. Сынъ сказалъ: отецъ, неужели ты хочешь шелковыми одеждами отвлечь меня отъ монастыря? и съ этими словами разорвалъ свои мірскія одежды. Отецъ сталъ бить сына такъ, что на спинѣ его образовались гнойные волдыри, для излеченія которыхъ понадобилась медицинская помощь. Аѳанасій былъ настойчивъ, говоря, что готовъ страдать до смерти. Наконецъ отецъ уступилъ, сказавъ: ну, иди доброю дорогою, которую ты избралъ (§ 11). Приглашенный братіею, Аѳанасій прибылъ въ Мидикійскій монастырь и былъ поставленъ славнымъ Никифоромъ въ помощники Никитѣ (§ 12). Подъ началомъ этихъ двухъ душевныхъ врачей, Никиты и Аѳанасія, монастырская дисциплина процвѣтала и въ монастырѣ не говорилось ни одного празднаго слова (§ 13). Когда Никита совершалъ литургію, стоя предъ св. Престоломъ, Аѳанасій (сначала діаконъ, потомъ пресвитеръ) присутствовалъ при этомъ со страхомъ и трепетомъ, обливаясь слезами (§ 14). Приводится образчикъ проповѣди Никиты (§ 15), — въ которой коечто сходно съ предсмертнымъ поученіемъ Іоанна Психаита. — Въ числѣ добродѣтелей святого агіографъ указываетъ, что Никита олицетворялъ въ себѣ всѣ семь евангельскихъ блаженствъ (§ 16).

Однажды, говоритъ Ѳеостириктъ со словъ одного монаха, уже по смерти Никиты, портаря не было днемъ на мѣстѣ, и настоятель поручилъ разсказчику эту службу. Пришелъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей съ маленькимъ ребенкомъ, нѣмымъ отъ рожденія, и просилъ его отнести сына къ игумену для молитвы. Я, говорилъ онъ, доложилъ игумену о приходѣ, но онъ, слегка пожуривъ меня, отпустилъ. Когда я настаивалъ, святой попросилъ меня провести его къ ребенку, помолился, сотворилъ крестное знаменіе и возвратилъ отцу сына говорящимъ. Но, прибавляетъ агіографъ, разскажу и о томъ, чему я самъ былъ очевидцемъ (§ 17). Въ Мидикійскомъ монастырѣ былъ одинъ

братъ изъ числа простецовъ и незлобивыхъ, любимый всѣми именно за его незлобіе. Діаволъ, позавидовавъ ему, свелъ его съ ума. Это обстоятельство огорчило Никиту; онъ велѣлъ всѣмъ намъ наложить постъ до вечера, послѣ литургіи помолился надъ нимъ въ діаконикѣ, помазалъ елеемъ,—инокъ выздоровѣлъ и съ того времени здоровъ доселѣ (§ 18). Изъ одного юноши изгналъ демона (§ 19), изъ монаха выгналъ демона въ видѣ эѳіопа, исцѣлялъ лихорадочныхъ, головную боль (§ 20). Послѣ риторической характеристики святого (§ 22) агіографъ разсказываетъ: «Великій Аѳанасій, вѣрующій и разумный экономъ, прекрасно управлявшій дѣлами киновіи въ теченіи многихъ лѣтъ, много подвизавшійся съ Никитою, совершившій въ киновіи много подвиговъ, ослабѣлъ отъ болѣзни, отъ которой и скончался. Когда мы окружили его, находившагося при послѣднемъ издыханіи, и просили вспомнить о насъ передъ принимающимъ его Богомъ, онъ сказалъ намъ сіе послѣднее слово: «удостоюсь ли я дерзновенія и получу ли искомое, вы конечно узнаете». И такъ благочестно поднявъ преподобныя стопы, онъ предалъ духъ въ руки Господни 26-го числа мѣсяца иперверетея (октября). Итакъ позаботившись о немъ, мы положили его въ особой могилѣ. У нашихъ отцовъ не въ обычаѣ, какъ въ другихъ монастыряхъ, класть всѣхъ умершихъ вмѣстѣ въ одной могилѣ, но подыскавъ мѣсто удобное для каждаго, дѣлали тамъ особую могилу и скрывали его въ землѣ, по реченному: «земля еси и въ землю отыдеши». Тамъ мы, какъ сказано, и положили мощи сего блаженнаго. Но чтобы не была безвѣстной могила преподобнаго, но ясно была видима отцами, Богъ всѣхъ самопроизвольно возрастилъ на могилѣ растеніе, именуемое кипарисомъ, изъ самыхъ честныхъ грудей его. Посему многіе, движимые вѣрою, приходя цѣловали оное растеніе и брали листья отъ него на здоровье» (§ 23).—Аѳанасій, экономъ мидикійскій, о которомъ извѣстно только изъ настоящаго житія, столь любовно помянутый авторомъ, скончался, по Папеброху, около 814 года.

Никита очень скорбѣлъ по поводу разлученія съ Аѳанасіемъ. Вскорѣ послѣ того скончался и общій нашъ отецъ Никифоръ, составившій сей монастырь съ помощію Божіею, 4-го числа мѣсяца Артемисія (мая),—около 815 года. Ближайшій ученикъ его Никита письменно заповѣдалъ ежегодно творить его свѣтлую память. Все братство, мы просили Никиту принять хиротонію игуменства, но пока былъ живъ Никифоръ, Никита не хотѣлъ этого, да и послѣ того понадобилось большое усиліе какъ съ нашей стороны, такъ со стороны

друзей и другихъ отцовъ, чтобы насильно принудить его къ бремени игуменства. Преподобный поставленъ былъ во игумена отъ руки тогдашняго Константинопольскаго патріарха, иже во святыхъ Никифора (§ 24).

Затѣмъ Θеостириктъ приступаетъ къ разсказу объ иконоборческой ереси. «Мы были еще въ Византіи, когда начались раздаваться безбожные и богопротивные догматы противъ честныхъ иконъ» (§ 25). Распространяясь о почитаніи и приведя цитату св. Василія Великаго ἡ γὰρ τιμὴ τῆς εἰκόνος ἐπὶ τὸ πρωτότυπον διαβαίνει, Θеостириктъ приводитъ такой примѣръ. Положи, говоритъ, вычеканенное царское изображеніе на какомъ нибудь мѣстѣ (у царей былъ обычай дѣлать это издревле) и дай придти къ нему людямъ: одинъ, любящій царя, облобызаетъ изображеніе, другой, порицающій царя, плюнетъ на изображеніе. Кого же Богъ приметъ—перваго, или второго? (§ 26). По мнѣнію однихъ, иконоборческая ересь болѣе поздняя (κατωτέρα) и не заслуживаетъ вниманія (εἰς οὐδὲν λογίζονται), по другимъ, это не ересь а честолюбіе (φιλονεικία); а я, прибавляетъ авторъ, какъ и всѣ здраво мыслящіе, считаю ее страшною, разрушающею Христово домостроительство. Другія ереси пріяли начало отъ епископовъ и пресвитеровъ, а иконоборческая — отъ самихъ императоровъ, тѣ — отъ догмата, а эта—отъ царской династіи. Именно Левъ Исавріянинъ, тиранически обошедшись съ Θеодосіемъ Новымъ, овладѣлъ ромейскимъ царствомъ и, гордясь имъ, не воздалъ хвалы и славы Богу, началъ уничтожать переданную апостолами церквамъ исторію, говоря, что не нужно изображать Христа и не нужно поклоняться ему на иконѣ (§ 27). По сверженіи Германа и по возведеніи на его мѣсто еретика по всѣмъ церквамъ явилось великое смятеніе. Затѣмъ престолъ царства занимаетъ сынъ Льва Константинъ, злого корени злѣйшая отрасль, отъ ядовитаго звѣря — душетлетворный драконъ, отъ страшнѣйшаго льва—разнообразный пардусъ. Онъ намного превзошелъ отца зломъ, онъ не довольствовался одною надменностью противъ святыхъ иконъ, онъ запретилъ прилагать къ апостоламъ и святымъ терминъ «святой», то-есть велѣлъ выражаться: (иду) «къ Апостоламъ, къ Четыредесяти, къ Θеодору, къ Георгію» и т. д.; мощи ихъ не ставилъ ни во что; по виду онъ былъ христіанинъ, а помышленіемъ — іудействующій. Разъ Константинъ сдѣлалъ слѣдующее: показавъ приближеннымъ полный мѣшокъ золота, онъ спросилъ: сколько онъ стоитъ? тѣ отвѣтили: дорого. Высыпавъ деньги, онъ снова спросилъ: а теперь

сколько онъ стоитъ? — Ничего, былъ отвѣтъ. «Такъ и Богородица», замѣтилъ царь (не назвавъ ее даже святою): «пока она носила въ себѣ Христа, она почиталась; когда разрѣшилась, она уже ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ женщинъ» (§ 28). Монашествующихъ (подобно намъ) онъ не удостоивалъ памятью, но называлъ ихъ ἀμνημονεύτους. Кто изъ нихъ не слѣдовалъ его ереси, онъ тѣхъ изгонялъ, садилъ въ тюрьмы, гдѣ они умирали, убивалъ мечемъ, билъ дубинами и тащилъ по землѣ, такъ что внутренности ихъ вываливались, примѣръ чему представляетъ Стефанъ, новый Христовъ мученикъ. Кромѣ того нѣкоторые были утоплены, иные бѣжали отъ мучителей, скрываясь въ горахъ и пещерахъ, страдая отъ голода и жажды, третьи бѣжали въ чужую землю (εἰς ξένην χώραν μετίεσαν); монастыри обращались будто бы въ публичные дома[1]). Цѣлью царя было — вырвать съ корнемъ монашеское сословіе. Кто былъ такъ же грязенъ, какъ онъ самъ, того Константинъ почиталъ и любилъ. Говорятъ, что когда онъ въ младенчествѣ былъ крещаемъ, онъ осквернилъ купель, такъ что св. Германъ предсказалъ, что онъ причинитъ церкви много скверны, что̀ и случилось. «Я забылъ сказать вамъ съ другими, замѣтилъ авторъ, что я самъ читалъ 13 его рѣчей (λογίδρια) на двѣ недѣли, не имѣющихъ обращенія къ Богу» (§ 29[2]).—По Сирлету, это значитъ, что въ рѣчахъ этихъ не было никакого упоминанія о призываніи святыхъ, но можетъ быть вѣрнѣе предположеніе Папеброха, что въ этихъ словахъ Константина не было необходимой литературной части, именно обращенія къ Богу.

По смерти Константина на престолъ вступилъ сынъ его Левъ и царствовалъ пять лѣтъ. При немъ возстановилось церковное дѣло. Послѣ него царица Ирина съ сыномъ даровала церкви миръ. Отложивъ женскую слабость, говоритъ авторъ, находясь подъ вліяніемъ Θеодора Студита, она мужественно дѣйствовала противъ нечестія, противящихся истинѣ изгнала изъ города, имѣя единомышленника въ лицѣ Тарасія; и былъ глубокій миръ во всей вселенной. Она устроила пріюты для стариковъ, богадѣльни, страннопріимные дома, облегчала бремя налоговъ[3]). Монашескій чинъ при ней на столько увеличился, что достигъ до безчисленнаго множества: всюду монастыри, обители,

---

1) καὶ γέγονεν τὰ ψυχῶν φροντιστήρια, οἴμοι, πορνείας καταγώγια.

2) αὐτὸς ἐγὼ ἀνέγνων τριακαίδεκα λογίδρια, ἅπερ παρέδωκεν ταῖς δυσὶν ἑβδομάδαις πρεσβείαν μὴ ἔχοντα.

3) γηροκομεῖα, πτωχοτροφεῖα, ξενοδοχεῖα καὶ φόρων κουφισμούς.

всюду мирное пребываніе монаховъ и міряпъ, постоянныя молитвы тѣхъ и другихъ, всенощныя псалмопѣнія, было едино стадо и единъ пастырь—Христосъ (§ 30).

Преемникомъ ея на престолѣ былъ Никифоръ, благочестивѣйшій, нище-и монахо-любивый, за нимъ Михаилъ, «еще и нынѣ пребывающій въ монашескомъ образѣ». — Здѣсь имѣется въ виду имп. Михаилъ I Рангавей (811—813), умершій въ иночествѣ въ 840 году. Инокъ Ѳеостириктъ писалъ житіе Никиты въ періодъ иконоборчества. — У Михаила недостойно похитилъ престолъ звѣроименный и звѣронравный Левъ, который не воздалъ благодаренія Богу, допустившему это. Сей Левъ подражаетъ Льву Исавріянину, «ассирійцу», и преслѣдуетъ святая святыхъ. Отыскивая себѣ помощниковъ въ дѣлѣ, онъ выбралъ сенатора Іоанна ὁ Σπέκτας и Евтихіана, а изъ духовныхъ Іоанна Грамматика, новаго Тертила. Діаволъ, взявъ его за руку и приведя къ царю, сказалъ: прими сего — полезнаго тебѣ въ искомомъ. Кромѣ Іоанна Левъ имѣлъ помощникомъ Антонія Силейскаго, нѣкіихъ монаховъ Леонтія и Зосиму, изъ которыхъ второй тогда же былъ обличенъ въ прелюбодѣяніи, лишился носа и умеръ (§ 31). Тогда собираются монахи, епископы и митрополиты у патр. Никифора и творятъ въ Великой Церкви всенощную панихиду. На утро ихъ позвалъ царь, сначала наединѣ говорилъ съ патріархомъ, потомъ позвалъ остальныхъ. Тутъ присутствовали бояре царя (οἱ μεγιστᾶνες) и весь сенатъ (§ 32). Патріархъ спросилъ духовенство: можетъ ли упасть не сущее? тѣ не могли ничего на это отвѣтить, вѣроятно не совсѣмъ понимая вопроса.—При Львѣ и Константинѣ Исавріянахъ упали иконы, или нѣтъ? снова спросилъ Никифоръ. Тѣ кивнули головой въ знакъ согласія. Патріархъ спросилъ царя: какъ можетъ упасть то, что не стоитъ? Левъ промолчалъ, но духовенству сказалъ: я, отцы, вашего же мнѣнія. Вынувъ нагрудный крестъ и поцѣловавъ его, онъ сказалъ: видите, я нисколько не отлучился отъ васъ. Отцы заявили, что избранный ими путь—правильный. Царь предложилъ имъ состязаніе съ противниками иконопочитанія: если они одолѣютъ, откажитесь отъ иконъ, а если вы побѣдите, необходимо уничтожить опасную ересь (§ 33). Отцы отказались отъ спора и не пожелали даже видѣться съ иконоборцами. Емиліанъ, епископъ Кизическій, сказалъ: если вопросъ — церковный, пусть онъ разсматривается въ церкви, какъ и подобаетъ, а не въ царскихъ палатахъ. На это Левъ возразилъ: но вѣдь и я—дитя церкви, и какъ посредникъ, послушаю обѣ стороны

и узнаю истину. Михаилъ, епископъ Синнадскій, сказалъ: если ты — посредникъ, зачѣмъ не дѣлаешь дѣло посредника? ты однихъ скрываешь во дворцѣ, поощряешь ихъ учить безбожнымъ догматамъ, а другіе не смѣютъ что либо сказать на улицахъ, повсюду преслѣдуемые твоими указами; это не посредничество, а тиранія. Царь возразилъ на это: не такъ, но я — какъ и вы; почему вы не желаете говорить съ ними? я знаю, что это трудно, ибо у васъ нѣтъ свидѣтельствъ. Θеофилактъ, епископъ Никомидійскій, сказалъ: свидѣтель—Христосъ, изображеніе котораго ты видишь; у насъ тысячи свидѣтельствъ, но мы не хотимъ спорить, ибо нѣтъ ушей, готовыхъ насъ слушать. Петръ, епископъ Никейскій, сказалъ: какъ разговаривать съ ними, разъ ты на ихъ сторонѣ? или ты не знаешь, что если введешь и манихеевъ и станешь на ихъ сторону, они одолѣютъ насъ, имѣя поддержку въ тебѣ? (§ 34). Евθимій, епископъ Сардскій, сказалъ: послушай, царь, съ какого времени Христосъ сошелъ на землю до нынѣ, прошло болѣе 800 лѣтъ, и онъ изображался всегда на иконѣ и служитъ предметомъ поклоненія; какой дерзкій осмѣлится уничтожить преданіе столькихъ лѣтъ, преданіе апостоловъ, мучениковъ, св. отецъ? второй Никейскій соборъ осудилъ ересь, и дѣянія его святы. Царь притворился великодушнымъ. Θеодоръ Студитъ сказалъ: царь, не уничтожай церковнаго состоянія; тебѣ ввѣрено политическое состояніе и войско, — объ нихъ ты и думай, а церковь предоставь пастырю и учителямъ, по апостолу (§ 35).

Царь съ гнѣвомъ выслалъ всѣхъ вонъ, Θеодора сослалъ, приказавъ не возвращаться при немъ въ столицу, игуменамъ не позволилъ входить въ ихъ монастыри, учить православію и оставаться въ столицѣ; изгналъ изъ церквей предстоятелей, которыхъ отправилъ въ восточные предѣлы (ἐπὶ τὰ ἀνατολικὰ κλίματα), на острова запада и объявилъ патріарху Никифору: сойди, ибо церковь въ тебѣ не нуждается. Никифоръ оказалъ сопротивленіе: я, царь, такъ не сойду, ибо во мнѣ нѣтъ причины, по которой меня слѣдовало бы удалить; если же я подвергаюсь гоненію за православіе и благочестіе, за себя ли, или за вашего царскаго человѣка, то пошли—и я сойду. Тогда царь послалъ одного изъ своихъ бояръ, и послѣдній принудилъ его тиранническимъ образомъ. Никифоръ вошелъ въ св. Софію, взялъ свѣчу, покадилъ и помолился; народъ плакалъ при разставаніи съ нимъ; патріархъ утѣшалъ его: дѣти, говорилъ онъ, я оставляю васъ христіанами. Спустившись въ акрополь и сѣвъ въ судно, онъ отплылъ въ

одну изъ своихъ метохій, гдѣ жилъ въ постѣ и молитвѣ, въ мирѣ и твердости до дня своей кончины (§ 36).

Горькіе преслѣдователи истины начали распространять нечестивые догматы, патріархомъ (σπατριάρχης) сдѣлали спаѳарія Ѳеодота (дѣтскую забаву), человѣка нелѣпаго и легкомысленнаго, театральную игрушку для потѣхи народа; составили іудейскій синедріонъ въ св. Софіи, анаѳематствовали отцовъ нашихъ, не сошедшихся съ ними епископовъ повергли наземь и топтали ихъ, другихъ въ толчки выгнали изъ синедріона (§ 37). Затѣмъ царь велѣлъ войти настоятелямъ видныхъ монастырей. Среди нихъ былъ и Никита Мидикійскій. Сначала склоняли ихъ къ ереси лестью, потомъ угрозами; когда ни то, ни другое не помогло, ихъ заперли въ тюрьмы. Никита много дней содержался въ зловонной тюрьмѣ, такъ что и безъ другого наказанія это было достаточнымъ мученіемъ. Ежедневно къ нему приходили человѣчки (ἀνθρωπίσκια), которые произносили хулы и говорили глупости для огорченія преподобнаго. Въ особенности огорчалъ его нѣкій Николай, пока явившійся ему по смерти отецъ не сказалъ: удались отъ рабовъ Божіихъ. Съ того времени Николай сталъ благоразумнѣе, не огорчалъ праведнаго и другимъ не позволялъ этого дѣлать (§ 38). Но вотъ царь сослалъ Никиту въ восточную область (ἐπὶ τὰ τῆς ἀνατολῆς μέρη), въ крѣпость Масалеонъ (Μασαλαιῶν). Была средина зимы. Никита зябъ и страдалъ отъ бездорожья. Тоже было и съ другими. Но не прошло и пяти дней, какъ царь снова вытребовалъ ихъ въ Константинополь для обсужденія, какъ привлечь ихъ на свою сторону (§ 39). Прошла зима и великій постъ. Послѣ пасхи ихъ передали «софисту зла» Іоанну (Грамматику), чтобы онъ наказалъ ихъ. Іоаннъ бросилъ ихъ въ тюрьмы и мучилъ такъ, какъ не мучили еллины мучениковъ: не было постели, не было одѣяла,— спали они прямо на полу, кто въ чемъ былъ, кладя подъ голову черепицы; кормили ихъ впроголодь, такъ что они едва не умерли съ голода; воды давали очень мало и то зловонной; къ бо́льшему огорченію Никиты, его помощника и преемника Ѳеоктиста, еще молодого человѣка, Іоаннъ заперъ въ тюрьму. Иконоборцы говорили имъ: мы ничего другого не хотимъ отъ васъ, какъ только общенія съ патр. Ѳеодотомъ, послѣ чего вы можете вернуться въ свой монастырь и даже держаться своего образа мыслей (§ 40). Каждый изъ заключенныхъ выходилъ изъ тюрьмы и совѣтовалъ тоже сдѣлать и Никитѣ, но послѣдній отказался отъ общенія съ Ѳеодотомъ; «уступи немного, чтобы не погубить

всего», говорили они, однако не достигли цѣли. И если преподобный уступилъ, то только по просьбѣ отцовъ, уважая ихъ старость. Такимъ образомъ всѣ вошли въ свои монастыри, расписанные какъ прежде, и пріобщились къ иконоборческому патріарху, говорившему: «не поклоняющимся иконѣ Христа — анаѳема». И остальные отцы — каждый вошелъ въ свой монастырь. Блаженный же Никита, горько пораженный въ сердце, захотѣлъ уйти въ другую страну и тамъ исправить свое паденіе (§ 41).

Сложивъ свою поклажу въ лодку, онъ прибылъ въ Проконисъ; но разсудивъ, что гдѣ совершена ошибка, тамъ должно произойти и исправленіе ея, вернулся въ Византію, рѣшившись безстрашно бороться со зломъ. Царь позвалъ его и сказалъ: отчего остальные отцы ушли въ свои монастыри, а ты одинъ остался, послѣдовавъ своей волѣ и, какъ мнѣ извѣстно, не повинуешься нашимъ указамъ? уступи нашему повелѣнію и уходи въ свой монастырь; если же нѣтъ, то я причиню тебѣ такія огорченія, которыя ты не перенесешь. Никита на это мягкимъ голосомъ отвѣтилъ: царь, я ни въ монастырь свой не пойду, по твоему требованію, ни отъ вѣры своей не отрекусь, но есмь и буду въ этомъ исповѣданіи; Богъ свидѣтель, что я сдѣлалъ неподобное (общеніе съ патріархомъ) не изъ боязни смерти и не изъ любви къ сей жизни, но я исполнялъ, хотя и не охотно, волю старцевъ; а общенія у меня съ вами никакого нѣтъ (§ 42). Видя непреклонность Никиты, царь передалъ его нѣкоему Захаріи, завѣдующему царскими палатами «Манганы» (ἐπιτρόπῳ τῶν βασιλικῶν οἴκων τῶν ἐπιλεγομένων τὰ Μάγγανα), стеречь его впредь до рѣшенія о немъ. Захарій оказался человѣкомъ благочестивымъ и не дѣлалъ зла преподобному, наоборотъ дѣлалъ ему одно хорошее, съ благоговѣніемъ взирая на лицо его. Затѣмъ Левъ изгналъ Никиту на одинъ изъ островковъ залива, на островокъ св. Гликеріи. Владѣльцемъ острова былъ нѣкій Анѳимъ, евнухъ, магъ, святотатецъ, человѣкъ хитрый и жестокій, котораго иконоборцы сдѣлали экзархомъ тамошнихъ монастырей (такимъ людямъ они вручали тогда власть, чтобы разрушить все); за его неистовство, безуміе и бахвальство мѣстные жители назвали его Каифой (Καΐφας). Анѳимъ усердно оскорблялъ преподобнаго: заперъ въ тѣсную тюрьму, наказывалъ его безъ конца и не позволялъ ему совершенно выглядывать за дверь, самъ держалъ ключи отъ тюрьмы и давалъ ему черезъ отверстіе очень немного пищи: онъ имѣлъ наказъ отъ иконоборцевъ, что если онъ убѣдитъ Никиту примкнуть къ иконо-

борцамъ, онъ удостоится выдающейся почести, и этимъ объясняется его жестокость (§ 43). Захарій, посланный царемъ для управленія общественными дѣлами во Өракійскую область[1]), былъ схваченъ жившими тамъ варварами и уведенъ плѣнникомъ въ ихъ страну. Узнавъ объ этомъ, Михаилъ, епископъ Синнадскій, извѣстилъ Никиту изъ тюрьмы, въ которой содержался и самъ, что ихъ общій другъ Захарій схваченъ Өракійскимъ народомъ, и просилъ помолиться о его избавленіи. Когда это передалъ Никитѣ прислуживавшій ему братъ — мидикіецъ Филиппъ, святой скорбѣлъ и весь день не вкушалъ пищи (§ 44). Съ наступленіемъ вечера Никита передалъ (τῷ διακόνῳ) Филиппу свѣчу, освѣщавшую тюрьму, прося вымыть ее въ морской водѣ. Тотъ вымылъ и принесъ игумену. Зажегши ее, преподобный молился за Захарія, пока не получилъ отъ Бога милости. Въ часъ ночного псалмопѣнія Филиппъ увидѣлъ Никиту въ сіяніи и спросилъ о причинѣ этого. Никита отвѣтилъ: не безпокойся, Филиппъ: ты здѣсь увидишь нашего друга Захарію своими глазами. Это и случилось: не долго названный народъ жилъ въ мирѣ съ царемъ, началась война — и Захарій вышелъ съ другими плѣнниками[2]), благодаря Бога и св. Никиту.—Безъ всякаго сомнѣнія, подъ варварами, взявшими въ плѣнъ Захарія и воевавшими съ Византіею, слѣдуетъ разумѣть Болгаръ. Послѣ войны 814 года они дѣйствительно вскорѣ, именно въ 817 г., опять начали войну, но были разбиты. Захарій вмѣстѣ съ другими былъ выданъ грекамъ или по особому договору о плѣнникахъ, или былъ обмѣненъ на какого-нибудь плѣннаго болгарина.—Три родныхъ брата, ѣхавшіе по морю на своемъ суднѣ и подвергавшіеся опасности утонуть во время бури, спаслись чрезъ призываніе имени святого (§ 45).

Шесть тяжелыхъ лѣтъ (814—820) провелъ Никита въ заточеніи—до смерти царя Льва. Нѣкіе новоначальные иноки, руководимые какъ бы ангеломъ, невозбранно проникли во дворецъ и мечами избили его внутри алтаря, потому что, кажется, царь убѣжалъ въ алтарь[3]), гдѣ и получилъ достойную кару (§ 46). Вмѣстѣ съ Никитою

---

1) πρὸς διοίκησιν δημοσίων πραγμάτων ἐπὶ τὸ Θρακῷον μέρος.

2) μετ' οὐ πολὺ γὰρ ἔδοξεν εἰρηνεύειν τὸ προειρημένον ἔθνος μετὰ τοῦ βασιλέως, καὶ ἀντικαταλλαγῆς γενομένης ἐξῆλθεν καὶ Ζαχαρίας σὺν τοῖς λοιποῖς αἰχμαλώτοις.

3) Τινὲς γὰρ τῆς τάξεως νεωτερήσαντες καὶ ὡς ὑπ' ἀγγέλου ὁδηγηθέντες εἰσίεσαν ἀκωλύτως εἰς τὰ βασίλεια καὶ ἐπάταξαν αὐτὸν εἴσω τοῦ εὐκτηρίου μαχαίραις. ἔδοξε γὰρ προσφεύγειν ἐν τῷ θυσιαστηρίῳ. Смерть Льва названа ἔχθιστος θάνατος (вѣроятно οἴκτιστος); ср. житіе Николая Студита (стр. 191 пр. 1).

содержался подъ двумя цѣпями и Михаилъ. По смерти Льва его немедленно освободили и провозгласили царемъ.

Михаилъ (II, Косноязычный) стоялъ посрединѣ между добродѣтелью и порокомъ: вѣры не возстановилъ, но всѣхъ отцовъ изъ ссылки вернулъ и освободилъ тюремныхъ; великое преслѣдованіе церкви окончилось. Выпущенъ былъ и Никита, нося на себѣ побѣдные знаки своихъ страданій. Онъ удалился на острова вблизи столицы, ища безмолвія, и поселился на одномъ изъ нихъ. Онъ былъ руководителемъ всѣхъ ко спасенію и былъ такъ нищелюбивъ, что подавалъ милостыню не только вѣрнымъ, но и невѣрнымъ. Затѣмъ преподобный купилъ небольшой метохъ противъ столицы, въ сѣверной части, и тамъ провелъ остальное очень короткое время своей жизни (§ 47).

Передъ смертію болѣзнь мучила его очень жестоко, силы его ослабѣли. Съ наступленіемъ воскресенія, около 6-го часа онъ поднялъ стопы и ушелъ съ грядущими ангелами мѣсяца Ксанопка (апрѣля) въ 3-й день.—3-е апрѣля падало на воскресенье въ 824 году, когда стало быть и скончался св. Никита. — Масса народа сошлась изъ столицы и окрестностей. Присутствовали при этомъ архіепископы Θеофилъ Ефесскій и Іосифъ Солунскій. Гробъ поставили на судно, и ученики отвезли его въ монастырь, «который онъ поставилъ собственными трудами». При встрѣчѣ на берегу были и мы, замѣчаетъ Θеостириктъ, вмѣстѣ съ преподобнѣйшимъ Павломъ, епископомъ Плусіадскимъ. Когда судно пристало, мы вынесли гробъ и со слезами облобызали святыя мощи преподобнаго; и взявъ на плечи, съ подобающими пѣснопѣніями вся братія обоихъ монастырей внесла его въ обитель.— Итакъ основателемъ собственно Мидикійскаго монастыря былъ Никифоръ; преемникъ его Никита по близости поставилъ новый монастырь, такъ что на погребеніе его выходили иноки изъ обѣихъ обителей; Никита погребенъ былъ въ Мидикіи.—Дорогою происходило много чудесъ: демоны прогонялись, больные исцѣлялись, кровоточивая, прикоснувшись къ мощамъ его, выздоровѣла (§ 48). Мы положили святого въ могилѣ общаго отца нашего Никифора, которую онъ сдѣлалъ еще при жизни, въ лѣвой сторонѣ отъ нартекса. Въ ней чудеса творятся и донынѣ (§ 49).

«Исполнена настоящая книга 21-го марта индикта 1-го, 6424 года, написанная рукою смиреннаго и послѣдняго монаха Іоанна, при преподобнѣйшемъ игуменѣ студитскомъ Анатоліи» (§ 50). — Эта любопытная прибавка къ житію заслуживаетъ вниманія и должнаго освѣ-

щенія. Папеброхъ, по нашему мнѣнію, не достаточно вѣрно оцѣнилъ ее: онъ говоритъ, что ватиканская рукопись № 1190, содержащая житіе св. Никиты, была списана съ рукописи студійской 932 года. Такъ какъ указанный здѣсь индиктъ (1-й) не согласуется съ 6424 г. (для котораго былъ индиктъ 4-й), Болландистъ сталъ утверждать, что Іоаннъ Студитъ пользовался церковною эрою, то-есть александрійскимъ счисленіемъ времени, которое отличалось отъ римскаго (и Константинопольскаго) на 16 лѣтъ, такъ что 5983 александрійцевъ соотвѣтствовало 5999 римлянъ (= 491 г. по Р. Хр.). Отсюда слѣдуетъ, говоритъ Папеброхъ (р. 266), что здѣсь обозначенъ годъ по александрійской эрѣ (=932 г.). Однако ниоткуда не видно здѣсь этого. Ученый далѣе прибавляетъ, что 932-й годъ сходится съ индиктомъ 1-мъ, но это ошибка: въ 6424 (932) г. индиктъ былъ 5-й, а не 1-й. Если мы припомнимъ житіе Николая Студита (X в.), то увидимъ, что студиты пользовались обще-византійскимъ счисленіемъ (5508), и нѣтъ необходимости предполагать, чтобы въ тоже время студиты пользовались и другою эрою. А по обычному счисленію выходитъ, что рукопись была написана въ 916 году, въ игуменство Анатолія, который дѣйствительно въ это время могъ жить (ср. стр. 202). Правда индиктъ 1-й не сходится съ 916 г., но описка писца ватиканской рукописи α′ вм. δ′ вовсе не такъ невѣроятна, чтобы нельзя было допустить ее[1]).

Житія Никифора Мидикійскаго (+814 г.), по словамъ Болландистовъ, не существуетъ, но несомнѣнно, что оно было и написано было по всей вѣроятности Мидикійскимъ инокомъ Ѳеостириктомъ, агіографомъ его преемника Никиты; въ настоящее время мы можемъ указать напр. на рукопись Ватиканской библіотеки, гдѣ это житіе сохранилось въ спискѣ X—XI вѣка[2]), но еще не издано. Впрочемъ изъ житія Никиты видно, что Никифоръ былъ въ VIII вѣкѣ строителемъ и игуменомъ Мидикійскаго монастыря (въ Виѳиніи, около Прусы, близъ Пропонтиды), что онъ охотно принялъ въ обитель Никиту и

1) Не смотря на соображеніе Папеброха мы все-таки не находимъ умѣстнымъ помѣщеніе § 50 житія рядомъ: пусть въ рукописи все это написано въ строку, но нельзя же смѣшивать перо Ѳеостирикта мидикійца IX в. съ перомъ Іоанна Студита X в.

2) Pitra, p. 15, № 27 f. 43—52: Πολλοὶ πολλάκις τὴν ἄμορφον. Впрочемъ, Болландисты позже (AA. SS. Boll., 26 октября, XI. 963) указали на списокъ житія Никифора въ Мюнхенской библіотекѣ (Hardt, IV. 85): βίος ἤτοι πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Νικηφόρου, ἡγουμένου γεγονότος τοῦ Μιδικίου.

черезъ 4—5 лѣтъ пожелалъ видѣть его въ санѣ пресвитера, что передъ смертью онъ завѣщалъ все свое имущество церкви и умеръ 4 мая. Память его записана была въ синодикъ его преемникомъ. Кромѣ того извѣстно, что Никифоръ присутствовалъ на VII вселенскомъ соборѣ и подписался подъ его актами: Νικηφόρος ἡγούμενος τοῦ ἁγίου Σεργίου τοῦ Μιδικιῶνος.

ГЛАВА XI.

Пропонтида (Кій — Пелекитъ, Халкидонъ).

Ж. Макарія. — Ж. Луки.

Пропонтидская агіографія, очень скромная своимъ объемомъ, представителями имѣетъ не много и недостаточно литературно-образованныхъ писателей, у которыхъ совсѣмъ мало цѣннаго историческаго матеріала.

Среди монастырей, расположенныхъ отчасти въ Виѳиніи, заслуживаетъ вниманія Пелекитская обитель (μονὴ ἡ Πελεκητή). Расположенная на южномъ берегу Пропонтиды (Мраморнаго моря), между городомъ Δασκύλιον'омъ и Кійскимъ заливомъ[1]), она была основана въ 709 г., въ царствованіе имп. Юстиніана II, и освящена во имя св. Іоанна Богослова[2]). Въ 766 г. игуменомъ ея былъ Ѳеоктиристъ. Тогда же, по распоряженію стратига Азіатской ѳемы Лаханодраконта, монастырь былъ преданъ пламени. Преемниками Ѳеоктириста были: Иларіонъ, Макарій и Савва. О двухъ послѣднихъ лицахъ мы предложимъ здѣсь слѣдующія свѣдѣнія.

А. Ehrhard находилъ, что и по имени, и по времени, и по мѣсту Савва, агіографъ св. Макарія, можетъ быть отожествленъ съ Саввою, агіографомъ св. Іоанникія[3]). Однако Болландисты, соглашаясь со всѣмъ этимъ, признаютъ, что стиль одного βίος'а не соотвѣтствуетъ стилю другого, почему негласно воздерживаются отъ такого отожествленія. Къ этому существенному возраженію необходимо присоединить и то,

---

1) «въ живописнѣйшей и лѣсистой мѣстности, въ 3—4 часахъ къ югозападу отъ Триліи» (Τρ. Εὐαγγελίδης, въ «Σωτήρ» 1889 р. 275). Когда-то богатая обитель, она нынѣ представляетъ изъ себя лишь гостинницу для бѣдняковъ.

2) Πελεκητός—срубленный топоромъ; первоначально это была вѣроятно деревянная обитель.

3) Krumbacher GBL² S. 198.

что Савва, агіографъ Іоанникіевъ, въ 40-хъ годахъ IX столѣтія былъ рядовымъ инокомъ одного изъ Олимпійскихъ монастырей, тогда какъ Савва, агіографъ Макарія, въ то же время былъ уже настоятелемъ Пелекитской обители. Кромѣ того первый агіографъ — человѣкъ очень литературно образованный, тогда какъ второй — очень неискусенъ въ писаніи[1]). Да и само разстояніе отъ Олимпа до Пелекиты слишкомъ велико, чтобы можно было говорить о тожествѣ обоихъ Саввъ. Такимъ образомъ, вслѣдъ за Болландистами мы также не находимъ возможнымъ отожествить обоихъ этихъ агіографовъ.

Савва былъ сначала инокомъ Пелекитской обители, при игуменѣ Макаріи, по смерти послѣдняго написалъ его житіе и позже самъ былъ игуменомъ монастыря. Онъ былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ жизни своего игумена, о чемъ и замѣчаетъ въ разныхъ мѣстахъ житія. «Я недостойный преемникъ твоей паствы», «я, Савва, самовидецъ твоего жительства, написалъ немногое изъ многаго». При этомъ онъ пользовался и разсказами другихъ.

Саввино житіе Макарія относится къ разряду житій похвальныхъ, богатыхъ риторическими красотами, но бѣдныхъ біографическими подробностями. Красоты эти взяты на прокатъ изъ риторическихъ учебниковъ; канва же житія, какъ она изложена агіографомъ, свидѣтельствуетъ, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ совсѣмъ неискуснымъ и неопытнымъ ни въ исторіи, ни въ церковномъ дѣлѣ. Савва говоритъ сначала о томъ, что Макарій сдѣлался игуменомъ Пелекитскаго монастыря, и значительно позже говоритъ о рукоположеніи его во священника; или патр. Янниса онъ пріурочилъ ко времени царствованія имп. Льва Армянина (813 — 820), тогда какъ онъ жилъ въ царствованіе Θеофила (829 — 842); но чисто внѣшнимъ образомъ слабыя стороны житія, написаннаго однимъ изъ преемниковъ святого, могутъ навести на мысль, что житіе это неудачно изложено или редактировано. Въ немъ отдѣльныя фактическія данныя поставлены не на мѣстѣ, въ чемъ повиненъ едва ли самъ Савва. Если предположить, что во священника Макарій былъ рукоположенъ игуменомъ Пелекиты, а игуменомъ онъ сдѣлался позже, во времена патр. Тарасія; если далѣе § 11 житія перенести въ начало § 13, а взамѣнъ того конецъ § 13 переставить на мѣсто § 11, то мы избѣгнемъ явныхъ несообразностей въ житіи.

---

1) Напр. p. 152 b. 23—24 ἐχομένου безъ подлежащаго, неполный genitivus absolutus.

Такъ или иначе, но скудость свѣдѣній монаха и игумена Пелекиты о своемъ предшественникѣ позволяетъ предположить, что Савва или не былъ непосредственнымъ преемникомъ Макарія, или что этотъ послѣдній ничѣмъ не ознаменовалъ время своего игуменства, что жизнь его текла тихо и монотонно, что онъ былъ въ ссылкѣ до самой смерти, въ продолженіи почти двадцати лѣтъ, почему въ Пелекитѣ и не могли имѣть о немъ положительныхъ свѣдѣній.

По смерти Макарія на о. Афусіи могила игумена естественно сдѣлалась предметомъ почитанія со стороны иноковъ Пелекитскаго монастыря. Скажемъ болѣе. Еще при жизни Макарія нѣкоторые изъ пелекитскихъ иноковъ явились на Афусію и служили изгнаннику. Въ кельѣ ихъ былъ діаконъ Дороѳей (§ 8). Повидимому, онъ оставался на Афусіи до самой кончины святого (если не далѣе, § 16). Въ связи съ этимъ заслуживаетъ упоминанія и другое имя, имя Саввы. Онъ и Дороѳей въ концѣ жизни Макарія были настоятелями афусійскаго братства. Два настоятеля въ монастырькѣ — интересный фактъ въ церковной жизни Византіи IX вѣка. Самъ Макарій, какъ опальный узникъ, не могъ конечно быть игуменомъ и афусійскаго (повидимому, значительнаго по численности) братства; но онъ могъ благословить Дороѳея и Савву на настоятельство. Въ такомъ случаѣ представляется возможнымъ, что Дороѳей остался настоятелемъ афусійскаго братства въ Афусіи и по смерти Макарія, а Савва удалися въ Пелекиту, гдѣ позже былъ игуменомъ; житіе Макарія онъ написалъ спустя много времени послѣ его кончины. И если онъ пользовался при этомъ другимъ источникомъ, то не трудно догадаться, что этимъ матеріаломъ могли быть разсказы Дороѳея, который зналъ Макарія больше, нежели Савва.

Предисловіе житія Макарія[1]) говоритъ о томъ, что житія святыхъ побуждаютъ читателей къ подражанію добродѣтелямъ этихъ святыхъ (§ 1). Христофоръ (мірское имя Макарія) происходилъ родомъ изъ Византіи, отъ благородныхъ родителей. Осиротѣвъ въ очень молодыхъ годахъ, онъ воспитывался у своего дяди. Повидимому, родной его братъ совѣтовалъ ему переселиться въ восточную часть Константинополя и жениться; но Христофоръ отказался отъ этой мысли, выпросилъ себѣ (вѣроятно у дяди) хижину съ храмомъ и сталъ посѣщать одного священника, съ которымъ только и поддержи-

1) Βίος — παρὰ Σάββα μοναχοῦ: Πολλῶν ὄντων ἃ πρὸς ἀρετῆς. (Anal. Bolland. 1897, XVI, 142—163).

валъ общеніе (§ 2). Возлюбивъ уединеніе, онъ сталъ готовиться къ монашеству, о чемъ и повѣдалъ іерею. Послѣдній, видя готовность юноши, посовѣтовалъ ему идти въ Пелекитскій монастырь, повидимому близко ему знакомый, причемъ описалъ Христофору мѣстоположеніе монастыря, климатическія условія мѣстности и образъ жизни монастырской братіи. Юноша воспылалъ рвеніемъ къ обители, священникъ напутствовалъ его. Вмѣстѣ съ нѣкіимъ Іоанномъ Христофоръ трудился своими руками; но онъ также занимался и книжнымъ дѣломъ, такъ что тѣло его уставало, а душа поучалась въ словесахъ (§ 3).—Итакъ здѣсь неясно выражено, что Христофоръ удалился въ Пелекиту, гдѣ и проводилъ подвиги съ Іоанномъ. По поводу этой послѣдней личности считаемъ нужнымъ привести мнѣніе арх. Сергія (II². 330):«Въ Антониновомъ евангеліи XII в. 17 августа: исповѣдника Макарія при Константинѣ Копронимѣ; напротивъ въ Академическомъ Апостолѣ XI—XII в.: исповѣдника Макарія при Львѣ Армянинѣ. Но извѣстно, что при Львѣ страдалъ за иконы Макарій Пелекитскій; дѣйствительно въ синаксаріяхъ туринскомъ и доминиканскомъ онъ называется 19 августа Пелекитскимъ; въ минеѣ криптоферратской онъ названъ византійскимъ, неизвѣстно почему... Но такъ какъ основанія нерѣшительны въ отношеніи къ Кіевскому мѣсяцеслову, то преподобный Іоаннъ и не внесенъ нами въ I отдѣлъ». Очевидно память 18 августа исповѣдника Макарія и Іоанна указываетъ на иноковъ Пелекитскаго монастыря IX, а не VIII столѣтія. Если бы арх. Сергій читалъ житіе Макарія, онъ включилъ бы Іоанна подъ 18 августа, а не отнесъ бы въ разрядъ довольно неопредѣленныхъ святыхъ.

Въ Пелекитѣ Христофоръ принялъ схиму и нареченъ былъ Макаріемъ. Слава о его подвигахъ открыла ему путь къ настоятельству (τὰ τῆς ποίμνης ἐνεχείρισεν), хотя онъ и не желалъ того, а немного спустя онъ также противъ воли поставленъ былъ на игуменство. Онъ получилъ благодать и сталъ творить чудеса: прогонялъ бѣсовъ, исцѣлялъ посредствомъ возложенія рукъ, лечилъ словомъ и дѣломъ (§ 4). Патрикій Павелъ, повидимому, стратигъ Азіатской земли, страдалъ χαλεπῷ νοσήματι, потратилъ много средствъ на докторовъ и на лекарства, но безполезно. Макарій прибылъ къ нему, помолился и вылечилъ (§ 5)[1]). Послѣ того вскорѣ захворала жена Павла, которая ѣздила

1) διὰ περιφάνειαν στρατηγεῖν τὸ τηνικαῦτα πρὸς τοῦ κρατοῦντος τῆς παρακειμένης χώρας ἐτέτακτο. О нѣкоемъ патрикіи Павлѣ упоминаетъ подъ 799 г. Θеофанъ (II, 473); но трудно сказать, можно ли отожествить ихъ между собою.

лечиться даже въ столицу [1]).—Болландисты толкуютъ это мѣсто такъ, что она поѣхала къ императрицѣ (Иринѣ, 797—802); по ἡ βασιλίς безъ обязательнаго эпитета εὐσεβεστάτη τε καὶ φιλόχριστος, а равно дальнѣйшее указаніе на мѣсто, говоритъ о томъ, что βασιλίς здѣсь значитъ βασιλὶς τῶν πόλεων, то-есть Константинополь.—Макарій, исцѣлившій мужа, исцѣлилъ и его жену. Равнымъ образомъ жена патрикія Өеогноста, страдавшая водянкою (ὑδερώτου), была исцѣлена игуменомъ (§ 6). Патр. Тарасій пожелалъ видѣть святого мужа; Макарій ѣздилъ въ столицу и вернулся оттуда въ Пелекиту священникомъ (!) (§ 7). У одного человѣка, независимаго отъ монастыря, былъ сынъ — мальчикъ въ параличѣ. Макарій отслужилъ службу въ присутствіи отца и сына, затѣмъ взялъ у мальчика костыли и отдалъ ихъ діакону Дороѳею, послѣ чего паралитикъ сталъ ходить безъ палки (§ 8). Во время одной засухи Пелекитская мѣстность какъ бы замерла. Жители обратились къ Макарію за молитвою. Игуменъ собралъ народъ со всѣхъ окрестныхъ деревень и городовъ и у храма св. пророка Иліи, стоявшаго неподалеку, совершилъ литію. Послѣ службы появилось облако и пошелъ дождь (§ 9).—Болландисты находятъ, что монастырь Иліи находился близъ Пелекиты, между Трилійскимъ монастыремъ и киновіею св. Михаила въ Сяги. По преданію, этотъ монастырь основанъ въ X в. Игнатіемъ, игуменомъ Ваөиріакскаго монастыря [2]). Память о монастырѣ сохранилась до нашего времени въ искаженной формѣ Σίσβη (Θεσβίτου) [3]). Имѣя все это въ виду, Болландисты предполагаютъ, что первоначально здѣсь стояло святилище св. Иліи, а позже здѣсь основанъ былъ уже монастырь, киновія.

Когда дикій звѣрь (т. е. Левъ Армянинъ, 813 — 820) обрушился на церковь и испустилъ ядъ на св. иконы, онъ свергъ съ престол патріарха (Никифора, 806—815), однихъ наказывалъ ударами, другихъ изгнаніемъ. Вызванъ былъ на судъ и св. Макарій Пелекитскій, подвергшійся заточенію въ столичной тюрьмѣ. Левъ посылалъ къ нему одного изъ вельможъ склонить къ иконоборству, обѣщая ему высокое положеніе и милость императора, въ противномъ случаѣ грозя ударами до смерти; однако Макарій остался непреклоннымъ

---

1) διὸ πρὸς τῇ βασιλίδι στέλλεται. καὶ γὰρ ἔτυχεν ἐκεῖσε τὸ γύναιον διατρίβον τῷ πάθει περιπεσεῖν.

2) Anal. Boll. XIV, 415; Synax. Sirmond. ed. H. Delehaye, p. 84.

3) «Σωτήρ», p. 279.

(§ 10). Предтечею зла былъ Ἰαννής (!), волхвъ и чародѣй, нарочно державшій царя въ ослѣпленіи. Макарій обнаружилъ твердость передъ патр. Янписомъ, а сей послѣдній донесъ объ этомъ царю, который усилилъ ему наказаніе (§ 11).

Но вотъ справедливое возмездіе постигло неправеднаго царя, который погибъ тамъ, гдѣ дѣлалъ беззаконія.—Несомнѣнно, здѣсь намекъ на имп. Льва Армянина, который былъ коронованъ и убитъ въ церкви Фара. Въ своемъ заточеніи Макарій имѣлъ возможность видѣться съ патр. Никифоромъ, построившимъ монастырь въ Пропонтидскомъ заливѣ, гдѣ онъ отбывалъ свое изгнаніе.—Свидѣтельство это едва ли заслуживаетъ довѣрія. Никифоръ въ 813 г. былъ сосланъ въ монастырь «Благого» (Христа), а потомъ въ монастырь великомуч. Θеодора на о. Проконписѣ. Константинополь и Проконнисъ—два значительно отстоящіе другъ отъ друга пункта, чтобы можно было говорить о свиданіи этихъ узниковъ. Агіографъ быть можетъ умышленно вставилъ этотъ эпизодъ для бóльшаго прославленія своего игумена.—Одинъ изъ иноковъ Пелекитскаго монастыря, совращенный въ иконоборческую ересь, прибылъ къ Макарію и разсказалъ ему обо всемъ. Макарій воспретилъ ему служеніе, но не отрѣшилъ его отъ должности. Инокъ, не смотря на это, служилъ литургію и пріобщалъ св. Таинъ своихъ сестеръ, которыя и разсказали объ этомъ Макарію; послѣдній очень разгнѣвался на священноіерея (§ 12).

По убіеніи царя Льва и по смерти его преемника (Михаила II) на престолъ вступилъ новый царь (Θеофилъ, 829—842). Послѣдній призвалъ Макарія на судъ ὕπαρχος'а. Вопросы царя и отвѣты Макарія (§ 13), изложенные какъ бы въ подлинномъ видѣ, безъ сомнѣнія сочинены агіографомъ, какъ сочинялись бесѣды и другими писателями. Когда павликіаны (παυλινιασταί) или манихеи, содержавшіеся въ тюрьмѣ (вѣроятно столичной), были осуждены на смерть и просили совершить надъ ними отходную, Макарій отказался, замѣтивъ: что общаго между свѣтомъ и тьмою? Только одинъ изъ нихъ удостоился осѣненія святымъ: онъ-то и остался въ живыхъ, а всѣ остальные были казнены; спасшійся, конечно, перешелъ въ православіе (§ 14).—Здѣсь имѣется въ виду жестокая расправа уже имп. Θеодоры, въ 855 г., когда посланцы ея—сыновья Аргира и Дуки, а равно Судалисъ—умертвили болѣе 100.000 павликіанъ, не хотѣвшихъ изъ ереси перейти въ православіе, о чемъ подробно разсказываетъ Кедринъ (II, 153 B); но это событіе случилось уже послѣ кончины Макарія. — Далѣе Макарій спасъ

молитвою одного заключеннаго отъ смерти. Θеофилъ, къ которому Савва возвращается снова, осудилъ святого на изгнаніе на пропонтидскій островъ Ἀφουσία, такъ названный, по мнѣнію агіографа, отъ τὸ ἀπεῖναι τὴν κατευθείαν. Святой прибылъ на островъ въ то время, когда жители его страдали отъ голода. Макарій помолился и насытилъ народъ. Здѣсь онъ построилъ храмъ на мѣстѣ развалинъ какого-то зданія (§ 15). Во время постройки одинъ изъ монаховъ оставался безъ дѣла. Святой и ему велѣлъ работать. Тотъ отвѣтилъ, что онъ не въ состояніи, такъ какъ у него одинъ палецъ на рукѣ сухой. Макарій побудилъ его дѣйствовать, и монахъ сдѣлался дѣеспособнымъ. Произнеся поученіе братіи и указавъ мѣсто своей могилы, Макарій велѣлъ настоятелямъ братства Дороѳею и Саввѣ начать заготовленіе ея. Произнеся: «въ руки Твои предаю духъ мой», онъ скончался μηνὶ πανέμῳ (т. е. августа) 18 (§ 16). Агіологи полагаютъ, что Макарій скончался около 830 года [1]).

По смерти святой творилъ безчисленное множество чудесъ (§ 17). Во время его погребенія къ о. Афусіи присталъ корабль, на которомъ прибылъ нѣкій Григорій, одержимый нечистымъ духомъ и хотѣвшій утопиться. Путешественники высадили его на берегъ. Онъ прибылъ къ могилѣ святого, палъ на землю и пролежалъ такъ цѣлый день. На утро онъ выздоровѣлъ (§ 18). Макарій исцѣлилъ также нѣкоего Димитрія отъ нечистаго духа, другого, находившагося въ веригахъ (§ 19), двухъ дѣтей: одного безгласнаго сдѣлалъ говорящимъ, другого освободилъ отъ безгласнаго духа (§ 20). У одного инока выгналъ изъ желудка лягушку (?!) черезъ питье большимъ масла (§ 21); слѣпымъ даровалъ зрѣніе; масло изъ лампады на его могилѣ (καιόμενον ἔλαιον) творило чудеса, прогоняло болѣзни. Разсказъ о каждомъ чудѣ въ отдѣльности, замѣчаетъ агіографъ, мы оставляемъ другимъ, а сами составляемъ о чудесахъ особое слово [2]) (§ 22). Итакъ кромѣ Саввина житія Макарія Пелекитскаго существовало еще его же особое слово о чудесахъ его, до насъ не дошедшее. Въ заключеніе (§ 23) Савва говоритъ, что онъ составилъ житіе [3]) на основаніи другого

1) Сергій, Полный мѣсяцесловъ Востока, II, стр. 94. О заточеніи Макарія видно также и изъ замѣтки Θеодора Студита: ἓν ἐλυπήθην περὶ τῶν δύο ἀδελφῶν τῶν ἀπὸ τῆς Πελεκητῆς ποτε, ὅτι οὐχ ὡς μέλη ἡμῶν, καὶ ἀδελφοὶ ἐδιοικήθησαν (Mai, Nova Patr. bibl. VIII. 1 p. 31, письмо 38) (впервые указано П. В. Никитинымъ въ «Сказаніяхъ о 42 Аморійскихъ мученикахъ» (Спб. 1905 стр. 156).

2) p. 163: ἴδιον τὸν περὶ τούτων ὁριζόμεθα λόγον.

3) ἑτέρῳ μὲν χρησάμενος.

источника; по достоинству же описать твои подвиги не могутъ и десятки тысячъ языковъ.

Житіе Луки столпника[1]), жившаго, собственно говоря, уже въ X вѣкѣ (879—979), написано современникомъ и очевидцемъ, по всей вѣроятности ученикомъ святого. Для нашей цѣли заслуживаетъ вниманія лишь одно начало біографіи и прежде всего заглавіе: *Βίος τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Λουκᾶ τοῦ ἐν Εὐτροπίοις στυλίτου. Μηνὶ δεκεμβρίῳ ια'*. Область *τὰ Εὐτρόπια* лежала на азіатскомъ берегу Мраморнаго моря, между Халкидономъ и дворцомъ Іеріей, между современными Kadi-Keui и Phanaraki. Въ настоящее время отъ византійской эпохи здѣсь сохранилась лишь одна церковь Calamich съ надписью, написанною нѣкіимъ Петромъ. Столпъ, на которомъ подвизался Лука, теперь находится уже въ водѣ.

Уроженецъ востока, Лука былъ сынъ непоименованныхъ родителей, тоже восточныхъ уроженцевъ, занимавшихся земледѣліемъ и бывшихъ людьми довольно достаточными. Года рожденія Луки въ Житіи не дано, это есть только вѣроятный выводъ Vanderstuyf'a. Въ § 5 житія идетъ рѣчь о началѣ византійско-болгарской войны, въ которой принималъ участіе и 18-тилѣтній Лука. Фогтъ полагалъ, что подъ страшнымъ пораженіемъ грековъ разумѣется здѣсь Ахелойская битва (20 августа 917 г.); но Vanderstuyf съ бо́льшимъ основаніемъ думаетъ, что тутъ идетъ рѣчь о Болгарофигской битвѣ 897 г., откуда и сдѣлано заключеніе о времени рожденія Луки.

Ниже, въ третьей части, при разсмотрѣніи памятной литературы, мы встрѣтимся съ нѣкоторыми реальными данными для біографіи святого, о которыхъ современникъ не упомянулъ: здѣсь мы найдемъ имя родины и имена родителей святого.

ГЛАВА XII.

Кипръ.

Ж. Димитріана.

О. Кипръ извѣстенъ былъ въ старое время, преимущественно въ IV в., значительнымъ количествомъ святыхъ и достопочтеныхъ мужей:

1) Analecta Bollandiana, 1909, XXVIII, 11—56 (публикація A. Vogt'a): Ἡ μὲν ὑπόθεσις πρὸς ἣν ὁ τῆς. Рецензія на это изданіе C. Vanderstuyf'a: Etude sur saint Luc le stylite, въ «Echos d'Orient», 1909, №№ 76—78 и сл. Фогтъ пріурочивалъ жизнь Луки къ 899—1000 гг., неправильность этого разсчета указана въ критикѣ. Однако Ξ. Α. Σιδερίδης, Βυζαντινὴ ἐπιγραφὴ ἐν Ἀριτσοῦ (Ὁ ἐν Κ/πόλει ἑλληνικὸς φιλολογικὸς σύλλογος, 1911 σ. 125=7 n⁰ 8) придерживается мнѣнія Фогта.

св. Тихономъ въ Амаѳунтѣ, еп. Филономъ въ Карпасіи, мощами св. Лазаря Четверодневнаго въ Китіи, св. Спиридономъ въ Тримиѳунтѣ, св. Трифилліемъ въ Левкудіи, агіографомъ св. Іоанна Милостиваго, Леонтіемъ, въ Неаполѣ, св. Софроніемъ въ Константіи, наконецъ св. Димитріаномъ въ Хитридѣ.

Житіе Кипрскаго (Хитридскаго) епископа Димитріана[1]) сохранилось въ синайской рукописи № 789, XII в., гдѣ оно занимаетъ послѣднюю тетрадь, писанную другою рукою. Первый издатель житія г. H. Grégoire, прославившійся дурнымъ знаніемъ греческой палеографіи, относилъ и эту тетрадь къ XII в., но проф. Лейпцигскаго университета Gregory относитъ ее по письму къ болѣе позднему времени, и мы склонны болѣе довѣрять послѣднему ученому. А въ такомъ случаѣ пришитая тетрадь представляетъ вѣроятно значительно позднѣйшую обработку житія, можетъ быть и написанную въ позднее время.

Разсмотримъ однако сначала общее содержаніе памятника.

Δημητριανός родился въ мѣстечкѣ Συκαῖς, не далеко отъ кипрскаго города Χυτρίδων[2]), «въ началѣ царствованія христоненавистнаго царя Ѳеофила» (ок. 832 г.). Пятнадцати лѣтъ (ок. 847 г.) онъ вступилъ въ бракъ съ дѣвушкою, которая прожила съ мужемъ только три мѣсяца[3]) и умерла. Димитріанъ, черезъ годъ своего вдовства (въ 848 г.), удалился на высокую гору, гдѣ стоялъ монастырь св. Антонія съ небольшимъ числомъ иноковъ, но совершенныхъ мужей, и поселился здѣсь. Хитридскій епископъ Евстаѳій, узнавъ о добродѣтельномъ житіи его, рукоположилъ его во священника и назначилъ экономомъ своей епископіи. Новая служба Димитріану однако не понравилась, и онъ отпросился у Евстаѳія снова въ Антоніевъ монастырь. Здѣсь онъ былъ выбранъ игуменомъ.

Спустя нѣкоторое время Евстаѳій былъ переведенъ на митрополичью каѳедру г. Саламина. Тогда онъ вспомнилъ о Димитріанѣ, котораго хотѣлъ видѣть своимъ преемникомъ въ Хитридѣ. Избѣгая этого бремени, Димитріанъ скрылся въ сѣверной части горы у одного своего друга, Павла, поселившись на морскомъ берегу. Когда посланцы Евстаѳія стали пытать (!?) Павла, онъ открылъ имъ мѣсто-

---

1) Byz. Zeitschrift, XVI, 217—237; AA. SS. Boll. ноябрь, III, 300—308 (Ἡ παντουργὸς καὶ ὑπερούσιος καὶ παντεπίσκοπος μία θεότης).

2) иначе Χύτροι.

3) XVI, 222: ὁ δὲ Κύριος ...τάχιστα τῶν αὐτοῦ ἀγκαλῶν τὴν συζευχθεῖσαν ἀπέζευξε.

пребываніе «покойнаго» Димитріана. Послѣдній былъ приведенъ къ Евстаѳію и долженъ былъ (ок. 887 г.) принять епископство въ Хитридѣ, гдѣ ранѣе епископствовали Паппъ и Аѳанасій чудотворцы. Димитріанъ правилъ престоломъ 25 лѣтъ (887—912). Конецъ его правленія ознаменовался вторженіемъ на островъ арабовъ [1]), которые грабили Хитриду и увели плѣнныхъ. Въ глубокой старости Димитріанъ сопровождалъ свою паству въ «вавилонскій» (Багдадскій) плѣнъ и тамъ выпросилъ у халифа свободу своимъ землякамъ. Скончался онъ 6 ноября (ок. 912 года). Изъ чудесъ святого видно, что у Димитріана былъ въ услуженіи воловій пастухъ Македоній.

Мы согласны съ H. Grégoire'омъ и Kurtz'емъ въ томъ, что житіе это могло быть написано на о. Кипрѣ и даже въ Хитридѣ; но мы не раздѣляемъ ихъ оптимистическаго взгляда, что житіе написано очень образованнымъ авторомъ, знакомымъ съ классиками и даже съ философіею: мысль, заимствованная изъ классика, можетъ и не говорить о пользованіи подлинникомъ, — она могла быть взята изъ риторическаго руководства, которое онъ усвоилъ повидимому хорошо; напротивъ того, ошибки въ грамматическомъ строѣ предложеній (ср. τῆς αὐτοῦ 222, ἅπας νόσος 236 и пр. [2]) указываютъ, что мы должны значительно разочароваться въ писательской дѣятельности нашего автора. Далѣе мы не можемъ согласиться съ г. Grégoire'омъ и Курцемъ и въ томъ, что житіе написано вскорѣ послѣ смерти Димитріана, не позже первой четверти X вѣка.

Имени Димитріана не встрѣчается въ исторіи Византіи послѣ IV столѣтія. Такія сложныя имена съ окончаніемъ на—ανός, какъ Μαξιμιανός, Διοκλητιανός, Εὐφημιανός (ср. Εὐφημία) существовали только въ старое время (извѣстенъ одинъ мученикъ Δημητριανός въ I вѣкѣ, другой, діаконъ саламинскій, пострадалъ ок. 306 года), но съ VI столѣтія уже не встрѣчаются въ жизни, поэтому уже одно существованіе въ IX в. имени Димитріана вызываетъ недоумѣніе.

Въ житіи слишкомъ много общихъ мѣстъ: бѣгство отъ епископскаго сана, выкупъ плѣнныхъ и т. д.; а обиліе этихъ loci communes свидѣтельствуетъ о несамостоятельности памятника.

---

1) XVI, 232: γεγονεν ἐπανάστασις Βαβυλωνίων βαρβάρων κατὰ τὴν τῶν Κυπρίων νῆσον, οὐ φόρων παραβάσεως ἐγκαλεῖν αὐτοὺς ἐχόντων, οὐκ ἐπαναστάσεως αἰτίαν, ἀλλὰ τὸν ληστρικὸν τροπον συνεργὸν ἐχόντων, καὶ τὴν ἔμφυτον ἀγριότητα.

2) Ср. Ed. Kurtz, въ Anal. Boll. XXVII, 28—34; Π. Ν Παπαγεωργίου, въ 'Εκκλησιαστικὴ 'Αλήθεια, XXVII (1907), 269—271

Нашествіе арабовъ, пріуроченное къ концу епископства Димитріана въ Хитридѣ, съ точностью не оправдывается. Съ 867 до 904 года Кипръ, какъ находившійся во власти арабовъ, не могъ быть завоевываемъ; въ 904 г. Іоаннъ Каменіатъ, взятый арабами въ Солуни, былъ привезенъ въ кипрскую гавань Пофъ, откуда былъ отправленъ въ сирійскій Триполь. По Масуди, киприяне навлекли на себя арабское нашествіе нарушеніемъ договора, а нашъ агіографъ говоритъ, что арабы обвиняли кипрянъ не за нарушеніе дани, а произвели просто разбойническое нападеніе; и здѣсь агіографъ не знаетъ обстоятельствъ экспедиціи, что̀ было бы страннымъ, если бы онъ былъ современникомъ начала X вѣка.

Путешествіе Димитріана въ началѣ X столѣтія въ Багдадъ для освобожденія христіанскихъ плѣнниковъ H. Grégoire считаетъ «совершенно вѣроятнымъ» [1]), но такъ ли? Епископу было около 80 лѣтъ отъ роду, и едва ли онъ могъ бы предпринять такое долгое и трудное путешествіе въ столь преклонномъ возрастѣ. Выкупъ плѣнныхъ изъ неволи входилъ въ агіографическую схему, и его мы можемъ видѣть въ десяткахъ позднихъ житій.

Вообще намъ кажется, что это житіе подложное. Составленное въ позднее время, оно имѣетъ претензію на современность, но и тутъ агіографъ выдаетъ себя головою: въ подлинныхъ и современныхъ житіяхъ агіографы напр. пользуются терминомъ ὁ μακαρίτης (покойный, недавно умершій) очень умѣренно, но нашъ авторъ употребляетъ его не въ мѣру часто; что̀ уже подозрительно.

Вѣроятно, какой нибудь поздній хитріецъ для прославленія своей церкви сочинилъ житіе святого изъ временъ арабскаго господства на островѣ, какъ памятнаго каждому кипрійцу; имя святого явилось подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Димитріана, Саламинскаго (Кипрскаго) мученика V столѣтія.

---

1) Byz. Zeitschr. XVI. 212.

ГЛАВА XIII.

Востокъ: Палестина и Сирія.

Житіе Іерусалимскихъ мучениковъ. — Ж. Саввинскихъ мучениковъ. — Ж. Стефана Савваита. — Ж. Вакха Младаго. — Ж. Іоанна Дамаскина. — Ж. Иліи. — Ж. Θеодора Едесскаго.

Характернымъ признакомъ агіографіи Востока, какъ и слѣдовало ожидать, является при нѣкоторой картинности изложенія извѣстная доза фантастичности разсказа, чувствуется иногда сказочность хотя бы и на исторической основѣ. Но если бы мы и сказали, что такъ могло быть, то это еще не основаніе къ выводу, что такъ и было на самомъ дѣлѣ: ab posse ad esse consequentia non valet. Непосредственные очевидцы событія разсказываютъ просто, безъ всякой риторики, и послѣдовательно, какъ событіе совершалось въ его временной преемственности; они какъ бы фотографируютъ моментъ и, надо ли говорить? — удовлетворяютъ историка вполнѣ. Изъ всѣхъ печальныхъ повѣстей, какія когда либо были написаны византійцами, ни одна не блещетъ такою трезвою отчетливостью за исключеніемъ разсказа Стефана о Саввинскихъ мученикахъ. Но не очевидцы событій и подвиговъ святыхъ, какъ естественно не располагавшіе наличностью біографическаго матеріала, уже прибѣгаютъ къ искуственной формѣ и заполняютъ содержаніе разсказа уже искуственными средствами.

Мученичество іерусалимскихъ мучениковъ 724 г., къ которому мы сейчасъ переходимъ, заслуживаетъ вниманія не только по своимъ историко-топографическимъ подробностямъ, но и вообще какъ памятникъ литературный: оно сохранилось въ двухъ редакціяхъ, независимыхъ и довольно отличныхъ другъ отъ друга. «Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Пападопуло-Керамевсъ (стр. VI), что въ обоихъ текстахъ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ-же событіи по двумъ разнымъ іерусалимскимъ преданіямъ». Для большей наглядности представимъ сущность памятника въ слѣдующей табличкѣ:

I.

1) Изъ 70 архонтовъ, необозначеннаго происхожденія, трое умерло, семеро сдѣлалось ренегатами, заболѣло диссентеріею и также умерло, такъ что мучениковъ осталось только *60*.

2) Изъ нихъ упомянуто только три имени: *Георгій*, Іоаннъ, *Іуліанъ*.

3) *Краткое* описаніе паломничества ихъ въ Іерусалимъ.

4) Задержаны въ *Колоніи* по истеченіи *семилѣтняго перемирія*.

5) Судилъ ихъ кесарійскій намѣстникъ, сносившійся съ протосимвуломъ (халифомъ).

6) Архонты были повѣшены на столпахъ и разстрѣляны стрѣлами; память ихъ 21 октября.

7) Кесарійскій *гражданинъ* Іоаннъ, прибывъ въ Іерусалимъ, на оставленныя ему деньги купилъ для нихъ мѣсто въ *Экспилахъ*, близъ храма св. Стефана, гдѣ и похоронилъ ихъ.

8) Память ихъ была написана сначала на сирійскомъ языкѣ, а потомъ по порученію монаха Іоанна переведена на византійскій.

II.

1) Изъ 70 воиновъ, иконійскихъ уроженцевъ, семеро сдѣлалось ренегатами, которые были поражены смертью, такъ что мучениковъ осталось только *63*.

2) Имена всѣхъ 63 приведены; между ними есть Іоаннъ, но нѣтъ ни Георгія, ни Іуліана.

3) *Подробное* описаніе паломничества ихъ въ Іерусалимъ.

4) Задержаны въ видахъ политическихъ.

5) Судилъ ихъ кесарійскій начальникъ Соломонъ Милхинъ, сносившійся съ египетскимъ царемъ.

6) Воины были повѣшены на столпахъ и разстрѣляны стрѣлами *21 октября*.

7) Кесарійскій *архіепископъ* Іоаннъ, прибывъ въ Іерусалимъ, похоронилъ тѣла ихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ храмъ св. Стефана, *внѣ Іерусалима*.

8) Память ихъ была написана сначала архіепископомъ Іоанномъ и потомъ изложена въ формѣ μαρτύριον'а Симеономъ, монахомъ, пресвитеромъ и молчальникомъ іерусалимской пещеры Четыредесятницы.

Прежде всего ясно, что это два не собственно іерусалимскихъ преданія, а точнѣе сирійское и кесарійское, на которыя лишь въ нѣкоторой несущественной мѣрѣ могла оказать дѣйствіе іерусалимская легенда. Сирійское преданіе, изложенное въ простой, крайне непритязательной формѣ, еще не носитъ въ себѣ элемента чудесности; характерною особенностью его является благоволительное отношеніе къ имп. Льву Исавріянину. Кесарійское преданіе, въ очень литературно составленной формѣ, уже полно чудеснаго элемента и напротивъ относится къ первому иконоборцу съ чисто византійской точки зрѣнія, то-есть какъ къ нечестивцу, котораго называетъ даже «новымъ Магометомъ». Съ перваго взгляда какъ будто кажется, что это второе заслуживаетъ бо́льшаго довѣрія, нежели первое, — именно какъ исходящее отъ современника событія — архіепископа Іоанна. Но бѣда въ томъ, что пріуроченіе къ опредѣленному времени и къ опредѣленному лицу кажется подозрительнымъ: архіепископа Іоанна въ VIII в. въ Кесаріи Палестинской мы не знаемъ; по Lequien (III, 573), съ VI до XI столѣтія неизвѣстно ни одного изъ кесарійскихъ іерарховъ. Кромѣ того извѣстіе этой редакціи о зависимости Палестины отъ египетскаго (фатимидскаго) халифата въ VIII в. уже прямо ложное, такъ какъ фатимиды утвердились въ Египтѣ только съ начала X вѣка. Уже одна эта черта свидѣтельствуетъ, что кесарійская легенда явилась не ранѣе X вѣка.

Но если станемъ на эту точку зрѣнія, то-есть, что сирійская версія имѣетъ преимущество передъ кесарійскою, мы и существеннѣйшее разногласіе редакцій — въ именахъ мучениковъ — можемъ объяснить просто. Число мучениковъ въ сирійской легендѣ мотивировано лучше и кажется болѣе правильнымъ. Сирійская редакція, знающая поименно только трехъ мучениковъ, производитъ впечатлѣніе хорошее: изъ 60 именъ сохранено три. Напротивъ того, кесарійская редакція, *претендующая на современность*, приводитъ полный списокъ мучениковъ, но списокъ этотъ, вслѣдствіе поздняго появленія редакціи, кажется съ искуственнымъ подборомъ именъ, — только бы было ихъ 63. Совпаденіе имени Іоанна въ обѣихъ редакціяхъ — вещь случайная, такъ какъ кесарійская версія явилась совершенно независимо отъ сирійской; равнымъ образомъ вставлено имя кесарійскаго правителя, для указаннаго времени совершенно фантастическое, и предложено описаніе іерусалимскихъ святынь, которое не такъ трудно было сдѣлать и всякому грамотному палестинцу, особенно паломнику.

Обратимся однако къ детальному обозрѣнію обѣихъ редакцій.

Первая легенда, какъ сказано, была написана на сирійскомъ языкѣ, приблизительно во второй четверти VIII столѣтія, какъ полагаетъ ея издатель, основываясь на словѣ νέων, и вскорѣ съ сирійскаго была переведена на византійскій языкъ по порученію нѣкоего монаха Іоанна[1]). Г. Керамевсъ не нашелъ сего мученія въ сирійскихъ каталогахъ и вслѣдствіе этого допускаетъ, что повѣсть совсѣмъ не сохранилась въ оригинальномъ видѣ. Что касается до инока Іоанна, то болландисты отожествляли его съ Іоанномъ Дамаскинымъ (IX. 358, 362); однако А. И. Пападопуло-Керамевсъ показалъ ошибочность основанія для такого отожествленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ оставилъ открытымъ вопросъ о времени перевода повѣсти. Разсказываемое въ мученіи событіе относится къ 717 году вслѣдствіе современности имп. Льва Исаврянина (воцарился въ мартѣ 717 г.) и Солимана († въ сентябрѣ 717 г.). Изъ 60-ти мучениковъ названо по имени лишь трое: Георгій, Іоаннъ и Іуліанъ, какъ, вѣроятно, наиболѣе извѣстные. Всѣ они были архонтскаго происхожденія, то-есть дѣти архонтовъ, и получили соотвѣтственное ихъ положенію образованіе. Они сдѣлались жертвою арабскаго возстанія по слѣдующему поводу. Солиманъ, сынъ Анактодула (т. е. царскаго раба) Абдулъ-Мелека, предпринялъ походъ на византійскія владѣнія и вздумалъ уже на греческой землѣ произвести смотръ и ученіе войскамъ. Этимъ замедленіемъ воспользовался имп. Левъ, «преподобной памяти», и распорядился изъ ближайшихъ ключей наводнить мѣстность. Пораженный такою неудачею, Солиманъ по совѣту своего сына и адъютанта, евнуха, рѣшился отправить посольство къ императору съ предложеніемъ мира, дабы тотъ избавилъ его отъ безвыходнаго почти положенія посредствомъ водоперегонныхъ машинъ. Левъ согласился и миръ былъ заключенъ въ 717 году на семь лѣтъ, съ условіемъ, «чтобы купцамъ въ обоихъ государствахъ и въ областяхъ сноситься между собою безпрепятственно и невредимо и чтобы желающіе поклониться богошественнымъ мѣстамъ Христа Бога нашего пользовались свободой и безопасностью»[2]). Миръ былъ утвер-

---

1) AA. SS. Boll. окт., VIII. 856—864; IX. 360—362 (по-латыни); Μαρτύριον τῶν ἁγίων ἑξήκοντα νέων μαρτύρων, ἐκδ. ὑπὸ Ἀ. Παπαδοπούλου-Κεραμέως съ русскимъ переводомъ Г. С. Дестуниса въ Правосл. Палест. Сборникѣ XXXIV (по cod. Coislin. № 303, X в., f. 177—181; копія съ него XVIII в. въ Брюсселѣ: Omont. Cat. des mss. grecs de la bibl. de Bruxelles. Gand. 1885 p. 37).

2) ὅπως συναναστραφῶσιν οἱ ἔμποροι ταῖς ἀμφοτέρων ἐξουσίαις τε καὶ ἐπαρχίαις

жденъ договорами и клятвами; закипѣла торговля, потянулись толпы паломниковъ въ Іерусалимъ. На седьмомъ году мира, то-есть въ 723 году, 70 архонтовъ снарядились въ путь для поклоненія Св. Граду. «Они выступили на колесницахъ, везомыхъ конями, разнообразно вооруженные, въ настоящемъ сопровожденіи юныхъ тѣлохранителей, съ нагруженными лошаками и множествомъ денегъ, и безъ вреда совершивъ путь, прибыли въ Іерусалимъ». Здѣсь они обошли монастыри, сдѣлали разныя пожертвованія, снабдили неимущихъ продовольствіемъ, совершили агапы и рѣшились вернуться на родину. Уже дошли они до источника Колоніи (Κολώνεια, въ 3 миляхъ отъ Іерусалима), какъ были схвачены нагнавшими ихъ арабами въ виду того, что истекъ семилѣтній срокъ мира. Греки были приведены въ Іерусалимъ и заточены и съ нихъ потребовали уплаты налога. Кесарійскій и вообще Палестинскій намѣстникъ, которому было дано знать объ этомъ, приказалъ прислать къ себѣ плѣнниковъ. Архонты были посажены въ тюрьму и экзархъ, увѣдомивъ протосимвула, получилъ отъ него указъ слѣдующаго содержанія: «предложь имъ отступиться отъ вѣры христіанской; если послушаются, то и оружіе и коней велимъ взять, дозволивъ имъ владѣть имуществомъ, состоящимъ изъ юношей, лошаковъ и пожитковъ; если же ослушаются и пребудутъ въ своей вѣрѣ, то истязать ихъ и истребить и наконецъ распять повелѣваемъ». Архонтамъ былъ прочитанъ приказъ, но они отказались отъ принятія мусульманства. Ихъ уже готовились подвергнуть пыткамъ, но они упросили возвратить ихъ въ Іерусалимъ, гдѣ и просили принять кончину передъ башнею Давида. Они отдали экзарху все свое имущество за исключеніемъ 15 номисмъ, оставленныхъ ими одному кесарійскому гражданину Іоанну для покупки мѣста въ Іерусалимѣ для ихъ могилы. Дорогою изъ Кесаріи въ Іерусалимъ трое умерли, семеро устрашились предстоящихъ мукъ, захворали дисентеріей (δυσεντερία) и умерли, а 60 остальныхъ 21 октября 724 года были распяты и пронжены арабскими стрѣлами. По смерти ихъ Іоаннъ прибылъ изъ Кесаріи въ Іерусалимъ и купилъ мѣсто въ Эксопилахъ близъ храма св. Стефана, испросивъ позволеніе снести сюда тѣла 60 мучениковъ. — «Въ византійскихъ и арабскихъ историкахъ, говоритъ г. Керамевсъ, мы дѣйствительно не встрѣчаемъ точнаго изложенія событій, разсказан-

---

ἀνενόχλητοι καὶ ἀπερίσπαστοι, καὶ οἱ βουλόμενοι προσκυνῆσαι τοὺς θεοστιβεῖς Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν τόπους ἀνεπηρέαστοι καὶ ἀλώβητοι ἔσονται.

ныхъ въ сей повѣсти и въ особенности о заключеніи 7-лѣтняго перемирія. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ, разсказъ историковъ согласенъ съ разсказомъ повѣсти. Исторически вѣрны войны Солимана противъ Византійцевъ, приведшія арабскія войска къ стѣнамъ Византіи. Что именно въ концѣ жизни Солимана, арабское войско потерпѣло, вслѣдствіе хитрости Льва Исавряпина, пораженіе и принуждено было отступить обратно въ Сирію, тоже находимъ у историковъ. Наконецъ, хотя положительнаго извѣстія о 7-лѣтнемъ перемиріи нѣтъ у историковъ, но по май 725—726 г. не встрѣчаемъ указаній на походы арабовъ противъ Византійцевъ и только въ этомъ послѣднемъ году находимъ извѣстіе о нападеніи арабскаго войска на Византійскую имперію. Сопоставляя вмѣстѣ всѣ эти данныя, мы съ большимъ вѣроятіемъ время мученичества 60 мучениковъ можемъ отнести къ концу 724 или началу 725 года».

А вотъ болѣе обширная, кесарійская редакція.

Во время нечестиваго царя Льва Исавріянина жили знатные воины, числомъ до семидесяти[1]); но въ каждомъ десяткѣ оказался одинъ отступникъ, такъ что дѣйствительныхъ мучениковъ было 63 человѣка. Они были уроженцами Иконія, отличались знаменитостью рода и богатствомъ, достигли многихъ и величайшихъ государственныхъ почестей. Они горѣли желаніемъ поклониться святымъ мѣстамъ въ Іерусалимѣ, но не рѣшались на это изъ боязни, чтобы не было препятствія со стороны ихъ родителей и чтобы не было подозрѣнія, что они указываютъ измаильтянамъ дорогу въ византійскія владѣнія (§ 2).—Первый мотивъ агіографа кажется мало основательнымъ: родители мучениковъ были людьми благочестивыми, почитавшими Христа, и едва ли бы они воспретили своимъ дѣтямъ паломническую поѣздку. Гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія второй мотивъ—подозрѣніе правительства.—«Сей нечестивѣйшій царь восточныхъ странъ, двинулъ не малое войско и собравъ всѣхъ своихъ подданныхъ, поднимаетъ войну противъ христолюбиваго царя Ѳеодосія (III, 716 — 717). Послѣдній, не пожелавъ завязывать войны и сражаться съ единоплеменниками, спокойно сложилъ съ себя бремя власти и предоставилъ ему царство. Левъ, этотъ тираннъ, вторгся въ царскій дворецъ; съ видомъ лисицы и въ личинѣ лицедѣевъ

---

1) Ἡ τῶν μακαρίων ἀνδρῶν πολιτεία (Прав. Палест. Сборн. изд. Пападопуло-Керамевса, вып. LVII, т. XIX. 3) стр. 136—163, съ русскимъ пер. В. В. Латышева, стр. 153—183.

онъ изъ стыда предъ патр. Германомъ притворился благочестивымъ; но по прошествіи десяти лѣтъ царствованія этотъ новый Моамеѳъ посягнулъ быть ересеначальникомъ; собравъ единомышленный съ нимъ народъ, онъ сказалъ: «поелику изображеніе иконъ есть искусство идольское, не должно вовсе поклоняться имъ и чтить ихъ». Не смотря на увѣщанія Германа, Левъ не только не исправился, но пославъ вооруженныхъ мечами сатраповъ, свелъ съ патріаршаго престола и изгналъ невиннаго Германа, это свѣтило вѣры, и поставилъ вмѣсто него своего единомышленника Анастасія (§ 3).

Между тѣмъ 70 воиновъ, воспользовавшись удобнымъ временемъ, отправились въ Іерусалимъ, путешествуя богато и въ сопровожденіи немалаго числа копьеносцевъ, везя много золота и серебра частью для украшенія храмовъ въ Іерусалимѣ, частью для нуждъ подвизающихся здѣсь иноковъ. Они поклонились Гробу Господню, Краніеву мѣсту (Голгоѳѣ), прибыли на Сіонъ, «матерь всѣхъ церквей», и видѣли мѣсто Успенія Богородицы, посѣтили и горницу, гдѣ Христосъ совершилъ съ учениками Тайную вечерю (§ 4). Отсюда они ходили въ Виѳлеемъ и видѣли небопространную пещеру, гдѣ поклонились мѣсту, гдѣ Господь лежалъ въ ясляхъ, былъ повитъ и держалъ въ устахъ грудь; далѣе они прибыли ко гробу Богоматери, къ купели Силоамской съ Овчею, гдѣ родилась Богоматерь, поднялись на Елеонскую гору и осматривали Виѳанію съ гробомъ Лазаря; посѣтили и остальные Іерусалимскіе монастыри до Іордана, водою котораго они обмыли свое тѣло, зачерпнувъ воды своими руками. Обошли они и монаховъ въ пустынѣ и всѣхъ одарили богатою милостынею (§ 5).

Изъ Іерусалима воины отправились въ Новый Римъ, Константинополь, и условились между собою, что если въ Византіи возстановилось иконопочитаніе, они ограничатъ свою поѣздку византійскою столицею и вернутся на родину, въ противномъ случаѣ они намѣревались посѣтить ветхій Римъ, но они не знали, что путешествіе ихъ будетъ сопряжено со славными подвигами (§ 6). Іерусалимскіе арабы дорогою схватили воиновъ и стали допрашивать ихъ, откуда они, изъ какой страны и по какой причинѣ пришли въ Іерусалимъ. Получивъ чистосердечный отвѣтъ, они привели ихъ къ начальнику Кесаріи Палестинской. Послѣдній лишилъ ихъ золота, денегъ, коней и муловъ и заключилъ въ Кесарійскую общественную тюрьму, затѣмъ послалъ къ правителю Египтянъ слѣдующее письмо: «Арабское войско въ Кесаріи Палестинской захватило христіанъ, уроженцевъ Ромейской

земли, числомъ 70, и привело ихъ ко мнѣ; не соглядатаи ли они земли нашей, только прикрывшiеся паломничествомъ? Золото, коней и муловъ ихъ я отобралъ и храню у себя, а ихъ посадилъ въ Кесарiйскую тюрьму, въ ожиданiи распоряженiя твоей самодержавной власти» (§ 7). Египетскiй правитель, жадный до денегъ, отправилъ арабскому начальнику отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что деньги пока держать, плѣнниковъ надо склонить къ мусульманству, а въ случаѣ упорства казнить (§ 8). Польщенный любезностями письма, кесарiйскiй тиранъ по имени Соломонъ Милхинъ на другой же день назначилъ судъ надъ узниками. Узники были приведены къ возвышенному трибуналу, окруженному людьми съ мечами, на которомъ сидѣлъ арабъ Соломонъ (§ 9). Послѣднiй приступилъ къ убѣжденiю христiанъ, доказывая преимущества ислама предъ христiанствомъ; попутно были брошены въ лицо узникамъ обидныя слова: «не надѣйтесь, что вамъ поможетъ въ чемъ-нибудь греческiй начальникъ, или освободитъ изъ нашихъ рукъ тотъ, кто хитрѣйшими обѣщанiями убѣдилъ васъ принять на себя это соглядатайство»; мы не столь трусливы и слабодушны, какъ народъ греческiй, чтобы бояться движенiя листьевъ, и тѣней призраковъ; «когда боялись египтяне людей изъ земли греческой»? «гдѣ и нынѣ вынесетъ ромейское око египетскаго оплита? и часто, если увидитъ, подражаетъ трусливымъ прыжкамъ рабскихъ оленей и зайцевъ» (§ 10). Отъ лица 70 отвѣтчиками явились: Ѳеодулъ, Евсевiй и Давидъ.—Слѣдуетъ сознаться, что Соломонъ былъ вѣротерпимѣе грековъ; онъ и по отношенiю ко Христу не позволялъ себѣ такихъ выходокъ, какiе позволили греки въ отношенiи Магомета:—съ мѣста въ карьеръ они назвали его богоненавистнымъ, сквернымъ, дающимъ противные законы, возстающимъ противъ Бога, вводящимъ странное пустословiе, вздорныя басни безумiя и величайшiя оскорбленiя, оскорбившимъ Бога и природу открытiемъ всѣхъ входовъ для наслажденiй, эпилептикомъ, дозволившимъ имѣть сразу четырехъ законныхъ женъ и 2,000 наложницъ (§ 11). Не удивительно, что Соломонъ долго послѣ этого молчалъ съ налитыми кровью глазами. Въ краткихъ словахъ онъ сказалъ, что пришло повелѣнiе властителя (πρόσταγμα γὰρ τοῦ κρατοῦντος καταπεφοίτηκε θεσπίζον) подвергнуть васъ мукамъ, истерзать вашу плоть до самыхъ внутренностей и переломать кости въ случаѣ вашего упорства (§ 12). Устрашенные такими словами, семь воиновъ отдѣлились отъ узниковъ, измѣнивъ христiанской вѣрѣ, и приняли исламъ. Мученики плакали о погибели семи, а Соломонъ ликовалъ, полагая, что

со временемъ и остальные откажутся отъ Христа (§ 13). Семь ренегатовъ были поражены божественнымъ ударомъ и лежали мертвыми. Соломонъ старался скрыть ихъ смерть отъ мучениковъ, но они узнали о томъ и одушевились къ подвигу (§ 16). Встрѣтивъ рѣшительный отпоръ со стороны 63-хъ, Соломонъ велѣлъ бить ихъ камнями; всѣ кости мучениковъ и связи мозговъ были сокрушены (§ 17). Ангелъ небесный исцѣлилъ мучениковъ и укрѣпилъ ихъ. Видя ихъ здоровыми, Соломонъ назвалъ ихъ обманщиками и кудесниками и заключилъ въ тюрьму для новыхъ пытокъ. Черезъ пять дней онъ снова вытребовалъ ихъ предъ судилище и снова лестью пытался склонить ихъ (§ 19); но получивъ рѣшительный отказъ, велѣлъ распять ихъ на столпахъ и разстрѣлять стрѣлами изъ луковъ (§ 20). Когда святые сотворили молитву, палачи стали поражать другъ друга, а святые совершенно освободились и сдѣлались здравыми. Соломонъ, измѣнившись въ лицѣ, сталъ какъ бы мертвымъ; но мученики возстановили его здоровымъ. Тогда Соломонъ велѣлъ ихъ рубить (§ 22) и снова заключить въ тюрьму. Когда они заснули, волею Божіею стали свѣтлы видомъ, не нося на тѣлѣ никакого слѣда истязаній. Когда они распѣвали псалмы и веселились, сторожъ тюремный донесъ объ этомъ Соломону (§ 23). Послѣдній велѣлъ тянуть ихъ по желѣзнымъ трезубцамъ, а сверху бить ихъ дубинами, чтобы глубже произить тѣла ихъ, а также лить въ раны ихъ уксусъ (§ 24). Во время молитвы святыхъ раздался громъ и послѣдовало страшное землетрясеніе. Соломонъ вскочилъ съ тропа и устрашился шума. Голосъ съ неба утвердилъ мучениковъ: «не бойтесь, ибо я съ вами». Воины стояли опять здоровыми, какъ прежде. Святые опять были распяты на столпахъ (§ 26).—Въ послѣдней молитвѣ ко Господу (§ 27) любопытно ихъ моленіе въ слѣдующихъ словахъ: «даруй и всѣмъ, призывающимъ и совершающимъ память нашу, чтобы ничто скверное и нечистое не вошло въ домъ ихъ; но благослови и исполни на нихъ милости Твои и неизреченное богатство славы Твоей...» — Это характерная черта мученичествъ святыхъ палестинскихъ и восточныхъ. Напр. муч. Модестъ, архіеп. Іерусалимскій, также молилъ: «кто призоветъ имя мое и память меня смиреннаго будетъ совершать, будь помощникомъ таковому и не оставь его, но наполни благъ Твоихъ и даруй ему богатыя милости Твои»[1]); или Николай

1) Ἄθλησις τοῦ ἁγίου Μοδέστου, ἐκδ. ὑπὸ Χρ. Λοπαρέβου (Пам. Др. Письм. 1892) XCI, 52—53.

Мирликійскій говорилъ: «сице кто и мене в помощь призоветъ к себѣ, покори ему, Господи, вся супостаты его; аще кто напишетъ слово моего житія или кто напишетъ образъ моего подобія, уподоби ихъ, Господи, въ православней вѣрѣ христіанстей». — Во время молитвы мучениковъ Господь явился имъ съ ангелами и сказалъ «Радуйтесь, истинные слуги и други мои». Соломонъ велѣлъ пронзить ихъ копьями (§ 28). Мученики скончались 21 октября. Имена всѣхъ 63-хъ приведены агіографомъ: Евсевій, Θеодулъ, Давидъ, Пигасій, Неофитъ, Акакій, Дороθей, Стефанъ, Дометій, Германъ, Діонисій, Епифаній, Стратоникъ, Леонтій, Мануилъ, Θеофилъ, Илія, Іоаннъ, Самуилъ, Евлампій, Алексій, Фотій, Евтропій, Меθодій, Харитонъ, Θеофилактъ, Анастасій, Андроникъ, Симеонъ, Θеоктистъ, Романъ, Павелъ, Агаθоникъ, Мина, Аθанасій, Іаковъ, Никифоръ, Порфирій, Тимоθей, Иринархъ, Авксентій, Іосифъ, Григорій, Каллиникъ, Ааронъ, Киріакъ, Θеодосій, Евстаθій, Исаакій, Александръ, Елевθерій, Адріанъ, Христофоръ, Антіохъ, Исидоръ, Парθеній, Сергій, Евилъ, Игнатій, Θеофанъ, Кириллъ, Захарія и Аθимъ (§ 29). Арабы сбросили тѣла ихъ на землю, гдѣ они долгое время лежали, не только не подвергаясь порчѣ, но напротивъ испуская благоуханіе. Вскорѣ святые явились предстоятелю церкви въ Кесаріи Палестинской архіепископу Іоанну, «сохранившему чрезъ скорописцевъ и память объ ихъ подвижничествѣ; ему повелѣваютъ они взять оттуда божественныя тѣла свои и положить въ томъ указанномъ мѣстѣ, на которомъ воздвигнутъ храмъ во имя первомученика Стефана, внѣ Іерусалима» (§ 30). Іоаннъ исполнилъ все, что было ему во снѣ, и съ тѣхъ поръ святые даруютъ милости страждущимъ (§ 31).

Знаменитѣйшая Саввина лавра (въ 12 миляхъ отъ Іерусалима и въ 8 миляхъ отъ Виθлеема, при потокѣ Кидронѣ)[1]), въ которой подвизалось такъ много святыхъ иноковъ въ VIII и IX столѣтіяхъ, сверхъ ожиданія, оставила намъ мало агіографическихъ памятниковъ. Одно похвальное мученичество и одно житіе, написанныя въ началѣ IX в., — вотъ и вся литературная лаврская производительность за указанные два вѣка. Но если бы нашлось и десять житій саввинскихъ святыхъ, мы нисколько не удивились бы количеству, напротивъ испытывали бы одно удовольствіе...

---

1) Ср. A. Ehrhard. Das griechische Kloster Mar-Saba in Palaestina (Römische Quartalschrift, Rom 1893, I и II).

Прежде всего мы имѣемъ мученичество [1]. Агіографъ по скромности не назвалъ своего имени, и только изъ другого современнаго памятника мы знаемъ, что составителемъ Ἐξήγησις ἤτοι μαρτύριον'а былъ современникъ, саввантъ Стефанъ. Объ этомъ саввантъ Леонтій въ ниже разсматриваемомъ житіи св. Стефана говоритъ слѣдующимъ образомъ: саввантъ Θеоктистъ «очистился мученическимъ крещеніемъ, не причастнымъ къ вторичной нечистотѣ: онъ принадлежитъ къ числу отцовъ, убитыхъ варварами въ великой лаврѣ святого отца нашего Саввы, повѣствованіе о которыхъ написалъ добродѣтельный авва Стефанъ, украшеніе нашей лавры» (§ 177). Что агіографъ былъ современникомъ событія 796 г., явствуетъ изъ слѣдующихъ его словъ: «я былъ очевидцемъ и зрителемъ избіенія иноковъ, будучи хотя и недостойнымъ, но однимъ изъ жителей сей смиренной лавры, находившихся во время самаго губительнаго нашествія и нападенія» (§ 2). Агіографъ со всевозможною послѣдовательностью и точностью передалъ разсказъ о сарацинскомъ нашествіи, такъ что заслуживаетъ полнаго вниманія и довѣрія.

Онъ называетъ свой трудъ ὑπόμνημα καὶ διήγημα σύντομον (§ 2), но на самомъ дѣлѣ это обширный разсказъ о мученичествѣ. Языкъ его простъ и чуждъ всякой риторики (да и не время было, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія, заниматься хитросплетеніемъ словесъ); изрѣдка отзывается какъ будто провинціализмами: ξηρόκηπος § 43, κρυπτῆρας τῆς ἐκκλησίας § 49, ὀργωδῶς § 73 и пр.

Сначала агіографъ заявляетъ о своей грѣховности и необразованности (τῆς ἐν λόγοις παιδεύσεως ἄμοιρος, § 1), потомъ говоритъ, что онъ писалъ свой трудъ по порученію лаврскаго игумена Василія, боясь грѣха ослушанія (§ 2). Въ 6288 г. отъ сотворенія міра и въ 788 г. отъ Рождества Христова, индикта 5, при Іерусалимскомъ патріархѣ Иліи и при нашемъ игуменѣ Василіи, въ странѣ Палестинской возгорѣлась великая война сарацинскихъ племенъ (§ 3).—Палестинскій счетъ времени (пространство между міровымъ годомъ и годомъ Христовымъ въ 5492 года), если угодно, былъ простъ: требовалось только изъ мірового года вычесть 5492 и получался дѣйствительный, нынѣ принятый, годъ событія. Но такъ какъ онъ отставалъ отъ

---

1) Ἄξιόν ἐστι τοὺς μηδεπῶς (AA. SS. Boll., мартъ, III, 2—14, въ концѣ, ср. р. 166—179, и въ «Правосл. Палест. Сборникѣ», 1907, LVII, 1—41; рец. въ «Сообщеніяхъ Имп. Пр. Палест. Общ.», 1908, XIX, 184—186).

византійскаго счисленія на 16 лѣтъ, то чтобы найти дѣйствительный годъ Христовъ, надобно къ Іерусалимскому году Христову прибавлять 8; такимъ образомъ 6288—5492=796; 788+8=796. Индиктъ 5 говоритъ, собственно говоря, о 797 годѣ, это и понятно, ибо іерусалимскій годъ начинался съ 13 марта: событія до 13 марта 796 г. считались совершившимися въ 796-мъ, а послѣ 13 марта—въ 797 году.

Разставивъ лагери на двѣ стороны, какія сарацины произвели буйства и неподобства, грабежи, сколько пролили крови, сколько убили людей, сколькихъ предали огню, обративъ окрестность въ пустыню,— я не въ силахъ сказать. Они обезлюдили разные многонаселенные города: Елевѳерополь сдѣлали необитаемымъ, разрушивъ его весь, страшно разорили Аскалонъ, Газу, Сареѳею и другіе города (§ 4). Грабили и обогащались. Оставшіеся въ живыхъ забирали свое имущество и бѣжали въ населенные города (§ 5). Прочіе жители городовъ и въ особенности Іерусалима копали около города ямы, строили стѣны, денно и нощно держали стражу, предвидя неожиданное нашествіе враговъ, объятые страхомъ и выдерживая страшное разрушеніе. Сарацины угрожали двинуться уже на Святый Градъ, разрушить его и поставить здѣсь свой лагерь (φώσατον); но божественная нѣкая сила, явившаяся обезсиленнымъ защитникамъ на помощь, побѣдила ихъ неожиданно и отвратила ихъ отъ святынь Іерусалима (§ 6). Опустошена была «Старая лавра» (ἡ λαύρα ἡ παλαιά) св. Харитона и ея окрестности, при чемъ для иноковъ ея ровно ничего не осталось, и сами они испытали муки и страданія. Арабы грозили нашествіемъ и на Саввину лавру (§ 7); но ей покровительствовалъ Господь (§ 8). Жившіе въ великомъ лагерѣ (φώσατον) знатные и первенствующіе изъ сарацинъ не переставали побуждать на насъ народъ, готовые вести его на насъ. Однажды они вознамѣрились двинуться на нашу лавру (какъ потомъ нѣкоторые изъ нихъ говорили) и не только разграбить, но и совершенно разрушить ее; но божественный судъ, намъ невѣдующимъ, помѣшалъ имъ, направивъ на нихъ ихъ противниковъ. Воины, охранявшіе св. Градъ, видя ихъ движеніе и думая, что они рѣшились войти въ городъ, встрѣтились съ ними въ окрестностяхъ Виѳлеема и въ происшедшей битвѣ убили многихъ изъ нихъ и изъ тѣхъ, которые бѣжали въ пустыню (§ 9). Тогда варвары рѣшились идти на нашу лавру; но Господь, ея покровитель, помѣшалъ имъ въ этомъ: дорогою они нашли сосуды съ виномъ, перепились, пере-

дрались и отложили нашествіе (§ 10). Но они все-таки перехватывали провизію, шедшую въ лавру изъ Іерусалима. Въ такомъ положеніи мы находились подъ постояннымъ страхомъ нападенія (§ 11). Часто множество сарацинъ изъ Аравіи или откуда индѣ проходило мимо насъ великимъ лагеремъ; отцы трепетали и разбѣгались по своимъ келліямъ; но Богъ молитвами св. Саввы отвращалъ ихъ путь и они уходили (§ 12). Среди этого прошло много времени (χρόνου πολλοῦ διιππεύσαντος). Никто изъ отцовъ не уходилъ изъ лавры, хотя бы и могъ это сдѣлать, удалившись въ города (§ 13). Иноки ободряли себя увѣщаніями не покидать обители, защитникомъ которой является самъ Господь; «жизнь наша, говорили они,—Христосъ, смерть—намъ польза» (§§ 14—15). Другое соображеніе у иноковъ было — любовь къ обители: они знали, что съ уходомъ ихъ лавра будетъ уничтожена (§ 16). А лавра — великая и спасительная обитель, въ которой такъ много нашло себѣ спасеніе! (§ 17). О, могучее, высокое, облеченное и богомудрое помышленіе! о, благочестивый, боголюбивый и христомудрый помыслъ! какъ я васъ достойно воспою, отцы всеблаженные, и избіенные ради Христа, и живущіе еще въ тѣлѣ, но мыслію пострадавшіе? (§ 18).

Діаволъ побудилъ варваровъ въ количествѣ болѣе 60 человѣкъ, вооруженныхъ луками (§ 20). Въ четыредесятницу 13 марта во второмъ часу послѣ восхода солнца они приблизились къ нашей лаврѣ (§ 21). Зачѣмъ вы на насъ? какъ бы говоритъ агіографъ. Мы—люди мирные; мы не только не вредимъ вамъ,—мы вамъ оказывали благодѣянія по силамъ: мы приходящихъ изъ васъ принимали, кормили и покоили (§ 22). На это сарацины отвѣтили: мы явились не ради хлѣба, а ради денегъ; или деньги, или смерть отъ стрѣлъ! Наши сказали: у насъ и хлѣба-то теперь нѣтъ, а деньги и во снѣ намъ не снились. Варвары начали стрѣлять и не раньше перестали, какъ опустѣли ихъ колчаны. Было ранено 30 отцовъ, одни смертельно, другіе наружно (§ 23). Они вошли въ келліи, разбили камнями двери и грабили содержимое внутри. Мы убирали раненыхъ и стонущихъ въ особыя келліи и вынимали изъ нихъ стрѣлы: изъ груди, изъ спины, изъ лица; другіе были ранены камнями въ голову, съ окровавленными лицами. За ними ухаживалъ прекрасный врачъ, благочестивѣйшій авва Ѳома, который потомъ былъ игуменомъ Старой лавры (Харитоновой, § 24). Келліи были подожжены и запылали огнемъ. Видя пламя и дымъ, подымающійся къ верху, мы испытывали пожаръ въ сердцѣ;

но замѣтивъ намѣреніе ихъ поджечь и самую церковь, мы только молили Бога и св. Савву о помилованіи святого мѣста (§ 25). Богъ сжалился надъ нами. Когда около лавры показалось нѣсколько человѣкъ, варвары, думая, что идетъ помощь, забравъ награбленное, быстро покинули обитель. Мы неподвижно сидѣли, боясь ежеминутно новаго ихъ появленія (§ 26). И весь слѣдующій день до глубокаго вечера мы сидѣли въ одномъ мѣстѣ въ страхѣ, и всю недѣлю проводили также. Мы молились о томъ, чтобы и жить и умереть намъ вмѣстѣ (§ 27).

Въ концѣ недѣли поздно въ субботу, около второго часа ночи, когда мы совершали обычное бдѣніе, явились два монаха изъ Старой лавры, запыхавшихъ и облитыхъ потомъ, съ донесеніемъ, что варвары, собравшись теперь въ громадномъ множествѣ, снова собираются идти на Саввину лавру и явятся въ эту ночь для ея опустошенія; «что можете сдѣлать, говорили они, — дѣлайте» (§ 28). Пораженные этимъ извѣстіемъ какъ громомъ, мы лишились силъ и прекратили службу въ церкви. Большинство изъ насъ заняло обычный холмъ и здѣсь до утра провели ночь, коченѣя отъ холода; мы всѣ обратились въ слухъ и зрѣніе (§ 29). Когда мы находились въ такомъ положеніи, вдругъ являются къ намъ двое — старый, посѣдѣлый монахъ и другой, какъ бы его путеводитель. Онъ говорилъ неяснымъ голосомъ и держалъ въ рукахъ письмо. Раскрывъ его и при свѣтѣ луны прочтя записку, мы узнали, что оно прислано отъ отцовъ монастыря св. Евѳимія и было слѣдующаго содержанія: «отцы! мы желаемъ, чтобы вы знали, что намъ стало извѣстно отъ людей, хорошо знающихъ, что собраніе лукавнующихъ, собравшееся изъ сѣверныхъ частей св. Града для причиненія зла, собирается въ эту ночь напасть на васъ и лавру разграбить и обратить въ пустыню: но защищайте сами себя. Помолитесь за насъ» (§ 30). Савваиты прежде всего поняли, что это другое предувѣдомленіе, отличное отъ вѣсти палео-лавритовъ. Не видя отъ людей помощи, мы воздѣли руки и глаза къ небу и со слезами молили Бога объ отвращеніи погибели (§ 31). Въ молитвѣ отцовъ не достаетъ одного листа въ рукописи... и далѣе слѣдуетъ разсказъ уже объ избіеніи иноковъ: варвары поражали тѣмъ, что у кого было въ рукахъ: мечомъ, дубиною, палкою, или стрѣлою; другіе, поднявъ камни, сверху бросали ихъ обѣими руками на головы отцовъ (§ 32). Увы мнѣ! восклицаетъ агіографъ; какъ пройти безъ слезъ воспоминаніе о

страшномъ и жалкомъ ономъ часѣ? какъ передать то, что видѣли глаза наши? я не могъ бы сдѣлать этого, если бы у меня было и десять языковъ и столько же устъ. Безчеловѣчные варвары нещадно разбивали и рубили топорами тѣла отцовъ; однихъ они поражали мечами въ спину, другихъ камнями по головѣ, третьимъ разбивали голени, четвертымъ лица, — и всѣ они были въ крови. Какъ волки опустошаютъ стадо овецъ, такъ сарацины напали на стадо Христово (§ 33). Они бросились въ церковь; иноки бѣжали куда попало: въ келліи, въ пропасти и ущелія горъ, гдѣ немногимъ удалось совсѣмъ скрыться. Игуменіарха, то есть назначеннаго для пріема странниковъ въ игуменіи[1]), именемъ Іоанна, благочестиваго и кроткаго, молодого инока, они поразили тысячами ударовъ и камнями забили до полусмерти, затѣмъ схватили его за ноги и потянули въ храмъ и въ преддверіи его бросили; тутъ святой и испустилъ духъ (§ 34). Разогнавъ отцовъ, они слѣдили, не вернется ли кто снова въ келліи. Нѣкій дамаскинецъ Сергій, видя отцовъ, раненыхъ варварами, и зная сокрытые церковные сосуды, изъ боязни ихъ выдачи, убѣжалъ изъ лавры (§ 35). Однако онъ былъ схваченъ сарацинскою стражею уже вдали отъ лавры и былъ снова приведенъ въ обитель. На требованіе показать монастырскія цѣнности онъ отказался; избитый, онъ мужественно отказывался отъ выдачи сокровищъ; ему грозили обезглавленіемъ, — онъ покорно склонялъ голову. — Объ этомъ, замѣчаетъ Стефанъ, передалъ одинъ изъ братіи, находившійся тамъ и вернувшійся (§ 36). Одинъ изъ варваровъ выхватилъ мечъ у своего пріятеля и три раза ударилъ блаженнаго по шеѣ. Такимъ образомъ Сергій, забросанный камнями, первый изъ отцовъ былъ повитъ вѣнцемъ мученичества. Прахъ и мощи его, по уходѣ враговъ, избитые и окровавленные, мы положили въ святыхъ ракахъ (§ 37). Затѣмъ сарацины послали стражу къ востоку отъ потока для поимки другихъ скрывшихся иноковъ, — и никто изъ нихъ не избѣгъ злой участи (§ 38). Именно стража нашла пять иноковъ въ очень тѣсной пещерѣ, изъ которыхъ одинъ былъ достопамятный Патрикій, родомъ Адренецъ (’Αδραινός)[2]). Выходя изъ пещеры, онъ шепнулъ своимъ: дерзайте,

---

1) τὸν οὖν ἡγουμενιάρχην ἤτοι τὸν εἰς ὑποδοχὴν τεταγμένον τῶν εἰς τὸ ἡγουμένιον καταλυόντων ξένων.

2) Адра—епископскій городъ каменистой Аравіи.

возлюбленные и единодушные братья, я за васъ принимаю нынѣ смерть, я добровольно отдаю себя въ руки враговъ за ваше спасеніе, а вы молчите и изъ пещеры низачто не выходите (§ 39). — Ну, сказалъ онъ стражѣ, ведите меня куда велѣно. — А ты въ свою очередь выведи сюда изъ пещеры своихъ. Однако Патрикій убѣдилъ варваровъ, что онъ былъ одинъ въ пещерѣ. Отправились. Патрикій шелъ въ церковь впереди варвара. На немъ оправдалось изреченіе Господа о совершенной любви полагающаго душу свою за друзей (§ 40). Варвары, собравъ отцовъ, потребовали отъ нихъ 4,000 номисмъ, иначе грозили имъ отсѣченіемъ головы и сожженіемъ храма. Отцы просили о пощадѣ, о непроливаніи ихъ невинной крови, и заявляли, что у нихъ денегъ нѣтъ, предлагая имъ свои одежды (§ 42). Тогда сарацины крикнули, чтобы появились съ мечами эѳіопы, которыхъ было много между ними, и закололи монаховъ. Эѳіопы явились, схватили эконома и поставили къ стѣнѣ съ распростертыми крестообразно руками. Они намѣревались застрѣлить его стрѣлами, если иноки не принесутъ имъ денегъ и драгоцѣнныхъ церковныхъ сосудовъ; но отцы увѣряли, что ни денегъ, ни драгоцѣнностей у нихъ нѣтъ (§ 43). Варвары требовали показать имъ хранителей монастырской казны, но отцы отвѣтили, что ничего изъ искомаго ими у нихъ не имѣется; если же вы ищете нашего игумена, то знайте, что его здѣсь нѣтъ, онъ ушелъ изъ лавры ради нѣкоей монастырской нужды; а всѣ по мы здѣсь одинаковы и равночестны. Ихъ вывели изъ игуменіи, потомъ ввели въ церковь (§ 44). Здѣсь опять не достаетъ листа въ рукописи... и умертвили одного (§ 45). Варвары почему-то подумали, что сокровища находятся у врача аввы Ѳомы, какъ виднаго лицемъ, нынѣшняго игумена Старой лавры (Харитоновой), и требовали показать его. Хотя онъ и былъ среди братіи, однако они не выдали его ни рукою, ни словомъ, ни жестомъ. Ничего не добившись, они ввели всѣхъ иноковъ внутрь пещеры (§ 46).

Церковь Саввиной лавры, по описанію Стефана, есть обширная пещера, свыше получившая положеніе, какъ бы типъ церкви, и поэтому получившая такое названіе. Она имѣетъ къ востоку какъ бы раковину, въ сѣверной части есть спускъ и скрытое внутри отверстіе, часть котораго отдѣливъ, прежніе отцы устроили діаконикъ. Внутри діаконика помѣщается кимиліархія или скевофилакія, а еще внутреннѣе — глубокая разсѣлина — какъ бы нѣкая улица — темный и узкій, раковинообразно, путь, ведущая въ игуменію какъ бы нѣкоторыми тайни-

ками, чрезъ которую блаженный отецъ нашъ Савва спускался въ церковь, какъ изложено въ его житіи (Кирилла Скиѳопольскаго). Послѣ этого слѣдующіе игумены перегородили сверху этотъ переходъ и эта разсѣлина осталась безъ выхода и безъ прохода, такъ что тамошнее заключеніе и безъ дыма есть пытка (§ 47). Безбожные силою заключили отцовъ въ этомъ отверстіи и развели костеръ. Спустя много времени они закричали заключеннымъ: «выходите, монахи, выходите» (а это значило — переходить черезъ пламя). Отцы шли и опалили себѣ ноги и волосы на головѣ, бородѣ и бровяхъ; выходя и задыхаясь, они падали на полъ, ища чистаго воздуха (§ 48). Варвары опять приставали къ нимъ съ требованіемъ указать главныхъ начальниковъ обители и монастырскія сокровища, иначе грозили смертію. Однако отцы не выдали ни тѣхъ, ни другихъ (§ 49). Тогда ихъ заставили снова вернуться въ пещеру (§ 50). Когда послѣдняя наполнилась дымомъ, многіе изъ братіи задохлись. Варвары кричали, чтобы они выходили, но иноки были уже безъ сознанія. Кто былъ въ состояніи, стремился къ чистому воздуху и почти всѣ они въ количествѣ 18 человѣкъ скончались. Еле живыхъ мучили и били. Разсѣявшись по келліямъ и разбивъ камнями двери ихъ, они грабили въ келліяхъ, въ игуменіи и въ церкви все, что только можно было взять. Затѣмъ они ушли (§ 51).

По уходѣ враговъ началось оказаніе помощи раненымъ и извлеченіе отцовъ изъ полной дыма пещеры (§ 52). Слѣдуетъ искреннее соболѣзнованіе агіографа (§ 53). Извлеченныхъ положили въ преддверіи (αὐλῇ) церкви и къ нимъ присоединили авву Сергія, 19-го изъ блаженныхъ (§ 54)[1]. Всѣхъ ихъ положили въ одной ракѣ (§ 55). Скончавшіеся отцы по справедливости должны быть названы мучениками (§ 56). Агіографъ говоритъ даже, что убиваемые за храненіе Христовыхъ заповѣдей выше убиваемыхъ за вѣру (§ 57). И время и мѣсто были у блаженныхъ отцовъ для бѣгства, но они помнили слова Писанія: «ревность дома твоего пожре мя» [2]) (§ 60). Подвигъ отцовъ агіографъ сравниваетъ съ подвигомъ Іоанна Крестителя, св. отцовъ, убіенныхъ въ Синаѣ и Раиѳѣ, и Іоанна Златоустаго (§ 61). Не всѣ изъ отцовъ были совершенны знаніемъ, между ними были и простецы (ἰδιῶται) и новоначальные (ἀρχάριοι); но всѣ они отказались отъ міра

1) Почему не присоединили сюда Іоанна, остается неяснымъ.
2) 3 Царствъ, XXI, 30.

и его удовольствій и жили въ законѣ Божіемъ (§ 62). Оставшіеся въ живыхъ при уходѣ и лучшаго врача, благоговѣйнѣйшаго аввы Ѳомы, съ трудомъ выздоровѣвшіе, должны быть причислены къ исповѣдникамъ (§ 63). Впрочемъ, одинъ старецъ изъ врачуемыхъ скончался и причисленъ къ 19 мученикамъ, составивъ такимъ образомъ половину 40 Севастійскихъ мучениковъ (§ 64). Въ дальнѣйшемъ агіографъ снова доказываетъ, что умершіе отцы — мученики, пострадавшіе за храненіе Христовыхъ заповѣдей. Нѣкій изъ братіи видѣлъ блаженнаго Косму съ веселымъ видомъ стоящаго передъ церковью[1] (§ 70). По уходѣ безбожныхъ одинъ изъ отцовъ, старецъ-безмолвникъ Сергій съ возженною лампадою вошелъ въ церковь, чтобы посмотрѣть тѣла святыхъ отцовъ; по пути онъ видѣлъ авву Косму живымъ, а въ церкви увидѣлъ его бездыханное тѣло, произнесшее: «помолись за меня»; Сергій сталъ отыскивать живого Косму и не нашелъ его (§ 71). Въ тотъ годъ (796) въ лаврѣ было бездождіе, но въ ночь славнаго успенія святыхъ, по ихъ молитвамъ, палъ большой дождь, наполнившій всѣ цистерны. Появилось моровое повѣтріе, и варвары, совершившіе такое беззаконіе, погибли жалкою смертію; тѣла ихъ не хоронились, а только слегка засыпались землею (§ 72). Одинъ пресвитеръ разсказывалъ, что добродѣтельный сиріецъ Папія, хотѣвшій научиться греческому языку и прилежавшій чтенію псалтыря и писанія, увидѣлъ во снѣ архидіакона Анастасія, «о которомъ мы выше упоминали», который былъ другомъ Папіи. Видя смущеніе послѣдняго при изученіи греческаго языка, Анастасій чудесно вдохнулъ въ него знаніе этого языка: съ того дня Папія зналъ греческій языкъ (§ 73).

Слѣдуетъ прославленіе и ублаженіе мучениковъ и моленіе о предстательствѣ ихъ за лавру, за церковь и за агіографа (§§ 74 — 80). Когда Персы (при Хозроѣ) взяли Іерусалимъ и сожгли святыя мѣста его, пострадали 40 мучениковъ, убитые на одной доскѣ. Равнымъ образомъ и Христофоръ, мученикъ Христовъ, не задолго передъ симъ (πρὸ ὀλίγων τούτων ἐτῶν) изъ сарацинскаго невѣрія обратившійся въ благовѣріе, монахъ — савваитъ, сталъ мученикомъ: приведенный къ сарацинскому царю и протосимвулу и не отказавшись отъ Христа,

---

1) Въ выраженіи: πρὸς δήλωσιν δὲ καὶ πίστωσιν τῆς θεοτερποῦς τῶν μακαρίων ἀλήσεως καὶ πρὸς τὸν Σωτῆρα ἐνδόξου ἀποδοχῆς καὶ παρρησίας, Болландисты читали: ἀφέσεως и переводили: Deo gratus transitus. Конъектура рискованная; осторожнѣе было бы чтеніе ἀλύσεως, то-есть: для увѣренія пріятной Богу неразрывной связи мучениковъ и ихъ дерзновенія у Него.

онъ былъ обезглавленъ 14 апрѣля, въ третій день великой недѣли, за три дня до великихъ страстей (§ 82). — Указанное опредѣленіе времени точно: третій день великой (Страстной) недѣли это вторникъ= за три дня до Страстей (т. е. до пятницы). Если 14 апрѣля приходилось во вторникъ, то пасха приходилась на 19 апрѣля. А пасха на это число приходилась въ 789 году, когда стало быть и былъ обезглавленъ св. Христофоръ-савваитъ. — Мученичество оканчивается моленіемъ агіографа къ св. Саввѣ о сохраненіи его обители отъ бѣдъ вражескаго народа (§ 83).

Итакъ въ 796 году скончались Іоаннъ, Сергій, Патрикій, Косма и Анастасій. Дефектность списка мученичества не позволяетъ намъ поименно назвать большинства всѣхъ 20 иноковъ Саввиной лавры, которые или умерщвлены мечемъ, или погибли въ дыму. На утраченномъ листѣ рукописи несомнѣнно говорилось о кончинѣ инока Анастасія, на котораго агіографъ сослался ниже и тѣмъ сохранилъ намъ это имя савваита; можетъ быть онъ называлъ также инока Ѳеоктиста, о которомъ мы имѣемъ свидѣтельство агіографа Леонтія, о которомъ будемъ скоро говорить. Что же касается до инока Христофора, то память его у Сергія показана правильно — 14 апрѣля, по время его кончины — довольно неопредѣленно: VIII вѣка (II, 108)[1].

Житіе св. Стефана написано ученикомъ его Леонтіемъ въ началѣ IX столѣтія. Младшій сынъ одного жителя Дамаска, Леонтій называетъ свою митрополію знаменитою, а самый Дамаскъ—милымъ городомъ (§ 61). Одинъ житель Дамаска ѣздилъ однажды въ Саввину лавру и по возвращеніи домой разсказывалъ въ семьѣ отца Леонтіева о чудесахъ Стефана. Мальчикъ Леонтій слышалъ эти разсказы и поревновалъ святому мужу. По достиженіи возраста онъ прибылъ въ Іерусалимъ и затѣмъ въ Саввину лавру, гдѣ принялъ иночество. Въ теченіи двухъ лѣтъ онъ мучился привязанностью къ міру и хотѣлъ даже наложить на себя руки: разбить себѣ голову, утонуть или зарѣзать себя. Для избавленія отъ недуга онъ явился ко св. Стефану и черезъ пять мѣсяцевъ былъ изцѣленъ; жилъ онъ въ келліи отдѣльно отъ Стефана «для пріема приходившихъ отовсюду чужеземцевъ» (§§ 116—126). Позже онъ жилъ уже кажется вмѣстѣ со старцемъ,

---

1) Во второмъ указателѣ ученый русскій агіологъ приводитъ имя Христофора 14 апрѣля, говоря, что оно находится во второмъ приложеніи; однако здѣсь нѣтъ этого имени. Такимъ образомъ и второе изданіе «Полнаго мѣсяцеслова Востока» все еще далеко отъ совершенства.

которому носилъ воду, варилъ бобы и сообщалъ о посѣтителяхъ (§ 127). Обыкновенно ежегодно на св. Четыредесятницу Стефанъ уходилъ изъ лавры въ пещеры Каламона (близъ Мертваго моря и Іордана), Дуки, или Кастеллія, причемъ бралъ съ собою то Леонтія, то другихъ учениковъ. Благоговѣя передъ своимъ учителемъ, Леонтій живо интересовался его дѣлами и рѣчами и заносилъ все достопримѣчательное въ свою книжку (§ 166). Будучи отъ природы чистосердечнымъ человѣкомъ, онъ не скрывалъ своихъ недостатковъ во иноческомъ санѣ и однажды поругался съ однимъ монахомъ чуть не площадными словами (§ 151). Послѣдніе четыре года (790—794) онъ находился при Стефанѣ почти безотлучно (§ 115) и по кончинѣ святого написалъ обширнѣйшій разсказъ (λόγος, § 166) о чудесахъ своего учителя, на основаніи словъ иноковъ, заслуживавшихъ довѣрія, а равно самого св. старца (§ 164). Разсказы иноковъ доставлялись Леонтію повидимому уже написанными: многіе изъ нихъ литературно закончены, оканчиваясь словами: «...во вѣки вѣковъ, аминь», и дословно включены имъ въ житіе; но это не есть собственно житіе святого.

Леонтій избралъ для себя образцемъ не βίον, а διήγησιν, во вкусѣ палестино-египетскихъ патериковъ, «Луча» Іоанна Мосха, повѣстей объ аввѣ Даніилѣ Скитянинѣ и т. д. Собраніе отдѣльныхъ разсказовъ безъ всякой хронологической между собою связи, обилующихъ именами лицъ, но лишенныхъ указаній на время, житіе св. Стефана, очень небогатое внѣшними событіями, очень трудно укладывается въ біографію. Трудность эта увеличивается еще и потому, что начало памятника до насъ не сохранилось [1]), такимъ образомъ мы не знаемъ о томъ, когда Стефанъ родился, ни о томъ, откуда онъ былъ родомъ, ни о томъ, что побудило его избрать иноческое житіе въ Саввиной лаврѣ, ни о томъ, наконецъ, каковъ былъ стимулъ агіографа при написаніи разсказа. Ясно только, что какъ Іоаннъ Мосхъ адресовалъ свой трудъ Лавсу, такъ Леонтій — нѣкоему лицу, которое онъ называетъ «возлюбленнымъ» (§ 95). Тѣмъ не менѣе, преслѣдуя біографическую цѣль, мы не можемъ не взять на себя опыта воспроизведенія біографіи Стефана, поскольку это въ нашихъ силахъ.

Точкою отправленія при изложеніи біографіи св. Стефана должно быть свидѣтельство агіографа въ § 183: старецъ скончался «на слѣ-

1) AA. SS. Boll. іюль, III, 531—613 (καθὼς ἔφης τὸ πρότερον); русскій переводъ И. В. Помяловскаго въ «Палестинскомъ патерикѣ», изд. Палест. Общества, XI. Спб. 1900.

дующій день новаго воскресенія въ первомъ часу ночи, погребенъ во второй день апрѣля мѣсяца въ лѣто отъ сотворенія міра 6286-е», (§ 184) «прожилъ 69 лѣтъ». Прежде всего надобно замѣтить, что міровой годъ напр. въ самой Византіи считалъ время до Рождества Христова въ 5508 лѣтъ, тогда какъ въ Палестинѣ этотъ періодъ считался въ 5492 года. По этому послѣднему счету, Стефанъ скончался въ 794 г., или точнѣе въ понедѣльникъ 30 марта 794 года, что вполнѣ оправдывается таблицами Гаусса; стало быть святой родился въ 725 году. По § 184, онъ 9 лѣтъ (до 734 г.) жилъ въ своемъ селеніи, несомнѣнно палестинскомъ или вообще малоазійскомъ, въ обществѣ отца (о матери не упоминается), его брата, то есть своего дяди, своего болѣе старшаго брата и пр. Въ 734 г. Стефанъ со своимъ дядею прибылъ въ Іерусалимъ и поступилъ въ Саввину лавру. До 749 года и дядя и племянникъ несли въ лаврѣ иго послушанія и подчиненія, именно: въ 734—738 гг. на Стефанѣ лежала должность канонарха, въ 738—740 гг. — хлѣбодара, въ 741 г. игуменарха и въ 742 г.— странноприимника. Съ 749 до 754 г. Стефанъ «безмолвствовалъ о Христѣ, совсѣмъ не покидая келліи, не выходя иначе, какъ по субботамъ и воскресеніямъ»; мало того, онъ и другихъ просилъ не безпокоить его въ остальные дни, для чего прибилъ надпись на верхнемъ карнизѣ дверей своей келліи: «Господа ради, простите мнѣ, владыки отцы, и не тревожьте меня, кромѣ субботы и воскресенья, въ келліи». Съ 762 г. начинается его бесѣдованіе съ Богомъ. Около этого вѣроятно времени, 14 сентября онъ былъ рукоположенъ въ санъ пресвитера (§ 9). Съ 762 до 777 года Стефанъ совершилъ три Четыредесятницы въ пустынѣ, облеченный во власяницу, живя около Мертваго моря, питаясь верхушками тростника и дикихъ пальмъ, а иногда немногими бобами. Далѣе онъ принялъ къ себѣ учениковъ, давъ имъ очень удобную келлію, бывшую вдали отъ мѣста его уединенія. Среди этихъ учениковъ помянуты:

1. Евстратій, докладчикъ старцу о посѣтителяхъ (§ 12). Благодатію св. Стефана сотворилъ чудо — открылъ на крѣпко запертую дверь (§ 15) и нашелъ спрятанныя веревки (§ 16). Какъ саввантъ, онъ былъ ученикомъ Стефана и силою учителя исцѣлилъ больную 10-ти лѣтнюю дѣвочку (§ 24); при посредствѣ Евстратія одинъ житель Іерихона получилъ доступъ къ Стефану и былъ обрадованъ исцѣленіемъ его сестры (§§ 25, 26); ходилъ со старцемъ въ нижнюю пустыню, гдѣ находится гробница Великаго Θеоктиста. Хотя сосѣдніе арабы и

предупреждали, что никто не можетъ войти въ мѣсто, гдѣ находится гробъ; но старецъ привелъ Евстратія къ останкамъ Ѳеоктиста, взялъ одинъ изъ зубовъ его вмѣстѣ съ небольшими частицами лежащихъ съ нимъ св. отцовъ, послѣ чего ученикъ со своимъ учителемъ вернулись въ свою лавру (§§ 27—28). Послѣ кончины Стефана, въ началѣ IX в. Евстратій состоялъ базиликаріемъ, то-есть хранителемъ базилики Св. Воскресенія (§ 24).

2. Іоаннъ, мужъ святой и чудотворецъ, ученикъ Стефана. Онъ часто бывалъ въ Дамаскѣ и разсказывалъ, какъ онъ однажды отправился въ монастырь Хура; на возвратномъ пути онъ чуть было не погибъ отъ руки проводника-эѳіопа и былъ выведенъ на дорогу предстательствомъ св. Стефана. Въ другой разъ онъ хворалъ въ монастырѣ Хуранъ: ему хотѣлось ѣсть соленой рыбы съ горчицей,— и старецъ, совершенно неожиданно для него, принесъ ему все это (§§ 35—43). Позже Іоаннъ былъ епископомъ г. Харахмовъ (Χαράχωμα, въ третьей Палестинѣ) [1]).

3. Косма, ученикъ Стефана въ 794 году, сзывавшій Лаврскую братію къ постели умирающаго учителя и разсказавшій Леонтію о послѣднихъ часахъ жизни Стефана (§§ 179—183). — Если бы онъ погибъ въ дыму въ 796 году, какъ думаютъ Болландисты, Леонтій не преминулъ бы упомянуть объ этомъ, какъ онъ упомянулъ о Ѳеоктистѣ; поэтому можно думать, что въ 796 г. погибъ другой Косма — савваитъ.

4. Леонтій, агіографъ, о которомъ было уже говорено нами.

5. Савва, сиріецъ, ученикъ Стефана, саномъ пресвитеръ, вдовамать котораго жила въ трехъ дняхъ пути отъ лавры; кончину ея предсказалъ св. старецъ (§§ 81—82).

6. Ѳеоктистъ, скромный ученикъ Стефана, очень любимый имъ за кротость и чистоту жизни, родомъ изъ Газы; ходилъ со старцемъ въ потокъ восточной пустыни обители св. Евѳимія; мученическая кончина его предсказана была св. старцемъ; «Ѳеоктистъ принадлежитъ къ числу отцовъ, убитыхъ варварами въ Великой лаврѣ святого отца нашего Саввы, повѣствованіе о которыхъ написалъ добродѣтельный авва Стефанъ, украшеніе нашей лавры» (§§ 176—178).

Но кромѣ учениковъ, сообщавшихъ агіографу свѣдѣнія о св. Стефанѣ, было еще нѣсколько иноковъ и подвижниковъ, которые присы-

---

1) Lequien, Oriens christianus, III, 731—734.

лали Леонтію свои воспоминанія о старцѣ. Къ числу ихъ принадлежатъ слѣдующія лица:

1. Мартирій, отшельникъ и затворникъ, мужъ святой жизни и чудотворецъ, свѣдѣнія о которомъ сообщены самимъ Стефаномъ; скончался, проведя много лѣтъ въ своемъ затворѣ. По мнѣнію современной братіи, Стефанъ не могъ идти ни въ какое сравненіе съ Мартиріемъ (§§ 1—4).

2. Христофоръ, авва, египтянинъ, инокъ пещеры Ѳеоктистовой, на восточной сторонѣ обители св. Евѳимія, мужъ святой жизни и подвижникъ, ежедневно творившій по 2.000 поклоновъ; занимался рукодѣліемъ. Просилъ св. старца, тогда уже въ санѣ пресвитера, литургисать у него по субботамъ, и старецъ ходилъ къ нему въ пещеру. Изъ своей Ѳеоктистовой пещеры онъ иногда ходилъ въ обитель св. Евѳимія (§ 17) и въ Саввину лавру къ Стефану (§ 19). Жилъ метеорцемъ (§ 13). Подобно Стефану Христофоръ былъ очень любимъ Іерусалимскимъ патріархомъ Иліею III или II (787, † 797 г.). «Сей блаженный іерархъ киръ Илія былъ оклеветанъ предъ протосимвуломъ несправедливыми клеветами и неосновательными обвиненіями, и протосимвулъ, пославъ за нимъ, заключилъ его въ Персидѣ, безжалостно на долгіе годы, держа его въ оковахъ и подъ стражею. Отсюда нѣкоторые воспользовались случаемъ и не по Бозѣ совѣтовали аввѣ Христофору идти въ Персиду, утѣшить и помочь святѣйшему киръ Иліѣ и устроить относительно его выкупа; они руководились личной нуждой, для того, чтобы онъ исполнилъ ее въ этомъ». Наученный коварными совѣтами, Христофоръ явился къ Стефану и убѣждалъ его идти обоимъ вмѣстѣ въ Персиду для выкупа или по крайней мѣрѣ для утѣшенія Иліи. Стефанъ однако отклонилъ эту мысль. Христофоръ не унимался, и когда старецъ отказался идти, отправился въ Персію одинъ, со своимъ совѣтчикомъ Харитономъ, несмотря на предсказаніе старца, что онъ умретъ въ Персіи. Дѣйствительно, Христофоръ видѣлся съ плѣннымъ Иліею, но ни выкупить, ни освободить патріарха не могъ и умеръ тамъ, а Илія позже получилъ свободу и вернулся въ Іерусалимъ (§§ 19—23).

3. Давидъ, одинъ изъ «высокихъ» старцевъ лавры, наставившій многихъ на иноческое житіе, разсказывалъ, какъ онъ однажды ходилъ съ однимъ монахомъ кругомъ лавры для сбора овощей. Около келліи Стефана онъ увидѣвъ змѣй и въ страхѣ ждалъ восхода солнца, когда змѣи исчезнутъ. Въ опредѣленное время Давидъ увидѣлъ

старца надъ келліей съ провизіей въ своей мантіи (епирриптаріи); вокругъ него прыгали козы, и онъ бросалъ имъ овощи. Одна коза оказалась прожорливой, и старецъ стыдилъ ее и призывалъ къ порядку (§ 29).

4. Сергій, архипресвитеръ лавры, инокъ созерцательнаго образа жизни. Въ Великую Четыредесятницу ходилъ къ Стефану въ пещеру, къ востоку отъ обители Каламона, и здѣсь услышалъ пророчество старца о несчастіи въ Лаврѣ. Дѣйствительно, по возвращеніи въ Лавру узнали о смерти пресвитера Сирійцевъ и множества отцовъ, «такъ, что ежедневно выносили по два или по три изъ тѣхъ, кого называлъ нашъ старецъ, когда мы жили съ нимъ въ пустынѣ (§§ 30, 31).

5. Леонтій, инокъ отличный отъ агіографа, разсказалъ о пророчествѣ святого о смерти одного изъ пресвитеровъ Лавры: пресвитеръ умеръ въ тотъ самый часъ, когда старецъ упомянулъ его имя въ отпустительной молитвѣ. Въ другой разъ Стефанъ предсказалъ о «шумѣ и великомъ смятеніи» въ Лаврѣ. И дѣйствительно, «нѣкоторые новоначальные, по окончаніи службы, будучи обмануты бѣсами, возмутились и нѣкоторыхъ изъ старцевъ побили палками и со злобою наложили руки на самого преподобнаго нашего игумена авву Стратигія, наругавшись надъ нимъ и оскорбивъ его» (§ 33).

6. Одинъ изъ земляковъ агіографа, дамаскинецъ, инокъ Лавры, разсказалъ Леонтію объ ученикѣ старца Іоаннѣ (еп. Харахмовскомъ), но объ этомъ уже сказано.

Выше мы привели цѣнное свидѣтельство житія о патр. Иліи,— здѣсь же имѣемъ и продолженіе этой исторіи. Нѣкій «Θеодоръ, сильный богоборецъ, человѣкъ тщеславный и весьма несчастный, облекся въ одежду монаха какъ бы въ овечью кожу, а внутри былъ алчнымъ волкомъ, весьма дикимъ по характеру». Онъ имѣлъ друга, по имени Василія, и келлію вблизи отъ него въ высшемъ іерусалимскомъ училищѣ, въ Спудеѣ Св. Воскресенія. Однажды Θеодоръ повѣдалъ Василію свое «сильное желаніе и невыносимое стремленіе получить богобратскій престолъ Іерусалимскій, изгнавъ и лишивъ іерархическаго сана владыку Илію; но я желалъ бы знать, что будетъ, прежде чѣмъ я приступлю къ начинанію, для того чтобы приспособиться къ будущему; тебѣ не безызвѣстно дерзновеніе, которое я имѣю къ симвулу Фосату и которое еще въ бо́льшей степени имѣетъ къ нему мой братъ: онъ весьма славный, какъ ты знаешь, врачъ, выдающійся передъ

многими знаніемъ и извѣстностью». Ѳеодоръ просилъ Василія идти вмѣстѣ спросить мнѣнія старца Стефана, жившаго во время Четыредесятницы отдѣльно въ нижнихъ пещерахъ пустыни Каламона. Стефанъ прозрѣлъ цѣль ихъ прихода и обратился къ Ѳеодору съ весьма суровыми рѣчами: «ты же, о несчастный и безумный Ѳеодоръ, дошелъ до такого безумія и наглости, что стараешься сдѣлаться патріархомъ?... ты получишь это начальство (патріаршество), но, какъ мнѣ открыто Богомъ, ни одного дня не увидишь отдыха и дѣла твои не устроятся по твоему желанію, и ты даже и одного часа не будешь владѣть престоломъ, какъ желаешь, но получивъ его, будешь позорно изгнанъ и потеряешь власть и будешь посрамленъ и всѣми ненавидимъ». Не смотря на это Ѳеодоръ тотчасъ началъ умилостивлять и убѣждать симвула дарами и вмѣстѣ съ братомъ его друзей—быть ходатаями за него, и не прежде успокоился, какъ получилъ престолъ церковной власти, изгнавъ безбожно и безчинно святѣйшаго патріарха киръ Илію. Но черезъ весьма краткое время Ѳеодоръ, подвергшійся справедливымъ проклятіямъ и отлученіямъ, зло окончилъ жизнь въ Персидѣ; святѣйшій же патріархъ киръ Илія возвратился на собственный престолъ въ радости и праведномъ возстановленіи, и долго и много лѣтъ наслаждался саномъ патріарха, оставивъ преемникомъ престола своего синкелла киръ Георгія» (§§ 44—52).

Каталогъ іерусалимскихъ патріарховъ за VIII столѣтіе отличается крайнею неточностью и неполностью. Напр. Г. Палама приводитъ имена ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Георгій, 4 года; Илія; Ѳеодоръ; Ѳома. Архіеп. Сергій даетъ рядъ: Георгій II, сомнительный; Илія III, 787 г., † ок. 797 г.; Ѳеодоръ, антипатріархъ; Георгій; Ѳома, 807 года. Несомнѣнно, Палама или вѣрнѣе его каталогъ-источникъ перепуталъ имена Иліи и Георгія, поставивъ второго на мѣсто перваго; Сергій избѣгъ этой ошибки. Въ отношеніи патр. Иліи мы находимъ возможнымъ сказать слѣдующее. Не смотря на длинный разсказъ житія мы все-таки и теперь еще не можемъ прослѣдить, когда Илія былъ сверженъ съ престола, когда его мѣсто занялъ Ѳеодоръ, когда онъ былъ изгнанъ и когда вернулся снова Илія. Мы знаемъ только одинъ несомнѣнный фактъ, что въ 787 г., во время VII вселенскаго собора, Илія патріаршествовалъ, и другой фактъ, уже сомнительной цѣны, что онъ умеръ ок. 797 года. Изъ житія Стефана явствуетъ, что Илія содержался въ персидской неволѣ «долгіе годы» и по возвращеніи въ Іерусалимъ «долго и много лѣтъ наслаждался саномъ патріарха».

Едва ли на основаніи этого свидѣтельства можно предположить, что Илія былъ сверженъ послѣ 787 года; вѣроятнѣе всего допустить, что онъ содержался въ Персіи до этого времени. Такимъ образомъ начало его патріаршества необходимо отнести къ концу 70-хъ годовъ VIII столѣтія: напр. ок. 775 г. онъ могъ вступить на престолъ, ок. 777 г. былъ сосланъ въ Персію и на его мѣсто сѣлъ на нѣсколько дней Ѳеодоръ. Илія въ неволѣ жилъ приблизительно до 785 г., когда Іерусалимскій престолъ вдовствовалъ, послѣ чего патріархъ вернулся и правилъ престоломъ до самой смерти, до 797 приблизительно года, оставивъ своимъ преемникомъ своего синкелла Георгія, для патріаршества котораго остаются года 797?—805? Такова примѣрная схема главныхъ моментовъ жизни патр. Иліи. Съ этой точки зрѣнія разсматривая житіе св. Стефана, мы могли бы сказать, что §§ 44—48 его относятся къ 777 приблизительно году.

Василій, узнавъ предсказаніе Стефана о Ѳеодорѣ, сдѣлался врагомъ своего пріятеля и явившись однажды къ старцу, просилъ у него совѣта для полученія епископской каѳедры. Стефанъ не совѣтовалъ ему добиваться этой чести, однако Василій получилъ престолъ Іерихонской церкви, сдѣлавшись епископомъ Тиверіады[1]). Когда Стефанъ жилъ въ пещерахъ Дука, епископъ Василій приходилъ къ старцу и въ присутствіи агіографа Леонтія просилъ разсказать ему исторію исканія имъ епископскаго престола (§§ 53—58).

Мы благоговѣли передъ святостью саввинскихъ иноковъ и думали, что въ Лаврѣ жили отшельники святой жизни[2]). Теперь мы должны сдѣлать оговорку въ томъ смыслѣ, что здѣсь, какъ впрочемъ и всюду, свѣтлыя стороны иногда омрачались темными пятнами. Вотъ агіографическій памятникъ, который неопровержимо свидѣтельствуетъ, что здѣсь рядомъ со святыми мужами могли жить люди дурной жизни (§ 171) и бунтари, которые дерзали подымать руку на своего игумена! Далѣе мы склонны были думать, что избраніе епископовъ и патріарховъ въ періодъ вселенскихъ соборовъ совершалось волею Божіею и голосомъ народа, какъ это было въ первобытной церкви; однако и тутъ насъ постигаетъ разочарованіе: уже въ VIII в., особенно въ странахъ съ мусульманскимъ вліяніемъ, возможны были искательства престоловъ, возможны были протекціи и подкупы. Praeterita non esse meliora reantur, quam revera sint.

1) Lequien не знаетъ этого епископа.
2) Ср. Житія § 171.

7. Дамаскинскій уроженецъ, землякъ агіографа, инокъ Маріанъ, человѣкъ не посвященный въ мірскихъ наукахъ, но мужъ весьма мудрый по своей скромности и превосходному монашескому образу жизни, однажды посѣтилъ старца Стефана, послѣдній между прочимъ сообщилъ пророчество о его братѣ. «Господинъ Петрона, твой братъ, сказалъ святой, находящійся нынѣ въ Авлонѣ (приморскомъ городѣ Иллиріи) ради торговли финиками, сегодня въ этотъ часъ укушенъ змѣею; но дерзай, возлюбленный: братъ твой поправился и придетъ къ тебѣ невредимымъ». Маріанъ записалъ день и часъ предсказанія, и оно дѣйствительно исполнилось въ точности. Петрона вернулся въ Дамаскъ и во время Четыредесятницы въ Дамасскомъ храмѣ «Максиматовомъ» св. Сергія, въ присутствіи богомольцевъ, отца и брата агіографа Леонтія, а также іерея церкви, бывшаго архипресвитеромъ Дамасской столицы киръ Генеѳлія, разсказывалъ объ этомъ случаѣ, объ укушеніи его змѣею въ Авлонѣ (§§ 59—61).

8. Нѣкій инокъ разсказывалъ, что онъ однажды со Стефаномъ былъ въ Іорданской пустынѣ. Не смотря на ночное время старецъ не захотѣлъ войти въ обитель Іоанна Крестителя, а расположился съ монахомъ на берегу Іордана. Ночью инокъ видѣлъ, какъ старецъ сошелъ въ Іорданскія струи и пошелъ черезъ рѣку на другую сторону съ воздѣтыми къ небу руками, изъ которыхъ вылеталъ огонь, распространявшій свѣтъ на далекое пространство (§§ 62, 63). Сюда же слѣдуетъ отнести §§ 75—76 о томъ, какъ повидимому старецъ, жившій въ Четыредесятницу на берегу Мертваго моря, ходилъ по этому «глубочайшему» морю, «замочивъ лишь пятки».

9. Старецъ Косма, жившій въ Четыредесятницу со Стефаномъ въ пустынныхъ пещерахъ, свидѣтельствовалъ, какъ ученикъ его, инокъ, сынъ послушанія, незримо былъ вспомоществуемъ ангеломъ (§§ 64, 65).

10. Нѣкто, уроженецъ Моавитской стороны (къ востоку отъ Мертваго моря) и другъ старца Стефана, разсказывалъ, что онъ, избѣгая мытарей или сборщиковъ податей, пришелъ однажды въ Іерусалимъ, а его рабы были заключены подъ стражу, и имъ грозила продажа. Бѣглецъ явился къ Стефану, послѣдній помолился и успокоилъ его, что рабы вернутся къ нему невредимыми. Такъ и вышло (§§ 66—68). Онъ же, въ отвѣтъ на увѣщанія старца принять иночество, высказалъ слѣдующую мысль: «нынѣ возможно людямъ въ мірѣ такъ же, какъ и въ пустыни, угодить Богу; мнѣ кажется пред-

почтительнѣе злострадать съ народомъ Божіимъ, находящимся въ великой скорби и нуждѣ, помогать нуждающимся, представительствовать и принимать вдовъ и сиротъ и помогать находящимся въ скорбяхъ и тѣлесныхъ недугахъ, особенно занимаясь врачебнымъ искусствомъ, и посвящать себя прочимъ добродѣтелямъ, которыя могутъ быть упрочены въ мірѣ, чѣмъ обращать на себя вниманіе въ безмолвіи и не помогать никому. Затѣмъ я прибавилъ и еще соображеніе: Какъ сказалъ Господь, путь, ведущій въ царство небесное, узокъ и скорбенъ; теперь же болѣе тѣсна и скорбна жизнь въ мірѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ; ибо мы видимъ, что монахи наслаждаются великимъ спокойствіемъ и беззаботностью, а живущіе въ мірѣ находятся въ большихъ бѣдствіяхъ и несчастіи и въ нуждѣ, и во взаимныхъ нуждахъ и печаляхъ. Самымъ же очевиднымъ доказательствомъ истины нашихъ словъ служитъ то, что въ этомъ родѣ (= въ наше время) нѣтъ никого изъ монаховъ чудотворца или прозорливца, или славнаго, или свѣтящагося божественнымъ свѣтомъ, кромѣ только твоей святости». Однако послѣ бесѣдъ старца собесѣдникъ принялъ иночество (§§ 69—72). — Старецъ Стефанъ жилъ въ эпоху иконоборства, во время особаго преслѣдованія монаховъ свѣтскою властью. Какъ же объяснить слова Стефанова собесѣдника о великомъ спокойствіи и беззаботности современныхъ иноковъ? Такъ какъ этотъ собесѣдникъ былъ родомъ изъ Моавитиды, то надобно думать, что указы иконоборческихъ императоровъ не достигали предѣловъ Іерусалимскаго патріархата: послѣдній былъ во власти арабовъ. Поэтому жители областей, лежавшихъ къ востоку отъ Мертваго моря, по прежнему держали въ храмахъ иконы и кажется даже и не слыхали, что въ это самое время въ Византіи труднѣе всего жилось именно монашеству.

11. Начальникъ г. Газы, страдавшій «священною болѣзнію» (т. е. проказою), прибылъ къ Стефану въ Лавру и говорилъ: «хотя я наслѣдовалъ эту болѣзнь отъ родни и многіе изъ моихъ близкихъ имѣли ее, и я самъ, какъ ты видишь, отче святый, потерялъ кончики пальцевъ у ногъ и волосы на глазныхъ рѣсницахъ и бровяхъ, и нѣтъ у меня волосъ на подбородкѣ и все лицо мое обезображено и изъѣдено; но для Бога нѣтъ ничего невозможнаго». Старецъ посовѣтовалъ ему остаться на нѣсколько дней въ Лаврѣ, самъ мазалъ елеемъ съ водою все тѣло его отъ верхнихъ волосъ до ножныхъ пятокъ, до тѣхъ поръ, пока Богъ не помогъ ему. Больной выздоровѣлъ, остались только нѣ-

которыя опухоли на лядвеяхъ и бедрахъ, которыя однако позже лопнули и зажили. Жители Газы очень дивились его выздоровленію, и самъ оный человѣкъ сдѣлался монахолюбивымъ, хотя ранѣе не былъ таковымъ (§§ 77—80).

12. Нѣкій монахъ, знакомый инока обители Кастеллійской, послѣ посѣщенія Іерусалима хотѣлъ вернуться на родину, снять монашескій образъ и облечься въ мірскія одежды. Стефанъ, жившій въ Четыредесятницу въ пещерахъ Кастеллія, просилъ инока привести къ нему монаха и убѣждалъ послѣдняго оставаться въ иночествѣ. Когда убѣжденія не подѣйствовали, старецъ сотворилъ чудо, и монахъ остался въ монашествѣ (§§ 83, 84).

Однажды агіографъ Леонтій отправился со старцемъ на Іорданъ и хотѣлъ войти въ обитель Предтечи. Ключъ отъ храма былъ у пономаря. Леонтій хотѣлъ идти за нимъ; но старецъ помолился, перекрестилъ дверь и, прикоснувшись къ задвижкѣ кончиками пальцевъ, тотчасъ открылъ дверь (§§ 85, 86).

13. Во время пребыванія старца въ пещерахъ Дуки къ нему прибылъ монахъ сиріецъ. Стефанъ узрѣлъ святость его и выбѣжалъ для его встрѣчи (§ 92).

14. Нѣкій монахъ изъ Моавитидской страны имѣлъ у себя племянника по имени Патрикія. Послѣдній на Пасху прибылъ въ Саввину лавру, въ которой никогда не бывалъ. Старецъ Стефанъ назвалъ его по имени (§ 93).

15. Ѳеодигитъ, пресвитеръ Св. Воскресенія, монахъ, отправился къ Стефану на горныя вершины Кутилы (Κουτιλᾶ). Дорогою онъ видѣлъ, какъ арабскіе пастухи гнались за тремя отшельницами. Дѣти одного ромейскаго сановника[1]), онѣ Божіимъ заступленіемъ скрылись отъ преслѣдователей; а мать ихъ, которую преслѣдовалъ одинъ агарянинъ съ намѣреніемъ обезчестить ее, дунула въ лицо арабу и обратила его въ паралична состояніе. Она живетъ въ пустынѣ вотъ уже 30 лѣтъ. Арабы привели къ Стефану паралитика съ просьбою исцѣлить его. Старецъ отказался, и паралитикъ умеръ (§§ 94—97).

16. Маркъ, пресвитеръ Св. Воскресенія и настоятель женской обители (матронарій), уроженецъ александрійскій, разсказывалъ, что одинъ египтянинъ, видя приближеніе смерти, поѣхалъ въ Іерусалимъ съ намѣреніемъ тамъ умереть, съ нимъ поѣхалъ также нѣкій

---

1) Ῥωμαῖαι И. В. Помяловскій перевелъ: римлянки.

Магаритъ, сынъ Магарита изъ туземцевъ, желавшій поклониться въ Іерусалимѣ арабскому храму. Египтянинъ съ Магаритомъ посѣтили Стефана, который исцѣлилъ перваго, ставшаго потомъ монахомъ; а второй былъ такъ пораженъ исцѣленіемъ, что обратился въ христіанство (§§ 99—102).

17. Іерусалимлянинъ, архидіаконъ Св. Воскресенія и помощникъ архипресвитера (девтерарій) св. Голгоѳы (Кранія), разсказывалъ, что нѣкій Георгій изъ клириковъ, архипресвитеръ, былъ сынъ богатаго отца. Послѣдній уѣхалъ въ Дамаскъ и тамъ умеръ, не оставивъ завѣщанія; все же его золото было спрятано въ разныхъ мѣстахъ, о которыхъ никто не зналъ. По просьбѣ Георгія Стефанъ указалъ мѣста, гдѣ были скрыты отцовскія богатства (§§ 105—114).

18. Однажды во время памяти св. Саввы (5 декабря) Стефанъ жилъ въ пещерахъ Кастеллія. Здѣсь жилъ также авва Евстаѳій, «который теперь епископствуетъ въ г. Лиддѣ» (Діосполѣ)[1]). Старецъ, явившійся къ нему внезапно, объявилъ, что у дверей пещеры зарыта въ землѣ спрятанная кружка. Евстаѳій тотчасъ сталъ копать землю руками. Дѣйствительно, была найдена старинная кружка, въ которой однако ничего не было (§ 131).

19. Тетка агіографа, сестра отца Леонтіева, часто приходила со служанкою изъ Дамаска въ Іерусалимъ для молитвы. Прислугу она освободила отъ рабства и удостоила свободы. Изъ Іерусалима обѣ онѣ отправились на Синай и снова вернулись во св. Градъ. Здѣсь тетка захворала и, чувствуя кончину, послала за племянникомъ. «Не печалься и не скорби, говорила она ему, не надолго оставивъ свою лавру и потерпѣвъ безпокойство, но смотри на полезное окончаніе дѣла. Я слышу, что господствующая здѣсь власть тиранствуетъ, злоупотребляетъ и несправедливо распоряжается, обижаетъ и отнимаетъ имущество людей, преимущественно слабыхъ, сосѣдей и чужестранцевъ и отъ тѣхъ, которые подадутъ ей какой-либо поводъ. За нѣсколько дней передъ симъ, одинъ пріѣзжій чужестранецъ, какъ я слышала, скончался въ дому одного изъ здѣшнихъ христіанъ, оставивъ многихъ наслѣдниковъ своего имущества, и когда въ то время никого изъ нихъ не нашлось, тиранъ, ухватившись за поводъ, забралъ оставленныя деньги, и не удовольствовавшись лишь этимъ злодѣйствомъ, не остановилъ на этомъ свою ненасытную жадность, но

1) Ср. Lequien, III, 585.

на глазахъ всѣхъ безъ страха и удержу, отнялъ все имущество тѣхъ христолюбцевъ, у которыхъ гостилъ скончавшійся чужестранецъ, радушно ими принятый; мало того, онъ посадилъ ихъ подъ стражу, наложивъ на ноги ихъ желѣзныя цѣпи. И я теперь, лишенная своихъ родственниковъ, кого оставлю наслѣдникомъ, если Богъ рѣшитъ, чтобы эта болѣзнь взяла мою бѣдную и несчастную душу? Ни за кого я такъ не огорчаюсь, какъ за эту смиренную дѣвушку; я боюсь, какъ бы ее не обидѣли за то, что она проводила меня для того, чтобы послужить мнѣ, и боюсь еще за этихъ христолюбцевъ, пріютившихъ меня. Поэтому послушай, чадо, моихъ просьбъ, и приведи ко мнѣ избранныхъ мужей арабовъ, заслуживающихъ довѣрія, чтобы я могла засвидѣтельствовать передъ ними, что не имѣю вовсе никакого имущества, и что дѣвушка эта свободна и не имѣетъ господина. Останься у насъ, пока не увидишь исхода этой болѣзни, жестоко и сильно меня обдержащей, и докажешь, что ты — сынъ моего брата». — Леонтій жилъ въ мірѣ и — скучалъ: его тянуло въ лавру; онъ даже хотѣлъ спросить старца, какой исходъ будетъ имѣть дѣло, пойдетъ ли оно на здоровье, или окончится смертью. «Тогда былъ діакономъ киръ Ѳома, нынѣ правящій кормиломъ богобратняго престола, ухаживавшій въ городѣ за больными, какъ весьма искусный врачъ, украшенный даромъ слова и опытностью, подражавшій жизни св. Космы и Даміана. Сему блаженнѣйшему и чуднѣйшему мужу я дерзнулъ разсказать бывшіе во мнѣ помыслы и, оставивъ мою тетку въ крайней опасности, ночью я пришелъ въ лавру. Прибывъ туда около второго часа дня, я пошелъ прямо къ своему учителю, очень торопясь изъ-за тетки. Когда я подошелъ къ келліи и по обычаю далъ знать о себѣ троякимъ ударомъ камешка, открылъ мнѣ старецъ, и прежде чѣмъ я вообще промолвилъ что-нибудь, сказалъ мнѣ, придерживая дверь рукою: Добрѣ пришелъ, дитя мое, добрѣ пришелъ. Не падай духомъ; тетка твоя не умретъ отъ этой болѣзни». Дѣйствительно, она выздоровѣла и вернулась въ свой городъ (Дамаскъ), — жива она и до сихъ поръ, прибавляетъ Леонтій (§§ 133—138).

Іерусалимскій патр. Ѳома I правилъ престоломъ св. ап. Іакова съ 807 по 820-й годъ. Онъ былъ врачъ и въ санѣ діакона усердно помогалъ больнымъ въ Св. Градѣ, — подробность, оставшаяся неизвѣстною іеродіакону Григорію Паламѣ, историку патріархата. Въ патріаршество Ѳомы Леонтій стало быть и написалъ житіе св. Стефана.

Однажды, въ Четыредесятницу св. Саввы, агіографъ сопровождалъ Стефана въ пещеры Дуки въ обществѣ съ отцами Саввиной и Старой (Сука̀) лавръ, видѣлъ здѣсь одного отшельника и слушалъ его небесномудрые разговоры (§§ 139—142).

20. Среди лавріотовъ былъ великій молчальникъ по имени Іосифъ, родомъ изъ г. Емисы. Братъ его Ѳеодулъ, хотя тоже монахъ, мало обращалъ вниманія на монашескій образъ жизни: онъ вовсе не оставался въ монастырѣ, но мѣнялъ страну на страну и бродилъ. Пока Іосифъ до своего епископства жилъ въ лаврѣ, Ѳеодулъ часто посѣщалъ его (§§ 164, 165). Епископство Іосифъ получилъ уже по смерти Стефана (§ 183), — стало быть послѣ 794 года, а гдѣ онъ епископствовалъ, неизвѣстно, Lequien его не знаетъ.

Нѣсколько загадочнымъ является замѣчаніе агіографа: «я убѣжденъ, что и нынѣ есть пребывающіе праведно и въ чистотѣ, хотя въ настоящія времена ослабѣло иноческое подвизаніе въ десять лѣтъ послѣ великаго землетрясенія, и еще болѣе и болѣе ослабѣетъ вслѣдствіе того, что умножится лѣность и безпечность» (§ 173). Что это за великое землетрясеніе, упоминаемое Леонтіемъ? Если рѣчь идетъ о землетрясеніи 796 года[1]), то свѣдѣнія агіографа относятся къ 806 году, что̀ близко подходитъ ко времени патріаршества Ѳомы.

Съ 777 до 794 года Стефанъ проводилъ время съ нѣкоторыми избранными отцами лавры, беря съ собою одного изъ учениковъ. «Тогда онъ не надѣвалъ власяницы по причинѣ бывшихъ съ нимъ отцовъ и по причинѣ приходившихъ къ нему отовсюду, чтобы не показаться одѣтымъ въ такую одежду. Въ это время пищею его были бобы и немного финиковъ; онъ никогда не вкушалъ ни хлѣба, ни вина, ни масла, ни какой другой пищи» (§ 184). Однажды «на плечахъ и на шеѣ старца появились небольшіе волдыри, и онъ на нихъ не обращалъ вниманіе, хотя они и изнуряли его тѣло. Отцы, видя, что онъ такъ удрученъ, приложивъ многія просьбы, убѣдили старца полѣчить ихъ. Когда онъ послушался и подчинился условіямъ послушанія, за нимъ сталъ ухаживать одинъ изъ отцовъ, сирянинъ, два и иногда три раза въ недѣлю намазывая волдыри разъѣдающими средствами» (§ 155).

Въ понедѣльникъ 30 марта 794 г. утромъ старецъ то лежалъ, то вставалъ и молился; лежа ворочался съ одного боку на

---

1) Muralt, 384.

другой и стопалъ, сохраняя свѣтлость и твердость разсудка. При закатѣ солнца языкъ его сталъ заплетаться, наконецъ въ первомъ часу ночи старецъ скончался. Погребенъ онъ былъ 2 апрѣля 794 г. въ присутствіи лаврскаго игумена Василія и всего братства въ гробницѣ отцовъ и игуменовъ, «гдѣ почіютъ честные останки святого Іоанна епископа и молчальника» (§ 183). — Человѣкъ добраго и мягкаго сердца, сострадательный, любившій кормить птицъ, не вредившій даже гадамъ (§§ 174, 175), Стефанъ самъ питался впроголодь, никогда не вкушая хлѣба; ангелъ мира, онъ былъ внимателенъ не только къ христіанамъ, но и къ агарянамъ (§§ 97, 186), которымъ помогалъ то совѣтомъ, то пищею. Онъ никогда не думалъ о бракѣ (§ 185) и вообще не охотно бесѣдовалъ съ женщинами (§ 25).

Въ кругъ Іерусалимской агіографіи должно быть отнесено и житіе св. Вакха младого[1]), въ историческомъ отношеніи намного уступающее разсмотрѣннымъ житіямъ.

Агіографъ былъ современникомъ событія, но былъ ли онъ уроженцемъ и жителемъ Іерусалима, неизвѣстно: судя по нѣкоторымъ указаніямъ онъ былъ какъ будто византійцемъ, а не палестинцемъ. Свое сочиненіе онъ обращаетъ къ συνετὸν καὶ σεπτὸν (θεῖον) ἀκροατήριον, къ φιλόθεος ὁμήγυρις, къ χορὸς φιλόμαρτυς. Житіе начинается съ извѣстія 6236 г., когда патріаршествовалъ Іерусалимскій патр. Илія и царствовали въ Византіи Ирина и Константинъ. Если бы это былъ палестинецъ, подобно савваиту Стефану, онъ употребилъ бы и палестинскій счетъ времени; между тѣмъ мы видимъ здѣсь общевизантійскій счетъ, съ разностью между міровымъ и Христовымъ годомъ въ 5508 лѣтъ.

Въ это время жилъ нѣкій мужъ, уроженецъ Палестины, вблизи г. Газы, отстоящаго отъ Іерусалима въ двухъ переходахъ пути[2]). Онъ женился, но, увлекшись кознями сатаны, отказался отъ христіанской вѣры и перешелъ въ агарянскую, усвоивъ жизнь и обычаи измаильтянъ. Онъ прижилъ семь человѣкъ дѣтей, которымъ далъ вос-

---

1) Βίος καὶ ἄθλησις τοῦ ὁσίου καὶ νέου μάρτυρος Βάκχου μαρτυρήσαντος ἐν τοῖς χρόνοις ἡμῶν ἐν Παλαιστίνῃ ἐπὶ Εἰρήνης καὶ Κωνσταντίνου τῶν φιλοχρίστων καὶ ὀρθοδόξων ἡμῶν βασιλέων (Οἱ τῶν ἱππικῶν ἀγώνων φιλοθεάμονες), изд. Fr. Combefis: Christi martyrum lecta trias (Parisiis 1666) p. 61—126. Въ виду рѣдкости этого изданія мы пользовались cod. Synod. Mosqu. № 379 (Владиміръ, 571), XI в., по копіи, приготовленной нами для проф. В. Г. Васильевскаго и хранящейся въ Имп. Акад. Наукъ.

2) ἐκ τῆς Παλαιστίνων ὁρμώμενος χώρας, πλησίον Γάζης ἥτις ἀφίσταται ἀπὸ Ἱεροσολύμων μονὰς δύο.

питаніе и образованіе въ духѣ магометанства. Жена его напротивъ тайно посѣщала христіанскіе храмы и просила Бога отдѣлить ее отъ сожитія съ мужемъ и крестить дѣтей миромъ крещенія, по обычаю странъ востока[1]). Въ воскресный день въ вечерніе часы священникъ служилъ службу, ставилъ елей на престолъ, давалъ его приходящимъ богомольцамъ по обычаю агарянскому (ἐν τῷ τῶν Ἀγαρηνῶν ἔθει). Отецъ женилъ дѣтей на гречанкахъ (ταῖς συνέθνοις καὶ ὁμοφύλοις αὐτῶν γυναιξίν).

Одинъ изъ семи дѣтей назывался Δαχάκ, что значитъ по гречески Γελάσιος («смѣющійся»). Будучи третьимъ въ родѣ, онъ былъ не женатъ и хотѣлъ перейти въ христіанство, о чемъ христіане не знали. По смерти отца (въ агарянской вѣрѣ) Δαχάκ, освободившись отъ отцовскаго страха и обрадованный его смертью, приходитъ къ благочестивой матери и говоритъ: хочу быть христіаниномъ. Мать съ мужествомъ матери одного изъ 40 (севастійскихъ) мучениковъ, почтенной Наталіи, укрѣпляла его въ этой мысли. Δαχάκ съ родины ушелъ въ Іерусалимъ и явился въ храмъ Воскресенія для крещенія. Въ это время сюда же прибылъ для молитвы одинъ инокъ Саввиной лавры, которому Дахакъ разсказалъ свою жизнь. Пригласивъ Дахака въ ксенодохію Саввиной лавры, называемую жителями Константинополя (παρὰ τῶν κωνσταντινουπολιτῶν) Метохіею, старецъ сообщилъ о немъ игумену. Послѣдній указывалъ Дахаку на опасность крещенія, говоря, что Агаряне обезглавливаютъ всякаго единовѣрца, перешедшаго въ другую вѣру; но Дахакъ былъ полонъ рѣшимости, и вотъ игуменъ крестилъ его подъ именемъ Вакха, а затѣмъ 18-лѣтняго юношу (τὸ νέον τῆς ἡλικίας αὐτοῦ) облекъ въ ангельскій образъ.

Мать Вакха, подобно Аннѣ принесшая Богу второго Самуила, прибыла въ Іерусалимъ ко дню Воздвиженія Честнаго Креста (14 сентября), потомъ въ Маіуму (ὁ Μαιουμᾶς). Другія дѣти ея, отправившись изъ Маіумы въ чужую сторону, также приступили къ св. крещенію съ женами и дѣтьми. Впрочемъ, одинъ изъ числа семи былъ женатъ на звѣровидной женщинѣ, которая держалась агарянской вѣры.

Между тѣмъ сарацины, узнавъ объ отверженіи Дахакомъ ислама, послали сирійца и идумея (ἰουδουμαῖος) Δοήκ подъ видомъ христіанина для розысковъ Дахака (Вакха), давъ ему достаточно денегъ для убійства[2]). Доикъ прибылъ въ Іерусалимъ, ходилъ по улицамъ и площа-

1) ἐν τοῖς ἑῴας μέρεσιν τοιοῦτόν τι παραδέδοται ἔθος.

2) Сиріецъ Δωήκ — взято изъ Библіи (см. выше).

дямъ и выглядывалъ, не попадется ли ему Дахакъ. Когда послѣдній входилъ въ храмъ Воскресенія, Доикъ схватилъ его за плечи и крикнулъ сарацинамъ, что это — агарянинъ, перешедшій въ христіанство. Дахака схватили и привели къ эмиру (ἀμηρᾶς). Послѣдній, заключивъ его въ тюрьму, извѣстилъ «стратига» письмомъ слѣдующаго содержанія: «нѣкій юноша (νεότερος), отказавшись отъ нашей вѣры, перешелъ въ заблужденіе такъ называемыхъ христіанъ и увлекъ за собою многихъ; схвативъ, я посадилъ его въ тюрьму. Итакъ ваша держава повелитъ тщательно разслѣдовать таковое дѣло (κεφάλαιον), чтобы и другіе не дѣлали того же. Прощай». Слуги съ письмомъ эмира прибыли въ г. Φοσσάτων и передали пакетъ «стратигу». Послѣдній велѣлъ представить къ нему мученика.

Между тѣмъ въ темницѣ одинъ христіанинъ обратился къ мученику со словами: отче Вакхе! помолись о всемъ мірѣ, о градѣ нашемъ Іерусалимѣ, о царствующемъ градѣ (Византіи), о тамошнихъ христіанахъ и обо мнѣ недостойномъ, дабы Богъ далъ мнѣ совершить путь мученичества.

На слѣдующій день (τῇ ἑξῆς) эмиръ вывелъ Вакха изъ Іерусалимской тюрьмы съ колодками на рукахъ и на шеѣ и передалъ его въ г. Φοσσάτων согласно приказанію «стратига» (который названъ также ἀμηρᾶς). Здѣсь мученикъ былъ заключенъ въ темницу πραιτώριον, откуда съ веселымъ лицемъ, посреди агарянъ, самаритянъ (σαμαρειτῶν), іудеевъ и христіанъ, явился къ «стратигу» халифу. Послѣ допроса «стратигъ» передалъ мученика палачу (σπεκουλάτωρι) со словами: «выведя его въ приготовленное мѣсто, если не покорится нашимъ постановленіямъ и не распрострется (передъ нами) долу, отрубите ему голову мечемъ». Мученикъ остался непреклоненъ и былъ обезглавленъ. Память его 16 декабря.

Разумѣется, нѣтъ никакой возможности точнѣе опредѣлить время кончины Вакха, если не разумѣть, что въ 6296 г. мученикъ и родился. При такомъ допущеніи Дахакъ родился въ 788 г., крестился въ 806 г. и вѣроятно вскорѣ послѣ того и пострадалъ, значитъ въ возрастѣ 18—19 лѣтъ. Сообразно съ этимъ Βάκχος ὁ νέος будетъ означать: Вакхъ младый или юноша, а не Вакхъ новый, какъ полагали В. Гр. Васильевскій и архим. Владиміръ.

Житіе Іоанна Дамаскина первоначально было написано на арабскомъ языкѣ: διαλέκτῳ καὶ γράμμασι τοῖς ἀραβικοῖς, но оно до насъ не сохранилось; повидимому, оно вышло изъ подъ пера простеца и от-

личалось совершенно простымъ изложеніемъ. Но чѣмъ далѣе святой уходилъ въ глубь исторіи, тѣмъ личность его все болѣе покрывалась легендарнымъ ореоломъ, пока наконецъ легенда не закрѣплена была въ позднѣйшемъ, уже греческомъ, его житіи, сдѣлавшемся источникомъ нашихъ вѣрованій...

Что касается до мученичества св. Иліи († 795), то необходимо сдѣлать о немъ одно предварительное замѣчаніе. Или самъ А. И. Пападопуло-Керамевсъ, или переводчикъ его предисловія В. В. Латышевъ называютъ его Иліею Новымъ (ὁ νέος, въ отличіе очевидно отъ Иліи Старшаго); но здѣсь мы замѣчаемъ ту же ошибку, которая съ давняго времени тяготѣетъ и надъ св. Евдокимомъ. Мы уже говорили (ср. I, 17—18), что ὁ νέος въ отношеніи лицъ, скончавшихся въ молодыхъ сравнительно годахъ, означаетъ не новый, а младой; Евдокимъ скончался 33 лѣтъ отъ рода, Илія замученъ 21 года, Вакхъ 18 лѣтъ, и для всѣхъ ихъ поэтому ὁ νέος будетъ значить: младый, юный, юноша.

Мученичество Иліи сохранилось въ той единственной парижской рукописи X вѣка (cod. Seguer. = Coislin. = Bibl. Nation. № 303), въ которой только имѣется и мученичество Саввинскихъ мучениковъ, и издано было въ свое время неполностью Комбефисомъ[1]), а недавно цѣликомъ Пападопуло-Керамевсомъ[2]). Послѣдній не опредѣлялъ времени написанія этого агіографическаго памятника, для насъ же выясненіе этого вопроса прямо необходимо.

Агіографъ не новичекъ въ своемъ дѣлѣ: до настоящаго мученичества имъ было написано два сказанія историческаго характера (ἱστορίαι). Какъ вѣроятно и первыя два, это третье составлено просто, безъ претензіи на пышность и риторику; разсказывается «со всею истиною» (§ 4). Говоря о кончинѣ святого, авторъ пишетъ: φέρεται δὲ φᾶσις περὶ αὐτοῦ (§ 18), то есть: о немъ ходитъ слухъ: ясное дѣло, что агіографъ не былъ не только современникомъ, но не былъ и близкимъ къ нему по времени авторомъ. Въ связи съ этимъ обращаетъ на себя вниманіе и самое заглавіе сочиненія: ὑπόμνημα καθ' ἱστορίαν τῆς ἀθλήσεως. Употреблено не обычное заглавіе Ἄθλησις, а именно Ὑπόμνημα (καθ' ἱστορίαν). Но всѣ эти ὑπομνήματα—памятники сравнительно поздніе. Житіе патр. Германа, Повѣсть о римской иконѣ

1) Fr. Combefis. Christi martyrum lecta trias (Parisiis 1666), p. 155—206.

2) Правосл. Палест. Сборникъ, LVII (XIX 3) стр. 42—59, ср. стр. 49—68 (Τὴν τῶν πολλῶν ἀντιλογίαν).

Спаса и т. д., носящія заглавіе ὑπόμνημα, сочиненія сравнительно поздняго времени — не ранѣе X вѣка. Безспорно, что мученичество написано въ Сиріи и по всей вѣроятности въ Дамаскѣ, гдѣ только и хранилась память мученика (1 февраля), но составлено было довольно поздно и, какъ кажется, дополнялось послѣдующими чудесными разсказами.

Илія родился въ сирійскомъ городѣ Иліополѣ (Ἡλιούπολις, Baalbek), около Ливана, во второй Финикіи (ок. 774 г.) и по ремеслу былъ плотникомъ. Покинувъ родину, онъ съ бѣдною матерью и двумя братьями переселился въ Дамаскъ, митрополію, большой городъ, въ которомъ надѣялся легче найти средства къ существованію. Здѣсь онъ нанялся въ работу у одного сирійца, сотрапезника и приверженца одного изъ арабовъ, и въ этомъ занятіи провелъ два года. Но вотъ его хозяинъ-сиріецъ отступилъ отъ вѣры Христовой, хотя и продолжалъ заниматься своимъ ремесломъ (§ 5). Вскорѣ арабъ, покровитель сирійца, женилъ своего сына. Когда у него родился внукъ, отецъ приготовилъ пиршество, на которомъ присутствовали: арабъ-патронъ, дѣдъ-сиріецъ, отецъ и другіе; за столомъ прислуживалъ Илія, которому было около 12 лѣтъ отъ рода. Арабъ заинтересовался учтивостью Ильи и спросилъ его, гдѣ онъ научился такой деликатности. Вмѣсто него отвѣтилъ его хозяинъ: «онъ нанятъ у меня въ моемъ ремеслѣ и, какъ видите, хорошъ». Арабъ и другіе гости убѣждали Илію отказаться отъ христіанства, чтобы быть уже не наемникомъ, а сыномъ сирійца. Они кормили его за обѣдомъ и затѣмъ плясали, заставляли плясать и юношу (§ 6). На утро Илія проснулся, умылся, одѣлся и вышелъ изъ дома съ намѣреніемъ помолиться. Дорогою въ домъ молитвы онъ встрѣтилъ нѣкоторыхъ изъ вчерашнихъ гостей, которые замѣтили ему, что онъ уже отрекся отъ христіанства. Не обративъ на это вниманія, Илія изъ дома молитвы явился въ свою мастерскую и встрѣтился съ хозяиномъ; послѣдній также проговорился объ его отступничествѣ. Илія испугался слуховъ и повѣрилъ свою думу своимъ братьямъ и матери. Тѣ явились къ сирійцу, прося разсчета, такъ какъ, говорили они, Илья уѣзжаетъ на свою родину въ Иліополь. Сиріецъ отъ разсчета отказался и удерживалъ мальчика подъ предлогомъ его отступничества отъ христіанства (§ 7). Братья отказались отъ разсчета за Илью и убѣждали его ѣхать въ Иліополь хотя бы на время. Илья уѣхалъ и пробылъ на родинѣ восемь лѣтъ (786 — 794); затѣмъ снова прибылъ въ Дамаскъ на 20-мъ году возраста. Братья

совѣтовали ему открыть свою мастерскую вьючныхъ сѣделъ для верблюдовъ и не отлучаться отъ нихъ для успокоенія матери (§ 8).

Сиріецъ отступникъ, жившій близъ него, завидуя его успѣху въ дѣлѣ производства, однажды сказалъ: «товарищъ, гдѣ ты былъ эти годы? почему теперь, возвратившись, сердишься на меня? Приди и работай снова со мною, сдѣлавшись моимъ сотрудникомъ». Илья отвѣтилъ: «ты обидѣлъ меня, лишивши жалованья, хочешь снова обидѣть меня»? Бывшій его хозяинъ разсердился и сказалъ: «воистину я обидѣлъ тебя, позволивъ послѣ отреченія оставаться въ твоей вѣрѣ». И призвавъ сына умершаго араба-патрона, спросилъ: «не свидѣтельствуешь ли ты, что сей Илья отрекся отъ Христа въ тотъ вечеръ»? Тотъ подтвердилъ это. Приведя Илію къ епарху Леѳи (Λεϊθί), сиріецъ представилъ и араба въ качествѣ свидѣтеля. Леѳи задалъ вопросъ Ильѣ, но послѣдній отрицалъ свое отпаденіе отъ христіанства. Тогда епархъ сказалъ: «положимъ, что ты никогда не отрекался, но такъ какъ ты предсталъ, мы побуждаемъ тебя отречься, приступить къ служенію арабовъ и получить отъ насъ всякую честь» (§ 10). Такимъ образомъ вопросъ съ обвиненія перешелъ просто къ принужденію.— Илью бичевали воловьими жилами, заковали въ кандалы и бросили въ тюрьму. Братья приходили къ нему, и онъ ободрилъ ихъ, что за Христа онъ твердо рѣшился пострадать даже до смерти (§ 12). Затѣмъ Леѳи снова велѣлъ бить Илью, вмѣстѣ съ сукровицею выпадали изъ него черви и распространялся смрадъ (§ 13). Когда его опять влекли въ темницу, толпа на площадяхъ топтала его, плевала, бросала въ него камнями. Ночью въ темницѣ (по словамъ сторожа) возсіялъ свѣтъ и слышалось пѣніе; по словамъ самого Ильи, онъ видѣлъ Христа, умащающаго его и укрѣпляющаго къ подвигу (§ 14). Не въ состояніи сломить твердости мученика, Леѳи отправился къ Мухамеду (Μουχάμαδ), тетрарху и игемону изъ родственниковъ арабскаго царя Маади (Μααδί, Mohammed — Mahadi, 775—785), за совѣтомъ, что предпринять далѣе. Мухамедъ, призвавъ Илью, пробовалъ перемѣнить тактику: обѣщалъ ему почетъ, почести и красивую жену, лишь бы онъ участвовалъ въ ихъ богослуженіи. Илья отвергъ и это. Тогда Мухамедъ сказалъ: «отъ Маади пришло повелѣніе задерживать всѣхъ, обвиняемыхъ по этой жалобѣ, именно переходящихъ въ вѣру арабовъ и затѣмъ снова превращающихся въ христіанъ, и если они по увѣщанію не отступятъ отъ вѣры Христовой, предавать казни» (§ 15). — Здѣсь замѣтно несоблюденіе агіографомъ исторической

перспективы: въ 794 г. не могло придти указа халифа, который уже не былъ имъ съ 785 года. Агіографъ, зная, что Мухамедъ приходился родственникомъ Маади, представляетъ себѣ дѣло такъ, какъ будто Маади все еще царствуетъ. Но можетъ быть словами ἦλθε παρὰ Μααδὶ обозначенъ указъ ранѣе существовавшій, на который только ссылался Мухамедъ?—Когда и этотъ доводъ не подѣйствовалъ, къ Ильѣ явилось двое сыновей игемона, которые предлагали считать юношу роднымъ братомъ, взять его съ собою въ военную службу, записать его имя въ ихъ царскіе списки, если онъ только отречется отъ имени Христова. Но и это обольщеніе не достигло цѣли. Тогда игемонъ велѣлъ Леѳи снова мучить Илью и въ случаѣ упорства предать его смерти. Вытолкавъ мученика отъ игемона, Леѳи привелъ его на мѣсто «Зеленыя» (Πρασινά) и велѣлъ ему, въ ожиданіи приговора, въ январѣ мѣсяцѣ (вѣроятно 794 г.), нагому стоять предъ судилищемъ (§ 16). Илья простылъ и даже въ темницѣ, куда онъ былъ потомъ ввержепъ, не могъ согрѣться; застудивъ желудокъ, онъ получилъ изнурительную дисентерію, продолжавшуюся сорокъ дней (§ 17). «Ходитъ о немъ сказаніе, что онъ преставился ко Господу въ первый день мѣсяца февраля» (§ 18). Когда Илья находился еще въ темницѣ, явилось сюда нѣсколько арабовъ, посланныхъ не безъ вѣдома властителя (Леѳи, или Мухамеда?), которые также лестію хотѣли совратить святого съ пути христіанскаго. Далѣе явились палачи и въ кандалахъ вывели Илью предъ судилище. Двѣнадцать воиновъ, окружавшихъ его, держали мечи, которыми должны были размахивать для его устрашенія и дѣлать видъ, что намѣреваются бить и рубить его. Явился наконецъ отъ игемона великій старецъ логоѳетъ, лицемѣрно предлагавшій Ильѣ много денегъ за причиненныя ему обиды. «Возьми и иди», говорилъ онъ; но мученикъ оттолкнулъ его (§ 19). Тогда Леѳи велѣлъ воинамъ отрубить часть плеча мученику; но тѣ по условленному знаку только слегка ударили его. Илья оставался непреклоннымъ. Епархъ велѣлъ рубить его,— воины вынули 20 сребренниковъ въ награду тому, кто ударитъ святого. И одинъ изъ персовъ, схвативъ мечъ, ударилъ святого по шеѣ и третьимъ ударомъ отрубилъ голову (§ 20).

Одинъ изъ вельможъ, увидѣвъ мертвое тѣло съ радостнымъ лицомъ, произнесъ: великое дѣло умереть за вѣру «сей не умеръ, но живъ». Тѣло Ильи было повѣшено въ саду за воротами и приставлена стража, чтобы христіане не похитили тѣла на благословеніе. Палачи,

обмывъ мѣсто кончины святого, бросили и самую землю изъ-подъ мученика въ большой потокъ сосѣдней рѣки Хрисорров (Χρυσορρόας, златострупной). Тѣло Иліи висѣло на деревѣ съ 1 до 14 февраля 6287 года (§ 21). — Если агіографъ пользовался при этомъ палестинскимъ счетомъ времени, какъ и въ мученичествѣ Саввинскихъ мучениковъ, то кончина Иліи относится къ 1 февраля 795 года. На первый взглядъ казалось бы, что Илья простудился въ январѣ и умеръ 1 февраля 795 г.; однако страданіе его дисентеріею продолжалось 40 дней, что уже выходитъ за предѣлы начала февраля; поэтому мы думаемъ, что мученіе его продолжалось около двухъ лѣтъ, съ конца 793 по начало 795 года.— Разсказывали, что когда онъ висѣлъ на крестѣ, подъ его головою свѣтила лампада или весьма блестящая и большая звѣзда по кругу луны; говорили также, что таже звѣзда является и донынѣ у мѣста погребенія святого (§ 22). Одинъ купецъ — иліополитъ, знакомый Иліи, не зная еще о его кончинѣ, прибылъ по торговымъ дѣламъ въ Дамаскъ. За 15 миль отъ города онъ встрѣтилъ Илью въ бѣлыхъ одеждахъ, озареннаго блестящею славою, верхомъ на бѣломъ конѣ. Купецъ удивился, видя Илью въ другомъ чинѣ и состояніи. «Войди въ Дамаскъ и тамъ тебѣ будетъ разсказано происшедшее со мною», сказалъ Илья и сталъ невидимъ. Купецъ, прибывъ къ воротамъ Дамаска, увидѣлъ на крестѣ Илью (§ 23). Одинъ изъ жителей также разсказывалъ: «Я — сосѣдъ нѣкоего араба и ночью слышалъ, какъ мой сосѣдъ взывалъ къ своимъ и говорилъ имъ на арабскомъ языкѣ: встаньте, посмотрите, что дѣлаютъ христіане этому убитому и распятому: они повѣсили великій зажженный многосвѣщникъ надъ головою распятаго и воспѣвали его подвиги, да и самого Илью я видѣлъ поющимъ; но нѣтъ, около креста стояла арабская стража и не могла допустить сюда христіанъ: очевидно, это не выдумка христіанъ, а настоятельство Бога, показывающаго, что Илья удостоенъ великой славы, будучи убитъ за свою вѣру» (§ 24). Когда Леонъ узналъ о стеченіи ко кресту христіанъ, онъ распорядился сжечь тѣло. Три раза разводили костеръ, но тѣло мученика оставалось невредимымъ; наконецъ оно было разрублено и брошено въ великій потокъ сосѣдней рѣки (Хрисорров, § 25). Послѣ того святой являлся въ Дамаскѣ многимъ и указалъ, гдѣ на берегу остановились части его тѣла. Послѣднія были собраны и хранятся не явно (§ 26).

Житіе Θеодора Едесскаго, написанное его племянникомъ Василіемъ, спутникомъ въ его безпрестанныхъ путешествіяхъ и позже

епископомъ Емесскимъ [1]), при всѣхъ его довольно любопытныхъ и историческихъ данныхъ, переноситъ насъ въ страны востока и знакомитъ главнымъ образомъ съ его сказками, имѣющими однако историческую основу. Какъ кажется, Житіе это было написано первоначально на арабскомъ языкѣ: г. Васильевъ отыскалъ арабскій текстъ въ числѣ рукописей Парижской Національной Библіотеки [2]); но въ греческихъ спискахъ нѣтъ упоминанія о переводѣ: быть можетъ, греческій текстъ вышелъ изъ-подъ пера самого автора [3]).

Въ предисловіи агіографъ благодаритъ Бога и молитъ его дать ему слово для прославленія добродѣтельнаго Житія Θеодора, подвизавшагося въ лаврѣ св. Савы, потомъ занявшаго каѳедру Едесской церкви и приведшаго многихъ ко Христу; племянникъ (ἀδελφιδοῦς) и слуга (οἰκέτης) святаго, онъ чувствуетъ свое безсиліе и проситъ снисхожденія у слушателей (§ 1).

Не много лѣтъ тому назадъ нѣкій едесецъ Симеонъ, сынъ благочестивыхъ и достаточныхъ родителей, вступилъ въ бракъ съ едесянкою же Маріею. Плодомъ этого брака была дочь. Марія сокрушалась о неимѣніи сына, молилась Богу и обрекла Ему своего сына въ случаѣ его рожденія (§ 2). Въ первую субботу великаго поста на память св. Θеодора (Тирона) родители по обычаю молились въ церкви и просили святого исходатайствовать имъ плодъ мужескаго пола. Во снѣ имъ предстали ап. Павелъ и великомуч. Θеодоръ, которые и обѣщали имъ по ихъ желанію (§ 3). Въ сороковой день мать принесла его въ церковь и посвятила Богу. Въ возрастѣ двухъ лѣтъ (διετες) онъ былъ приведенъ родителями къ архіерею того города, который и окрестилъ его именемъ Θеодора.— Поздней порѣ крещенія удивляться нѣтъ причины: другіе святые крещены были и въ болѣе позднее время, напр. Θеофилъ исповѣдникъ, крещенный въ возрастѣ трехъ лѣтъ.—Въ возрастѣ пяти лѣтъ Θеодоръ былъ отданъ учителю (διδασκάλῳ παραδίδοται) для изученія духовной

---

1) Впервые отрывокъ изъ него напечатанъ былъ акад. Васильевскимъ въ Правосл. Палест. Сборн. XI. 263 и сл.; цѣликомъ Житіе издано проф. И. Помяловскимъ: «Житіе иже во святыхъ отца нашего Θеодора, архіеп. Едесскаго». Спб. 1892. Рецензіи въ Byz. Zeitschrift, 1892 I. 632 и (А. А. Васильева) въ Ж. М. Н. Пр. 1893, III. 201—210.

2) Baron de Slane, Catalogue des mss. arabes de la bibliothèque nationale, I. 33.

3) Cod. gr. Synod. Mosq. № 126, XI в. л. 112—181 (Владиміръ, 123), № 381, 1023 г., л. 227—285 (Влад., 574); fragm. cod. Chalces; fragm. cod. Paris. № 776, XV в., л. 25—29 об. (Omont, I. 143; у Fabric.—Harl. X. 335 помѣчено № 726 n° 7). Проф. Помяловскій пользовался первыми тремя рукописями.

граматы. Два года онъ ходилъ въ училище, но грамота ему не давалась; родители его бранили, учителя били, а товарищи издѣвались. Тогда онъ въ воскресенье незамѣтно вошелъ въ храмъ и спрятался подъ престоломъ (§ 4). Во время архіерейской службы мальчикъ заснулъ и увидѣлъ благолѣпнаго юношу, питающаго его медвянымъ сотомъ, говорящаго о монашескомъ Житіи и вручающаго ему пастырскій жезлъ. По окончаніи службы Θеодоръ вышелъ изъ-подъ престола, былъ замѣченъ архіереемъ, которому разсказалъ обо всемъ; епископъ постригъ его въ чтецы и включилъ въ свой клиръ (§ 5).

Съ этого времени онъ получилъ благодать и сталъ быстро усвоять ученіе: послѣ перваго же или второго чтенія онъ зналъ уже псалмы или другіе предметы; сдѣлался любимцемъ учителей и товарищей. Усвоивъ духовное образованіе, онъ приступилъ къ энкиклическому, подъ руководствомъ одного ученаго (σοφιστής), Софронія «общаго» наставника Едесы[1]); у него онъ усвоилъ грамматику, риторику и философію. Восемнадцати лѣтъ онъ лишился отца, а черезъ годъ потерялъ и мать (§ 6). Почтивъ память родителей, онъ рѣшился идти въ монастырь; раздавъ имущество и отдѣливъ часть его для своей сестры, «моей матери» (ἐμῇ δὲ μητρί), уже давно бывшей замужемъ, онъ поля, золото и серебро отдалъ бѣднымъ, отпустилъ на волю своихъ слугъ (τὰ οἰκετικὰ γένη), надѣливъ ихъ частями (λεγάτα), и ушелъ въ Іерусалимъ (§ 7).

Въ то время ему было 20 лѣтъ. Поклонившись Живопріемному Гробу, всѣмъ священнымъ зданіямъ и честной Голгоѳѣ, онъ обошелъ около нея святыя мѣста (§ 8). Черезъ семь дней онъ прибылъ въ лавру св. Савы, явился къ честному игумену Іоанну, многолѣтнему подвижнику, и просилъ его о постриженіи. Настоятель изложилъ ему всѣ трудности иноческой жизни особенно для такого молодого возраста; но когда Θеодоръ заявилъ, что онъ пришелъ, чтобы жить со Христомъ и умереть плотію, Іоаннъ принялъ его въ число братіи (§ 9), а вскорѣ, собравъ въ храмъ всѣхъ иноковъ и прочтя священный канонъ, постригъ Θеодора и одѣлъ его въ монашескую рясу (§ 10). Молодой инокъ предался строгому подвижничеству

1) p. 6: ὃν κοινὸν παιδευτὴν ἡ τῶν Ἐδεσηνῶν τηνικαῦτα πόλις εἶχεν. Такимъ «общимъ» наставникомъ въ Константинополѣ во времена Стефана Новаго былъ дидаскалъ Тимоѳей (πανεύφημος). Конечно, агіографъ разумѣлъ при этомъ апостола Тимоѳея (ср. П. В. Никитинъ, О житіи Стефана Новаго. Спб. 1912), но, вѣроятно, и самое имя апостола явилось только потому, что учителемъ Θеодора былъ какой нибудь Тимоѳей.

и образцемъ для подражанія избралъ игумена (§ 11). Послѣдній, видя его добродѣтель, поручилъ ему управленіе лаврою въ должности эконома; это случилось въ пятый годъ пребыванія его въ обители (§ 12). Θеодоръ сталъ правою рукою Іоанна, исполняя въ теченіи 12 лѣтъ должность эконома. Чувствуя приближеніе смерти, игуменъ благословилъ его (§ 13), назначилъ своимъ преемникомъ одного брата, а ему повелѣлъ жить въ той келіи, «которая и доселѣ стоитъ» (§ 14). Выходя въ пустыню Іордана и возвращаясь снова въ лавру, Θеодоръ прожилъ въ обители 24 года, не имѣя ни сумы, ни другого хитона, пребывая въ бѣдности, питаясь хлѣбомъ и водою, проводя время въ молитвахъ и побѣдахъ надъ лукавымъ (§ 15). Особенно онъ прославился постомъ и бодрствованіемъ: становился на молитву при заходѣ солнца и кончалъ при восходѣ, въ 11-мъ часу; спалъ всего одинъ или два часа; помолившись до третьяго часа, онъ принимался за рукодѣліе; «онъ былъ превосходнымъ переписчикомъ (γραφεύς) богодохновенныхъ книгъ; написанное имъ и доселѣ (μέχρι τῆς δεῦρο), какъ великое нѣкое сокровище, хранится въ оной святой лаврѣ»; съ наступленіемъ шестаго и девятаго часа онъ опять пѣлъ гимны и произносилъ молитвы; съ наступленіемъ часа для пѣнія свѣтильнаго гимна (λυχνικὸς ὕμνος) онъ начиналъ нощныя пѣснопѣнія, пѣлъ канонъ и уставъ и при этомъ всегда проливалъ слезы (§ 16). Онъ прославился всяческими добродѣтелями и получилъ отъ Бога учительную благодать и краснорѣчіе слова; его посѣщали не только лаврскіе монахи, но и окрестные жители (§ 17); много міряпъ, презрѣвъ міръ, сдѣлалось иноками, какъ будто подъ вліяніемъ миθическихъ сиренъ. Агіографъ намѣревается присоединить къ разсказу (προσθεῖναι τῷ διηγήματι) нѣчто удивительное для пользы и вящшей славы преподобнаго (§ 18).

Нѣкій юноша, родственникъ Θеодора, узнавъ о его добродѣтельномъ житіи, отправился изъ Едесы въ Савину лавру съ намѣреніемъ постричься тамъ въ монашество. Святой отнесся къ этому неодобрительно; но поддавшись убѣжденіямъ его, настоятеля и братіи, онъ принялъ юношу, постригъ, рукою священника облачилъ его въ рясу и наименовалъ Михаиломъ. Молодой монахъ оказался на высотѣ своего призванія (§ 19). Онъ мастерски вилъ руками веревки (τὴν σειράν), называвшіяся по мѣстному нарѣчію μαλάκια и κανίσκια. Отправившись однажды въ Святый Градъ и встрѣтившись съ лаврскимъ страннопріимцемъ (ξενοδοχείῳ ξενοδοχεῖ), онъ продалъ свое рукодѣліе

и выручку принесъ Θеодору, который передалъ деньги настоятелю, а кое что изъ нихъ удѣлилъ нуждающимся (§ 20).

Приступая къ разсказу объ арабскихъ дѣлахъ, агіографъ начинаетъ издалека. Сарацины овладѣли всѣми странами Финикіи и Палестины и царь Персовъ (ὁ τῶν Περσῶν βασιλεύς) получилъ власть надъ ними. Началось это со временъ Ираклiева внука Константа; Ромейское царство находилось въ печальномъ состояніи. Увлеченный въ монофелитскую ересь, Константъ умертвилъ своего брата Θеодосія, безчестно привелъ святѣйшаго Мартина, папу Римскаго, въ Константинополь и сослалъ въ Херсонъ, а исповѣднику Максиму отрѣзалъ языкъ и правую руку, и подвергъ многихъ православныхъ ссылкѣ и заточенію. Господь отступился отъ насъ, и Финикія съ Палестиною была предана въ руки беззаконныхъ. Персы, побѣжденные Ираклiемъ, по смерти царя ихъ Хозроя, были разбиты, и потому упомянутыя страны и городъ Іерусалимъ со всѣми его церквами наслаждались миромъ. Беззаконія Константа вызвали гнѣвъ Божій: явился Магометъ (Μωάμεδ) и Персы съ Арабами въ несчетномъ количествѣ отправились въ походъ на Дамаскъ. Противъ нихъ выступили стратиги Востока Ваанъ и Василискъ, но были разбиты и 40,000 христіанъ погибло. Сарацины, разграбивъ Дамаскъ и овладѣвъ Финикiею и Палестиною, заняли самый Іерусалимъ (§ 21). — Свидѣтельство это стоитъ въ извѣстной зависимости отъ греческихъ источниковъ. По Θеофану (I, 337), Арабовъ было несмѣтное множество; стратилатъ Ваанъ просилъ помощи у царскаго (βασιλικός) сакелларія, и послѣдній прибылъ къ нему; въ битвѣ войска подъ командою сакелларія были разбиты, и у обоихъ стратиговъ погибло 40,000 войска; сарацины заняли Дамаскъ и страны Финикіи и затѣмъ двинулись въ Египетъ. Имя Василиска неизвѣстно Θеофану; но объяснять его искаженіемъ слова βασιλικός рискованно. Священнымъ городомъ и всѣми поклоняемыми мѣстами они владѣютъ и доселѣ (μέχρι τῆς δεῦρο κατέχουσι); между ними христіане подобны овцамъ среди волковъ; храмы, монастыри и митрополіи Іерусалима хотя и стоятъ, но пребываютъ въ скорби и утѣсненіи (§ 22). Чудеса Богопріемнаго Гроба обуздали Агарянъ и убѣдили ихъ оказывать почтеніе «къ матери церквей»; персидскіе вожди (ἀρχηγοί) увидѣли чудеса и стали съ честью относиться къ патріарху, епископамъ, пресвитерамъ и всему христіанскому народу (§ 23). Во время пребыванія Θеодора въ лаврѣ св. Савы, персидскій царь Адрамелехъ съ женою Сеидою (Σεΐς), войскомъ и народомъ прибылъ изъ Вавилона въ Іеру-

салимъ видѣть храмъ Воскресенія и совершающіяся тамъ чудеса. Это былъ добродушнѣйшій человѣкъ, не дѣлавшій вреда христіанамъ и улаживавшій дѣла мирнымъ образомъ. Ѳеодоръ въ это время послалъ Михаила въ Іерусалимъ для продажи «кошницъ и блюдъ» (*κανίσκιά τε καὶ μαλάκια*). Михаилъ остановился въ гостинницѣ лавры, оставилъ тутъ свое рукодѣліе, сходилъ для молитвы въ храмъ Воскресенія, поклонился Гробу Господню и Лобному мѣсту, вернулся за вещами и вышелъ съ ними на торгъ. Къ нему подошелъ евнухъ царицы Сеиды и, заинтересовавшись рукодѣльемъ, обѣщалъ пріобрѣсти его, для чего просилъ его слѣдовать за нимъ. Сеида, плѣнившись красотою монаха, возгорѣлась похотью, и ласками, обѣщаніями и наконецъ угрозами вынуждала раздѣлить ея любовь; но Михаилъ остался чистымъ, подобно Іосифу передъ женою Пентефрія. Тогда царица приказала бить монаха и потомъ отправила его съ двумя скопцами къ Адрамелеху, требуя отъ него казни Михаила. Царь догадывался о клеветѣ, но онъ слушался своей жены (§ 24). Онъ принялъ монаха строго, но вскорѣ расположился къ нему, просилъ его оставить монашество, христіанство, перейти въ мусульманство и жениться, послѣ чего обѣщалъ сдѣлать его первымъ лицемъ въ государствѣ. При немъ находился одинъ еврей, знатокъ закона, который и замѣнилъ царя въ спорѣ съ христіаниномъ (§ 25—26). Еврей былъ однако побѣжденъ Михаиломъ; персы и сарацины были посрамлены, христіане же возрадовались. Жидовинъ былъ изгнанъ и самъ царь снова вступилъ въ споръ съ монахомъ. Не въ силахъ переспорить инока, царь ставилъ его на горячіе угли, но Михаилъ остался невредимъ; царь предложилъ ему выпить чашу яда, но ядъ не оказалъ на черноца никакого дѣйствія, тогда какъ остатокъ питья причинилъ мгновенную смерть одному осужденному на смерть преступнику. Наконецъ царь отдалъ приказъ обезглавить монаха. Михаилъ былъ выведенъ за городъ и усѣченъ. Монахи савинскаго подворья въ Іерусалимѣ хотѣли было взять тѣло его себѣ, но иноки лавры настояли на своемъ, и царь Адрамелехъ отдалъ тѣло Михаила въ лавру св. Савы. Въ день мученической кончины инока Ѳеодоръ видѣлъ видѣніе и, прозрѣвъ событіе, послалъ монаховъ въ Іерусалимъ за мощами. Тѣ принесли тѣло его въ лавру ночью, причемъ во все время пути имъ свѣтилъ небесный огненный столпъ (§ 27— 33). Ѳеодоръ съ каѳигуменомъ и братіею встрѣтили тѣло Михаила и отнесли его въ церковь (*εἰς τὸ κυριακόν*), причемъ исцѣлился другъ святого, инокъ Георгій, страдавшій болѣзнію три

года; положеніе мощей имѣло мѣсто 19 іюля (§ 34)[1]). Θеодоръ радовался, что такой благодати сподобилъ Богъ его родственника, а съ другой стороны сокрушался о лишеніи его, — и съ бо́льшею строгостью сталъ проходить свою иноческую жизнь (§ 35). Въ сонномъ видѣніи явился ему Михаилъ, утѣшилъ и одобрилъ аскета къ новымъ подвигамъ (§ 36), о которыхъ затѣмъ и говорится (§ 37). — Повѣсть о Михаилѣ въ древне-русской письменности ходила и отдѣльно [2]); память его пріурочивается къ 23 или 25 мая.

Въ праздникъ Благовѣщенія (на пятой недѣлѣ поста) отцы лавры, выйдя на литію [3]), обошли келліи исихастовъ [4]) и имѣли духовную бесѣду съ Θеодоромъ, который послѣ долгаго постничества пріобщился Тѣла и Крови Господней и вкусилъ пищи (§ 38), состоящей изъ хлѣба, сочива (ὄσπρια), смоченнаго водою, нѣсколькихъ маслинъ и немного вина. Послѣ длиннаго поученія братіи (§ 39), отцы просили Θеодора изложить наставленія по главамъ; аскетъ уступилъ ихъ просьбамъ и изложилъ имъ свой иноческій идеалъ, а одинъ изъ скорописцевъ (ταχυγράφος) записалъ за нимъ и такимъ образомъ передалъ письму его «100 главъ», «которыя я помѣщу въ концѣ настоящаго сочиненія, чтобы не прерывать разсказа» [5]). Отцы, выслушавъ его заповѣдь, удалились во свояси, а Θеодоръ отдался своей обычной аскезѣ (§ 40).

На Пасху прибылъ въ Іерусалимъ Антіохійскій патріархъ со своими епископами, частью для поклоненія Гробу Господню, частью для «нѣкоторыхъ церковныхъ дѣлъ» (διά τινας ἐκκλησιαστικὰς ὑποθέσεις). Къ двумъ патріархамъ и ихъ архіереямъ явились въ Іерусалимъ жители Едесы, священники и міряне, выдающіяся лица народа, и поклонившись святынямъ, обратились въ синодъ съ просьбою о рукоположеніи имъ архіерея, ибо со смертью прежняго епископа церковь ихъ вдовствуетъ и подвержена вліяніямъ ересей Несторія, Севира и Евтихія. Іерусалимскій патріархъ предоставилъ право рукоположенія Антіохійскому патріарху, который отвѣтилъ такъ, что если бы нашелся въ Іерусалимѣ кто-нибудь достойный каθедры, то его можно

1) Въ слав. ошибочно: 29 іюля.

2) Рук. гр. Толстого, отд. II № 549, 1605 г., л. 1—13.

3) p. 32: εἰς λιτὴν, въ слав. 83—84: съ литіею сирѣчъ со кресты.

4) τὰς κέλλας τῶν ἡσυχαστῶν τε καὶ ἀναχωρητῶν=кѣлія молчанныхъ отецъ, живущихъ внѣ окрестъ монастыря.

5) По гречески главы изданы: Possinus. Thesaurus asceticus, Tolosae 1683 p. 345—403; Paris. 1684, p. 345—403 (102 главы), а по русски въ «Добротолюбіи». М. 1822, IV. 126, и поздн. изд.

бы было рукоположить въ присутствіи ихъ обоихъ. Іерусалимскій патріархъ указалъ тогда на игумена лавры Θеодора, на избраніе котораго съ радостью отозвались и синодъ и едесяне (§ 41). Θеодоръ, вызванный изъ лавры въ Іерусалимъ, отказался отъ предлагаемой ему каθедры, но былъ упрошенъ и въ великій четвертокъ рукоположенъ во архіепископа Едесы. Во время совершенія чина бѣлый голубь, летавшій въ храмѣ, спустился на голову рукоположеннаго, въ чемъ всѣ увидѣли особую благодать надъ Θеодоромъ [1]). Новый архіепископъ провелъ съ патріархами въ Іерусалимѣ великій пятокъ, субботу и сослужилъ съ патріархами при возженіи лампадъ св. Воскресенія небеснымъ огнемъ. — Относительно времени рукоположенія Θеодора въ архіепископы слѣдуетъ замѣтить слѣдующее. Отъ IX вѣка, когда жилъ Θеодоръ, по опредѣленному указанію житія, мы знаемъ лишь объ одномъ паломничествѣ Антіохійскаго святителя, упоминаемомъ въ Посланіи патріарховъ къ царю Θеофилу, которое написано въ апрѣлѣ 836 года. Іовъ Антіохійскій прибылъ тогда для поклоненія святынямъ Іерусалима и для участія въ синодѣ (соборѣ) для защиты православія. Несомнѣнно, житіе Θеодора разумѣетъ этотъ именно случай. Въ виду того, что въ 836 году Пасха праздновалась 9 апрѣля, приходится заключить, что Θеодоръ былъ рукоположенъ во архіепископа Едесы 6 апрѣля 836 года. — На второй день Пасхи Θеодоръ покинулъ Іерусалимъ, прибылъ въ лавру св. Савы, гдѣ имѣлъ духовную бесѣду съ отцами, и вскорѣ покинулъ обитель (§ 42). Въ Іерусалимѣ онъ провелъ «новое воскресенье» и, готовясь въ путь въ Едесу, горевалъ, что покидаетъ лавру, св. Градъ, лишается Гроба, Голгоθы, Елеонской горы и другихъ святыхъ мѣстъ (§ 43). «Былъ же съ нимъ и я, списатель сего житія [2]), съ двумя другими братами». По прибытіи на берега Евфрата они построили монастыри. Θеодоръ скучалъ по лаврѣ и Іерусалиму такъ сильно, что даже хотѣлъ вернуться туда обратно; но едесяне зорко слѣдили за своимъ епископомъ, да и видѣніе поощряло Θеодора не отказываться отъ возможности пріумноженія даннаго ему отъ Бога таланта (§ 44). Переправившись черезъ Евфратъ и шествуя между рѣками, они прибыли въ Харранъ,

---

1) По легендѣ о патр. Іерусалимскомъ Модестѣ (П. Др. П. 1892, XCI. 62): «когда же святой былъ крещаемъ, случилось неожиданное чудо: именно появился столпъ огня, сходящій съ небесъ, который утверждался на главѣ крещаемаго». Появленіе голубя знаменуетъ благодать Духа (Василій Великій: П. Д. П. XCIV. 5), но и кончину (П. Д. П. XCVIII. 11); А. Дмитріевскій. Τυπικά, I. 8.

2) p. 39: συνήμην δὲ μετ' αὐτοῦ κἀγὼ ὁ ταῦτα συγγραψάμενος.

гдѣ привлекли массу любопытныхъ. Около Едесы почти весь городъ, церковные и гражданскіе чины, вышли на встрѣчу Θеодору. Архіепископъ прежде всего вошелъ въ храмъ, красивый и великій, немногимъ уступавшій Іерусалимскому храму, помолился и приложился къ ракѣ св. Гурія, Самона и Авива, затѣмъ обошелъ другія церкви и прибылъ наконецъ въ епископскія палаты. На другой день въ воскресенье онъ служилъ литургію, послѣ которой произнесъ проповѣдь (§ 45). Замѣтивъ, что въ городѣ пустили корни многія ереси, Θеодоръ въ главѣ къ паствѣ изложилъ сущность православнаго вѣроученія и говорилъ о необходимости иконопочитанія (§ 46), о признаніи семи вселенскихъ соборовъ; проклиналъ ереси Арія и Савеллія, Θеодора Мопсуетскаго и Несторія, Діоскора и Евтихія, Евномія, Македонія, Оригена, Севира, Θеодора Фаранита, Кира Александрійскаго, Сергія, Павла, Пирра Константинопольскаго, Гонорія Римскаго, Макарія Антіохійскаго, Манеса и Маркіона (§ 47), Павла Самосатскаго и Аполлинарія Лаодикійскаго, лжеученія которыхъ описываются (§ 48 — 52). Православные радовались такому слову, но еретики кипѣли завистью и гнѣвомъ (§ 53).

Выйдя однажды изъ Едесы, Θеодоръ увидѣлъ много красивыхъ колоннъ (στύλους); по словамъ священниковъ церкви, сопровождавшихъ его, онѣ были воздвигнуты во дни царя Маврикія и въ нихъ въ разныя времена живало много столпниковъ (§ 54).—Извѣстны походы противъ персовъ Маврикіева зятя Филиппика въ концѣ VI столѣтія [1]); быть можетъ тогда же и были поставлены столпы около Едесы, едва ли не имѣвшіе первоначально значенія укрѣпленныхъ пунктовъ. — Θеодоръ поинтересовался знать, живутъ ли и теперь тутъ столпники. Ему отвѣтили, что подвизается здѣсь одинъ старецъ, Θеодосій, отъ старости выжившій изъ ума, то радующійся при видѣ проходящихъ, то сокрушающійся; по словамъ проводниковъ, онъ живетъ на столпѣ вотъ уже 95 лѣтъ [2]). На другой день Θеодоръ отправился къ Θеодосію. Стилитъ не хотѣлъ было принять его, совѣтуя ему лучше заботиться о подавленіи ересей, а его оставить въ покоѣ; но потомъ принялъ архіепископа и пророчески произнесъ, что Θеодоръ подавитъ ереси и персидскаго царя сдѣлаетъ рабомъ Христовымъ. При этомъ онъ разсказалъ слѣдующую повѣсть (§ 55).

---

1) Georg. ed. Muralt, p. 554.

2) p. 53: ἐνενήκοντα πέντε ἔτη, въ слав. ошибочно: 105 лѣтъ.

Много лѣтъ тому назадъ въ Едесѣ жилъ богатый и знатный человѣкъ по имени Адеръ (Ἄδερ), отецъ трехъ сыновей; золота, серебра, рабовъ и скота было у него въ изобиліи и ежедневно на столъ у него выходило по 50 номисмъ. Человѣкъ религіозный и нищелюбецъ, онъ построилъ много церквей и часто приходилъ къ Θеодосію для духовной бесѣды. Однажды онъ явился къ столпнику въ печальномъ видѣ, говорилъ о тлѣнности всего мірского, желалъ оставить домъ свой и идти согласно заповѣди Спасителя, прося на дорогу молитвы и одного хлѣба (§ 56). Θеодосій похвалилъ его рвеніе и далъ ему хлѣба. Адеръ удалился въ Іерусалимъ, поклонился Гробу Господню и всѣмъ святымъ мѣстамъ, затѣмъ ушелъ въ Савину лавру и принялъ здѣсь постриженіе съ именемъ Аθанасія (§ 57). Между тѣмъ жена его сокрушалась объ оставленіи ея мужемъ; тогда въ одну изъ ночей явился ей въ бѣлыхъ ризахъ Аθанасій, дѣтей обѣщалъ взять себѣ, а ее убѣждалъ идти въ монастырь. Онъ явился и Θеодосію, которому сказалъ, что черезъ три дня игуменья монастыря, не подалеку отъ столпа, умретъ, и просилъ на ея мѣсто поставить его жену; онъ прибавилъ еще, что его младшій сынъ послѣдуетъ за нимъ: уйдетъ въ лавру св. Савы, потомъ займетъ патріаршую каθедру въ Іерусалимѣ, которою будетъ править довольно лѣтъ. По смерти игуменьи, умеръ сначала старшій сынъ Аθанасія, за нимъ послѣдовалъ средній, да и третій заболѣлъ горячкою (λάβρῳ πυρετῷ συνέχεται). Мать въ отчаяніи принесла его къ Θеодосію. Встрѣтивъ развратную женщину (§ 58), она отдала ей на руки сына и умоляла ее помолиться о здравіи сына. Та была очень смущена этимъ, но видя неутѣшное горе матери, помолилась, и—дивная вещь! Θеодосій увидѣлъ со столпа, что надъ блудницей возсіялъ небесный свѣтъ и ребенокъ ожилъ (§ 59). Черезъ послушника Θеодосій пригласилъ обѣихъ женщинъ съ ребенкомъ. Жена Аθанасія, синклитикія (ἡ συγκλητική), жаловалась на свое сиротство, на смерть двухъ своихъ сыновей, но Θеодосій убѣдилъ ее оставить міръ. Раздавъ свое имущество «(великой) каθолической церкви» (—вѣроятно Едесской—), монастырямъ, бѣднымъ, Іерусалимскому храму Воскресенія, лаврѣ св. Савы и другимъ обителямъ и оставивъ частицу для своего сына, она ушла въ женскій монастырь, гдѣ перемѣнила шелкъ, виссонъ и порфиру на волосяной куколь. Блудница также перемѣнила образъ жизни, затворившись въ совершенно мрачномъ уединеніи. Между тѣмъ мальчикъ, достигши отроческаго возраста, ушелъ въ Іерусалимъ,

постригся въ Савиной лаврѣ и по смерти своего отца Аѳанасія занялъ его келлію. Много лѣтъ спустя, когда разнеслась слава о его подвижничествѣ, онъ былъ избранъ въ патріархи Іерусалима и правилъ престоломъ семь лѣтъ (§ 60). — Недостаточность нашихъ свѣдѣній о іерусалимскихъ святителяхъ VIII—IX вѣка лишаетъ возможности хотя бы приблизительно отыскать Аѳанасіева сына въ ряду патріаршествъ Іоанна V (707—745), Георгія II, Илія II (III 787 + ок. 797), Ѳеодора, Георгія III (796—806?), Ѳомы I (807, + послѣ 820) и Василія (836). Впрочемъ не слѣдуетъ опускать изъ вида и легендарности разсказа. То, о чемъ говорилъ Ѳеодосій Ѳеодору, послѣдній могъ самъ прекрасно знать, какъ подвижникъ Савиной лавры. Но если, какъ легенда, житіе имѣетъ здѣсь въ виду патріарха изъ гораздо болѣе ранняго времени, то мы могли бы указать на Іоанна III (517—524) и на Амоса (594—601), которые правили престоломъ по семи лѣтъ. — «Все это я разсказалъ тебѣ, замѣтилъ Ѳеодосій, чтобы ты къ остальнымъ старымъ и новымъ повѣствованіямъ св. Писанія, о которыхъ ты знаешь, присоединилъ и нынѣ переданное тебѣ для доказательства дивныхъ дѣлъ человѣколюбца Бога» (§ 61). Старецъ просилъ епископа представить ему синклитику, о которой была рѣчь, и когда-то блудницу, теперь помилованную женщину, которыя живутъ въ монастырѣ около 60 лѣтъ, не вкушая ничего кромѣ хлѣба и воды, и только въ праздники принимая немного моченаго сочива, обходясь безъ овощей, масла и варева; старецъ просилъ епископа повелѣть имъ вкушать хоть немного варева и масла (§ 62). Ѳеодоръ согласился ихъ видѣть; ученикъ Ѳеодосія сходилъ и пригласилъ ихъ къ епископу, который преподалъ имъ нѣсколько душеполезныхъ совѣтовъ (§ 63). Старицы удалились, принужденныя вкушать въ праздники варево и масло и недовольныя столпникомъ, который совѣтовалъ епископу сдѣлать такое послабленіе. Послѣ трапезы епископъ началъ духовную бесѣду (§ 64) и между прочимъ спросилъ старца, сколько лѣтъ онъ живетъ въ столпѣ. Ѳеодосій разсказалъ, что онъ во дни юности удалился со своимъ старшимъ братомъ въ пустыню, прилегающую къ древнему Вавилону, и поселился въ тамошнихъ пещерахъ; пищею ихъ были травы и «древесные плоды» (ἀκροδρύων), и жили они другъ отъ друга на разстояніи одной или двухъ стадій (σημεῖον). Замѣтивъ однажды, что братъ его какъ бы перескочилъ черезъ что-то, Ѳеодосій отправился къ нему и на томъ мѣстѣ нашелъ кучу золота; на эти деньги онъ въ городѣ купилъ огороженное мѣсто,

поставилъ церковь—монастырь на 40 братій, всячески украсилъ ее, построилъ больницу и гостинницу, надѣливъ монастырь селами и имѣніями, подыскалъ игумена, которому далъ тысячу золотыхъ, а другую тысячу роздалъ бѣднымъ. Затѣмъ онъ отправился разыскивать брата, дивясь простотѣ его, что онъ не сумѣлъ воспользоваться богатствами. Но ангелъ обличилъ его въ тщеславіи: по его словамъ, братъ радѣлъ для Бога, а Θеодосій—для людей, и за это старецъ долженъ плакаться семь седмицъ лѣтъ, пока не будетъ помилованъ (§ 65). Когда ангелъ скрылся, старецъ отправился въ пещеру за поисками брата, но не нашелъ его. Послѣ недѣльной молитвы его явился ангелъ и повелѣлъ ему идти въ Едесу и поселиться около Георгіевскаго столпа [1]). Черезъ сорокъ дней старецъ прибылъ сюда и живетъ здѣсь вотъ уже 49 лѣтъ; на 50-мъ году подвижничества здѣсь, наканунѣ Пасхи, явился ему ангелъ и возвѣстилъ данную ему благодарность отъ Бога прозрѣвать праведныхъ и грѣшныхъ, прибавивъ, что братъ его живъ и молится о немъ (§ 56). Дѣйствительно, старецъ видѣлъ праведниковъ, сопутствуемыхъ ангелами, и грѣшниковъ, окруженныхъ демонами (§ 67) [2]). — На другой день утромъ Θеодоръ простился со старцемъ, помолился въ храмѣ св. Георгія [3]), благословилъ монахинь и послѣ нѣкотораго колебанія принялъ отъ игуменіи на свои нужды 500 золотыхъ, которые передалъ своимъ слугамъ (τοῖς διακόνοις) [4]). Вернувшись въ свою епископію, Θеодоръ предался дѣламъ благотворенія и проповѣдыванію православія, борясь съ ересями Несторіевою, Манихейскою и Севировою (§ 68). Приверженцы послѣднихъ всячески вооружались на церковь православную, но онъ отстранялъ ихъ отъ храма; тогда они подкупили сарацинскихъ эмировъ, владѣвшихъ Сиріею, ибо владѣли громадными богат-

---

1) p. 67: δεῖ σε ἀπελθεῖν ἐν ’Εδέσῃ τῇ πόλει καὶ κατοικῆσαι τὸν σύνεγγυς τοῦ ἁγίου Γεωργίου ἱστάμενον στύλον.

2) Повѣсть о Θеодосіи занимаетъ самостоятельное мѣсто подъ 7 января въ Минеѣ и Прологѣ.

3) ἐν τῷ ναῷ τοῦ ἁγίου μάρτυρος Γεωργίου.

4) Несовпаденіе греческаго и славянскаго текстовъ: (p. 79) λάβε ταῦτα, ἁγιώτατε πάτερ, μικρὸν ὑπόμνημα τῆς σῆς οἰκέτιδος, ἀρτιπαγὴς γὰρ ὢν καὶ νέηλυς πολλῶν χρῄζεις ἀναλωμάτων. ὁ δὲ ὅσιος ἰδὼν αὐτῆς τὴν πίστιν ἐδέξατο τὸ δῶρον, (л. 77) «новопоставленный и вновѣ пришедъ многая требуеши нынѣ растакати церковникомъ обнищавшимъ чадомъ; онъ же не восхотѣ сія взяти. Таже паки старѣйшая: пріими, рече, сія, о пречестный отче, малое приношеніе своея рабы. Преподобный же видѣвъ вѣру ея, пріятъ даръ».

ствами [1]), и съ новою силою возстали противъ православія. Θеодоръ наконецъ не выдержалъ и отправился искать суда и защиты въ Вавилонъ, «нынѣ называемый у Персовъ Багдадомъ» [2]), разсказать царю объ ихъ интригахъ и просить суда (§ 69). Заручившись одобреніемъ старца и письмомъ его къ брату-пустыннику, жившему въ пещерахъ, въ верхнихъ странахъ Вавилона (ἐν τοῖς ὑπεράνωθεν Βαβυλῶνος), Θеодоръ послѣ нощного бдѣнія утромъ отправился въ путь, «взявъ въ спутники меня и нѣкоторыхъ другихъ изъ священниковъ и діаконовъ». Черезъ много дней по труднымъ дорогамъ (ὁδοὺς δυσχερεῖς) онъ прибылъ въ столицу царя по имени Мавіи (Μαυίας). Не имѣя знакомства въ Багдадѣ, они прибыли въ «христіанскую церковь» и были радушно приняты митрополитомъ, которому Θеодоръ разсказалъ о бѣдственномъ положеніи его церкви, «въ присутствіи протосекретарей и главнаго врача (царя), бывшихъ православными» (§ 70). Митрополитъ, соболѣзнуя Θеодору, просилъ секретарей (τοὺς γραφεῖς) и главнаго врача замолвить передъ царемъ слово объ Едесскомъ епископѣ; но тѣ сообщили, что царь теперь тяжко боленъ карбункуломъ и ракомъ на вѣкахъ, опухолью глазъ и воспаленіемъ легкихъ [3]). Тогда Θеодоръ замѣтилъ: кто знаетъ, быть можетъ Господь излѣчитъ больного чрезъ мое смиреніе? На это врачъ сказалъ: если ты опытенъ во врачебномъ искусствѣ, то вотъ тебѣ случай исполнить свое желаніе. Онъ доложилъ царю о прибытіи Едесскаго епископа — великаго медика, и больной немедленно пригласилъ его. Съ крестомъ и перстью святого Гроба въ мѣшечкѣ, смѣшанною съ водою святой лампады, Θеодоръ явился во дворецъ, помолился у постели больного, и Господь послалъ свою помощь. Епископъ попросилъ чистый сосудъ, налилъ въ него воды и, освятивъ ее, велѣлъ царю испить; потомъ помазалъ больному голову, чело, вѣки, глаза, сердце и спину, и велѣлъ уснуть. Послѣ сна чернота глазъ исчезла, жаръ спалъ, и царь почувствовалъ себя вполнѣ здоровымъ. Θеодоръ, посѣтивъ его, велѣлъ ему умыться чистою водою и вкусить пищи. Оправившись отъ болѣзни, Мавія созвалъ чиновниковъ и объявилъ имъ о своемъ выздоровленіи (§ 71). На ра-

1) p. 72: τοὺς γὰρ κρατοῦντας τῶν τῆς Συρίας πόλεων, οὓς ἀμηράδας καλεῖν εἴωθεν ἡ τῶν Ἀγαρηνῶν γλῶσσα... οἱ δεινοὶ Μανιχαῖοι πλούτῳ βρίθοντες.

2) εἰς Βαβυλῶνα τῇ παρὰ Πέρσαις νῦν καλουμένῃ Βαγδάδ.

3) p. 74: ἀνθρακώσεως γὰρ καὶ καρκινωμάτων ἐν τῷ βλεφάρῳ τούτου κατασκηψάντων, ἀμαύρωσις τῶν ὀμμάτων, εἶτα καὶ περιπνευμονία, ἥτις ἐστὶ φλεγμονὴ τοῦ πνεύμονος μετὰ πυρετοῦ. Для леченія употреблялись τὰ τῆς ἰατρείας εἴδη καὶ θεραπείας τὰς μεθόδους, въ славянскомъ (стр. 188): «врачебныя зелія и пластыря приемлюще отходимъ».

достяхъ онъ задалъ пиръ всѣмъ государственнымъ людямъ и наградилъ ихъ; другой пиръ данъ былъ военному и гражданскому сословіямъ, а Ѳеодору сдѣлалъ поистинѣ царскіе и многоцѣнные подарки (§ 72). На другой день царь пригласилъ епископа на берега величайшихъ рѣкъ». Верхомъ на конѣ онъ сопровождаемъ былъ придворными и безчисленнымъ множествомъ народа (въ слав.: больныхъ?). Послѣ прогулки царь съ епископомъ вернулись во дворецъ; первый пошелъ въ баню, а мы, замѣчаетъ агіографъ, вернулись въ свою гостинницу, получивъ изъ дворца въ изобиліи припасы. На третій день царь снова пригласилъ епископа и спросилъ о причинѣ его прибытія въ Багдадъ, обѣщая напередъ исполнить его просьбу. Ѳеодоръ разсказалъ, что патріархи Антіохійскій и Іерусалимскій (въ слав. только: Антіохійскій) рукоположили его противъ воли во епископа Едесы; но въ епархіи его оказалось много еретиковъ, которые, подкупивъ эмировъ, возстали противъ православной церкви, хотѣли поджечь храмъ, его убить, и отняли церковныя имущества; епископъ просилъ изгнать еретиковъ изъ Едесы и возвратить церкви ея достояніе (§ 73). Царь немедленно написалъ правителямъ Кило-Сиріи и Месопотаміи [1]) о возвращеніи имущества церкви, о возвращеніи въ покоѣ тѣхъ еретиковъ, которые пожелаютъ присоединиться къ каѳолической церкви, а упорствующихъ въ ереси наказывать: Манихеямъ рѣзать языки, несторіанъ и евтихіанъ изгнать изъ города и разрушить ихъ молельни. Съ письмомъ онъ послалъ одного эмира для наблюденія за точнымъ исполненіемъ указа и просилъ епископа послать съ нимъ и своихъ учениковъ за исключеніемъ его племянника; Ѳеодора же и Василія Мавія просилъ побыть у него еще нѣсколько времени (§ 74). Съ эмиромъ отправилось трое священниковъ изъ свиты епископа. По опубликованіи въ Едесѣ указа большинство манихеевъ крестилось и лишь немногіе изъ упрямыхъ погибли; равнымъ образомъ и большинство Несторіанъ и Евтихіанъ было пощажено и только немногіе изъ нихъ подверглись изгнанію; имущество было возвращено церкви (§ 75). Между тѣмъ Ѳеодоръ съ племянникомъ «по повелѣнію царя» отправились на поиски отшельника, брата Ѳеодосіева, и нашли его въ ста стадіяхъ отъ города. Послѣ службы всѣ они вкусили хлѣба и ἁλμάδας ἐλαίας и начали душеспасительную бесѣду (§ 76). Среди разговора отшельникъ вдругъ попросилъ у епископа письмо брата

1) p. 78: τοῖς ἐπιτρόποις τῆς Κοίλης Συρίας καὶ τῆς Μέσης τῶν ποταμῶν.

Θеодосія. Θеодоръ удивился его провидѣнію, но старецъ поразилъ его еще болѣе, замѣтивъ, что на задней страницѣ (ἐν τῷ ὄπισθεν μέρει) письма уже готовъ отвѣтъ старца на письмо Θеодосія. Достали изъ сумы письмо, разломали печать и увидѣли приписку: «Іоаннъ, смиренный монахъ, изъ пещеры Вавилона Θеодосію, столпнику и родному моему брату, въ Господѣ радоватися. Я прочелъ твое письмо вмѣстѣ съ подписью и отвѣтилъ тебѣ, что ты получилъ; хотя мы разлучены тѣломъ, но я не разлученъ духомъ. Что ты писалъ о святѣйшемъ епископѣ, что тебѣ было открыто, то и мнѣ извѣстно. Все устроилось промышленіемъ Божіимъ: рогъ каθолической церкви возвышается, еретики пристыжены, Манихеи изгоняются, царь Мавія освобождается отъ служенія мамонѣ, тѣлесныя и душевныя очи его просвѣщаются. Не оставь молиться преблагому Богу, чтобы въ ономъ безконечномъ вѣкѣ удостоилъ насъ получить часть со спасенными. Прощай». Прочтя письмо, Θеодоръ возблагодарилъ Бога, въ короткое время приведшаго Аввакума изъ Іудеи въ Вавилонъ и изъ Вавилона снова въ Іудею, а теперь письмо изъ Вавилона въ Сирію (§ 77). На другой день Θеодоръ къ Василіемъ вернулись въ городъ и разсказали царю объ Іоаннѣ. Среди частыхъ бесѣдъ съ епископомъ Мавія однажды сказалъ: «Я хотѣлъ бы не разлучаться съ тобою ни въ настоящей жизни, ни въ будущей». Θеодоръ отвѣтилъ: вижу, что между мною и тобою существуетъ открытая дверь, но ни я не выхожу, ни ты не входишь, и на просьбу царя разъяснить смыслъ этихъ словъ привелъ слѣдующій примѣръ: однажды богачъ и бѣднякъ отправились въ Константинополь, богачъ—большою дорогою, бѣднякъ—узкою тропинкою. Первый предлагалъ второму идти съ нимъ вмѣстѣ, второй, указавъ, что на ночь великія двери столицы запираются и богачъ рискуетъ провести ночь внѣ города среди разбойниковъ, совѣтовалъ напротивъ идти тропинкою, но богачъ не послушалъ его; и дѣйствительно, послѣдній погибъ около города, а второй черезъ небольшую дверь вошелъ въ городъ и спасся (§ 78). На просьбу Мавіи объясниться епископъ сказалъ: если кто тебѣ показалъ источникъ безсмертія, то какъ слѣдуетъ относиться къ ходатаю таковой благодати? Мавія отвѣтилъ: мы оба пили той воды и я рѣшился быть участникомъ во всякомъ благѣ (§ 79). Тогда Θеодоръ вынулъ евангеліе и сказалъ: вотъ источникъ безсмертія, вотъ дверь, вотъ путь; только путемъ его можно войти въ жизнь вѣчную, чрезъ Господа нашего Іисуса Христа; если ты увѣруешь и крестишься, будешь

спасенъ; а Магометъ есть предтеча антихриста (§ 80). Епископъ пользовался въ разговорѣ языками греческимъ, сирійскимъ, арабскимъ (Ἰσμαηλιτῶν) и персидскимъ и настолько убѣдилъ царя, что тотъ, сравнивъ себя съ богачемъ, попавшимъ въ руки разбойниковъ, въ царской сокровищницѣ исповѣдалъ христіанство. Θеодоръ вручилъ ему Символъ вѣры на сирійскомъ языкѣ, преподалъ молитвы и обратилъ агарянина въ христіанина, заставивъ его произнести анаθему измаильскому и персидскому лжеученію, Магомету и аріанской и манихейской ересямъ (§ 81). Затѣмъ подъ предлогомъ охоты царь съ епископомъ, его племянникомъ Василіемъ и тремя своими вѣрными слугами—Аланами (οἰκέτας ἐξ Ἀλανῶν καταγομένους) отправился на берега Тигра, гдѣ Θеодоръ послѣ молитвы крестилъ Мавію и во крещеніи нарекъ его Іоанномъ; воспріемникомъ его былъ агіографъ Василій. Потомъ были крещены три слуги; воспріемникомъ перваго былъ самъ царь, второго—первый новокрещенный слуга, третьяго—опять Василій. Рабы царя стали теперь его братьями. По возвращеніи въ городъ, епископъ отслужилъ въ сокровищницѣ службу и пріобщилъ ихъ. Іоаннъ далъ Θеодору много денегъ (χρυσίου χρήματα πολλά) съ просьбою раздать ихъ по церквамъ и нуждающимся (§ 82). Епископъ научилъ его молитвамъ и жизни христіанской (§ 83). Іоаннъ пожелалъ имѣть часть Животворящаго древа; Θеодоръ просилъ его написать о томъ посланіе византійскому императору и обѣщался отнести его въ Константинополь. Царь написалъ письмо съ извѣщеніемъ о своемъ крещеніи и съ памятною просьбою, одарилъ епископа поистинѣ царскими дарами и отправилъ его въ Константинополь, гдѣ царствовалъ тогда Михаилъ съ Θеодорою Августою (§ 84).

Черезъ много дней Θеодоръ прибылъ въ столицу, передалъ письмо царю и Августѣ и былъ принятъ радушно. Въ Константинополѣ онъ прославился даромъ чудесъ и исцѣлялъ многихъ, одержимыхъ разными недугами, чрезъ возложеніе рукъ и помазаніе перстью святого Гроба (ἐπιχρίσει τῆς κόνεως τοῦ ἁγίου τάφου). Цари полюбили его и считали своимъ духовнымъ отцомъ. Царица, страдавшая помраченіемъ зрѣнія [1]), обратилась къ нему и получила исцѣленіе отъ новаго Савы; «и святѣйшій (ὁ ἁγιώτατος) патріархъ отнесся къ великому Θеодору съ большою честью и дружбою и заявилъ,

---

1) p. 89: λευκώματος κατὰ τὴν κόρην τοῦ ὀφθαλμοῦ ἐνσκήψαντος καὶ τὸ ὀπτικὸν ἀμαυροῦντος.

что очень полезны ему его рѣчи». Цари дали ему много даровъ для раздачи бѣднымъ и церквамъ, золотую раку, украшенную многоцѣнными камнями и маргаритами, съ золотымъ ключемъ, съ животворящимъ древомъ, составленнымъ изъ трехъ древъ: кедра, певка и кипариса [1]); въ посланіи къ персидскому царю, подписанномъ золотомъ и запечатанномъ золотою печатью, Іоаннъ назывался сыномъ Авраама, а не Измаила, Сарры, а не Агари. Получивъ много даровъ, Θеодоръ помолился «во всѣхъ церквахъ» столицы, и напутствуемый патріархомъ и царями, исцѣляя недужныхъ, прибылъ въ Едесу. Въ храмѣ онъ преподалъ миръ народу, посѣтилъ столпника и разсказалъ ему о его братѣ, передалъ ему о своихъ дѣяніяхъ, навѣстилъ инокинь и помолившись въ храмѣ (ἐν τῷ σηκῷ) св. Георгія, преподалъ благословеніе настоятельницѣ и затворницѣ; вернувшись въ свою епископію, онъ на другой день въ воскресенье отслужилъ въ церкви литургію. Манихеи и Несторіане были уже православными. Произнеся поученіе, онъ роздалъ много денегъ бѣднымъ; и управивъ церковь Едесскую, отправился въ Вавилонъ, пославъ изъ Константинополя Василія сообщить персидскому царю о скоромъ возвращеніи епископа (§ 85).

Іоаннъ несказанно обрадовался пріѣзду епископа, пригласилъ его въ тайную сокровищницу вмѣстѣ съ тремя новокрещенными, принялъ раку съ Древомъ, украшенную изображеніемъ Христа, и со слезами цѣловалъ святыню; затѣмъ онъ помѣстилъ ее въ золотомъ кивотѣ и собственноручно зажегъ предъ нею неугасимую лампаду; называлъ Θеодора спасителемъ и благодѣтелемъ; познакомился черезъ епископа съ письмомъ византійскаго императора и разспрашивалъ его «обо всѣхъ дорожныхъ происшествіяхъ и о событіяхъ въ столицѣ, случившихся съ нимъ» и исполнился божественнымъ утѣшеніемъ. Съ того времени епископъ творилъ много знаменій въ Вавилонѣ къ радости православныхъ и къ зависти Іудеевъ и Измаильтянъ. Одинъ изъ главныхъ Іудеевъ, законникъ, вознегодовалъ, видя процвѣтаніе Христовой церкви, подкупилъ многими богатствами главнаго судью и настоялъ передъ царемъ о необходимости — публичнаго диспута о вѣрѣ между христіанами и Іудеями (§ 86). Іоаннъ, увѣренный въ побѣдѣ христіанъ, согласился на диспутъ. Митрополиту дано было знать, чтобы онъ готовился къ состязанію. Θеодоръ успокаивалъ царя (§ 87). Въ назначенный день собралась громадная толпа христіанъ, Персовъ,

1) Въ славянскомъ (стр. 235) о трехъ частяхъ древа пропущено.

Сарацинъ и Евреевъ. Царь сидѣлъ на престолѣ, окруженный сановниками. Главный еврей обратился къ царю съ рѣчью, въ которой указывалъ, что Богъ прославилъ царство Персидское, покорилъ ему враговъ-Галилеянъ и, изгнавъ ихъ изъ Іерусалима, поставилъ обладателями надъ странами Персовъ (§ 88). Затѣмъ произнеся хулу на Спасителя и на христіанскую вѣру, онъ пожелалъ отвѣта отъ митрополита; но Өеодоръ замѣтилъ, что еврей недостоинъ, чтобы съ нимъ бесѣдовалъ митрополитъ, вступилъ самъ въ состязаніе и чудеснымъ образомъ лишилъ еврея дара языка (§ 89). Іудеи были посрамлены, многіе изъ сарацинъ, евреевъ и персовъ крестились. Царь, разгнѣвавшись на еврея, велѣлъ бить его воловьими жилами и заключить подъ стражу; остальныхъ іудеевъ также били и выгнали изъ собранія (§ 90). Черезъ три дня еврей исповѣдалъ свое заблужденіе, написалъ Өеодору письмо раскаянія, крестился отъ руки архіепископа и снова получилъ даръ языка. Царь обрадовался крещенію еврея и одарилъ его подарками (§ 91).

Вскорѣ Өеодоръ пожелалъ опять видѣться съ пустынникомъ и сообщилъ объ этомъ царю. И самъ Іоаннъ захотѣлъ посѣтить отшельника и удостоиться его благословенія. Епископъ одобрилъ эту мысль и замѣтилъ: когда ты увидишь его, онъ сообщитъ тебѣ будущее какъ настоящее. Подъ предлогомъ охоты царь съ Өеодоромъ, Василіемъ, тремя слугами и множествомъ народа отправился на ловлю дикихъ звѣрей, но затѣмъ со своими близкими скрылся въ пещерѣ. Старецъ — пресвитеръ привѣтствовалъ прибывшихъ и поздравилъ царя съ избавленіемъ отъ власти мрака (§ 92). Послѣ душеспасительной бесѣды онъ пригласилъ ихъ въ самую пещеру, гдѣ была приготовлена трапеза изъ хлѣба, сочива, маслинъ и овощей. Царь удивился предвѣдѣнію старца, приготовившаго заранѣе трапезу для гостей, знавшаго напередъ объ исходѣ диспута. Послѣ вкушенія пищи царь замѣтилъ: «вотъ, клянусь истиною, увѣряю васъ, духовный отче, что никогда во все мое царствованіе пища и питіе не были такъ сладки въ моей гортани, какъ эти, нынѣ предложенныя мнѣ, — ты царь, а я и убогъ бѣденъ [1])». —По одной повѣсти X вѣка нѣчто подобное разсказано про имп. Өеодосія II: «старецъ расквасилъ хлѣбъ и влилъ уксусъ и (деревянное) масло; царь ѣлъ и пилъ воду; и говоритъ монаху: блаженны вы поистинѣ мнихи, не знающіе заботъ мірскихъ; поистинѣ

1) Georg. Hamart. ed. Muralt, 501—502; ср. «Виз. Вр.» 1898 стр. 78.

говорю тебѣ, отче: я родился во дворцѣ, но никогда не вкушалъ хлѣба и питья съ удовольствіемъ, какъ нынѣ». На это старецъ отвѣтилъ: да дастъ тебѣ Господь унаслѣдовать истинное и непреемное царство (§ 93). Предъ прощаніемъ епископъ просилъ старца благословить царя; отшельникъ, сотворивъ молитву (§ 94), сказалъ царю, что наступаетъ время подвига и радости страдальцамъ, что всѣ святые желали имѣть общеніе съ Богомъ, что перенесшіе мученичество удостоились небесныхъ вѣнцовъ; повѣстями (ἱστορία) о нихъ пополнены всѣ сочиненія и книги. Говоря о современныхъ отшельникахъ, старецъ, знавшій ихъ лично, замѣтилъ: «во внутренней Индіи, на берегахъ Краснаго моря, при впаденіи въ него рѣки Ганга, находятся жилища слоновъ, единороговъ, львовъ, рысей (παρδάλεων), аспидовъ и драконовъ; на границѣ горъ Архона и Ирхапа находятся прежніе сосуды (πίθοι), произведенія древнихъ людей, не просто стоящіе, но лежащіе на боку. Многіе изъ тамошнихъ христіанъ, богатые и бѣдные, оставивъ все мірское, раздали имущества бѣднымъ и въ однихъ ризахъ поселились въ этихъ сосудахъ», питаясь травами и зеліемъ (§ 95); дикіе звѣри у нихъ стали какъ бы овцами и волами; лукавые духи не могли причинить имъ вреда (§ 96). И много говорилъ на эту тему пустынникъ (§ 97). Царь съ умиленіемъ слушалъ бесѣду и обѣщалъ слѣдовать ей. Онъ предложилъ старцу много денегъ, но тотъ отказался, прося раздать ихъ бѣднымъ (§ 98). Простившись со старцемъ, Іоаннъ въ бесѣдѣ съ Ѳеодоромъ много дивился святости отшельника. Присоединившись къ воинамъ и охотникамъ, наловившимъ много звѣрей, царь вернулся въ городъ, но не забывалъ еремита: то посылалъ къ нему одного изъ своихъ слугъ, то самъ къ нему ѣздилъ (§ 99).

Однажды Іоаннъ передалъ Ѳеодору, что неизвѣстность смертнаго часа его безпокоитъ, что онъ не въ силахъ скрывать свою новую вѣру, и посовѣтовалъ епископу отправиться въ Іерусалимъ, раздать тамъ его деньги св. церкви и Живопріемному Гробу, остальнымъ церквамъ, монахамъ и бѣднымъ, затѣмъ отправиться въ свою епархію; если ты тогда, прибавилъ царь, узнаешь, что я живъ, то приходи ко мнѣ въ Вавилонъ, а если я уже умеръ, то не ходи сюда и помни о своемъ духовномъ сынѣ (§ 100). Епископъ поощрялъ его въ его намѣреніи, хваля желаніе отрѣшиться отъ временнаго и преходящаго и стремленіе къ вѣчнымъ и безсмертнымъ благамъ (§ 101). Царь наградилъ Ѳеодора за службу деньгами: далъ 10 кентинарій золота,

20 кентинарій серебра, велѣлъ воинамъ охранять его, а архисатрапамъ принимать его съ честью; кромѣ того Іоаннъ передалъ епископу и честный крестъ, принесенный изъ Цареграда; возьми его, сказалъ царь, и если тебѣ нужно будетъ снова придти ко мнѣ, ты принеси его обратно; если же узнаешь о моей смерти, сохрани крестъ у себя (§ 102). Θеодоръ простился съ царемъ и велѣлъ собираться въ путь. Онъ помолился въ церкви, бесѣдовалъ съ митрополитомъ и по возвращеніи въ гостиницу получилъ вечеромъ отъ царя черезъ одного изъ его слугъ «честные дары для св. Воскресенія Христова, золотые сосуды, украшенные честными камнями, и ризы, истканныя золотымъ бисеромъ, а равно драгоцѣнные дары и для церкви Едесской» (§ 103).

Черезъ два дня епископъ со свитою покинулъ Вавилонъ. Прибывъ на короткое время въ Едессу, Θеодоръ съ Василіемъ отправились въ Іерусалимъ, поклонились Воскресенію Христову, были радушно приняты патріархомъ; царскіе дары приложили св. престолу и извѣстную сумму денегъ принесли въ даръ «матери церквей» (τῇ μητρὶ τῶν ἐκκλησιῶν) и остальнымъ храмамъ. Вскорѣ епископъ посѣтилъ лавру св. Савы, привѣтствовалъ братію и каждаго надѣлилъ деньгами [1]). Обойдя «всѣ монастыри», оказавъ вспомоществованіе каждому изъ нихъ, епископъ вернулся въ Іерусалимъ, роздалъ довольно денегъ бѣднымъ для молитвы за царя (Персидскаго). Затѣмъ онъ прибылъ снова въ Едессу и по дорогѣ посѣтилъ въ Антіохіи патріарха, для церкви котораго пожертвовалъ много золота и серебра, монастырь св. Симеона и окрестныя обители, всюду раздавая деньги бѣднымъ. Въ Едессѣ онъ ждалъ своего діакона, оставленнаго имъ въ Вавилонѣ (§ 104). «Доселѣ, замѣчаетъ агіографъ, хожденіе и путешествіе преподобнаго» (§ 105).

Между тѣмъ Іоаннъ, узнавъ, что Θеодоръ роздалъ деньги въ Іерусалимѣ на поминъ его души, рѣшился сбросить съ себя маску притворства. Созвавъ всѣхъ сановниковъ, онъ объявилъ, что скоро умретъ, и просилъ всѣхъ безъ исключенія явиться на другой день на равнину (§ 106). Глашатаи взывали о сборѣ всѣхъ ἐν τῷ πεδίῳ τῶν ἀδνουμίων. Царь всю ночь провелъ въ молитвѣ и рано утромъ, пригласивъ христіанскаго священника, причастился св. Таинъ вмѣстѣ съ тремя своими слугами. Затѣмъ въ богатыхъ ризахъ верхомъ на конѣ онъ отправился въ указанное мѣсто, гдѣ собралось громадное

1) p. 112: διεδίδου ἑκάστῳ καθότε ἄν τις χρείαν εἶχεν.

множество персовъ, измаильтянъ, іудеевъ и христіанъ. Взойдя на высокій тронъ, въ виду всего народа, онъ далъ знакъ къ молчанію и объявилъ громогласно: «послушайте, персы всѣ, агаряне, евреи и избранный христіанскій народъ! Я — христіанинъ и имя мнѣ Іоаннъ; исповѣдую Отца и Сына и Святаго Духа, тріипостасное и единодушное едино Божество...» (§ 107). При этомъ онъ вынулъ честный крестъ, золотой, съ драгоцѣнными камнями, поднялъ его на высоту и обратившись къ востоку, трижды поклонился, поцѣловалъ крестъ и произнесъ: «Кресту твоему поклоняюся, Христе»... (§ 108). Вслѣдъ за нимъ исповѣдали христіанство и три его слуги. Народъ оцѣпенѣлъ отъ удивленія, потомъ подобно свиньѣ заскрежеталъ зубами и бросился на царя съ мечами и желѣзными копьями. Три слуги стали защищать Іоанна и были умерщвлены; со словами «да погибнетъ измѣнникъ вѣры» умерщвленъ былъ и самъ царь; бездыханное тѣло его подвергалось побоямъ (§ 109). Іоаннъ скончался μηνὶ μαΐῳ τριακοστῇ, по другому списку: τριακαιδεκάτῃ, въ славянскомъ: въ 3-й день (§ 110). Христіане разбѣжались, боясь мщенія народа. Тѣло мученика валялось на мѣстѣ весь день. Ночью святой явился архисатрапамъ съ требованіемъ отдать его тѣло христіанскому митрополиту, въ противномъ случаѣ грозилъ гибелью всѣмъ. Тѣ не посмѣли ослушаться. Одинъ изъ епископовъ митрополита взялъ тѣло мученика и царя и съ подобающею честью положилъ его въ храмѣ вмѣстѣ съ тѣлами трехъ слугъ. Господь прославилъ ихъ мощи даромъ чудесъ, вслѣдствіе чего много Персовъ и Агарянъ перешли въ христіанство. Въ ту же ночь Іоаннъ явился и епископу Θеодору въ бѣлыхъ ризахъ и съ вѣнцомъ на головѣ, украшеннымъ камнями и маргаритами, и сказалъ: исповѣдавъ передъ всѣми Христа, я убитъ Персами и душа моя унаслѣдовала блага, тобою возвѣщенныя; молю Господа поскорѣе соединиться съ тобою (§ 111).

Θеодоръ, обсудивъ видѣніе, отправился къ столпнику Θеодосію, и оба они убѣдились въ скорой кончинѣ епископа. Между тѣмъ изъ Вавилона прибылъ діаконъ и разсказалъ подробности о кончинѣ царя Іоанна. Вскорѣ Θеодосій по откровенію узналъ о кончинѣ своего брата, еремита Іоанна, и вслѣдъ затѣмъ скончался и самъ. Θеодоръ вынесъ со столпа и положилъ мощи его въ храмѣ (τέμενος) св. Георгія; отъ нихъ стало совершаться много чудесъ (§ 112). Едесскій епископъ съ того времени сталъ грустить, все плакалъ по царѣ Іоаннѣ и столпникѣ Θеодосіи, молился и только разъ въ недѣлю вкушалъ пищу; роз-

далъ все имущество бѣднымъ и исцѣлялъ больныхъ черезъ возложеніе рукъ. Молва о чудесахъ его быстро распространилась «по всей Месопотаміи и Сиріи»; много приходило къ нему недужныхъ и получало исцѣленія. Много измаильтянъ онъ обратилъ въ христіанство, многихъ несторіанъ, севиріанъ и послѣдователей Манеса склонилъ къ православію (§ 113). Черезъ три года по кончинѣ Іоанна онъ снова его увидѣлъ: Іоаннъ именемъ Христа звалъ его къ себѣ. Өеодоръ, собравъ свою паству и укрѣпивъ ее въ вѣрѣ (§ 114), затѣмъ ушелъ въ Іерусалимъ, со слезами цѣловалъ полъ храма Воскресенія Христова, обнялъ Живоносный Гробъ, роздалъ имущество бѣднымъ и удалился въ лавру св. Савы. Поселившись въ прежней своей келліи, онъ черезъ три недѣли заболѣлъ и умеръ съ молитвою на устахъ и съ крестомъ на груди. Настоятель далъ знать объ этомъ Іерусалимскому патріарху. Послѣдній со множествомъ народа прибылъ въ лавру. Чудеса при гробѣ святого совершались безпрестанно. Съ пѣснопѣніями тѣло Өеодора было положено въ раку близъ родственника его, мученика Михаила, 19 іюля (въ славянскомъ: 9-го). «Василій же, перенёся тяжелое сиротство и лишившись великаго содружества, γραφικῶς εἰπεῖν, влечетъ жизнь скорбную и не благополучную (οὐκ εὔδρομος), какъ отдѣленную отъ святого; не знаю, какъ она кончится послѣ его руководительства, но да будетъ лучше молитвами его. Досюда посильный мой разсказъ; конечно, онъ ниже своего назначенія (достоинства), но восполняетъ любовь къ доброму отцу и оставляетъ потомкамъ на пользу нѣкое краткое начертаніе его жизни». Въ славянскомъ прибавлено: «мало нѣчто отъ житія его написавъ, по достоянію же и по подобію, яко же бѣ преподобный, никто же сказати возможетъ» (§ 115).

Не смотря на значительное количество въ Житіи хронологическихъ датъ вопросъ о времени рожденія и кончины Өеодора остается все-таки не вполнѣ яснымъ. Въ возрастѣ 20 лѣтъ онъ ушелъ въ Іерусалимъ и въ лаврѣ св. Саввы подвизался 24 года[1]), послѣ чего былъ рукоположенъ во архіепископа, что̀, какъ сказано, относится къ 836 году. Хиротонисанный 43 лѣтъ отъ роду, Өеодоръ могъ родиться около 793 года. Крещенъ былъ въ 795-мъ, въ 798 отданъ въ ученье, въ 811 потерялъ отца, въ 812 мать, въ 813 удалился въ Савину

1) Въ Календарѣ И. Хрущова (стр. 687): болѣе 30 лѣтъ, но безъ всякаго основанія.

лавру, въ которой подвизался до 836 года, когда сдѣлался владыкою Едесскимъ. Потрудившись для своей паствы и для обращенія въ христіанство Мавіи отъ 6 до 20 лѣтъ, Ѳеодоръ въ періодъ вообще 842—856 г. прибылъ въ Константинополь. Рамки эти можно сузить на слѣдующемъ основаніи. Крещенный Мавія принялъ имя Іоанна едва ли случайно: при обращеніи въ христіанство крещаемое лицо называлось обыкновенно именемъ своего ближайшаго владыки. Богорисъ принялъ имя Михаила, Ольга — Елены, Мустафа Челебей — Іоны (Іоанна Грознаго) и пр. Если и въ данномъ случаѣ была эта неслучайность имени, то очевидно, что Мавія крестился при Іерусалимскомъ патріархѣ Іоаннѣ VI (847—851), такъ что Ѳеодоръ былъ на востокѣ съ 836 до 850-го приблизительно и въ Византіи въ промежутокъ между 850 и 856 годами. Изъ Византіи онъ уѣхалъ въ Едессу, Багдадъ, Іерусалимъ и снова въ Едессу. Переживъ тремя годами царя Іоанна, епископъ скончался въ Савиной лаврѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ. Обыкновенно для круглаго счета время кончины св. Ѳеодора относятъ къ 850-му, но гораздо вѣрнѣе относить ее къ 860-мъ годамъ. Довольно бы одного имени Іерусалимскаго патріарха, совершавшаго отпѣваніе, чтобы точнѣе знать годъ кончины Ѳеодора, но Василій поскупился прибавить къ житію лишнее слово [1]).

Наиболѣе интереснымъ извѣстіемъ Житія является личность Адрамелеха и крещеніе персидскаго царя Мавіи, отношеніе котораго къ Адрамелеху не выяснено. Впрочемъ оно и понятно, ибо оказывается, что халифъ-омайядъ Абдель-Мелекъ совсѣмъ не былъ современникомъ Ѳеодора Едесскаго. Онъ овладѣлъ Персіею въ 689 г. и хотѣлъ для постройки мечети въ Меккѣ увезти колонны изъ Геѳсиманіи; умеръ въ 705 году [2]). Василій Емесскій очевидно не стѣснялся исторической правдою и введя въ житіе старинную романическую повѣсть, связалъ ее съ современнымъ ему трагическимъ событіемъ, смертью Михаила, въ умерщленіи котораго однако нѣтъ причинъ сомнѣваться. Во времена Ѳеодора и Василія халифомъ былъ абассидъ Мотаваккель (847—861). По арабскимъ свѣдѣніямъ, у него было три сына: Мостансиръ, съ 850 г. правитель Ерака, Гежаза и Ямана, а съ 861 г. Мотацъ, правитель Хорасана и позже также халифъ (866—869),

---

1) О. Августинъ прислалъ намъ замѣтку, въ которой иначе представляетъ хронологію: Ѳеодоръ род. 800, получилъ воспитаніе 806, сдѣлался клирикомъ 808, киновитомъ 820, анахоретомъ 823, епископомъ 856, скончался 867.

2) Muralt, p. 316—325.

и наконецъ Моавидъ, правитель Сиріи; извѣстно также, что въ 866—867 году Мотацъ приказалъ задушить въ темницѣ своего брата Моавида, за что, лѣтописи умалчиваютъ. Нѣтъ основанія не довѣрять арабской хронологіи; возможно, что Moavid (Μαυίας) дѣйствительно погибъ въ 866—867 г., можно допустить, что онъ убитъ именно за переходъ въ христіанство, но тогда придется признать, что послѣ поѣздки въ Константинополь Θеодоръ долго жилъ въ Едессѣ, Іерусалимѣ, Савиной лаврѣ и въ Багдадѣ, что Моавидъ-Іоаннъ не былъ самостоятельнымъ государемъ Вавилона и очень долго скрывалъ свое христіанство (по крайней мѣрѣ 16 лѣтъ) и что Θеодоръ скончался въ концѣ 60-хъ годовъ IX столѣтія.

Повѣсть объ инокѣ Михаилѣ представляетъ собою преніе христіанина съ жидовиномъ. Послѣ изслѣдованій акад. А. Веселовскаго трудно уже сказать что либо новое по этому предмету, хотя она и осталась ему неизвѣстною[1]). Θеодоръ Кипрскій при Діоклитіанѣ обличалъ евреевъ и еллиновъ, Іустинъ мученикъ Іудеевъ, Ипполитъ Римскій Іудеевъ, Іеронимъ Іудеевъ, Іоаннъ Дамаскинъ Іудеевъ и Сарацинъ, Самона Газскій Сарацинъ, Гвалтеръ и Балдуинъ Іудеевъ. Любопытно однако, что тогда какъ позднѣйшія редакціи сказанія представляютъ дѣло такъ, что христіанинъ, выпивая безъ вреда чашу яда и переспоривая жидовина, служитъ предметомъ почитанія Сарацинъ и христіанамъ даруются разныя льготы отъ сарацинскаго царя, — здѣсь этотъ христіанинъ, препрѣвшій жидовина, усѣкается мечемъ и христіане не получаютъ ничего, кромѣ тѣла мученика. Но христіанинъ становится предметомъ почтенія и христіане получаютъ льготы отъ сарацинскаго царя при новой обстановкѣ, когда самъ царь принимаетъ крещеніе. То, что въ позднѣйшихъ повѣстяхъ представляетъ единство лицъ и мѣста (напр. Каншу Гаври — Іоакимъ — Египетъ), здѣсь изложено въ двухъ отдѣльныхъ сказаніяхъ: Адрамелехъ — Михаилъ — Іерусалимъ и Мавія — Θеодоръ — Вавилонъ. Въ вопросѣ объ отношеніи этого сказанія къ извѣстнымъ уже версіямъ не опредѣлить, впервые ли записаны подобнаго рода повѣсти въ IX вѣкѣ и именно въ житіи Θеодора, или Василій Емесскій пользовался ими изъ вторыхъ-третьихъ рукъ, приноравливая уже готовое содержаніе

1) Замѣтки по литер. и народн. слов. СПб. 1883. (Сборникъ Акад. Наукъ, XXXII № 7 стр. 14—31); разсказъ Познякова (Прав. Палест. Сборн. XVIII 8, 74), Коробейниковъ (тамъ же XXVII, 48); особая версія о патр. Іоакимѣ въ Порфиріевскомъ «Востокъ Христіанскій. Александрійская патріархія». (Спб. 1898 стр. 15).

къ описываемымъ имъ лицамъ. Какъ видно и изъ рецензіи А. Васильева, Василій вписывалъ въ житіе Θеодора легенды, относящіяся къ событіямъ болѣе раннимъ; стало быть вопросъ о первоисточникѣ остается открытымъ. Преніе христіанина, кончающееся его мученичествомъ, есть самый древній сюжетъ христіанской апологетики, близко соприкасающійся съ Acta martyrum, въ позднѣйшихъ же легендахъ виновникъ торжества христіанской вѣры дѣлается предметомъ особеннаго почитанія со стороны по крайней мѣрѣ нѣкоторой части невѣрныхъ. Первая легенда въ житіи несомнѣнно древняя, другая восходитъ къ IX вѣку.

Легенда о крещеніи восточнаго царя была очень распространеннымъ мотивомъ въ византійской и отсюда въ древне-русской литературѣ. Крещеніе принимали: римскій царь Каринъ (284) отъ рукъ Космы и Даміана (1 іюля), сарацинскій князь Аламундаръ (VII в.), другой князь, получившій имя Онуфрія, третій князь съ именемъ Пахумія, персидскій царь Мавія-Іоаннъ, анонимный царь Цареградскаго анонима (ок. 1320 г.), египетскій царь Μίναζ и т. д. Весьма любопытно, что повѣсть объ анонимномъ царѣ, какъ мы показали [1]), носитъ явные слѣды подражанія житію Θеодора: таже продажа рукодѣлья на торгу, тоже путешествіе епископа Ренедійскаго (Венедійскаго) въ Царьградъ и разсказъ о немъ, тоже томленіе царя и желаніе избавиться отъ власти сея тлѣнныя; трагическая развязка житія впрочемъ видоизмѣнена анонимомъ, который вообще избѣгаетъ тяжелыхъ сценъ. Василій Емесскій безъ сомнѣнія читалъ въ дѣтствѣ о просвѣтительной дѣятельности своихъ Едесскихъ епископовъ, напр. Варсимея, который крестилъ язычника Сарвила, затѣмъ погибшаго за исповѣданіе христіанства [2]). Преданія и разсказы о былыхъ временахъ оказали на него повидимому сильное вліяніе и воспитали его фантазію, которую онъ проявилъ и въ своемъ агіографическомъ трудѣ.

---

1) Извѣстія отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, 1898 стр. 339.
2) А. Дмитріевскій. Τυπικά I. 46.

ГЛАВА XIV.

Еллада (Аргосъ, Каріуполь, Егина).

Житіе Петра Аргосскаго. — Ж. Аѳанасія Меѳонскаго. — Ж. Луки Елладскаго. — Ж. Филарета. — Ж. Аѳанасіи Егинской.

Между современными памятниками агіографіи, относящимися къ Елладѣ, на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено житіе Петра, епископа аргосскаго, написанное вѣроятно преемникомъ его по каѳедрѣ [1]) (§ 25).

Вопросъ о Петрѣ довольно запутанъ. Нѣкоторые ученые (Бландини, Lequien, Болландисты, позже впрочемъ отказавшіеся, Вольфъ, Ballerini и др.) полагали, что святой родился въ Катонѣ и былъ сициліецъ по рожденію, смѣшавъ его съ его современникомъ Petrus Siculus, посломъ имп. Василія Македонскаго въ армянскую Тефрику для размѣна плѣнныхъ (868 г.) и авторомъ исторіи Манихейской (Павликіанской) ереси. Петръ, посолъ и историкъ, — Siculus, тогда какъ Петръ епископъ — уроженецъ Константинополя, первый жилъ въ 868 г., второй живъ былъ еще въ 920 году, въ Малую Азію не ѣздилъ и т. д. Словомъ послѣ изслѣдованія Cozza-Luzi (p. XXII—XLVI) надо ли теперь опровергать ошибку смѣшенія двухъ совершенно разныхъ писателей?

Нашъ Петръ — уроженецъ Константинополя (§ 3), сынъ благочестивыхъ и нищелюбивыхъ родителей (§ 4), у которыхъ было четыре сына: Павелъ, Діонисій, Петръ и Платонъ, и одна дочь. Павелъ, жившій внѣ столицы, слыша о подвигахъ Петра, прибылъ въ Константинополь; царь (какой?), дивясь его добродѣтели, просилъ его прибыть къ нему со своими (родственниками) и далъ ему очень богатый монастырь для подвижничества, въ которомъ Павелъ и постригся. За нимъ принялъ иночество Діонисій, а потомъ постриглись въ монастыряхъ ихъ родители и сестра. Общимъ учителемъ ихъ былъ инокъ Павелъ. По блаженной кончинѣ родителей (§ 5) Павелъ и Діонисій продолжали подвижничество. Видя это, Петръ съ младшимъ братомъ Платономъ также ушли въ монастырь, гдѣ оба предались аскезѣ (§ 6). Тогдашній патріархъ Николай Италъ (Νικόλαος δ' ἦν ὁ 'Ιταλός), мужъ образо-

1) Βίος — Πέτρου ἐπισκόπου γενομένου Ἄργους (Καὶ πάντας μὲν προσῆκε τοὺς ἀρετῇ τῶν ἄλλων διενέγκοντας): Nova Patrum Bibliotheca a Maio collecta, a Cozza-Luzi edita. Romae 1888, IX. 3, p. 1—17. Встрѣчается также написаніе Ἄργων, 'Αργείων.

ванный, добродѣтельный, за что и осужденный на изгнаніе, хотя потомъ, согласившись на четвертый бракъ царя (Льва), снова получилъ милость при дворѣ. — Безъ всякаго сомнѣнія, здѣсь идетъ рѣчь о патр. Николаѣ Мистикѣ (901—907 или 895—906 и 911—925). Въ виду того, что вся дальнѣйшая дѣятельность Петра протекала въ X вѣкѣ, мы на этомъ и оканчиваемъ разсмотрѣніе его біографіи.

Итакъ Петръ жилъ въ IX и X вѣкахъ. Ни года его рожденія, ни года его смерти совершенно неизвѣстно. Издатель его житія и его сочиненій Cozza-Luzi въ своемъ вообще дѣльномъ изслѣдованіи о Петрѣ и въ этомъ вопросѣ старается придти къ какимъ либо опредѣленнымъ датамъ. Такъ онъ пишетъ, что Петръ родился послѣ 851 года. Эта дата извлечена имъ такимъ образомъ. По житію, Петръ жилъ 70 лѣтъ (§ 20), по поздней памяти Даніила Аргосскаго, онъ присутствовалъ на Константинопольскомъ соборѣ 920 (у Даніила 922) года и вскорѣ послѣ того и скончался. Вторая посылка строго не обоснована. Современный агіографъ говоритъ о 70 годахъ Петра— это фактъ достовѣрный; но онъ не говоритъ о присутствіи его на соборѣ 920 г., объ этомъ сообщаетъ только нашъ современникъ (1870 г.), пользовавшійся сомнительнаго достоинства памятями и почерпнувшій очевидно изъ нихъ это извѣстіе. Но разсказъ о присутствіи Петра въ это время въ Константинополѣ, равно какъ легенда о подвижникѣ Ѳеодосіи, какъ объ этомъ мы особо скажемъ въ IV части настоящаго сочиненія, внушаютъ подозрѣніе, опираться на нихъ мы не можемъ, а стало быть не можемъ опредѣлить и основныя даты біографіи святого.

Житіе св. Аѳанасія Меѳонскаго, написанное хотя и близкимъ его современникомъ Петромъ Аргосскимъ[1]), очень ничтожно въ историческомъ отношеніи. Собственно говоря, это не въ собственномъ смыслѣ слова житіе, это только надгробное слово, ἐπιτάφιος. Cozza-Luzi и другіе утверждаютъ, что слово это было произнесено авторомъ при погребеніи Аѳанасія, однако едва ли можно согласиться съ такимъ толкованіемъ. Мы уже видѣли, что риторъ и философъ Никифоръ написалъ ἐπιτάφιον патр. Антонія Кавлея,—не надгробное слово, какъ мы понимаемъ его теперь, а вообще «эпитафію», то есть характеристику дѣятеля, хотя бы даже и несовременнаго (ср. стр. 149); тоже

1) Πέτρου ἐλαχίστου ἐπισκόπου Ἀργείων ἐπιτάφιος εἰς τὸν μακάριον Ἀθανάσιον ἐπίσκοπον Μεθώνης (Τοὺς ταῖς ὑψηλαῖς τὸν ἑαυτὸν βίον): Mai-Cozza-Luzi, Nova Patrum Bibliotheca, Romae 1888, IX. 3, p 31—51.

самое видимъ и здѣсь. Любопытнымъ кажется то наблюденіе, что въ обоихъ случаяхъ агіографы знали жизнь своихъ героевъ очень недостаточно и желали заполнить пробѣлъ біографическихъ свѣдѣній посредствомъ риторики и обильныхъ экскурсовъ въ область классическаго міра Еллады. Здѣсь мы видимъ не непосредственное чувство автора, а только искуственное риторическое произведеніе въ честь прославляемаго героя[1]), прочитанное быть можетъ въ день его памяти, 31 января.

Вотъ однако что мы можемъ извлечь изъ этой «эпитафіи». Аѳанасій родился въ сицилійскомъ городѣ Катанѣ, «изобилующемъ всѣми благами», вблизи огнедышущей горы Этны (§ 3). Почти единственная историческая черта памятника — описаніе сицилійскихъ бѣдствій — не есть свидѣтельство очевидца или близко освѣдомленнаго лица, — она изложена въ очень общихъ выраженіяхъ: «Измаильскій народъ, потомокъ Агари, изъ-за котораго по грѣхамъ нашимъ погубленъ вышеназванный островъ (Сицилія), подобно палачу требовалъ нашихъ казней, какъ будто нарушителей законовъ[2]),... разрушилъ много городовъ, разогналъ ихъ жителей вмѣстѣ съ окрестными: однихъ умертвилъ, уморилъ и утопилъ, другихъ увелъ въ рабство и вергъ въ оковы, третьихъ изгналъ изъ отечества». — Катана была занята сарацинами въ 828 году. Допуская, говоритъ Cozza-Luzi, что Аѳанасію въ это время было 10 лѣтъ отъ роду, мы найдемъ, что святой родился ок. 818 года. — Родители Аѳанасія, по паденіи города, отправились съ сыномъ въ Старыя Патры, въ Пелопоннисѣ (εἰς τὰς ἐν Πελοποννήσῳ παλαιὰς Πάτρας § 4). Здѣсь Аѳанасій ушелъ въ монастырь и послѣ подвиговъ (§ 5) получилъ престолъ Меѳонскій, «въ этомъ славномъ городѣ Пелопонниса» (§ 6). Когда заходитъ рѣчь объ учительской дѣятельности Аѳанасія, авторъ почерпаетъ обильные примѣры изъ древне-греческой исторіи, вспоминая имена Замолксиса, Анахарсиса, Ликурга и Минсіона, Нестора, Солона и Клисѳена (§ 8). Особенно подробно изложена предсмертная бесѣда Аѳанасія. Говоря о кончинѣ святого, авторъ вспоминаетъ о Сократѣ, который былъ

1) Πατρὶς τοίνυν τοῦ νῦν εὐφημουμένου πατρός (§ 3).

2) Τὸ γὰρ Ἰσμαηλιτικὸν ἔθνος καὶ τῆς Ἄγαρ ἀπόγονον, ἐξ οὗ διὰ τῆς ἡμετέρας ἁμαρτίας προρρηθείσῃ νήσῳ προσεφθάρη ποινὰς ὥσπερ τις ἡμῖν τῶν παραβάσεων εἰσπραξομένων δήμιος. Нельзя сказать, чтобы это изложеніе отличалось совершенною ясностью. Латинскій переводъ не очень точенъ (p. 34): Ismaelitarum etenim atque Agarenorum barbaries, per quam, sic nostris promerentibus noxis praedicta insula vastata est poenas a nobis quasi legum violatoribus exigens ut carnifex.

будто бы выше смерти, фигурируютъ также имена Анита и Мелита, — и все это говорится только для того, чтобы заявить, что Аѳанасій былъ выше Сократа (§ 10). Святой скончался πλήρης τῶν ἡμερῶν (§ 12).—Вотъ и всѣ историческія данныя эпитафіи. Когда святой скончался, изъ слова не видно, но можно приблизительно сказать, когда это событіе имѣло мѣсто. Cozza-Luzi время рожденія его отнесъ къ 818 году. Извѣстно, что Аѳанасій присутствовалъ на константинопольскомъ соборѣ 879 года (Ἀθανασίου Μοθώνης)[1], стало быть 60-ти-лѣтнимъ старцемъ. Каіетанъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, отнесъ кончину святого къ 885 году[2]; Cozza-Luzi недоумѣваетъ, чтобы про 67-лѣтняго можно было сказать πλήρης τῶν ἡμερῶν, о вѣдь онъ забываетъ, что годъ рожденія Аѳанасія принятъ имъ предположительно: если святой покинулъ родину не 10-ти, а 15-тилѣтнимъ юношей, онъ прожилъ уже болѣе 70 лѣтъ. Болѣе поздняя агіографія опредѣленно говоритъ, что Аѳанасій почилъ 70-ти лѣтъ отъ рода. Что касается до дня памяти святого, то и здѣсь мы не найдемъ согласія въ источникахъ. Въ разныхъ «памятяхъ» находится четыре даты: 31 января, 5 февраля, 3 мая и 29 іюля, но только о первой, какъ засвидѣтельствованной древними свидѣтельствами, мы можемъ говорить какъ о вѣроятномъ днѣ кончины Аѳанасія, потому что ни 5 февраля, ни 29 іюля прочно не установлены, а дата 3 мая, хотя и мѣстнаго происхожденія, уже слишкомъ поздняя. Когда встрѣчается два дня памяти святого, ученые предполагаютъ, что одна дата — день кончины святого, другая — день перенесенія его мощей. Но говорить здѣсь о перенесеніи мощей Аѳанасія едва ли возможно, ибо агіографъ не говоритъ о немъ. Если Аѳанасій скончался въ Меѳонѣ 31 января, а тѣло его было напр. перенесено 3-го мая, мы легко могли бы объяснить себѣ какъ самый терминъ «ἐπιτάφιος» (въ буквальномъ смыслѣ), такъ и существованіе мѣстной даты (3 мая); но къ сожалѣнію, о первомъ предположеніи не можетъ быть и рѣчи (ибо слова § 13: ἡμῖν δὲ τὸν τάφον μετὰ τοῦ τρισολβίου σώματος πηγὰς ἰαμάτων τοῖς πίστει προσιοῦσι ἅπασιν ἀναβλύζοντα не обозначаютъ того смысла, который вкладываетъ въ нихъ Cozza-Luzi: тѣло всѣмъ намъ, съ вѣрою притекающимъ, источаетъ источники исцѣленій, — это со-

1) Concil. ed. Coleti, XVI, 736; ср. Lequien, Oriens christ. II, 230. Μοθώνης — Μεθώνης. По Лекьену, Аѳанасій родился въ 879 г., eo tempore quo saraceni primam in Siciliam incursionem ferebant, circa annum 879; но вѣроятно это опечатка или описка 879 вмѣсто 829.

2) Vitae sanctorum siculorum, II, 52.

всѣмъ еще не значитъ, чтобы агіографъ находился у гроба святого,— а потому дата 3 мая для насъ непонятна.

Современное Житіе Луки Елладскаго, изданное съ пропусками Комбефисомъ [1]), переноситъ насъ главнымъ образомъ въ X столѣтіе. Къ болѣе раннему періоду относится содержаніе лишь начальныхъ строкъ Житія. Предки Луки происходили родомъ съ о. Эгины (въ *Егейскомъ* заливѣ); не вынося безпрерывныхъ нашествій Агарянъ (τῶν ἐκ τῆς Ἄγαρ), они и всѣ другіе жители острова разсѣялись по разнымъ городамъ: одни поселились въ Аттикѣ (τὴν Κέκροπος), другіе въ Пелопоннисѣ (τὴν τοῦ Πέλοπος), третьи въ Беотіи (τὴν τοῦ Κάδμου) и такъ далѣе. Предки Луки поселились въ области Фокиды или Хриса (τῆς Φωκίδος εἴτουν τοῦ Χρυσοῦ) на одной приморской горѣ Іоанна (ὄρος Ἰωάννου καλούμενον); но когда «властители моря» Измаильтяне стали угрожать приморскимъ мѣстностямъ, въ томъ числѣ и Фокидѣ, предки перешли въ тихую гавань «Глубокую» (Βαθύς). Спустя много времени у нихъ родился здѣсь сынъ Стефанъ. Затѣмъ они переселились въ деревню Касторіи (κώμη Καστόριον), гдѣ Стефанъ женился на Евфросинѣ, также уроженкѣ Эгинской, и имѣлъ семь дѣтей: Өеодора, Марію, Луку, Калію (Καλή), бывшую потомъ монахинею, сообщившею свѣдѣнія о братѣ агіографу, Епифанія, бывшаго потомъ аскетомъ, и еще двухъ, умершихъ въ раннемъ возрастѣ.—Эгина (нынѣ Engia) находится не въ Егейскомъ, а въ Сароническомъ заливѣ (нынѣ golfo de Engia). Островъ могъ подвергаться арабскимъ вторженіямъ въ IX вѣкѣ. Фокида, отожествляемая Болландистами съ Ахаіею, лежала, какъ извѣстно, между двумя морскими заливами—Коринөскимъ и Евбейскимъ и могла также страдать отъ арабскихъ набѣговъ съ двухъ сторонъ. И позже, напр. въ 881 г., Арабы производили опустошеніе въ Сароническомъ заливѣ, но когда Никита Оорифъ явился сюда съ флотомъ, они обогнули полуостровъ и начали грабить въ Коринөскомъ заливѣ Патры и окрестности Коринөа [2]). По смыслу житія, гавань Ваөисъ стояла быть можетъ на берегу Коринөскаго залива, но Болландисты полагаютъ ее въ

---

1) Combefis. Auctar. novum II, 970—1012; Migne CXI. 441—480: Βίος κατ' ἐκλογήν. Послѣднее слово прибавлено, какъ кажется, самимъ издателемъ, выпустившимъ предисловіе, свѣдѣнія о Николаѣ Милостивомъ, Авраміи и т. д.; въ латинскомъ переводѣ Житіе (въ AA. SS. Boll. февраль II. 84—100) съ предисловіемъ — и безъ κατ' ἐκλογήν·

2) Cedren. II. 227.

Өессаліи, гдѣ, по ихъ словамъ, стоялъ и Касторій (можетъ быть Castaldus). Рожденіе Луки относятъ къ 890 году.

Теперь на очереди стоитъ житіе Филарета Милостиваго, о которомъ надобно сказать нѣсколько предварительныхъ словъ.

Доселѣ ученые знали это житіе по одному изъ анонимныхъ его пересказовъ; но вотъ въ 1902 г. намъ посчастливилось въ Генуѣ найти основное современное житіе святого, именное и точно датированное, которое и было пересказано въ изданномъ А. А. Васильевымъ текстѣ.

Семья Филарета, по этому житію, представляется теперь въ слѣдующемъ видѣ:

(1) Георгій.

(2) Сынъ его Филаретъ, его жена Өеозва.

(3) Дѣти ихъ: Іоаннъ (женатый на Иринѣ), Ипатія (замужемъ за непоименованнымъ мужемъ, потомъ вдова) и Еваноія (замужемъ за Михаиломъ).

(4) Внуки ихъ, отъ Іоанна и Ирины: Варда, Евстаоій (умершій въ юности ок. 25 лѣтъ отъ рода), Никита, Филаретъ (умершій какъ и Евстаөій), Елена (дѣва), Евфимія (дѣва), Ипатія; отъ Ипатіи: Марія (бывшая царицею), Мираноія, Еваноія, Петрона; отъ Еваноіи и Михаила: Анөисъ, Никита, Петръ, Филаретъ, Космо, Ипатія.

(5) Правнуки ихъ, отъ Варды — семь дѣтей.

Житіе Филарета написано было его внукомъ и крестникомъ Никитою Ивановичемъ въ 822 году въ пелопоннисскомъ городѣ Каріуполѣ, куда онъ, какъ инокъ-иконопочитатель, былъ сосланъ. Никита родился въ Пафлагоніи ок. 784 г., жилъ при родителяхъ до 794 г., въ 802 г. ушелъ въ одинъ изъ константинопольскихъ монастырей. Здѣсь онъ собиралъ свѣдѣнія о дѣдѣ вѣроятно отъ своей бабки Өеозвы и отца Іоанна. Въ виду того, что нѣкоторыя чудеса житія напоминаютъ чудеса въ Виоинской (Катавольской) агіографіи (стр. 318 и сл.), можно думать, что источникомъ свѣдѣній Никиты послужили разсказы Іоанна еще изъ времени его Амніатской жизни. Отдѣльные разсказы родныхъ Никита держалъ у себя до 822 г., когда при иконоборческомъ имп. Михаилѣ II онъ долженъ былъ ѣхать въ изгнаніе въ пелопоннисскій городъ Каріуполь,—новая мѣстность для ссылки. Никита захватилъ съ собою біографическіе матеріалы и здѣсь на досугѣ привелъ ихъ въ порядокъ и систему, но не удосужился напи-

сать предисловія къ житію Филарета [1]). Я, говоритъ Никита, былъ очевидцемъ житія своего дѣда и слышалъ о немъ отъ своихъ родителей, съ клятвою разсказывавшихъ мнѣ, а равно и отъ бѣдняковъ. Такимъ образомъ это житіе является теперь главнѣйшимъ и достовѣрнѣйшимъ источникомъ для біографіи святого. Чрезвычайно любопытною особенностью Филарета являлась его забота о сохраненіи своей памяти въ потомствѣ: онъ молилъ Бога о продленіи жизни Никитѣ, «чтобы *онъ повѣдалъ все, содѣянное нами, въ воспоминаніе грядущимъ родамъ*». Такимъ образомъ Филаретъ позаботился о томъ, чтобы его нищелюбивыя дѣянія были сохранены на пергаминѣ и на бумагѣ; но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же Никита упомянулъ объ этомъ во вредъ памяти своего дѣда? Пересказчики житія, выпустивъ это откровенное признаніе, несомнѣнно не умалили личность святого и осудили агіографа за его неумѣстную передачу словъ Филарета en toutes lettres.

Агіографъ касается двухъ-трехъ историческихъ фактовъ, но сравнительно мало останавливается на нихъ и кое въ чемъ погрѣшаетъ; для него милосердіе — основное качество Филарета, которое онъ особенно подробно описываетъ, представляя нѣсколько любопытныхъ бытовыхъ сельскохозяйственныхъ картинокъ; все остальное отходитъ у него на второй планъ. Не менѣе интересно житіе и въ литературномъ отношеніи, представляя новое свидѣтельство, IX вѣка, о складывающемся представленіи загробной жизни, представленіи, изложенномъ въ житіи Евфросина, но полное выраженіе котораго нашло себѣ мѣсто столѣтіемъ позже, въ житіи Василія Новаго.

«Былъ нѣкій человѣкъ въ странѣ Пафлагонской (τῶν Παφλαγόνων), по имени Филаретъ; и человѣкъ этотъ былъ благородный среди жителей Понта и страны Галатской, сынъ земледѣльца Георгія (Γεωργίου

1) Cod. Genuens. 34 f. 216^a—236^d: Μηνὶ τῷ αὐτῷ ιβ', βίος καὶ πολιτεία τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Φιλαρέτου τοῦ ἐλεήμονος (Ἦν τις ἄνθρωπος ἐν χώρᾳ τῶν Παφλαγόνων τοὔνομα Φιλάρετος). Внизу другою рукою и другими чернилами помѣчено: εἶχε δὲ καὶ σύμ. τιον (?), что вѣроятно должно значить, что имѣется житіе это (вѣрнѣе пересказъ его) и полностью, съ предисловіемъ. Старый описатель этой рукописи Luigi Grassi (G. Banchero, Genova e le due riviere, Genova 1846 p. 509), не читавшій текста, сдѣлалъ къ этому житію странное примѣчаніе: per la ragione detta di sopra la credo del Metafraste (!). Почему помѣчено число 12, когда обычно память Филарета пріурочивается къ 1-му декабря, не совсѣмъ ясно; или быть можетъ такъ, что святой скончался 1-го, а похороненъ былъ 12-го числа (чтобы дать возможность проститься съ усопшимъ напр. императору Константину и императрицѣ Маріи, которые могли отсутствовать изъ столицы)? Въ концѣ житія рукою писца кодекса замѣчено: Χρὴ γινώσκειν, ὅτι ὁ βίος τοῦτος ἀναγινώσκεται τὸν φευρουάριον μῆναν εἰς τὰς ἡμέρας τῆς ἀποκραίου.

τοῦ φερωνύμου). Былъ онъ очень богатъ и было у него много скота: 100 паръ (яремныхъ) воловъ, 600 другихъ воловъ, 800 лошадей, кормившихся на пастбищахъ (ἵπποι νομάδες), 80 лошадей и муловъ въ работѣ, 12000 овецъ; 48 полныхъ подгородныхъ многоземельныхъ имѣній (προάστεια πολλῆς γῆς), изъ которыхъ всѣ были единственными въ своемъ родѣ (μονώτατα) и стоили очень дорого (πολλῆς τιμῆς); каждое изъ нихъ орошалось источникомъ, вытекавшимъ изъ тайника; крѣпостныхъ (οἰκέται) и имущества было множество». Филаретъ женился на нѣкоей Θеозвѣ (τοὔνομα Θεοσεβοῦν!), тоже благородной и благочестивой. У нихъ былъ одинъ сынъ, Іоаннъ, первенецъ, и двѣ дочери Ипатія и Еваноія (§ 2). Слѣдуетъ характеристика Филарета, милостиваго, нищелюбца и страннолюбца. Въ продолженіи многихъ лѣтъ онъ занимался дѣлами благотворенія и сдѣлался извѣстнымъ по всей Восточной странѣ; къ нему приходило множество людей съ разными просьбами: одинъ просилъ вола, другой лошади, третій мула, четвертый одного изъ четвероногихъ животныхъ, и никому не было отказа, а между тѣмъ стада его не только не уменьшались, но увеличивались вдвое (§ 3).

Вслѣдствіе нашествія Сарацинъ и другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ [1]) Филаретъ обнищалъ. — О времени нашествія Сарацинъ на Пафлагонію ничего нельзя сказать опредѣленнаго: одно нашествіе ихъ, подъ начальствомъ Моавіи, имѣло мѣсто въ 732 году, но это слишкомъ рано для Филарета; другое происходило въ 788 году, но оно слишкомъ поздно: въ это время Филаретъ уже роднился съ имп. Константиномъ. Необходимо предположить промежуточное нашествіе, о которомъ быть можетъ говоритъ и одно изъ чудесъ св. Георгія. — У него осталось всего-на-всего одна пара воловъ, одна новотельная корова, одна лошадь и два крѣпостныхъ, мужчина и женщина, — все остальное или было уведено въ плѣнъ, или роздано въ милостыню; его нивы были захвачены его же крѣпостными и сосѣдями и частью опять таки отданы нуждающимся, — у Филарета остался только отцовскій домъ. Онъ не только не скорбѣлъ о потерѣ имущества, но даже радовался, памятуя слово Спасителя: не удобь богату внити въ царство небесное (§ 4).

Однажды Филаретъ послѣднею парою воловъ оралъ оставшуюся у него ниву. Одинъ бѣдный поселянинъ, у котораго палъ волъ на его

1) V. 65: διά τε αἰχμαλωσίας τῶν Ἰσμαηλιτῶν, διά τε ἑτέρων προφάσεων.

нивѣ, боясь немилости заимодавцевъ, очень горевалъ, не зная, какъ теперь прокормить жену и 9 дѣтей, изъ какихъ источниковъ заплатить подать царю, откуда уплатить кредиторамъ; онъ было уже рѣшился бросить свой домъ и уйти отъ заимодавцевъ, но вспомнилъ о Филаретѣ; онъ зналъ, что нищелюбецъ самъ обнищалъ, тѣмъ не менѣе, взявъ посохъ, отправился къ нему подѣлиться своимъ несчастіемъ. Филаретъ, выслушавъ стенанія поселянина, предложилъ ему отвязать одного вола и увести на свою ниву. Тотъ не хотѣлъ было разразнивать чужой пары, но святой увѣрилъ, что оставшійся у него волъ силенъ и способенъ одинъ прокормить его небольшое хозяйство. По окончаніи работы Филаретъ, взявъ рало на плечи, возвратился домой съ однимъ воломъ. Жена его спросила: гдѣ же другой волъ? Милостивый допустилъ обманъ: желая отдохнуть, сказалъ онъ, я развязалъ быковъ и заснулъ, а проснувшись, увидѣлъ только одного вола. Ѳеозва заплакала и послала сына отыскивать пропавшую скотину. Послѣ долгихъ поисковъ Іоаннъ замѣтилъ своего вола въ ярмѣ поселянина и съ упрекомъ спросилъ: какъ ты осмѣлился чужой скотъ подводить подъ свое ярмо? мы и безъ того приведены вами на край гибели. Поселянинъ спокойно отвѣтилъ, что волъ подаренъ ему Филаретомъ. Іоаннъ, «вложивъ руку въ ротъ», вернулся домой и сообщилъ о томъ матери. Ѳеозва сбросила съ головы своей τὸ φακιόλιον, съ плачемъ укоряла мужа, называла его мѣдносердымъ и безсердечнымъ, уморяющимъ семью голодомъ. Филаретъ улыбался и молчалъ, наконецъ успокоилъ ее кроткими словами: вмѣсто одного вола мы получимъ 100 (§ 5).

Прошло не болѣе пяти дней, и волъ данный Филаретомъ поселянину, объѣвшись растенія елевора [1]), издохъ; поселянинъ явился къ святому и жаловался на свое бѣдствіе. Тогда Филаретъ отдалъ ему и послѣдняго своего вола, замѣтивъ, что онъ собирается идти въ другую страну и не желаетъ, чтобы волъ оставался у него безъ работы. Семья Филарета, лишившись послѣдней поддержки, пришла въ отчаяніе: святого называли безумцемъ, немилосерднымъ и чадоненавистникомъ. Но Филаретъ утѣшалъ своихъ тѣмъ, что имѣетъ кладъ, сокрытый въ одномъ мѣстѣ, благодаря которому можно въ теченіи 100 лѣтъ ничего не дѣлать и быть обезпеченнымъ, что скотъ свой, когда-то у него имѣвшійся, онъ тайкомъ продалъ, помня слова своихъ роди-

1) τοῦ φαρμάκου τοῦ ἐπιλεγομένου λυκοβότανος.

телей, что имѣніе, состоящее изъ скота, ничего не стоитъ и погибаетъ отъ холода, болѣзней и войнъ; слова свои святой подтвердилъ клятвою, разумѣя, говоритъ агіографъ, подъ кладомъ будущія событія, которыя онъ прозрѣлъ (§ 6).

Вскорѣ послѣ того вышло царское повелѣніе къ войску (πρὸς τὸ ἐκεῖσε στρατόπεδον) выступать въ походъ противъ Измаильтянъ, опустошавшихъ тогда владѣнія Ромеевъ. Тысячникъ, сотникъ и пятидесятникъ, расчитывая на образованіе полка (τὸ ἀδνόμιον), требовали всѣмъ безотлагательно явиться съ парою лошадей и повозками. Одинъ изъ бѣдныхъ солдатъ, по имени Василій, потерявъ послѣднюю свою лошадь и не имѣя возможности купить другой, изъ страха передъ начальникомъ приходитъ къ Филарету и жалуется на свое несчастіе: завтра я долженъ идти въ походъ, боюсь безъ лошади попасть въ руки тысячника (χιλίαρχος) и быть до смерти избитымъ, или мнѣ придется бродяжничать изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню. Святой отдалъ ему свою лошадь, замѣтивъ, что даетъ ее не для полка и не для тысячника, а для Бога. Θеозва перенесла утрату лошади спокойно: она надѣялась на кладъ, о которомъ ей говорилъ мужъ (§ 7).

У Филарета осталась новотельная корова съ теленкомъ, оселъ и улей пчелъ. Одинъ бѣднякъ, пришедшій издалека, попросилъ у святого теленка для приплода, и Филаретъ отдалъ его. Когда корова безъ теленка стала ревѣть, догадавшаяся Θеозва осыпала мужа бранью: кто тебя пойметъ? кто не посмѣется твоему младенствующему уму? ты жены не бережешь, дѣтей заморилъ, друзей забылъ и разлучилъ корову. Филаретъ, поцѣловавъ жену, сказалъ: ты правильно сказала, что я немилосердый, разлучивъ корову отъ теленка. Съ этими словами онъ побѣжалъ въ догонку за поселяниномъ и вернулъ его обратно. Корова радостно принялась лизать свое дѣтище, а тотъ съ жадностью началъ сосать ее. Θеозва было успокоилась; но что же дѣлаетъ Филаретъ? вмѣстѣ съ теленкомъ онъ отдаетъ поселянину и самую корову (§ 8).

Съ наступленіемъ въ то время голода Филаретъ оказался не въ состояніи прокормить семейства; не было ни денегъ, ни пшеницы. Взявъ мула, онъ отправился въ другую страну къ своему другу, занялъ у него шесть мѣръ пшеницы и привезъ на мулѣ домой, чѣмъ всѣхъ обрадовалъ. Въ это время пришелъ къ нему одинъ бѣднякъ, прося рѣшета пшеницы. Филаретъ обратившись къ женѣ, сказалъ:

я хотѣлъ бы дать брату одну мѣру. Та отвѣтила: дай сперва мнѣ и дѣтямъ твоимъ по мѣрѣ и прислугѣ тоже, ну а избытокъ давай, кому хочешь. Святой разсмѣялся. «А мнѣ развѣ не дашь мѣру?» — «Ты — ангелъ, а не человѣкъ, брашна не требуешь, а если бы ты хотѣлъ брашна, то не раздавалъ бы другимъ пшеницы, привезенной издалека». Видя настойчивость Филарета, Θеозва въ гнѣвѣ произнесла: дай ему двѣ мѣры. Святой такъ и сдѣлалъ. Жена въ неистовствѣ сказала: если бы я была мудра такъ же, какъ ты, я бы дала ему и третью мѣру (εἶχα καὶ τὸ σακίον). Филаретъ насыпалъ бѣдняку и третью мѣру. Истощивъ оставшіяся три мѣры, Θеозва обратилась къ сосѣдямъ, заняла у нихъ небольшой хлѣбъ и, сваривъ дикую лебеду, накормила дѣтей; къ скудному столу святой приглашенъ не былъ (§ 9).

Узнавъ о крайней нуждѣ Филарета, одинъ изъ его друзей, состоявшій въ должности сборщика податей (διοικητὴς τὸ ἀξίωμα ὑπάρχων), отправилъ къ нему 4 муловъ, съ 10 мѣрами пшеницы на каждомъ, при письмѣ слѣдующаго содержанія: «Возлюбленный нашъ братъ и Божій человѣкъ! я послалъ тебѣ 40 мѣръ пшеницы на пропитаніе тебѣ и твоему семейству; когда они у тебя выйдутъ, я пошлю тебѣ еще столько же; ты же, Господа ради, не забывай молиться о насъ». Филаретъ вознесъ благодарственныя молитвы Господу. Θеозва повеселѣла, выпросила у мужа муки для себя, для дѣтей и для отдачи долга, такъ что святому осталось всего пять мѣръ, которыя онъ роздалъ въ два дня. Въ теченіи двухъ дней святого не приглашали къ обѣду, — обѣдали тайно; однажды онъ явился и сказалъ: дѣти, примите гостя. Тѣ разсмѣялись и — накормили его. За столомъ они спросили отца, когда же онъ покажетъ имъ кладъ, но святой просилъ ихъ потерпѣть (§ 10).

У Филарета оставался еще пчелиный улей; но когда къ нему явился бѣднякъ съ просьбою муки и когда муки не было, святой отдалъ ему часть ульевъ; остальнымъ медомъ питалось все его семейство (§ 11). Остался въ цѣлости всего одинъ улей, но его дѣти въ отчаяніи разбили. Когда же явился къ Филарету новый бѣднякъ, святой, не имѣя ни хлѣба, ни меду, ни послѣдняго улья, отдалъ ему часть одежды. Θеозва спросила, гдѣ его одежда? мужъ отвѣтилъ: я оставилъ ее, обходя пчелъ. Іоаннъ сходилъ въ улейники, но тамъ ничего не нашелъ. Θеозва передѣлала свою одежду на мужскую и одѣла мужа (§ 12).

Въ тѣ времена царствовала имп. Ирина съ сыномъ своимъ Кон-

стантиномъ. По всей имперіи отъ востока до запада были разосланы посланцы для отысканія достойнѣйшей невѣсты Константину. Обойдя весь западъ, югъ и сѣверъ и не найдя подходящихъ невѣстъ, они прибыли въ Понтійскую страну, посѣтили Пафлагонію и заглянули въ Амнію, подвѣдомственную городу Гангрламъ, гдѣ прежде всего были поражены выдающеюся красотою Филаретова дома, въ которомъ и рѣшились остановиться, отправивъ туда своихъ слугъ. Мѣстные жители отговаривали ихъ отъ этого, увѣряя, что Филаретъ очень бѣденъ; тѣмъ не менѣе посланцы не послушались. Святой съ жезломъ въ рукѣ вышелъ на встрѣчу, поклонился гостямъ до земли и произнесъ: «добро Богъ привелъ васъ, господъ и владыкъ моихъ, къ работникамъ вашимъ». Ѳеозвѣ онъ велѣлъ приготовить трапезу, но та отвѣтила, что у нихъ нѣтъ ни ягненка, ни птицы, есть одна лебеда, да и та безъ масла, котораго мы не ѣдали съ незапамятнаго времени. Святой велѣлъ ей приготовить только огонь и прибрать комнату, въ которой стоялъ старый круглый столъ изъ слоновой кости, свѣтившійся золотымъ блескомъ. Въ это время задними дверями въ домъ Филарета именитые люди мѣстечка принесли барановъ, куръ, голубей, хлѣба, вина и всего необходимаго. Угощеніе посланцевъ происходило въ высокой палатѣ, гдѣ за столомъ могло помѣститься 36 человѣкъ. Во время трапезы вошелъ въ комнату сынъ святого, Іоаннъ, въ возрастѣ Самуила, волосами Авессаломъ, красотою Іосифъ, и внуки его (числомъ 7), прислуживая гостямъ. Послѣдніе пожелали видѣть Ѳеозву и нашли ее все еще красивою (не смотря на старость) и доброю, пожелали видѣть его дочерей и внука. У Ипатіи было три дочери, которыхъ посланцы видѣли во внутренней ихъ комнатѣ (κουβούκλιον). Дѣвицы привѣтливо встрѣтили гостей, которые настолько плѣнились ихъ красотою, что красивѣе ихъ не нашли нигдѣ. Сняли съ нихъ царскую мѣрку (τὸ βασιλικὸν μέτρον), съ роста, головы и подошвы ноги,—вполнѣ подходящею невѣстою оказалась внука Филарета Марія, у которой была сестра Мираноія (Μυρανθεία); что же касается Еваноіи, то она была замужемъ за Михаиломъ и имѣла двухъ дочерей Космію (Κοσμώ) и Ипатію. Взявъ Марію и всѣхъ ея родныхъ (числомъ до 30 человѣкъ), посланцы отправились въ Константинополь, забравъ 10 другихъ дѣвицъ для царскаго выбора. Среди послѣднихъ находилась дочь богатаго стратилата Геронтіана (Γεροντιανοῦ, Γρατιανοῦ). Дорогою Марія предложила 10 дѣвицамъ совѣтъ: та, которая будетъ осчастливлена царскимъ избраніемъ, пусть не забываетъ остальныхъ своихъ подругъ. На это

Геронтіанова дочь горделиво замѣтила, что непремѣнно она сдѣлается супругою императора. Въ Константинополѣ всѣ собранныя дѣвицы были сначала представлены царскому наперснику (ἐπιστήθιον) и оберегателю священной палаты (ὁ πᾶσαν πρόνοιαν ποιούμενος τοῦ ἱεροῦ παλατίου) Ставракію, который, замѣтивъ чванство Геронтіевой дочери [1]), наградилъ ее подарками и отослалъ во свояси. Напротивъ Марія, вошедшая съ матерью и двумя другими сестрами, произвела прекрасное впечатлѣніе на царя, царицу и на Ставракія, и Константинъ обручился съ нею. Со второю ея сестрою (Мираноіею) былъ обрученъ одинъ изъ вельможъ, патрикій Константинакій, а третью (Еваноію) получилъ ὁ τῶν λογγιβάρδων βασιλεὺς τὸ ὄνομα Ἀργούσης μετὰ καὶ δώρων πολλῶν πρὸς τῷ βασιλεῖ Κωνσταντίνῳ αἰτούμενος ταύτην μνηστεύσασθαι εἰς γυναῖκα, ὅπερ καὶ γέγονε. Послѣ свадьбы императоръ щедро одарилъ родню своей жены имѣніями, домами, одеждами, драгоцѣнными камнями и бисеромъ. Тутъ только Ѳеозва и ея дѣти поняли пророчество святого о кладѣ, и просили у него прощенія за всѣ причиненныя ему обиды (§ 13).

Пользуясь теперь полною возможностью дѣлать добро, Филаретъ не переставалъ раздавать свое имущество бѣднымъ. Однажды онъ сообщилъ своимъ, что хочетъ пригласить къ себѣ на обѣдъ царя и владыку. Пиръ былъ приготовленъ. Филаретъ, съ ранняго утра набравъ на улицахъ Цареграда до 100 нищихъ, больныхъ, слѣпыхъ и старыхъ, привелъ ихъ на пиръ, приказавъ прислуживать имъ сыну своему Іоанну, который былъ сдѣланъ тогда спаѳаріемъ и ἐπὶ τοῦ μαγλαβίου, и своимъ внукамъ, въ томъ числѣ Петронѣ, брату царицы, тоже спаѳарію и маглавиту. Мало того, святой обязалъ своихъ родственниковъ отдѣлить каждому по 10 золотыхъ въ пользу бѣдныхъ и тутъ же роздалъ каждому бѣдному по золотому, ровно 28 литръ (§ 14). Вскорѣ послѣ того Филаретъ предложилъ дѣтямъ купить дарованную ему царемъ часть за 60 литръ, говоря, что ему довольно и того, что онъ дѣдъ царицы, что если покупка не состоится, онъ отдастъ имѣніе бѣднымъ. Дѣти купили, а святой, получивъ деньги, роздалъ ихъ нищимъ. Цари и вельможи, узнавъ о томъ, радовались святости старца и давали ему много имѣній для раздачи «братіи» (§ 15). Филаретъ сдѣлалъ три совершенно одинаковыхъ мѣшечка для золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ и передалъ ихъ своему

1) καλὴ μὲν ὑπάρχεις καὶ ὡραία, ἀλλὰ πρὸς βασιλέαν οὐ ποιεῖς.

вѣрному слугѣ, протовестіарію Ликасту (Λύκαστος); когда приходилъ бѣднякъ, святой посылалъ Ликаста дать ему денегъ, но не говорилъ, изъ какого мѣшечка; онъ былъ увѣренъ, что Богъ, знающій степень нужды каждаго, укажетъ слугѣ дать изъ того мѣшка, изъ котораго нужно. Онъ зналъ, что лица, одѣтыя въ хорошія одежды, бываютъ часто бѣдняками, потерявшими прежнее свое богатство и не имѣющими, что ѣсть; онъ зналъ, что лица, одѣтыя въ грубыя одежды, часто бываютъ богачами, собирающими богатство, что есть уже лихоимство. Бывало не разъ, что приходилъ человѣкъ въ хорошей одеждѣ, и святой хотѣлъ дать ему мѣди, но давалъ золота, и наоборотъ, человѣку въ рубищахъ и въ гноѣ хотѣлъ дать золота, но давалъ мѣдныхъ монетъ (§ 16). Въ теченіи четырехъ лѣтъ онъ ходилъ во дворецъ въ простой одеждѣ, хотя, какъ патрикій, онъ долженъ былъ надѣвать шелкъ, красную одежду и подпоясываться золотымъ поясомъ. Цари много разъ принуждали его къ этому, но Филаретъ всегда говорилъ, что ему довольно и того, что называется дѣдомъ царицы, и иначе не называлъ себя, какъ «Филаретомъ-Амнійцемъ» (Φιλάρετος ὁ ἀμνειάτης, § 17).

На старости лѣтъ, среди болѣзни, святой со своимъ вѣрнымъ слугою отправился въ женскій монастырь «Судъ» (Κρίσις), иначе называемый «Родофиліевъ» (Ῥοδοφυλίου, розолистный), и заказалъ для себя у одной инокини за большую сумму денегъ новый гробъ; игуменьѣ говорилъ о предстоящей своей кончинѣ и просилъ ее положить его тѣло въ этомъ гробѣ.—Монастырь Суда, находившійся, по словамъ Пахимера, по смежности съ монастыремъ Аристины, какъ кажется, нѣсколько позже принялъ въ свои стѣны мощи Андрея Крисійскаго.—Раздавъ все свое имущество, онъ слегъ въ постель. Черезъ девять дней онъ призвалъ всю свою родню и далъ всѣмъ предсмертное наставленіе не щадить приходящаго богатства, помогать сиротамъ, посѣщать бѣдныхъ и заключенныхъ, чужаго не желать и никого не злословить (§ 18). Затѣмъ онъ велѣлъ Іоанну принести къ нему его дѣтей и предсказалъ имъ будущее; первому изрекъ: «Богъ благословитъ сѣмя его на многіе годы во обдержаніе рода», что и случилось: онъ женился, имѣлъ семь дѣтей и умеръ; второму: «жизнь твоя на землѣ коротка, ты умрешь въ юности» (Евстаѳій прожилъ болѣе 24 лѣтъ, отдавъ свои имѣнія въ монастырь великомуч. Георгія «τὰ Πρεποσίτου», гдѣ и похороненъ).

Взявъ за руку крестника Никиту, Филаретъ не на долго помѣ-

стилъ его на своей подушкѣ (τὰ προσκέφαλα). Четвертый, Филаретъ, роздалъ свои имѣнія въ тотъ же Георгіевскій монастырь, въ которомъ и былъ погребенъ. Красота и мужественность Евстаѳья и Филарета были таковы, что плакали о нихъ даже постороннія лица. Положивъ Никиту на постель, Филаретъ поцѣловалъ его и произнесъ: «въ руки твои, Господи, предаю дитя сіе, и умирая скорблю о немъ; но молю тебя, даруй мнѣ дитя сіе, дабы онъ остался въ мірѣ семъ и и жилъ долго — долѣе своихъ братьевъ и своихъ родителей, ἵνα ἱστορήσῃ πάντα τὰ πραχθέντα ἡμῖν εἰς μνημόσυνον ταῖς μελλούσαις γενεαῖς; почти его святой и апостольской схимы и не разлучи его со мною. Филаретъ говорилъ какъ Іаковъ надъ Іосифомъ. Въ молитвѣ Богородицѣ онъ произнесъ: подъ твою защиту отдаю отрока сего. Св. мученика Ѳеодора старецъ умолялъ: заступникомъ буди отрока сего, поелику онъ родился въ твою память и въ твоемъ храмѣ я держалъ его на рукахъ. Подошли Елена и Евфимія и сказали: благослови и насъ, отче. Филаретъ сказалъ: вы будете дѣвственницы въ обществѣ Богородицы, скоро вы будете подвизаться и унаслѣдуете царство небесное, что и случилось: онѣ постриглись въ монастырѣ Богородицы ἐν τῇ Πέμπτῃ πόρτᾳ и послѣ 12-тилѣтняго подвижничества скончались въ одно время. Филаретъ благословилъ и родителей ихъ Іоанна и Ирину, помолился о своей женѣ, сынѣ и дочеряхъ своихъ. И вотъ лицо его вдругъ освѣтилось какъ бы отъ солнца и онъ запѣлъ: «Милость и судъ воспою тебѣ, Господи», и пр. По окончаніи этого псалма въ домѣ разнеслось благоуханіе, такъ что мы думали, что онъ наполнился ароматами. Прочтя Символъ вѣры, Филаретъ началъ читать молитву Господню и испустилъ духъ на словахъ: «да будетъ воля Твоя».

Имп. Константинъ съ матерью и супругою, узнавъ о кончинѣ Филарета, прибыли къ одру его въ сопровожденіи всего синклита и плакали; роздали много денегъ бѣднымъ, которыхъ собралось великое множество (§ 20). Среди послѣднихъ былъ нѣкій Кавкъ (Καῦκος), одержимый нечистымъ духомъ отъ рожденія, часто брасавшійся въ огонь и рѣку. Филаретъ любилъ его, да и родственники держали его διὰ τὸ λαβεῖν αὐτὸν ῥόγαν. Кавкъ палъ на постель Филарета, схватился за нее, тотчасъ выздоровѣлъ и, держа постель за ножку, несъ останки его до могилы, гдѣ усопшій былъ положенъ въ раку.

Никита, въ то время еще семилѣтній мальчикъ, на третій день по кончинѣ Филарета, лежа на своей постели, находился въ экстазѣ:

былъ увлеченъ въ иной міръ, гдѣ видѣлъ мученія и огненную рѣку, очень клокочущую; по ту сторону рѣки онъ видѣлъ чудный рай, какого еще не видывалъ глазъ человѣческій, со многими прекрасными деревьями и свѣтлыми ароматными плодами, а также людей, вкушающихъ эти плоды; среди садовъ онъ замѣтилъ и Филарета на золотомъ престолѣ въ блестящихъ ризахъ; съ одной стороны его стояли «новопросвѣщенныя дѣти», въ числѣ которыхъ находилась и сестра Никиты, вскорѣ затѣмъ умершая, со свѣчами, съ другой множество нищихъ; кромѣ того разсказчикъ видѣлъ и другого, блестящаго страшнаго мужа съ золотымъ жезломъ въ рукѣ; онъ спросилъ, кто это сидитъ на престолѣ? и получилъ отвѣтъ: это Филаретъ Амніецъ; между тѣмъ Филаретъ сталъ подзывать къ себѣ Никиту, но этотъ боялся перейти огненную рѣку по узкому непроходимому мосту, видя, какъ тамъ люди жарились на сковородахъ и скрежетали зубами; Филаретъ отвѣтилъ, что иного пути черезъ рѣку нѣтъ; Никита сталъ переходить мостъ при содѣйствіи Филарета и только что перешелъ его, какъ проснулся (§ 22) [1]).

Ѳеозва вернулась изъ Константинополя на свою родину и на дары царя и внука построила церковь, сожженную въ старину Персами, обогатила драгоцѣнными сосудами монастыри и храмы, надѣлила нищихъ и снова возвратилась въ Царьградъ, гдѣ вскорѣ умерла и погребена рядомъ со своимъ мужемъ (§ 23).

Такъ какъ бракъ имп. Константина съ Маріею состоялся въ 788 году [2]), то Филаретъ, какъ пережившій это событіе четыремя годами, скончался (1 декабря) 792-го, а стало быть родился въ 702 году. Біографъ писалъ его житіе спустя 30 лѣтъ послѣ его кончины, именно, какъ сказано, въ 822-мъ году.

Несмотря на то, что житіе Аѳанасіи Егинской [3]) составлено было

---

1) Ταυτα ἐγὼ θεασάμενος Νικήτας ὁ ἔγγονος καὶ υἱὸς πνευματικὸς τοῦ ἁγίου μου πάππου ἔτη δέκα διατρίψας ἐν τῷ οἴκῳ μου τὰς ἐντολὰς του πάππου μου κατὰ νουν ἔχων ἐν τῇ καρδίᾳ μου καὶ κατὰ δύναμιν ἐργαζομενος· χρονων ὢν ὀκτωκαίδεκα γενόμενος ἀπέδρασα ἐκ του οἴκου μου καὶ ἐγενόμην μοναχός. Μετὰ δὲ εἴκοσι χρόνους τῆς ἐμῆς ἀποταγῆς ἀκριβῶς ἐρευνήσας τὰς ἀρετὰς τοῦ πάππου μου καὶ τὴν καλὴν ἀναστροφὴν αὐτου, ἃ μὲν αὐτόπτης ἐγενόμην, ἃ δὲ παρὰ τῶν πενήτων πληροφορηθεὶς συγγραψάμην (sic) τὸν βίον αὐτοῦ ἔτους, ͵ϛτλ′ ἐν ἐξορίᾳ ὢν ἐν Πελοποννήσῳ ἐν Καριυπόλει. γένοιτο δὲ πάντας ἡμᾶς καταξιωθῆναι τῶν ἀρετῶν αὐτοῦ καὶ συνδοξασθῆναι αὐτῷ.

2) Muralt, 379.

3) Βίος καὶ πολιτεία τῆς ὁσίας μητρὸς ἡμῶν Ἀθανασίας καὶ μερικὴ τῶν αὐτῆς θαυμάτων διήγησις (Τὸ ταῖς τῶν ἁγίων κοινωνεῖν μνείαις): AA. SS. Boll., апрѣль, III, 170—175. У архіеп. Сергія вм. «Егинская» по опечаткѣ «Египетская».

современнымъ писателемъ, оно, изданное пока въ одномъ латинскомъ переводѣ, бѣдно историческими данными и столь неопредѣленно въ пріуроченіи времени, что мы въ сущности не знаемъ, когда она съ точностью жила. Судя по нѣкоторымъ немногимъ историческимъ именамъ можно лишь догадываться, что Аѳанасія жила въ IX в., и только. О времени ея кончины ничего положительнаго сказать нельзя. По Сурію она скончалась ок. 850 г., по Кастелляну и арх. Сергію — ок. 860 года; но та и другая дата — одно предположеніе.

Родители Аѳанасіи, Никита и Ирина, имѣли свой домъ на о. Егинѣ (Αἴγινα), — въ Сароническомъ заливѣ, южнѣе о. Саламина. — Дочь ихъ Аѳанасія семи лѣтъ отъ рода изучила Псалтирь и занималась Св. Писаніемъ. Когда она однажды ткала ткань (sola telam texeret), она увидѣла блестящую звѣзду, прошедшую ей въ грудь и вышедшую изъ глазъ. Съ того времени она возненавидѣла міръ и желала иноческой жизни. Но родители, не желавшіе этого, насильно выдали ее замужъ. Съ мужемъ она жила только 16 дней. Cum enim Maurisii (Μαυρουσίων) barbari homines in illas regiones irrupissent, мужъ Аѳанасіи пошелъ въ бой съ пиратами и былъ убитъ мечемъ (§ 1). — Безъ сомнѣнія здѣсь разумѣются Африканскіе арабы, свободно разгуливавшіе на корабляхъ по Средиземному морю въ VIII и IX столѣтіяхъ. Указанное нападеніе на Егину предположительно можно отнести къ концу VIII вѣка.

Спустя много времени Аѳанасія все помышляла объ иноческой жизни. Въ это время неожиданно пришелъ царскій указъ, чтобы незамужнія женщины или вдовы выходили замужъ за мѣстныхъ, варварскихъ жителей [1]). — Неизвѣстно, какой императоръ и когда издалъ подобнаго рода указъ; но что нѣчто подобное могло быть, видно изъ послѣдующаго времени, когда имп. Ѳеофилъ повелѣлъ напр. грекамъ въ Персіи вступать въ бракъ съ туземцами (см. во 2-й части). — Аѳанасія, на основаніи этого указа, была выдана родителями снова замужъ за одного варвара; впрочемъ она и теперь жила по монашески, проводя время въ дѣлахъ благотворенія. Во время голода она помогала не только христіанамъ, но и безбожнымъ, напр. Athinganis, изнуреннымъ голодомъ (§ 2). — Въ византійское время подъ ἀθίγγανοι разумѣлась особая вѣтвь манихеизма, которая вмѣстѣ

1) regale quoddam edictum repente prolatum est, ut mulieres quae nuptae non erant seu viduae iis viris, qui essent ex natione collocarentur.

съ павликіанствомъ вышла изъ Фригіи и имѣла многихъ послѣдователей; къ ней принадлежалъ сначала и имп. Михаилъ II Аморіецъ (820—829) [1]). Въ нынѣшнемъ греческомъ языкѣ ἀθίγγανοι — цыгане.

Своего второго мужа — варвара Аѳанасія убѣдила уйти въ монастырь, гдѣ онъ и скончался. Тогда святая и сама ушла въ обитель и остригла волосы; черезъ три или четыре года она была выбрана въ игуменіи монастыря (§ 3). Она вкушала немного хлѣба и воды въ 9-мъ часу, въ пасху принимала сыру и рыбы, въ Четыредесятницу питалась овощами черезъ день, не принимая питья; спала на камняхъ; также проводила время и въ праздники свв. Апостоловъ и Рождества Христова (§ 4).

Черезъ четыре года Аѳанасія убѣдила бывшихъ при ней инокинь идти для подвиговъ на уединенную гору. Явившись къ пресвитеру святой жизни Матѳею, онѣ повѣдали ему о своемъ намѣреніи. Матѳей сказалъ Аѳанасіи: ваше рѣшеніе правильно, но не совѣтую вамъ такъ строго подвизаться, во вредъ своему здоровью. Инокини обѣщались исполнять его совѣтъ. Найдя прекрасное мѣсто, Аѳанасія съ веселымъ видомъ сказала сестрамъ: это мѣсто я уже давно видѣла свѣтомъ своего ума, думаю здѣсь и остаться (§ 6). Упомянувъ о Матѳеѣ, агіорафъ распространяется о его святости: такъ какъ въ томъ мѣстѣ стоялъ храмъ первомуч. Стефана, славившійся своею древностію, блаженный Матѳей, по увѣщанію мѣстнаго епископа, поселилъ здѣсь женщинъ и заботился о нихъ. Горячій почитатель св. Іоанна Богослова, онъ говорилъ: неужели нынѣ кто достоинъ, отправившись въ Ефесъ, видѣть св. ап. Іоанна? Св. Богословъ явился Матѳею во время совершенія имъ службы (§ 7). Нѣкій разслабленный, одѣтый въ хламиду Матѳея, выздоровѣлъ; у нѣкоего, по дьявольскому наважденію, лицо перевернулось назадъ [2]), — чудомъ Матѳея онъ выздоровѣлъ; одна монахиня страдала нечистымъ духомъ, прибыла въ монастырь, Матѳей помолился, осѣнилъ ее крестомъ, и она выздоровѣла (§ 8). Но вотъ святой Матѳей поплылъ въ Константинополь; случилось такъ, что онъ утонулъ вмѣстѣ съ другими. Мѣсто его заступилъ пресвитеръ Игнатій, евнухъ по природѣ (eunuchus natura). Подобно Матѳею онъ также отличался святостью; по смерти его и его могила прогоняла демоновъ (§ 9).

---

1) Cedren. II, 39, 69 B: Ἀθιγκάνων, Ἀθιγγάνων.
2) Cuidam vero alii faciem habenti, diabolo auctore, perversam.

Возвращаясь къ Аѳанасіи, агіографъ говоритъ, что преподобная исцѣлила больного глазами. Около храма первомуч. Стефана она построила три другихъ храма: во имя Богородицы, Іоанна и Николая Чудотворца. Necessitate postulante она прибыла въ Византію и здѣсь жила шесть или семь лѣтъ, но была этимъ недовольна (moleste ferens). Послѣ одного видѣнія она рѣшилась вернуться въ свое старое мѣсто. Я, говорила она, видѣла двери Богородицкой церкви открытыми, и въ нихъ мнѣ велѣно идти. Покинувъ столицу, она прибыла въ желанное мѣсто, называвшееся «Честное» (τὰ τίμια), предвидѣнное нѣкіимъ прозорливцемъ много лѣтъ тому назадъ: здѣсь былъ нѣкогда Іоанникій, который сказалъ, что надобно чтить это мѣсто помѣщеніемъ здѣсь святыхъ тѣлесъ. Это позже и было (§ 11) [1]. — Въ имени Іоанникія — единственное указаніе на время жизни Аѳанасіи. Всѣ ученые безъ колебанія думали, что здѣсь имѣется въ виду безъ всякаго сомнѣнія Іоанникій Виѳинскій († 846). Но если τὰ Τίμια находились на Эгинѣ, то когда и какъ объяснить пребываніе здѣсь св. Іоанникія? Уроженецъ Виѳиніи, служившій въ военной службѣ сначала на востокѣ, въ М. Азіи, а въ 797 г. ходившій походомъ во Ѳракію и Болгарію, Іоанникій всю свою жизнь съ тѣхъ поръ провелъ на Олимпѣ; на пребываніе его на Эгинѣ нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго намека. Мы видѣли фантастическое извѣстіе агіографа о царскомъ указѣ; не такого же ли довѣрія заслуживаетъ и разсказъ объ Іоанникіи?

Но вотъ Аѳанасія заболѣла тяжелою болѣзнію. За 12 дней до кончины ей явилось видѣніе: она видѣла двухъ мужей въ бѣлыхъ одеждахъ, которые пришли къ ней со свиткомъ (pagina), на которомъ было написано: вотъ твоя свобода! возьми ее и радуйся! Очнувшись, Аѳанасія позвала къ себѣ одну изъ сестеръ. Во все это время она не ѣла, не пила, а только говорила: пойте (psallite), дочери мои, пойте и постоянно хвалите Бога, чтобы онъ былъ милостивъ ко грѣхамъ нашимъ. Уже не въ состояніи говорить, она въ умѣ имѣла 90-й псаломъ. Обнявъ Марину и Евфрасію, она проговорила: вотъ мы разлучаемся. Лице ея просвѣтилось (§ 12) и она скончалась въ праздникъ Успенія Богородицы (15 августа, § 13) [2].

1) Hic quem dixi Ioannicius fuit ille laudatus et insignis vir, cujus gloria per totum orbem terrarum celebratur; hic, inquam, divinus vir, cum per eum locum transiret, prophetico spiritu pronuntiavit, decere (δεῖ), locum illum honorari quorumdam sanctorum corporum collocatione. Id quod postea factum fuit.

2) Quoniam vero dies festus aderat, quo sanctissimae Dei Genitricis Assumptio (κοι-

Послѣ погребенія ея одна женщина денно и нощно пребывала у ея гроба. Аѳанасія явилась ей и сказала: жди сорока дней со дня моей кончины, когда я буду принята Богомъ (§ 14). — Въ этомъ архіеп. Сергій (II², стр. 139) видитъ «очень назидательное свидѣтельство за поминовеніе умершихъ впродолженіе 40 дней». — Черезъ годъ послѣ ея кончины упомянутая женщина исцѣлилась отъ демоновъ. Аѳанасію хотѣли переодѣть въ драгоцѣнныя ризы, она запретила это, крѣпко держа руки на груди, но потомъ уступила и позволила облечь ее въ тунику (§ 15). Вскорѣ послѣ кончины 12-лѣтняя дѣвочка, объятая нечистымъ духомъ, упала на землю и испускала пѣну; приведенная къ ракѣ, она выздоровѣла. Восьмилѣтній мальчикъ имѣлъ демона въ рукѣ[1]); семь дней онъ пробылъ у мощей и выздоровѣлъ; одинъ рабъ, по вѣрою свободный, страдалъ скрытымъ демономъ; онъ прибылъ въ монастырь и молилъ объ избавленіи. «Подожди немного, братъ, былъ ему голосъ, и я помогу тебѣ; открой ротъ». Больной открылъ ротъ и выздоровѣлъ: помогла мазь отъ большого пальца святой (§ 16). Въ день памяти Аѳанасіи нѣкая женщина, Ѳеодота, страдавшая сухостью руки, выздоровѣла; другая женщина, не смотря на долговременное пребываніе у раки святой, вернулась домой, не поправившись отъ болѣзни. Аѳанасія во снѣ сказала ей: ты обманула мужа и ввергла свою душу въ тяжелую смерть; иди, исповѣдуй свой грѣхъ, и я освобожу тебя отъ демона; та призналась и была исцѣлена. У одного ребенка одинъ глазъ не видѣлъ, а рука и нога не дѣйствовали; черезъ нѣсколько дней ребенокъ выздоровѣлъ (§ 17). Страдавшая глазами черезъ два или три дня выздоровѣла; 12-лѣтній мальчикъ, у котораго не дѣйствовали руки и ноги, былъ привезенъ ко гробу Аѳанасіи; черезъ немного дней онъ выздоровѣлъ и вернулся домой на своихъ ногахъ; дѣвушка Марія, жившая въ монастырѣ, страдала тяжелою болѣзнію въ шеѣ, но приложивъ къ больному мѣсту грубую тунику святой, выздоровѣла; вышеупомянутая Марина, долгое время страдавшая желудкомъ, выздоровѣла (§ 18)[2]). Въ заключеніе агіографъ заявляетъ, что разсказать въ отдѣльности обо всемъ — выше его силъ, что онъ разсказанное видѣлъ собственными глазами[3]), или

μνήσεως ἑορτή) celebratur, Videte, inquit, и пр. Память ея совершается почему-то 14 августа.

1) In manu ipsa daemonem habebat.

2) § 19 житія въ латинскомъ переводѣ или пропущенъ, или по опечаткѣ послѣ § 18 слѣдуетъ § 20.

3) Ipse propriis oculis vidi.

слышалъ отъ святыхъ женъ, среди которыхъ жила Аѳанасія, что онъ вѣрилъ только тѣмъ лицамъ, которыя хорошо знали жизнь святой; а жизнь этихъ святыхъ дѣвъ мы оставляемъ писать другимъ, замѣтилъ агіографъ (§ 20), закончившій свой трудъ моленіемъ къ св. Аѳанасіи (§ 21).

Изъ этого пересказа явствуетъ слѣдующее. Агіографъ говоритъ преимущественно о посмертныхъ чудесахъ святой; и если онъ, какъ заявляетъ, былъ очевидцемъ, то по всей вѣроятности очевидцемъ только чудесъ, самой же Аѳанасіи онъ не зналъ; поэтому собственно житіе святой не есть трудъ очевидца, а составлено изъ разныхъ разсказовъ инокинь. Несомнѣнно, что и разсказъ объ Іоанникіи есть только благочестивая, но не имѣющая историческаго значенія, легенда, желавшая укрѣпить выборъ Аѳанасіею (все таки точно неопредѣленнаго) мѣста ея подвижничества посредствомъ еще большаго предвѣдѣнія его великимъ прозорливцемъ св. Іоанникіемъ. Изъ Египы, какъ изъ Сициліи, подъ вліяніемъ арабскихъ вторженій, греки уходили въ Пелопоннисъ и Элладу (ж. Луки, Іосифа), откуда въ Солунь (ж. Іосифа). Гдѣ находился храмъ св. Стефана, обитель Богородицкая и τὰ Τίμια? Если на о. Египѣ, мы не поймемъ легенды о св. Іоанникіи, но если напр. около Солуни, тогда можно еще говорить, что Іоанникій, совершивъ походъ въ Болгарію, могъ вернуться въ Византію моремъ отъ Солуни, гдѣ и могъ видѣть и благословить мѣстность τὰ Τίμια. Обиліе посмертныхъ чудесъ — опять признакъ солунской агіографіи (ср. житіе Ѳеодоры Солунской).

ГЛАВА XV.

Македонія (Солунь, Коспница).

Житіе Ѳеодоры Солунской. — Ж. Евѳимія Новаго. — Чудеса св. Димитрія. — Ж. Меѳодія и Кирилла. — Ж. Климента. — Ж. Германа.

Македонская (точнѣе солунская) агіографія имѣетъ особенное значеніе для ученыхъ славянскаго міра, такъ какъ эта страна съ давнихъ поръ была густо населена разными славянскими племенами: сербами, дулебами, хорватами, драговичами и сагодатами (около Солуни и Верріи), белезитами (въ Ѳессаліи), веунитами, рунхинами и пр. Тогда какъ греческій элементъ преобладалъ преимущественно по берегамъ

моря, внутренняя часть Македоніи была заселена почти исключительно названными славянами.

Славянскіе дикари, находившіеся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ культурными византійцами, представляются народомъ мирнымъ; отдаленные отъ Солуни ихъ соотечественники напротивъ того были воинственны. Первые, какъ низшая раса, находились въ черновой работѣ у грековъ, противъ вторыхъ византійцы (главнымъ образомъ солуняне) должны были отбиваться силою оружія, и всѣ славяне одинаково назывались варварами.

Подобно грекамъ и славяне съ давняго времени облюбовали Солунь какъ великолѣпную гавань для торговаго мореплаванія и для посадки славянскихъ войскъ на острова Средиземнаго моря, и вотъ начиная уже съ VI столѣтія начинаютъ свои походы для овладѣнія этимъ ключемъ къ морю.

Славяне около Солуни скорѣе всего подчинились въ извѣстной степени греческой культурѣ и въ единичныхъ случаяхъ принимали даже христіанство. Разсмотрѣніе сочиненія солунскаго діакона X в. Іоанна Каменіаты и чудесъ св. Димитрія Солунскаго [1]), письменныя свидѣтельства [2]), наконецъ археологическія находки [3]) уже давно показали присутствіе славянскаго христіанскаго элемента въ Македоніи и даже напр. въ Виѳиніи въ VII вѣкѣ и ранѣе того. Въ концѣ VII в. были епископскія каѳедры напр. во Мглинѣ (древней Едессѣ) и въ Сетинѣ, гдѣ стало быть славяне были христіанами.

Имѣя свою національность, но греческое богослуженіе, македонскіе славяне задолго до Меѳодія и Кирилла сознавали непонятность греческаго языка въ церкви и въ богослужебныхъ книгахъ. Но такъ какъ они имѣли политическія связи не съ греками, а съ народами востока, напр. съ аварами, съ которыми даже заключали военные союзы для нападенія на Солунь, само собою разумѣется, что и славянская азбука этого времени носила на себѣ слѣды вліянія народовъ востока.

Но вотъ въ VIII в., по словамъ Каменіаты, «когда купель св. крещенія соединила съ христіанствомъ скиѳскій народъ, возстанія (славянскихъ) народовъ кончились и жадный мечь остановилъ свои дѣй-

1) Филаретъ, епископъ Рижскій. Св. великомуч. Димитрій Солунскій и солунскіе славяне (Чт. Общ. Ист. Древн., 1848, № 6).

2) В. И. Ламанскій. О славянахъ въ Малой Азіи. Спб. 1859.

3) Б. А. Панченко. Памятникъ славянъ въ Виѳиніи. Софія 1902, стр. 15—62.

ствія». — Славяне подпали подъ византійское вліяніе. Знаменитый иконоборецъ Левъ III Исавріянинъ пошелъ на встрѣчу нуждамъ новообращеннаго народа и путемъ законодательства старался улучшить ихъ соціальное положеніе въ византійской имперіи, а Константинъ Философъ пріобщилъ ихъ и къ византійской культурѣ, давъ имъ новую азбуку. Общность грековъ и славянъ къ IX в. настолько увеличилась, что когда появилась у славянъ эта новая азбука, она носила на себѣ печать уже византійской графики. Враги имперіи сдѣлались теперь ея союзниками и могли представить собою заслонъ противъ поползновеній западнаго христіанства. Совершилась смѣна международныхъ отношеній, послѣдовала новая эра въ жизни македонскихъ славянъ.

Македонская агіографія IX вѣка представлена въ двухъ прекрасныхъ образцахъ и въ нѣсколькихъ памятникахъ сомнительной исторической цѣнности. Къ первой категоріи относятся житія Θеодоры Солунской и Евθимія Новаго.

Клирикъ Григорій, агіографъ Θеодоры Солунской [1]), былъ вѣроятно духовное лицо, солунецъ родомъ (§ 7), служившій гдѣ-то по близости въ городѣ (§ 1). Когда въ 889 г. открывали раку солунскаго архіепископа Антонія, агіографъ присутствовалъ при этомъ (§ 18); нѣсколько позже онъ, оставивъ городъ и службу, съ отцемъ своимъ священникомъ Іоанномъ присутствовалъ въ Солуни при гробѣ св. Θеодоры († 892). Повидимому онъ былъ человѣкъ виднаго духовнаго положенія, религіозный, вѣрующій человѣкъ; но лично Θеодоры онъ не зналъ и говоритъ о ней со словъ «хорошо знавшихъ жизнь ея» (§ 40). Житіе Θеодоры было имъ начато въ 894 г., черезъ два года послѣ ея смерти [2]). Боясь, что никто не опишетъ чудесъ святой, агіографъ самъ взялся за перо для передачи немногаго «въ безыскуственномъ и простомъ разсказѣ» (§ 1). — И дѣйствительно, человѣкъ литературно-образованный, онъ разсказываетъ по горячимъ слѣдамъ событій; ему не было надобности прибѣгать къ риторикѣ, такъ какъ обиліе фактическаго матеріала, имъ располагаемое, дѣлало ненужнымъ прибѣганіе къ пустому словоизверженію.

---

1) Еп. Арсеній. Житіе и подвиги св. Θеодоры Солунской. Юрьевъ 1899 и Ed. Kurtz. Des Klerikers Gregorios Bericht über Leben, Wunderthaten und Translation der hl. Theodora von Thessalonich. Спб. 1902, стр. 1—36 (Πολλοὺς ψυχωφελεῖς καὶ θαυμαστοὺς τόπους).

2) Менѣе точно у Васильевскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1886 ч. 248, стр. 86, 87; и Васильева. Византія и арабы, Спб. 1900, стр. 51.

Не зная, откуда именно Агапія (мірское имя Өеодоры) была родомъ, авторъ выразился: «отечество Өеодоры — городъ Бога живаго, небесный Іерусалимъ» (§ 2). Но область ея рожденія (812 г.) извѣстна: это былъ элладскій островъ Егина (Αἴγινα), когда-то славный, а теперь охваченный силами измаильтянъ, пустынный и безславный. Отецъ ея Антоній состоялъ въ клирѣ тамошней святѣйшей великой церкви, потомъ былъ протопресвитеромъ; мать ея Хрисанөа (Χρυσάνθη) славилась добродѣтелями. Өеодора очень недолго кормилась молокомъ матери и вскорѣ осиротѣла: Хрисанөа скоро умерла, а Антоній сейчасъ же послѣ ея смерти принялъ монашество (§ 3), поручивъ дочь близкой родственницѣ, своей крестной матери, старой дѣвѣ (§ 4). — Русскій агіологъ при передачѣ житія допустилъ небольшую неточность, замѣтивъ: «дочь свою онъ передалъ на воспитаніе благочестивой женѣ, *ея* крестной матери» [1]); но подлинное житіе говоритъ (стр. 3): ἐκ κολυμβήθρας αὐτοῦ γεγονυίᾳ μητρί. — Скоро она изучила св. писаніе, письмо и часть псалтыри; отличаясь стройностью тѣла и красотою лица, она рано обратила на себя вниманіе. Отцу ея, иноку, часто надоѣдали съ просьбами о выдачѣ его дочери замужъ. Антоній нашелъ наконецъ жениха въ лицѣ одного изъ мѣстныхъ жителей острова и выдалъ за него Өеодору, еще не вышедшую изъ отроческаго возраста (§ 5). — Отсюда и изъ § 45 видно, что Өеодора была выдана замужъ въ возрастѣ семи лѣтъ, въ 819 году.

Но вотъ на о. Егину напали сарацины, жителей забрали въ плѣнъ, нѣкоторыхъ убили мечемъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и братъ Өеодоры, клирикъ и діаконъ, умерщвленный сѣкирою (старшая сестра Өеодоры умерла въ санѣ инокини). Мужъ Өеодоры, видя небезопасность своего положенія, отправился за совѣтомъ къ тестю, и послѣдній посовѣтовалъ имъ уйти съ острова. Чета переѣхала въ Солунь, а Антоній удалился въ недоступныя людямъ пустыни подъ Тъоропами (ὑπὸ τὰ Θόρωπα), гдѣ и скончался (§ 7). — Извѣстіе о нападеніи арабовъ на Егину ок. 820 г. стоитъ особнякомъ, не подтверждаясь арабскими хрониками; но оно вполнѣ правдоподобно: житія Луки Елладскаго и Аөанасіи Егинской также говорятъ о безпокойствахъ, чинимыхъ острову арабами, которые около того же времени заняли о. Критъ. Но на Критъ нападали сначала арабы африканскіе (до 825 г.), а владѣли имъ арабы азіатскіе. Историки послѣднихъ не

1) Сергій Могилевскій и Мстиславскій. Преподобная Өеодора Солунская. Могилевъ на Днѣпрѣ 1890 стр. 3=Избранныя житія святыхъ. Владиміръ 1893, стр. 253.

упоминаютъ объ Егинѣ: это можетъ означать, что нападеніе на островъ Егину было сдѣлано арабами африканскими; а въ такомъ случаѣ Васильеву слѣдовало бы говорить объ Егинѣ не на стр. 50—51, а на стр. 46 своего труда. Изъ § 45 ясно видно, что Антоній удалился также въ Солунь, поэтому вѣроятно, что Тъоропы лежали гдѣ-нибудь по близости отъ Солуни. — Когда изъ трехъ дѣтей Θеодоры средній и младшій ребенокъ скоро умерли, Θеодора предложила мужу имѣть раздѣльность брачнаго ложа; мужъ согласился, и вотъ они зажили чистою жизнью (§ 8). Взявъ шестилѣтнюю дочь, они явились въ храмъ ап. Луки, расположенный при дорогѣ, ведущей къ Кассандреотскимъ воротамъ (ἡ Κασσανδρεωτικὴ πύλη), и вручили ее своей родственницѣ Екатеринѣ, сестрѣ исповѣдника и потомъ архіепископа Солунскаго Антонія и кажется игуменіи монастыря, съ просьбою облечь дочь ихъ въ одежду монашескую. Екатерина на другой же день постригла дѣвочку, давъ ей имя Θеописты (§ 9).

Солунскій архіепископъ Антоній въ бытность свою инокомъ украшалъ себя всякими добродѣтелями, изучилъ не только нашу (духовную) мудрость, но и внѣшнюю (мірскую), а также науки, входившія въ кругъ общаго образованія; но больше онъ прилежалъ къ духовному образованію, изучивъ Ветхій и Новый Завѣтъ настолько, какъ никому другому не удавалось изучить. Сначала онъ былъ поставленъ въ архіепископа Диррахійскаго (§ 10). Въ это время началось второе иконоборческое движеніе царя Льва амаликитянина (Армянина, § 11). — Иконоборство на этотъ разъ началось въ 815 году, около каковаго времени стало быть и былъ возведенъ Антоній на каѳедру Диррахійской церкви. — Имп. Левъ однихъ иконопочитателей пугалъ опозориваніемъ, другихъ подкупалъ лестію, третьихъ наказывалъ палками, четвертыхъ подкупалъ почестями и наградами. И нѣкоторые покорялись, а весьма многіе пріобрѣли «вѣнецъ побѣды». Тогда былъ приведенъ къ царю и Антоній Диррахійскій, произнесшій слово въ защиту иконопочитанія (§ 12). Слово это приведено въ житіи in extenso, но оно принадлежитъ не Антонію и не самому агіографу, а заимствовано имъ изъ авторитетнаго сочиненія — письма патр. Фотія къ болгарскому князю Михаилу (Βαλέττας № 6), на что указано было Курцемъ (S. IV Anm. 3) (§§ 13—15). Левъ, чувствуя свое безсиліе бороться съ Антоніемъ словами, велѣлъ бичевать и изгнать его въ безсрочную ссылку. Святой перенесъ такъ много оскорбленій по щекамъ, что глаза его гноились

и голова страшно тряслась отъ чрезмѣрныхъ ударовъ. По прибытіи на мѣсто ссылки онъ опять подвергся жестокимъ побоямъ (§ 16). Здѣсь Антоній пережилъ царствованіе Льва Армянина († 820), царь Михаилъ II вернулъ его изъ ссылки, строго наказавъ ему сидѣть смирно; но Антоній безбоязненно проповѣдывалъ иконопочитаніе.— Нѣсколько страннымъ кажется умолчаніе о слѣдовавшемъ за нимъ имп. Θеофилѣ, лютомъ преслѣдователѣ иконопочитателей; неужели и при немъ Антоній оставался неприкосновеннымъ? — «Когда тяжелая зима ереси миновала и проглянула весна непорочной вѣры православныхъ» (то есть въ 842 году), Антоній былъ назначенъ архіепископомъ Солунскимъ. На своемъ новомъ мѣстѣ служенія онъ жилъ уже не долго, скончавшись 2 ноября седьмого индикта, то-есть 844 года.— Русскій агіологъ, архіеп. Сергій, сначала относилъ кончину его къ 829-му, потомъ къ 828-му году; дѣйствительно, и въ 829 г. шелъ седьмой индиктъ, но ученый іерархъ упустилъ изъ вида, что агіографъ говоритъ о смерти Антонія уже послѣ 842 года. Епископъ Арсеній (стр. 49) и Ed. Kurtz (S. III) отнесли кончину къ 843 г., но тогда шелъ шестой, а не седьмой индиктъ. — Говорятъ, пишетъ агіографъ, что Антонію не удалось отслужить здѣсь, въ Солуни, ни одной литургіи, не совершить ни одной хиротоніи; онъ рукоположилъ только одного клирика, получившаго имя Антонія (§ 17). — Изъ этого явствуетъ, что прибытіе Антонія въ Солунь произошло или поздно, напр. въ октябрѣ 844 г., или онъ могъ прибыть и ранѣе, но не могъ служить напр. по болѣзни. — Онъ былъ погребенъ въ лѣвой сторонѣ храма Св. Димитрія, въ придѣлѣ Іоанна Крестителя. Мощи его и донынѣ (μέχρι τοῦ νῦν) остаются цѣлыми и неповрежденными. «И я самъ недостойный удостоился видѣть ихъ; ибо когда черезъ 46 лѣтъ послѣ его переселенія ко Господу (въ 889 г.) преставился другой нашъ архипастырь, то мы пожелавши и сего положить въ склепѣ Антонія, нашли всесвятое тѣло Антонія съ украшавшими его архіерейскими одеждами почти все цѣлымъ и неизмѣнившимся, такъ что видны были честные кресты омофора и другія отличія архіерейскаго облаченія» (§ 18). — Если Антоній умеръ въ 844 г., то какой же архіепископъ Солунскій скончался черезъ 46 лѣтъ послѣ того, въ 889 году? Изъ тщательно составленнаго о. Луи Пти списка солунскихъ предстоятелей видно, что этимъ архіепископомъ былъ Меθодій.

Послѣ такого длиннаго отступленія возвращаясь къ Θеодорѣ, агіографъ разсказываетъ, что послѣ смерти мужа, жившаго не долго

послѣ постриженія его дочери, Θеодора совершила дома третины и девятины и, покинувъ міръ, въ возрастѣ 25 лѣтъ (въ 837 г.) рѣшилась удалиться въ монастырь (§ 19). Раздавъ треть имущества бѣднымъ за упокой души преставившагося и избѣгая надоѣданія царскаго тѣлохранителя Хиросфакта (вѣроятно искавшаго ея руки), она обратилась къ своей родственницѣ Аннѣ, извѣстной въ то время настоятельницѣ обители первомученика Стефана, съ намѣреніемъ здѣсь постричься; при этомъ она внесла 100 золотыхъ (ἑκατὸν ἐν χαράγματι χρυσοῦς), трехъ рабынь и все остальное имущество (§ 20). Анна предлагала ей пожить въ монастырѣ сначала для искуса, но Θеодора настояла на немедленномъ постриженіи. Анна постригла и нарекла ей имя Θеодоры (§ 21), въ 837 году. Новая инокиня занялась молотьемъ, приготовленіемъ хлѣбовъ и варкою, ходила на рынокъ и иногда за городъ для выгодной покупки товаровъ, таскала на плечахъ ноши дровъ (§ 23). Врагъ-дьяволъ вдохнулъ въ Θеодору любовь къ своей дочери. Когда постригшая послѣднюю Екатерина скончалась, Θеодора перевела Θеописту въ свой монастырь и, видя скудость ея житія, просила настоятельницу Анну улучшить ей пищу (§ 25); но Анна настоятельно замѣтила, что иноки не должны пещись о яствахъ, о мірскомъ, ибо что общаго у инока съ міряниномъ, у свѣта со тьмою? (§ 26). Въ заботахъ о дочери Θеодора имѣла общеніе больше всего съ нею. Анна воспретила имъ разговаривать другъ съ другомъ (§ 27),—и вотъ обѣ, повинуясь начальницѣ, въ продолженіи 15 лѣтъ не разговаривали между собою, хотя жили въ одной келліи, пользовались однимъ ткацкимъ станкомъ и одной мельницей. Случалось, когда настоятельница звала одну изъ нихъ, она не слышала, а другая слышала,—но и тогда не обращалась къ другой съ напоминаніемъ о зовѣ Анны, а передавала посторонней инокинѣ объ этомъ (§ 28). На 15-мъ году подвижничества (въ 852 г.) Θеодора заболѣла, и монахини упросили Анну освободить ее отъ епитиміи. Та освободила, и послѣ этого отношенія между матерью и дочерью уже не были родственными (§ 30).

«Въ тѣ дни была такая лютая зима, что отъ стужи вода замерзла и превратилась въ подобіе камней». По случаю холода Анна распорядилась, чтобы обѣдъ происходилъ не въ столовой, а въ спальной комнатѣ. Когда котелъ съ горячею водою былъ поставленъ на мѣсто, гдѣ на рогожкѣ спала Θеодора, святая перенесла рогожку на другое мѣсто. Анна сдѣлала ей выговоръ, какъ она самовольно перенесла

постель (§ 31), и велѣла ей спать на внутреннемъ монастырскомъ дворѣ, подъ открытымъ небомъ (§ 32). Θеодора повиновалась. Она всю ночь стояла подъ дождемъ, вѣтромъ и снѣгомъ, во исполненіе заповѣди «матери» и не могла сѣсть по причинѣ подтекавшей снизу дождевой воды; къ полуночи, съ наступленіемъ холода, капли дождевыя превратились въ ледяныя сосульки, которыя свѣшивались на ея рубищѣ, покрывавшемъ ея голову и плечи (§ 33). Это было такое послушаніе, за которое и сама настоятельница похвалила Θеодору передъ всѣми инокинями, замѣтивъ при этомъ, «Богъ по справедливости сопричтетъ ее къ сорока мученикамъ (Севастійскимъ), добровольно претерпѣвшимъ стужу и пронзительность воздуха, и удостоитъ одинаковой награды»; а сестра Анны, также инокиня, ночью видѣла сходящій съ неба вѣнецъ, свѣтовидный и блестящій, и голосъ — «это вѣнецъ Θеодоры». Боясь, какъ бы объ этомъ не узнала Θеодора, Анна запретила сестрѣ разсказывать объ этомъ (§ 34). Она велѣла Θеодорѣ явиться въ церковь, святая явилась, убѣленная снѣгомъ, сотворила обычный поклонъ настоятельницѣ и встала не прежде, какъ услышала слово прощенія. Въ частной бесѣдѣ съ сестрами она говорила, что не испытывала холода, напротивъ чувствовала себя какъ въ банѣ (§ 35). Блаженный Іоаннъ, архимандритъ (Солунскій), видя подвижничество Θеодоры, хотѣлъ перевести ее изъ Стефановой обители въ другую — игуменьею. Когда та узнала объ этомъ, она заплакала, подумавъ, что содѣйствуетъ ея переходу Анна; но когда увидѣла, что послѣдняя также огорчается ея уходомъ, изъявила твердое намѣреніе остаться въ этомъ монастырѣ, и архимандритъ болѣе не настаивалъ на своемъ (§ 36).

На 56-мъ году жизни Θеодоры (въ 868 г.), по избранію архимандритовъ Иларіона и Дороθея, настоятельницы и всѣхъ сестеръ, солунскимъ архіепископомъ Θеодоромъ Θеописта, дочь Θеодоры, была назначена игуменіею Стефановой обители, такъ какъ Анна уже достигла крайней старости (108 лѣтъ), плохо видѣла и слышала. И вотъ «дочь по плоти стала духовною матерью Θеодоры». Однажды святая, поскользнувшись упала и получила болѣзнь; случилось, что (около 874 г.) упала и Анна, которая получила вывихъ въ бедрѣ («соскочилъ съ праваго углубленія бедра ея близь большой кости верхній конецъ мускула»); старица не могла двигаться, проводя время въ постели; на четвертомъ году лежанія (въ 877 г.) отъ глубокой старости затмился умъ ея, и прожила она еще три года. Почти одна

Θеодора прислуживала ей, переворачивала ее на постели, садила въ ванну и т. д.

На 68-мъ году жизни Θеодоры (въ 880 г.) великая исповѣдница Анна почила смертью праведныхъ въ возрастѣ, говорятъ, 120 лѣтъ. Передъ смертью она снова пришла въ свой разумъ и проговорила: «чего ищете? не имѣешь участія во мнѣ», что конечно было истолковано какъ отраженіе демоновъ и діавола (§ 38). За высоту подвижничества Θеодора удостоилась слышать ангельское пѣніе. Часто въ церковномъ притворѣ (нартексѣ), когда всѣ сестры почивали, она будила Θеописту и говорила: слышишь происходящее внутри храма стройное и пріятное ангельское пѣснопѣніе? Дочери своей она завѣщала похоронить ее особо и отдѣльно отъ другихъ, «предвозвѣщая имѣющія быть отъ Господа явленія чудотвореній съ нею» (§ 40).— Qualis est modestia romaea! — На 73-мъ году жизни (въ 885 г.) Θеодора разслабла тѣломъ и уже не могла работать съ сестрами и черпать воды изъ колодца; но все еще ткала нитки и выдѣлывала мѣшки (§ 41).

На 80-мъ году (въ 892 г.) въ августѣ мѣсяцѣ она болѣла пять дней, почувствовавъ, что отходитъ ко Христу. Съ восходомъ солнца пріобщившись Св. Таинъ и сложивши руки на груди, она скончалась (§ 42). Ко гробу ея сошлось немного монахинь изъ сосѣднихъ монастырей. Лицо ея, морщинистое отъ старости, внезапно озарилось свѣтлостію и казалось улыбающимся; около очей проявился потъ, издававшій запахъ божественнаго благоуханія. Во исполненіе воли матери Θеописта хотѣла похоронить ее отдѣльно, но священники и монашествующіе сказали, что надлежитъ и по смерти не разлучать ея отъ сподвижницъ, и мнѣніе большинства одержало верхъ (§ 43). Когда отдавали святой послѣднее цѣлованіе, нѣкій Димитрій, діаконъ и клирикъ храма св. Димитрія, издавна расположенный къ Θеодорѣ, около 9 мѣсяцевъ страдавшій жестокою болѣзнью, отъ которой ослабѣлъ его желудокъ и вся голова тяжко страдала, прибылъ къ ея погребенію. Три раза онъ отдыхалъ на пути, мучимый острою и сухою одышкою, едва поспѣлъ къ концу отпѣванія, припалъ къ тѣлу блаженной и тотчасъ получилъ здравіе, такъ что въ тотъ же день ѣлъ съ аппетитомъ и спокойно спалъ и хорошо ходилъ на собственныхъ ногахъ, хотя до того долго не пользовался ими. Юноша Іоаннъ изъ окрестностей Солуни, мучившійся два года лихорадкою, повторявшеюся на четвертый день, поцѣловалъ останки преподобной и выздоровѣлъ.

Другой, больной юноша, приложившійся къ св. останкамъ, также выздоровѣлъ (§ 44). Около 6-го часа руками священниковъ и монаховъ преподобная была съ честью положена въ гробъ своихъ сподвижницъ. Днемъ ея кончины было 29-е августа 6400 (892) года.

Θеодора родилась на о. Егинѣ и въ дѣтствѣ лишилась матери. Въ семилѣтнемъ возрастѣ, «согласно съ законами», выдана была отцомъ замужъ; съ острова она съ мужемъ и отцомъ переѣхала въ Солунь; на 25 году жизни потеряла мужа и ушла въ монастырь, гдѣ подвизалась 25 лѣтъ; умерла на 80-мъ году жизни въ царствованіе Льва и Александра, въ шестое лѣто ихъ царства, при Солунскомъ архіепископѣ Іоаннѣ (§ 45).

Игуменія Θеописта пригласила семь священниковъ для совершенія сорокадневныхъ поминокъ, условившись, чтобы ежедневно одинъ изъ нихъ, приходя сюда, совершалъ литургію (§ 46). Въ девятый день по кончинѣ Θеодоры (7 сентября) свѣтильникъ, повѣшенный надъ ея гробомъ, хотя въ немъ и совсѣмъ было мало масла, горѣлъ такъ ярко, что обратилъ вниманіе присутствовавшихъ. Мало того, масло не изсякло въ лампадѣ до 9 сентября, а затѣмъ изъ нея стало стекать на землю какъ бы поджигаемое снизу сильнѣйшимъ огнемъ. Чудо это собрало къ ея могилѣ такое множество народа, что даже и внѣшніе притворы (προαύλια) не могли вмѣстить сошедшихся, и всѣ помазывались текшимъ масломъ. Внизу былъ подставленъ сосудъ для пріема масла (§ 47). «Съ того времени и донынѣ вполнѣ достаточно горитъ и никогда не оскудѣваетъ свѣтильникъ»; случается же, что иногда масло льется ручьемъ на землю. Священникъ Сисиній, «добросовѣстно своими глазами видѣвшій, разсказывалъ мнѣ», говоритъ агіографъ: когда я подошелъ ко гробу Θеодоры и молился, свѣтильникъ, изливающій масло, угасъ, но вдругъ онъ сильно задвигался и самъ собою безъ огня зажегся (§ 49). Одна бѣдная женщина изъ окрестностей Солуни привела сына — мальчика Θеодора, помѣшавшагося умомъ. Въ полдень, въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ сильную жару на одной изъ городскихъ площадей бѣгая за ловлею птицъ и скрытною постановкою на землѣ силковъ для воробьевъ, онъ, внезапно оглянувшись, увидѣлъ длиннаго и высокаго эθіопа; онъ бросился бѣжать отъ него, однако эθіопъ схватилъ его руками и съ шумомъ бросилъ на землю, а самъ сталъ невидимъ. Мать тотчасъ привела его ко гробу Θеодоры, и юноша исцѣлился, намазавъ голову масломъ отъ ея лампады (§ 50). Юноша Георгій, изъ Солуни, съ дѣтства тяжко безпокоимый демо-

номъ, приведенъ былъ родителями ко гробу преподобной, и вотъ ночью одна монахиня видитъ во снѣ, что Өеодора вошла въ церковь, подошла къ юношѣ, открыла ему ротъ и вынула оттуда нѣчто отвратительное и зловонное, казавшееся человѣческимъ плевкомъ; вынувъ это три раза, она сказала юношѣ: ничего худого у тебя нѣтъ, встань; и юноша выздоровѣлъ (§ 51).

Славная чудесами, Өеодора была изображена на иконѣ въ храмѣ. Живописецъ Іоаннъ, никогда не видѣвшій преподобной и не бывавшій въ ея обители, видѣлъ такой сонъ. Онъ лежитъ въ притворѣ ея церкви; «а среди колонады на правой сторонѣ той церкви — придѣла Богородицы, гдѣ почиваютъ мощи Өеодоры, висящій свѣтильникъ, притомъ источающій масло; а внизу свѣтильника находился глиняный сосудъ для пріема масла» (§ 52). Утромъ живописецъ встрѣтился со своимъ знакомымъ, пригласившимъ его въ храмъ св. Стефана, чтобы поставить икону его. Войдя въ церковь, живописецъ сказалъ, что ночью во снѣ онъ былъ въ этомъ храмѣ. Изъ разспросовъ у одной инокини подтвердилось, что живописецъ, никогда не бывавшій въ этомъ храмѣ, зналъ его довольно подробно (§ 53). Далѣе онъ опять во снѣ видитъ себя рисующимъ изображеніе монахини, гдѣ теперь стоитъ икона св. Өеодоры, но какой монахини по имени, онъ не зналъ, «какъ съ клятвою разсказывалъ мнѣ»; въ результатѣ получилось изумительное по сходству изображеніе преподобной въ юношескомъ возрастѣ; а чрезъ нѣсколько времени изъ ладони правой руки иконы замѣтили показавшееся благовонное масло, которое и донынѣ течетъ ручьемъ, такъ что смываетъ живопись изображенія; поэтому около иконы былъ поставленъ свинцовый сосудъ, чтобы масло не пропадало. Новый наплывъ недужныхъ и новое чудотвореніе (§ 54).

Знатная и почтенная женщина, супруга военачальника Евөимія, жившая въ Семивратныхъ (беотійскихъ) Өивахъ, узнавъ о чудесахъ св. Өеодоры, черезъ посланнаго просила у настоятельницы монастыря нѣсколько изъ истекающаго масла, для леченія своей служанки, три года тому назадъ ослѣпшей. Получивъ масло, она вылечила служанку и многихъ другихъ (§ 56). Нѣкій Илья, происходившій отъ крови амаликитянъ, то-есть вѣроятно отъ крови армянской (ср. § 11), жившій въ селѣ Миріофитѣ (Μυριόφυτος), солунскаго округа, придерживался ереси иконоборческой и не смотря на увѣщанія священниковъ и мірянъ, не хотѣлъ перемѣнить своего образа мыслей. Знакомый Өеодотъ заинтересовалъ его чудесами преподобной; Илія пошелъ съ

нимъ въ церковь и, увидѣвъ текущее отъ иконы масло, увѣровалъ въ святость изображенія, помазалъ масломъ свое больное бедро и выздоровѣлъ, послѣ чего перешелъ къ иконопочитанію (§ 57). Сошлось нѣсколько монаховъ съ окрестныхъ солунскихъ горъ и бесѣдовали о душеполезныхъ предметахъ, причемъ часто вспоминали и житія святыхъ. Вспомнивъ о св. Өеодорѣ, они усумнились въ истинѣ разсказовъ о ней, явились въ церковь, ощупывали гробъ ея, стирали текущее масло. Инокъ Антоній, исполненный всяческихъ добродѣтелей, возстановившій много разрушенныхъ храмовъ и сдѣлавшій въ селѣ Каркареѣ (Καρκάρεα) столпъ и въ немъ монастырь, страдавшій болѣзнію въ бедрахъ, трижды сотворилъ земной поклонъ передъ ракою, помазалъ масломъ больное мѣсто и выздоровѣлъ; послѣ этого всѣ монахи вернулись во свояси вѣрующими (§ 59). Монахиня, дочь Космы, пресвитера храма св. Димитрія, страдавшая опухолью ногъ, пробывъ въ храмѣ пять дней и помазуясь масломъ, вернулась въ свой монастырь здоровою. Нѣкая солунянка Авксентія, страдавшая разслабленіемъ ногъ отъ чреслъ до оконечностей, была приведена сюда, три дня пребыла въ храмѣ, помазуясь масломъ, и выздоровѣла, такъ что могла сама ходить; отъ радости она начала даже прыгать и на седьмой день уже одна вернулась домой (§ 60).

Тотъ же клирикъ Григорій посвятилъ Өеодорѣ Солунской и особую повѣсть, о перенесеніи ея мощей, въ которой очень подробно описано все, относящееся къ этому, и всѣ чудеса, совершенныя святою [1]. Хотя оба памятника, Vita и Translatio, въ рукописяхъ московской и ватиканской анонимны, но въ концѣ Translatio Григорій назвалъ себя по имени. Изучивъ второй памятникъ и сопоставивъ съ нимъ Vita, Э. Г. Куртцъ вполнѣ убѣдительно доказалъ, что и московская Vita написана тѣмъ же самымъ Григоріемъ.

Въ этомъ новомъ произведеніи Григорій отправляется прямо отъ Vita: хотя, говоритъ онъ, я обозрѣлъ (διεξῆλθον) по мѣрѣ слабости своего ума житіе преподобной, но нужно коснуться и перенесенія ея мощей (§ 1). Упомянутый выше Өеодотъ былъ свидѣтелемъ, какъ мраморная плита надъ мощами Өеодоры отвалилась и исцѣлила паралмчную и нѣмую женщину, уроженку Верріи (Βέρροια, § 2). При перенесеніи мощей однако не присутствовалъ Солунскій архіепископъ Іоаннъ, который со всѣми архіереями уѣхалъ въ это время въ Ви-

---

1) ⟨Γρηγορίου τοῦ κληρικοῦ⟩ Διήγησις περὶ τῆς μεταθέσεως τοῦ τιμίου λειψάνου (Ἐπειδήπερ χάριτι Χριστοῦ τοῦ τὰς τῶν): Э. Куртцъ, тамъ же, стр. 37—49.

зантію для присутствованія при голосованіи и предъизбраніи вселенскаго патріарха Антонія (§ 4). — Время архипастырства Іоанна по изслѣдованіямъ о. L. Petit и E. Kurtz'a падаетъ на 892—901 (904) годы. — Ко гробу святой прибыло семь священниковъ и много благочестивыхъ людей; я, говоритъ Григорій, былъ здѣсь со своимъ отцемъ, священникомъ Іоанномъ. Могилу стали открывать въ полночь (§ 5). Положеніе святой въ раку происходило 3 августа на первомъ году послѣ ея кончины (893 г.), причемъ тѣло ея не подверглось никакой порчѣ (§ 7). Нѣкій Акиндинъ, изъ окрестностей Солуни, у себя въ домѣ ночью исполнился такого благовонія, что даже проснулся; узнавъ о перенесеніи, онъ тотчасъ поспѣшилъ на торжество и здѣсь разговаривалъ съ Григоріемъ (§ 8). Изъ раки преподобной масло текло прямо на полъ (§ 9). Больной младенецъ Θеодора, помазанная масломъ отъ лампады святой, исцѣлилась (§ 10). Нѣкая больная дѣвушка, уроженка Верріи, выздоровѣла также при посредствѣ лампаднаго масла (§ 12). Упомянутый Θеодотъ, женившись на одной знатной особѣ, прожилъ съ нею около 15 лѣтъ бездѣтнымъ. Но вотъ родился ребенокъ, который на второмъ или на третьемъ году однако умеръ; затѣмъ умерли и слѣдующіе три ребенка. Родители молили Бога даровать имъ новаго ребенка, мальчика или дѣвочку, котораго обѣщались посвятить Богу. И вотъ родилась дочь, которую они назвали Θеопистою, въ честь настоятельницы Солунскаго монастыря (§ 13). На первомъ году жизни она захворала, Θеодотъ помолился у раки Θеодоры, и ребенокъ выздоровѣлъ. Черезъ годъ по посвященіи Богу онъ опять захворалъ и былъ боленъ 5 мѣсяцевъ. Мать ея молилась святой (§ 14), и послѣдняя даровала ей исцѣленіе: Θеописта, прибавляетъ Григорій, и доселѣ живетъ въ монастырѣ здоровою. Упомяну еще, говоритъ агіографъ, о чудѣ святой надъ моей сестрою (§ 15). «Вѣ конечно знаете о нашедшемъ на городъ (Солунь) за беззаконія наши ужасномъ несчастіи — моровой язвѣ, почти погубившей весь родъ и всякій человѣческій возрастъ». Язвою заболѣла и моя сестра Маρθа, еще очень молодая дѣвушка (§ 16). Она громко молилась св. Θеодорѣ и великомученицѣ Варварѣ (§ 18). Преподобная явилась ей, и Марθа выздоровѣла (§ 19). Это чудо заставило меня, говоритъ агіографъ, обозрѣть и описать житіе св. Θеодоры, такъ какъ вотъ уже второй годъ со дня ея кончины, — и никто не написалъ ея житія. Во время болѣзни сестры я говорилъ: «если ты, св. Θеодора, изцѣлишь отъ смерти мою сестру, я, отклонивъ помыслы, начну по

силѣ мое слово (въ твою память)». И вотъ я, смиреннѣйшій клирикъ Григорій, на второмъ году со времени ея кончины написалъ немногое о ея жизни и чудесахъ (§ 20).

Второй памятникъ Солунской агіографіи, богатый своими историко-топографическими данными, это — житіе св. Евѳимія Новаго, написанное св. Василіемъ, архіепископомъ солунскимъ. Житіе это богато и хронологическими данными, что такъ рѣдко встрѣчается въ византійской агіографіи.

Любопытно, что Василій прибѣгаетъ заразъ къ четверoякому опредѣленію того или другого событія изъ жизни святого: къ году міроздапія, къ году царствованія императора, къ индикту и наконецъ, что было уже необыкновенно оригинально, къ году отъ Рождества Христова. Но любопытно при этомъ, что тогда какъ двѣ первыя даты согласно опредѣляютъ время событія, третье и четвертое обозначенія совершенно расходятся — и оба вмѣстѣ, и каждое въ отдѣльности. Годъ отъ Рождества Христова настолько необыченъ въ византійской литературѣ, что о. Луи Пти готовъ заподозрить его, говоря, что это вѣроятно позднѣйшая вставка, и одинъ разъ онъ внесъ эту дату въ текстъ житія (однако въ скобкахъ), а въ другомъ мѣстѣ вынесъ ее въ примѣчаніе подъ текстомъ. Ученый ассомпсіонистъ безъ сомнѣнія правильно предпочелъ согласную дату первыхъ двухъ обозначеній третьему и четвертому, то-есть пожертвовалъ индиктомъ году міроздапія. А было время, и очень недавнее, когда ученые, встрѣчая несогласное опредѣленіе событія посредствомъ года міротворенія и индикта, отдавали предпочтеніе второму, говоря, что послѣдній былъ въ постоянномъ обиходѣ у византійцевъ, которые знали его тверже, нежели міровой годъ. Свидѣтельство житія св. Евѳимія должно теперь послужить основаніемъ къ критическому отношенію къ прежнимъ изслѣдователямъ.

Житіе Евѳимія сохранилось въ четырехъ спискахъ: московскомъ синодальномъ XI в., аѳоно-лаврскомъ XIII в., аѳоно-ватопедскомъ 1422 г. и пантелеймоновскомъ XIX вѣка. Но пока были отысканы эти списки, ученые долго бродили въ потьмахъ въ поискахъ таинственнаго святого Евѳимія Новаго. Впервые правильныя свѣдѣнія о немъ были сообщены въ «Аѳонскомъ Патерикѣ». Нѣкоторыми свѣдѣніями житія воспользовались: Софроній Каллига, архим. Порфирій Успенскій въ своей «Исторіи Аѳона», о. Александръ Лавріотъ, А. И. Пападопуло-Керамевсъ; изучали житіе по рукописямъ И. В. Помялов-

скій и датскій археологъ K. F. Kinch. Но только ассомпсіонисту о. Луи Пти удалось издать житіе въ Парижѣ въ 1904 году[1]).

Житіе это, какъ сказано, написано ученикомъ Евѳимія Василіемъ, бывшимъ впослѣдствіи архіепископомъ Солунскимъ, современникомъ и очевидцемъ святого. По мнѣнію о. Л. Пти, онъ сначала подвизался на Аѳонѣ, гдѣ около Хиландаря основалъ свой монастырь; ок. 875 г. былъ постриженъ Евѳиміемъ въ церкви св. Димитрія въ Сермиліи (Ормиліи); архіепископскую каѳедру онъ занялъ въ самомъ концѣ IX или въ началѣ X столѣтія. Причисленъ православною церковью къ лику святыхъ; память его 1 февраля.

Василіево житіе Евѳимія—одно изъ лучшихъ произведеній византійской агіографической литературы какъ по обилію историко-топографическихъ, такъ и хронологическихъ данныхъ. Написано оно въ стилѣ изящномъ, иногда (говоритъ о. Пти) даже изысканномъ, однако безъ красивыхъ фразъ позднѣйшихъ агіографовъ.

Послѣ незначительнаго по содержанію предисловія Василій переходитъ къ біографіи святого. Родиною Никиты (мірское имя Евѳимія) была Галатія, именно мѣстечко Опсо (Ὀψώ), подчиненное Анкирѣ Галатской. Родители его Епифаній и Анна были знатнаго происхожденія (§ 3). Далѣе агіографъ точно опредѣляетъ годъ рожденія Никиты, но тутъ у него замѣтна явная несообразность. Василій пишетъ: «тогда господствовала гнусная и христоненавистная иконоборческая ересь, получившая начало отъ звѣроименнаго и нечестиваго Льва, который поплатился судомъ въ святомъ мѣстѣ, гдѣ онъ неистовствовалъ, потерявъ свою поганую и варварскую душу отъ разсѣченія мечемъ; а окончилась эта ересь на седьмомъ году царствованія Михаила, бывшаго отъ экскувитовъ, по соизволенію Божію за множество грѣховъ нашихъ тогда державшаго скипетръ Ромейскаго царства, такъ что годъ отъ сотворенія міра, когда великій нашъ учитель Евѳимій былъ дарованъ Богомъ для жизни, шелъ 6332» (§ 4).—Иконоборчество при Михаилѣ II, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не прекращалось, оно кончилось при Ѳеодорѣ и Михаилѣ III и тотчасъ по вступленіи ихъ на престолъ, въ 842 году, но въ такомъ случаѣ поразительно молчаніе Василія о царствованіи Ѳеофила. Вообще тутъ вольная или случайная

1) Bibliothèque hagiographique orientale, éd. par L. Clugnet: Vie et office de saint Euthyme le Jeune, publ. par le R. P. L. Petit. Paris 1904: Ὁ τῆς ἀνθρωπίνης οὐσίας γενεσιουργὸς καὶ συνοχεὺς θεός. Cp. Echos d'Orient, 1904, p. 311 — 312; наша рецензія въ «Визант. Времен.», XII. 235—238.

путаница, въ послѣднемъ случаѣ происшедшая вѣроятно отъ ошибки переписчика. Міровой годъ 6332 соотвѣтствуетъ періоду времени съ 1 сентября 823 по 31 августа 824 г., поэтому, говоря вообще, рожденіе Евѳимія можно отнести къ 824 году.

На седьмомъ году возраста (въ 830 — 831 г.) умеръ отецъ его Епифаній, осталась вдова съ сыномъ и двумя дочерьми Маріею и Епифаніею. Никита, которому предстояло отбывать военную службу, долженъ былъ заботиться обо всѣхъ. Мать задумала его женить и нашла невѣсту въ лицѣ благородной Евфросиніи (§ 5). Никита женился[1]) и прижилъ дочь Ἀναστασώ. Сестра его Марія жила у брата. 14 сентября на память св. Никиты Никита рѣшилъ удалиться изъ міра. Это было, говоритъ Василій, на 18-мъ году его возраста, въ 6350-мъ г. отъ сотворенія міра и въ 850 году отъ Рождества Христова (§ 6).—Опять путаница въ счетѣ. Правильно отмѣченъ годъ отъ сотворенія міра, когда Никитѣ было дѣйствительно 18 лѣтъ, стало быть годъ отъ Рождества Христова былъ тогда 842-й, а не 850-й.— Переходя изъ страны въ страну, изъ города въ городъ, Никита прибылъ на гору Олимпъ и здѣсь представлялся Іоанникію Великому, который передъ монахами выразился о немъ какъ о будущемъ украшеніи иноческаго жительства (§ 7). Никита, прославившійся добродѣтелью еще до своего постриженія, перешелъ съ Олимпа къ другому отцу, жившему вдали отъ Іоанникія, Іоанну, вѣроятно, какъ указалъ на это о. Пти, игумену Антидіева монастыря, о которомъ говорится въ житіи Іоанникія. Іоаннъ постригъ Никиту и при этомъ нарекъ ему особое имя Евѳимія; это случилось въ первый годъ царствованія имп. Ѳеодоры и Михаила (842 г., § 8). У Іоанна Евѳимій жилъ ἐπὶ χρόνον ἱκανόν и потомъ по его порученію ходилъ къ Николаю, игумену Писсадинской киновіи (τῶν Πισσαδινῶν, § 9).—Объ Олимпійскомъ Писсадинскомъ монастырѣ упоминается только въ данномъ житіи Евѳимія.— Николай поручилъ Евѳимію пасти монастырскихъ животныхъ, потомъ служить на поварнѣ; далѣе сдѣлалъ его келларитомъ, наконецъ погонщикомъ животныхъ; «потомъ, говоритъ Василій, какъ самъ покойный (Евѳимій) доподлинно говорилъ намъ, онъ былъ отданъ и въ наученіе грамоты». Вспоминалъ Евѳимій и о матери, и о женѣ, и о друзьяхъ, но подавлялъ въ себѣ мірскую привязанность евангель-

1) О. L. Petit старается хронологически опредѣлить чуть не каждый шагъ жизни Евѳимія; женитьбу Никиты онъ относитъ къ 840 году, что конечно гадательно, а стало быть пожалуй излишне.

скимъ словомъ. Послѣ разныхъ подвиговъ онъ возжелалъ житія, достойнаго горняго Іерусалима (§ 10), служилъ братіи (§ 11). «Иконоборческая ересь была уже подавлена, св. Меѳодій послѣ пятилѣтняго правленія церковью уже отошелъ ко Господу; восходитъ на апостольскій тронъ церкви константинопольцевъ священный Игнатій. Онъ управлялъ ею десять лѣтъ и страшно возбуждаемый тогдашними приспѣшниками царства и ежедневно упорно волнуемый до очевидности, отказавшись безумно бороться съ еще болящими неисцѣлимыми болѣзнями и съ замышлявшими нераскаянно возноситься, уходитъ съ престола и изъ церкви съ одной стороны добровольно, а съ другой насилуемый и пребывая въ своемъ монастырѣ на Теревинѳѣ, даетъ церкви книгу отреченія, думая, что лучше въ спокойствіи бесѣдовать съ собою и съ Богомъ, нежели при несообразности правителей сдѣлаться виновникомъ вреда себѣ и подвластнымъ. Когда разнесся слухъ, что архіерей противъ воли отогнанъ отъ церкви, когда многіе вслѣдствіе этого отвратились отъ общенія съ новымъ патріархомъ, — и преподобнѣйшій сей Николай, какъ желавшій остаться внѣ общенія, оставляетъ монастырь, и это — при новомъ патріархѣ, православномъ и блистающемъ всѣми добродѣтелями: это былъ блаженный Фотій, сообразно съ именемъ освѣтившій предѣлы земли лучами свѣта — множествомъ ученій, съ самыхъ пеленъ посвященный Христу, подвергавшійся за почитаніе иконы Его конфискаціи и изгнанію и въ сей подвижнической отъ самаго начала борьбѣ пріобщившійся родителю; его и жизнь дивна и кончина любезна, свидѣтельствуемая отъ Бога чудесами (§ 12)[1]. — Вотъ эта знаменитая

1) p. 24—25: τῆς τῶν εἰκονομάχων γὰρ αἱρέσεως ἤδη καταλυθείσης καὶ Μεθοδίου τοῦ ἁγίου μετὰ τὴν ἐπὶ πέντε ἐνιαυτοὺς τῆς ἐκκλησίας κυβέρνησιν πρὸς κύριον ἐκδημήσαντος Ἰγνάτιος ὁ ἱερὸς τῷ ἀποστολικῷ τῆς κωνσταντινουπολιτῶν ἐκκλησίας θρόνῳ ἀναβιβάζεται. ἐπὶ δέκα ἐνιαυτοὺς ταύτης ἰθύνας τοὺς οἴακας καὶ δεινῶς ὑπὸ τῶν τότε δυναστευόντων τῇ βασιλείᾳ σκευαζόμενος καὶ εἰς τοὐμφανὲς καθ' ἑκάστην ἀνενδότως καταθλιβόμενος, ἀπαγορεύσας ἔτι τοῖς ἀνίατα νοσοῦσι καὶ ἀμεταμέλητα δυσμενεῖν μελετήσασιν, ἀνονήτως ἀπομάχεσθαι, τοῦ θρόνου καὶ τῆς ἐκκλησίας ὑποχωρεῖ, τὸ μὲν ἑκών, τὸ δὲ βιαζόμενος, καὶ τῇ ἑαυτοῦ μονῇ προσκαρτερῶν βιβλίον παραιτήσεως τῇ ἐκκλησίᾳ ἐπιδίδωσι, κρεῖττον εἶναι ἡγούμενος καθ' ἡσυχίαν ἑαυτῷ καὶ θεῷ προσλαλεῖν ἢ τῇ τῶν κρατούντων ἀνωμαλίᾳ βλάβης αἴτιος ἑαυτῷ καὶ τοῖς ὑπὸ χεῖρα ἀποκαθίστασθαι. φήμης οὖν διεκδοθείσης, ὡς ἄρα ὁ ἀρχιερεὺς καὶ μὴ βουλόμενος τῆς ἐκκλησίας ἀπελήλαται, πολλῶν τε διὰ τοῦτο τῆς τοῦ νέου πατριάρχου κοινωνίας ἀποκλινάντων, καὶ ὁ ὁσιώτατος οὗτος Νικόλαος, ὡς ἀκοινώνητος μείνειεν, τῆς μονῆς ὑπεξίσταται, καὶ ταῦτα ὀρθοδόξου ὄντος καὶ πάσαις ταῖς ἀρεταῖς ἀπαστράπτοντος τοῦ νέου πατριάρχου· Φώτιος γὰρ ἦν ὁ μακάριος, ὁ φωτὸς ἀκτῖσι φερωνύμως τοῦ ὀνόματος πλήθει διδασκαλιῶν καταλάμψας τὰ πέρατα, ὁ ἐξ αὐτῶν σπαργάνων ἀφιερωθεὶς τῷ Χριστῷ, ὡς ὑπὲρ τῆς αὐτοῦ εἰκόνος δημεύσει καὶ ἐξορίᾳ, τούτοις δὴ τοῖς ἀθλητικοῖς ἐκ προοιμίων ἀγῶσι,

тирада современника, святого Василія, архіепископа Солунскаго, говорящая въ пользу патр. Фотія. Это одно изъ немногихъ современныхъ свидѣтельствъ, сохранившееся въ тайнѣ отъ зоркаго и предусмотрительнаго глаза католика — только быть можетъ потому, что сохранилось исключительно только въ библіотекахъ св. Горы Аѳона. Другія житійныя свидѣтельства по тому же предмету, находящіяся въ другихъ мѣстахъ Востока, носятъ на себѣ уже знаки испорченности или утраты важнаго листа рукописи, о чемъ уже сказано (стр. 328).

Видя удаленіе Николая, Евѳимій возлюбилъ пустыню, рѣшившись поселиться на Аѳонѣ, о которомъ онъ давно слышалъ. По смерти пастыря Іоанна и по возвращеніи Николая въ монастырь онъ принялъ схиму отъ руки аскета Ѳеодора (ок. 842 г.). — О. Луи Пти отожествлялъ этого Ѳеодора съ тѣмъ игуменомъ Ѳеодоромъ, о которомъ говорится въ житіи Іоанникія; Van den Gheyn предполагаетъ видѣть здѣсь св. Ѳеодора Студита, однако отожествленіе это не имѣетъ мѣста, такъ какъ св. Ѳеодоръ Студитъ скончался въ 826 году.—Евѳимій пришелъ къ Ѳеодору и разсказалъ ему о своемъ намѣреніи идти на Аѳонъ. Ѳеодоръ одобрилъ эту мысль и благословилъ Евѳимія, постригши его въ ангельскій образъ. Черезъ восемь дней (проведенныхъ въ храмѣ, по обычаю) Евѳимій отправился на Аѳонъ съ богоблаженнымъ Ѳеостириктомъ, послѣ 15-тилѣтняго пребыванія на Олимпѣ (§ 14).—Такъ какъ Евѳимій прибылъ на Олимпъ въ сентябрѣ 841 г., а оставилъ гору послѣ 23 ноября 858 г., то значитъ жилъ на Олимпѣ болѣе 15 лѣтъ: агіографъ взялъ вѣроятно круглую цифру.— Придя въ Никомидійскую митрополію, онъ вспомнилъ о своей матери, сестрахъ и женѣ. Узнавъ, что онѣ живы, Евѳимій однако не навѣстилъ ихъ, а послалъ въ Ὀφῶ одного человѣка для передачи роднымъ креста и сообщенія о томъ, что онъ — монахъ, прося ихъ не печалиться и убѣждая ихъ идти въ монастырь (§ 15). Тѣ такъ и сдѣлали. Между тѣмъ Анастасо, дочь Евѳимія, вышла замужъ и сдѣлалась матерью трехъ дочерей и одного сына (§ 16). Черезъ нѣкоторое время Ѳеостириктъ вернулся на Олимпъ, а Евѳимій съ товарищемъ монахомъ Іосифомъ (Коловомъ) предался подвижничеству и по 40 дней они питались травою подобно животнымъ, отчего у нихъ явились на тѣлѣ знаки, оставшіеся до самой ихъ кончины (§ 17). Затѣмъ Евѳимій

συγκοινωνήσας τῷ γεννήτορι, οὗ καὶ ἡ ζωὴ θαυμαστὴ καὶ τὸ τέλος ἐπέραστον, ὑπὸ θεοῦ τοῖς θαύμασι μαρτυρούμενον.

(ок. 859 г.) предложилъ Іосифу заключиться вмѣстѣ въ пещерѣ, изъ которой не выходить въ теченіе трехъ лѣтъ. Іосифъ былъ простой, безхитростный монахъ, хотя и армянинъ родомъ (§ 18). Далѣе описывается суровый образъ ихъ жизни. Черезъ указанный срокъ Іосифъ вышелъ изъ пещеры (§ 19), а Евѳимій остался тамъ, продолжая подвижничество (§ 20). Демонъ явился къ нему однажды въ образѣ варваровъ, арабовъ, но святой сказалъ: «если ты звѣрь по виду, то пользуйся надо мною данною тебѣ отъ Бога властью; если же ты — демонское наважденіе, то отойди отъ нашихъ дверей» (§ 21). Черезъ три года[1]) Евѳимій, выйдя изъ пещеры, по убѣжденію Іосифа собрался было идти на Олимпъ, но вотъ явился къ нему аскетъ Ѳеостириктъ съ извѣстіемъ, что честный Ѳеодоръ, отъ котораго Евѳимій принялъ схиму, идетъ къ нему на Аѳонъ. Съ Аѳона Ѳеодоръ поселился въ мѣстечкѣ Μακρόσινα (близъ Іериссо, въ началѣ аѳонскаго полуострова); умеръ онъ въ Солуни и погребенъ въ храмѣ св. Созонта (§ 22).—Послѣдняя подробность, существованіе этой церкви, извѣстна только изъ даннаго житія.—Узнавъ о кончинѣ Ѳеодора, Евѳимій отправился въ Солунь, гдѣ приложился къ его гробу, потомъ вышелъ изъ города и поселился въ окрестномъ столпѣ (§ 23), увеличивъ такимъ образомъ списокъ извѣстныхъ столпниковъ[2]). Не долго (ἐπὶ μικρόν) пробывъ на столпѣ, обративъ многихъ на путь иноческій и прославившись чудотвореніями, Евѳимій сообщилъ солунскому архіепископу Ѳеодору о своемъ отбытіи, и снова ушелъ на Аѳонъ.

Этотъ Ѳеодоръ (ок. 864 г.) рукоположилъ Евѳимія въ діаконы для того, чтобы онъ могъ пріобщаться св. Таинъ въ аѳонской пустыни. Пробывъ недолго на Аѳонѣ, вслѣдствіе умножающихся около него монаховъ, Евѳимій переѣхалъ на островъ τῶν Νέων, повидимому уже въ санѣ священника (ок. 867 г.). — Островъ этотъ нынѣ называется островомъ св. Евстратія и составляетъ часть Лимносской митрополіи. — Но діаволъ напустилъ на островъ сарацинъ и отдалъ подвижниковъ въ руки арабовъ. Впрочемъ чудеснымъ образомъ они спаслись (§§ 24—25) и снова прибыли на Аѳонъ. Но такъ какъ варвары и сюда совершали набѣги, то подвижники со своими учениками разошлись: блаженный Іоаннъ поселился въ τοῖς Σιδηροκαυσίοις (нынѣ

---

1) По о. Л. Пти, въ 863 г.; но тутъ неясно: черезъ 3 года вышелъ изъ пещеры Іосифъ, а Евѳимій значитъ жилъ долѣе того.

2) H. Delehaye. Les stylites saint Siméon et ses imitateurs (Revue des questions historiques, 1895, XIII, 52—103).

Μαδεμοχώρα, близъ Ieриссо), Симеонъ въ Елладѣ, а Евѳимій съ учениками (ок. 868 г.) перешелъ въ мѣстность Βραστάμου (въ началѣ Халкидики). Съ нимъ переѣхалъ и Іосифъ, пожившій богоугодною жизнію, скончавшійся здѣсь и прославившійся чудесами. Агіографъ лично видѣлъ его раку и говорилъ объ Іосифѣ какъ о святомъ (§ 26). Евѳимій выстроилъ для братіи келліи, а самъ удалился къ глубочайшему потоку, гдѣ и избралъ себѣ покой, однако принимая у себя всѣхъ приходящихъ къ нему, въ числѣ ихъ аскета Онуфрія, которому поставилъ даже особую келлію. Но вотъ голосъ свыше повелѣлъ Евѳимію идти въ Солунь и поселиться на горахъ къ востоку отъ города въ мѣстности Περιστεραῖς, гдѣ прежде находился храмъ во имя св. Андрея Первозваннаго (§ 27). Вмѣстѣ съ иноками Игнатіемъ и Ефремомъ Евѳимій прибылъ въ Солунь и здѣсь разузналъ о Περιστεραῖς, кому это мѣсто принадлежитъ, поднялся на гору и дѣйствительно нашелъ искомое, объявивъ, что здѣсь когда-то стоялъ храмъ ап. Андрея (§ 28). Вмѣстѣ съ иноками онъ соорудилъ здѣсь храмъ ап. Андрею съ предѣлами Іоанну Предтечѣ и Евѳимію Великому. Во время постройки демоны сбросили строителя съ лѣсовъ, но Евѳимій запретилъ имъ наносить вредъ. Храмъ и монастырь былъ выстроенъ въ 6379 г., на 4-мъ году царствованія имп. Василія и Константина, 5-го индикта (§ 29).—Первыя два опредѣленія говорятъ о 871 годѣ, но индиктъ, а равно годъ отъ Рождества Христова, указанный въ рукописяхъ (879) [1], противорѣчатъ этому. О. Л. Пти правильно заключаетъ, что дата 871 имѣетъ самые большие шансы быть истинною датою построенія монастыря. Ученый августинецъ старается еще точнѣе подойти къ опредѣленію, полагая, что построеніе (то-есть освященіе) монастыря могло произойти 30 ноября 871 года, въ день памяти св. ап. Андрея. Датчанинъ K. F. Kinch при своихъ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ этой мѣстности нашелъ основаніе монастыря, построеннаго Евѳиміемъ, въ 20 километрахъ къ востоку отъ Солуни.—Во время постройки Евѳимій самъ таскалъ камни, которые съ трудомъ тащили бы двое или трое рабочихъ; самъ таскалъ воду для поварни (§ 30).

На четвертый годъ отъ созданія монастыря (въ 875 г.), поучивъ братію, Евѳимій постригъ своего ученика Василія (агіографа) въ τῇ Σερμυλίᾳ κώμῃ (нынѣ Ormylia) въ храмѣ св. Димитрія (Солунскаго).

---

1) Ср. р. 41 прим. 9.

Новопостриженный долженъ былъ отречься отъ всего мірскаго, но это было ему тяжело, и сжегъ манихейскую книгу заблудшагося монаха Антонія τοῦ ἐν Κρανέαις (не далеко отъ Іериссо), подъ заглавіемъ «Τὰ ἀπόκρυφα τοῦ εὐαγγελίου» (§ 34), нынѣ уже не существующую. Послѣ своего постриженія Василій увидѣлъ св. Евѳимія, который предсказалъ ему скорый выходъ изъ монастыря (изъ-за любви къ наукамъ) и поставленіе въ архіерея, прося его не забывать какъ Евѳимія, такъ и братію (§ 35).

О чудесахъ Евѳимія Василій говоритъ немного. Однажды агіографъ вмѣстѣ съ Іоанномъ τῷ Τσάγαστῃ путешествовалъ. Ихъ постигъ голодъ, отъ котораго они чуть не умерли; чудомъ св. Евѳимія они были насыщены. Когда Василій былъ въ заливѣ Коронійскомъ (Κορωνία λίμνη, по Kinch'у заливъ св. Василія), Евѳимій предрекъ удаленіе изъ монастыря Іоанна и Антонія, что̀ и случилось. Во время перваго пребыванія святого на столпѣ одинъ бѣсноватый былъ исцѣленъ молитвою Евѳимія и помазаніемъ масла; перистерскій монахъ Иларіонъ также получилъ исцѣленіе. Обоихъ больныхъ, замѣчаетъ агіографъ, мы сами видѣли (§ 36).

Послѣ 14 лѣтъ правленія перистерскою паствою и послѣ 42 лѣтъ всей иноческой жизни (въ 883—884 г.) Евѳимій былъ узнанъ своими родными. Жена и сестры прибыли къ нему въ Перистеру. Святой для женщинъ поставилъ женскій монастырь, для мужчинъ—мужской. Пригласивъ солунскаго архіепископа Меѳодія принять въ вѣдѣніе оба монастыря, Евѳимій настоятелемъ мужского монастыря сдѣлалъ своего внука Меѳодія, а настоятельницею женскаго свою внуку Евфимію, послѣ чего ушелъ снова на тотъ столпъ, гдѣ онъ ранѣе подвизался. Отсюда онъ удалился въ восточную часть Аѳона. Предвидя конецъ своей жизни, онъ 7 мая (898 г.) велѣлъ служить службу перенесенія мощей св. Евѳимія (Великаго) и переѣхалъ на островъ Ἱερά (въ глубинѣ Салоникскаго залива) съ нѣкимъ монахомъ Георгіемъ, единственнымъ, который ему прислуживалъ, прожилъ здѣсь до 13 октября 2-го индикта (898 г.), хворалъ не долго и 15 октября почилъ въ мирѣ (§ 37).—О. Л. Пти, какъ мы выше говорили, однажды отвергъ индиктное опредѣленіе какъ ошибочное, но здѣсь онъ держится за него крѣпко, благо оно даетъ, какъ-ни-какъ опредѣленную дату кончины святого. Но если индиктъ и здѣсь ошибоченъ, мы уже не можемъ говорить о смерти Евѳимія въ 898 году.—Монахъ Павелъ и пресвитеръ Власій принесли тѣло его въ деревянной ракѣ 22 де-

кабря (898 г.) въ солунскую пещеру, а 13 января (899 г.) погребли въ Солуни (§ 38). Помни о твоемъ Василіи, замѣчаетъ агіографъ въ заключеніе (§ 39).

Особая группа чудесъ св. Димитрія изложена въ трехъ книгахъ, изъ которыхъ первая написана солунскимъ архіепископомъ Іоанномъ (VII в.), вторая однимъ анонимомъ (VIII в.), третья — вторымъ анонимомъ.

Ученые, какъ напр. Біэй, еп. Филаретъ и др., думаютъ, что описанный въ пятой главѣ второй книги (§§ 194—207) разсказъ о замыслахъ болгаръ Кубера (Κούβερ) и Мавра (Μαῦρος) противъ Солуня относится къ 742 году, стало быть ко времени византійскаго императора Константина Копронима. Тѣмъ страннѣе, что агіографъ не называетъ его по имени, какъ не называетъ по имени и аварскаго кагана. Подмѣчено нами, что агіографы иногда не называютъ императора по имени, если онъ былъ нечестивымъ; но здѣсь онъ называется «получившимъ отъ Бога власть царства» (ὁ ὑπὸ θεοῦ βασιλεύειν ἡμῖν λαχών § 197), «Богомъ вѣнчаннымъ» (θεόστεπτος § 206), «благочестивѣйшимъ» (εὐσεβέστατος § 199) и «благодѣтелемъ всѣхъ» (ὁ πάντων εὐεργέτης § 199): видно, оффиціальная византійская литература не коснулась этого агіографическаго произведенія, какъ она не коснулась и синаксарной литературы, гдѣ этотъ императоръ названъ прямо таки «Великимъ».

Содержаніе пятой главы, написанной тяжелымъ и неуклюжимъ слогомъ и доставившей такъ много труда Болландисту Біэю, изложено еп. Филаретомъ довольно удовлетворительно; сдѣлаемъ лишь точнѣйшую передачу нѣкоторыхъ интересныхъ мѣстъ повѣствованія.

Вкратцѣ упомянувъ о пятой войнѣ славянъ противъ Солуня (685—689 гг.), агіографъ такъ передаетъ слѣдствія плѣненія грековъ славянами: греческое населеніе смѣшалось съ болгарами, аварами и остальными племенами; путемъ брачныхъ связей явился многочисленный народъ, который перенялъ ромейскіе обычаи, и чрезъ принятіе православной вѣры и животворнаго крещенія увеличилось христіанское племя; и одинъ разсказывая другому о мѣстахъ родины, возжигали въ сердцахъ своихъ желаніе бѣгства [1]). По истеченіи

1) § 195 p. 179—180: ἐξ ἐκείνου οὖν ἐπιμιγέντες μετὰ Βουλγάρων καὶ Ἀβάρων καὶ τῶν λοιπῶν ἐθνικῶν καὶ παιδοποιησάντων ἀπαλλήλων καὶ λαοῦ ἀπείρου καὶ παμπόλου γεγονότος, παῖς δὲ παρὰ πατρὸς ἕκαστος τὰς ἐνεγκαμένας παρειληφότων καὶ τὴν ὁρμὴν τοῦ γένους κατὰ τῶν ἠθῶν τῶν Ῥωμαίων, καὶ καθάπερ ἐν τῇ Αἰγύπτῳ ἐπὶ τοῦ Φαραὼ ηὐξάνετο τὸ τῶν ἑβραίων γένος, οὕτω καὶ ἐν τούτοις κατὰ τὸν ὅμοιον τρόπον διὰ τῆς ὀρθοδόξου

шестидесяти лѣтъ (со времени войны), видя сильно увеличившееся народонаселеніе, аварскій каганъ (ὁ Ἀβάρων χαγάνος), по обычаю рода (καθὼς τῷ γένει ἔθος ὑπῆρχεν), поставилъ имъ начальника Кубера (Κούβερ)[1]. Разбитый въ пяти или шести сраженіяхъ, каганъ бѣжалъ въ сѣверныя части, а Куберъ со своимъ народомъ двинулся къ Дунаю, вошелъ въ Ромейскую землю (εἰς τὰ πρός ἡμᾶς μέρη) и занялъ Керамисскую равнину (τὸν Κεραμήσιον κάμπον). Его народъ сталъ требовать отеческихъ городовъ: христіанское населеніе хотѣло занять Солунь, другіе идти въ Константинополь, третьи въ города Ѳракіи (§ 196). Однако у Кубера нашлись лица, которыя оберегали единство своего народа отъ расчлененія. Они готовы были провозгласить его своимъ княземъ и каганомъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы онъ не разъединялъ своего народа, 2) въ случаѣ, если онъ сдѣлаетъ попытку перейти на сторону императора, онъ долженъ былъ поставить этотъ народъ въ независимое положеніе отъ имперіи[2], и 3) чтобы онъ потребовалъ, дабы сосѣднія съ его народомъ племена Драгувитовъ[3] снабжали ихъ въ достаточномъ количествѣ жизненными припасами. Эти условія были имъ приняты. Но тяжесть ихъ обнаружилась уже съ самаго начала. Чѣмъ ближе онъ подходилъ къ византійскимъ владѣніямъ, тѣмъ настойчивѣе являлась необходимость помимо знанія славянскаго и болгарскаго языковъ, безъ которыхъ трудно было управлять народомъ, знать еще языки греческій и латинскій — для внѣшнихъ сношеній. Такимъ человѣкомъ, знавшимъ четыре языка: греческій, латинскій, славянскій и болгарскій[4], оказался славянинъ Мавръ (Μαῦρος).

Мавръ, питавшій надежду овладѣть не только Солунью, но островами Архипелага и даже самимъ императоромъ, повелъ дѣло умѣло: императоръ, въ довѣріе котораго онъ втерся, прислалъ къ нему ин-

---

πίστεως καὶ ἁγίου καὶ ζωοποιοῦ βαπτίσματος ηὔξετο τὸ τῶν χριστιανῶν φύλον, καὶ θάτερος θατέρῳ περὶ τῶν πατριῶν τοποθεσιῶν ἀφηγούμενος, ἀλλήλοις πῦρ ἐν ταῖς καρδίαις τῆς ἀποδράσεως ὑφῆπτον.

1) Κούβερ несомнѣнно въ связи съ Κούβρατος патр. Никифора (р. 33), княземъ части Болгаръ VII в., быть можетъ Къмбратъ, то-есть Собратъ или Собиратель.

2) § 197: τῆς ἀρχῆς ἀλλότριον καθίστησι.

3) τὰ παρακείμενα ἡμῖν τῶν Δραγουβιτῶν ἔθνη, тутъ, какъ кажется, имѣется подлинная выписка изъ договора, посему ἡμῖν должно значить не византійцы, а народъ Кубера. У Филарета ошибочно вм. драгувитовъ — сагудаты.

4) § 198: καὶ τὴν καθ' ἡμᾶς ἐπιστάμενον γλῶσσαν καὶ τὴν Ῥωμαίων Σκλάβων καὶ Βουλγάρων. Здѣсь уже не договоръ, здѣсь агіографъ говоритъ самъ за себя, поэтому καθ' ἡμᾶς значитъ ромейскій. Еп. Филаретъ, полагая, что это замѣчаніе находилось также въ договорѣ, καθ' ἡμᾶς перевелъ: языкъ Македонскій.

сигніи ипата[1]) и флагъ съ повелѣніемъ, чтобы кермисіане (κερμησιάνοι), отпавшіе отъ Кубера, признали свою зависимость отъ Мавра. Были македонцы, которые аттестовали послѣдняго въ глазахъ императора съ очень дурной стороны, но ихъ Мавръ обезглавилъ, а женъ и дѣтей ихъ продалъ (§ 199). Онъ проявилъ распорядительность, подчинивъ свой народъ сотникамъ, пятидесятникамъ и десятникамъ, вполнѣ вѣрнымъ ему, и осторожность, будучи охраняемъ днемъ и ночью вооруженными людьми, получавшими содержаніе отъ казны.

Осаду Солуня Мавръ назначилъ въ ночь на Пасху. Между тѣмъ императоръ, узнавъ о тяжеломъ положеніи города, отправилъ туда флотъ подъ начальствомъ стратига Сисинній, человѣка разумнаго, благочестиваго и дѣятельнаго. Изъ Еллады Сисинній въ воскресенье передъ Пасхою прибылъ на о. Скіосъ (Σκιαθία), давно уже необитаемый[2]), очистилъ здѣсь одну церковь отъ травы и кустарника и присутствовалъ при богослуженіи (§ 201). Съ начала Страстной недѣли все дули противные вѣтры, и Сисинній не могъ плыть. Экипажъ его, чтобы не оставаться безъ дѣла, очищалъ церковь, ловилъ рыбу, собиралъ скотъ и т. д.; на ночь стратигъ ставилъ у себя стражу (§§ 202, 203). Получивъ во снѣ повелѣніе св. Димитрія идти въ Солунь и видя, что къ нему прибылъ корабль изъ Халкиды (Χαλκίς), Сисиній сѣлъ на суда и въ седьмомъ часу на четвертый день Страстной недѣли прибылъ въ Солунь.

Козни Мавра рушились, произвести возмущенія и пожара города не удалось. Македонскій князь заболѣлъ сильно лихорадкою и много дней пролежалъ въ постели; помогъ ему своими заклинаніями (ἐν λόγοις καὶ ὅρκοις) самъ Сисинній, не знавшій о его замыслахъ. Когда кермисіане намѣревались отложиться отъ славянъ, Сисинній настоялъ на поселеніи ихъ лагеремъ въ западныхъ частяхъ имперіи (§ 205). Мавръ явился въ столицу хлопотать передъ императоромъ о признаніи его въ княжескомъ достоинствѣ, но здѣсь сынъ очернилъ своего отца, будто бы тотъ затѣвалъ измѣну во Ѳракіи. Царь лишилъ Мавра должности, отставилъ его отъ начальства и войска и заточилъ его въ предмѣстьи столицы (§ 206).

Вторая книга чудесъ св. Димитрія оканчивается шестою главою (§ 208—215), гдѣ идетъ рѣчь объ африканскомъ епископѣ Купріанѣ,

---

1) ὁρατίωνα (Біэй пишетъ ὡρατίωνα) ὑπάτου, у Метафраста ὑπατικὸν ὁρατίωνα, вслѣдствіе чего невозможно видѣть тутъ собственнаго имени (Гораціона).

2) ἀοίκητος οὖσα ἐκ πλείστων τῶν χρόνων.

который на пути въ Константинополь (διά τινας χρείας στελλόμενος) не далеко отъ Еллады попалъ въ плѣнъ къ славянамъ (τῷ τῶν Σκλαβινῶν ἔθνει), чудесно спасся въ Солуни, вернулся домой и воздвигъ здѣсь великолѣпный храмъ во имя св. Димитрія. По контексту можно думать, что рѣчь идетъ о VIII—IX в., но къ сожалѣнію подтвердить это не представляется возможнымъ.

Что касается святыхъ славянскихъ земель, то на первомъ мѣстѣ слѣдовало бы говорить о житіи Меѳодія и Кирилла. Однако мы должны обойти молчаніемъ славянскихъ первоучителей главнымъ образомъ потому, что житія ихъ на греческомъ языкѣ не существуетъ. Солунскіе греки, получившіе высшее образованіе въ Константинополѣ и сослужившіе добрую услугу Византіи своею миссіонерскою дѣятельностью, св. братья бо́льшую часть жизни провели далеко за предѣлами Византійскаго государства, работая въ славянскихъ земляхъ и въ Римѣ. Пребываніе Кирилла, постриженіе, кончина и погребеніе его въ Вѣчномъ городѣ окончательно порвали связь первоучителя съ Византіею, которая поэтому и не знаетъ дня его памяти. Меѳодій оказался также чужимъ для Византіи, и его памяти также не находимъ въ греческихъ святцахъ стараго времени. Греки, свидѣтели миссіонерской дѣятельности ихъ, не могли написать ихъ житія, такъ какъ уже давно потеряли ихъ изъ вида и, можно сказать, забыли. Но о дѣятельности братьевъ кое-что сохранила греческая агіографія болѣе поздняго времени.

Житіе болгарскаго архіепископа Климента (885—916), ближайшаго сотрудника первоучителя Меѳодія, написанное ученикомъ, современникомъ и очевидцемъ святого, но, какъ думаютъ ученые [1]), болгариномъ, на болгарскомъ языкѣ, не сохранилось до нашего времени въ своемъ первоначальномъ видѣ, а легло въ основу греческаго пересказа въ житіи, составленномъ болгарскимъ архіепископомъ Ѳеофилактомъ († 1107), о чемъ рѣчь будетъ во второй части настоящаго сочиненія.

Житіе игумена Германа, основателя монастыря Косиницкаго, въ Македоніи, написано въ довольно позднее время и сообщаетъ мало историческихъ свѣдѣній какъ о самомъ святомъ, такъ и о тогдашнемъ времени [2]). По всей вѣроятности, судя по богатству топографическихъ

1) В. А. Бильбасовъ. Кириллъ и Меѳодій по западнымъ легендамъ. Спб. 1871, стр. 117.

2) AA. SS. Boll. 12 мая, III, прилож. p. VII—XII; лат. пер. p. 162—167

данныхъ и по знанію македонской страны, агіографъ жилъ въ этомъ монастырѣ и написалъ житіе по настоянію братіи.

«Великіе по истинѣ подвиги отца, пишетъ онъ, невѣдомые многимъ донынѣ (μέχρι τοῦ νῦν) (ибо никто изъ литераторовъ не поторопился еще изложить ихъ на бумагѣ), побуждаютъ къ этому мое смиреніе, меня, человѣка исполненнаго многихъ прегрѣшеній и не могущаго по невѣжеству разсказать о таковыхъ подвигахъ; по моему, памяти (τὰ ὑπομνήματα) пишутся достойными людьми, а я, видя собственную свою грубость и невѣжество въ отношеніи ихъ, неправильно приступилъ (παρεδεχόμην) прежде всего къ разсказамъ о мужахъ; но ко мнѣ приставали разныя лица, убѣждая, приневоливая, — и я уступилъ словамъ ихъ и смѣло взялся за такой подвигъ, укрѣпляемый молитвами преподобнаго» (§ 2). Купцы на моряхъ испытываютъ опасности, имѣя въ виду одну прибыль; я не плаваю, но хочу также имѣть пользу (§ 3).

Родиною Германа былъ Іерусалимъ (§ 4). Путешествуя по Палестинѣ еще юношею и посѣтивъ тамошнія священныя мѣста, онъ прибылъ въ монастырь Предтечи, орошаемый Іорданомъ (ἣν παραρρέει μὲν Ἰορδάνης). — Это тотъ монастырь, о которомъ паломникъ IX в. Епифаній писалъ: «εἰς τὸν αἰγιαλὸν τοῦ ποταμοῦ ἐστιν ἐκκλησία τοῦ Προδρόμου, подъ сводомъ которой лежитъ камень, гдѣ стоялъ Предтеча, когда крестилъ Христа»[1]). По изслѣдованію акад. Васильевскаго, по сю сторону Іордана стояла большая церковь Троицкая и малая — Предтеченская, но обыкновенно и первая называлась Предтеченскою; малая церковь построена въ началѣ VI столѣтія и братія ея получала содержаніе изъ государственной казны. Въ виду разлитія рѣки она была построена на сводахъ и повидимому отлична отъ Предтеченской церкви при монастырѣ, окруженномъ стѣною изъ квадратныхъ камней. Въ началѣ VIII столѣтія въ монастырѣ Предтечи насчитывалось 20 монаховъ; онъ существовалъ еще въ 808 г., но позже былъ разрушенъ землетрясеніемъ и стоялъ въ развалинахъ до XII вѣка.—Сюда-то и явился въ IX вѣкѣ св. Германъ. Увидѣвъ здѣсь равноангельское житіе подвизающейся братіи, онъ оставилъ навсегда міръ, явился къ каѳигумену и просилъ его о принятіи въ монастырь. Настоятель задалъ ему нѣсколько вопросовъ: откуда ты? какихъ родителей? что за причина пребыванія твоего въ Палестинѣ? можешь ли ты, дитя, перенести такое строгое житіе

1) Διήγησις Ἐπιφανίου, изд. В. Васильевскаго. Пр. Пал. Сб. XI. 8, 30, 237.

здѣсь? Германъ назвалъ ему свою родину и родителей (§ 5). Удовлетворившись отвѣтомъ, каѳигуменъ принялъ и постригъ Германа. Новый инокъ избралъ строгую подвижническую жизнь: молился по семи разъ ежедневно, читалъ псалтирь, подолгу бодрствовалъ, пребывалъ распростертымъ на землѣ, стоялъ на колѣнахъ, былъ всѣмъ слуга, называлъ себя пепломъ и червью (§ 6) и вообще хотѣлъ подражать прежнимъ священнымъ мужамъ, побѣдившимъ врага (§ 7).

На тридцатомъ году ему было видѣніе — оставить монастырь, идти въ Европейскія страны (τὰ τῆς Εὐρώπης μέρη), воздвигнуть съ основанія храмъ на одной изъ горъ Македоніи (παρά τινι τῶν ἀνὰ τὴν Μακεδονίαν ὀρέων) и посвятить его имени Божіей Матери; Германъ подумалъ, что это бѣсовское навожденіе, и забылъ о видѣніи (§ 8). Однако оно повторилось снова: явился мужъ въ бѣлыхъ ризахъ, блистающій видомъ, прибилъ Германа и велѣлъ ему идти. А гдѣ та земля, спросилъ инокъ, куда я долженъ идти? какъ я найду туда дорогу? да у меня нѣтъ и овола (ὀβουλοῦ, sic) за душой! На это мужъ сказалъ: если хочешь знать имя мѣста, иди въ городъ Христополь (Χριστόπολις); оттуда начинается гора, — подымись и поставь тамъ храмъ (§ 9). Проснувшись, онъ увидѣлъ побои на тѣлѣ, явился къ настоятелю и разсказалъ о видѣніи. Тотъ позволилъ ему идти и напутствовалъ его молитвами и полезными совѣтами; вся братія собралась на его проводины (§ 10). Изъ Палестины Германъ отправился по дорогѣ, «ведущей въ европейскія части»; переходилъ большія моря; гдѣ нельзя было плыть, тамъ переходилъ пѣшкомъ [1]), «пользуясь для этого своими ногами». Достигнувъ Христополя, онъ отъ одного изъ мѣстныхъ жителей узналъ имя города.—Христополь—на морскомъ берегу, около Филиппъ (Spruner, № 80).—Въ затруднительномъ положеніи, что дѣлать далѣе, онъ снова имѣлъ видѣніе: отъ горы Пополійской (παρὰ τὸ τῆς Πωπολίας ὄρος) иди насупротивъ и что найдешь тамъ, обрати на построеніе храма (§ 11). — Болландисты отожествляютъ Пополію съ Филиппополемъ, указывая на случай подобной же συγκοπή: Θессалоника и Солунь; однако Филиппополь находился слишкомъ далеко въ горахъ, чтобы можно было указывать на него незнакомому съ мѣстностью Герману какъ на точку отправленія: Пополія находилась гдѣ-то у Христополя.—Германъ вышелъ днемъ изъ Христополя, прошелъ чрезъ Филиппы, явился на одну гору противъ Пополіи, лежащую у Панака (κατὰ τὰς ἐκβολὰς τοῦ Πάνακος), болѣе чѣмъ въ 50 стадіяхъ отъ мѣ-

1) ὅπου μὴ διαπλεῖν ἐξῆν πεζῇ τὴν πορείαν ποιούμενος.

стечка (πολίχνιον) Драмы (Δράμα). Обходя гору для отысканія удобнаго мѣста къ постройкѣ, онъ вошелъ въ одну пещеру (σπήλαιον αὐτόφορον) и, увидѣвъ годное мѣсто, началъ строиться.—Появленіе Германа въ Македоніи относится къ 860-мъ годамъ; по словамъ Θеофилакта, «во время князя Бориса-Михаила (844—886 гг.) явился въ странѣ Болгаръ святый Германъ» [1]). — Черезъ $3^1/_2$ года онъ построилъ внутри пещеры храмъ во имя Богородицы; жилъ одинъ какъ перстъ, не имѣлъ денегъ, дѣлалъ все собственными руками (§ 12). Ангелъ, явившійся ему сначала въ Палестинѣ, потомъ въ Христополѣ, еще разъ явился ему и повелѣлъ построить храмъ не на этой горѣ, а на горѣ Матикіи (Ματικία), и при томъ бо́льшихъ размѣровъ; Германъ рѣшился идти на эту гору и приняться за новую постройку (§ 13). Но не зная ея мѣстоположенія, онъ отправился въ селеніе (κώμη), называемое мѣстными жителями (ἐγχωρίως) Черниста (Τζερνίστα), остановился здѣсь у одного домохозяина и узналъ о положеніи горы.—Болландисты готовы отожествить Черинсту съ Sarnis, недалеко отъ Филиппополя [2]). Хозяинъ предложилъ ему отдохнуть и на другой день проводилъ его до самой горы. Обойдя въ три дня и осмотрѣвъ гору, Германъ вернулся къ своему Чернистскому знакомому и попросилъ у него топоръ, кирку съ двумя зубьями (δίκελλαν) и желѣза (§ 14). Гора была въ высшей степени недоступна (δύσβατον εἰς τὰ μάλιστα, παντελῶς ἄβατον) и покрыта дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ находили пріютъ хищные звѣри. Вырубивъ лѣсъ, устроивъ просѣку и дорогу, онъ приготовилъ мѣсто для постройки монастыря (φροντιστήριον), сталъ копать и класть основаніе (§ 15). При раскопкахъ онъ нашелъ здѣсь два креста, возрадовался и воспѣлъ имъ хвалу (§ 16). Одинъ изъ нихъ оказался чудотворнымъ, отъ него приходившіе слѣпые прозрѣвали, хромые, глухіе, прокаженные и сумасшедшіе, — всѣ получали исцѣленіе (§ 17). Получивъ небольшое количество денегъ, онъ пригласилъ для постройки храма рабочихъ (τεχνῖται), которые не ранѣе согласились работать, какъ справившись о платѣ, именно въ размѣрѣ 100 золотыхъ (χρύσινοι). Измѣривъ мѣсто, проведя рвы и положивъ фундаментъ, они вывели храмъ, существующій и донынѣ (ἐς δεῦρο σωζόμενος) и поражающій жителей своимъ изяществомъ и хорами (χοροί) иноковъ, поющихъ гимны (§ 18). Звѣриный притонъ превратился въ обитель священныхъ мужей, безводная земля оросилась потоками

1) Migne. CXXVI. 201.

2) Черная рѣка (Τζερνᾶς ὁ ποταμός) не далеко отъ Солуня: Cedr. II. 461.

ученія (§ 19). Храмъ былъ посвященъ Дѣвѣ Маріамъ. — Въ самомъ житіи нѣтъ названія монастыря и только въ заглавіи онъ названъ μονὴ τῆς Κοσινίτρης. Въ виду неправильности формы (мы ждали Κοσινίτρας) съ одной и славянскаго названія его съ другой стороны слѣдуетъ думать, что въ изданіи испорченное чтеніе вм. τῆς Κοσινίτζης[1]). Хрисанѳъ, архимандритъ монастыря Косиницкой Божіей Матери, въ своемъ «Воззваніи» 1896 года такъ говоритъ о положеніи монастыря: «Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Св. Горы, въ Македоніи, на горѣ Паггеѣ, близъ древняго города Филиппа и святой горы Стараго Аѳона, возвышается древній и знаменитый монастырь — Косиница, сооруженный во имя Пресв. Богородицы въ началѣ X (sic) вѣка». — По окончаніи дѣла рабочіе явились за полученіемъ платы, но у Германа было всего 19 золотыхъ. Они взбунтовались, обозвали его обманщикомъ и лжемонахомъ, и связавъ веревками (§ 20), повлекли его со связанными назади руками въ городъ Драму, надѣясь тамъ получить плату за работу[2]). У подножія горы, въ тѣни лѣса (это было лѣтомъ), они увидѣли отдыхающихъ двухъ чиновниковъ Неофита и Николая, которые посланы были изъ Константинополя тогдашнимъ царемъ къ сербскому князю (πρὸς τὸν Τριβαλόν, § 21). Посланники, заплативъ рабочимъ 100 золотыхъ (χρύσους, sic), освободили преподобнаго (§ 22). Тѣ извинились передъ Германомъ и, получивъ деньги, удалились, а посланцы, почувствовавъ влеченіе къ иноку, сами пожелали иноческой жизни. Исполнивъ порученіе и вернувшись въ счастливый (εὐδαίμων) городъ, они получили отъ царя большіе подарки, роздали часть имущества бѣднымъ, но захвативъ цѣнности съ собою, прибыли къ Герману, были имъ пострижены и облачены въ рясы (§ 23). — Вопросъ о сношеніяхъ Византіи съ Сербіею на первыхъ порахъ очень теменъ. Болландисты пріурочивали посольство Неофита и Николая къ концу царствованія имп. Василія, къ 886 году, но въ дѣйствительности въ это время ничего подобнаго не было. Василій, извѣстный своею миссіонерскою дѣятельностью среди славянъ, въ 870 г. распространялъ христіанство въ Далмаціи, среди Нарентанъ или Паганъ, но съ Сербами, какъ кажется, не имѣлъ непосредственныхъ связей. Скорѣе слѣ-

---

1) Отъ 1395 г. мы имѣемъ свѣдѣніе о борьбѣ между монахами Κοσινίτζης и Ватопедскаго монастыря (Miclosich et Müller, Acta, I, 240).

2) Городокъ Драма позже сдѣланъ былъ митрополіею и въ 1317 г. эта митрополія соединена была временно съ митрополіею Христопольскою (Miclos. et Müller, Acta et dipl., I. 68—69); въ 1371 г. къ митрополіи Драмской присоединена Филиппская (ibid. 558).

дуетъ допустить въ 887 году интригу имп. Льва Мудраго, слѣдствіемъ которой была сербско-болгарская война. Посольство его ѣхало съ деньгами, очевидно для подкупа Властимира къ началу войны. Видя зло міра, Неофитъ и Николай нашли возможнымъ удѣлить изъ подкупа частичку на дѣйствительно доброе дѣло, по необходимости подкупили остальными деньгами сербскаго князя, удостоились царской милости и въ концѣ концовъ оставили путь лжи и обмана. Здѣсь они построили келліи, развели виноградники и луга. Слава о Германѣ распространилась повсюду и монастырь его съ каждымъ днемъ возрасталъ (§ 24). Почувствовавъ приближеніе смерти, Германъ на смертномъ одрѣ произнесъ слово братіи, заповѣдавъ имъ нестяжаніе (§ 25). Самаго конца житія не достаетъ [1]).

ГЛАВА XVI.

Ѳракія (Виза).

Житіе Власія. — Ж. Маріи Младой.

Житіе инока Власія [2]), сохранившееся въ древне-славянскомъ переводѣ, который архим. Леонидъ считалъ подлинникомъ и который написанъ чрезвычайно тяжелымъ языкомъ, обличающимъ неопытность переводчика, представляетъ нѣсколько весьма интересныхъ данныхъ для исторіи половины IX вѣка. Авторъ называетъ свой трудъ «неустроенною и простою повѣстію», а себя лишеннымъ «внѣшняго ученія», которое называетъ «блядивымъ», и стоящимъ по образованію не выше начинающихъ учиться дѣтей. Житіе написано «собравшихся ради пользы». Послѣ различныхъ поисковъ біографъ узналъ наконецъ имя отца инока Власія, но имени его матери доискаться не могъ. Подобныя признанія даютъ право на вниманіе и довѣріе къ его труду. Но при внимательномъ чтеніи памятника открывается, что въ немъ весьма значительное мѣсто удѣлено бродячимъ повѣстямъ. Съ одной

---

1) О положеніи монастыря и о его рукописной библіотекѣ свѣдѣнія сообщены А. И. Пападопуло-Керамевсомъ: Ἔχθεσις παλαιογραφικῶν καὶ φιλολογικῶν ἐρευνῶν ἐν Θράκῃ καὶ Μακεδονίᾳ κατὰ τὸ ἔτος 1885. К/πολις 1886 (Оттискъ изъ XVII т. Ἑλλην. Φιλολογ. Σύλλογος).

2) Житіе препод. Власія мниха, памятникъ словено-болгарской письменности IX вѣка, изд. архим. Леонида въ Пам. Др. Письм. 1887, LXV; отрывокъ (стр. 8—12 изданія) у И. И. Срезневскаго: Свѣдѣнія и замѣтки. Спб. 1876. XLI—LXXX. 387—391. Тоже, повидимому, житіе въ рук. собр. гр. Толстого, отд. II, № 399, XVI в. л. 476—516.

стороны житіе заключаетъ въ себѣ черты несомнѣнно историческаго характера, а съ другой общіе разсказы, которые можно встрѣтить во многихъ житіяхъ святыхъ. Трудно сказать, по скольку независимъ здѣсь біографъ, ибо въ сущности неизвѣстно, когда житіе Власія написано. Языкъ перевода отличается глубокою древностію, восходящею быть можетъ къ XII вѣку, стало быть подлинникъ можетъ относиться къ X—XI столѣтію, ко временамъ Метафраста и другихъ агіографовъ. Но разсматривая съ этой точки зрѣнія разбираемый памятникъ, мы скорѣе пришли бы къ заключенію, что именно онъ послужилъ основою для позднѣйшаго выдѣленія повѣстей съ ихъ пересказами.

Власій происходилъ родомъ изъ Аморія или точнѣе изъ аморійскаго селенія Апатіаніи, принадлежавшаго къ митрополіи Писсинунтской (Пистійской, въ житіи).

Говоря объ Аморіи, агіографъ спѣшитъ разсказать повѣсть объ одномъ инокѣ здѣшняго монастыря, Евфросинѣ, повѣсть, въ сущности не имѣющую никакого отношенія къ Власію, впослѣдствіи выдѣлившуюся въ самостоятельное цѣлое и въ такомъ видѣ въ значительной мѣрѣ распространившуюся. Повѣсть эта была разсказана, очевидно, агіографу, старцами монастыря. Монастырь имѣлъ старинный строгій уставъ: въ немъ иноки всю ночь съ субботы на воскресенье проводили въ молитвѣ, вкушали пищу въ девятомъ часу, но не много, ибо были истощены стояніемъ, а вечеромъ снова молились. Однимъ изъ иноковъ былъ Евфросинъ, служившій «въ угльнѣмъ пребывалищи» и подвергавшійся насмѣшкамъ со стороны братіи. Настоятель монастыря въ одну изъ ночей увидѣлъ сонъ: будто бы онъ находится въ раю, изобилующемъ всякими плодами и овощами; онъ пытался попробовать плодовъ, но не былъ въ состояніи. Увидѣвъ Евфросина, «веселию съимеиьника», покрытаго сажею, который срывалъ и ѣлъ плоды, настоятель спросилъ его, зачѣмъ онъ здѣсь, и поваръ отвѣтилъ, что ему поручено смотрѣть за этимъ садомъ. Старецъ попросилъ у него плодовъ и Евфросинъ подалъ ему три яблока. Настоятель проснулся и къ удивленію замѣтилъ въ рукѣ на яву три яблока. Устрашенный чудомъ, онъ велѣлъ бить въ било и служить заутреню. Послѣ службы онъ призвалъ изъ поварни Евфросина и, увѣровавъ въ святость его, поклонился ему до земли. Избѣгая славы, Евфросинъ, скрылся изъ монастыря, а яблоки игуменъ раздробилъ на дискосѣ и пріобщилъ ими братію.

Сдѣлавъ такое уклоненіе отъ разсказа, агіографъ возвращается къ

Власію и сообщаетъ слѣдующія о немъ подробности. Отца его звали Иракліемъ, который имѣлъ четырехъ сыновей. Старшій изъ нихъ, больной, но даровитый человѣкъ, жилъ въ Константинополѣ, занимая должность священника Софійской церкви. Власій же жилъ у родителей и по достиженіи возраста былъ посвященъ въ иподіакона Писсинунтскимъ митрополитомъ Евстратіемъ, любимымъ ученикомъ патр. Игнатія. Вскорѣ по вступленіи Игнатія на каѳедру, Власій прибылъ въ Византію къ своему брату и началъ съ особеннымъ жаромъ заниматься свящ. Писаніемъ и пѣснями Давида и Соломона. Патр. Игнатій рукоположилъ его въ діаконы Софіи. Распаляемый страстями, Власій однажды одинъ пришелъ въ храмъ и здѣсь встрѣтилъ одного инока, оказавшагося потомъ діаволомъ, который убѣдилъ его ѣхать въ Римъ. Бросивъ родителей и столицу, Софійскій діаконъ послѣдовалъ за этимъ черноризцемъ. По прибытіи въ Болгарію Власій былъ проданъ одному скиѳу, предатель исчезъ. Потомъ, когда плѣнникъ былъ отпущенъ на свободу, онъ остался въ странѣ и посвятилъ себя дѣлу проповѣди среди новообращеннаго народа, такъ что сдѣлался извѣстнымъ скиѳскимъ князьямъ, которые приняли отъ него св. крещеніе. Они предлагали ему остаться здѣсь и построить для него домъ, но онъ отказался, желая исполнить свое обѣщаніе посѣтить Римъ. Онъ переправился черезъ Дунай и здѣсь попалъ въ плѣнъ къ разбойникамъ, которые обобрали его, завели въ пустынное мѣсто и, снявъ съ него крестъ, отпустили на свободу. Тогда къ нему явился ангелъ въ бѣлыхъ ризахъ и довелъ его до границы Болгаріи. Здѣсь онъ сдѣлался извѣстнымъ епископу той страны, ибо бояре разнесли о немъ молву повсюду; узналъ о немъ и болгарскій князь, принявшій его съ честію. Отсюда Власій на кораблѣ отправился въ Римъ съ болгарскимъ епископомъ. Послѣдній провелъ долгое время въ Римѣ, изучая монастырское житіе и уставъ, и, уѣзжая обратно, предложилъ ѣхать съ собою и Власію; но этотъ остался въ Римѣ и поселился въ монастырѣ св. Кесарія, игуменомъ котораго былъ Евстратій, родомъ изъ Кизика. Здѣсь Власій постригся въ чернечество и претерпѣлъ много дьявольскихъ искушеній. Онъ прекрасно дѣлалъ корзинки изъ финиковыхъ вѣтвей, красиво писалъ, соблюдалъ строгій постъ, вкушая пищу всего разъ въ день, по заходѣ солнца, а въ постные дни — разъ въ недѣлю; онъ прожилъ въ монастырѣ болѣе 18 лѣтъ, пройдя службы канонарха, книжника и церковнаго старосты. Игуменъ хотѣлъ его поставить во священники, но по дьявольскому навѣту Власій ударилъ одного мальчика, за что былъ

подвергнут покаянію. Вина онъ не пилъ, кромѣ какъ прежде въ Византіи. Власій прославился даромъ чудесъ и исцѣлилъ прежде всего одного глухонѣмого мальчика, внеся его въ алтарь. Одинъ римскій бояринъ былъ бездѣтенъ, — чудомъ Власія у него родился сынъ, духовнымъ отцомъ котораго онъ и сдѣлался; бояринъ съ честью и дарами отпустилъ его въ монастырь. Изъ учениковъ Власія поименованы: Лука, Симеонъ и Іосифъ. Кесарійскаго инока Филиппа онъ освободилъ отъ опасности утонуть въ винной опарѣ въ Фирмопольской метохіи; Филиппъ потомъ прямо называлъ спасителемъ своимъ Власія, а послѣдній увѣрялъ, что его спасъ св. Николай.

Черезъ 4 года Власій отплылъ на Аѳонъ, ища безмолвія, много боролся здѣсь съ злыми людьми и въ концѣ концовъ привелъ всю гору подъ десницу Божію. Звѣрей онъ не боялся и ходилъ всегда со священнымъ сосудомъ, изъ котораго и питался. Онъ скончался на Аѳонѣ при пѣніи ангеловъ и при стеченіи земледѣльцевъ.

Таково содержаніе житія. Оставляя пока въ сторонѣ Повѣсть объ Евфросинѣ, коснемся лишь нѣкоторыхъ данныхъ собственно о Власіи. Посвященный Евстратіемъ въ санъ иподіакона, онъ прибылъ въ Византію немного спустя по вступленіи на патріаршій престолъ Игнатія. Послѣдній въ первый разъ вступилъ на каѳедру въ 847, а вторично въ 867 году; сообразно съ этимъ Евстратій былъ митрополитомъ Писсинунтскимъ уже около 847, или около 867 года. Съ другой стороны извѣстно, что онъ участвовалъ и подписался на соборѣ 878 года. Такимъ образомъ оказывается, что Евстратій занималъ писсинунтскую каѳедру или болѣе 30, или болѣе 10 лѣтъ; сейчасъ мы увидимъ, что предпочтеніе должно быть отдано первому положенію. Любопытно и то, что любимый ученикъ патр. Игнатія, онъ въ 878 году перешелъ на сторону его противника — Фотія. Слѣдующій вопросъ, весьма интересный, заключается въ дѣятельности Власія въ новопросвѣщенной Болгаріи: «свѣтяше бо и въ тѣхъ (Болгаріи) уже проповѣдь и истинный свѣтъ», замѣчаетъ агіографъ. Несомнѣнно, мы присутствуемъ при царствованіи князя Михаила и тѣхъ его церковно-политическихъ сомнѣніяхъ и колебаніяхъ, которыя характеризуютъ начало христіанства въ Болгаріи. Власій «наставляше тыя къ благочестію, тѣмьже гощеніе не простое святому створивъ знаема прочимъ скуфьскымъ творить княземъ». Подъ скиѳскими князьями слѣдуетъ разумѣть болгарскихъ бояръ, какъ видно изъ дальнѣйшаго, гдѣ агіографъ разсказываетъ,

что слухъ о Власіи распространился «отъ преже нареченыихъ земля тоя боляръ», которые «въ вѣру утвердишася». Власій сдѣлался извѣстнымъ мѣстному епископу, а затѣмъ и «самому пръвому отъ Бога князю Болгарьску и отъ того гощенъ бывъ и утѣшенъ и въ великыи Римьскый градъ посланъ бы<въ>» [1]). Посольство отъ князя Михаила въ Римъ къ папѣ послано было въ 866 году съ цѣлію пригласить въ Болгарію латинское духовенство и получить отвѣты на заданные имъ вопросы. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что Власій былъ въ это время въ свитѣ, главою котораго былъ самъ епископъ: важность цѣли этой поѣздки требовала и соотвѣтствующаго представителя. Въ житіи участіе епископа представляется въ такомъ видѣ: «хотяше бо в тыя дни молитвъ радьма епископъ въ самъ тъи итя славный градъ, тѣмьже с нимь (Власіемъ) въ корабль вълѣзъ съ многыимь веселіемь желаемаго ему града доиде». По дорогѣ посольству пришлось преодолѣть какія-то великія преграды и опасности: «аще и паче отъ супротивныихъ силъ искусныими стрѣлами врѣжаеми суть, обаче якоже всячьскыими божестъвный ходо зряще, не преборими въ всей напасти бывають, добрый бо нравъ яко огнемь и желѣзомь и въ доблиихъ всѣхъ есть вышни; тако же и смерти предолѣя бываеть». Въ Римѣ ликовали по поводу ихъ прибытія: «веселися всего градъ бѣаше исполнь», «и <не?> точію къ себѣ отъ апостольскаго хождения, — отъ всея земля въдривъшу честь царьскыимь уятіемь славная домовъ и великая полатъ створеныихъ», что̀ можетъ быть понимаемо въ смыслѣ посѣщенія болгарскаго посольства самимъ папою. Посольство посѣтило церкви и монастыри и поклонилось святынямъ Рима, «якоже и хотяше»; «пребываше во вси дни манастырьское и святыихъ мужь испытуя житие и уставъ и искусъ бо видимыихъ на небо умъ възвысивъше, несытаго ту пребываніа творяше; врѣмя же много епископу створившу и готово имущу уже въ своя възвращенія». Такимъ образомъ истинная причина посольства осталась неизвѣстною агіографу или имъ скрыта. Желѣзный папа Николай «съ почестями принялъ пословъ Болгарскаго князя», а въ письмѣ къ еп. Реймскому выразился такимъ образомъ: «Когда мы находились въ такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ и подвергались такимъ великимъ несчастіямъ, насъ извѣщаютъ, что прибыли послы болгарскаго князя. Гдѣ тотъ человѣкъ, который могъ бы выразить, какою радостью или

1) Въ изд. Леонида (стр. 11): быхъ, у Срезневскаго (стр. 390): бы.

какимъ восторгомъ мы объяты были» [1]). Извѣстіе житія Власія какъ нельзя болѣе оправдывается теперь словами самого папы: очевидно, Николай встрѣтилъ болгарскихъ посланцевъ, явившихся къ нему съ желаніемъ князя передать страну въ руки римскаго епископа и его духовенства. Одинокимъ стоитъ лишь извѣстіе объ участіи болгарскаго епископа. Извѣстно, что «въ посольствѣ этомъ находился сынъ Бориса и многіе изъ бояръ, между прочимъ родственникъ князя Петръ, бояре Іоаннъ и Мартинъ. Съ этими послами Борисъ отправилъ въ даръ апостольскому престолу вооруженіе, съ которымъ онъ сражался противъ мятежныхъ противниковъ христіанства» [2]). Но присутствіе епископа прямо вызывалось необходимостью въ виду того, что князь Михаилъ добивался получить отъ папы для Болгаріи своего особаго патріарха, которымъ онъ и хотѣлъ, вѣроятно, видѣть посылаемаго имъ епископа. Съ допущеніемъ даты 866, времени дѣятельности Власія въ Болгаріи и поѣздки его въ Римъ, разрѣшается и вопросъ о писсинунтскомъ митрополитѣ: очевидно, агіографъ разумѣетъ первое вступленіе Игнатія на патріаршій престолъ и стало быть Евстратій около 847 года былъ уже митрополитомъ. Но при посредствѣ той же даты 866 можно произвести приблизительный хронологическій расчетъ и для жизни самого Власія: если онъ поставленъ въ иподіакона около 846, то вѣроятно, что онъ родился около 820—826 года; около 847 г. онъ прибылъ въ Византію, гдѣ оставался до 60-хъ годовъ, сдѣлавшись въ это время діакономъ; съ 862 по 866 онъ находился въ Болгаріи и затѣмъ уѣхалъ въ Римъ, гдѣ прожилъ около 22 лѣтъ въ монастырѣ св. Кесарія, послѣ чего удалился на Аѳонъ, въ концѣ 80-хъ годовъ. Такимъ образомъ кончину его слѣдуетъ отнести къ концу IX столѣтія, а не къ серединѣ, какъ нѣкоторые полагали. Въ отношеніи Аѳона въ житіи находится любопытное извѣстіе объ обращеніи имъ въ христіанство всѣхъ его жителей: по словамъ Порфирія Успенскаго, христіанство на Аѳонѣ утвердилось уже въ VIII вѣкѣ, но доказательства его слабы. Власій прибылъ на гору со своими учениками, то-есть съ Лукою, Симеономъ и Іосифомъ: подвижникъ Евѳимій, какъ замѣчено въ житіи послѣдняго, въ 80-хъ годахъ IX столѣтія видѣлъ на Аѳонѣ иноковъ Іосифа, Симеона, Іоанна и др., ушедшихъ съ горы изъ боязни передъ пиратами. Не были

1) Nicol. pap. ep. ad Hincmar. ap. Migne CXIX, 1154—1155; ср. М. И. Соколовъ. Изъ древней исторіи Болгаръ. Спб. 1879, стр. 187—188.
2) Соколовъ, 187.

ли то ученики Власія? Но если въ историческомъ смыслѣ данныя Житія заслуживаютъ признанія, то въ литературномъ отношеніи они изложены не по оригинальной канвѣ. Востокъ, Византія, плѣнъ, чудесное освобожденіе, поѣздка въ Римъ и возвращеніе на Аѳонъ — таковы общія точки, роднящія это Житіе съ Житіемъ Петра Аѳонскаго, отчасти Петра патрикія, Георгія Болгарскаго и пр., съ которыми мы еще встрѣтимся.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о житіи св. Маріи Младой, которое хотя и неиздано цѣликомъ, но уже разсматривалось нѣсколькими учеными [1]). Дня памяти ея не показано, время ея жизни также не установлено сколько нибудь удовлетворительнымъ образомъ. Житіе это написано неизвѣстнымъ, однако современнымъ лицомъ въ г. Визѣ въ первой половинѣ X вѣка (при имп. Романѣ) и, судя по напечатаннымъ выдержкамъ изъ него, отличается незатѣйливою простотою изложенія.

Въ царствованіе имп. Василія Македонянина (867—886) однажды изъ Великой Арменіи явилось нѣсколько вельможъ въ Константинополь. Василій принялъ ихъ очень дружелюбно, одарилъ ихъ подарками и возвелъ ихъ въ чины, — вѣроятно въ придворные. Г. Гедеонъ пропустилъ эту подробность житія, Г. Баласчевъ напротивъ усматриваетъ въ ней важное значеніе: «эти переселенцы изъ Арменіи усилили армянскій элементъ и стали играть большую роль въ правленіи Византійской имперіи». Но не надо забывать, что имп. Василій самъ былъ армянинъ по рожденію и къ армянамъ относился очень дружественно. При дворѣ его было много такихъ чиновниковъ, какъ Συμβάτιος, Μυαξάρης, съ армянскими именами. Далѣе извѣстно, что имп. Василій, въ отвѣтъ на просьбу армянскаго посольства, послалъ корону армянскому принцу-арсакиду Ашоту. Поэтому довольно вѣроятно, что армянскіе вельможи, о которыхъ говоритъ житіе, могли быть лицами — посланцами этого Ашота приблизительно въ 878 году [2]). Среди этихъ

---

1) Βίος καὶ πολιτεία καὶ μερικὴ θαυμάτων διήγησις τῆς ἀοιδίμου καὶ μακαρίας Μαρίας τῆς νέου (inc. Ἐπὶ μὲν τῶν ἔξωθεν ἀγώνων) въ cod. Athon. Laur. K. 81; ср. Fabricius-Harles, Bibl. gr., X, 286; Алляцій (De scriptis Sym. Metaphr., ap. Migne, CXIV. 88—89) указываетъ на современность житія: Μαρία θαῦμα τῆς καθ' ἡμᾶς γενεᾶς; арх. Филаретъ Черниговскій: Житія святыхъ подвижницъ восточной церкви, изд. 2-е. Спб. 1885, стр. 250; арх. Сергій Владимірскій: Полный мѣсяцесловъ Востока, изд. 2-е, Владиміръ 1901, II, 538; М. Гедеонъ въ Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος, Παράρτημα τοῦ 24—26 τόμου, σ. 86; Извѣстія русскаго Археолог. Института въ Константинополѣ. Одесса 1896, I, 30; разсмотрѣніе житія тамъ-же IV. 2, Софія 1899, стр. 189—220 (статья Г. Баласчева).

2) Ср. Muralt, 458.

вельможъ находился отецъ св. Маріи, отецъ пятерыхъ дѣтей—двухъ сыновей и трехъ дочерей. Изъ послѣднихъ двѣ вышли замужъ еще при жизни отца, и одна изъ нихъ съ мужемъ Вардою Врачѝ жила во Ѳракійскомъ мѣстечкѣ того же названія, близъ города Месины[1]). По смерти отца младшая Марія вмѣстѣ съ матерью продолжала жить въ Константинополѣ, гдѣ и училась подъ ея руководствомъ. М. Гедеонъ ошибочно думалъ, что Марія первоначально жила въ Месинѣ. У Варды Врачѝ былъ пріятель изъ села Камара (вѣроятно вблизи же Месины) по имени Никифоръ. Первый посваталъ второму Марію; оба они прибыли въ Константинополь, и Никифоръ, получивъ согласіе Маріи и ея матери, женился, послѣ чего молодые переѣхали въ Камару[2]). Первый сынъ ея отъ брака, Орестъ, умеръ пяти лѣтъ отъ роду. Съ появленіемъ на свѣтъ другого сына, Вардана, Никифоръ, въ виду надвигавшейся византійско-болгарской войны, принялъ участіе въ походѣ, отличился на войнѣ и былъ назначенъ турмархомъ города Визы (Βιζύη). Вся остальная жизнь Маріи протекла въ этомъ послѣднемъ городѣ, гдѣ по смерти Вардана и ея служанки Агаѳіи у ней родились двойни Ваанъ и Стефанъ, гдѣ она послѣ всякихъ превратностей жизни скончалась и гдѣ погребена.

Дальнѣйшее разсмотрѣніе житія, богатаго новыми данными для исторіи греко-болгарскихъ войнъ при Симеонѣ, уже выходитъ изъ рамокъ IX столѣтія, а потому мы довольствуемся только этими извѣстіями. Но уже и этого вполнѣ достаточно, чтобы разсѣять явныя несообразности въ предшествующей русской литературѣ на счетъ обстоятельствъ времени и жизни св. Маріи: Марія, по Филарету, будто бы подвизалась дѣвственницею и почила около 886 года! Не подлежитъ сомнѣнію, что она родилась въ IX в. и можетъ быть въ царствованіе имп. Василія, а умерла уже въ X столѣтіи. Изъ житія видно, что при ея погребеніи присутствовалъ епископъ Евѳимій. Алляцій заключилъ откуда-то, что этотъ Евѳимій былъ позже патріархомъ Константинопольскимъ (906 — 911 или 907—912). Если это такъ, то Марія умерла до 906 года. Сообразно съ этимъ приблизительный расчетъ разныхъ моментовъ ея жизни можетъ быть представленъ въ слѣдующемъ видѣ: Марія род. ок. 875 г.,

---

1) Βάρδας δὲ ἐκεῖνος ὁ Βρατζῆς ὠνομάζετο, προάστειον ἦν κατὰ τὴν ἐν Θράκῃ Μεσύνην ὅπερ ἐξ ἐκείνου εἰς ἔτι καὶ νῦν τοῦ Βρατζῆ ἐπιλέγεται.

2) τῆς Κωνσταντίνου καταλαμβάνουσι καὶ οὕτως ἡ καλλίστη Μαρία οἴκαδε ἐξιόντι τῷ ἀνδρὶ συνέπεται.

въ 893 г. вышла замужъ, въ 894 г. родила Ореста († 899 г.), въ 895 г. Вардана, въ 900 г. Ваана и Стефана; скончалась ок. 905 года, въ возрастѣ 30 лѣтъ [1]).

ГЛАВА XVII.

Сицилія.

Житіе Льва Катанскаго. — Перенесеніе мощей ап. Варѳоломея съ о. Липары въ Беневентъ.

Житіе Льва Катанскаго, написанное анонимнымъ современникомъ его и сохранившееся съ нѣсколькими лакунами, какъ кажется, было не единственнымъ, ибо позднѣйшія памяти передаютъ кое-что такое, чего въ семъ житіи не находится [2]). Къ сожалѣнію авторъ болѣе занятъ фокусами Иліодора, нежели дѣятельностью епископа. Въ предисловіи онъ говоритъ, что церковь побуждаетъ насъ отвергать ереси и любить божественную мудрость; въ числѣ еретиковъ помянуты: Манесъ, Арій, Несторій, Савеллій, Маркеллъ и Василидъ; чистоту вѣры необходимо хранить по ученію шести вселенскихъ соборовъ (§ 1). Считая себя лишеннымъ краснорѣчія, онъ однако приступаетъ къ прославленію Льва, уроженца «знаменитѣйшей» Равеннской митрополіи, гдѣ онъ управлялъ церковными дѣлами. Послѣ кончины епископа Савина жители города при назначеніи преемника ему волновались; наконецъ избранъ былъ Левъ на каѳедру «архіепископа нашего Верилла» (перваго епископа Катанскаго). Онъ обнаружилъ заботу о бѣдныхъ, вдовахъ и сиротахъ (§ 2).

Въ его время жилъ нѣкій магъ Иліодоръ, сынъ патрикіи Варвары, добивавшійся начальства; онъ пригласилъ къ себѣ одного еврея, тоже мага, для содѣйствованія ему; еврей посовѣтовалъ Иліодору въ бурную ночь идти на могилы Героевъ, подняться на большую колонну и schedam in auras discerere. Иліодоръ такъ и сдѣлалъ; ему предсталъ демонъ, обѣщавшій, если онъ проклянетъ Христа, дать ему одного изъ слугъ своихъ, Гаспара, который

---

1) Филаретъ неточно именовалъ ее Младшею, Сергій—Константинопольскою (по жизни до замужества) то есть также неточно; Житіе называетъ ее Новою, точнѣе сказать — Младою. Правильнѣе ее слѣдовало бы именовать Визійскою, по мѣсту ея страдальческой жизни и по мѣсту ея погребенія.

2) Patres, filii ac fratres, hortatur nos catholica (въ одномъ латинскомъ переводѣ): AA. SS. Boll., Февраль, III, 223—225.

будетъ ему повиноваться во всемъ (§ 3). Послѣ этого Иліодоръ вооружился противъ Льва, но потерпѣлъ неудачу. Въ день, когда, по обычаю въ Катанѣ, праздновались цирковыя торжества, онъ обратился къ Хрисису (Chrysis), родственнику Львову, и заявилъ, что можетъ дать ему коня, который передъ епархомъ обгонитъ всѣхъ другихъ. Хрисисъ пожелалъ имѣть такую лошадь и получилъ ее, сѣлъ верхомъ и обогналъ всѣхъ, чѣмъ поразилъ присутствовавшихъ и особенно епарха, который послалъ двухъ воиновъ привести ему и лошадь, и ея наѣздника; но лошадь скрылась, ибо это былъ демонъ, а юноша лишился языка. Его привели къ епарху Лукію; этотъ пожелалъ послать его лошадь къ императорамъ, для ихъ цирковыхъ игръ, но не видя коня, посадилъ Хрисипа въ темницу (§ 4). Левъ, узнавъ о томъ, явился къ епарху и заявилъ, что у юноши нѣтъ ни черпаго, ни бѣлаго коня, что всему виною Иліодоръ. Епархъ отпустилъ Хрисиса и велѣлъ заключить въ оковы мага. Ведомый въ тюрьму, Иліодоръ подкупилъ воиновъ за три фунта золота, въ которое онъ обратилъ поднятый съ дороги камень, и былъ отпущенъ на свободу. Воины сообщили епарху басню, что Иліодоръ убѣжалъ на магически изготовленномъ конѣ, и остались ненаказанными; золото обратилось снова въ камень (§ 5). Такими поступками Иліодоръ возмутилъ не только Катану, но и всю Сицилію. Силою волшебства онъ превзошелъ Симона мага. Встрѣчались ли ему женщины, онъ говорилъ своимъ пріятелямъ: а что, друзья, если я сдѣлаю, что онѣ на глазахъ у всѣхъ будутъ раздѣваться? — и дѣлалъ такъ, что женщины какъ бы переходили рѣку и подымали подолъ до колѣна. Попадались ли ему купцы, онъ скупалъ у нихъ товаръ за золото, оказывающееся потомъ простымъ камнемъ, и тѣмъ разорялъ ихъ; купцы пожаловались на него епарху; дочери знатныхъ родителей влюблялись такъ, что бросали отцовскіе домы и бѣжали, куда хотѣли (§ 6). Епархъ написалъ императорамъ слѣдующее донесеніе: «Величайшимъ царямъ и владыкамъ нашимъ Лукій епархъ. Справедливо, владыки, что нельзя скрывать отъ вашихъ священныхъ ушей того, что у насъ дѣлается, но тщательно обнаружить все, что случилось у насъ въ счастливое ваше царство. Въ семъ градѣ нашемъ есть нѣкій магъ по имени Иліодоръ, сынъ патрикіи Варвары, настолько губительный и пронырливый, что не уступитъ Симону магу. Онъ жалко поразилъ весь городъ. Мы видимъ, что дочери знатнѣйшихъ гражданъ, наэлектризованныя его чарами, покидаютъ отцовскіе домы и блуждаютъ туда-сюда; другихъ въ

дорогѣ, представивъ имъ ложный видъ рѣки, заставлялъ нескромно обнажаться; камни обращалъ въ золото; побуждалъ народъ къ идолопоклонству; настоящее положеніе есть элементъ воздуха, дабы вырвавшееся пламя Этны не сожгло города, ибо огненная гора есть... вулкана. Вотъ, что должно быть сообщено вашимъ священнымъ ушамъ, императоры. Прощайте, владыки наши» (§ 7). Получивъ это извѣстіе, «императоры наши Левъ и Константинъ, крайне негодуя за то, что тотъ осмѣлился посягнуть на самую церковь, посылаютъ въ Сицилію протостратора (? protocursor) Ираклида доставить Иліодора въ Константинополь въ теченіи 30 дней. Ираклидъ отправился на островъ въ тотъ же мѣсяцъ. Лишь только корабль присталъ къ Сициліи, его встрѣтилъ самъ Иліодоръ и спросилъ моряковъ: не Иліодора ли вы ищете? я самый и есть; я желалъ бы лучше умереть у ногъ императоровъ, нежели жить въ самихъ несчастіяхъ: я не хотѣлъ бѣжать, хотя бы и легко могъ сдѣлать это, я добровольно пришелъ къ вамъ (§ 8). Забравъ на обратный путь вина, хлѣба, воды и всего необходимаго, Ираклидъ колебался, точно ли это Иліодоръ; изъ 30 опредѣленныхъ дней прошло уже 15, но Иліодоръ сказалъ, что онъ въ одинъ день доставитъ ихъ въ Византію, и Ираклидъ пригрозилъ, что если онъ не исполнитъ этого, то будетъ имъ утопленъ въ безднѣ. Магъ предложилъ ему сходить въ баню, велѣвъ постороннимъ выйти во внутреннюю келлію и запретилъ имъ называть Христа. Вскорѣ головы ихъ окунулъ въ воду, и вдругъ они увидѣли себя перенесенными въ бани столицы; Ираклидъ узналъ царскую баню. Вышли оттуда и одѣлись. Иліодора представили императорамъ и сообщили, какъ еще вчера они были въ Катанѣ, а теперь въ Константинополѣ (§ 9). Но цари велѣли казнить Иліодора. Послѣдній именемъ Христа просилъ дать ему воды и чашу. Когда-то и другое было принесено, Иліодоръ внимательно посмотрѣлъ на воду, и со словами «будь здоровъ, императоръ, ищи меня въ Катанѣ», исчезъ изъ глазъ. Цари послали Ираклида въ Сицилію; но когда этотъ приблизился къ берегамъ острова, навстрѣчу ему явился Иліодоръ со словами: не сомнѣвайся, что я самъ есть, будь увѣренъ, что я сдѣлаю то, что ты въ одинъ день снова достигнешь Византіи. Ираклидъ уже не сомнѣвался въ этомъ и остался въ Катанѣ до послѣдняго дня (§ 10). Въ послѣдній день Иліодоръ первый явился въ гавань; за нимъ шли всѣ граждане съ желаніемъ сжечь его; но Ираклидъ сказалъ, что это наказаніе — дѣло самихъ императоровъ. Иліодоръ, оторвавъ лавровую лозу, сдѣлалъ на

морѣ корабль; придѣлавъ весла, корму, носъ, снабдивъ судно всѣми необходимыми припасами, онъ вошелъ съ Ираклидомъ на судно, которое тотчасъ двинулось въ путь. На вопросъ, гдѣ мы? кормчій отвѣтилъ: въ виду Регія; на новый тотъ же вопросъ черезъ минуту, послѣдовалъ отвѣтъ: у Кротона; на вопросъ въ третій разъ отвѣтъ: у Идронто. Итакъ въ одинъ день они прибыли въ Византію. Когда корабль вошелъ въ гавань «Вуколеонъ», Иліодоръ вышелъ съ судна и исчезъ (§ 11). Страторисса Ѳалія увидѣла своего мужа Ираклида изъ триклинія, увидѣла и Иліодора, на котораго плюнула и сказала: видите, какой это лжецъ, заставившій моего мужа два раза путешествовать въ Сицилію. Магъ отвѣтилъ: не я буду, если не обезславлю тебя въ этомъ городѣ. Онъ своими чарами погасилъ всѣ огни въ городѣ. Цари, узнавъ о томъ, потребовали уморить Иліодора голодомъ. Но народъ... чѣмъ сильнѣе просилъ, что само государство терпитъ голодъ. Когда магъ былъ приведенъ къ императорамъ, его спросили: правда ли, что ты устроилъ, что городъ чахнетъ отъ голода? тотъ отвѣтилъ: какъ будто; и если меня накажете, я сдѣлаю то, что огонь появится, но вы его не увидите. Тогда кесари приказали обезглавить его; но когда палачъ поднялъ правую руку для нанесенія удара мечемъ, появились два шара, разрубили крышу, и Иліодоръ скрылся между ними, повторивъ: будь здоровъ царь, ищи меня въ Катанѣ (§ 12). Граждане, узнавъ, что дѣло дошло до огня, вызвали страториссу Ѳалію, которая лишь засвидѣтельствовала доблесть св. Льва. Послѣдній пытался обратить Иліодора на путь истины, но когда Лукій долженъ былъ предать его смерти, Левъ отказался отъ увѣщаній. Иліодоръ не сомнѣвался подѣйствовать на святого своими чарами: нѣкогда, когда тотъ совершалъ литургію, магъ вошелъ въ церковь и возбудилъ въ однихъ смѣхъ, въ другихъ негодованіе (§ 13). Онъ хвастался, что заставитъ епископа съ пресвитерами и клиромъ плясать передъ народомъ. Узнавъ о томъ, Левъ помолился, явился къ Иліодору, надѣлъ ему на шею орарь, заклялъ его волшебства и увелъ въ мѣсто «Ахиллесъ», гдѣ предалъ его сожженію; «такимъ образомъ святѣйшій исхитилъ насъ отъ опасности мага» (§ 14).

«Нельзя умолчать и того, что случилось съ женою одного сенатора, страдавшею въ Сиракузахъ кровотеченіемъ и безполезно потратившею много денегъ на докторовъ; наконецъ она отправилась ко Льву; когда она явилась къ Аріаннымъ воротамъ (porta Ariana), она узнала о знаменіяхъ въ церкви; съ вѣрою прикоснулась къ мощамъ святого

и выздоровѣла отъ смертельной болѣзни (§ 15). — Въ пѣснопѣніи ему, приписываемомъ Питрою Θеодору Студиту, объ этомъ замѣчено: αὐτὸς γυναικὸς αἵματος ῥύσιν ἐξήρανε [1]. — Молитвою и слезами Левъ разрушилъ идола, котораго почиталъ безбожный Декій (тамъ, гдѣ стояло капище языческое, нынѣ находится храмъ 40 мучениковъ), и на мѣсто его поставилъ крестъ (§ 16). Левъ скончался 20 Февраля (§ 17). — Обыкновенно, кончину Льва относятъ круглымъ числомъ къ 780 году; въ 787 году Катанскимъ епископомъ, присутствовавшимъ на соборѣ, былъ уже Θеодоръ.

Памяти перенесенія мощей св. апостола Варθоломея съ острова Липари въ г. Беневентъ въ греческой литературѣ не существуетъ; но самый фактъ перенесенія извѣстенъ намъ болѣе или менѣе точно съ одной стороны со словъ Никиты-Давида Пафлагонянина, а съ другой на основаніи свидѣтельства Анастасія Библіотекаря, и представляетъ интересную страницу изъ жизни далекой окраины византійскаго міра.

Оба эти свидѣтельства читаются слѣдующимъ образомъ. Анастасій, дополняя разсказъ св. Θеодора Студита о св. Варθоломеѣ, говоритъ: «Итакъ нашедшіе сарацины опустошили и разграбили вышеназванный островъ (Липару) и, набросившись на могилу апостола, разсѣяли его кости по разнымъ мѣстамъ. Когда они вскорѣ ушли, тотъ же апостолъ Божій, явившись во снѣ одному греческому монаху, который состоялъ стражемъ той церкви, сказалъ ему: «встань, собери мои кости, которыя разсѣяны». Тотъ ему отвѣтилъ: «зачѣмъ собирать твои кости, или какую честь мы должны тебѣ оказывать, когда ты попустилъ насъ и народъ тотъ быть уничтоженными со стороны поганыхъ, и нисколько не помогъ намъ?» Но тотъ сказалъ: «въ теченіе долгаго промежутка лѣтъ я молилъ Господа за сей народъ, и посему моими молитвами они стали нынѣ въ безопасности, — смилостивился всемогущій Богъ; но такъ какъ зло народа умножилось и неправедность его возросла чрезмѣрно, поэтому онъ и погибаетъ. Ты только встань и собери, какъ я сказалъ, мои кости и тщательно схорони ихъ, какъ я тебѣ повелю». Тотъ монахъ сказалъ ему: «а какимъ образомъ я могу найти ихъ, — я, который не знаю, гдѣ онѣ разсѣяны?» Апостолъ говорилъ ему: «иди ночью для сбора ихъ, и что ты увидишь блестящимъ подобно огню, то ты подыми, ибо это суть поистинѣ мои кости». Тотъ, тотчасъ поднявшись, направился къ мѣсту и нашелъ,

1) Pitra. Anecdota sacra. Paris 1876, I, 564.

какъ сказалъ апостолъ, увѣренно собралъ ихъ и спрятанныя въ мѣстечкѣ тщательно схоронилъ и ушелъ, оставивъ тамъ своего товарища. И когда для наблюденія за сарацинами пришли туда суда Лангобардовъ, то по внушенію Божію они находящагося тамъ монаха и тѣло святого апостола взяли и ушли. Нашедшіе же сарацины окружили тотъ корабль, въ которомъ везлось святое тѣло апостола, такъ что не было никакой надежды на спасеніе. Тогда явился густѣйшій мракъ передъ сарацинскими кораблями, такъ что они не знали, куда идти. И такимъ образомъ тотъ корабль былъ освобожденъ. Когда они еще шли въ море, божественная милость апостола, заступничествомъ его, спасла одного изъ моряковъ корабля того отъ тяжелой болѣзни. Выйдя же на землю, они съ великою честью принесли святое тѣло апостола въ Беневентъ и положили его въ алтарѣ, въ 809-омъ году (anno octingentesimo nono) отъ воплощенія Господа, мѣсяца октября въ 25 день» [1]). Итакъ Анастасій Библіотекарь пріурочиваетъ занятіе сарацинами о. Липары и перенесеніе мощей апостола къ опредѣленному и точному времени—къ 25 октября 809 года. Никита-Давидъ Пафлагонянинъ относитъ это событіе къ болѣе позднему времени. «По прошествіи очень многихъ лѣтъ, говоритъ онъ, въ послѣднія времена, во дни царя Θеофила (829—842), крѣпость, въ которой лежалъ святой апостолъ, за умноженіе беззаконій нашихъ была взята агарянами и весь островъ Липара сталъ необитаемъ. Тогда властитель города Беневента, узнавъ объ апостольскихъ чудесахъ, движимый горячею вѣрою къ святому, пригласивъ нѣкоторыхъ людей-мореходовъ изъ города Амальфи, поручилъ (имъ) отправиться и принести къ нему оное многоцѣнное сокровище, что и было (исполнено)» [2]). Разница въ 20 или 30 лѣтъ въ этихъ свидѣтельствахъ IX и IX—X вѣковъ приводила въ смущеніе прежнихъ ученыхъ, напр. Комбефиса, который такъ и не вышелъ изъ этого затрудненія, не зная, отдать ли предпочтеніе Анастасію, или Никитѣ-Давиду на счетъ дѣйствительнаго времени перенесенія мощей апостола.

Мы со своей стороны уже имѣли случай касаться этого разно-

---

1) L. d'Achery. Spicilegium sive collatio veterum aliquot scriptorum, qui in Galliae bibliothecis delituerant. Parisiis 1723, II. 126=Migne. Patrologia latina, t. CXXIX. col. 729—736.

2) Fr. Combefis. Bibliothecae graecorum patrum auctarium novissimum. Parisiis 1672, I. 400 = Migne. Patrologia graeca, t. CV. col. 217: ἐν ταῖς ἡμέραις Θεοφίλου τοῦ βασιλέως τοῦ φρουρίου ὑπὸ τῶν Ἀγαρηνῶν συλληφθέντος καὶ πάσης τῆς νήσου Λιπάρας ἀοικήτου διαμεισάσης.

гласія[1]) и высказались за то, что свидѣтельства обоихъ писателей, вмѣсто того, чтобы одно изъ нихъ отвергнуть, а другое подкрѣпить, могутъ быть помирены между собою. Во-первыхъ несомнѣнно, что оба извѣстія исходятъ изъ греческихъ источниковъ; но византійцы при счетѣ времени почти никогда не руководствовались лѣтосчисленіемъ отъ Рождества Христова: у нихъ счетъ велся по годамъ царствованія того или другого императора. Поэтому дата Анастасія 809 означаетъ, что событіе имѣло мѣсто на 7-мъ году царствованія имп. Никифора (802+7=809). Съ другой стороны арабскіе хронисты сообщаютъ, по словамъ А. А. Васильева, что въ 836 г. арабскій «флотъ подъ начальствомъ Фадл-ибн-Якуба грабилъ близъ лежащіе (къ Сициліи) острова, по всей вѣроятности Эолійскіе, завоевалъ нѣсколько крѣпостей, въ томъ числѣ Тиндаро, на сѣверномъ берегу Сициліи, и вернулся въ Палермо»[2]). Принимая во вниманіе, что Эолійскіе острова назывались также и Липарскими, по имени одного изъ семи — Липары, и что дата 836 есть седьмой годъ царствованія имп. Θеофила (829+7=836), мы сводимъ весь вопросъ къ тому, при Никифорѣ, или при Θеофилѣ имѣло мѣсто нападеніе арабовъ на о. Липару? За Никифора подаетъ голосъ одинъ Анастасій, за Θеофила—съ одной стороны Никита-Давидъ Пафлагонянинъ, съ другой греческая минея и славяно-русскій прологъ (25 августа), а съ третьей арабскіе лѣтописцы. Но во времена Никифора совершенно неизвѣстно нашествій арабскаго флота не только на Липарскіе острова, но даже и на Сицилію. Очевидно, Анастасій при переложеніи византійской системы датированія на общепринятую на западѣ спутался, вмѣсто Θеофила принявъ Никифора. Поэтому въ высшей степени вѣроятно, что занятіе Липары и, стало быть, перенесеніе мощей ап. Варθоломея съ Липары въ Беневентъ произошло 25 октября 836 года.

Липара представляется, можно сказать, конечнымъ пунктомъ византійскихъ владѣній на западѣ въ IX вѣкѣ. Здѣсь жило какое-то точно неизвѣстное населеніе, но въ храмѣ съ мощами апостола были греческіе монахи, которые состояли и стражами церковныхъ святынь. Въ виду того, что островъ лежалъ въ чертѣ арабскихъ набѣговъ, онъ состоялъ подъ охраною лангобардовъ, которые время отъ времени посылали къ нему свои корабли для надзора за сарацинами. Эти лангобарды повидимому были полными хозяевами на островѣ и могли

---

1) Ж. М. Н. Пр. 1901, ноябрь, стр. 189—194.

2) А. Васильевъ, Византія и Арабы. Спб. 1900, стр. 112.

брать съ него все, что считали нужнымъ. Такъ они увезли въ Беневентъ мощи ап. Варѳоломея, но увезли и греческаго монаха, стража церковнаго: вѣроятно, это былъ послѣдній изъ греческихъ могиканъ на Липарѣ.

ГЛАВА XVIII.

Калабрія.

Житіе Иліи Новаго.

Если Калабрія и Великая Греція и въ болѣе старое время была населена преимущественно греками, то со времени иконоборчества, когда преслѣдуемое монашество бѣжало изъ Византіи на окраины имперіи, южная Италія положительно наводнилась греческими монахами и усѣялась многочисленными греческими обителями ордена св. Василія. Одинъ такой монастырь былъ созданъ въ Салинѣ св. Иліею Новымъ, житіе котораго здѣсь разсматривается.

Изъ житія видно, что неразлучнымъ спутникомъ Иліи въ его постоянныхъ путешествіяхъ былъ его ученикъ Даніилъ, сынъ Іоанна, уроженецъ Тавроменія, прославившійся также святостію. Въ сицилійскомъ Каіетановомъ мартирологѣ память его изложена въ слѣдующихъ выраженіяхъ: beati Danielis, monachi Tauromenitani, s. Eliae discipuli. И если житіе изобилуетъ множествомъ подробностей интимной жизни учителя и ученика, то безъ всякаго сомнѣнія Даніилъ былъ почти единственнымъ человѣкомъ, который могъ разсказать жизнь св. Иліи со всѣми мелочами. Но мы не можемъ допустить, чтобы агіографомъ былъ именно Даніилъ; онъ рисуется лицомъ, только разсказывавшимъ объ Иліи, но не писавшимъ его житія. Болландистъ J. Pien (Pinius) называетъ его анонимомъ; но если бы нужно было все-таки отмѣтить имя вѣроятнаго агіографа, мы могли бы указать на инока Савву, другого ученика святого, который хотя не такъ часто былъ въ обществѣ Иліи, но который могъ написать житіе своего учителя со словъ Даніила.

Илія происходилъ родомъ изъ сицилійскаго города Enna. — Это одинъ изъ старѣйшихъ городовъ Сициліи, на мѣстѣ нынѣшняго Castrogiovanni[1]). Славные родители его были изъ фамиліи Rachetarum (Ῥα-

1) См. карту къ Murray: Handbook for travellers in Sicily. London 1864, и p. 221—222.

χέται? Racchetta). Родившійся мальчикъ былъ названъ Іоанномъ. Eam urbem cum essent Carthaginenses depopulaturi, родители съ пожитками перебрались in sanctae Mariae castrum. — Enna былъ взятъ сарацинами въ 831 г.; мѣстоположеніе Castromaria (?) неизвѣстно, но болландисты думаютъ, что этотъ городъ лежалъ въ области Средиземнаго моря. — Здѣсь на восьмомъ году возраста Іоаннъ успѣвалъ въ правахъ (§ 3). — Болландисты, относившіе паденіе Ennae къ 831 г., полагали, что Іоаннъ родился въ 823 г., напротивъ Амари утверждаетъ, что святой родился въ 828 или 829 году (I, 512). Это тѣмъ страннѣе, что въ годъ его кончины (904) ему было 80 лѣтъ. — Ночью во снѣ онъ услышалъ голосъ: Іоаннъ, тебѣ нужно быть уведеннымъ въ плѣнъ въ Африку, гдѣ ты долженъ будешь наставить на путь истины слабыхъ въ вѣрѣ. Это сновидѣніе Іоаннъ повѣдалъ родителямъ. Послѣдніе поэтому не выпускали его одного вонъ изъ города. По достиженіи 12-лѣтняго возраста (въ 835 г.) онъ началъ заниматься Св. Писаніемъ (§ 4). Онъ возвѣстилъ, что Castromaria будетъ взятъ (Сарацинами) черезъ три дня, поименно называя, кто будетъ при этомъ убитъ. Народъ бросился къ юношѣ, ища спасенія, Іоаннъ призывалъ его къ покаянію (§ 5). At cum Saracenorum adventus jam propius immineret, родители Іоанна отправились въ одно село, а юноша остался дома. Товарищи упросили его выйти изъ города. Сарацины въ это время напали на мальчиковъ и всѣхъ ихъ забрали. Имъ грозила неволя въ Африкѣ, но одинъ христіанинъ выкупилъ ихъ (§ 6). Іоаннъ увидѣлъ во снѣ λευκοφόρον ἱππότην, который спросилъ его: что ты плачешь? — Я лишенъ родителей. — Утѣшься: сегодня ты и твои спутники (болѣе 220 человѣкъ), вы увидите ихъ. — Кто ты? — Я апостолъ Ананія (§ 7), и при этомъ Ананія прибавилъ: знайте, что сегодня вы попадете въ руки греческихъ воиновъ, то-есть греческаго сицилійскаго гарнизона, оберегавшаго островъ отъ Сарацинъ. И дѣйствительно: въ 8-мъ часу явилось судно какъ бы изъ Сиракузъ, освободило (quasi Syracusis salvisset) и забрало ихъ, такъ что плѣнники очутились на свободѣ (§ 8). Но вотъ голосъ повелѣлъ Іоанну переплыть mare periculosissimum въ Африку, какъ нѣкогда и было ему указано (§ 9).

Non multo post, ecce tibi Agarenorum irruptio priore longe crudelior atque immanior. Когда юноша находился вдали отъ вышеупомянутыхъ городовъ, онъ былъ схваченъ, но купленный снова однимъ христіаниномъ, былъ отведенъ въ Африку, гдѣ былъ перепроданъ другому христіанину. Послѣдній полюбилъ Іоанна (какъ Фараонъ

Іосифа), сдѣлалъ его управляющимъ всего дома и ввѣрилъ ему всѣ свои дѣла; юношу уважали не только африканскіе христіане (qui inibi versabantur), но и измаильтяне (§ 10). Далѣе въ общихъ чертахъ повторяется Іосифова исторія. Но вотъ во снѣ голосъ ему сказалъ: успокойся: ты скоро освободишься отъ бѣдъ, ибо преступная meretricula падаетъ въ яму, которую она рыла. Черезъ два дня послѣ того мужъ накрылъ ее въ прелюбодѣяніи и выгналъ ее изъ дома.

Оставивъ этотъ домъ, Іоаннъ рѣшился плыть въ Палестину и тамъ принять иночество (§ 14). Однажды христіанинъ велъ споръ съ измаильтяниномъ о вѣрѣ и въ порывѣ негодованія разбилъ ему голову палкою. Оба они были представлены эмиру (ad ameram). Послѣдній велѣлъ сарацына отвести домой, а христіанина обезглавить. Видя это, Іоаннъ спѣшитъ къ умирающему, обнимаетъ ему голову и исцѣляетъ, потомъ идетъ къ префекту и разсказываетъ чудо народу. Эмиръ удивился и освободилъ христіанина отъ смертной казни (§ 15). Послѣ сего много недужныхъ сарацинъ приходило къ Іоанну, онъ исцѣлялъ ихъ и крестилъ. Среди достойныхъ священноцерковно-служителей въ то время выдѣлялся блаженнѣйшій епископъ Панталеонъ, украшенный разными добродѣтелями, на головѣ котораго Іоаннъ видѣлъ голубя (§ 16). Позванный на судъ къ эмиру (ameramnem), Іоаннъ держалъ себя мужественно и съ достоинствомъ.

Іоаннъ прибылъ въ Іерусалимъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и поклонился Гробу Господню (§ 17). — Hic Rhodus, hic saltus, замѣчаетъ издатель; Nam quid e mense isto in rem praesentem extundas, quando annus non additur? справедливо замѣтилъ Болландистъ J. Pinius (§ I n° 7). Этотъ ученый полагалъ, что Илья принялъ монашество на 52 г. своей жизни, т. е. по его разсчету въ 875 г.; но въ XVIII вѣкѣ свѣдѣнія о патр. Иліи не отличались точностью. Путешествіе сицилійцевъ въ Палестину было довольно обычнымъ; паломничество совершали: св. Григорій еп. Агригентскій, Симеонъ, сиракузскій монахъ св. Бенедикта, дѣва Марина изъ г. Сканія, Канонъ Незитанскій и т. д. — Въ то время правилъ Іерусалимскою церковью патріархъ Илія (879—907 или 881—910), vir admirabilis, caelestique prudentia ornatissimus, qui incomparabili sapientia et doctrina orthodoxa ecclesiam mirum in modum illustravit. Прибытіе къ нему Іоанна было возвѣщено свыше. Патріархъ постригъ Іоанна на горѣ Голгоѳѣ и нарекъ его своимъ именемъ — Иліею. Проведя нѣсколько дней въ Іерусалимѣ для поклоненія святымъ мѣстамъ, новопостриженный инокъ Илія отправился

спачала на Іорданъ, въ Геннсаретъ, на г. Ѳаворъ, на мѣсто quem «Duodecim sedes» vocant (мѣстоположеніе котораго неизвѣстно) и на Синай (§ 18). Здѣсь Илія жилъ три года, ревностно изучая и исполняя монастырскій уставъ. Затѣмъ онъ прибылъ въ Александрію [1]), около которой исцѣлилъ бѣсноватаго и многихъ другихъ. Вечеромъ онъ вошелъ въ sancta martyrum templa евангелиста Марка, епископа-мученика Петра, Мины и Кира и Іоанна (§ 19). Отсюда Илія отправился въ Персію, Антіохію и Африку (?). Встрѣтивъ 12 сарацинъ, истомленныхъ въ пути, Илія вступилъ съ ними въ бесѣду (§ 20) и обратилъ ихъ къ истинной вѣрѣ (§ 22).

Пройдя Африку, Илія прибылъ въ Сицилію и въ Панормѣ встрѣтилъ свою мать, украшенную всякими добродѣтелями, которой разсказалъ о своемъ путешествіи. Съ нею онъ жилъ много дней. Per id tempus cum Agarenorum princeps classem aciemque instrueret adversus Rheginos, noster christianissimus imperator (erat is Leo clementissimus, 886—911) Basilium quemdam, cognomento Nasar, ducem constituit ac Rhegium cum quadraginta quinque navibus ad obsistendum hosti mittit. Тогда Илія omnibus liquido praedicabat et graecorum victoriam ac cladem Agarenorum (§ 23). Когда агарянскій флотъ изъ Панорма отправился въ Rhegium, всѣ жители думали о своей погибели, но Илія сказалъ: не бойтесь, Господь будетъ сражаться за васъ. Тогда вождь Василій съ нѣкоторыми избранными воинами, встрѣтившись съ врагомъ, часть варваровъ разбилъ, часть утопилъ въ морѣ, часть взялъ для трофея. Такъ исполнилось предсказаніе святого [2]). — Если допустить послѣдовательность разсказа нашего агіографа, то надо будетъ сознаться, что мы живемъ въ царствованіе Льва Мудраго. Личность Насара извѣстна; но свѣтская анналистика говоритъ, что Насаръ въ качествѣ адмирала флота успѣшно боролся съ сарацинами въ царствованіе имп. Василія I. Послѣдній, отмѣченный хрониками, походъ его относится къ 881 году, когда онъ у Мессинской Меѳоны разбилъ 12,000 африканскихъ сарацинъ на 60 корабляхъ и преслѣдовалъ ихъ въ Сицилію, Африку и Лангобардію [3]).

Отправившись изъ Панорма, Илія прибылъ въ Тавроменій (нынѣ

1) По Амари (I, 515), Alessandria o forse Alessandretta.

2) Tum Basilius dux cum nonnullis delectis militibus hosti occurrens, partem barbarorum fudit, partem in mare deturbavit atque demersit, nonnullos superstites dum cunctando sibi salutem quaeruat, cepit, ut de his triumphatis victoriae trophaeum erigerat: sic vaticinationem divini patris nostri Eliae minime vanam fuisse comprobavit eventus.

3) Muralt p. 462.

Taormina) и здѣсь жилъ нѣсколько дней. Одинъ здѣшній юноша пожелалъ принять отъ него монашество; Илія постригъ его подъ именемъ Даніила. Затѣмъ святой сказалъ послѣднему: пойдемъ отсюда, ибо я предвижу большія несчастія этому городу со стороны Агарянъ, ибо вождь Barsamius будетъ побѣжденъ варварами. И вмѣстѣ съ Даніиломъ онъ отправился въ Пелопоннисъ (§ 24), — Βαρσάμιος'а, греческаго полководца и адмирала, не знаетъ византійская хронографія; но въ арабскихъ хроникахъ находится извѣстіе, что адмиралъ Насаръ въ битвѣ при мессинской Меѳонѣ разбилъ 12,000 африканскихъ арабовъ и что греческій капитанъ Варсамій былъ разбитъ арабами у Таормины. Агіографъ, описывая пророчество св. Иліи, совершившееся въ 902 г., для подтвержденія его описываетъ упомянутыя экспедиціи Насара и Варсамія. Выходитъ, что діаконъ говорилъ агіографу о пораженіи грековъ настолько въ общихъ выраженіяхъ, что авторъ, пожелавъ рельефнѣе представить событія, спутался, назвавъ имена дѣятелей не современныхъ, а болѣе чѣмъ 20-ю годами ранѣе, такъ что о событіи собственно 902 г. у него нѣтъ въ сущности никакихъ особыхъ извѣстій.

По словамъ Каіетана, стиль житія св. Иліи neglestus ac satis simplex, sed historiam existimo magna cum fide conscriptam.

Былъ ли агіографомъ Савва, или анонимный инокъ Салинскаго монастыря, онъ написалъ житіе со словъ Даніила уже тогда, когда по смерти Иліи тѣло его было перенесено въ Калабрію и около него совершались чудеса, то есть не ранѣе 905 или 906 года, когда служители, къ которымъ обращался съ рѣчью агіографъ, еще видѣли, знали и слышали самого святого.

Житіе Иліи Новаго[1]) — памятникъ западно-греческой агіографіи и въ этомъ его главное значеніе. События, относящіяся до Сициліи и южной Италіи, изложены въ хроникахъ очень спорадически, случайно, мимоходомъ, тогда какъ въ разсматриваемомъ житіи они представлены болѣе или менѣе цѣльно и, главное, въ послѣдовательномъ порядкѣ. Въ лицѣ Иліи рисуется намъ типъ монаха-скитальца изъ Южной Италіи, постоянно мѣнявшаго мѣста своего пребыванія, изъѣздившаго Европу, Азію и Африку, побывавшаго и въ Старомъ и въ Новомъ

---

1) Cod. monast. s. Salvatoris (близъ Мессаны): Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἠλίου τοῦ νέου (Τῶν τῆς ἀρετῆς ἀθλητῶν); латинскій переводъ іезуита Августина Флорита (Operae pretium est) у Caietanus'а въ Vitae sanctorum Siculorum, II, 63, sq. и въ AA. SS. Boll. августъ, III, 489—509.

Римѣ, умершаго въ Солунп, но пожелавшаго быть погребеннымъ въ своемъ монастырѣ въ Калабріи. Попутно разсказывается вкратцѣ о лицахъ, съ которыми встрѣчался святой, дается характеристика ихъ и вообще сообщаются свѣдѣнія о событіяхъ въ разныхъ частяхъ свѣта въ концѣ IX и начала X вѣка.

Цѣнность памятника, стоящая внѣ всякаго сомнѣнія, къ сожалѣнію, однако значительно умаляется въ виду слабости агіографа въ дѣлѣ сохраненія исторической перспективы. Особенное повидимому впечатлѣніе на автора произвелъ памятный 881-й годъ, когда въ южной Италіи произошло весьма крупное событіе: византійскій Barsas былъ побѣжденъ Mohammed'омъ Ben-Alfadhl'омъ въ 881 году [1]), то есть и здѣсь опять мы встрѣчаемся съ разсказомъ изъ болѣе ранняго времени, нежели къ какому пріурочиваетъ событіе агіографъ. Паденіе Тавроменія относится къ 902 году [2]). Разсказъ о пораженіи грековъ у Rhegium'a записанъ также Іоанномъ, діакономъ Неаполитанскимъ, въ Мученичествѣ св. Прокопія Тавроменскаго († 903 г.).

Въ предѣлахъ Спарты (ea est Laconum urbs) Илія съ Даніиломъ пребывали въ храмѣ Космы и Даміана. Здѣсь святой исцѣлилъ Даніила и двухъ дѣвушекъ отъ демона (§ 25). Послѣ того, какъ предсказаніе Иліи о пораженіи вождя Тавроменійскаго войска Варсамія исполнилось, оба инока изъ Спарты прибыли въ Botrotum (Buthrotum?), это, замѣчаетъ агіографъ, городъ древняго Епира, гдѣ въ то время находился Epinius, qui secundas a duce exercitus tenebat, homo impius, ventosus ac protervus. Эпиній назвалъ прибывшихъ монаховъ агарянами и подкупленными лазутчиками и ввергъ ихъ въ тюрьму (§ 26). — Отсюда видно, что Buthrotum, какъ вѣроятно и другіе греческіе города въ области Средиземнаго моря, находились на положеніи усиленной охраны, когда прибытіе путешественниковъ въ городъ встрѣчалось съ большимъ недовѣріемъ и подозрительностью, когда въ каждомъ новоприбывшемъ, хотя бы даже и въ монашеской рясѣ, готовы были видѣть переодѣтаго сарацынина; поэтому неудивительна строгость Эпинія, арестовавшаго Илію и Даніила. — Богъ покаралъ за это Эпинія: лошадь наступила на грудь судьѣ, и онъ погибъ; народъ возрадовался его смерти и воспѣлъ хвалу Богу.

1) Muralt 739; Amari, Storia dei musulmani di Sicilia, Firenze 1854, I, 417—418, 516.

2) Murray's Sicily, p. 461.

Намѣреваясь ѣхать въ Римъ, Илія съ Даніиломъ заѣхали спачала на о. Corcyram, гдѣ они жили у епископа. — Вѣроятно, Пахомія. — Здѣсь Илія исцѣлилъ безумную женщину (§ 27). Изъ Керкиры иноки отправились въ Калабрію и, придя въ предопредѣленное Иліѣ мѣсто Salinae, предались аскезѣ (§ 28). Здѣсь святой предсказывалъ агарянскія нашествія задолго ранѣе, равно предвозвѣщалъ судьбу городовъ Сициліи (§ 30). — Сицилійскій историкъ Каіетанъ отсюда заключалъ, что во время имп. Льва Мудраго много городовъ Сициліи еще не были заняты Сарацинами.

Когда Илія долженъ былъ идти въ Пендадактиль [1]), Даніилъ показалъ ему роскошно написанную имъ псалтирь [2]), но святой велѣлъ ученику бросить ее въ озеро или болото. Даніилъ послушался. И когда, пройдя 6,000 шаговъ, Илія велѣлъ ученику вернуться и взять псалтирь, Даніилъ вернулся и нашелъ рукопись неповрежденной и неподмоченной. При этомъ Илія сказалъ Даніилу: твое послушаніе сохранило книгу (§ 33). Войдя въ часовню св. Пантолеона, иноки увидѣли двухъ мужей въ одѣяніяхъ апп. Петра и Павла, которые велѣли имъ немедленно завтра отправляться въ Римъ. Святой послушался.

Въ Римѣ Илія молился въ храмахъ и былъ почтенъ не обычною почестью со стороны папы [3]). Это былъ Стефанъ, мужъ дивный. — Трудно сказать, имѣется ли въ виду здѣсь папа Стефанъ V (885—891), или Стефанъ VI (896—897); Болландисты склонны видѣть здѣсь VI-го, Амари же V-го (I, 517). — Въ Римѣ Илія жилъ много дней и однажды сказалъ Даніилу: сейчасъ твой отецъ Іона умеръ, но не печалься, ибо онъ прожилъ благочестиво, — а Тавроменій, родина Даніила, по замѣчанію агіографа, отстоялъ отъ Рима въ 22 дняхъ пути [4]). Даніилъ запомнилъ день и часъ пророчества святого; и когда они изъ Рима вернулись въ Калабрію, смерть Іоны подтвердилась — именно въ тотъ день и часъ (§ 34).

Однажды Илія и Даніилъ были въ Rhegium'ѣ. Первый пришелъ къ первопресвитеру Димитрію и сказалъ: благослови насъ, епископе. Димитрій подумалъ, что святой ошибся, принявъ его за другого, но Илія сказалъ: я видѣлъ тебя въ епископскомъ омофорѣ. Протопресвитеръ запомнилъ это. Вскорѣ онъ отправился въ Константинополь,

1) По Каіетану, это — крѣпость на Регинской территоріи, подлѣ мыса Leucopetra, нынѣ Pentidattolo.

2) Psalterium pulchre ac se elaboratum ac fabrefactum ostendebat.

3) Non vulgari honore cohonestatus est ab eo, qui ejus cathedram obtinebat.

4) Atqui distat Tauromenium Roma, ubi tum Elias versabatur, viginti dierum itinere.

видѣлся здѣсь съ патріархомъ и былъ поставленъ епископомъ Керкирской церкви, на мѣсто Пахомія, viri praeclarissimi. — Среди предстоятелей Керкирской церкви въ IX в. Lequien (II, 349) зналъ только перваго архіепископа Арсенія (нач. IX в.) и Михаила (869 г.); теперь мы должны сказать, что преемникомъ Михаила могъ быть Пахомій, за нимъ Димитрій. — Между тѣмъ святой духомъ провидѣлъ пораженіе, нанесенное агарянами г. Rhegium'у. Оставивъ монастырь въ Salinae, оба инока отправились въ Патры. Здѣсь святой исцѣлилъ четырехъ человѣкъ отъ злого духа и предсказалъ уходъ враговъ изъ Rhegium'а. Когда онъ плылъ по Іонійскому морю, поднялась буря; всѣ отчаялись въ спасеніи и искали покровительства у Иліи. Святой перекрестилъ море и буря утихла. Отсюда, пользуясь второю поѣздкою, они прибыли въ Rhegium и въ свой монастырь въ Salinae (§ 35). Отсюда они отправились на Месобіанскія горы; но узнавъ о нашествіи варваровъ, вернулись въ Salinae. Обращая мысленный взоръ на Сицилію, Илія предсказалъ Даніилу кончину своей матери. Ученикъ запасалъ день предсказанія; пріѣхавшіе изъ Панорма подтвердили фактъ смерти старушки въ указанный день (§ 36).

Нѣкій Константинъ, уроженецъ г. Scyllae [1]), мучился artericis doloribus, молилъ святого объ избавленіи и черезъ семь дней выздоровѣлъ (§ 37). Какъ Іона былъ посланъ къ ниневіянамъ, такъ Илія— къ Rheginos, которымъ онъ предсказалъ разграбленіе города. Одни изъ жителей были отведены въ рабство, другіе убиты мечомъ. Илія и Даніилъ отправились in sanctae Christinae castrum и спасли жителей отъ погибели (§ 38). — Castrocristina (?), по замѣчанію Болландистовъ, расположенъ былъ на низменномъ берегу у подошвы Апеннинскихъ горъ, мимо котораго протекаетъ рѣка того же названія.

Затѣмъ иноки возвращаются въ свой монастырь, изъ котораго рѣшаются не выходить. Къ нимъ подъ вечеръ явился начальникъ флота Михаилъ, хорошо извѣстный св. Иліѣ. Онъ спрашивалъ на счетъ исхода кампаніи. Святой сказалъ: если хочешь побѣдить, очисти свой народъ (§ 39), чтобы онъ ни упивался, ни объѣдался, ни развратничалъ. Михаилъ подтянулъ солдатъ и—одержалъ побѣду; многіе изъ Rhegini получили свободу. Послѣ этого Михаилъ еще болѣе сталъ благоговѣть передъ Иліею (§ 40).—Въ царствованіе имп. Льва Мудраго, по сообщенію Іоанна Куропалата, извѣстенъ былъ Михаилъ

1) Городъ Южной Италіи въ проливѣ, отдѣляющемъ Италію отъ Сициліи. «Сцилла и Харибда».

Зиритонъ, но онъ ли здѣсь разумѣется, или какой иной Михаилъ, сказать опредѣленно невозможно. — Когда преподобный (ὁ θεσπέσιος) бесѣдовалъ, послушать его сходились даже многіе епископы (§ 44).

Слава объ Иліи достигла до слуха имп. Льва. Pientissimus ac religiosissimus Leo просилъ святого молиться за его царство и управленіе [1]). Черезъ нѣсколько времени свв. Илія и Даніилъ пожелали ѣхать въ Tauromenium для поклоненія мощамъ св. Панкратія. — Каіетанъ при разсмотрѣніи этого извѣстія безъ достаточнаго основанія полагалъ, что паломники поклонялись мощамъ Панкратія въ годъ разрушенія Тавроменія Сарацинами, то есть въ 903 году. Но не лучше ли воздержаться отъ точнаго пріуроченія этой поѣздки? — По прибытіи сюда Илія узналъ о Brachimi hostis infestissimi exitialem ex Africa adventum ac civitatis vastitatem et cladem. Святой проповѣдывалъ воздержаніе и нравственную жизнь (§ 45), приводя въ примѣръ Эпаминонда и Сципіона, Romanorum imperatoris, которые при воздержности одержали побѣды, одинъ надъ лакедемонянами, а другой надъ карѳагенянами (§ 46). Но патрикій Константинъ и граждане считали слова Иліи пустяками. Находясь въ домѣ Chrysionis, святой сказалъ: видишь ли, Хризіонъ, постель, на которой я лежу? на ней будетъ лежать Brachimus, жадный до человѣческой крови и многіе изъ начальныхъ людей этого города увидятъ стѣны этого дворца посѣченными мечомъ. Но Хризіонъ не обратилъ на это вниманія. Вставши, Илія объявилъ, что отправляется in Amalphetarum urbem. Находясь въ этомъ городѣ, святой поднялъ свои одежды до колѣнъ. Даніилъ спросилъ его: для чего это? — И Илія отвѣтилъ: я вижу потоки крови; великолѣпныя зданія, которыя ты видишь, будутъ разрушены агарянами до основанія (§ 47 [2]). Въ Амальфи Илія и Даніилъ были гостепріимно приняты епископомъ. — По словамъ Болландистовъ, амальфитанскимъ епископомъ около этого времени былъ Ursus, выбранный на каѳедру около 897 г.; въ это время жители вм. «судей» получили отъ Константинопольскаго императора «дожей» (duces) съ титуломъ императорскаго патрикія и протоспаѳарія. — Черезъ немного дней пришла къ нимъ вѣсть о погибели Тавроменія (§ 48). Afer enim multis navibus instructus magnaque vi Tauromenitanos adortus, facili ne-

---

1) ne pro imperio rectaque reipublicae administratione Deum continenter orare gravaretur.

2) Amalphia — митрополія Picentinorum ducatusque amalphitani, въ 30,000 шагахъ отъ Неаполя, на границахъ древней Луканской провинціи.

gotio capit, urbem evertit atque incendit ac complures eorum gladio trucidat... Urbe igitur eversa incensisque vicinis pagis tyrannus non tantum in christianos, sed in Christum etiam insolentia arrogantiaque debacchans Rhegium transmittit atque illinc Κωνσταντίαν (Consentiam). Илія вооружился противъ врага, но не желѣзомъ и лукомъ, а надеждою и мечемъ духовнымъ, и Ибрагимъ, замышлявшій овладѣть Константинополемъ, пораженный молитвою святого, жалко умеръ въ Константіи (§ 49 [1]). — Въ разсказѣ объ экспедиціи африканскаго эмира Ибрагима въ Rhegium, Consentiam и въ Калабрію (по паденіи Тавроменія) согласенъ съ нашимъ агіографомъ и Іоаннъ, діаконъ Неаполитанскій. О гибели Ибрагима въ 901 или 902 г. говоритъ Lupus protospatharius и подтверждаетъ Паджи: сарацинскій царь Abraham прибылъ въ Калабрію и въ г. Consentiam, гдѣ былъ убитъ молніею. Впрочемъ, по другимъ свидѣтельствамъ, Ebraimus, царь африканскій, умеръ въ Сициліи отъ диссентеріи въ пятницу мѣсяца dhilcada 289 гиджры, или, по Каіетану, въ октябрѣ 903 года.

Когда сестра амальфитанскаго префекта захворала тяжелою лихорадкою, братъ ея пригласилъ Илію къ постели больной, и святой даровалъ ей исцѣленіе. Послѣ этого св. старецъ со своимъ ученикомъ ушелъ въ монастырь. Сюда пришла одна знакомая Иліи женщина и жаловалась на отсутствіе ея зятя, который былъ взятъ въ Регійскомъ пораженіи и отведенъ въ Африку: святой обѣщалъ ей возвращеніе ея зятя черезъ 30 дней (§ 50). Плѣнникъ дѣйствительно вернулся. На вопросъ родныхъ, какъ онъ получилъ свободу, Василій сказалъ: когда я находился въ тюрьмѣ и ежедневно ожидалъ казни, вижу я во снѣ въ открытую дверь тюрьмы вошелъ пожилой монахъ, сѣдой, отъ котораго исходилъ свѣтъ, и сказалъ мнѣ: Василій, вставай и иди туда, откуда ты былъ приведенъ; я—монахъ Илія, котораго свекровь твоя in Aulinis (Σαλίναι?) просила творить за тебя молитвы къ Богу; иди въ свое отечество безбоязненно. Это чудо, замѣчаетъ агіографъ, не менѣе того, которое случилось съ прор. Аввакумомъ: пророкъ изъ Іерусалима былъ ведомъ ангеломъ въ Вавилонъ по воздуху, а нашъ Илія въ бытность свою въ Σαλίναι однимъ моленіемъ вернулъ Василія свободнымъ въ Rhegium; сравнится ли съ этимъ Лидійскій бѣгъ (cursus, λύδιον ἅρμα) или аргосскій Пегасъ? (§ 51).

---

1) Qui ad Constantinopolim occupandam animum adjecerat, is Brachimus fortiter dimicans oratione justi viri percussus, Consentiae in Italia misere moritur.

Во время пятимѣсячной засухи жители обратились къ Иліѣ съ просьбою о молитвѣ. Старецъ съ Даніиломъ вошли въ храмъ и молились: дверь небесъ разверзлась и пошелъ дождь (§§ 52, 53). Идя однажды съ учениками Даніиломъ и Саввою, Илія захотѣлъ перейти черезъ р. Σῆκρον (Secrum, Sagram, Sagrianum) и перешелъ не замочивъ ногъ (§ 54); жаждущему ученику даровалъ источникъ воды; просвѣтился такъ, что ученикъ отъ свѣта упалъ на полъ (§ 55). Вскорѣ послѣ того, идя къ Cyriacae castrum, Илія узналъ, что здѣсь умираетъ въ параличѣ и лихорадкѣ пресвитеръ Малахія. Илія далъ ему палку и велѣлъ гулять съ ея помощью; больной выздоровѣлъ (§§ 56, 57).

Упомянутый Михаилъ, одержавшій по милости Иліи блестящую побѣду надъ измаильтянами, былъ сдѣланъ начальникомъ провинціи Калабріи. Въ должности стратига онъ встрѣтился однажды съ нѣкіимъ Περιστερᾶς (?Columbus), безсмысленнымъ, желавшимъ все новаго и новаго человѣкомъ, который мучилъ солдатъ и разрушалъ ихъ дома. Михаилъ схватилъ его, посадилъ въ тюрьму и на другой день хотѣлъ казнить его (§ 58). Илія заступился за Columbus'а и даровалъ ему жизнь. Михаилъ, не хотѣвшій его помиловать, черезъ семь дней захворалъ и погибъ, а Columbus, сидя въ тюрьмѣ, возлагалъ надежду на Бога и на св. Илію (§ 59).

Немного спустя къ Иліѣ въ Σαλῖναι (Aulinae) явился нѣкій изъ такъ называемыхъ мудрецовъ и спрашивалъ его о своемъ обѣтѣ. «Когда ты далъ обѣтъ?» спросилъ святой. — Передъ взятіемъ Rhegium'а, въ присутствіи епископа, а потомъ я былъ уведенъ плѣнникомъ въ Африку. Тогда Илія сказалъ ему: ты забылъ объ обѣтѣ и полюбилъ женщину, солгавъ епископу и Богу (§ 60).

Однажды Илія сказалъ Даніилу: уже наступаетъ день, когда насъ пригласитъ благочестивѣйшій императоръ, какъ это возвѣщено мнѣ свыше. «Ибо греческій императоръ Левъ, слыша, что Илія всѣми признается дивнымъ и творитъ чудеса, пожелалъ видѣть его лично, чтобы отъ святыхъ его молитвъ дошло до царства хоть нѣсколько свѣта: онъ любилъ монаховъ и былъ въ высшей степени склоненъ къ изящнымъ искусствамъ» [1]). Пока святые разсуждали, въ монастырь прибылъ нѣкій придворный Musonius (Μουσώνιος?) съ намѣреніемъ и порученіемъ представить Илію императору съ подобающею почестью. Припавъ къ ногамъ святого, Мусоній передалъ ему письмо отъ импе-

1) ut nonnihil etiam lucis ex sanctis illius precibus ad imperium accederet: erat enim monastici instituti studiosus et ad honestas artes proxime proclivis.

ратора. Илія прочелъ его и спросилъ: что общаго у императора со мною, непотребнымъ и отверженнымъ старикомъ? Но я иду, чтобы освободить отъ смерти Columbus'а. Мусоній, разумѣется, ничего не имѣлъ противъ этого. И вотъ Мусоній и Илія съ Даніиломъ и Columbus'омъ отправились въ столицу. Но дорогою, тайно призвавъ Даніила, Илія открылъ ему, что хотя они и предприняли путь въ столицу, но ни онъ царя, ни царь его не увидитъ (§ 61).

Продолжая путь, путешественники прибыли на о. Эрикусу (Aericusa, Αἰρικοῦσα?), находящійся при самомъ входѣ въ Іонійское море, не далеко отъ границъ Епира.—Существовало два острова Эрикусы: одинъ составлялъ часть группы Эолійскихъ или Липарскихъ острововъ (къ сѣверу отъ Сициліи); другой лежалъ къ сѣверу отъ о. Корквры: про него и идетъ здѣсь рѣчь.—Здѣсь Илія встрѣтился съ упомянутымъ выше Хризіономъ, который засвидѣтельствовалъ передъ старцемъ истину его предсказанія, и предсказалъ ему скорую смерть. Отсюда святой прибылъ въ Навпактъ, гдѣ узналъ, что сирійскій флотъ Сарацинъ, замышлявшій на Константинополь, заполонилъ всѣ моря [1]). Святой пророчески сказалъ: не такъ случится, какъ люди думаютъ, а такъ, какъ Богу угодно: враги не пойдутъ на Византію и не замышляютъ противъ столицы, но среди Геллеспонта откажутся отъ похода, пересѣкутъ Иллирійскій заливъ и опустошатъ Солунь [2]). Услышавъ это, Мусоній оцѣпенѣлъ отъ изумленія. Объ этомъ блаженный Даніилъ много разсказывалъ уже послѣ кончины святого (§ 62).

Кончина Иліи была предуказана свыше какъ Іакову и Моисею. Разставшись съ Навпактомъ, святой поѣхалъ въ Грецію и прибылъ въ мѣсто недалеко отъ Иллирика, гдѣ заболѣлъ. Онъ далъ рекомендательное письмо Колумбу для передачи его императору и, отправивъ своего protégé въ Византію, самъ онъ (съ Даніиломъ) поѣхалъ въ Солунь. Заходить въ послѣдній онъ однако не хотѣлъ, а остановился при входѣ въ храмъ св. Апостоловъ. На слѣдующій день онъ просилъ монаха, настоятеля храма, провести его въ храмъ св. Димитрія. Глубоко вздохнувъ, Илія воскликнулъ: гдѣ ты (ubi gentium es), славнѣйшій мученикъ Христовъ Димитрій? въ коихъ мѣстахъ ты обрѣта-

1) Syriacam Agarenorum classem, quae Constantinopolim cogitabat, omnia maria percurrere.

2) nec illi in Byzantium navigant ejusque eversionem machinantur, sed in medio Hellesponti cursu revertentur et Illyricum sinum percurrentes Thessalonicam invadent ac depopulabuntur. Иллирійскій заливъ это s. Thermaicus.

ешься? говорилъ онъ, приходя къ его гробницѣ. Тогда монахъ, сопровождавшій святого, сталъ злословить его за такія рѣчи. Окончивъ молитву, Илія сказалъ монаху: зачѣмъ обижаешься, любезный брате, будто я злословлю святого? Проводникъ понялъ пророческій даръ Иліи, палъ ему въ ноги и просилъ прощенія (§ 63). Чувствуя слабость, Илія попросилъ себѣ скамейку и легъ на ней. Но такъ какъ это мѣсто было неудобно, онъ перебрался въ мѣстечко «Печи» (Camini, Κάμινοι?). Призвавъ къ себѣ Даніила, святой сказалъ: я вступаю на путь отцовъ моихъ, настало время разлуки между тобою и мною, 80-тилѣтнимъ старикомъ[1]); ты послѣдовалъ моему ученію,—оставайся при немъ; не оставляй здѣсь моего тѣла, ни перевози его въ Константинополь къ императору, хотя онъ и будетъ требовать и доискиваться меня; я далъ тебѣ ранѣе письмо къ царю, чтобы онъ позволилъ послѣ моей кончины перенести тѣло въ свой[2]) монастырь, а столицѣ нѣтъ нужды въ моемъ тѣлѣ; помните обо мнѣ; когда нужно будетъ, пошли письмо къ царю: онъ сдѣлаетъ все, что написано; впрочемъ прощай, Илія уже умираетъ. Обнявъ всѣхъ, святой скончался и положенъ съ отцами своими XVI Kal. Augusti (§ 64). — Хотя это извѣстіе само по себѣ и недостаточно опредѣленно, но въ житіи имѣются и положительныя данныя, при посредствѣ которыхъ можетъ быть болѣе или менѣе точно установленъ годъ смерти Иліи. Болландистъ J. Pien (Pinius), отнесшій рожденіе Іоанна (Иліи) къ 823-му, кончину его пріурочилъ къ 903 году, независимо отъ свидѣтельства житія о восьмидесятилѣтней его жизни. Въ латинскомъ житіи Иліи, написанномъ Бернардиномъ Регинцемъ, встрѣчается нѣсколько неточностей; такъ напр. nostras Илія и родился и умеръ въ Rhegium'ѣ, въ Калабріи, на рукахъ другого Иліи младшаго: ошибка эта была замѣчена уже Каіетаномъ — Бернардинъ ошибочно назвалъ другого Илію младшаго вмѣсто «Даніила». Амари пишетъ, что по житію Илія умеръ 17 августа 903 (въ другомъ мѣстѣ: 904) г., однако въ житіи года не дано. Итальянскій ученый, очевидно, читалъ не латинскій текстъ житія, а только Commentarium praevium Болландистовъ, гдѣ приводится мнѣніе Каіетана. Въ оригинальномъ греческомъ житіи читается: μηνὶ λῴῳ ὅς ἐστιν αὔγουστος, ἑπτὰ καὶ δεκάτῃ. Мѣсяцемъ λῷος у македонянъ и асійцевъ назывался іюль, у другихъ сентябрь,

1) Cum octogenarius sim.

2) Suum, мы ожидали бы: meum, т. е. монастырь мною основанный. Suum говоритъ о томъ, что монастырь салинскій былъ изъ числа царскихъ.

у третьихъ октябрь; и если бы нашъ агіографъ точнѣе не опредѣлилъ этотъ мѣсяцъ λῷος, мы такъ и не знали бы, когда скончался Илія— въ іюлѣ, августѣ, сентябрѣ или октябрѣ. Итакъ святой умеръ въ Солуни 17 августа 903 года, передъ самымъ паденіемъ этого города.

Масса монаховъ и народа собралась на погребеніе почившаго; былъ тутъ и самъ dux со своимъ войскомъ.—По свидѣтельству І. Куропалата, это былъ Левъ Θαρσιλάκιος, который по завоеваніи Солуня былъ взятъ въ плѣнъ. — Весь день и ночь распѣвались похоронные гимны. Тѣло святого было положено въ храмъ муч. Григорія [1]).— Должно быть согласно съ греческимъ: Георгія. — Даніилъ никоимъ образомъ не могъ унести тѣла Иліи въ его монастырь, не смотря на то, что жилъ здѣсь десять мѣсяцевъ. Между тѣмъ нѣкій извѣстный патрикій Варда [2]), узнавъ о чудесахъ святого, прибылъ къ Даніилу и просилъ открыть ему гробъ его. При открытіи обнаружилась нетлѣнность тѣла. Dux лобызалъ мощи и велѣлъ сдѣлать деревянный гробъ, куда и было положено тѣло, одѣтое въ чистѣйшія ризы. Объ этомъ dux безъ вѣдома Даніила увѣдомилъ императора (§ 65). Имп. Левъ, увѣдомленный донесеніемъ dux'а, велѣлъ перенести тѣло Иліи въ столицу. Тогда Даніилъ передалъ патрикію письмо на имя императора, и Варда препроводилъ его въ столицу черезъ почтальона (tabellarius). Левъ Мудрый прочелъ письмо и — поступилъ согласно съ его содержаніемъ. Призвавъ Георгія, родомъ Калабрійца, человѣка дѣятельнаго и знатнаго, жившаго тогда въ Константинополѣ, царь поручилъ эту провинцію его управленію. Георгій прибылъ въ «Печи» (Caminorum, Καμίνων?), взявъ мощи Иліи и, пройдя провинціи имперіи, Амидъ и всю Грецію, прибылъ въ Θеспротъ до Buthrotum'a (въ Епирѣ) [3]). Наконецъ онъ доплылъ до города Rusianorum, откуда на конѣ прибылъ въ castrum Besianum (Castrobesiano? § 66).—Значитъ, Георгій, переплывъ Тарентскій заливъ, высадился въ г. Сибарисѣ (Thusii) [4]), а отсюда сухимъ путемъ прибылъ въ Βεσκία, πόλις τῶν Βεσκιανῶν (въ странѣ Бруттіевъ) [5]).

---

1) in sancti martyris Gregorii templo.

2) Личность однако неопредѣленная. Куропалатъ знаетъ нѣсколькихъ Вардъ.

3) Въ греческомъ: διήρχετο τὰς ἐπαρχίας Ἄμυδον, Θεσσαλίαν, Ἑλλάδα καὶ Θεσπρότην μέχρι Βουθρωτοῦ. Въ латинскомъ: omnes imperii provincias ac Graeciam ipsam peragrabat, Thesprotum atque adeo usque Buthrotum. J. Pica представляетъ здѣсь поправку: varias imperii provincias, или: omnes imperio (jussu) caesaris designatas provincias.

4) Rusianorum, Roscianum, Ruscianum, Ruscia; у Прокопія (Bell. Goth. lib. 3): Ruscia est promontorium Thurinorum.

5) Ср. Περὶ πόλεων Стефана, ed. Berkel, p. 219.

Здѣсь, въ Вескіи, исцѣлился одинъ юноша отъ злого духа. Даніилъ отправился въ Σαλίναι сообщить братьямъ о кончинѣ св. Иліи [1].— J. Pien перевелъ здѣсь неправильно: de sancti corporis translatione fratribus annuntiaturus.—Масса народа вышла in Taurianam (вѣрнѣе Taurianum) и съ великимъ почетомъ встрѣтила нетлѣнное и благоухающее тѣло святого, которое «и нынѣ обильно источаетъ чудеса». Братія монастыря Иліи Новаго, обогащенные такимъ даромъ, усугубили свои иноческіе подвиги (§ 67). Благочестивый царь Левъ щедро одарилъ Иліинъ монастырь, такъ что послѣдній сдѣлался самымъ знаменитымъ изъ всѣхъ итальянскихъ монастырей если не древностью, то славою; онъ сталъ новымъ Кармиломъ и раемъ [2]. Въ заключеніе агіографъ сообщаетъ, что онъ написалъ немногое изъ многаго, что многое еще опущено, чтобы не увеличивать размѣровъ рѣчи; мы, говоритъ онъ, выбрали средину, отмѣтивъ все болѣе достопримѣчательное (§ 68).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Никита-Давидъ Пафлагонянинъ.

Личность Никиты-Давида, какъ автора житія патр. Игнатія, впервые появившаяся передъ ученымъ и церковнымъ міромъ въ 1604 году, вотъ уже въ теченіе трехъ столѣтій служитъ для католическаго міра источникомъ вражды къ православію. Если бы этотъ писатель не такъ строго аттестовалъ патр. Фотія, судьба церковнаго раздѣленія могла бы быть значительно иная.

Но странно, что католическіе ученые, усвоивъ содержаніе житія патр. Игнатія и напавшіе на «схизматарха» со всею страстностью религіознаго изступленія, всего менѣе интересовались личностью Никиты-Давида: былъ бы только предлогъ къ распрѣ, а каковъ онъ— дѣло постороннее. Іезуитъ Радеръ въ XVII в. не могъ еще задаваться

1) ἐκεῖθεν Δανιὴλ προσλαβὼν παραγίνεται ἐν Σαλίναις μηνύσων τὴν ἀνακοίμησιν τοῦ ὁσίου τοῖς ἀδελφοῖς. По латинскому тексту, отправился въ Салины не Даніилъ, а исцѣлившійся юноша.

2) ἥντινα παροικήσας ὁ νέος Ἠλίας ὡς ἄλλος ἐκ νεότητος Κάρμηλον, ἔδειξεν νέον παράδεισον.

вопросомъ о личности агіографа, ибо въ то время подобные вопросы вовсе не ставились, да и свѣдѣній о личности писателя не было почти никакихъ. Но умолчаніе это длилось на пространствѣ всего XVII, XVIII и даже XIX вѣковъ, когда уже стало потребностью критическое отношеніе къ тому или другому автору. Изъ католическихъ фанатиковъ по этому вопросу особенно прославился аббатъ Жаже (Jager), который чернилъ Фотія, не разсмотрѣвъ личности его врага. И, удивительная вещь! даже ученѣйшій кардиналъ Гергенретеръ, посвятившій Фотію три огромныхъ тома, о личности нашего писателя обмолвился лишь въ примѣчаніи на 22 строкахъ [1])!

Но чѣмъ болѣе католики чернили Фотія, тѣмъ болѣе вызывали противниковъ между греками. Въ противовѣсъ первымъ греческіе ученые, напримѣръ Софоклъ Икономъ и въ особенности А. И. Пападопуло-Керамевсъ въ его многочисленныхъ работахъ ударились въ другую крайность, превознося патріарха до небесъ, закрывая глаза на его ошибки и даже (horribile dictu) доказывая, что житіе патр. Игнатія есть только уніатская фальсификація XIII вѣка.

Болѣе безпристрастную оцѣнку знаменитаго писателя надо ожидать не отъ фанатиковъ католиковъ [2]) и не отъ фанатиковъ грековъ, а отъ ученыхъ, не столь задѣтыхъ за живое: отъ русской, лютеранской и англійской науки. Германія и Англія пока еще не разрабатывала этого вопроса, но Россія уже дала нѣсколько работъ въ трудахъ акад. В. Гр. Васильевскаго [3]) и нашихъ [4]).

Прежде нежели касаться Никиты-Давида, необходимо остановиться на довольно распространенномъ византійскомъ терминѣ *ἡ καθ' ἡμᾶς γενεά*. Прежніе изслѣдователи говорили о немъ недостаточно ясно, ибо не восходили къ классической литературѣ, гдѣ онъ имѣетъ опредѣленный и точный смыслъ. Мы первые разгадали его истинное значеніе, найдя что агіографы этимъ терминомъ обозначали довольно опредѣленную дату событія. Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому какъ чело-

---

1) Hergenröther, Photius, I. 356. Anm. 36.

2) Сюда не идутъ въ счетъ болѣе трезвые католическіе изслѣдователи, о. Вл. Гетте, Лапотръ, принцъ Максъ Саксонскій, которые было пошли въ разрѣзъ съ римскою тенденціею, но властное слово римскаго папы запретило ихъ книги, призвавъ ихъ авторовъ къ единенію, а не къ раздѣленію силъ.

3) «Визант. Временникъ», 1899, II, 39 и сл.

4) Житіе св. славнаго Евдокима, отд. оттискъ изъ «Извѣстій Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ», т. XIII. Софія 1908; «Византійскій Временникъ», т. XX, 27 и сл.

вѣческая жизнь у древнихъ римлянъ и грековъ была точно разграничена (по семилѣтіямъ)[1]), она дѣлилась еще и на болѣе крупные періоды-возрасты, поколѣнія, на aetates и γενεαί: человѣческій возрастъ равнялся въ общемъ 30 годамъ. Напр. про 25-лѣтняго юношу говорили, что онъ живетъ въ первомъ возрастѣ, про 40-лѣтняго мужчину, что онъ живетъ во второмъ поколѣніи, про 65-лѣтняго старика, что онъ живетъ уже въ третьемъ человѣческомъ возрастѣ и т. д. Такое понятіе изъ Рима перешло и въ Византію. Византійскіе писатели также говорятъ иногда о нашемъ возрастѣ, о нашемъ поколѣніи [2]). Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ 30-лѣтнее соотвѣтствіе относилось только къ году рожденія лицъ, а не къ году ихъ смерти. Такимъ образомъ общая формула можетъ быть представлена въ несложномъ видѣ:

если А род. въ x г., то В род. въ $x + 30$ году.

Прежніе ученые полагали, что словами πρὸ τῆς καθ' ἡμᾶς γενεᾶς Никита-Давидъ хотѣлъ только сказать, что патр. Игнатій жилъ (то есть умеръ) до времени агіографа[3]), поэтому, хотя личность патріарха и извѣстна въ болѣе или менѣе точныхъ хронологическихъ рамкахъ, время жизни самого агіографа представлялось имъ въ неопредѣленномъ положеніи. Въ самомъ дѣлѣ, что можно было сказать хронологически опредѣленнаго про человѣка, который говоритъ, что патріархъ жилъ до него, или что агіографъ живетъ послѣ этого патріарха?

Зная, что Игнатій родился около 798 г.[4]), мы при посредствѣ приведенной формулы можемъ теперь легко найти, что Никита-Давидъ род. около 828 года.

Сынъ повидимому состоятельныхъ родителей, въ мірѣ Давидъ, во иночествѣ Никита, Никита-Давидъ родился въ Пафлагоніи. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ на родинѣ, причемъ сначала мальчикъ отличался неспособностью, за что подвергался насмѣшкамъ товарищей и побоямъ со стороны учителей [5]). Дарованіе открылось ему какъ-то сразу, и онъ вскорѣ догналъ и перегналъ своихъ соучениковъ.

---

1) Ср. стр. 24.

2) Ср. стр. 152, 177, 188, 267, 318, 329, 398, 467.

3) Hergenröther, Photius, I. 356 Anm. 36: Никита-Давидъ lebte sicher nicht lange nach demselben (патр. Игнатія).

4) Hergenröther, I, 355.

5) V. S. Eudocimi § 1: νυνὶ δὲ λόγοις παιδόθεν ἐκδοθεὶς καὶ παιδευταῖς λόγων ἐγχειρισθείς, καὶ τούτοις μεγάλοις τε καὶ συχνοῖς, καὶ πολλὰ ἐπὶ τῇ ἀσκήσει αὐτῶν πεπονθώς — ἐῶ γὰρ λέγειν, ὡς καὶ πλεῖστά τε καὶ βαρύτατα δι' αὐτοὺς ἀνατλάς.

Для полученія высшаго образованія онъ вскорѣ послѣ 842 г. прибылъ въ Византію и здѣсь слушалъ лекціи въ высшей школѣ при патріархіи: по математикѣ (астрономіи, геометріи, ариѳметикѣ и музыкѣ), логикѣ [1] (діалектикѣ и риторикѣ, совмѣстно съ классическими студіями [2]), наконецъ по философіи и богословію.

По окончаніи здѣсь курса онъ въ 50-хъ годахъ IX столѣтія принялъ иночество подъ именемъ Никиты. Это можетъ значить, что Давидъ былъ постриженъ отъ руки патр. Игнатія, въ мірѣ называвшагося Никитою, или что онъ ревновалъ подвигамъ своего землякасовременника, св. Никиты († 837 г.) [3].

Направленіе литературной дѣятельности этого писателя стояло въ прямой зависимости отъ условій современной ему среды: при благопріятныхъ обстоятельствахъ литературный талантъ его развивался въ хорошую сторону, при неблагопріятныхъ онъ окрашивался злобою и терялъ много въ своей цѣнности. Изъ двухъ теченій одно было тихое, православное, другое бурное и предосудительное.

Никита-Давидъ при вступленіи во иночество избралъ себѣ идеаломъ патр. Игнатія, котораго считалъ образцемъ всѣхъ добродѣтелей и святымъ. Пока патріархъ находился у кормила духовной власти, талантъ Никиты-Давида развивался на пользу церкви. Это былъ первый, положительный періодъ его жизни, его характера, его дѣятельности.

Говорить о литературной дѣятельности Никиты-Давида, это значитъ становиться на зыбкую почву, ибо вопросъ этотъ сопряженъ съ большими трудностями.

Прежде всего объ имени автора. Въ VI в. извѣстенъ византійскій писатель Νικήτας φιλόσοφος ὁ καὶ Δαυίδ μετωνομασθείς, извѣстный своимъ пересказомъ Порфиріева Введенія въ категоріи [4]). Въ IX—X в. одновременно жило двое или даже трое Никитъ Пафлагонянъ, изъ которыхъ двое были даже и философами византійской литературы и оставили свои сочиненія: нашъ писатель, называющій себя то Νικήτας ὁ καὶ Δαυίδ ὁ Παφλαγών, δοῦλος Ἰησοῦ Χρίστου, ὁ φιλόσοφος, то

---

1) παιδεία λογική.

2) τὰ θυραῖα τῶν παιδευμάτων.

3) О немъ см. въ нашемъ «Житіи св. Евдокима». Софія 1908 стр. 16—17.

4) Въ армянскихъ рукописяхъ этого пересказа говорится объ Invictus philosophus David nuncupatus. См. V. Rose. Leben des hl. David von Thessalonike. Berlin 1887. S. VIII. Anm. 1; IX Anm. 1.

ἐπίσκοπος Δαδύβρων, то ἀρχιεπίσκοπος Παφλαγονίας, и Νικήτας ὁ Παφλαγών, ὁ φιλόσοφος. Казалось бы, такое опредѣленіе вполнѣ достаточно для различенія двухъ писателей; но бѣда въ томъ, что рукописное преданіе не всегда вещь надежная: иногда сочиненія несомнѣнно нашего автора надписаны и просто: Νικήτα τοῦ Παφλαγόνος. Безъ всякаго сомнѣнія, сами авторы обозначали себя точно, но копіисты не рѣдко путали, сокращая первое надписаніе и отожествляя такимъ образомъ обоихъ писателей. Но если даже въ X в. возможны были ошибки, то въ позднѣйшее время онѣ могли только увеличиться. Превосходный византинистъ K. von Boor останавливался на личности Никиты и Никиты-Давида Пафлагонянъ и послѣ нѣкотораго колебанія все-таки призналъ, что нашъ писатель долженъ быть отличенъ отъ того Νικήτας ὁ Παφλαγών, который играетъ роль въ «Vita Euthymii». Для отличія этихъ трехъ писателей мы предложили — автора VI в. писать: Никита Давидъ (безъ соединительной черточки), нашего автора: Никита-Давидъ (посредствомъ черточки) и третьяго, его современника: Никита Пафлагонянинъ [1]).

Для полученія каѳедры риторики въ своей alma mater Никита-Давидъ долженъ былъ защитить «диссертацію». При этомъ онъ воспользовался первымъ подходящимъ случаемъ — перенесеніемъ въ столицу мощей каппадокійскаго государственнаго дѣятеля св. Евдокима († 844 г.), подобно тому какъ нѣсколько лѣтъ позже Константинъ солунянинъ защищалъ свою «диссертацію» на степень философа византійской литературы своимъ Словомъ объ обрѣтеніи мощей св. Климента.

Житіе св. Евдокима, прочитанное Никитою-Давидомъ, быть можетъ и дало ему искомый титулъ ритора за болѣе или менѣе удовлетворительное умѣніе риторическаго, достаточно туманнаго, разсужденія и за наличность у автора хорошихъ задатковъ критическаго отношенія къ литературнымъ произведеніямъ; но оно обиловало многими недостатками: слишкомъ ужъ большою туманностью изложенія, недостаточной правильностію рѣчи и ошибками, проистекавшими отъ незнанія напр. топографіи Іерусалима и святынь его родины Пафлагоніи.

Никита-Давидъ увидѣлъ свою слабость въ области риторики, и

---

1) Четвертый омонимъ, св. Никита пафлагонянинъ († 837 г.), какъ не писатель, не нуждается въ особомъ разграниченіи.

вотъ онъ специализировался на литературѣ похвальныхъ словъ святымъ.

Вслѣдъ за риторскою диссертацiею Никита-Давидъ вскорѣ защитилъ философскую, по толкованiю творенiй св. Григорiя Богослова. Но и при ученой степени «философа» онъ на первыхъ порахъ выражался иногда все еще неправильно. Къ этому времени относятся его: похвала ап. Петру, Кирику и Iулиттѣ (обѣ съ надписанiемъ: ритора и философа) и житiе св. Георгiя. Если руководствоваться лишь однимъ надписанiемъ, мы сказали бы, что Никитѣ-Давиду несомнѣнно принадлежатъ еще: слово на Рождество Богородицы, Похвала архистрат. Михаилу и Гаврилу, Евстратiю и дружинѣ и Ѳеодору Стратилату. Но по характеру слога и по общей тенденцiи писателя Никитѣ-Давиду же должны принадлежать сочиненiя и съ надписью «Никиты Пафлагонянина»: похвалы апостоламъ и многимъ другимъ святымъ, а равно одно слово на Воздвиженiе Честнаго Креста. Языкъ его теперь выровнялся, слогъ прiобрѣлъ красоту, эластичность и даже гармонiю, за каковыя достоинства авторъ получилъ прозванiе «Златословеснаго» (χρυσοεπής). Такимъ образомъ въ первомъ перiодѣ своей жизни и дѣятельности Никита-Давидъ жилъ, мыслилъ и писалъ благочестиво, за что былъ почтенъ «блаженнымъ и святымъ» (μακάριος καὶ ἅγιος) [1]).

Но вотъ наступаетъ второй перiодъ въ жизни Никиты-Давида.

Послѣ шестилѣтняго правленiя каѳедрою патр. Игнатiй, за свою строгость къ вопросамъ нравственности и за свою настойчивость въ соблюденiи каноновъ, въ 856 г. былъ незаконно смѣщенъ съ престола, заточенъ и замѣненъ государственнымъ секретаремъ Фотiемъ. Никита-Давидъ былъ уязвленъ въ самое больное мѣсто, въ вѣру и преклоненiе передъ его духовнымъ идеаломъ; онъ затаилъ въ себѣ злобу на правительство и особенно на кесаря Варду, который руководилъ слабою волею своего племянника имп. Михаила III. Однако ненависть монаха къ начальникамъ мiра, по самому существу отношенiй, не могла пустить глубокихъ корней; Никита-Давидъ хотѣлъ борьбы, но не со свѣтскою властью (ибо это означало бы бунтъ монаха), а на канонической почвѣ, съ духовною, въ лицѣ Игнатiева преемника, который де «незаконно похитилъ» престолъ Игнатiя. Правленiе Фотiя продолжалось съ 857 до 867 года, и за этотъ второй перiодъ озлобленный

1) Алляцiй зналъ мало сочиненiй Никиты-Давида; въ 1908 г. мы старались дать полный списокъ его сочиненiй, но и онъ все еще нуждается въ дополненiи. См. наше «Житiе св. Евдокима», стр. 22—30 отд. оттиска.

умъ нашего писателя, направленный въ защиту попранныхъ правъ Игнатія, кипѣлъ местію противъ Фотія [1]).

Когда въ 867 г. имп. Василій I, уступая сильной партіи игнатіянъ, съ цѣлью обезпеченія и утвержденія себѣ престола, пошелъ навстрѣчу римской куріи, низвелъ Фотія и возстановилъ на престолѣ Игнатія, для Никиты-Давида наступило успокоеніе, настала пора мирной литературной дѣятельности, продолжавшейся до самой кончины Игнатія. Этотъ третій, опять положительный, періодъ продолжался съ 867 до 877 г. и въ существѣ дѣла мало чѣмъ отличался отъ перваго періода. Въ благодарность за оказанныя услуги патр. Игнатій рукоположилъ Никиту-Давида въ санъ епископа Дадиврскаго (въ Пафлагоніи).

По смерти Игнатія имп. Василій снова возстановилъ Фотія на престолѣ, и соборъ 879 г. торжественно оправдалъ всѣ дѣла этого патріарха. Никита-Давидъ снова очутился въ тревожномъ положеніи, снова озлобился на этого патріарха и осуществилъ свою месть въ видѣ житія св. патр. Игнатія, въ которомъ забросалъ грязью Фотія.

Судя по заглавію и началу, житіе это безъ всякой задней мысли. Правда, преслѣдованіе въ одномъ сочиненіи двухъ противоположныхъ задачъ было большимъ новшествомъ въ агіографіи, но риторическія руководства, на которыхъ воспитался Никита-Давидъ, давали нѣкоторое основаніе къ такому литературному пріему — восхвалить одного или умалить другого: результатъ, по этимъ руководствамъ, долженъ былъ быть одинъ — благо [2]). Съ точки зрѣнія этого блага и долженъ былъ Никита-Давидъ написать житіе патр. Игнатія. Однако риторическое предписаніе понято было имъ очень произвольно: вѣдь ψόγος, это умаленіе, порицаніе; то-есть рядомъ съ похвалою Игнатія слѣдовало только вообще упомянуть о препятствіи воздвигнутомъ на пути святого, чтобы тѣмъ болѣе оттѣнить его доблесть вѣры и духа. Но Никита-Давидъ подъ ψόγος не задумался подвести всевозможныя сплетни про патр. Фотія даже по смерти Игнатія, то-есть изъ панигириста онъ превратился здѣсь уже въ диффаматора, на что его уже не уполномочивали руководства древнихъ. Отступле-

---

1) Игнатій перенесъ свое дѣло на судъ римскаго папы. Когда послѣдній вызывалъ къ себѣ защитниковъ Игнатія, въ числѣ ихъ значился игуменъ Хрисопольскаго (вѣроятно Филиппикова) монастыря Никита, не нашъ ли Никита-Давидъ?

2) Aphthon. (Rhetores Graeci, ed. Walz, p. II, 2): εἰς πόσα διαιρεῖται τὸ πανηγυριχόν; εἰς δύω· εἰς ἐγχώμιον χαὶ ψόγον, τέλος δὲ αὐτοῦ τὸ χαλόν.

ніе отъ литературнаго образца сдѣлано было авторомъ по необходимости: задѣтый за живое, онъ уклонился отъ классической схемы и вступилъ въ роль пасквилянта. Такимъ произвольнымъ пониманіемъ ψόγος'а нашъ авторъ нарушилъ литературную красоту житія Игнатія и достигъ не τὸ καλὸν, а какъ разъ противоположнаго, τὸ ἀπόκρυφον.

Четвертый, опять отрицательный, періодъ въ жизни Никиты-Давида продолжался съ 878 до 886-го — до низведенія Фотія съ престола, или вѣрнѣе до 897 г., до смерти его въ изгнаніи.

Казалось бы, послѣ 897 г. Никита-Давидъ долженъ былъ такъ или иначе успокоиться отъ треволненій жизни и вернуться къ первому и третьему періоду своей жизни: но нѣтъ, разъ вступивъ на скользкій путь клеветы, нашъ писатель повидимому уже до конца своихъ дней не могъ выйти на правильную дорогу, а продолжалъ все идти по той же наклонной плоскости.

Со вступленіемъ на престолъ имп. Константина Багрянороднаго (въ 911 г.), когда въ Византіи съ особой силою закипѣла литературная дѣятельность по пересказу старой письменности и когда для агіографическихъ трудовъ требовался опытный и извѣстный агіографъ, состоявшая при императорѣ канцелярія указала Константину VII на престарѣлаго Дадиврскаго епископа какъ на лицо, которое могло бы составить житіе св. Іоанна Златоустаго. Заказъ былъ данъ и выполненъ, но какъ? Въ качествѣ современника Игнатія Никита-Давидъ много наклеветалъ на Фотія; въ качествѣ отдаленнаго историка временъ Златоустаго онъ собралъ въ жизни Іоанна много злостныхъ выходокъ и клеветы по его адресу. Это обстоятельство не можетъ быть объяснено ничѣмъ другимъ, какъ только накипѣвшею у него злобою и отсюда пристрастностью, желаніемъ во что бы то ни стало идти въ разрѣзъ съ общепринятыми сужденіями, произвести сенсацію. Сенсацію онъ (напр. въ Фотіевомъ вопросѣ) дѣйствительно и произвелъ, но только цѣною паденія собственнаго таланта. Въ результатѣ работа его, написанная «по царскому порученію [1])», была признана «апокрифическою» [2]), то есть была объ-

---

1) K. Krumbacher. Der hl. Georg. München 1911. S. 183: βίον τοῦ ἁγίου Ἰωάννου ἀπέστειλε Νικήτας ὁ καὶ Δαυὶδ Κωνσταντίνῳ τῷ βασιλεῖ προτραπεὶς παρ' αὐτοῦ συντάξαι.

2) Іоаннъ-Скилица и буквально пересказавшій его Никифоръ Каллистъ Ксанѳопулъ (Migne, P. Gr., CXLVI, 1152): τοῦτο μὲν οὖν ἐν ἀποκρύφῳ ἱστορίᾳ εὑρὼν Νικήτα φιλοσόφου τοῦ καὶ Δαυὶδ καὶ ἄλλων... (ср. L. Allatius въ A. Mai, Patr. nov. bibl. VI, 2 p. 5).

явлена запретною и не заслуживающей довѣрія, и авторъ ея уронилъ свой престижъ среди современниковъ и въ потомствѣ. Свѣтлый образъ Златоустаго не боится тѣни, брошенной на него нашимъ писателемъ, равно какъ и Фотій, обезславленный имъ, перейдетъ въ будущее, если можетъ быть и не совсѣмъ обѣленнымъ отъ нѣкоторыхъ несимпатичныхъ сторонъ его характера, но за то чистымъ въ своемъ православномъ вѣроученіи: онъ не скомпрометтировалъ восточнаго христіанства. Православная церковь, признавъ Фотія святымъ и чудотворцемъ (ср. стр. 471—472), внесла его память въ свои святцы (подъ 6 февраля), — великое доказательство соблюденія имъ церковной истины, но она не дала мѣста для памяти агіолога Никиты-Давида, этого интереснаго, но неудачнѣйшаго изъ агіографовъ византійскаго времени.

I. Указатель именъ личныхъ.

II. Указатель именъ мѣстностей, народностей, ересей и пр.

III. Указатель предметный.

А. Бытъ.

Б. Государственность.

В. Церковь.

Г. Государство въ борьбѣ съ церковью: иконоборчество.

IV. Указатель нѣкоторыхъ словъ.

ΠΑΡΟΡΑΜΑΤΩΝ ΔΙΟΡΘΩΣΕΙΣ ΚΑΙ ΠΡΟΣΘΗΚΑΙ.

3 Псевдоіеронимовъ

9 пр. 1 Ῥάλλη·

11 Къ названнымъ ученымъ необходимо теперь прибавить проф. Д. Шестакова «Изслѣдованія въ области греческихъ народныхъ сказаній о святыхъ». Варшава 1910.

12 пр. 1 «Varia

16 день памяти, когда святой

17 этого понятія, что ὁ ἅγιος — святой

21 пр. 3 Лавсаикъ

22 Въ томъ случаѣ

24 Византійскій, какъ и

24 пр. 2. Изъ одной Генуезской рукописи у меня выписано слѣдующее: Παιδίον λέγεται ἕως οὗ νὰ γένηται ἑπτὰ χρόνων, ἀπὸ δὲ τοῦ ἑβδόμου χρόνου λέγεται παῖς ἕως τῶν δεκατεσσάρων χρόνων, καὶ ἀπὸ τῶν δεκατεσσάρων χρόνων μέχρι τῶν εἰκοσιενὸς λέγεται μειράκιον.

31 пр. 2 И. О. Л. Др. П. Q. L, 221.

32 Послѣ «Іисуса Христа» можно бы указать еще на примѣръ изъ мученичества св. Георгія: ἐτελειώθη μηνὶ ἀπριλίῳ κγ′ βασιλεύοντος τοῦ..... τοῦ Δαδιανοῦ, καθ' ἡμᾶς δὲ βασιλεύοντος τοῦ κυρίου ἡμῶν καὶ θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν (K. Krumbacher, Der hl. Georg. München 1911 S. 137).

44 въ такъ называемой Крѣпости

50 богоборца Льва».—

63 и поклонился честному... 12 драхмъ

76 Іоанникія Виѳинскаго, Евстратія и царицы Ѳеодоры

78 пр. 1 Отрывокъ греческаго текста изданъ также Dr. Abicht и Dr. Schmidt'омъ: Quellennachweise zum cod. Suprasliensis, въ «Arch. f. slavische Philologie», v. V. Jagić, 1896, XVIII, 190—192.

90 βασιλέων;),

96 пр. 1 Вновь переиздана В. В. Латышевымъ: Menologii anonymi byzantini X s. quae supersunt. Petropoli 1911 p. 221—229.

101 пр. 1 Ср. въ службѣ въ четвертокъ пятой недѣли великаго поста (пѣснь 5): «Аще слышала еси, душе окаянная, о бабахъ, убивавшихъ нѣкогда безвозрастное мужеское цѣломудрія дѣяніе: нынѣ, яко великій Моисей, еси премудрость».

105 царскаго секретаря, въ то время когда Георгій пѣлъ на клиросѣ, по окончаніи службы

113 Ѳеодотъ Касситеръ

114 пр. 4 Въ виду того, что корректура греческаго текста велась другими лицами въ Ригѣ (или Константинополѣ), въ ней оказались недосмотры: 4821 τοιαῦτα, 5018 Θεοῦ, 5033 ὁδευέτω καὶ ἐπεκτεινέσθω Θεοῦ συνάρσει τοῖς ἔμπροσθεν, 514 ἀλογωτέρων, 5126 ἑωσφόρου, 5234 εἰκὸς ἐρκμίας, 5410 δ', 5523 ἴσων, 5734 ὀρφαναῖς, 598 λέγειν; — οὕτω γε τέλειος, οὕτω δὲ τίμιος, 6023 ὑποδήμασιν, 6115 βεβούλητο, 6120 'Ηλιοὺ, 6410 ἐν οὐ πάνυ συχναῖς, 686 συντήρει.

119 Разсмотрѣніе житія Стефана Новаго правильнѣе было бы помѣстить въ отдѣлъ Виѳинской агіографіи (стр. 292—293).

122 Σύσκηνος и κοινὸς διδάσκαλος Стефана Новаго, всехвальный Тимоѳей, не разгаданный ни В. Гр. Васильевскимъ, ни нами, нашелъ себѣ полное выясненіе въ изслѣдованіи П. В. Никитина (О житіи Стефана Новаго. Спб. 1912, изъ «Изв. Имп. Акад. Наукъ», 1912). Дѣйствительно, агіографъ разумѣетъ здѣсь апостола Тимоѳея. Но въ виду того, что агіографъ употребилъ при этомъ искусственнѣйшій пріемъ аналогіи, позволительно спросить, не говоритъ ли эта искусственность пріуроченія объ исторической личности учителя Тимоѳея?

122 Афтъартодокитовъ.

126 подгорномъ

128 Въ отношеніи безопасныхъ для вѣры мѣстъ припоминаемъ слова св. Андрея Юродиваго ученику его Епифанію (житіе св. Андрея: Великія Минеи Четіи митр. Макарія, октябрь, 212). — пр. 2 Γοτθίαν.

129 пр. 2 πνεύματος

150 пр. 3 Μίδα вм. Μίδου, по византійскому выраженію (ср. напр. Sophocles Lexicon, praef.).

167 τοῦ ἁγίου Σεργίου

176 совершавшимъ путь»

180 Въ § 51 идетъ рѣчь о легендѣ о затопленіи города.

187 другими ровесниками

196 пр. 2 haud diu post

203 въ новой оцѣнкѣ

218 нѣкій протосикритъ

234 Ѳеодотомъ Касситерою

247 до дня своей

249 проникающая

260 видѣлъ раку

261 Здѣсь имѣется ясный намекъ на то, что имп. Левъ Исавріянинъ назывался Великимъ; въ памяти св. Іоанна Готѳскаго въ Керамевсовомъ Синаксарѣ Великимъ названъ также имп. Константинъ Копронимъ.

344 сборникъ Павла, инока

347 С. П. Розановъ говоритъ, что существовало первоначальное «житіе» св. Никиты, съ бóльшими подробностями, нежели въ эпитафіи Ѳеостирикта, но это не убѣдительно. Преданія и легенды, которыхъ не было у современника и которыя имѣютъ сомнительную историческую цѣнность, обилуютъ уже въ позднѣйшихъ пересказахъ, о чемъ мною было уже говорено (Ж. М. Н. Пр. 1902, іюль, стр. 187 и сл.).

352 Послѣ (§ 28) прибавить: Нѣмецкій ученый K. Schwarzlose (Der Bilderstreit, S. 62) знаетъ этотъ анекдотъ только со слова Кедрина (I, 3 B), но послѣдній заимствовалъ его изъ настоящаго житія, первоисточника, оставшагося ученому неизвѣстнымъ.

387 ревность дома твоего

390 «Луга» Іоанна

406 (ср. стр. 17—18)

410 златоструйной

417 пр. 2 συγγραψάμενος

435 въ Катанѣ
438 но вѣдь онъ
449 его со мною»,
450 пр. 1 αὐτόπτης — Καριουπόλει
482 керку.
501 prudentia
506 записалъ день

Цѣна 5 рублей